

А. АВЕРЧЕНКО • А. БУХОВ
И. ГУРЕВИЧ • Г. ЛАНДАУ
ТЭФФИ

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Около трехсот иллюстраций к сборникам:
«Экспедиция в Западную Европу»
«Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“»
«Осиновый кол на могилу зеленого змия»
«Теплая компания. С кем мы воюем»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аркадий Тимофеевич Аверченко
(1880–1925)

А. АВЕРЧЕНКО • В. АЗОВ • А. БУХОВ
И. ГУРЕВИЧ • Г. ЛАНДАУ • И. ОРШЕР
А. РОСЛАВЛЕВ • ТЭФФИ

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

*Произведения Аркадия Аверченко,
написанные совместно с сотрудниками журнала
«Сатирикон»*

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(2Рос-Рус)1
УДК 821.161.1
А19

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmeo с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшенирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

*Текст воспроизводится по публикациям журнала
«Сатирикон» и «Новый Сатирикон», 1908–1915 гг.*

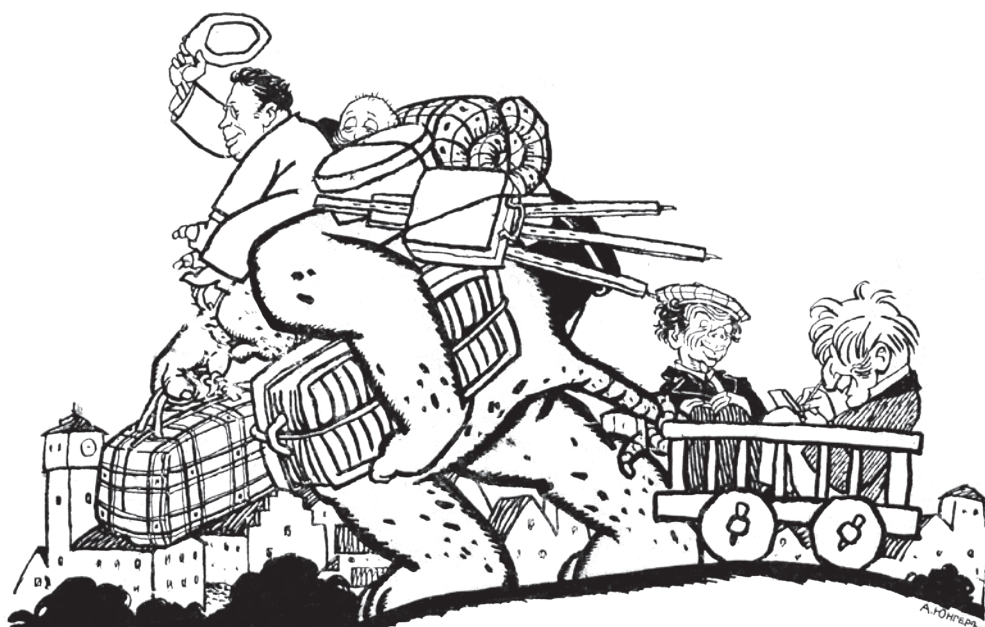
А19 Аверченко А. Т. Экспедиция в Западную Европу — СПб.: СЗКЭО, 2022. — 472 с., ил.

Издание знакомит с произведениями А. Т. Аверченко, которые были написаны им в сотрудничестве с Тэффи, Буховым, Гуревичем и другими известными юмористами начала XX в. Книга включает четыре обширных сборника: «Экспедиция в Западную Европу», «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“», «Осиновый кол на могилу Зеленого змия» и «Теплая компания. С кем мы воюем». Всего в книге более двухсот пятидесяти рассказов и очерков. Иллюстрируют издание рисунки сотрудников журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон»: Ре-Ми (Н. В. Ремизова), А. А. Радакова, Н. Э Радлова, А. Е. Яковлева.

ISBN 978-5-9603-0662-1 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-0663-8 (Кожаный переплет)

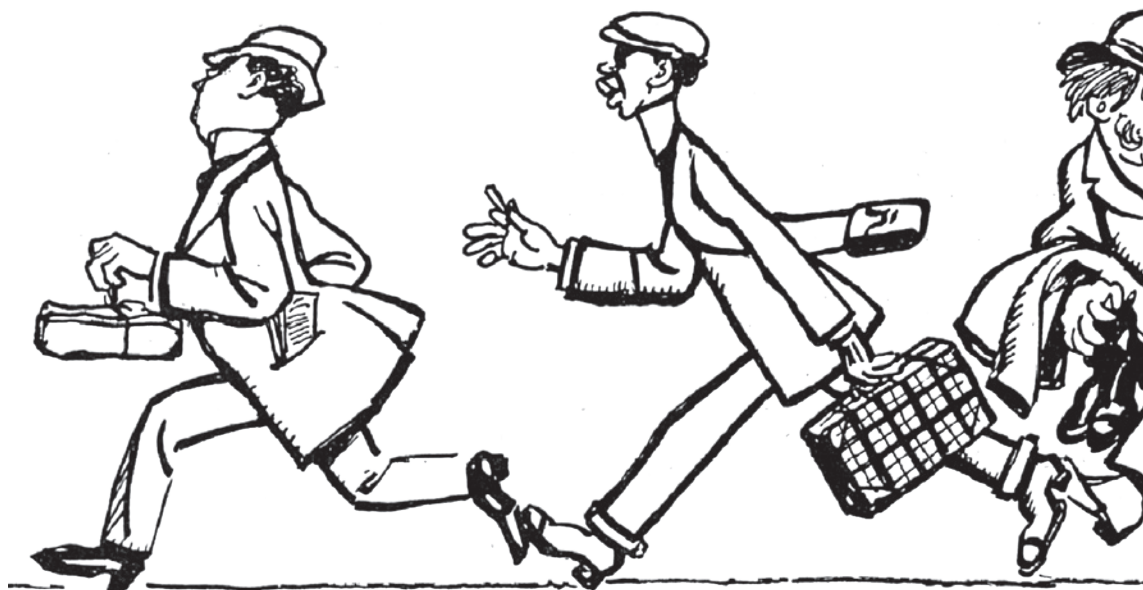
© СЗКЭО, 2022

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

САТИРИКОНЦЕВ
ЮЖАКИНА, САНДЕРСА
МИФАСОВА И КРЫСАКОВА

ТЕКСТ
АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО
И
ГЕОРГИЯ ЛАНДАУ
РИСУНКИ
А. РАДАКОВА И РЕ-МИ

I. ВВЕДЕНИЕ

*О пользе путешествий. — Кто такой Крысаков. —
Душевные и телесные свойства Мифасова. — Кое-что о Сандерсе. —
Я. — Наш слуга Митя*

Как часто случалось нам останавливаться в восторге и восхищении, с раскрытым сердцем перед чудесами природы, созданной всемогущими руками Творца!

Некоторые восторженные простоватые натуры раскрывают даже при этом рот, и на закрытие его соглашаются только при усиленных уговорах или после применения физического насилия.

Спрашивается: каким же образом можем мы получать наслаждение от созерцания природы во всем ее буйном размахе и многообразии?

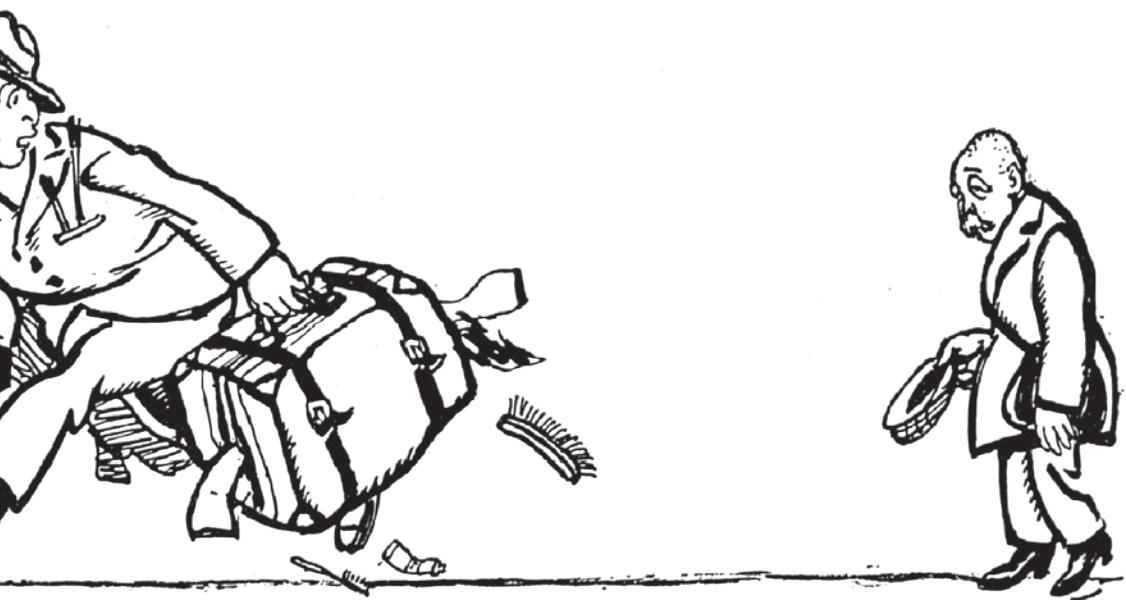
Ответ один: путешествуя.

Да! Путешествие — очень полезное препровождение времени. Оно расширяет кругозор и облагораживает человека... Один мой приятель, живя безвыездно в России, приводил всех в ужас огрубением своего нрава: он беспрестанно и виртуозно ругался самыми отчаянными словами, не подозревая, что существует кроме брани и обыкновенный разговорный язык.

Однажды поехал он за границу. Объездил Германию, Францию, Италию и Испанию. Вернулся... и что же! После возвращения этот человек стал ругаться и поносить встречных не только по-русски, но и на немецком, французском, итальянском и испанском языках.

Такое поведение вызвало всеобщее изумление, и дела его поправились.

Даже небольшие путешествия облагораживают и развивают человека. Это можно видеть на примере обыкновенных учеников. Ежедневные краткие их

путешествия в училище делают из них образованных людей, которые никогда не заблудятся в лесу, несмотря на то что главная его составная часть — буква «Ъ».¹

А открытие Америки? Была ли бы она открыта, если бы Колумб не путешествовал? Конечно, нет. А неоткрытие Америки вызвало бы экономические неурядицы. Европейские герцоги и принцы, не встречая богатых американок, впадали бы в бедность и умирали, а американки, не подозревая о существовании материка, битком набитого гербами, титулами и высокопоставленными их носителями — быстро разбогатели бы до того, что денег девать было некуда, ценность их упала, и экономический кризис, этот бич народов, обрушился бы от одного океана до другого на этот замечательный материк.

А что может быть прекраснее путешествия в тропическую страну, например Африку? Я читал об одном англичанине, который задумал исследовать берега таинственной Танганайки; он взял с собой палатку, носильщиков, верблюдов и чемоданы. На берегу таинственной Танганайки он наткнулся на такое прожорливое племя, что оно съело, помимо англичанина, верблюдов и носильщиков, — даже чемоданы и съедобные части палатки.

Даже в этом трагическом случае можно наблюдать пользу и культурное значение путешествий: невежественные дикари приняли чрезвычайно цивилизованный вид, украсив уши своих жен коробками из-под консервов, а королю нахлобучив на голову, вместо короны, керосиновую кухню.

Это пустяк, конечно. Но это — первый шаг в обширную область культуры.

¹ Здесь игра слов, основанная на старом написании слова «лес» — через букву «ять». Эта буква, совпадавшая по звуку с «е», была упразднена послереволюционной орфографической реформой.

Я мог бы еще сотнями примеров доказать пользу и значение путешествий, но не хочу ломиться в открытую дверь. Это только гимназисты в классных сочинениях на тему «о пользе путешествий» измышляют, как бы поосновательнее доказать, что дважды два — четыре.

II

Четверо нас (кроме слуги Мити) единогласно решили совершить путешествие в Западную Европу. Цели и стремления у нас были разные: кое-кто хотел просто «расширить кругозор», кое-кто мечтал по возвращении «принести пользу дорогой России», у одного явилось скромное желание «просто поболтаться», а слуге Мите рисовалась единственная заманчивая перспектива, между нами говоря, довольно убогая: утереть, по возвращении, своим коллегам нос.

В этом месте я считаю необходимым сказать несколько слов о каждом из четырех участников экспедиции, потому что читателю впоследствии придется неоднократно сталкиваться на страницах этой книги со всеми четверьмя, не считая слуги Мити.

Крысаков (псевдоним).¹ Его всецело можно причислить к категории «оптовых» людей, если существует такая категория. Он много ест, много спит, еще больше работает, а еще больше лентяйничает, хохочет без умолку, в глубине сердца чрезвычайно деликатен, но на ногу наступить себе не позволит. При необходимости полезет в драку или в огонь, без необходимости — проваляется на диване неделю, читая какую-нибудь «Эволюцию эстетики» или «Собрание светских анекдотов на предмет веселья». Иногда не прочь, ради курь-

Крысаков
(фотоэтиюд по рисунку Мифасова)

еза, соврать, но, уличенный, не спорит, а вместо этого бросается на учителя и начинает его щекотать и тормошить, заискивающе хихикая. В жизни неприспособлен. Спокойно доливает поданную чашку кофе — пивом, размешивает его с сахаром, а если тут же стоит молоко, то и молоко переливается в чашку. Пепел, упавший случайно в эту бурду, размешивается ложечкой для того, «чтобы не было заметно». Любит задавать официантам нелепые, бессмысленные вопросы. Раздеваясь у ресторанной вешалки, обязательно осведомится: приходил ли Жюль Верн? И чрезвычайно счастлив, если получит ответ:

— Полчаса, как ушли.

Беззаботность и лень его иногда доходят до героизма. Когда мы выехали из России, то, начиная от Берлина, у него постепенно стали отваливаться пуговицы от всех частей одежды. Постепенно же он заменял их булавками, иголками и главным обра-

¹ Крысаков — псевдоним Алексея Александровича Радакова.

Идите, а я посижу...

(Этот набросок ясно рисует интимную жизнь людей, не побоявшихся трудной экспедиции)

зом замысловатой комбинацией из спичек и проволоки от лимонадных бутылок. Чтобы панталоны его сидели как следует, ему приходилось надменно выпячивать вперед живот и беспрестанно, с кажущейся беззаботностью, засовывать руки в карманы.

Положение его ухудшалось с каждым днем. Хотя еще стояла прекрасная весна, но крысаковские пуговицы, вероятно, совершенно созрели, потому что падали сами собою, без посторонней помощи.

В Венеции наступил крах. Когда мы собрались идти обедать в какое-то «Капелла Неро», Крысаков сел в своем номере на кровать и тоскливо сказал:

— Идите, а я посижу.

— Что ты, крысенок, — участливо спросил я, — болен?

— Нет.

— Тебя кто-нибудь обидел?

— Нет.

- А что же?
- У меня не осталось ни одной...
- Лиры?
- Пуговицы.
- Купи другой костюм.
- Да у меня есть костюм.
- Где же он?
- В чемодане.
- Так чего ж ты, чудака, грустишь? Достань его, переоденься и пойдем.
- Не могу. Потерял ключ.
- Взломай!
- Попробуйте! Он из крокодиловой кожи.

Мифасов радуется

Из угла вытащили огромный, чудовищно распухший чемодан и с озверением набросились на него. Схватили сначала за ручки — отлетели. Схватили за ремни — ремни лопнули.

— Раскрывайте ему челюсти, — хлопотливо советовал художник Мифасов, лежа на постели. — Засуньте ему палку в пасть.

После получасовой борьбы чудовище сдалось. Замок застонал, крикнул, крышки разжались, и душа его полетела к небу.

Первое, что лежало на самом верху — было зимнее пальто, под ним галоши, ящик из-под красок и шелковый цилиндр, доверху наполненный мелом, зубным порошком и зубными щетками.

— Вот они! — сказал радостно Крысаков. — А я их с самого Вержболова искал. А это что? Ваза для кистей... Зачем же я, черт возьми, взял вазу для кистей?

— Лучше бы ты, — сказал Сандерс, — взял стеклянный футляр для каминных часов или стенную полку для книг.

— Братцы! — восторженно сказал Крысаков, вынимая какую-то часть туалета. — Пуговиц, пуговиц-то сколько!.. Прямо в глазах рябит...

Он переоделся и, схватив свой чемодан, похожий на животное с распоротым брюхом, из которого вывалились внутренности, оттащил его в угол.

— Жалко его, — растроганно сказал он, выпрямляясь, — я так люблю животных...

— Что это у тебя сейчас упало?

— Ах, черт возьми! Пуговица.

Так он и ездил с нами — веселый, неприхотливый, пускавшийся иногда среди шумных бульваров в пляс, любующийся на красоту мира и таскавший за обры-

вок ручки свой ужасный полураскрытый чемодан, из которого изредка вываливался то тюбик краски, то ботинок, то фаянсовая пепельница, то рукав сорочки, радостно подпрыгивавший на неровностях тротуара.

Второй член нашей экспедиции — Мифасов (псевдоним)¹ был молодцом совсем другого склада. Я не встречал человека рассудительнее, осмотнительнее и осведомленнее его. Этот юноша все видел, все знает — ни природа, ни техника не являются для него книгой тайн. Ему 25 лет, но по спокойному достоинству его манер и мудрости суждений — ему можно дать 50. По внешности и костюму он — полная противоположность бедняге Крысакову. Все у него зашито, прилажено, манжеты аккуратно высовываются из рукавов, не прячась внутрь и не вылезая за четверть аршина, воротничок рассудительно подпирает щеки, и шея подвязана настоящим галстуком, а не подкладкой от рукава старого сюртука (излюбленная манера Крысакова одеваться шикарно).

Осведомленность Мифасова приводила нас в изумление.

Уже спустя несколько часов после отъезда из Петрограда этот энциклопедический словарь, эта справочная машина заработала.

— Мы будем проезжать через Вильно? — спросил Крысаков.

— Что вы! — поднял плечи Мифасов. — Где наша дорога, а где Вильно. Совсем противоположная сторона. Неужели вы даже этого не знаете?

В глазах его светилась ласковая укоризна. Мы проезжали через Вильно.

— Мифасов! — сказал я, наклоняясь к нему (он лежа читал книгу). — Ты говорил, что Вильно в стороне, а между тем мы его сейчас проехали.

Он скользнул по мне взглядом, сомкнул глаза и захрапел.

Перед Нюрнбергом он долго и подробно рассказывал о красоте замка Барбароссы и потом, по нашей просьбе, сообщил старинное предание о знаменитом тысячетлетнем дубе, посаженном во дворе замка графиней Брунгильдой. Притихшие, очарованные, слушали мы прекрасную легенду о Брунгильде.

В одном только Мифасов, рассказывая это, оказался прав — он действительно рассказывал легенду: потому что дерево, как выяснилось, посадила не Брунгильда, а Кунигунда — и не дуб, а липу, которая, по сравнению с тысячетлетним дубом, была сушей девчонкой.

По этому поводу Мифасов саркастически заметил:

— Нам не нужно было ехать через Вильно. Тогда бы все оказалось в порядке.

Свободное время Мифасов распределял аккуратно на две половины. Первая — безжалостно ухлопывалась на чистку ногтей, вторая — на боязнь заболеть. Между нами была та разница, что мы любили жизнь, а осторожный Мифасов боялся смерти. Каждое утро он брал зеркало, засматривал себе в горло, ощупывал тело и с сомнением качал головой.

— Что? — спрашивал его порывистый Крысаков. — Еще нет чахотки? Сибирская язва привилась? Дифтерит разыгрывается?

— Не овайте упосей, — невнятно бормотал Мифасов, ощупывая язык.

— Что?

— Я говорю: не говорите глупостей!

¹ Мифасов — псевдоним Николая Владимировича Ремизова. Он же Ре-Ми, один из иллюстраторов данного издания.

— Смотрите на меня! — восторженно кричал Крысаков, вертясь перед своим другом. — Вот я становлюсь в позу, и вы можете дотронуться до любой части моего тела, а я вам буду говорить.

— Что?

— Увидите!

Мифасов деликатно дотрагивался до его груди.

— Плеврит!

Дотрагивался Мифасов до живота.

— Аппендицит!

До рук.

— Подагра!

До носа.

— Полипы!

До горла.

— Катар горла!

Мифасов пожимал плечами:

— И вы думаете, это хорошо?

Мы бессовестно эксплуатировали осторожного Мифасова во время завтраков или обедов.

Если кровати были особенно аппетитны и Мифасов протягивал к ним руку, Крысаков рассеянно, вскользь говорил:

— Безобидная ведь штука на вид, а какая опасная! Кроватки, говорят, самый энергичный распространитель тифа.

— Ну? Почему же вы мне раньше не сказали; я уже 2 штуки съел.

— Ну, две-то не опасно, — подхватывал я успокоительно. — Вот три, четыре — это уже риск.

Подавали фрукты.

— Холера нынче гуляет — ужас! — сообщал таинственно Крысаков, набивая рот сливами. — Как они рискуют сейчас подавать фрукты?!

— Да, пожалуй, еще и немые, — говорил я с отвращением, захватывая последнюю охапку вишен. Оставалась пара абрикос.

— Мифасов, кушайте абрикосы. Вы ведь не из трусливого десятка. Правда, по статистике, абрикосы — наиболее питательная почва для вибрионов...

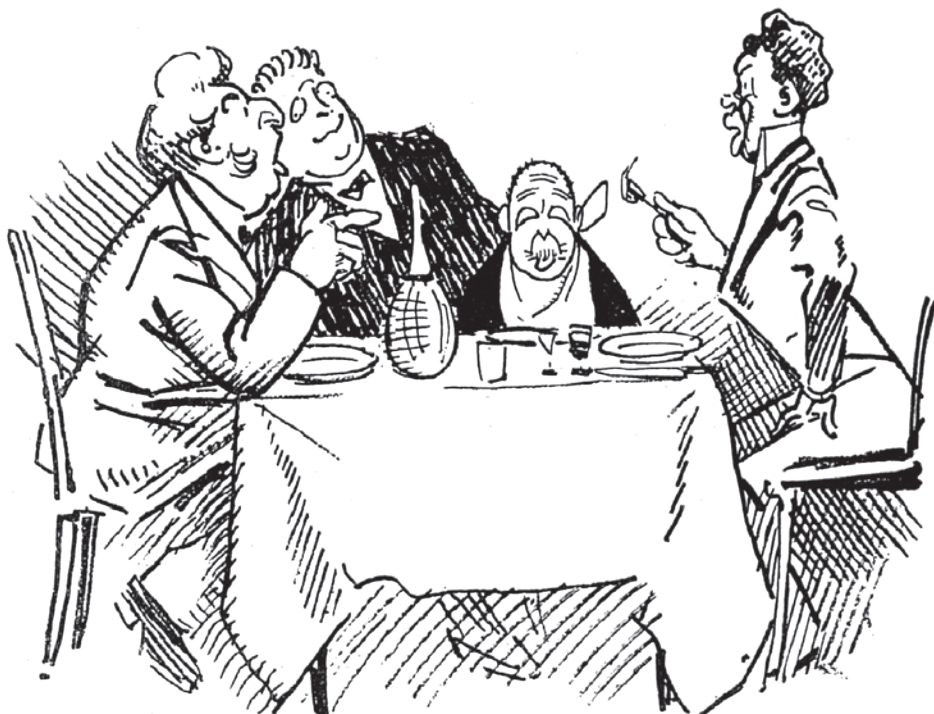
— Я не боюсь! — возражал Мифасов. — Только мне не хочется.

— Почему же? Скушайте. Вот ликеров — этого не пейте. От них бывают почечные камни...

В чем Мифасов — в противоположность своей обычной осторожности — был безумно смел, расточителен и стремителен — это в
.....
..... (Цензуровано Мифасовым) это был прекраснейший человек и галантный мужчина.

В наших скитаниях за границей он восхищал всех иностранцев своим своеобразным шиком в разговоре на чужом языке и чистотой произношения.

Правда, багаж слов у него был так невелик, что свободно мог поместиться в узелке на одном из углов носового платка. Но эти немногие слова произносились им так, что мы зеленели от зависти.

Подавали фрукты

Этот человек сразу умел ориентироваться во всякой стране.

В Германии, входя в ресторан, он первым делом оглядывался и очертя голову бросал эффектное «Кельнер!», в Италии: «Камерьере!» и во Франции: «Гарсон!».

Когда же перечисленные люди подбегали к нему и спрашивали, чего желает герр, сеньор или мсье — он бледнел, как спирт, неосторожно вызвавший страшного духа, и начинал вертеть руками и чертить воздух пальцами, графически изображая тарелку, вилку, курицу или рыбу, пылающую на огне.

Сжалившись над несчастным, мы сейчас же устраивали ему своего рода подписку, собирали с каждого по десятку слов и подносили ему фразу, которую он тотчас же и тратил на свои надобности.

Третьим в нашей компании был Сандерс (псевдоним)¹ — человек, у которого хватило энергии только на то, чтобы родиться, и совершенно ее не хватало, чтобы продолжать жить. Его нельзя было назвать ленивым, как Мифасова или меня, как нельзя назвать ленивыми часы, которые идут, но в то же время регулярно отстают каждый час на двадцать минут.

Я полагаю, что хотя ему в действительности и 26 лет, но он тянул эти годы лет сорок, потому что так нудно влачиться по жизненной дороге можно, только отставая на двадцать минут в час.

От слова до слова он делал промежутки, в которые мы успевали поговорить друг с другом а рагт, а между двумя фразами мы отыскивали номер в гостинице, умыва-

¹ Сандерс — под этим именем выведен Георгий Александрович Ландау.

Сандерс

лись и, приведя себя в порядок, спустились к обеду.

Плетясь сзади за нами, он задерживал всю процессию, потому что, подняв для шага ногу, погружался в раздумье: стоит ли вообще ставить ее на тротуар? И только убедившись, что это неизбежно, со вздохом опускал ногу; в это время ее подруга уже висела в воздухе, слабо колеблясь от весеннего ветерка и вызывая у обладателя тяжелое сомнение: хорошо ли будет, если и эта нога опустится на тротуар?

Кто бывал в Париже, тот знает, что такое — движение толпы на главных бульварах. Это — вихрь, стремительный водопад, воды которого бурно несутся по ущелью, составленному из двух рядов громадных домов, несутся, чтобы потом раз-

литься в речки, ручейки и озера на более второстепенных улицах, переулках и площадях.

И вот, если бы кто-нибудь хотел найти в этом бешеном потоке Сандерса — ему было бы очень легко это сделать: стоило только влезть на любую крышу и посмотреть вниз... Потому что среди бешеного потока людей маячила только одна неподвижная точка — голова задумавшегося Сандерса, подобно торчащему из воды камню, вокруг которого еще больше бурлит и пенится сердитая стремнина.

Однажды я сказал ему с упреком:

— Знаете что? Вы даже ходите и работаете из-за лени.

— Как?

— Потому что вам лень лежать. Он задумчиво возразил:

— Это пара...

Я побежал к себе в номер, взял папиросу и, вернувшись, заметил, что не опоздал:

— ...докс, — закончил он.

Сандерс человек небольшого роста, с сонными голубыми глазами и такими большими усами, что Крысаков однажды сказал:

— Вы знаете, когда Сандерс разговаривает, когда он цедит свои словечки, то часть их застревает у него в усах, а ночью, когда Сандерс спит, эти слова постепенно выби-
раются из чащи и вылетают. Когда я спал с ним в одной комнате, мне часто приходи-
лось наблюдать, как вылетают эти застрявшие в усах слова,

Сандерс промямлил:

— Я брежу. Очень про...

— Ну, ладно, ладно... сто? Да? Вы хотели сказать: «просто»? После договори-
те. Пойдем.

При его медлительности у него есть одна чрезвычайная страсть: спорить.

Для того, чтобы доказать свою правоту в споре на тему, что от царь-колокола до царь-пушки не триста, а восемьсот шагов, он способен взять свой чемоданчик, уло-
житься и, ни слова никому не говоря, поехать в Москву. Если он вернется ночью, то,

не смущаясь этим, пойдет к давно забывшему этот спор оппоненту, разбудит его и торжественно сообщит:

— А что? Кто был прав?

Таков Сандерс. Забыл сказать: его большие голубые глаза прикрываются громадными веками, которые непоседливый Крысаков называет шторами:

— Ну, господа! Нечего ему дрыхнуть! Давайте подыдем ему шторы — пусть посмотрит в окошечки. Интересно, где у него шнурочек от этих штор. Вероятно, в ухе. За ухо дернешь — шторы и взвоятся кверху.

Крысаков очень дружен с Сандерсом. Иногда остановит посреди улицы задумчивого Сандерса, снимет ему котелок и, не стесняясь прохожих, благоговейно поцелует в начинающее лысеть темя.

— Зачем? — хладнокровно осведомится Сандерс.

— Инженер вы. Люблю я чивой-то инженеров... Четвертый из нашей шумливой, громоздкой компании — я.¹

Из всех четырех лучший характер у меня. Я не так бесшабашен, как Крысаков, не особенно рассудителен и сух, чем иногда грешит Мифасов; делаю все быстро, энергично, выгодно отличаясь этим свойством от Сандерса. При всем том, при наших спорах и столкновениях — в словах моих столько логики, а в голосе столько убедительности, что всякий сразу чувствует, какой он жалкий, негодный, бесталанный дурак, ввязавшись со мной в спор.

Я не теряю пуговицы, как Крысаков, не даю авторитетных справок о Кунигунде и ее дубе, не еду в Москву из-за всякого пустяка... Но при случае буду веселиться и плясать, как Крысаков, буду в обращении обворожителен, как Мифасов, буду методичен и аккуратен, как Сандерс.

Я не писал бы о себе всего этого, если бы все это не было единогласно признано моими друзьями и знакомыми.

Даже мать моя — и та говорит, что никогда она не встречала человека лучше меня...

Будет справедливым, если я скажу несколько слов и о слуге Мите — этом замечательном слуге.

Мите уже девятнадцать лет, но он до сих пор не может управлять как следует своими телодвижениями.

Обыкновенная походка его напоминает грохот обвалившегося шкапа со стеклянной посудой. Желая пошевелить руками, он приводит их в такое бешеное дви-

Ю. Якин

¹ Под псевдонимом «Южакин» выведен сам Аркадий Тимофеевич Аверченко.

жение, что оно грозит опасностью прежде всего самому Мите. Рассчитывая перешагнуть одну ступеньку лестницы, он, неожиданно для себя, взлетает на самый верх площадки; однажды при мне он, желая чинно поклониться знакомому, так мотнул головой, что зубы его лязгнули и шапка сама слетела, описав эффектный полукруг. Митя бросился к шапке таким стремительным прыжком, что перескочил через нее, обернулся, опять бросился на нее, перескочил, и только в третий раз она далась ему в руки. Вероятно, если человека заставить носить до двадцати лет свинцовые башмаки, а потом снять их, — он также будет перехватывать в своих телодвижениях и прыжках.

Почему это происходит с Митей — неизвестно.

О своей наружности он мнения очень определенного. Стоит ему только увидеть какое-нибудь зеркало, как он подходит к нему и на несколько минут застывает в немом восхищении. Его неприхотливая натура выносит даже созерцание самого себя в крышку от коробки с ваксой или в донышко подстаканника. Он кивает себе дружески головой, подмигивает, и рот его распускается в такую широчайшую улыбку, что углы губ сходятся где-то на затылке.

У Крысакова и у меня установилась такая система обращения с ним: при встрече — обязательно выбрать, упрекнуть или распечь неизвестно за что.

Качества этой системы строго проверены, потому что Митя всегда в чем-нибудь виноват.

Иногда, еще будучи у себя в кабинете, я слышу приближающийся стук, грохот и топот. Вваливается Митя, зацепившись одним дюжим плечом за дверь, другим за шкаф.

Он не попадался мне на глаза дня три, и я не знаю за ним никакой вины; тем не менее подымаю глаза и строго говорю:

— Ты что же это, а? Ты смотри у меня!

— Извините, Аркадий Тимофеевич.

— «Извините»... я тебя так извиню, что ты своих не узнаешь. Я не допущу этого безобразия!!! Я научу тебя! Молодой мальчишка, а ведет себя черт знает как! Если еще один раз я узнаю...

— Больше не буду! Я немножко.

— Что немножко?

— Да выпил тут с Егором. И откуда вы все узнаете?

— Я, братец, все знаю. Ты у меня узнаешь, как пьянствовать! От меня, брат, не скроешься.

У Крысакова манера обращения с Митей еще более простая. Встретив его в передней, он сердито кричит одно слово:

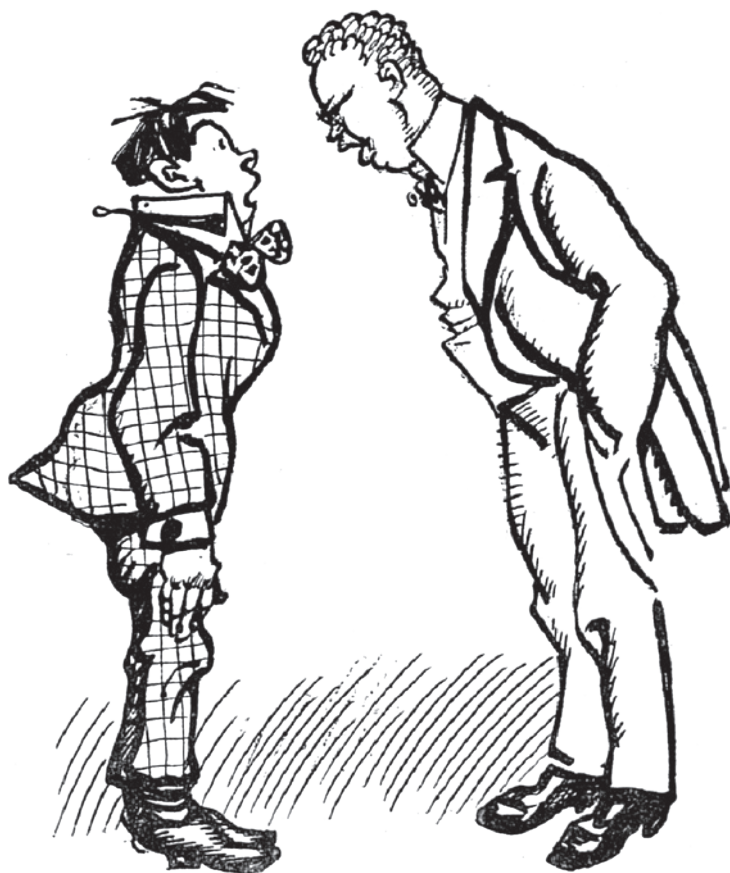
— Опять?!!

— Простите, Алексей Александрович, не буду больше. Мы ведь не на деньги играли, а на спички.

— Я тебе покажу спички! Ишь ты, картежник выискался.

Митя никогда не оставляет своего хозяина в затруднении: на всякий самый необоснованный окрик и угрозу — он сейчас же подставляет готовую вину.

Кроме карт и вина, слабость Мити — женщины. Если не ошибаюсь, система ухаживать у него пассивная — он начинает хныкать, стонать и плакать, пока терпение его возлюбленной не лопнет, и она не подарит его своей благосклонностью.

— Ты что же это, а? Ты смотри у меня!

Однажды желание отличиться перед любимой женщиной толкнуло его на рискованный шаг.

Он явился ко мне в кабинет, положил на стол какую-то бумажку и сказал:

— Стихи принесли.

— Кто принес?

— Молодой человек.

— Какой он собою?

— Красивый такой блондин, высокий... Говорит, «очень хорошие стихи»!

— Ладно, — согласился я, разворачивая стихи. — Ему лучше знать. Посмотрим.

Вы, Лукерья Николаевна
Выглядите очень славно.
Ваши щеки, как малина,
Я люблю вас, очень сильно —
Вот стихи на память вам,
Досвиданица, мадам.

Пятый день сборов. Мы уже начинаем смутно ненавидеть Европу, но, вспоминая наших подписчиков, не ропщем и страдаем молча. Особенно обратите внимание на Сандерса

— Когда он придет еще раз, скажи ему, Митя: «досвиданьяца, мадам». Ступай. На другой день, войдя в переднюю, я увидел Митю.

Машинально я закричал сердито обычное:

— Ты что же это, а? Как ты смел?

— Что, Аркадий Тимофеевич?

— «Что»?! Будто не знаешь?!

— Больше не буду. Я думал, может, сгодятся для журнала. Я еще одно написал и больше не буду.

— Что написал?

— Да одни еще стишки.

И широкая виноватая улыбка перерезала его лицо на две половины.

Когда мы объявили ему, что он едет с нами за границу — радости его не было пределов.

— Только вот что, — серьезно сказал Крысаков. — Отвечай мне... Ты наш слуга?

— Слуга.

— И должен исполнять все то, что тебе прикажут?

— Да-с.

— Так вот — я приказываю тебе изучить до отъезда немецкий язык. Через неделю мы едем. Ступай!

Сейчас же Крысаков и забыл об этом распоряжении.

Но Митя за день перед отъездом явился к нам и сказал:

- Готово.
- Что готово?
- Немецкий язык.
- Какой?
- Коммензи мейн либер фрейлен, их либези, данке, зицен-зи, гиб мир эйн кусс.
- Все?
- Все.
- Проваливай.

Думал ли Митя, что за границей его постигнет такая страшная, никем не предугаданная судьба.

III

*Краткое описание Европы. — Статистические данные. — Флора. — Фауна. —
Климат. — Мои беседы с путешественниками*

Начиная описание нашего путешествия, я полагаю, будет нелишне дать краткий обзор места наших будущих подвигов...

Европа лежит между 36-й и 71-й параллелями Северного полушария. Мы собственными глазами видели это.

Берега Европы омывают два океана сразу: Северный Ледовитый и Атлантический. Не знаю, как омывает Европу Ледовитый океан, но Атлантический — особой тщательностью в возложенной на него работе не отличается — грязи на берегу сколько угодно.

Относительно общей фигуры Европы во всех учебниках географии говорится одно и то же:

«Фигура Европы не представляет никакой правильности... Но если срезать три самых больших полуострова — Скандинавию, Бретань и Ютландию, то окажется, что форма материка — прямоугольный треугольник».

Это очень наглядно. Можно то же сказать при описании фигуры жирафы: «если срезать у нее шею и ноги, то получится обыкновенный прямоугольный треугольник».

Конечно, если вздорное самолюбие европейцев завлечет их так далеко, что из желания жить в прямоугольном треугольнике, они отрежут от материка упомянутые полуострова — я готов признать на будущее время эту форму типичной для Европы.

Пока же об этом говорить преждевременно...

Народонаселение Европы достигает 400 миллионов людей.

Здесь нелишне будет привести (кажется, это всегда делается в подобных случаях) несколько наглядных статистических данных.

1) Если бы все народонаселение Европы поставить друг на друга, то высота этой пирамиды была бы свыше 300 000 верст. Мы знаем, что от Москвы до Петрограда 600 верст, следовательно, все народонаселение Европы уложилось бы 500 раз, немного менее ста раз на версту.

2) Если у каждого европейца выдернуть из головы только по одному волоску, то количество собранных волос, посаженных в землю, займет пространство величиной в $4 \frac{1}{2}$ акра. Чтобы скосить этот «урожай», потребуется работа $2 \frac{7}{8}$ косарей в течение 9 суток!

3) Наиболее наглядным является такой статистический пример: если бы кто-нибудь захотел лично познакомиться со всем народонаселением Европы, то, считая полторы секунды на каждое рукопожатие, этому человеку пришлось бы затратить на знакомство (считая восьмичасовой рабочий день) около 600 лет. Средняя продолжительность человеческой жизни 68 лет, т. е., другими словами, для этого опыта потребовалось бы 8,9 человека. Во что бы превратились правые руки этих тружеников?

Откуда же взялось такое количество людей?

Детские учебники географии отвечают на этот вопрос довольно точно:

«Потому что Европа лежит в умеренном климате, способствующем наибольшему развитию и напряжению человеческих способностей».

Всю эту ораву в 400 миллионов человек приходится одевать и кормить. Отсюда выросла промышленность и сельское хозяйство.

Промышленность распределяется так: в России — главным образом добывающая, за границей — обрабатывающая. Я до сих пор не могу забыть, как хозяин римского отеля обсчитал меня на 60 лир, добытых в России.

Фауна Европы очень бедна: в городах — собаки, лошади, автомобили; за городом — гуси, коровы, автомобили. В одной России до сих пор водятся медведи, и то вожаками, на цепи.

Флора Европы богаче — растет почти все, от апельсин и морошки до процентов на банковские ссуды. Особое внимание уделяется винограду, потому что всякая стра-

на гордится каким-нибудь вином, кроме Англии, которая никаких вин не имеет. Оттого-то, вероятно с горя, англичане такие горькие пьяницы.

Первенство в отношении вин надо, конечно, отдать Франции. Оттого-то во Франции и пьют так много.

Впрочем, немцы качеством своих вин не уступают французам, и поэтому пьянство немцев вошло в пословицу.

В России виноделие стоит на очень низкой ступени. Поэтому ли или по другой причине, но встречаешь трезвого русского чрезвычайно редко.

Справедливо будет упомянуть еще об испанцах. Отношение их к вину таково, что даже свои лучшие города они прозвали «Хересом» и «Малагой». Не думаю, чтобы кто-нибудь из испанцев отважился на это в трезвом виде. В этом отношении португальцы гораздо скромнее: хотя и поглощают свой портвейн и мадеру в неимоверном количестве, но города носят приличные названия: Оporto, Мадейра и т. д.

В том же учебнике географии, автор которого безуспешно пытался срезать все европейские полуострова, сказано:

«В Америке, где пьют довольно много, трезвость европейцев вошла в пословицу».

Климат Европы разнообразный: есть много европейцев, которые с трудом излечивались от солнечного удара для того, чтобы через шесть месяцев замерзнуть самым неизлечимым образом. Ученые связывают климат Европы с какими-то воздушными течениями, то холодными, то теплыми. К сожалению, холодные течения появляются всегда зимой, а теплые летом, что никого устроить и утешить не может.

Площадь, занимаемая Европой, равняется 9 миллионам верст, т. е. на каждую квадратную версту приходится 44 1/2 человека. Таким образом в Европе абсолютно невозможно заблудиться в безлюдном месте. Скорее есть риск быть зарезанным этими 44 1/2 людьми с целью получить лишний клочок свободной земли.

Начиная описание нашего путешествия, я должен оговориться, что нам удалось объехать лишь небольшую часть 9 миллионов верст и увидеть только ничтожный процент 400 миллионов народонаселения. Но это неважно. Если самоубийца хочет определить сорт дерева, на котором ему предстоит повеситься, он не будет изучать каждый листок в отдельности.

Перед отъездом я попытался собрать кое-какие справки о тех странах, которые нам предстояло проезжать.

Мои попытки ни к чему не привели, хотя я и беседовал с людьми, уже бывавшими за границей.

Я пробовал подробно расспрашивать их, выпытывать, тянул из них клещами каждое слово, думая, что человек, побывавший за границей, сразу должен ошеломить меня целым каскадом метких наблюдений, оригинальных характеристик и тонких штришков, которые дали бы мне самое полное представление о «загранице».

Пробовали вы беседовать с таким, обычного сорта, путешественником?

Вы. Ну, расскажите же, милый, рассказывайте поскорее — как там и что за границей?

Он (холодно). Да что ж... Ничего. Очень мило.

Вы. Ну, как вообще, там... люди, жизнь?

Он. Да, жизнь ничего себе. В некоторых местах хорошая, в некоторых — плохая. В Париже трудно через улицу переходить. Задавят. А то — ничего.

Вы. Ага! Так, так!.. Ну, а Эйфелеву башню... видели? Какое впечатление?

Он. Большая. Длинная такая, преддлинная. Я еще и в Италии был.

Вы. Ну, что в Италии?! Расскажите!!!

Он (зевая). Да так как-то... Дожди. А в общем, ничего.

Вы. Колизей видели?

Он. Ко... Колизей? Позвольте... гм... Сдается мне, что видел. Да, пожалуй, видел я и Колизей.

Вы. Ну, а что произвело там на вас, в Италии, самое яркое впечатление?

Он. Улицы там какие-то странные...

Вы. Чем же странные...

Он. Да так какие-то... То широкие, то узкие... Вообще, знаете, Италия!

Вы (обрадовавшись. Лихорадочно). Ага! Что Италия?! Что Италия!

Он. Гостиницы скверные, рестораны. Альберго, по-ихнему. Ну, впрочем, есть и хорошие...

Попробуйте беседовать с этим бревном час, два часа — ничего он вам путного не скажет. Вытянете вы из него клещами, с помощью хитрости, неожиданных уловок и ошеломляющих вопросов, только то, что в Германии хорошее пиво, что горы в Швейцарии «очень большие, чрезвычайно большие», что «Вена веселый город, а Берлин скучный город», что в Венеции его поразило обилие каналов, такое обилие, которого ему нигде не приходилось встречать...

Да пожалуй еще, если он расщедрится, то сообщит вам, что Париж — это город моды, роскоши и кокоток, а в Испании в гостиницах двери не запираются.

И потом внезапно замолчит, как граммофон, в механизм которого сунули зонтик...

Или начнет такой путешественник нести отчаянный вздор. Долго плачется на то, что, будучи в Страсбурге, целый день разыскивал прославленный Кельнский собор, а никакого Кельнского собора и нет... Куда он девался — неизвестно.

У некоторых путешественников есть другая манера — все отрицать, всякое установившееся мнение, сложившуюся репутацию — переворачивать кверху ногами...

Вы. Говорят, итальянки очень красивы?

Он. Чепуха! Не верьте. Толстые, неуклюжие и — удивительно — почему-то на одну ногу прихрамывают. Одни разговоры о прославленной красоте итальянок!..

Ошибочно думать, что этот глупец изучил итальянских женщин со всех сторон, во всех деталях. Просто был он в Риме два дня, все это время проторчал в грязном кабачке на окраине, и прислуживала ему одна-единственная итальянка, толстая, неуклюжая, прихрамывающая на одну ногу.

Вы. А в Испании, небось, жарко?

Он. Вздор! Дожди вечно жарят такие, что ужас. Без непромокаемого пальто не показывайся. (Два часа. От поезда до поезда — случайно шел дождь).

Вы. А француженки — очень интересны?

Он. Ну, что вы! Накрашены, потерты и при первом же знакомстве папироску кланчат.

Вышеизложенные характеристики посторонних путешественников приведены для того, чтобы подчеркнуть: а сатириконцы (и Митя) не такие, а сатириконцы (и Митя) будут вдумчиво, внимательно и своеобразно подходить к укладу заграничной жизни и постараются осветить в ней такие стороны, что все раскроют удивленно глаза и ахнут.

А. Аверченко

В ЕВРОПУ

Приступая к описанию нашего путешествия по Европе или, вернее, одной его части, я испытываю смутные опасения. Быть может, мы не исполнили в некоторых деталях возложенную на нас миссию. Быть может, остались в Европе уголки, до которых не дошли волны, вызванные нами в напряженной ожиданием атмосфере Западных государств — атмосфере моральной и политической.

Очень возможно.

Но, если бы это и было так, не послужит ли нам в оправдание вынужденная спешность работ, то лихорадочное настроение, которое неминуемо должны испытывать люди, бросившие на произвол судьбы родину, правда, для ее же блага... Отыскать в чуждых нам государствах Запада все наиболее ценное, отделить существенное от обманчиво блестящего и крикливого, собрать тончайшие и нежнейшие ростки цивилизации для пересадки их, в будущем, на родную нам почву, бросить кое-где и свои зерна — вот задача, требующая не только знаний и кропотливой усидчивости, но и времени. Поскольку удачно решена эта задача, покажет будущее, а до тех пор нам не представляется ничего иного, как возможно более спокойно и обстоятельно изложить ход решения.

Автор

Возможно, что кое-кого удивит некоторая сбивчивость и непостоянство формы предлагаемого ниже исследования. Надо думать, что автор хотел этим еще более подчеркнуть всю изменчивость условий и настроений, при которых производились изыскания.

Примечание издателя

26 Мая. 1 ч. 35 м. Легкий ветер. Температура вагона — 15° R. (18,8° C.).

Пытаюсь собрать разрозненные, под впечатлениями расставания, мысли. Настроение подавленное, у всех неестественно бодрый вид. Вполне владеет собой только слуга Митя.

В то время как мы плакали на груди друзей и родственников, или просто людей, жертвовавших собой для этой цели, он сдержанно, почти холодно попрощался с по-

жилой женщиной в платке, почти не замечая двух юношей с зонтами и в новых калошах.

Этот человек обладает железными нервами или рассчитывает, что атмосфера Запада сумеет приноровиться к непривычным.

26 Мая. 7 ч. 35 м. На севере легкие облака. 15° R. (18,8° C).

Стараемся заняться журналами. Митя спит.

26 Мая. 1 ч. 35 м. ночи.

Предполагаю делать записи каждые шесть часов, если не буду выбит из колеи массой новых впечатлений. В 4 часа будем на границе в Вержболове.

Крысаков с вечера предупредил, что будет прощаться с жандармом... просил не мешать.

Проснулся Митя и спросил — правда ли, что русских узнают за границей по калошам. Получив утвердительный ответ, поспешно снял свои новые, блестящие калоши и, причесавшись перед ними, как перед зеркалом, спрятал в корзинку.

Дыхание Мифасова довольно ровное. Южакина — подозрительно прерывистое: по-видимому, во сне плакал.

9 июня. 9 ч. 35 м. Облачно. Температура немецкого вагона 18° C. Имеются приспособления для регулирования.

Крысаков прощался с пограничным жандармом. Жандарм обещал его не забыть, но руки не протянул, мотивируя отказ святостью исполняемого долга.

Сомневаюсь, чтобы подобная сухость со стороны правительства явилась уместной по отношению к человеку с горячей душой и добрым сердцем или наоборот. Тем не менее мы очутились через минуту в... Германии. Невозможно передать чувство свободы, дерзостной независимости, овладевшей нами при переходе через эту тонкую, незримую черту: Россия — Германия.

Митя хотел настоять на проведении ясной и отчетливой линии, но его удалось отговорить. Было не до того. Мы знали, что Германия нас не выдаст и хотели, оставаясь ногами на ее земле, перегнуться через невидимую веревку, чтобы свободно и громко начертать ближайший план спасения родины.

Мы имели почти полтора часа свободного времени — слишком много, чтобы покончить с таможенным осмотром.

Боже! И это называют осмотром!

Что за доброе, милое, ласковое лицо было у человека, который нас спросил:

— Табак есть? Водка есть?

Мы, не привыкшие к подобному обращению, могли только протянуть ключи, благодарные, безгранично доверчивые. Потом мы вышли на немецкую платформу, все, за исключением Мити, отправившегося в немецкий буфет. Возвратившись, он холодно сказал:

— Прошу иметь в виду, господа, что звонков здесь, как у вас, в России, не полагается. Здесь кричат.

Его слова оказались пророческими.

К нам приблизился небольшой полный человек в форменной фуражке и звонко крикнул.

— Rrreisedecken!.. Rrreisedecken!..

— Второй звонок! — крикнул Мифасов, поспешно вскакивая на площадку вагона.

Мы последовали его примеру, пораженные безукоризненной имитацией звонка.

— Второй звонок — за сорок минут до отхода поезда, — отметил обстоятельный Мифасов.

— Rrreisedecken!

Мы не двигались.

Я выразил удивление по поводу дословного перевода этого восклицания — «дорожные пледы», а Митя указал на кучу одеял около киоска с журналами. Человек в форменной фуражке спокойно сел на них. По-видимому, вышло какое-то недоразумение...

Как это ни странно — вагон сильно трясет.

Митя пересел в соседнее купе, к двум немцам.

Уверяет, что чувствует себя среди них, как рыба в воде. На мою просьбу снять мой чемодан, он только неопределенно улыбнулся. Потом сказал — «Здесь Европа».

Запись придется прекратить, слишком трясет. Жаль.

.....

Вагон-ресторан. Мне кажется, что Митя начинает нас стыдиться... Смотрит молча в окно, и если отвечает, то на ломанном русском языке: Мирси, благодарю я вам. Карашо...

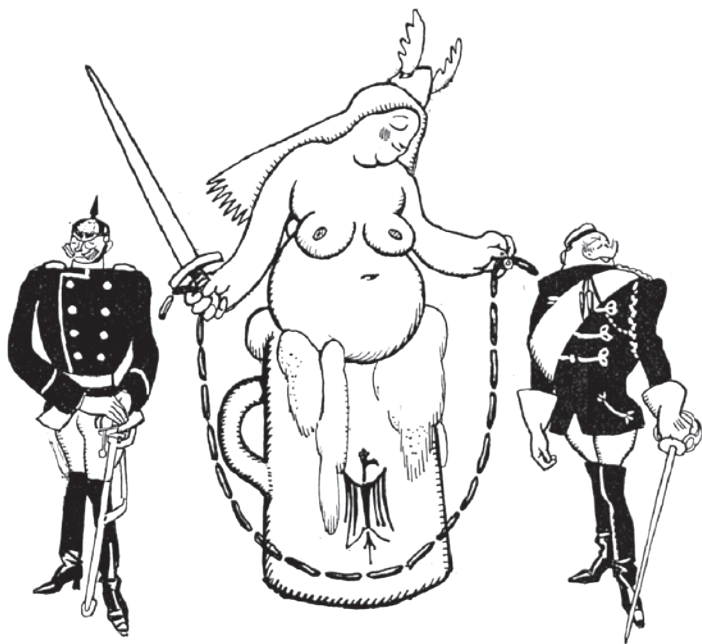
В одном немце он чуть не узнал дядю. Счастливый... Пиво пока неважное. Странно.

.....
.....
.....

БЕРЛИН

*Опасение Крысакова. — Израненный юноша. — Дешевизна. — Ошибка Южакина. —
Выставка. — Михель*

*Благоденствующая Германия под мудрым управлением Вильгельма II
(Из путевого альбома Крысакова)*

— Знаете, что меня более всего беспокоит? — признался нам Крысаков в Берлине. — Это — их сентиментальность. Эти объятия, слезы... позвольте мне на всякий случай пойти сзади.

— Почему слезы? — испугался Южакин.

— Так, от радости, от гостеприимства. Видят — иностранцы, ничего не знают, ничего не понимают... Растрогаются, ну и...

— Милый народ — прошептал умиленно Южакин. — Чудаки эти их Вертеры, ей Богу... Плачут — такие милые, смешные.

— Сандерс, голубчик — спросите, вон, у молодого человека про Унтерденлинден...

— Стоп! — закричал Крысаков. — Ни с места, Сандерс!.. Разве вы не видите, что у него проказа?! Все лицо в струпьях — заразите себя и других. Слепая ворона! — обругал он сконфузившегося Южакина. — Не видал! Смотреть надо!

— Что же таких на улице пускают?.. Порядки! — пробормотал Южакин. — Таких надо в больницу.

— Эта больница называется университетом, господа, — насмешливо заметил Мифасов. — И это не проказа, а свежие дуэльные шрамы. Надо быть немножко более в курсе дела, господа.

Я подошел к изувеченному юноше и спросил:

— Стоп! — закричал Крысаков. — Ни с места, Сандерс!.. Вы разве не видите, что у него проказа?! Все лицо в струнках — заразите себя и других

Будьте любезны, милостивый государь, — где здесь улица Унтерденлинден?
Юноша смерил меня холодным, насмешливым взглядом и передернул худенькими плечами. Потом сказал:

- С русскими я не разговариваю.
- Почему? — полюбопытствовал я.
- Из принципа. Прощайте.

Он дотронулся до козырька смешной обкусанной шапочки и проследовал дальше, выпятив скудную грудь, украшенную узенькой цветной ленточкой.

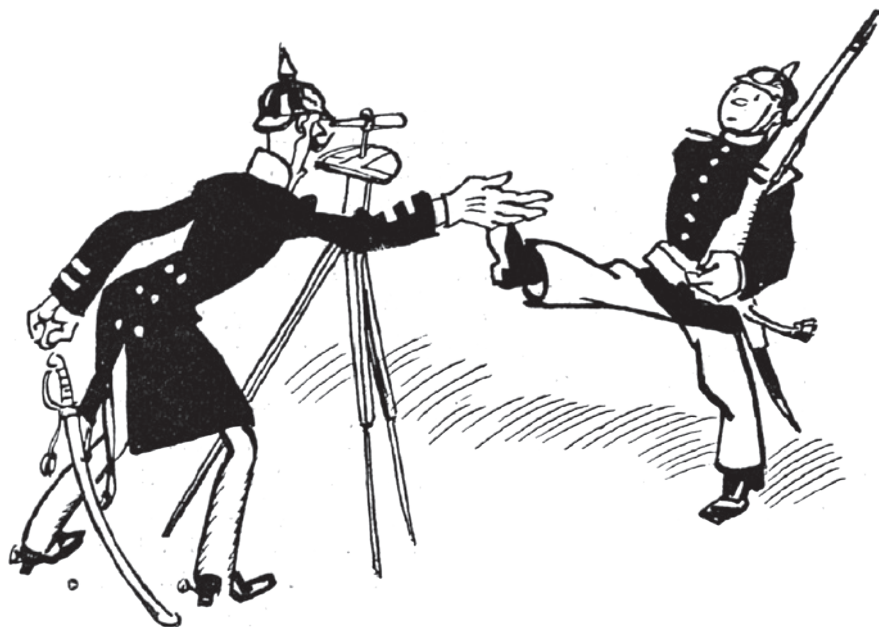
— Строгий народец, — проговорил озадаченный Южакин. — Может быть, ему больно было разговаривать?

— Вам же говорят, что из принципа, — ответил корректный Мифасов.

Мне кажется, что со стороны Сандерса было, действительно, не совсем скромным приступить прямо к такому щекотливому вопросу... Молодежь надо щадить.

— Варвары мы еще, господа, — вздохнул Крысаков. — Российские привычки: человек весь в крови, а мы с расспросами.

Всем стало неловко.

— Господа! — закричал Южакин, — живые куклы. Живые куклы!.. На той стороне...

— Мне стыдно, — признался я тихо. — Еще на прошлой неделе я ругал заодно с другими немецкого доктора Петерса. Это очень ученый человек, насаждавший культуру среди темных дикарей. Его обвиняли в необычайных жестокостях, приводили факты, когда ученый расстреливал беззащитных чернокожих десятками, взрывал их патронами; подвергал всяким мучениям и издевательствам. Теперь, после того как я увидел этого мужественного израненного юношу, я понял, почему великая нация отнеслась сочувственно к смелым начинаниям ученого. Ведь нельзя же, в самом деле, обращать внимание на вой дикаря, которому, почему бы там ни было, ученый отрезал ухо, раз любой немецкий юноша готов им пожертвовать чуть ли не из вежливости. И потом, раз это сделано ученым, значит, так нужно, — подтвердил Крысаков. — Не совать же ему под микроскоп целого дикаря. У одного ухо, у другого ногу, глядишь, и набежит несколько.

— Странно было бы применять к дикарям иную тактику, чем к себе, раз ее достоинства налицо, — согласился Мифасов. — Вы только полюбуйтесь, какая здесь чистота, какой порядок!

— Смотрите, смотрите, — городской в золотых очках! — вскрикнул вдруг Южакин. — Вот это страна, вот это нация!

— Кажется, что дальше идти некуда, — обратился к нам Мифасов взволнованно. — Могли бы вы себе представить нашего городского, выбирающим хризантемы или читающим «Портрет Дориана Грея»? Приблизительно — это одно и то же. Позвольте, позвольте! Носки — сорок пять пфеннигов. Стойте!! Рубашки — две марки!! Воротнички... Даром!

— Господа! Бумажник — одна марка!.. Чемодан!! Крысаков, Сандерс, — да что же это такое?! Господа... Даром ведь, даром... Голубчики... Родненькие!..

— Может, дальше еще дешевле, — прохрипел осатаневший Мифасов. — Три воротника — марка! Пятиалтынный штука! Южакин — сюда! Южакин — галстуки... Панама — восемь марок, о-о-о!..

— Берлинчик, голубчик... — плакал Крысаков.

— Сначала посмотрим город, — слабо проговорил я.

Это было последнее сопротивление.

Шатаясь, мы вышли из магазина и побрели дальше, останавливаясь перед витринами, захлебываясь в этих каскадах марок и пфеннигов, превращенных в не особенно изысканные, но невероятно дешевые драгоценности.

— Вот это так чистота!

— Вот так магазинчик!

— Господа! — снова закричал Южакин. — Живые куклы!.. На той стороне... Напротив, Сандерс.

— Манекены для солдатского платья? Действительно, изумительно, ребята. Подойдите поближе, Южакин.

— Осторожнее, господа, — испуганно закричал Мифасов. — Не трогайте! Они живые!

— А, черт, — пробормотал близорукий Южакин, быстро отдергивая руку, — в самом деле... Что это они? Ай!

— Да не кричите вы, Южакин... Просто приемы делают, вот и все. Офицер идет.

И Крысаков указал на странную фигуру проходившего человека, сделанного из дерева и кожи, при участии военной формы.

Живые куклы дернули ружьями, судорожно выкинули их вперед и снова перехватили, медленно погасив мелькнувший в глазах невыразимый ужас.

— Страшно что-то, — проговорил Южакин растерянно. — Вы видели? — Он длительно посмотрел вслед деревянному, обрубленному неровными плоскостями, человеку в форме. — Ужасная дисциплина!

— А заметили, что у левого на руке? Под большим пальцем, куда бьют прикладом? — спросил наблюдательный Мифасов. — Набил, вероятно... Течет... Чисто делают!

— Мощная нация, — задумчиво проговорил Крысаков. — Железный кулак...

— А ты Вертеров боялся, слез, — мягко укорил Мифасов. — Посмотри, какой памятник — ужас!

Он указал на громадный, тяжелый памятник и стал небрежно перелистывать «Спутник туриста».

— Мне кажется, — скромно сказал Крысаков, — нам следовало бы здесь сняться. Дворец напротив едва ли нам помешает? Памятник Вильгельму?

— Фридриху В., — поправил Мифасов. — Или Великому, или Вильгельму, если ни то и другое вместе. Вы думаете, что нам следует сняться у подножия, Крысаков?

— Не знаю, как вы, а я бы предложил воздержаться от проявления лести перед человеком, заслуги которого недостаточно освещены, — возразил я.

— Перед покойником, я думаю, можно, — ответил небрежно Крысаков, бегая глазами по окнам дворца.

Южакин угадал его мелочное желание покрасоваться перед царственными обывателями здания и заметил:

— Кажется, дворец необитаем.

— Дворец этот, — твердо объяснил Мифасов, — принадлежал покойному Вильгельму I. Внутри очень прост. Интересен тем, что в нем все сохранилось в том же виде, как было при жизни императора и его супруги.

— Неужели и она умерла?.. Крепкая такая старуха? — удивился Крысаков. — Вы говорите, что вход пятьдесят пфеннигов?.. Это на них мало похоже...

Он совершенно смутился и забормотал какой-то вздор.

— Ничего, Крысаков, — ободрял Южакин. — К счастью, дом еще достаточно приличен, чтобы сняться напротив.

Крысаков расставил нас около памятника, причем попросил Южакина держаться за палец ноги одной из чугунных фигур и защелкал аппаратом. Потом снялся сам, косясь на дворец и стараясь придать приятное выражение лицу и кокетливую непринужденность позе. (Позднее он признавался, что в одном из средних окон ему показалось знакомое усатое лицо императора Вильгельма.)

Веселые, уселись мы в большой, удобный автомобиль, желтый, с золотыми и зелеными цветами, и помчались в знаменитый зоологический сад.

Образцовая чистота, зелень, великолепный Тиргартен, бесшумный ход мотора, бесконечно скромные цифры таксометра...

— Молодцы немцы, — задумчиво сказал Южакин.

— Молодцы, — повторили мы трое.

Долго любовались львами и пантерами. Удивлялись муравьеду с длинной и узкой, как копченая колбаса, мордой.

Посылали улыбки десяткам, сотням зверьков, из которых последняя крыса занимала лучшее положение, чем любой кандидат на судебные должности у нас, на родине.

Благоговели перед угловатыми, безропотными, как разведенное молоко, женщинами, гулявшими по дорожкам с детьми и рукодельем.

Потом опять сели в автомобиль и опять шептали: «молодцы немцы», пока не приехали на большую картинную выставку.

Тысячи картин красовались по стенам бесчисленных комнат великолепного здания, словно сметенные сюда гигантской шваброй со всех уголков объединенной Германии.

Подавленные, мы прошептали:

— Боже, как все дешево!

А когда мы вышли, колоссальная статуя голого прусского Михеля с кудрявой головой и могучими мышцами, улыбаясь незрячими, но веселыми глазами, повторила:

— Здесь все дешево. Бесконечно дешево!

Мы решили лишний раз проверить эти слова и сели за один из бесчисленных столиков. Они были тут как тут.

Пива!

ДРЕЗДЕН

Тоска по женщине. — В поисках пикантного. — Просветление. — Художники

— Прощай, Берлин! — в один голос сказали мы, и Берлин, этот конгломерат железного кулака, дешевых сосисок, порядка, прусского целомудрия и некрасивых женщин, — остался позади нас.

— Есть хочется, — капризно протянул хрупкий Мифасов.

— Через два часа Дрезден, — сказали мы с Крысаковым.

Южакин посмотрел на нас одобрительно и прибавил:

— Чтой-то есть хочется. Вот хочется и хочется.

Мы поплелись в вагон-ресторан.

— И куда в вас помещается, Сандерс?! — удивился Крысаков, перекладывая к себе мою котлету. — Маленький, а ест больше всех... Южакин, вы не будете доедать? На тарелке оставлять неудобно, — небрежно пояснил он, дожевывая южакинскую порцию.

Этот, вообще, не внимательный к этикету человек был неумолим в некоторых мелочах.

— Съел бы, Южакин, — участливо, хотя запоздало промямлил он.

— Спасибо, Крысачок, — тихо уронил Южакин и поднял помутневшие, необычно печальные глаза. — Грустно мне что-то.

— Что такое? — перепугался Крысаков — Южакин, голубчик, что ты, милый?.. Сандерс, Мифасов, — что с ним?

— Не по себе, очень понятно, — пожал плечами Мифасов и, отвернувшись, безнадежно махнул рукой. — Три дня ходили-ходили, хоть бы одну приличную женщину встретили... в настоящем смысле приличную... То какие-то.., досчатые, то кули с салом... А дети?! — Мифасов желчно засмеялся.

— Поизносился я, братцы, — пожаловался Южакин. — Носки берлинские уже того... требуют штопки... Тут пуговица лопается, там петля обметалась... Без женского глазу тяжело...

— Женская рука много значит, — согласился Мифасов. Он закатил глаза и начал крутить под столом пуговицу. — Мне бы тоже следовало... подтянуться.

Крысаков ядовито оглядел безукоризненный туалет Мифасова, повертел в руках пустой кофейник и с сожалением долил чашку пивом.

— До Дрездена как-нибудь потерпите. Там подтянитесь, Мифасов. Сандерс, в Дрездене есть что-нибудь пикантное?

— За исключением галереи, Сандерс, — кротко прибавил Южакин.

— Гигиеническая выставка, кажется, — пробормотал я.

Два тяжелых вздоха огласили вагон.

— Тоска по родине! — шепнул я Крысакову.

— Ах, нет... Только по женщине, — томно проронил Мифасов и насмешливо кивнул на Южакина.

Южакин толкнул в бок Крысакова.

Мы приехали в Дрезден вечером.

— Самое время... куда-нибудь, — сказали Мифасов и Южакин, когда, умытые и приглаженные, мы вышли из гостиницы. — Сандерс, — куда? Сандерс! Немец вы или нет, в конце концов?! Знаете вы какое-нибудь кабаре или что-нибудь в этом роде... пикантное? Говорите прямо.

— Дрезден славится своими кабаре, господа, в которых пикантность столь же гармонично сливается с веселием, сколь... сколь...

— Спросите у шуцмана, Сандерс, — устало попросил Мифасов.

— Вон, кажется, стоит один... самовар. Ну-ка, Сандерс.

Я подошел к похожему на тяжелый спиртовой самовар шуцману и учтиво поклонился.

— Добрый вечер, херр шуцман... Херр шуцман, будьте так добры, укажите что-нибудь пикантное.

— Пикантное, — тупо повторил шуцман.

— Да, да... Такое — знаете? — Я щелкнул пальцем, потом сдвинул шляпу.

Мозг шуцмана слабо скрипнул.

— Вы не умеете объяснять, Сандерс, — выступил нетерпеливо Мифасов. — Херр шуцман!.. Пикантность?.. А? Херр шуцман! Ну-ну... Люстиг, херр шуцман, люстиг... Вот, вот...

Он дергал коленками, тряс головой с видом шутника, стаскивавшего с места пьяного... Шуцман не двигался.

— Может быть, ткнуть пальцем? — предложил Южакин. — Держись, Мифасов, держись... херр шуцман! Зер пикантишь.

Он схватил пьяного за другой бок.

— Зер пикантишь, херр шуцман... Сандерс, подсказывай...

— Сандерс!

— Этвас, Южакин, этвас... — Что-нибудь.

— Этвасзер пикантишь! — бодро закричал он, и оба они со свежими силами набросились на шуцмана.

Они фальшиво смеялись, делали заманчивые гримасы, щелкали себя по воротничками танцевали матчиш, образуя группу, похожую со стороны на искушение св. Антония.

Наконец, он понял. С удовольствием взглянул на изогнутую фигуру Южакина, и его строгое лицо озарилось плутоватой улыбкой.

— А, — сказал он. — Теперь я понимаю. Молодые люди хотят повеселиться? Что-нибудь такое?.. Острое!.. Пикантное!.. О, да... Молодым людям это всегда забавно...

Он тихо засмеялся и подмигнул Южакину.

— Вторая улица — направо. Кабаре.

— А весело? — переспросил осторожный Мифасов.

Щуцман с трудом удержался, чтобы не потрепать его по плечу, и успокоительно сказал:

— Очень... О, очень... Немного того... вы понимаете? — Не совсем... гм! Кабаре... с дамами.

— Много дам? — осведомился подозрительно Южакин.

— Хватит, — многозначительно хихикнул щуцман.

— И там... весело?

Он загадочно улыбнулся.

— Идите, будете довольны. Лучшее кабаре... Немного... этого, гм!., но для молодых людей... Понимаете?..

— Он не хотел больше об этом говорить и, скромно прикрыв рот, сделал под козырек.

— Тонкая бестия! — одобрил Южанин. — Знает, где раки зимуют... Данке, херр щуцман!

— Битте-дритте, — ответил за него Крысаков.

Смысл этого гармоничного сочетания навеки остался его секретом.

Мы вступили в большой, накуренный зал и выбрали себе столик против небольшой, но уютной эстрады.

— Наконец-то мы попали, куда нужно, — воскликнул просиявший Мифасов. — Кабаре — моя стихия.

— Повеселимся! — потер руки Южакин. — Господа, кто что будет есть?

— Я — ничего, — сказал Крысаков...

— Съели бы, — жалобно попросили мы. — Очень есть хочется... Закажите для себя. Крысаков... Что такое?!

Со стороны Мифасова раздался тихий, болезненный стон.

— Дети, — еле проговорил он. — Здесь дети...

Мы задрожали.

— Где? — спросил хрипло Южакин. — Всякие шутки имеют свои границы, Мифасов.

— И солдаты, — прибавил Крысаков.

Это была правда.

Тут и там виднелись маленькие головы, скрытые большими пивными кружками — с блестящими глазками по бокам.

— Однако, на эстраде женщина, — стараясь быть сдержанным, сказал Южакин.

Только верный инстинкт этого человека мог угадать пол бедного создания в большом декольте и короткой юбочке.

Словно в благодарность за это определение создание запело легкую шансонетку, маленьким, но приятным голоском, задвигало короткими ножками и руками.

— Уйти бы, братцы, — несмело предложил Крысаков. — Разжалобит она нас. Ей-Богу.

— Кажется, сейчас будет неприлично, — предупредил я.

— Однако на эстраде же женщина, — стараясь быть сдержанным, сказал Южакин

Маленькое существо приподняло юбочку и высоко выкинуло одну из булочек, заменявших ей ноги.

Два солдата стыдливо приснули в кружки, а один из малышей разразился радостным воплем.

— Мама! — жалобно позвал Крысаков. — Детство, чего-то, вспомнил, — конфузливо пояснил он.

Мифасов, взволнованный, поднялся из-за стола.

— Сирота, — шепнул мне Южакин и мягко сказал. — Посидите с нами, Мифасов. — Видишь, как славно — чисто в детском саду.

Он смахнул непрошенную слезинку.

— Мама! — снова позвал Крысаков.

Растроганные, обновленные, шли мы домой. По дороге завернули в какой-то пассаж, где светились панорамные ящики-автоматы.

— Сандерс! — закричал Южакин. — Сандерс!

За большим стеклом покоился на траве маленький, пухлый амур. Он спал. Чтобы разбудить чуткий сон ребенка, достаточно было «опустить монету в 10 пфеннигов».

— Господа! Смотрите! Он открыл глазки!

— А вон индианка лежит, — показал Мифасов. — Как живая!

— Бог с ней, с индианкой, Мифасов. Смотрите лучше на мальчика, — ласково сказал Крысаков. — Вы самый младший.

— Она одета, — возразил тот обиженно, но послушался и стал смотреть на амура.

Меня, как более взрослого, поставили перед индианкой, а старшие стали смотреть в закрытые ящички.

Позже они признались, что видели женщину в корсете и нижней юбке.

— Ночью я проснулся от внезапно прекратившегося храпа. Крысаков стоял перед кроватью на коленях и молился.

Тем страннее показались мне слова одного старого знатока Дрездена, который, выслушав наш рассказ, воскликнул:

— Да! В этом городишке можно повеселиться! О-го-го! — И наклонился к уху Южакина.

Южакин сделал лицо, словно ему брызнули в ухо уксусной эссенцией, и задумчиво сказал:

— В следующий раз мы опять поедем через Дрезден.

— Южакин, — заметил я строго. — Уж не хотите ли вы загрязнить почву, на которой Крысаков и Мифасов пустили лучшие из своих побегов?

— Всякая почва нуждается в удобрении, старый Сандерс, — развязно ответил беззаботный человек.

— Там можно проделывать нечто невероятное, — мечтательно повторил старый знаток Дрездена.

Утром мы пошли в Дрезденскую галерею. Крысаков и Мифасов — художники.

Я редко встречал людей, у которых столь различные приемы изучать жизнь народов.

Крысаков полагает, что есть надо в очень плохих ресторанах, иногда даже на улице. Так в Париже, на Больших бульварах, он ел каких-то полуживых ракушек, прося их из раковины при помощи поднятой на панели шпильки. — Бесплатное столовое серебро при бесплатной посуде.

В Неаполе он начинал себя макаронами, издававшими запах плохой замазки, на масле, соскобленном, вероятно, со стен таверны или с лица хозяйки.

Комнату в отеле он старался занять худшую за ту же цену.

Мифасов? Гармоничный и хрупкий Мифасов не представляет себе возможности наблюдать быт народа помимо первоклассного ресторана, не имея в запасе особенно мягкой ночной рубашки.

И оба они страдают.

Крысаков — физически, набивая себя ужасными макаронами, с тем большей яростью, чем безразличнее отвертывается Мифасов. Страдает нравственно, видя, что человек, которого он, в душе, любит, демонстративно туп в отрицании очевидного.

Мифасов, стройный и колеблющийся Мифасов, уходит непонятый и печальный, чтобы одиноко съесть изысканно-бледный обед, приносимый на крыльях лакеев-ла-

сточек. И погрузить о хорошем, в сущности, человеке, но неисправимо равнодушном к прекрасной внешности.

Борьба Крысакова и Мифасова вечна, как борьба начал. Но иногда она утихает, чтобы смениться гармонией полного единения.

Тогда они берутся под руки и идут вперед, забывая обо мне и Южакине, как патриции, выбирающие розы для возлюбленных, забывают о слугах, стоящих с корзинами.

И если раб Сандерс или раб Южакин робко скажут патрицию Крысакову или Мифасову:

— Господин мой, вместо красной розы вы положили белую, — патриции пожмут плечами и скажут один другому:

— Не отправить ли нам Южакина и Сандерса в каменоломни? Так как, воистину, они слишком наглы, полагая, что отличают красное от белого.

Гармония их дружбы порождает высокомерное презрение, проклятие которого несем мы с Южакиным.

Оно ложится на наши плечи при входе в каждую картинную галерею и снимается только при выходе.

Высказывать суждения мы можем лишь очень осторожно, заходя издалека и сваливая вначале на себя всю вину за мнимые недостатки картины.

Говоря, например, о какой-нибудь нимфе Рубенса:

— А что, Крысаков, — я в этом деле профан — бок-то у нее как будто того... жирноват?..

— Сами вы жирноваты... Где?

— Вон, Крысаков, во-он... Не то, пенсне мое замутилось... Как-будто жирноват, бочок-то... Хе-хе-хе...

— Ни черта вы не понимаете!

Вы, с тупой радостью:

— То-то, Крысаков, ни черта. Как есть ни черта. Так, скажешь иной раз, самому даже стыдно, — бок жирноват! — Господи...

Тогда, тронутый вашей скромностью, Мифасов может сказать:

— Неможко есть. Манера такая.

— Да уж их, Рубенсовская, манера известная, — говорю я в этом случае, но очень осторожно и иду поделиться с Южакиным.

— Видите, Южакин, — бок, действительно, не того... жирноват.

— И бедра, — спешит пропустить, за одно, Южакин.

Или так:

— Не пойму я, Мифасов, что только у меня с глазами делается?.. Рисуночек вот тут маленький, пером... Не вижу я носа и не вижу... Ровно без носа...

— Сами вы, Сандерс, без носа, — отвечает за деликатного Мифасова Крысаков.

— Тень, — изысканно объясняет Мифасов. — Нос есть, только вы его не видите... Штрихи...

— Ишь до чего дошли, — тихо дивитесь вы. — Тоже не каждому дано...

На улице становится легче, а если прижать одного из них за кружкой пива, пока другой тешится вдалеке вином, то и совсем легко.

— Что это, Крысаков, — Мифасов, все — Ботичелли да Ботичелли? Только и слышно.

— Любит... гениальный художник, — коротко отвечает Крысаков.

— Гениальный... Только вот животы у него какие-то непонятные — особенно у женщин... Словно бы груши резиновые?... Нездоровые, что ли?..

— Условность, — пожимает плечами Крысаков. — Я его и сам не особенно, признаюсь, долюбиваю.

— Черт бы его взял, — мстит за старое Южакин. — Вот Рубенс— это так! Это я понимаю!

Глаза Крысакова вспыхивают...

— Я, Мифасов, все насчет Рубенса хотел вас спросить... Мальчиков он там рисует, знаете?... Так вот очень уж они на пирожки с вареньем смахивают.

— На пирожки? — не сразу догадывается Мифасов. — Розовые они такие, пухлые, это вы хотите сказать?

— Это самое. Крысаков их, знаете, любит! Вот любит!.. Жирное вообще уважает...

— Нне знаю... может быть...

— А женщины-то? Тесто так и висит! А?... Вот Ботичелли!.. это марка! Чистота, аккуратность... На каждом шагу...

— Ботичелли... — с тихим обожанием говорит Мифасов. — Ботичелли...

Крысаков и Мифасов — художники.

НЮРНБЕРГ

Спускался вечер, мы пошли осматривать город.

Крысаков презрительно вздернул плечами, чем, за одно, поправил спадавшую часть костюма, и сказал:

— Воображаю, что за старинный город... у немцев...

— Налево, господа, — сказал Мифасов. — Я знаю город как свои пять пальцев.

Мы инстинктивно свернули направо и тихо ахнули.

— Я вам говорил? — шепнул Мифасов. — Старый Нюрнберг.

— Старый Нюрнберг, — повторили мы.

Перед нами раскрылась старая книга. Старая-старая с мягкими, желтыми страницами, в которые хочется уткнуться голову, прижаться лицом к крупным старинным буквам, дышать далекими и странными, чуть-чуть грустными ароматами старины; медленно перевернуть страницу и снова забыться, полужаснуть под неслышный шелест печальных теней.

Я не помню, о чем мы говорили, странствуя по засыпавшим уже улицам старого Нюрнберга.

Иногда мы сбивались в кучу, на каком-нибудь мостике или перед маленьким бассейном с темной наивно-странный фигуркой посередине — добрым окаменелым призраком, лившим журчащие струйки через длинные глотки торчавших у него подмышками гусей. То рассыпались в разные стороны, как дети, нашедшие «ягодное место», и кричали друг другу — сюда, сюда! — В темную беззубую пасть узкого-узкого переулка, к бархатному конному призраку, к бронзовой доброй корове, мудрой веселой хитростью добродушных веков... К грузным воротам того дома, покрытым теплой засохшей плесенью столетий; может быть, стукнуть тяжелым железным кольцом и подождать спокойных шагов большого человека с бородой, в одежде из лилового бархата, в туфлях на крепких старых ногах. На наше счастье, это — мастерзингер, может быть, даже сам Ганс Сакс, который споет нам, скажет много-много о Старом Нюрнберге, пока мы будем тянуть темное, доброе пиво. Он тоже выпьет и, пожалуй, простит нам пиджаки и брюки, хотя попеняет, что мы не догадались переодеться.

А то пойдем в Bratwurstglocklein.

Дома ли еще Ганс Сакс — неизвестно, а там он, наверное, с другими мастерзингерами пьет пиво и ест жаренные сосиски.

— Есть хочется, — капризно протянул Мифасов.

В маленьких глазках Крысакова затлел радостный, жадный уголек. Но он тотчас же на него мысленно плюнул, погасил и, всплеснув руками, лицемерно воскликнул:

— Боже мой!.. Среди всего этого думать о еде!

— Я не про себя сказал, — спохватился Мифасов. — Я про них — про Южакина и Сандерса.

— А!.. — Крысаков многозначительно покачал головой, и оба они, взявшись под руку, пошли вперед, жадно скользя глазами по надписям на стенах домов.

— Среди надписей часто попадаете много интересного, — небрежно объясняли они, — знаете такого, такого...

— Братвурст? — простодушно догадался Южакин. — Мюнхнербир?..

— Скажите уж просто, Южакин, что вам хочется есть, — с дружеским сожалением сказал Крысаков. — Что вам собственно Нюрнберг? Ну, мы с Мифасовым еще художники... А вы? А Сандерс?.. Что для вас Нюрнберг и что вы Нюрнбергу?!

Он недоумевающе переглянулся с Мифасовым, деликатно подавившим улыбку.

— Может быть, еще замок посмотрим? — робко предложил я. — Он, — вы меня простите, я человек простой, в замочном деле профан, — он, говорят, того... интересен, говорят.

Крысаков неистово фыркнул. Мифасов вздохнул и рассеянно уронил:

— Братвурст... — но во время спохватился и прибавил: — глоклеин.. Братвурст-глоклеин — жаренно-колбасный звоночек.

— Что это такое? — испугался Южакин.

— Жаренно-колбасный колокольчик, если хотите, — с шутливой небрежностью пояснил художник. — Дословный перевод знаменитой пивной нюрнбергских мастерзингеров.

— Жаренно-колбасный колокольчик, — изумленно повертел Южакин. — Это вы наверное знаете, Мифасов?

— Да... Гм... Если наоборот — колокольчо-колбасное жаркое... Жаренная колокольчатая колбаска... жаренный звонок, бубенчатая колбаска...

Он еще долго вертел в руках, стараясь склеить в одно мало-мальски стройное целое эти разнохарактерные предметы, — жаркое, колокольчики колбасу, из которых только две были съедобные, — наконец устало махнул рукой и спросил:

— А они открыты?

— Закрыты сейчас, — сказал я.

Никогда еще мне не случалось видеть двух людей, столь расстроенных невозможностью немедленно полюбоваться красивым осколком старины.

Мифасов прошептал, что едва ли он перенесет еще одно подобное потрясение; Крысаков сразу опустился, главным образом, в нижней своей части.

Бережно поддерживая, мы поставили их на порог ресторана Герцога, — как гласила полустертая приветливая надпись.

Ресторан старого Герцога состоял из одной маленькой комнаты, кухни, — рядом и самого Герцога — небольшого, толстенького старичка в переднике и черной шапочке. Заведение было почти полно — мы заняли единственный свободный стол — один из четырех добрых деревянных стариков.

Появление четырех иностранцев не осталось незамеченным.

Одиноким молодой человек в углу отставил большую кружку и, скользя на нас прилично любопытным взором, запутался им в деталях крысаковского убранства. Приятная компания за двумя сдвинутыми столами сочувственно зашептала, но сейчас же, не желая нас слушать, возобновила разговор с удвоенной любовью и силой.

— Почтовые чиновники, — осторожно предупредил нас Герцог. Он старался показать, что наш приход не вывел его из состояния солидного равновесия, хотя наши восторженные похвалы его сосисками заставили вспыхнуть его старые, но тугие, настоящие нюрнбергские щеки.

Это был великолепный старик — самый лучший, какой только мог водиться под заботливыми крышами пожелтевших дряхлых домов. Из тех, которые не сморгнув глазом и не выпуская из рук сковороды, позволили бы перекинуть себя назад за пару-другую веков. Разве тогда не умели пить пива или не ели бы его сосисок? Стали бы пить, не беспокойтесь! Теперь ему тоже неплохо, старому Герцогу, хозяину доброго ресторана — прочного дела с постоянной изысканной публикой. О-о! Он зорко следит за окружающим, прислушивается к духу времени.

Видите вы там одного из его лакеев? Одного и единственного? Малый всего четырнадцати лет, гниловатый на вид, но полный достоинства до краев. Было бы странно, если бы он вешал нос на квинту, раз на нем воротничок и настоящая манишка — прошу обратить внимание на большой вырез жилета. Он сейчас должен повернуться к нам лицом. Вот.

— Однако, — пробормотали мы. — Такого молодца не встретишь в каждом ресторане... Черт...

В самом деле, мальчишка нам не понравился. Это был настоящий отпрыск своего века, дряблый и слабый, как побег от заброшенной в темном углу подвала картошки; высокомерный в отрицании старины и прелести чистых деревянных столов без скатерти. Чувствовалось, что он терпел Герцога только как истоптанную ступеньку к новой жизни настоящего лакея. Конечно, он ничего не имеет против того, чтобы перекинуться с гостями парой слов, но это амикошонство... Нет, нет и нет. Пусть хозяин чокается с господами иностранцами сколько угодно, даже хлопает по животу того толстого, с бакенбардами, который ловит ногой свалившуюся с нее туфлю. Пусть его рука покоится на плече того усатого, маленького, а круглая старая голова кивает отечески губастому — это дело хозяина. Пусть... Но это — непорядок... Нет, нет, это — непорядок.

— Гордый юноша, — с оттенком грусти проговорил Южакин. — Переведите старику, Сандерс, что, если он не перестанет наряжать мальчишку, как дэнди, мальчишка откроет свой ресторан в Берлине... Прозит, херр Герцог! Прозит, майне херрн!!

Почтовые чиновники ответили нам громкими криками, а Герцог, шатаясь от волнения, подошел к нам, чтобы ознакомиться с нашими биографиями и надеждами на будущее.

Возвратившись на ожидавшее его место, старик долго и благожелательно смотрел на собравшийся подмышками Крысакова жилет. Потом опустил взор и, ослабев под тяжестью приятного впечатления, воскликнул:

— Невероятно! В этот живот влезет еще столько же пива, если не более! Невероятно, но факт.

Старик Герцог

Взволнованный и радостный, он поспешил обратно к почтовым чиновникам, чтобы поделиться еще одним открытием и уверить их, что его похвала продиктована иностранцу искренним восхищением, а не материальным расчетом.

— Кажется, я ему понравился, — скромно заметил Крысаков. — Что он там бормочет, Сандерс?

— Расхваливает чиновникам ваш живот.

Крысаков схватился за сердце.

— Какое, вы говорите, место, Сандерс... Грудь?

— Живот, — услужливо поправил Мифасов, стараясь мягкостью тона и тонкостью выговора сгладить тяжелое значение слова. — Нюрнбергский почт-директор интересуется...

— Сандерс! — заревел Крысаков. — Сандерс!.. Если вам дороги наши отношения, скажите ему, что это грудь... Грудь и ничего более... Сандерс!

Он невероятно волновался.

Тщеславие этого человека часто приводило нас в уныние, но никогда так, как на этот раз.

Обладая, действительно, великолепной грудью, он решительно и наотрез отказался признать когда-либо свой живот. Последний, будучи лишен присмотра, вырос до очень солидных размеров — наполовину исподтишка, наполовину открыто, но, как таковой, признания со стороны Крысакова не добился и навеки остался страдать — не то от уколов самолюбия, не то от вечно переполнявшей его пищи.

— Скажите ему, что это грудь... грудь!

Ввиду подобных отношений, вся верхняя часть Крысакова считалась грудью — от головы и до ног, на которых она покоилась в виде мягкого шарообразного элемента, восхитившего старого Герцога.

— Вы скажете, Сандерс, или нет? — зашипел он. — Подымите же ваши проклятые занавески, черт возьми, или я вас нарисую таким уродом, что вам перестанут подавать руку!

Он больно ущипнул меня за ногу и выбросил из-за стола прямо в объятия Герцогу.

— У моего товарища не живот, а грудь, — неумолимо продиктовал он.

— Мой товарищ имеет не живот, а грудь, — помог мне Мифасов.

— Это — грудь, — самодовольно, указал себе под жилет Крысаков.

— Не лучше ли сказать, что это адамово яблоко? — предложил пунктуальный Мифасов. — Старик может не поверить и обидеться.

Старый Герцог ждал, благожелательно помаргивая маленькими нюрнбергскими глазками.

— Сандерс, — злобно усмехнулся Крысаков. — Я нарисую вас по колена себе и по щиколку Южакину. Ни одна девушка не выйдет за вас замуж... Рраз... Ддва... Тррррр...

— Das ist die Brust — это грудь, — сказал я, не глядя на Герцога. — Не живот, а грудь.

Крысаков разразился самодовольным смехом.

На лице Герцога отразилось смешанное чувство страха и любопытства. Грудь Крысакова ему понравилась, но произвела впечатление преждевременно спустившейся.

Я осторожно перевел его слова Крысакову, который уже успел успокоиться и даже поблагодарить старика кивком головы и красивым созвучием — битте-дритте.

Была полная ночь, когда мы покинули ресторан, сопровождаемые лучшими пожеланиями почтовых чиновников и горячими рукопожатиями милого вечного Герцога — творца лучших в мире сосисок; старого Герцога, отделившегося от пожелтевшей страницы книги, чтобы пожать нам руки и исчезнуть за низенькой ветхой дверью, каких много в старом спокойном Нюрнберге.

Художники пошли спать, мы с Южакиным взяли автомобиль — громадный, удобный и неслышный — и поехали по темным спавшим улицам.

— Старый город...

Старый Нюрнберг... старый, старый... Громада темного замка... Черный ров... Вот здесь, в этой башне, колодец, вырытый узниками, в камне, такой глубокий, что семь раз надо вылить воду, пока услышишь первый всплеск: раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь... — медленно бесконечно.

Музей пыток там... Вот здесь прыгнул через ров разбойник...

Дом Альбрехта Дюрера... Лоренц-Кирхе... Себальдус-Кирхе... Рука поднимается и опускается... Тихие слова, старые, старые, по звуку и смыслу — окрашенные столетиями... И ночь чудная.

Гармония так велика, что ни мы, теперь живущие, ни автомобиль не нарушаем ее; не сливаемся с ней, но и не противоречим, кажемся себе скользящими, ничего не затрагивающими. Какими должны быть и люди, спящие за этими ставнями или сидящие за большими кружками мягкого пива и, как оно, спокойные, крепкие, простодушно чуткие и сильные, благословленные любовью к старине.

Они охраняют ее и она их... В них сила ароматных желтых страниц, которые просят не смешивать с глянцевитыми отрывными листками счетной Берлинской книжки.

Было поздно, когда мы с Южакиным оторвались от книги старого Нюрнберга, от тишины и ночного звездного неба.

Когда я вошел на цыпочках в комнату — Крысаков не спал.

Он лежал на кровати, разметав руки, красный и всклооченный, с мучительным выражением блуждавших по потолку глаз, и слабо стонал.

— Грудь болит? — как можно ласковее спросил я.

Он слабо двинул рукой.

— Говорил вам, Крысаков, не есть пятой порции кровяной колбасы, — мягко попенял я, — не ел же Мифасов.

Его глазки злоежеско вспыхнули, а в горле заклокотал хриплый, но довольный смех.

— Мифасов свое получит... Обратили внимание, как он корчился, когда я спросил третью порцию?

— Обратил, — солгал я... — Тоже, небось, Иноземцевы принимает... Желудок то у него...

Крысаков остановил меня тяжелым, презрительным взглядом.

— Не подлизывайтесь, Сандерс... — криво усмехнулся он. — Вы отлично понимаете, что у Мифасова не может болеть желудок, если объелся я... Я говорю про нравственные мучения, Иноземцевы капли здесь не причем.

— Я, кажется, сказал — валерьяновы...

— Не лгите! — крикнул он с несдержанностью больного. — Вам мало, что я вас нарисую плешивым, как цветная капуста, — вы будете еще и колченогим... О-о!. Ох... о, Боже мой... О, моя грудная клетка...

— Узка она вам?... Крысаков... Крысаков, что с вами?!

Он с блуждающими глазами, распухший, приподнялся с подушек... Его глаза метались по белым обоям и идеально чистым занавескам. Предметом, на котором становились Крысаковские глазки, была песочница... с несколькими окурками.

— Наконец-то! — прошептал больной. — Наконец — единственное место, где не так чисто... Боже, благодарю тебя...

По его лицу разлилось тихое чувство благодарности. Я начинал его понимать.

Ему тесно здесь, среди неизменной немецкой чистоты и аккуратности, неумолимой и безбрежной, как Сахара... И вот, крохотный оазис — песочница, и, измученный, он бросается к нему в надежде тени и отдыха.

— Сандерс, — тихо и умоляюще прошептал он... — Сандерс... придвиньте немного эту песочницу... Не в службу, а в дружбу, Сандерс... Вам будет достаточно, если я вас нарисую себе до плеча? Что? До уха?... До уха Мифасову?... Не стесняйтесь, Сандерс — для вас я готов на многое... Вот так... спасибо... Бросьте туда еще эту бумажку и поищите, нет ли у меня в кармане окурков... Есть?... Бросьте их на пол, Сандерс! Смелее, друг, смелее! Браво, браво, Сандерс!!

— Вам вредно так волноваться, Крыса...

— Сандерс, милый!.. — захлебываясь, бормотал он. — Сбросьте со стула мой жилет... ботинки — они за дверью... Я живу, Сандерс!.. Одну ботинку бросьте мне сюда на простыню — я ее не столкну... так. Что за масса волос на вашей голове. Сандерс!.. Какой рост!..

Я подумал, что он бредит, но его мозг работал, как никогда; в каждом слове больного сквозил расчет, сознание цели и ответственности за свои поступки.

— Чистота и штраф, чистота и штраф, — скороговоркой шептал он. — О-о-о, если бы только чистота... А? Сандерс? — больной подмигнул маленькими заплывшими глазками. — Вытереть бы наши ботинки о занавеси? А? Рискнете, быть может?... Самому красивому из нашей компании подобает быть самым смелым... Ну, не надо... Может быть, усну и так.

Он потянулся с видом нравственно удовлетворенного человека и, бросив последний взгляд на разбросанные по полу предметы, опустил на подушки.

Но тотчас же застонал снова — на его глаза надвинулся чистый, бездушный потолок и ничего более...

Больной сбросил с себя одеяло и с хриплым стоном спустил с кровати босые ноги. Он задышался. Потом всдел ступни в рукава пиджака и заковылял по полу, мелкими шажками, насколько позволяли размеры пиджака.

Злая ирония! Когда я посмотрел позже на спинку его пиджака, она была блестящей, но чистой.

— Всюду чистота, всюду аккуратист, — бесконечно устало прошептал страдалец. — Мещанство, мещанство, мещанство...

— Ложились бы, Крысаков.

— Ложиться? — он посмотрел на меня далеким невидящим взглядом. — Ложиться, Сандерс? Хорошо... я лягу.

Было видно, что его измученный мозг страшно работал, с трудом ворочая громадную, как валун, мысль, протаскивая ее по извилинам, цепляясь и скребя стенки черепа.

Мрачная улыбка зазмеилась вдруг на его губах.

Не говоря ни слова, поднял он башмак и вытер его о наволочку своей подушки, потом другой...

— Что с вами? — воскликнул я, пораженный как его поступком, так и выражением злорадного удовольствия, преобразившего его лицо.

— Ничего особенного, Сандерс... Ничего особенного, милый, дорогой друг, согласившийся принять участие в такой сомнительной компании, как все мы... Ничего.

Он смаковал свое торжество, заодно любуясь моим недоумением. Потом сделал по направлению почерневшей подушки церемонный жест и шаркнул пиджаком.

— Битте-дритте. Надеюсь, господа немцы, я имею право пачкать свою подушку — нихтвар? Хе-хе... Он засмеялся звонким, злорадным смехом и с неожиданным проворством зарылся под одеяло. Перед тем как опустить голову, долго смотрел на подушку любовным отеческим взглядом.

— А как же вы спать будете? — осторожно спросил я.

— Ничего, — самоуверенно улыбнулся Крысаков, — я сплю тихо. Вот бакенбардами разве сотру... Ну, да я с краюшку — в тесноте да не в обиде... Хе-хе... Вы тоже, Сандерс, буржуйчик порядочный — как и все, впрочем... В ванне разве вас всех изобразить, а?

Он несколько разнежился на своей подушке и шутил:

— Сознайтесь уж, что брали сегодня ванну, чего уж?

— Брал, — сконфузился я. — Мифасов подучил...

— Мифасов... — он громко зевнул. — Как это ему раздеваться не лень, не понимаю... Диви бы еще спать, а то... Раздеваться, одеваться, разде... — Он заснул.

Этот человек, которому, казалось, достаточно было вынуть из карманов руки или дернуть себя за бечевку, чтобы выпасть из платья, как зернышку из ветхой скорлупки, — был неумолим, когда дело касалось купанья или ванны.

Я смотрел на его мясистое лицо, напоминавшее, благодаря бакенбардам, лопнувший в двух местах мешок с пакей; на зажатый в большой руке единственный, может быть, раз вычищенный ботинок; на искусственно созданный им перед глазами родной уголок, — и думал о трещащем на этих могучих плечах пресловутом немецком кафтане.

Он трещал и трещал, пока не слился с крысаковским храпом и пока силуэты предметов не потухли на чистом фоне уютных стен... Стены растаяли, и я оказался в милом старом Нюрнберге...

Я проснулся от толчка ворвавшейся в комнату тишины, сменившей храп Крысакова.

Все ночи, которые я был вынужден проводить в соседстве с этим человеком, кажутся мне проведенными в углу старой кареты, с дрожащими под немолчный грохот колес дверцами и стеклами. Я засыпаю под этот грохот и просыпаюсь, как от толчка, разбуженный его прекращением.

Когда я, поборов дрему, приподнял веки, Крысаков сидел в углу комнаты на корточках, вертя в руках подобие маленького узловатого бурдючка и, сопя, развязывал замотанную на одном из узлов бечевку.

Время от времени он бросал в мою сторону быстрый и опасливый взгляд.

Его терпение с бечевкой скоро истощилось, и он попросту прогрыз синий мешочек, оказавшийся громадным искаженным под влиянием содержимого носком.

Запустил в дырку два пальца и, вытянув на свет Божий початую восьмушку чаю, долго любовался ею с ласковым и растроганным выражением лица.

Потом положил в умывальную кружку щепотку чаю и принялся, не спеша, размешивать жидкость ручкой моей зубной щетки. Он пил вприкуску.

Выпив две кружки, он спрятал чай и уже собрал края дырки, чтобы завязать их кусочком подкладки, прибавив этим новый, узелок к пяти или шести прежним, как вдруг что-то вспомнил.

«Что-то» оказалось пачкой немецких ассигнаций, которую он тихо, с невероятными предосторожностями извлек из дебрей своего платья, чтоб до поры до времени похоронить в заветных глубинах носка.

Считая недостойным скрывать далее свое присутствие, я сказал с легким упреком:

— Крысаков, Крысаков! Не вы ли нас уверяли, что не имеете ни одной копейки, когда мы, истратившись, отказывали себе в самом необходимом, ожидая денег? Стыдитесь, Крысаков — вы поступили не по-товарищески.

Вместо ответа, он всплеснул руками и воскликнул с фальшивым восторгом:

— Какой вы красивый Сандерс! Я никогда не думал, что вам так идет ночная рубашка! Рисовать вас будет для меня чистым отдыхом и благословением Божиим. Повернитесь ко мне в профиль, чтоб я успел схватить это выражение. Боже мой!.. Благодарю вас.

Но, видя, что лесть на меня не действует, он переменил восторженное выражение лица на скорбное и глухо сказал.

— Бедная старуха! Когда я прощался с ней, она была без памяти от горя.

— Какая старуха?

— Вдова, — сказал он со вздохом. — То есть даже не вдова, а скорее бабушка моего лучшего покойного друга. Старушка верит в меня, как в Бога, и перед отъездом передала мне на сохранение все свои сбережения... Семьдесят лет упорного, каторжного труда!..

Он делал вид, что смахивает слезу, и, стыдясь своей слабости, повторил с мягкой улыбкой:

— Восемьдесят лет работы, не покладая рук! Надо быть последним негодяем, чтобы не сохранить ее денег! Неправда ли, добрый Сандерс?

— Правда, — спокойно ответил я. — Но не объясните ли вы мне, Крысаков, почему каторжная работа старушки оплачивалась немецкими ассигнациями?

Он этого не ожидал. Впрочем, быстро оправился и, схватив с громким фальшивым смехом подушку, бросил ее в мою голову, ловко сбив со стола мои карманные часы. Они погибли.

Нюрнберг

Музей пыток нас несколько разочаровал.

Инструменты были стары и примитивны, коллекция их совершенно не пополнялась. Завоевания последних веков прошли бесследно, не задев, по-видимому, добродушных обитателей города.

Более выгодное впечатление произвел на нас иллюстрированный прейскурانت пыток на любое преступление. Многих было нетрудно поставить дешевыми домашними средствами, что делало их доступными для бедного, маловзыскательного простого люда.

Человек, не гонявшийся за формой и внешним блеском, мог очистить свою душу, сжимая нос обыкновенными сахарными щипцами или растягивая рот аналогичным приспособлением для перчаток.

Людей с более обостренным чувством раскаяния рекомендовалось ущемлять за голову дверьми или каминными щипцами, которыми, при известном навыке, легко удалялся и язык.

Преступные жены свободно исправлялись укладкой их в подобие скрипичного футляра, с забивкой в крышку длинных гвоздей, расположенных по вкусу и под прищмотром особого компетентного лица.

Исправление более мелких пороков обходилось в гроши, начиная с бросания в воду и кончая примеркой собачьего намордника.

Благодаря такой тщательной и детальной разработке дела, гражданин старого Нюрнберга мог нейтрализовать любой грех, сообразуясь, конечно, с немаловажным обстоятельством, что за некоторые он мог заплатить не свыше одного или двух раз, например языком или ухом.

Это, в свою очередь, приучило народ к экономии и тонкому расчету, чтобы, отдав зря язык или нос, не остаться на бобах в более заманчивых случаях. Каждый старался перебиться до поры до времени мелкой монетой: пальцами, зубами и ремнями из собственного материала. Границы развлечения выбирались таким образом по личному усмотрению и варьировались в довольно больших пределах. Самодеятельность поощрялась, всяк был кузнец своему счастью. Мы с трудом оторвались от преysкуранта, соблазненные обещанием Мифасова показать нам росший во дворе замка Барбароссы дуб, посаженный Брунгильдой, — доказательства чему были в надежных руках самого Мифасова.

Дуб оказался корявым, довольно невзрачным деревом — липой, посаженной Кунигундой, а не Брунгильдой.

На все наши вопросы и выражения протеста Мифасов ограничился не лишеным основания замечанием, что время берет свое и присутствие липовой листвы его несколько не удивляет. Что же касается двух женщин, то, по соображениям интимного свойства, он не решается отдать сейчас своего предпочтения ни той ни другой. Это вопрос недалекого будущего.

Будущее — странное, одинокое слово в этом царстве прошлого, набальзамированного тысячами легенд...

Спят старые стены, улыбаясь под осторожными цепкими щупальцами веков, — не дрогнут седые ресницы узких окон, запущенные временем.

Крысаков не выдержал и пригрозил прийти на этуды. Мифасов вызвался дать подробные объяснения к происхождению каменного колодца, приводившегося в действие при помощи семикратного вливания воды.

Согласно известному Мифасову преданию, начало колодца было положено одним набожным узником, протершем в камне дырку собственной головой, при земных поклонах.

Погруженный в молитву, узник заметил свою работу только тогда, когда дыра достигла почтенной глубины в полтора аршина и он свалился в нее головой вниз.

Последующие узники продолжали копать, кто по инерции, кто из честолюбия, не преследуя никаких материальных выгод и не ожидая от своей работы внезапного повышения. Они опускались медленно, но верно.

Глубина колодца сделалась, наконец, так велика, что голос со дна достигал ушей стражи не ранее, чем через полчаса. Это служило неисчерпаемой темой для острот новичкам-узникам и порождало массу веселых *qui pro quo* и сюрпризов.

Случалось, что неопытный или малосообразительный узник требовал соли к бульону, уже сделав один-два глотка; требование исполнялось стражей с немецкой аккуратностью, но соль приходила к сладкому. Горчица спускалась к кофе, кусок сахара к нему будил новичка, падая ему на голову во время послеобеденного сна.

В конце концов, узник приучился угадывать все свои желания за полчаса, и шероховатости сглаживались.

Мы поблагодарили Мифасова, а Крысаков повторил зловещее обещание прийти во двор замка с ящиком и красками.

Насколько он это исполнил, видно из следующей колкой заметки небольшой Нюрнбергской газеты.

«Интересно, о чем думает администрация Замка, на глазах которой выносятся драгоценные остатки старины целыми ящиками. Не далее чем вчера нашим сотрудником был замечен выходящий из ворот Замка человек в рыжей шляпе, согнувшийся под тяжестью покоившегося на его спине громадного ящика. С трудом протаскивая ящик в ворота, неизвестный медленно скрылся по направлению к вокзалу.

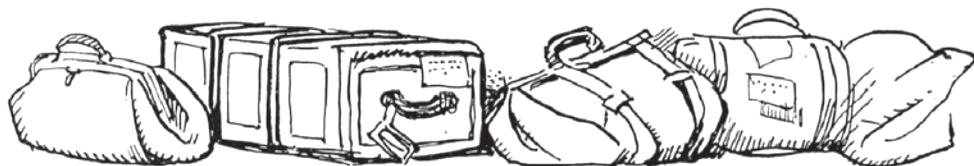
— Судя по размерам и форме ящика, — замечает сотрудник, — это должна быть драгоценная кровать из пятой комнаты Замка, стул и подставка для часов из четырнадцатой. Не исключена возможность исчезновения и самих часов, предусмотрительно завернутых в гобелен.

Интересная деталь: осторожный „любитель старины“ имел при себе запас кистей и красок для быстрой перекраски вещей в случае преследования... Кем? Уж не нашей ли полицией?»

Мы поспешно выехали из города.

Да здравствует Старый Нюрнберг и охраняющие его граждане!

В Мюнхен!

МЮНХЕН

*Вынужденная ограниченность исследований. — Болезнь. — Участие товарищей.
— Обмен резкостью. — В Тироле*

В Мюнхене я заболел (Болезнь эта явилась следствием собственной неосторожности или, вернее, недостаточного умения обращаться с исследуемым материалом. Увлечшись деталями, я был затоплен их массой, (Пшор-брой, Шпатен-брой, Ловен-брой, Хоф-брой и др.) и, ослабший, больной, был вынужден отказаться от изучения других областей искусств.)

Редко чья болезнь протекала среди такого сочувствия.

Товарищи наперебой занимали меня разговорами с целью отвлечь мои невеселые мысли от центра к периферии, от сущности моей болезни на второстепенные предметы внешней жизни.

Они без устали комбинировали сладкие возможности перевезти меня на зеленые склоны Тироля, где бы смерть, раз таковая была неизбежна, показалась бы мне приятной.

— Бедняга Сандерс должен умереть, как подобает человеку с золотым сердцем, — горячо говорил Крысаков. — Иначе я не прощу себе этого всю жизнь.

— Крошка Сандерс испустит дух у подножия доломитов, — торжественно поднял руку Южакин.

— Мальчика следует отнести на ледник, — задумчиво говорил чистоплотный Мифасов. — Это одно в состоянии предотвратить быструю порчу.

Они горячо обсуждали текст телеграммы, которую пошлют из Тироля издателю, человеку непосредственно заинтересованному в датах нашей смерти. Каждому хотелось, чтобы была принята его редакция.

Южакин предполагал просто:

— Krochka scondhalsia — крошка скончался.

Крысаков и Мифасов, единодушные в понятиях о красоте, предпочитали более изящное:

— *Enfant est fini* — дитя погибло.

Попробую, дышит ли он?

Я присоединился к большинству, и они уехали спокойными в кабачок Симплициссимуса, шумно обещая послать по дороге доктора на случай необходимости констатировать мою смерть.

Доктору не удалось этого сделать, и после нескольких неловких приемов со шприцем он сказал:

— Вы здоровы.

Я с ним не согласился и дал ему девять марок. А чтобы смягчить этот поступок, спросил:

— Вы были в Берлине?

— Милостивый государь, — вежливо, но убийственно холодно ответил он: — Если вы и не вполне здоровы, то во всяком случае настолько, чтобы отвечать за свои слова. Не так ли?

— Так, — сказал я невнятно.

— Тогда пусть вам будет известно, что я был в Лондоне, был в Париже, был где угодно, только не в Берлине.

— А я думал, что вы — пруссак, — воскликнул я с неосторожностью человека, стоящего одной ногой в могиле.

— Я — пруссак?! — сдавленным голосом спросил он. — Милостивый государь... — он дрожащими руками собрал свои инструменты... — Милостивый государь... В таком случае, вы — то же самое!

— Вы всегда так разговариваете с больными? — спросил я, приподнимаясь с подушки.

— Простите, — пробормотал он, пристыженный.

Я хотел у него спросить, все ли граждане объединенной Германии обидчивы до такой степени, но он ушел.

Меня повезли в Тироль.

ШТЕЙНАХ

Вздорное обвинение. — Разрыв. — В свободную страну!

Только теперь, оглядываясь назад, я постигаю, насколько серьезна была моя болезнь. Не ограничившись полным расстройством органов пищеварения, она привела в негодность часть моего мозгового вещества, посеяв в нем мысль поехать в Штейнах.

Не знаю, может ли служить мне оправданием, что в «Спутнике туриста» (С. Н. Филиппов) сказано о Штейнахе, как об одном из лучших мест на земной поверхности. Едва ли. По крайней мере, я напрасно протягивал к товарищам лживую и во всех отношениях скверную книжку. Они только отмахивались и повторяли:

Вы нас предали, Сандерс... Ваша игра слишком очевидна... Акции курорта, котирувавшиеся не выше газетной бумаги три дня тому назад, прыгнули втрое. Почти во столько же, во сколько мы увеличили собой число туристов...

— Друзья мои, — вскричал я. — Друзья мои! Разве здесь, в этой книжке, не сказано ясно: «С половины июля и до сентября — огромный наплыв туристов?»

— Вы — гениальный финансист, Сандерс, но вы — плохой товарищ, — отвечали они с сухими ироническими улыбками.

— И это в благодарность за то, что я оставался лишние сутки в Инсбруке, в этой... столице Тироля (в припадке гнева Крысаков не разбирал слов), чтобы купить себе чемодан и поднять вас на ноги, Сандерс. Но и у вашего одра, Сандерс, вы представляли бы труп, жалкую куклу, которая была бы не в состоянии вознаградить меня за хлопоты даже оставшимся после нее платьем!

— Действительно, Сандерс, надо быть большим эгоистом, чтобы шить себе платье, которое не налезает ни на одного из ваших товарищей, — согласился Южакин.

— Вы это называете эгоизмом, Южакин?! Это — низость, тонкий, гнуснейший по своей сложности расчет. Ну, пусть его пиджак не лезет на вас, короток Мифасову, но при чем здесь я? Это уже не совпадение, это... это...

— В самом деле, Сандерс, — тонко улыбнулся Мифасов. — Наши костюмы вам впору, даже велики. Костюм Южакина, например, налезет на каждого, а ваши... Ко-

нечно, конечно, ваши брюки на меня налезут, но едва ли они будут изящны, Сандерс. По крайней мере, без кружев.

— Кружева вы можете пришить в Венеции, Мифасов, — робко возразил я, — где-нибудь против дворца Дожей... А здесь приняты голые колена. У вас эта часть очень эффектна, Мифасов, и вряд ли еще повторится удобный случай показать себя с такой выгодной стороны... Я вам отложу одни брюки?

— Пожалуй, — небрежно позволил Мифасов. — Тирольский костюм мне нравится.

Он порылся в несессере и, достав кисточку для бритья, прикрепил ее к своей панаме. Потом взял платье и ушел в свою комнату.

— Мерить пошел! — фыркнул Крысаков, позеленев от зависти. — Я вам этого не прощу, Сандерс. Я вам, я вам...

Атмосфера становилась слишком густой. Я понял, что эти люди не простят мне Штейнаха, что мое присутствие около них только раздражает гноющую рану, и я сказал:

— Господа! Я чувствую, что мое присутствие становится для вас тяжелым.

— Облегчить его — зависит только от вас, Сандерс, — радушно сказал появившийся в дверях Мифасов.

Тирольский костюм чрезвычайно шел к нему, оттеняя хрупкую стройность стана и мечтательное выражение глаз.

— Мы вас вылечили, — прибавил Южакин, — отходили... Вырвали вас из цепких лап смерти.

— Мавр сделал свое дело? — иронически улыбнулся я.

Он сделал вид, что не слышал этого замечания.

Из полуживой развалины превратили вас в цветущего, полного сил человека... Имеем мы, после всего этого, право оградить себя от риска попасть с вашей помощью в какой-нибудь Блюденц или Кицбюхель или Целль там, Цоллерь? Имеем на это право или нет, господин Сандерс?

— Имеете, — со спокойной улыбкой согласился я. — Но, смею поинтересоваться, каким образом вы будете обходиться без моего немецкого языка?

Я приготовился к их замешательству, но вместо этого они разразились хохотом.

— Вашего немецкого языка? — взвизгнул Крысаков. — Ваш язык, — не будем говорить о его национальности, — достаточно опротивел мне за время вашей подозрительной болезни. Его

Тирольский костюм чрезвычайно шел к нему

язык, господа! Он воображает, что если я смотрел на него из жалости, чтобы исследовать его...

— Действительно, Сандерс, это вы немного того, заврались, — снисходительно потрепал меня по плечу Южакин. Согласитесь, что таскать за собой человека, хвастающегося заслуженно или незаслуженно своим языком, может стать, наконец, тяжелым. К тому же Италия — страна, которую мы намерены теперь посетить, совершенно не нуждается в людях с немецкими органами.

— В тедесках, как говорим мы в Италии, — перевел Мифасов.

— Короче: вы нас будете только компрометировать, — отрезал Крысаков. — Так как единственный язык, мало-мальски пригодный в стране Гарибальди, это — мой!

Мифасов и Южакин одобрительно взглянули на его большой, хвастливый язык и сказали:

— Он прав, Сандерс. Ваш язык, действительно, поистрепался за это время. Жизнь требует чего-нибудь более свежего. Ваш дальнейший маршрут?

— Мой маршрут? — с улыбкой спросил я. — Мой маршрут ясен. В Швейцарию! В свободную Швейцарию, где люди не знают власти, но и не знают рабства! Где не залезают не только в вашу комнату, но и в вашу душу. Где люди сходятся свободно и открыто, как два путника на вершине горы, поднявшиеся с разных сторон. Пожмут ли они друг другу руки и разойдутся навстречу цветам зеленеющих склонов? Сплетутся ли в объятия и бросятся в пропасть, где тьма или царство облитого солнцем льда? Не все ли равно?

Не все ли это равно для льда, для солнца, для пасущихся на склонах стад и для людей, для тех людей, которые знают только два слова: «свобода и равенство» (для швейцарцев). Два слова! Но когда их лепечет малютка, проснувшийся в теплой люльке, и орел кричит над вершиной красной, голой скалы, когда замирают они на сухих устах старухи, звенят в колокольчиках стад, — они образуют глетчер, могучий, неудержимый глетчер, питающий сотни, сотни горных ручьев. Они разбегутся всюду, эти ручьи, чтобы напоить красивых, свободных людей чистой, холодной влагой, они научат их играм и шуткам...

— Кажется, мы его слишком обидели, и он дал течь, — сконфуженно сказал Южакин. — После болезни его следовало бы щадить.

— Не поминайте нас лихом, Сандерс, — искренно попросил извинения Крысаков. — Когда будете лететь куда-нибудь в пропасть, удерживайте себя за волосы или подмышки: это смягчает удар.

— Осторожнее с глетчером, — предупредил Мифасов. — Не забывайте, что он движется, и прыгайте с него лицом вперед. С правой стороны.

— До свидания, мои друзья, — просто ответил я. — До свидания, Крысаков, до свидания, Южакин, до свидания, Мифасов. Не надо слез, потому что я иду навстречу свободным людям. Не надо речей, потому что каждое ваше слово ничто в сравнении с теми двумя, которые принадлежат этим людям — швейцарцам.

Прощай маленький Тироль, где набожность и экономия обнажила людям колени, а природа научила только труду и глупеньким игрушечным песенкам. Прощай!

В ШВЕЙЦАРИЮ

Человек, не понимающий шуток. — Забытые люди. — Профессор музыки

— Табак есть? Водка есть?
— Нет.

В последний раз оглядываюсь на Боденское озеро, и я в Швейцарии. А через каких-нибудь три часа я буду в Цюрихе — центре и самом большом городе маленькой, но лучшей в мире страны.

— Мерштеттен!.. Мюльхайм!..

Против меня сердито уселся коренастый, пожилой человек в широкополой шляпе, с мужественным лицом и выправкой военного.

Сын свободной страны... Такой человек сшиб стрелой яблоко с головы сына, — подумал я.

Он, как будто, угадал мою мысль и, пронизав меня взглядом стойких, серых глаз, в которых еще тлели искорки гнева, спросил по-русски:

— Скажите, не встречались ли мы около Перми этак два года тому назад? В вагоне? Я был в военной форме и с кадетом, а вы его кормили Гала-Петер... Не помните? Экая у вас память куриная...

— Я многих кормил Гала-Петер, — обиженно сказал я.

— Ну, это неважно... Они вам покажут, мерзавцы... Швейцарцы...

— Простите, господин... полковник, — сухо возразил я. — Насколько я знаю...

— Да что вы знаете?! — нетерпеливо перебил он. — Вашей племяннице кулак когда-нибудь подставляли? Подставляли?

— То есть как это кулак?

— Очень просто! Чтобы когда она садилась, кулак подсовывали? Случалось?

— Над своей я этого не наблюдал, — откровенно сказал я.

— Не наблюдал! Ха-ха! А я вот только-только не наблюдал... Я бы ему саданул! Я бы ему по зубу-то свистнул!

Пыхтя и кряхтя от усилия держать себя в границах, он продолжал:

Прибытие в Швейцарию

— Хорошо еще, что племянница — сдержанная девушка, умница, только потом рассказала, когда поезд ушел... «Знаешь, говорит, дядя, как сейчас надо мной подшутили? — Не знаю. — Ищу я в вагоне место и вижу одно свободное, против двух дам, рядом с их кавалером... Скорее туда... Трах! А он под меня кулак подставил. Так я до потолка и подпрыгнула. Больно, стыдно, а он заливается... Дамы тоже. А?!»

— Неуместная шутка, — пробормотал я, сознавая в душе, что ручей, обучавший шуткам швейцарского кавалера, был не из самых изысканных.

— Вы находите! — ядовито прищурился господин и с злобной иронией кивнул в угол вагона.

— Полюбуйтесь!

Там, прикорнув к стенке, дремало странное существо с громадным клубком под подбородком. Одна рука, свесившаяся как плеть, медленно раскачивалась от толчков вагона, обремененная чудовищной, корявой, как кора дуба, кистью, другая лежала на коленях, сжатая в темный, жесткий кулак.

— Красавец, — прошипел отставной полковник. — На этакий кулачок наткнуться — прошу покорно.

— Что это у него под подбородком? — с ужасом спросил я.

— Зоб, — ответил он с злорадной улыбкой. — Зоб у голубчика. У старушки, вон, тоже, у окна. От чего? Одни говорят, что от воздуху, другие...

— Ну, и попадают же ручейки, — подумал я.

— Но неужели нет средств избавиться от такого украшения?

— Не знаю, право, — сказал он лениво. — Говорят, что есть. Вырезать какую-то там железу и все. Только... только идиотами они после этого становятся.

— Ну, что вы?

— Да, да... Выбор: или с зобом или идиот — кто как любит.

— Скромный выбор, — корректно заметил я, чувствуя, что его спокойный тон начинает возбуждать во мне негодование. — Я думаю, что и вы поломали бы голову часок, другой.

Он зевнул.

— Не знаю, не приходилось. А что касается вот такого молодчика — ему и думать долго нечего. То идиот с зобом, а то будет без зобу... Настоящий франк от фальшивого всегда отличит инстинктом, а это главное. За отельчиком и за детишками жена присматривает. Вот и все... Фрауэнфельд?

— Фрауэнфельд!..

— До свидания.

До свидания! Недобрый, но и недалекий человек... Достаточно одной неловкой шутки со стороны простодушного и не в меру веселого малого — (возможно еще, что он просто хотел предохранить девушку от чувствительного удара о сидение) — чтобы вызвать в твоей душе вихрь злобы и жажду издевательств над несчастьем ближнего. И какого ближнего?! Одного из тех, что сумели на своем крохотном клочке земли водрузить знамя демократии и свободы выше всех государств Европы.

Так высоко, что его и не увидеть тебе, темный человек, злобствующий по милости усевшейся на чужой кулак племянницы.

Милый старик, сидящий наискосок от меня! Твое лицо носит следы усталости после трудового дня. Твои добрые глаза смыкаются, утомленные лучами солнца, ласкавшими сочные овощи на твоём маленьком огороде. Но, может быть, ты вовсе и не огородник, а честный торговец или учитель, потому что твои старые руки светлы и мягки, а пальцы даже настолько длинные и гибкие, чтобы принадлежать профессору музыки.

— Кажется, скоро Винтертур, милостивый государь? Я очень извиняюсь, если потревожил ваш сон...

— Ничего, ничего... — он приветливо кивает головой, играя ласковыми сетками морщин около глаз и по углам рта. — Ничего. Я должен слезть в Винтертуре и очень вам благодарен, что успею немножко оправиться до остановки. На урок следует всегда являть-

Там, прикорнув к стенке, дремало странное существо

ся в приличном виде... Да, да, я даю уроки на скрипке... Кажется, мой галстук немного съехал, не правда ли?

Он тревожно потрогал толстый и старый, по-видимому, вывернутый наизнанку галстук.

— В порядке? Благодарю вас... Может быть, вы тоже играете на скрипке? Или на рояле?

— К сожалению, ни на том, ни на другом.

Он высоко-высоко вытянул седую голову и гордо улыбнулся.

— К сожалению! Учиться музыке — это великое счастье, которое дается только очень немногим. Для этого надо быть богатым человеком, милостивый государь. Не правда ли?

— Почему же? — удивился я. — Мне кажется, что и бедный, раз у него есть способности...

Доброе старческое лицо сделалось строгим.

— Бедные должны работать, — неумолимо проговорил он. — Работать и только работать.

Я невольно взглянул на громадную, посиневшую кисть человека с зубом. Вероятно, он работал и только работал.

— Винтертур!..

Следующая остановка была Цюрих.

ИЗВОЗЧИК

Есть ли в витрине европейской цивилизации предмет более броский, чем извозчик?

Я встречал людей, отрицавших культуру Запада целиком, но, когда речь касалась этих людей, верхней своей частью столь же неразрывно и гармонично связанных с газетой, как нижней с козлами, они умолкали.

Умолкали, чтобы не сказать:

— За границей извозчик — это воплощение торжества лучших инстинктов человечества. Это — само человеческое достоинство, это — олицетворенное сознание честно выполняемого долга.

Он в состоянии продержать вас полчаса у дверей пивной, где он будет допивать свою честно заработанную кружку пива, но в то же время он никогда не откажется пожать вашу руку, если она протянута от чистого сердца и не замарана безнравственным поступком.

Вы никогда не увидите извозчика без газеты, ибо его мозг постоянно нуждается в здоровой пище.

— Это лучшие знатоки политики, каждый из которых в состоянии предугадать исход любого конфликта между державами. Они знают цену союзам и предвидят результаты выборов не хуже, чем курсы акций на следующий день.

— Они лучшие граждане страны.

Он вошел в пивную, поддерживая руками громадный живот, как бы не решаясь опустить его сразу на кривые слабые ноги, и присел к моему столу.

— Здравствуйте, — сказал он и, сняв с головы старый, чем-то расстроенный цилиндр, закрыл им мой хлеб.

— Пива! — крикнул он.

— Здесь где-то был мой хлеб, — скромно намекнул я.

Он пожал плечами и, освободив хлеб, прикрыл шляпой солонку.

С минуту он сидел молча, уставившись на меня мутными, как огуречный рассол глазами, жутко освещавшими его синеватый нос.

— Иностранец? — коротко спросил он.

— Русский.

— Я так и думал.

Он засмеялся в восторге от своей догадливости и пустил в мою тарелку клуб скверного дыма.

Я сделал страдальческое лицо и закашлялся.

— Хорошая сигара, — улыбнулся он. — Два сантима одна штука.

— Дорогая, но скверная, — желчно сказал я, отодвигая тарелку.

Я не люблю дыма, а с картофельным салатом в особенности.

— Вам, вероятно, он вреден, — с оттенком легкого сострадания угадал он и пустил мне в лицо еще пару клубов, погрузившись потом в газету, листы которой высывались из-за борта его жилета и торчали изо всех карманов.

Удивительно, как внешность человека не гармонирует иногда с содержанием!.. Этот маленький синий нос, похожий на узелок на конце колбасы, эти жирные дряблые щеки, поставляющие пот и сало на отвороты пиджака, живот, вздувшийся от пива, кривые пальцы и... мозг.

Мозг коммерсанта, политика, если не философа.

И... козлы!

Я представил себе нашего Ваньку, часами глазеющего на небо или клюющего носом, в то время как другой человек, равный ему по социальному положению, впитывает в себя весь мир, и мою душу наполнил стыд.

Стыд и глубокая симпатия к этому некрасивому, неуклюжему труженику, обладавшему кое-чем большим, чем дешевая показная вежливость, — жадой знания.

Она казалась неутолимой. Его тусклые глазки жадно скользили, пожирая один лист за другим, а вылетающие из горла хриплые восклицания, то гневные, то радостно-изумленные, заглушались перекатами кипевшего на дне необъятного желудка пива.

— Есть что-нибудь новенькое? — не выдержал я.

Мой вопрос показался ему наивным.

— Что-нибудь новенькое, сударь? Когда в газете тридцать страниц, не считая половинки кое-какого вздора в конце, то должно быть что-нибудь новенькое? Особенно, в такой газете, которую читает весь город. Как вы думаете?

— Я предполагаю — что-нибудь особенное... — смешался я.

— У всякого свое особенное, сударь — добродушно улыбнулся он... — Ну, вот, если хотите, — это должно удивить каждого, — на улице Гюлей продается за сто франков пианино... Что?

— Неужели вы еще и играете? — воскликнул я и представил себе строгую физиономию профессора музыки из Вантертура.

Толстяк расхохотался.

— Разумеется нет, сударь. Но разве это не интересно?.. Почти новое за сто франков?!..

— Так себе, — сказал я. — А что дальше?

— Дальше?.. Музик-директор продает кухонную посуду... гм... — Он задумался. — Почему ему продавать кухонную посуду? Теперь?

— Он покупает новую, из белого металла, — нетерпеливо сказал я.

Мне начинало казаться, что толстяк издевается.

Извозчик

— Покупает новую?... Странно. № 64. Хороший диван, улица Леопар... Почти новое платье... Боже мой!

— Не надо, — остановил я его с дружеским укором: — Неужели вы серьезно думаете, что нас, русских, ничего не интересует, кроме такой ерунды?

Его мутные глазки округлились.

— Ерунды?! — прошептал он. — Вы называете, сударь, ерундой то, что может понадобиться каждую минуту? Посуда, пальто, стулья? Почти новое пианино за сто франков?! Понимаете ли вы, что говорите, сударь? — В его голосе послышалась обида.

— Да ведь вам это не нужно? Вам лично? — мягко спросил я.

— Мне? Пианино? — он растерянно посмотрел на пять розовых сосисок, воткнутые в тесто его ладони. — Да, да мне не нужно... Это слишком дорогая мебель, сударь... Но мне может понадобиться диван. Мне может понадобиться посуда!!

Он торжествующе посмотрел на меня.

Я взял его газету, и мое сердце замерло. Это была сплошная публикация, за исключением последней полустранички, посвященной всей вселенной. Я скользнул по ней глазами и узнал, что в России отравился рабочий, в Англии потерпела аварию рыбацья шхуна... Скатился с крыши французский каменщик и произнес красивую речь император Вильгельм.

В этой газете вы найдете все, что угодно, — самодовольно проговорил он. — Это самая интересная газета.

Он был прав. На этих восьми зеленоватых листах было все, что угодно. Предлагалось и требовалось, покупалось и продавалось. Старое и молодое, новое и потрепанное.

Мебель, посуда, скромные женихи и целомудренные невесты, строгие вдовы, коровы, лошади, машины и здания. Все это красовалось с одинаковым достоинством, с сознанием права быть проданным и покупаться, точно и верно расцененное.

— И вы читаете это все? Целиком? — воскликнул я.

— Все!

Он посмотрел на меня с высокомерно-хвастливой улыбкой и постучал по лбу одной из своих сосисок.

— Для этого нужно иметь время и кое-что здесь.

Потом опрокинул в рот кружку и кинул в пространство:

— Пива!

МОЯ ХОЗЯЙКА

Это была миниатюрная старушка, лет семидесяти, фрау Мюллер, с лицом, сморщенным, как бумага для абажура.

Ее редкие белые волосы стягивались на затылке в маленький узелок, похожий на головку чеснока, а улыбка открывала дряхлый, глухонемой зуб, упрямо стороживший совершенно пустое помещение.

— Вы русский, — сказала она ласково и чуть-чуть лукаво, словно уличая меня в простительной детской шалости. — Комнаты я вам сдать не могу.

— Извините, сударыня, — строго возразил я. — В вашей публикации не было этой приписки: «только не для русских», как во многих других. Иначе я бы не стал вас беспокоить.

Она растерянно улыбнулась.

— Единственно, что в ней было оговорено — это моя солидность и скромность. Скромный, солидный господин. Это я.

— Возможно, — слабо согласилась она. — Как ваша фамилия?

— Сандерс.

— Господин Сандерс? Но, ведь, это иностранная фамилия?

Я скромно улыбнулся.

— Вот видите, фрау Мюллер, как опасно судить о человеке по наружности.

— Вы долго будете жить? Только месяц?.. Русский... 35 франков.

— Прекрасно.

— Только, господин Сандерс...

Ее сухое личико приняло таинственное и стыдливое выражение.

— Только... без женщин, господин Сандерс, без женщин... Что? У меня в прошлом году также жил один русский и платил сорок франков. Пять за невесту, вы понимаете?

— Они жили вдвоем?

Старушка надменно нахмурилась.

— Как вдвоем? Вы дурно думаете обо мне, господин Сандерс. Да, да, я вас понимаю. У нас также есть особы, которые сдают комнаты таким... таким... Которые живут так. Не муж и не жена, а так... так...

Она красноречиво помахала маленькой ручкой, похожей на связки сухого гороха.

— Вы сами знаете, что это такое.

Ей было тяжело это объяснить более подробно.

— Понимаю, фрау Мюллер, — сказал я, — понимаю. И чрезвычайно рад, что хоть в вашей квартире могу считать себя избавленным от встречи с людьми, живущими, извините меня... вдвоем. Я не из таких... Да!.. Так за что, смею спросить, вы брали с них сорок франков? Тридцать пять за комнату и пять?

— За невесту, господин Сандерс. Он требовал, чтобы его посещала иногда невеста, а мое условие — без дамских визитов. Наконец, я согласилась.

— Другими словами, фрау Мюллер, — сухо перебил я, — вы хотите сказать, что в этой комнате, в этой самой комнате, которую вы теперь предлагаете солидному и скромному человеку, происходили... я не скажу: оргии, но...

— Я брала за это пять франков, — с достоинством сказала она.

— Так это вы брали, сударыня, вы. Но каково мое положение? Положение человека, вынужденного жить там, где какой-нибудь год (даже меньше!) тому назад...

— Но тридцать пять франков — недорого, — пролепетала она упавшим голосом. — На один месяц?

— Недорого! Гм!.. Не в этом дело, сударыня. Моральное состояние человека, непрерывно сознающего, что в его комнате еще недавно... развлекались невенчаные молодые люди... Что на этом столе, на этих стульях, на этой... мебели, которую я стыжусь называть ее настоящим именем... — я неопределенно показал на кровать.

Лицо старушки сделалось строгим, но в то же время сочувственным.

— Господин Сандерс!

— Фрау Мюллер!

— Господин Сандерс, я вас понимаю. Я вас прекрасно понимаю. Но можете быть уверены, что в квартире не происходило ничего подобного. Ни-че-го подобного. Девушка — из прекрасной семьи.

— Хотелось бы этому верить, — мрачно сказал я.

— Будьте спокойны, господин Сандерс... Вы можете спросить там, — она указала на балкон противоположного дома. — Там. Вечером, ровно в половине девятого, я стучала им в дверь. Девушка никогда не оставалась более двух с половиной часов.

— Два часа за пять франков? — грустно улыбнулся я. — Я начинаю бояться, фрау Мюллер, что вы слишком дешево цените добродетель.

Мои слова произвели на нее сильное впечатление и заставили устыдиться собственной слабости.

— Конечно, конечно, господин Сандерс, — прошептала она. — Но это были такие дети... Такие дети... Да, да, разумеется... Я вижу, что могу положиться на вас, господин Сандерс. Не правда ли?

Она твердо посмотрела мне в глаза.

— Да, я не сомневаюсь, господин Сандерс. Я так и думала, когда услышала вашу нерусскую фамилию. Эти русские, эти бомбы... Всюду, всюду бомбы!

— Куда бы вы ни взглянули, фрау Мюллер. В России скоро негде будет упасть яблоку.

Она сокрушенно покачала головой.

— И, знаете, что еще хуже? Они очень часто не платят за квартиру, очень часто. В Швейцарии это не любят, господин Сандерс. Не любят...

Она тревожно замялась.

— Оригинальная страна, фрау Мюллер...
За комнату можно уплатить вперед?

— О, да! И один франк за услуги. Это недорого, господин Сандерс.

— Крайне дешево, фрау Мюллер! Один франк прислуге...

— Мне, господин Сандерс. Уборка комнаты, платье, сапоги...

Я представил себе, как эта опрятная, хрупкая старушка, которая при первом же сквозняке могла вылететь за окно, будет чистить мою обувь, возиться с умывальным тазом и ведром, и сказал:

— Все это я могу проделать сам, фрау Мюллер. В вашем возрасте...

Она энергично замотала белой, трясущейся головой.

— Господин Сандерс, я работала всю жизнь, я не могу жить без дела... Мой сын тоже работает, — инженер... Мы живем вместе... О-о! Он хорошо зарабатывает, очень хорошо зарабатывает, — на ее лице заиграла улыбка материнской гордости. — И... знаете что?

Она лукаво прищурила кроткие, бледные глаза и, прикрыв рот рукой, сказала:

— Я хочу, чтобы он женился, — дочь музик-директора. В воскресенье я ему это скажу, за завтраком...

— Воображаю, как он обрадуется, — заметил я.

— О, да! Да! Он уже давно хотел жениться на дочери полицейского чиновника, но я думаю, что лучше будет на этой.

— Конечно, тем более, что переход с дочери полицейского чиновника на дочь музик-директора вряд ли покажется ему заметным, фрау Мюллер.

Она нерешительно пожала плечами.

— Дочь музик-директора — очень образованная девушка. Она говорит на четырех языках. Вы читали в газетах ее объявление: молодая девушка желает научиться хозяйству и стирке в интеллигентном семействе?

— Читал, и знаете, что я думаю, фрау Мюллер? Если она еще играет на рояле, то, вместе с четырьмя языками, это будет хорошее подспорье к стирке... Ведь тогда и по-давно можно будет обойтись без прислуги.

— Еще бы, господин Сандерс, еще бы!.. Значит, вы платите один франк за услуги, и если хотите кофе, то еще двенадцать франков в месяц. Хорошо? А теперь я вам советую пойти в участок и отдать ваш паспорт. В замен вы получите билет.

Паспорт; участок... Родные слова, так странно звучащие в этой стране свободы.

Я отправился за вещами и в участок.

Каждое утро она мне приносила чашку кофе с бледным хлебцем на блюде, и я пользовался случаем, чтобы поболтать с ней пять-десять минут.

Моя хозяйка

Но чем дальше, тем ответы ее становились короче, тем проворнее схватывала она с комода наполненный мыльной водой таз. Несмотря на то, что темы, которые я затрагивал, били ее по нервам, возбуждали подъем давно угасшего духа.

— Знаете ли вы, фрау Мюллер, сколько у нас стоит фунт мяса? Ни более, ни менее, как 50–60 сантимов на ваши деньги! Что? Ха-ха-ха! Еще не так давно оно стоило вдвое меньше!

— Скажите мне, фрау Мюллер, откровенно: вы представляете себе курицу за полтора-два франка? А я их уничтожал десятками!

Она шептала:

— Сорок сантимов... Полтора франка...

И выпытывала все новые детали, стараясь иногда объяснить, во что превратился бы мир в умелых руках швейцарцев, обладающих мясом и курами за эту цену.

Но однажды с болью вырвавшись из этого царства грез, она твердо, хотя негромко, сказала:

— Господин Сандерс... Я давно хотела это сказать, но... но я думала, что вы догадаетесь сами...

— Вперед за кофе? — беспечно спросил я,

— Нет... Впрочем, и это, господин Сандерс... Но главное...

— Да говорите же, фрау Мюллер, говорите...

— Я очень боюсь, что вы поймете меня дурно, господин Сандерс... Не так, как надо...

— Фрау Мюллер...

— Нет, нет, нет. — Она перевела дух и произнесла более или менее решительно:

— Я вам уже давно хотела сказать, господин Сандерс... Всякий раз, когда я прихожу к вам по делу, вы задерживаете меня на пять, десять минут. И мы остаемся одни... остаемся одни...

— Одни, фрау Мюллер, одни.

Она решила, что я ее понял, и улыбнулась увядшими ленточками губ, одиноким, застенчивым выглянувшим зубом.

— Вы понимаете, господин Сандерс?... Вы понимаете?... В этом городе — такие, такие сплетни.

Она слабо указала на балкон противоположного дома и повторила.

— Это настоящее сплетниче гнездо, господин Сандерс.

Я героически справился с душившим меня смехом и любезно сказал:

— Фрау Мюллер... Вы забываете, что я слишком стар, чтобы подавать еще поводы к сплетням.

Она отрицательно покачала головой. И, взяв таз, зашлепала туфлями, гордая своей незапятнанной репутацией в прошедшем, настоящем и будущем.

Как бы раскаркалось сплетниче гнездо, если бы узнало, что иногда я угощал фрау Мюллер вкусным швейцарским шоколадом!

Мы мало разговаривали друг с другом после нашего объяснения; только раз, когда я попросил ее выбросить почти целый хлеб и большой кусок полузасохшего сыра, она грустно сказала:

— У вас, вероятно, давно нет матери, господин Сандерс?

— Не скажите, — возразил я уклончиво.

Я не скажу: оргии, но...

— Почему же она не научила вас покупать ровно столько, сколько вам нужно, господин Сандерс?

Я скромно ответил:

— Мы еще дикари, фрау Мюллер, и редко закусываем в одиночку. При расчете на число желудков легче ошибиться, чем на вместительность одного.

В ее взгляде светилось глубокое сожаление.

Расставаясь, я сказал ей:

— Я уезжаю, фрау Мюллер... Ваша комната была верхом совершенства, ваша любезность превосходила все, мною доселе виденное. Я уезжаю с глубокой грустью и лучшими воспоминаниями.

Она подняла на меня кроткие, бледные глаза и жалостно сказала:

— Господин Сандерс, мне так жаль, что вы уезжаете... Очень, очень жаль...

В моей голове пронеслись ботинки и платье, которые я сам чистил в порыве сыновьего почтения, несколько плиток шоколаду и два-три букета цветов, подаренных ей, когда она возвращалась с кладбища, где покоился прах ее мужа, и я подумал:

— Ты заслужил эту скорбь, Сандерс, и это моргание маленьких мутных глазок, за которым сейчас польются слезы... Не надо слез, не надо...

— Ах, господин Сандерс! Это ужасно, что вы теперь делаете, именно теперь.

— Когда ты уже успела привязаться, бедняжка...

— Когда так трудно сдать комнату, господин Сандерс...

— Ах да... Конечно, конечно... Прощайте, фрау Мюллер!

Прощайте!.. Маленькая швейцарская старушка с монеткой, ровно бьющейся между восьмым и девятым ребром.

Ты честно заработала ее, вечная, целомудренная труженица!

ЗАБЫТЫЕ ЛЮДИ

Рассказ белобрысого юноши

Да, они были некрасивы, очень некрасивы. Особенно мужчины — угрюмые и сутулые с мутным взглядом, с громадными узловатыми кистями длинных рук, с согнутыми в коленях ногами.

Многие держали ружья, а шляпы и платья их были украшены разноцветными лентами, вносящими нотку тупой наивности.

Эти ехали на один из бесчисленных маленьких праздников стрельбы и были слегка пьяны, как и многие другие, ехавшие просто для прогулки...

Были и совсем трезвые, но их полусонные глаза и свободно вихлявшие в суставах члены делали их похожими на пьяных.

Они не были сдержаны, чувствуя себя хозяевами вагона, громко смеялись и пели, а ссохшиеся пальцы их заскорузлых рук блуждали по коленям, бедрам и грудям сидевших рядом женщин.

Это была их собственность — спокойные некрасивые женщины в черных корсетах, высоких и плоских, раздавливающих груди.

А свободные от легкой белой материи шеи, с большими кадыками и припухшими железками, казались столь же предназначенными для дешевых украшений, как для большого альпийского колокольчика.

Они отвечали на ласки неопределенными улыбками, реже пожатием руки, еще реже поцелуями.

Многие держали ружья

Они знали, что это их право или обязанность, поэтому мало стеснялись, не придавая значения присутствию посторонних и еще менее случайному уродству своего собственника.

Среди мужчин я заметил двух или трех идиотов природных или, может быть, изготовленных по рецепту того сердитого господина с племянницей.

Наблюдать за ними было скорее любопытно, чем весело, и я вздохнул облегченно, когда поезд остановился.

— Везен!..

Картина, которая мне представилась, была немного олеографична и все же прелестна. Я пошел вдоль Валльского озера, узкого, очень глубокого, сжатого стенами утлых, местами совершенно голых скал.

Его неподвижная, немая вода казалась голубым застывшим металлом, эмалью, подернутой розово-дымчатыми и синеватыми тенями — отражениями скал и неба и еще чего-то для меня непонятного.

Вода не походила на воду наших озер и речек, как красивая мертвая кокотка пальма не походит на вечно трепещущую березу.

Я шел по великолепному шоссе, минуя деревню за деревней, — всюду было электричество и маленькие чистые отели, — отелей чуть ли не больше, чем обыкновенных домов.

Это был сплошной гимн удобству за небольшую, но наличную плату. Торжество невероятного, почти нечеловеческого труда, создавшего сады и огороды на каменных склонах, обвившего их бледными гирляндами идеальных дорог.

Откуда-то снизу маленькие и подпрыгивающие пустые звуки деревенского оркестра, странно и полно гармонировавшие и с озером, и с гладкой дорогой, и с обрывами голых скал.

Я спустился к небольшой деревенской гостинице.

Никогда еще я не видел человеческого благополучия таким близким и полным, во всем его ужасе.

За многочисленными столами сидели мужчины, женщины и дети — некрасивые, опрятно одетые. Скромная еда и неважное пиво казались им бесконечно вкусными, а писклявые звуки двух скрипок, кларнета и флейты стройными и гармоничными.

— Хорошо играют, — сказал я соседу.

Он с достоинством кивнул головой.

— О! Превосходно! В такт!!

И с гордостью указал на бешено, но точно отбивавшую такт скрипку.

— Это самый честный музыкант, — пояснил он. — Пива!

Я посмотрел вдоль скамеек на десятки перекошенных костистых плеч, на уродливые оттянутые трудом руки, на тусклые глаза, опущенные в кружки с пивом.

Гармония труда и пива, благодарность за то и другое.

Они имели все.

— Поели? — раздался у меня за спиной тонкий неприятного тембра голос. — Налюбовались картиной?

Я обернулся на длинного белобрысого юношу, довольно плохо одетого, с мешком за плечами; длинные сухие волосы доходили до плеч, а на желтом лице змеилась язвительная улыбка.

— Посл, — сказал я.

За многочисленными столами сидели мужчины, женщины и дети

— В Валленштадт?

— В Валленштадт.

— Пойдем вместе, — решил он.

— Здешний студент, — издеваясь над самим собой, представился белобрысый юноша. — Два года уже здесь, черт бы их взял! А вы?

— Я так, проездом.

— Нравы изучаете?... Изучайте, изучайте... Дело немудреное. Здесь — что профессор, что мясник — одно добро. Одно...

— Это только доказывает уровень развития мясников, — возразил я, не желая поддерживать его скверного язвительного настроения.

— Не знаю, право, что это доказывает, — холодно сказал юноша. — То ли, что мясники поднялись, то ли — профессора спустились. Надо полагать сошлись они посредине лестницы, когда один спускался, другой поднимался, да так и сели. Один внизу передник оставил, в мясной лавке, другой наверху, в лаборатории, а без передников их сам черт не отличит. Очки здесь, очки там. Воротничок здесь, воротничок там.

— Есть нечто поважнее того и другого, — наставительно сказал я.

Он передернул мешок на спине и отмахнулся.

— Подите вы!.. Вот вам случай с профессором А. — Знаменитость, бог, по его лекциям в России учатся... Дословно как было дело. Демонстрирует в клиниках двух голых пациенток... Кельнерши или в этом роде... Неприличная болезнь, знаки на теле... Стыдно, — лица, как водится, закрыты салфетками... Юноша рассказывал, по видимому, в сотый раз, не волновался и говорил отрывисто.

— С салфетками все-таки легче... Студенты, помощники... А. В дурном настроении, хочется на чем-нибудь сорвать злость. Сдергивает салфетку с одной, бросает. Та только охнула — летит вся красная, глаза закрыла... Схватывает другую салфетку —

не тут то было. Девушка ухватилась и руками, и зубами — ни за что. А. — в бешенстве, салфетку рвет — прямо драка... Старикашка здоровый... Кричит: — Нечего, голубушка стыдиться — опоздала. Раньше бы надо было. Вырвал салфетку. Девушка руками закрылась — руки отдирает стал. Да как?! По всей койке катает... Крик, истерика, девиц с койками — вон...

— А студенты?

Студенты? Представьте, что не только студенты, даже профессорские помощники возмутились — уж на что рабы. Ногами зашаркали — это так принято. А. посмотрел, погрозил закрыть клинику и ушел — разгневался.

— Тем и кончилось?

Юноша мефистофельски оскалил длинные желтые зубы.

— Не совсем. Студенты решили устроить А. кошачий концерт, под окнами, но — не состоялся. Совет постановил, закрыть, коли что, университет, а всех русских выгнать. Это здесь — вроде первой помощи... Так.. Студенты собрали сходку и заявили, что они вовсе не в претензии на А. И не просить же, на самом деле, профессору прощения у каких-то кельнерш. Что же касается шаркания ногами, то виноваты в этом вечно и всем недовольные хайбе-руссен, скоты-русские.

Я посмотрел на белобрысого представителя этой породы, несомненно, недовольного своей участью и спросил:

— А как к вам относятся профессора?

— Средне, — ответил он саркастически. — Общее мнение довольно удачно формулировано одним из профессоров так: «Наших студентов следует во что бы то ни стало оберегать от влияния этого, во многих отношениях, интересного, но слишком... экзотического элемента». Это — вообще. А в частности, профессор Р. не так давно поколотил и выбросил из аудитории одного экзотического юношу за то, что тот собирался его послушать, не внося платы за лекцию... Профессор Ф. подивился терпению Р., все сообщая объявили Ф. благодарность за энергичные действия, а экзотического юношу вышибли из университета... А вот еще...

— Нет уж довольно, — попросил я. — Поговорим о другом, повеселее.

— Повеселее? — задумчиво переспросил он — Рассказать, разве, как здесь, на лекциях студенты забавляются?.. Воробья недавно у химика выпустили... Кошку...

— Еще веселее, — жалобно сказал я, испуганный мрачным, насмешливым выражением его глаз.

По-видимому, юноша был отравлен до самой сердцевины, как стебель какого-нибудь ядовитого растения. Его волосы стали похожими на забытую в химическом шкапчике паклю, на кончике носа выступила ядовитая капля.

— Прекрасно, — согласился он. — Вы... не социал-демократ? Нет? Ну, все равно. Я, было, вам про первое мая рассказать хотел... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..

— Первое мая?! — вскричал я. — Великолпно! Что может быть прекраснее и радостнее этого праздника труда?! Когда люди разных профессий, возрастов и сословий идут нога в ногу, обнявшись, как братья, воины единой могучей рати...

— Словом, пролетарии всех стран, соединяйтесь!.. — с глубокой и грустной иронией подсказал отравленный юноша.

Мое сердце начало щемить.

— Кажется, скоро уже — станция? — робко спросил я.

— Скоро... Стало быть — пролетарии всех стран, соединяйтесь? Так, что ли?.. Хорошо... За два дня до прекрасного праздника труда в читальне вывесили объявление. Просим де, господ русских, участия в шествии не принимать, потому что ходят они не в ногу, поют плохо и вообще... элемент беспокойный...

Мне стало казаться, что воздух наполняется ядовитыми испарениями. Я вспомнил стихотворение «Анчар».

— Вносят беспорядок! Как не вносить?! Идет этих идиотов видимо-невидимо... Аз, -два!, аз, -два!, левой-правой! левой-правой!.. Зонты через плечо — с дозволения начальства. Цветы, ленточки, впереди — пиво... Аз-два!... А тут эти, прости Господи, — отречемся от старого мира. Поют скверно, идут вразброд, кучка маленькая... Ни-кому не нужны... По грязи топчутся... Эх!..

Кажется, он естественно умолк. Подошли к станции.

— Вы в Цюрих? — спросил юноша.

— В Цюрих.

— А потом в Россию? Пожили бы здесь — у вас чихнуть лишний раз не позволяют... Право.

— А разве вам это здесь хочется? — спросил я.

Отравленный юноша не ответил.

Когда я садился в вагон, он скороговоркой проговорил:

— На Рейнский водопад советую ехать без провизии — там недорого. Меня там в прошлом году чуть живым не заели, особенно старуха. Закуску, дескать, из чужого кантона привез — нашему разорение. Нищие — русские! Издеваются...

Поезд тронулся.

— Прощайте, — поклонился я.

— Прямо бесились от жадности, — крикнул в ответ юноша.

— Прощайте!

Он поставил рупор:

— Жадные, говорю, окаянные... Деньги, деньги...

Больше я его не слышал.

Поезд шел медленно, останавливаясь на каждой станции, чтобы принять несколько пьяных швейцарцев.

Они фальшиво пели, кричали, обнимали послушных женщин, от души веселились. Нескладные, темные, забытые и идиоты — равноправные любимые дети труда, денег и алкоголя.

Я послушался отравленного белобрысого юноши и пошел на Рейнский водопад без закуски. Все было чисто, дешево и удобно. Вечером его освещали цветными огнями.

Я смотрел на водопад, на эту панику брызг и пены, слушал грохот и рев обезумевшей, свергающейся в пропасть воды... Водопад...

Мне стало жаль его. Несчастного, все еще могуче-прекрасного, юродивого старика.

Он по-прежнему думал, что наводит священный ужас, метался, тряс бородой, не замечая, что его давно показывают за франк с персоны, играют зайчиками на его носу, вплетают ленточки в старые сумасшедшие волосы и ткнут из них кухонные полотенца.

За это ему обеспечена квартира и стол. Честный старик и хороший работник.

В РЕСТОРАНе

Он вошел с ней под руку — довольная супружеская чета.
Снял шляпу и передал ей. Снял пальто и передал также ей. И палку. Все передал ей, верной подруге жизни.
Сел и спросил пива, предоставив ей полную свободу.
Он ей верит.

* * *

Он пришел один. Похлопал кельнершу и спросил пива. Похлопал еще раз кельнершу и еще раз спросил пива. Похлопал кельнершу, спросил пива. Похлопал, спросил... похлопал, спросил...

Свободная, как ветер, кельнерша! Одна для всех. Терпеливо ждет кельнершу жених Фридрих.

На другой день я получил странную телеграмму:

Sdiomvineziakris acowmfifasowmga kin.

В первый момент я заподозрил убийство, — затем ловкую симуляцию. Но когда пришел в себя, довольно свободно расшифровал:

— Ждем Венеция Крысаков, Мифасов, Южакин.

По-видимому, компания сильно потратилась и сэкономила на телеграммах, пользуясь правом писать до пятнадцати букв в слове.

Я выехал.

Промелькнула сказочная умирающая Венеция... Черные лебеди прошлого — гондолы.

Дворец дождей — прихотливый, сладкий и лживый, как кусок сухого, отравленного торта.

Рим, с пеньками капитолийских колонн. Бани Каракаллы, Колизей — осыпающиеся, ограбленные, обгрызанные, как куски кукурузы, жадными мстительными зубами пап.

И Неаполь — лживый, порочный и нищий, в одном переулке которого больше грязи и красоты, чем во всей Швейцарии.

Швейцарская идиллия

Что было бы с тобой, маленькая свободная страна, если бы ты была еще дорогая и грязная?

Я не успел еще ответить себе на этот вопрос, как очутился в мягких объятиях Южакина. А когда опомнился — перо было в его руках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь мы опять дома: Крысаков, Южакин Мифасов и я — Сандерс. Мы многому научились за границей, кое-что вывезли оттуда и кое-что оставили.

Больше других вывез Южакин — хороший чемодан из немецкой крокодиловой кожи, панаму, и кое-какую мелочь.

Я и Мифасов вывезли по панаме и кое-какую мелочь.

Крысаков оставил свой чемодан.

Все, что наложило на нас некоторый отпечаток, известный лоск, выделяющий нас среди остальной публики.

Но Мити нет между нами.

Слуги Мити! Слуги...

Как смешно звучит это слово в применении к человеку, которому было достаточно одного, двух штрихов, чтобы стать европейцем в лучшем смысле этого слова. Вот два отрывка из его писем, — читатель увидит, какими гигантскими прыжками подвигалось развитие человека, которому суждено не сегодня завтра стать во главе громадного торгового предприятия.

— «Многоуважаемый господин Сандерс! Правда ли, что — kaufen — покупать, а ferkatifen — продавать? Постоянная неуверенность не дает мне возможность расширить дела и стесняет меня в обществе»...

— «Друг Сандерс... Моя единственная мечта посетить Гейдельберг или другую родину нашего любимого Шиллера Виландовича Гете... Хочу расширить дело».

Прощай Митя... Ты нам больше не слуга.

Георгий Ландау

ГЕРМАНИЯ ВООБЩЕ

Один немец спросил меня:
— Нравится вам наша Германия?

— О, да, — сказал я.

— Чем же?

— Я видел у вас в телеграфной конторе около окошечка телеграфиста сбоку маленький выступ с желобками; в эти желобки кладут на минутку свои сигары те лица, которые подают телеграммы и руки которых заняты. При этом над каждым желобком стоят цифры — 1, 2, 3, 4, 5 — чтобы владелец сигары не перепутал ее с чужой сигарой.

— Только-то? — сухо спросил мой собеседник. — Это все то, что нравится?

— Только.

Он обиделся.

Но я был искренен: никак не мог придумать — чем еще Германия могла мне понравиться.

Немцы чистоплотны, но англичане еще чистоплотнее.

Немцы вежливы (Настоящая книга написана до войны с немцами), но итальянцы гораздо вежливее.

Немцы веселы — французы, однако, веселее.

Немцы милосердны (Настоящая книга написана до войны с немцами) — нет народа милосерднее русских — в частности, славян — вообще.

Немцы честны (До войны мы, русские, все думали это...), но кто же может поставить это кому-нибудь в заслугу? Это пассивное качество, а не активное.

Ни один огурец не сделал в течение своей жизни ни одной подлости или мошенничества; следовательно, огурец следует назвать честным? Отнюдь. Честность его просто следствие недостатка воображения.

Большинство немцев честны по той же причине — по недостатку воображения.

Не то хорошо, что немцы честны, а то плохо, что все остальные народы, исключая французов и англичан, отъявленные мошенники.

Когда в России встречаешься с французской или английской честностью — это производит крайне выгодное впечатление.

Однажды в Харькове я зашел в английский магазин купить шляпу.

— Сколько стоит эта шляпа? — спросил я.

— Десять рублей, — сказал хозяин.

— Хорошо, заверните. Вот вам 25 рублей — позвольте сдачу.

— Пожалуйста.

— Позвольте!.. Мне нужно сдачи 15 рублей, а вы даёте 18. Вы ошиблись в мою пользу.

— Нет, не ошибся. Дело в том, что шляпа стоит всего 7 рублей, и я не могу взять за нее больше...

— А почему же вы сказали раньше — 10.

— Я думал, вы будете торговаться — русские всегда торгуются. Я бы и сбросил 3 рубля. Но раз вы не торгуетесь — не могу же я взять за нее больше...

Вот я рассказал этот эпизод. Но если бы русские купцы не были такими мошенниками — мне и в голову бы не пришло восхищаться поступком иностранца-шляпника.

* * *

Немецкая аккуратность, немецкая методичность — это все выводит настоящего русского из себя.

В Берлине мы зашли однажды в какой-то музей военных трофеев.

Подожли в первой зале к монументальному сторожу и спросили:

— А где тут знамена?

Он оглядел нас и стал со вкусом медленно чеканить: — Знамена есть налево; знамена есть направо; знамена есть впереди; знамена есть в нижнем этаже; знамена есть в верхнем этаже; знамена есть в среднем этаже. Какие именно знамена хотели бы вы видеть?

В одной немецкой гостинице я наблюдал следующий факт: какой-то человек постучал в дверь первого номера и сказал:

— Очень прошу извинения — не здесь ли находится в гостях господин Шульц; он мне нужен по одному мануфактурному делу.

После этого он постучал во второй номер:

— Очень прошу извинения — не здесь ли находится в гостях господин Шульц; он мне нужен по одному мануфактурному делу. Я уже спрашивал в первом номере — его нет.

То же самое он повторил в третьем, четвертом и пятом номере. В шестом уже добавлял: я искал господина Шульца в первом номере, я искал господина Шульца во втором номере, в третьем и в четвертом, я искал господина Шульца также в пятом — его там не было. Нет ли у вас господина Шульца, необходимого мне по мануфактурному делу?

У нас в России после этого монолога открылась бы дверь третьего или четвертого номера и сапог полетел бы в голову незадачливого мануфактурщика.

А в немецкой гостинице голоса отвечали из-за дверей:

— Я очень сожалею, но у меня в пятом номере нет в гостях господина Шульца, необходимого вам по мануфактурному делу; но нет ли господина Шульца в номере шестом?

Все немецкие двери украшены надписями: «выход», будто кто-нибудь без этой надписи воспользуется дверью, как машинкой для раздавливания орехов, или, уцепившись за дверную ручку, будет кататься взад и вперед. Надписи, украшающие стены уборных в немецких вагонах, — это целая литература: «просят нажать кнопку», «просят бросать сюда ненужную бумагу», под стаканом надпись «стакан», под графином «графин», «благovolите повернуть ручку», в «эту пепельницу покорнейше просят бросать окурки сигар, а также других табачных изделий».

Одним словом, всюду — битте-дритте, как говорил Крысаков.

Существует и немецкая любовь к изящному: в Берлине большинство автомобилей раскрашено разноцветными розочками; всякая вещь, которая поддается позолоте, — золотится; не поддается позолоте — ее украсят розочкой...

Наряд немецкой женщины — это целая симфония. На голове зеленая шляпа с желтым пером и красной розочкой. Юбка голубая, обшита внизу оранжевыми полосками. Только кофточка отличается скромным фиолетовым цветом, но одета она так, что грудь делается плоской, а спина пузырится, как волдырь на обваренном месте; башмаки хотя из грубой кожи, но зато большие; чулки прекрасной верблюжьей шерсти.

Из этих элементов составляется вся немецкая женщина, из женщин — толпа на главных улицах, толпа дает физиономию всему Берлину, а Берлин — Германии.

Немецкий мужчина — это вторая сторона вышеописанной физиономии. Средний немецкий мужчина не имеет ни страданий, ни сомнений, ни очень возвышенных, ни очень низменных чувств.

Он любит прежде всего себя, за то что никогда не доставлял сам себе ненужных страданий; потом семью, потому что дети не огорчают его, а жена не изменяет, по не-

достатку темперамента или поклонников; наконец, любит родину, потому что она заботится о нем, пишет на каждой двери «выход» и устраивает удобные перенумерованные желобки для сигар у телеграфных окошечек.

Он спокоен за себя, за семью и за родину.

Спокойствие дает ему возможность веселиться, и он действительно каждый день веселится, но не утром или днем — когда нужно устраивать свое благосостояние, — а вечером.

Как он веселится?

За столом в любимой пивной собирается каждый день одна и та же компания: Фриц Штумпе, Яков Миллер, Иоганн Миткраут и Адольф Гроссшток.

Целый вечер взрывы хохота несутся со стороны стола, занятого веселыми собутыльниками.

— Эге, — думает зритель в отдалении, — наверное, что-нибудь забавное рассказывают. Прислушаюсь-ка...

Прислушивается...

— Герр Штумпе! Отчего вы сегодня молчите? Не бьет ли вас ваша жена?

Взрыв гомерического хохота следует за этими словами.

— Ох, — говорит Иоганн Миткраут, задыхаясь от смеха. — Вечно этот Миллер придумает какую-нибудь штуку. А? «Не бьет ли», говорит, «вас ваша жена?» Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!

Всеобщий восторг пьянит толстую голову Миллера; надо сказать что-нибудь еще, чтобы закрепить за собой славу присяжного весельчака и юмориста.

— Герр Штумпе! Говорят, что вы уже целый год не носите ваших сбережений в ваш банк?

— Почему? — недоумевает простоватый Штумпе.

— Потому что весь ваш бюджет уходит на покупку ваших зонтиков, которые ломает о вашу спину ваша жена.

Будто скала обрушилась — такой хохот потрясает стены пивной.

— Хо-хо-хо! — стонет басом изнемогающий Гроссшток.

— Хи-хи-хи, — октавой выше заливается, нагнув к столу голову, совершенно измученный Миткраут.

— Хе-хе-хе!

— Хо-хо-хо!!

— Э, — думает Штумпе, — дай-ка и я что-нибудь отмочу. Тоже когда-то остри-ли не хуже.

— Вы, герр Миллер, кажется, купили вашего нового мопса? — спрашивает Штумпе, обводя компанию взглядом, который ясно говорит: «слушайте, слушайте! Сейчас я выкину штуку еще позабористее».

— Да, герр Штумпе. Не хотите ли вы на нем покататься верхом? — подмигивает неистощимый Миллер, вызывая долгий хохот.

— Нет, герр Миллер. Но теперь нам опасно прийти в ваш дом есть ваш обед.

— Почему? — хором спрашивают все, затаив дыхание.

— Потому что вы можете угостить нас вашими сосисками из вашего мопса.

— Хо-хо-хо!!!

— Хи-хи!

— Хо-хо. Кххх... Рррр. Однако этот Штумпе тоже с язычком! Хо-хо... Так как вы говорите? «Колбаса из мопса?» Ну, и чудак же! Вам бы попробовать написать что-нибудь в «Lustige Blatter»...

Так они веселятся до двух часов ночи. Потом каждый платит за себя и все мирно возвращаются под теплое крылышко жены.

— Сегодня мы прямо помирали от хохоту, — говорит длинный Гроссшток, накрываясь периной и почесывая живот. — Этот чудила Штумпе такую штуку выкинул! «Накорми-ка нас, говорит, герр Миллер, собачьими колбасами». Все со смеху полопались.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Сейчас я буду писать о том, что наполовину испортило наше путешествие, о том, что повергло нас в чрезвычайное уныние и благодаря чему мы потеряли человека, который доставлял нам немало хороших веселых минут.

Одним словом — я расскажу об инциденте с Митей.

Митя, пожив несколько дней в Берлине, начал уже приобретать некоторый навык в языке и стал понемногу отставать от неряшливой привычки путать: «бутер» и «брудер», «шинкен» и «тринкен».

Уже лицо его приняло выражение некоторого превосходства над нами, а разговор — тон легкого снисхождения к нашим словам и шуткам.

Уже он, отправляясь куда-нибудь с Крысаковым и надев яркий галстук и старую панаму, пытался изредка принимать вид барина, путешествующего со слугой, так как шел он впереди, заложив руки в карманы и насвистывая марш, в то время как безропотный Крысаков, неся в одной руке ящик с красками, в другой — фотографический аппарат, скромно плелся сзади.

Мы не могли налюбоваться на него, когда он, проходя по Фридрихштрассе, бросал влюбленный взгляд на свое отражение, затем задевал плечом пробежавшую мимо горничную с покупками и говорил густым, как из пустой бочки, голосом:

— Пардон!

Горничная испуганно оглядывалась, а он пускал ей в след самый лучший излюбленный прием своего несложного донжуанства:

— Гиб мир эйн кусс.

И все-таки то, что случилось с Митей, было для нас совсем неожиданно. Постараюсь восстановить весь инцидент в полном объеме, как он выяснился потом из вопросов, справок и сопоставлений.

Прошло уже несколько дней после нашего приезда в Берлин.

Так как ясные дни были для нас очень дороги, то мы, выбрав одно туманное, дождливое утро, решили посвятить его Вертейму. Кто из бывших в Берлине не знает этого колоссального сарая, этого апофеоза немецкой промышленности, этого живо-го памятника берлинской дешевизны, удобства и безвкусицы?

— Митя! — сказали мы, поднявшись в башмачное отделение. — Этот магазин очень велик, и тут легко заблудиться и потеряться. Ты парень, может быть, и неглупый, да только не на немецкой почве. Поэтому сядь вот тут за столиком в ресторанном отделении, попроси стакан чаю и жди нас.

— Слушаю-с, — сказал он, смотря в потолок. — Ой-ой, как тут высоко...

— Митя! — строго крикнул Крысаков. — Опять?!

— Что, Алексей Александрыч?

— «Что»... Будто я не знаю. Я тебя насквозь вижу!

— Простите... И откуда вы все знаете? Я всего только одну кружечку выпью. Мюнхенского. Чаю не хочется. Удивительно — только подумаешь, а вы уже знаете.

— Ну, ладно. Только одну кружечку, не больше. Мы оставили его за столиком, ушли в бельевое отделение — и больше его не видели. Вернулись, нашли столик пустым, обегали все этажи, но так как у Вертгейма миллион закоулков — пришлось махнуть на поиски рукой, надеясь на то, что каким-нибудь образом добрался Митя до нашей гостиницы и ждет нас в номере.

Увы! Его не было там; он не пришел и вечером; не пришел на другой день. Мы заявили полиции, сделали публикацию в трех берлинских газетах — о Мите не было ни слуху ни духу. А на третий день нам уже нужно было ехать дальше, в Дрезден. Мы оставили консулу некоторые распоряжения, немного денег и, полные мрачных предчувствий и грусти, — уехали.

Что же делал Митя?

Оставшись один, он выпил кружку пива, потом еще одну и еще; мир показался ему светлым, радостным, а люди добрыми и благожелательными.

— Пока мои хозяева вернутся — пойду-ка я полюбуюсь на магазин. Я думаю, они не рассердятся.

Он нацарапал карандашом на мраморном столике (мы не заметили тогда этой надписи):

«Немножко я погуляю пока звините скоро завернусь пейте хорош, пиво Саветую. Прият. опетита. Ваш слуг. Митя».

После этого Митя принялся бродить по галереям, спускаясь с каких-то лестниц, поднимаясь куда-то на лифте и заглядывая во все закоулки.

Не прошло и получаса, как Митя должен был убедиться, что он заблудился. Он искал ресторан — ресторан как в воду канул.

Он остановил какого-то покупателя, с целью спросить, где ресторан, но тут же вспомнил, что не знает, как по-немецки ресторан...

Хмель выскочил из головы, и Митя почувствовал, что тонет.

У него было два выхода: или найти нас, или отправиться в гостиницу; но второе было не исполнимо — он не знал названия гостиницы.

Всему виной было его неуместное франтовство. Предусмотрительный Крысаков по приезде в Берлин заставил Сандерса изготовить следующий плакат на немецком языке для ношения на груди:

«Добрые туземцы! То, на чем навешен этот плакат, принадлежит нам, четверем чужестранцам, и называется слугой Митей. Если он потеряется — доставьте этого че-

ловека Отель Бангоф, № 26. Просят обращаться ласково; от жестокого обращения хиреет».

Плакат был составлен очень мило, наглядно, но, как я сказал выше, в Митю вселился бес франтовства: он категорически отказался от вывешивания на груди плаката.

— Почему же? — увещевал его Крысаков. — Хочешь, мы сделаем приписку, как в скверах: «волос не рвать, на велосипедах по нем не ездить».

Митя отказался — и теперь жестоко платился за это.

Долго бродил он, усталый, измученный, по разным лестницам и отделениям. Теперь он желал только одного: найти выход на улицу.

Но это было не так-то легко. Митя, шатаясь от усталости, ходил между чуждыми ему людьми, наполнявшими магазин, и призрак голодной смерти рисовался ему в чужом городе, в громадном магазине, среди чужих, не понимавших его людей.

Один раз он остановил покупательницу и попытался навести справки о выходе:

— Мейн герр! Битте цаллен. Их либе зи.

Нищенский запас немецких слов, имевшийся в его распоряжении, связывал его мысль; и весь разговор его, волей-неволей, должен был вращаться в сфере ресторанных или сердечных представлений.

Дама изумленно посмотрела на растрепанного Митю, пробормотала что-то и нырнула в толпу.

— Гм... — печально подумал Митя. — Не понимает. Он обратился к господину:

— Где выход, а? Такой, знаете? Дверь, дверь! Понимаете?

— Was?

— Я говорю, выход. Гиб мир эйн кусс. Битте цаллен. Цузамен.

Господин задрожал от страха и убежал.

Бродил Митя так до вечера; покупатели стали редеть, зажглись огни... Мучимый голодом Митя заметил около одной покупательницы на стуле коробку конфет; потихоньку стащил ее, забрался в укромный уголок чемоданного отделения, съел добычу — и сон сморил его.

Только утром нашли его; он спал, положив под голову пустую раздавленную коробку из-под конфет, и на лице его были видны следы ночных слез. Бедный Митя...

Вот что последовало за этим: сердобольные продавщицы накормили его, одна из них поговорила с ним по-русски, выяснила положение, но так как нашего адреса Митя не знал, то дальнейший путь его жизни резко разошелся с нашим.

Мы уехали в Дрезден, а Митя, поддержанный вертгеймовскими продавщицами, которые были очарованы его простодушным немецким разговором и веселостью нрава, Митя открыл торговлю: стал продавать газеты, спички и букетики цветов — одним словом, все то, сбыт чего не требовал знания тонкостей немецкого диалекта.

Только на обратном пути в Россию отыскиали мы через вертгеймовских продавщиц нашего Митю; он сначала встретил нас презрительно, потом обрушился на нас с упреками, а в конце концов расплакался и признался, что хотя богатство и прельщает его, но родину он не забывает и, вернувшись, сделает для нее все, что может.

ТИРОЛЬ

*Инсбрук. — Пернатые. — Тяжелый разговор. — О немецком остроумии. —
Теория приливов и отливов. — Сандерс болен. — Еще одна теория. — В Штейнах. —
Зловещее место. — Ссора с Крысаковым. — Отъезд в Фаркартен*

Инсбрук — столица Тироля. Правильнее, Инсбрук — мировая столица скуки, самодовольно-мелкого прозябания, сытости и сентиментальной тирольской глупости.

Приехав в Инсбрук, мы первым долгом на вокзале наткнулись на существо, которое во всяком нормальном здравомыслящем русском должно было вызвать смешанное чувство изумления и веселья.

Это был краснощекий, туполицый, голоногий тиролец, с ног до головы убранный разноцветными лентами и утыканный перьями, точно петух, которого кухарка начала ощипывать и, не окончив, побежала в мелочную лавочку за бутылкой прованского масла.

Голова этого дюжего парня была украшена какой-то бумажной короной, а за ушами торчали два пучка цветов.

Он что-то мурлыкал и приплясывал.

— Если бы не перья, — сказал Крысаков, — я мог бы предположить, что это человек.

— Больше того, — поддержал Мифасов. — Это похоже на девушку. Смотрите, сколько на ней лент.

В это время откуда-то вынырнул еще десяток людей, разукрашенных подобным же странным образом.

— Боже ты мой! Вероятно, где-нибудь поблизости лопнул сумасшедший дом и содержимое его вытекло на потеху мальчишек и на страх взрослым.

Но сейчас же мы заметили, что странная компания не только не пугала аборигенов, но даже не останавливала на себе ничего мимолетного внимания. Взрослые тирольцы, тирольки и маленькие тирольчата проходили мимо не оглядываясь, и только некоторые раскланивались с предводителем труппы.

— Сандерс, — сказал Крысаков, — узнай, что с ними случилось? Не надо ли им чего?

Если судить о немецком языке по Сандерсову разговору — можно вывести заключение, что нет на свете языка длиннее, сложнее и утомительнее.

Сандерсу нужно было сказать только две фразы: «Кто вы такие? Почему так странно одеты?»

Он подошел к предводителю тирольцев из семейства ленточных, понурился и пробормотал что-то.

Тиролец ему ответил. Сандерс покачал головой с безнадежным видом и сказал такую длинную фразу, что два поезда успели уйти и один подкатил к вокзалу. Тиролец хлопнул себя по бедрам, прищелкнул пальцами и стал что-то объяснять, перепрыгивая с ноги на ногу. Объяснения тирольца не могли вырвать Сандерса из бездны уныния, угнетенности и сомнения. Он собрался с духом и размотал с невидимой катушки такую длинную фразу, что тиролец начал линять. Он потерял два пера с короны и одно с плеча и, не заметив убытка, высказал Сандерсу такое количество слов, что в них должно было заключаться географическое описание Тироля, характеристика нравов народонаселения и перечисление главнейших видов флоры и фауны. Утешило ли это Сандерса? Разъяснило ли ему что-нибудь? Нет! Он потрогал зеленую пуговицу на толстом животе тирольца и вытянул из себя длинную, как осенняя ночь, фразу.

И только получив обоснованный ответ на это, отошел он от тирольца, переваливаясь, как обьевшаяся утка.

— Ну?! — спросил нетерпеливый Крысаков.

— Обыкновенные тирольцы. Ферейн. Возвращаются после воскресной экскурсии.

*Он подошел к предводителю тирольцев из семейства ленточных,
понурился и пробормотал что-то*

— Скрытный народец, — подмигнул Крысаков. — Трудненько было вам вытянуть у этого оболтуса столь краткие сведения.

— Нет, ничего, — пожал плечами Сандерс. — Я только спросил, кто они такие, а он ответил...

— Тошнит меня от этих тирольцев, — признался Крысаков. — Чистенькие, куцые, кругозор ограничен горами и собственным недомыслием, благонаравно ухаживают за тирольками и благонаравно женятся. Здесь не бывает сцен ревности, убийств, измен и сильных душевных движений как в сторону благородства, так и в сторону подлости. Шесть дней благонаравно трудятся, седьмой день благонаравно пляшут в какой-нибудь таверне. Кстати, как неимоверно сладок и противен их дефрегер! Брр! Самодовольно пляшут и самодовольно острят. Вы знаете, что такое ихние остроуты? Вообще немецкое остроумие! В Берлине один господин с гордостью говорил, что немецкие дети не чета нашим. Они смелы, находчивы, сообразительны и в ответах не смущаются, а отвечают метко и остроумно. Мы сделали даже опыт... Встретили какого-то известного своей находчивостью знакомого господину школьника и вступили с ним в беседу. «Что ты любишь больше всего на свете?» — «Свою прекрасную родину». — «Неужели? А я думал, что больше всего тебе должно нравиться заехать в ухо мальчишке, который обидел бы тебя!» — «О нет. Вступать в драку стыдно. Лучше сообщить о нехорошем поступке мальчика его родителям, которые скажут ему, что он их огорчил, и ему станет стыдно». — «Та-ак... И, наверное, по воскресеньям вы собираетесь в школе и поете духовные псалмы?» — «О, да. Это лучший наш отдых в свободное время». — «Видите, — сказал мне господин, когда мы отошли. — Преострый мальчуган. За словом в карман не лезет». — «Может быть, может быть». И тут только я заметил, что мой господин тоже немецкий дуралей. Кстати о немцах. Меня томит жажда. Не выпить ли нам пива?

В этих случаях инициатива всегда принадлежала Крысакову. И удивительно, что мы — поднимавшие бесконечные споры по поводу выбора номера в гостинице или места в вагоне — в этом случае никогда не возражали и не спорили.

— Вы хотите выпить? Пойдем.

— А вы разве не хотите?

Все мы сразу делались чрезвычайно предупредительны к Крысакову, оставляя в забвении собственное желание и настроение.

— При чем тут мы? Раз вы хотите — пойдем.

— Да мне неудобно, что вы из-за меня идете.

— Ну, вот глупости. Отчего вам и не доставить удовольствия.

Иногда от меня исходило предложение «кой-чего перекусить». И в этом случае — наша дружба разыгрывалась в полном блеске.

— Отчего же вы не пообедали вместе с нами?

— Я тогда не хотел, а теперь хочу.

— Эх, ну что с вами делать. Придется пойти с вами.

— Вы можете посидеть. Я скоро закушу.

— Да чего там... Вы не спешите. Я тоже чего-нибудь глотну.

Покорные желанию Крысакова, мы уселись, и нам подали четыре кружки прекрасного пенистого пива. Крысаков отхлебнул и благодушно сказал:

— Не люблю я, чивой-то, Тироля. Отчего у них, братцы, колени голые? Что это за обычай?

После недолгого раздумья я нерешительно сказал:

— Я думаю, это в целях сохранения тирольской нравственности...

— При чем тут нравственность?

— А как же? Местность у них гористая, мужчины же при объяснении девицам в любви обязательно становятся на колени.

— Ну?!

— Ну, а в гористой местности на голые колени не очень-то встанешь...

— Это вздор! Нет ничего нелепее ваших теорий.

— А у вас никаких теорий и вообще-то нет.

— Вы думаете? А моя теория причины приливов и отливов? Это не мысль, а молния!

— Воображаю!

— Вы знаете, господа? По-моему — на земном шаре не хватает воды. Все дело в том, что два противоположных берега океана можно сравнить с головой и ногами спящего человека, прикрытого коротким одеялом — океаном. Теперь: если натянуть короткое одеяло на голову, обнажаются ноги, натянуть на ноги — обнажается голова. Так и океан — если тут прилив, там должен быть отлив. Понятно?

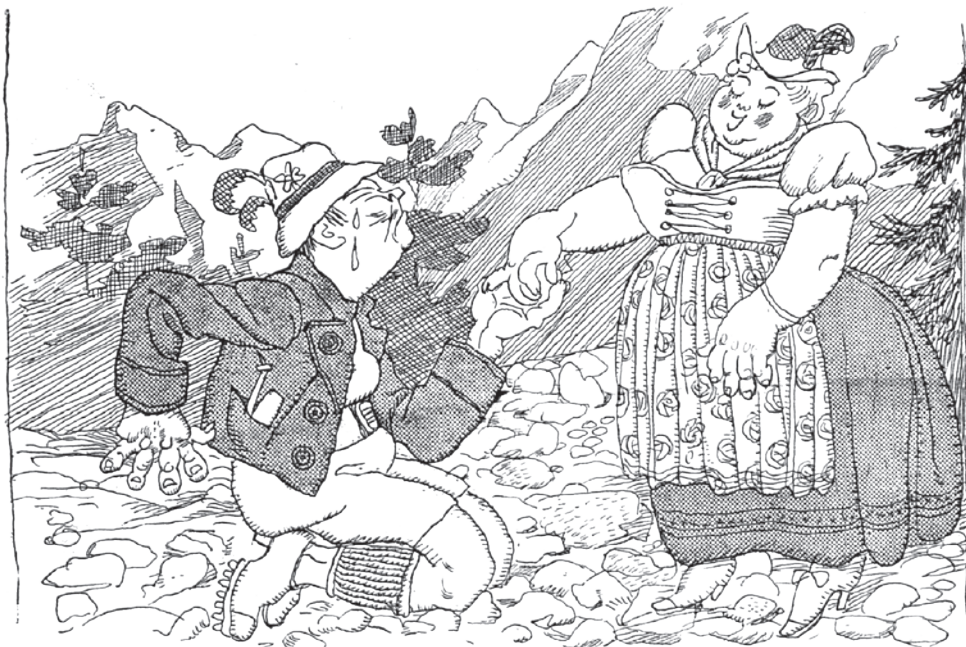
— Садитесь! Два!

— Не два, а четыре.

— Идея. Кельнер! Еще четыре кружки.

— Я не хочу пива, — неожиданно сказал Сандерс, глядя на нас помутневшими глазами. — Мне нездоровится.

Мы засуетились, а больше всех Крысаков:

— Ну, а в гористой местности на голые колени не очень-то встанешь...

— Ну, вот! Говорил я, что вам не нужно было есть яиц утром.

— Да при чем тут яйца?

Крысаков не медик, но у него своя стройная система распознавания болезней и лечения их; кроме того, у него собственное, ни у кого не заимствованное представление о человеческом организме.

— Как при чем яйца? У вас еще вчера была немного повышена температура. Крутые яйца при повышении температуры являются бродильным ферментом и, давя на печень, производят отлив крови от сердца.

— Вот-то чепуха.

Крысаков рассвирепел.

— «Чепуха»? Сначала не слушаете меня, а потом — чепуха?! Говорил я вчера, чтобы вы взяли холодную ванну? Говорил?

— Говорили.

— Ну, вот. А вы не взяли. У меня, батенька, отец доктор.

— Наверное, прекрасный доктор, — вежливо поддержал я. — Я думаю, тысяча его бывших больных возносят на том свете за него молитвы.

— Сандерс! Сейчас же в постель! Мы поднимемся на фуникулере на гору, посидим с полчаса и потом займемся вами.

Опечаленные, поднимались мы по головоломной дороге в хрупком вагончике на вершину горы.

Крысаков рассеянно смотрел на зеленеющий скат, сбегавший к серебряной реке, и несколько раз бормотал про себя:

— Да, несомненно... Типичный брюшной тиф. Без впрыскивания кокаина не обойтись. Гм... Ножные ванны.

Его красивое лицо с орлиным носом было сумрачно.

Чтобы отвлечь его от печальных мыслей, я спросил:

— Интересно, какой силой этот вагончик поднимается в гору.

— Очень просто, — пожал плечами Мифасов. — Один вагончик ползет вверх, другой вниз. Тот, который ползет вниз, подымает своей тяжестью первый, то есть идущий вверх.

— Я не техник, — возразил я, — но здравый смысл подсказывает, что это не так. По твоей теории выходит, что вагон, ползущий вниз, должен быть всегда в несколько раз тяжелее ползущего вверх.

— Он и тяжелее.

— А как же тогда следующая очередь, когда тяжелый должен ползти вверх, а легкий вниз?

— Очевидно, перекладывают какую-нибудь тяжесть.

— Как же перекладывать, когда вагончики ни разу не сходятся вместе внизу иливерху.

— Ну, это уже дело техники. Я говорю только то, что знаю наверное.

— А я думаю, что тяга электрическая...

— Что?!! Ха-ха! Ну и скажет же, ей-богу. Немного спустя выяснилось, что тяга, действительно, электрическая.

— Ну что? — безжалостно спросил я Мифасова. — Кто был прав?

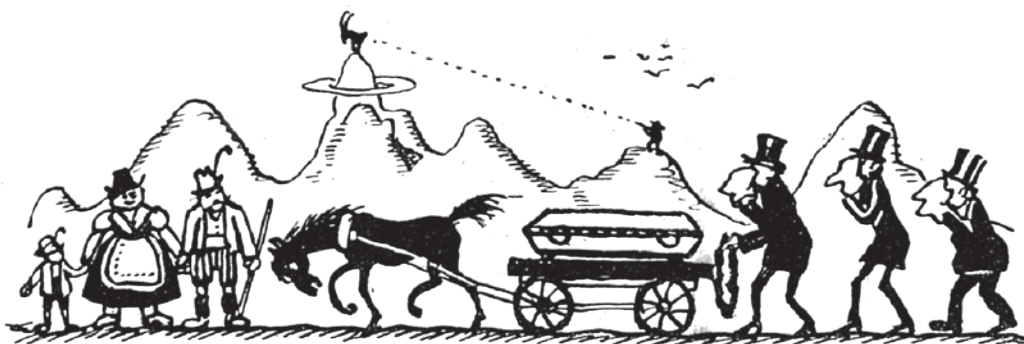
— Что? Ну, милый мой, — мне вообще ни тепло, ни холодно, какая там тяга. Вообще, не приставай ко мне.

Через час Сандерс с термометром под мышкой сидел, окруженный нами, и говорил:

— Ну, ребята, плохо мне. Ужасно не хотелось бы умереть в Тироле.

Сердца наши разрывались от тоски и жалости.

— Подумайте, господа, — сказал я. — Четыре иностранца, сыны бедной России, заброшены судьбой в далекую тирольскую дыру. И вот один умирает... Как раз тот самый, который хоть и не спеша, но разговаривал по-немецки. Остаемся мы... Трое... Надо его хоронить, обычаев мы не знаем, положение отчаянное. Идем в лесок, срубаем дерево, выдалбливаем гробик и кладем туда Сандерса... И вот тирольцы видят странную, щемящую душу процессию. Три весельчака, понутив головы, в черных шапках, плетутся за гробом четвертого, влекомого равнодушной ко всему тирольской лошади... Это сатириконцы хоронят своего товарища... Опустили гроб в могилу... «Прощай, товарищ! Недолго ты прожил среди нас... Спи спокойно...»

И вот тирольцы видят странную, щемящую душу процессию

Крысаков всхлипнул, Мифасов сделал вид, что рассеянно глядит в окно; он махнул перед лицом рукой, будто сгоняя с него назойливую муху. Было тихо... Только слышалось тяжелое дыхание Сандерса.

— Да... вернемся мы троим... Первый раз троим! Придем в свои комнаты. У стены сиротливо лежит чемоданчик Сандерса. Он ему уже не нужен! «А что, господа, — скажет тихо Крысаков, — ведь в этом чемоданчике лежат деньжонки, которые Сандерсу уже не нужны. Не поделиться ли нам? Жаль, что он такого маленького роста, а то бы можно было и одежонкой его воспользоваться...»

— Я бы пива выпил, — неожиданно сказал больной. Поднялась буря протестов.

Решили сделать так: мы с Мифасовым уезжаем немедленно прямо в Штейнах, до которого час езды, а Крысаков остается с больным в Инсбруке.

— Я его вылечу! — сурово обещал Крысаков.

— Он на меня все время кричит, — пожаловался больной. — В Дрездене чуть не поколотил меня...

— Как же вас не бить? Представьте себе, господа, я ему говорю: у вас ангина, вам нужно есть для очищения горла орехи, а он не хочет.

С тяжелым сердцем уехали мы с Мифасовым, оставив за своей спиной эту странную пару.

С тяжелым сердцем уехали мы с Мифасовым, оставив за своей спиной эту странную пару

Крупный дождь... ветер гнул деревья, шумел, метался и выл в тесных горах. У подножия одной из них приютился Штейнах.

До сих пор мы все не можем выяснить, почему, по каким соображениям дремлющий Сандерс включил Штейнах в наш маршрут. После громадного, чудовищного Берлина, веселого красивого Мюнхена эта таинственная дыра с вымершим населением в несколько десятков человек показалась нам тюрьмой, тем более, что горы со всех сторон окружили ее, стеснили ее, сдавили ее.

Помню крохотный вокзал, у которого поезд приостановился на одну минуту, помню черный, как вакса, вечер, мокрую от дождя землю и абсолютное страшное безмолвие.

Мы выползли со своими чемоданами, постояли минут пять и наконец в ужасе завыли:

— Треге-е-ер!!

— Здесь нет трегеров, — ответил нам откуда-то с неба неизвестно чей голос.

— О, черт возьми! Изво-о-озчик!!

— Здесь нет извозчиков, — ответил тот же беспощадный голос с неба.

— Швейцар из гостиницы!!

— Швейцаров нет.

— Дайте нам какого-нибудь человека.

И прозвучало похоронное:

- Здесь нет людей.
- Да вы-то кто? Не человек?
- Я начальник здешней станции.
- Где вы?
- Наверху. Во втором этаже.
- Посоветуйте, как нам найти гостиницу?
- Идите прямо.
- Да тут забор!
- Идите влево.
- Тут тоже забор!

Проклятый начальник станции неожиданно замолчал, будто ему заткнули платком рот.

— Эй, вы-ы! Как вас!! Тут забо-о-ры!

Дождь обливал нас сверху, грязь хлюпала внизу под ногами... Молча взвалили мы на плечи чемоданы, перелезли через забор и наткнулись на какую-то дверь.

- Это что?
- Гостиница.

Так мы приехали в Штейнах. Приезд был невеселый, житье наше печальное и отъезд угрюмый.

Все мы ко дню отъезда перессорились в самых разнообразных комбинациях: Крысаков с Сандерсом, я с Сандерсом, Сандерс с Мифасовым.

Вообще, должен признаться, к стыду нашему, что ссорились мы частенько. При этом ссора кого-нибудь из нас с товарищем вызывала необычайное повышение симпатии в поссорившемся к остальным. Другими словами, если X разрывал отношение с Y , то к Z он относился настолько повышенно нежнее, насколько это чувство расходилось раньше на Y .

Ничто в мире не пропадает, и ничто вновь не появляется.

Самая тяжелая ссора случилась в Берлине, когда Крысаков оказался на одной стороне, а мы трое — на другой.

Впечатлительный Крысаков выносил такое положение вещей только сутки... На другое утро он взял свой незакрывающийся чемодан, ящик с красками и, скорбно понурившись, сказал Мите (единственному, с кем отношения были хороши):

— Митя! Проведи меня до вокзала... Я уезжаю. Что уж там... Пожили! Эх, эх...

Я не выдержал:

— Вы с ума сошли! Куда вы уезжаете?

Он опустил на чемодан и, ни на кого не глядя, под журчание Митиных слез сказал:

— Уеду... Что ж, и без меня проживете. Не бойтесь, а поездку не бросаю... Только эти четыре дня, что вы проживете в Берлине, я посижу в том благословенном местечке, которое приглядел еще давеча.

— Какое местечко! Что вы задумали?!

— Такое... Я думаю, там будет тихо... Ни криков, ни попреков. Посижу там один. Может, когда меня не будет, вы поймете.

— Ну, слушайте, это черт знает что! Какое там вы местечко выбрали, не зная языка, с вашим «битте-дритте»? Мы вас не пустим!

— Нет уж, что уж там. Митенька, бери чемодан. Тебе не тяжело, милый Митя... дорогой Митечка?

По принятому обыкновению, вся любовь и приязнь изливалась теперь на единственного человека, который был с ним в хороших отношениях, — на Митю.

— Извини меня, Митенька, что я тебя затрудняю... Может быть, мне самому лучше понести чемодан, а ты, Митя, отдохни.

Вокзал был в двух шагах, и поэтому берлинцы могли любоваться диковинной, нелепой процессией: впереди шагал плачущий, растроганный слуга с чемоданом, сзади барин с видом погребальной лошади, нагруженный ящиком для красок, а сбоку бежали три друга, умоляя непреклонного Крысакова одуматься, уговаривая и успокаивая его.

— Нет уж... не уговаривайте. Уеду... Не поминайте лихом!

— Ну, куда? куда вы едете? В какое местечко?

— Сейчас узнаете.

Он подошел к билетному окошечку и грустно сказал кассиру:

— Битте-дритте, эйн билет! В Фаркартен!

— Куда? — ахнули мы.

— В Фаркартен. Это, вероятно, такое местечко под Берлином. Я тут на доске прочел. С указательным пальцем. Туда и поеду. Уж вы не удерживайте. Раз я облюбывал.

— Вы знаете, что такое фаркартен? — зловеще спросил Сандерс.

— А что? Может быть, очень болотистое место?

— Нет. Фаркартен значит — «дорожные билеты».

— Митечка! — сказал Крысаков, помолчав: — Берика, тащи назад чемодан. Битте-дритте!

Мы подхватили его под руки и с заискивающим смехом повлекли обратно.

К сожалению, впоследствии частенько случалось, что у каждого из нас поочередно мутился разум, и он, забыв дружбу, «собирался в Фаркартен»...

Заканчивая эту главу, искренно хочу крикнуть:

— Да здравствует дружба! Долой проклятый Фаркартен!

ВЕНЕЦИЯ

I

*Город лени и музыки. — Cartolina postale. — Способ Крысакова. — Способ Мифасова.
— Способ Сандерса. — Демократия и аристократия. — Пир с нищенкой. —
Сандерс втягивается в лихорадку. — Лечение*

Мы в Венеции.

Если бы какой-нибудь гениальный писатель обладал таким совершенным пером, что дал бы читателю, не видевшему Венеции, настоящее о ней представление, — такой писатель принес бы много несчастья и тоски читателям. Потому что узнать, что такое Венеция, и не увидеть ее — это сделаться навеки отравленным, до самой смерти неудовлетворенным.

Когда я приехал в Венецию, я подумал: «Ведь миллионы людей живут и умирают, не видя Венеции. Если бы они знали то, чего они лишены, жизнь их потеряла бы краски, и тоска по далекой невыразимой красоте иссушила бы сердце».

Я пишу эти строки в холодном угрюмом Петрограде, но стоит мне только закрыть глаза, как я до последних мелочей вижу Венецию. Она врзалась в память неизгладимо, я по ней тоскую и мечтаю, как о далекой прекрасной любовнице, свидание с которой сделает меня снова счастливым.

Я закрываю глаза...

Мягкий густой вечерний воздух, нежащий, как прикосновение, невыразимая истома во всем теле; хочется встать в гондоле и закричать от полноты настоящего наслаждения и счастья. Но не встаешь... Наоборот, развалившись на уютных подушках, погружаешься в блаженную неподвижность и всем телом, всеми органами, всеми порами впитываешь в себя ленивый, теплый, сладкий воздух, сладкую песню, лениво доносящуюся издалека, и молчишь, молчишь... Черная густая вода тихо журчит за гондолой, нежно плещет весло ленивого парня на корме и таинственно молчат сбегавшиеся к воде старые-престарые дома, среди которых скользит тихая лениво-проворная гондола. Узенький канал кончился... Над головой мелькнул еще видимый изгиб мостика — и мы выносимся на широкий canale grande. Здесь широкое, пышное

небо черным бархатом разметалось над нами и застыло, усеянное редкими сверкающими осколками-звездами. И внизу плещется черная теплая, слепая вода, и плывет далеко по каналу нежная, сладострастная серенада оттуда, где целый сноп огней, фонариков собрал полчища гондол, как свеча собирает мотыльков. Какие-то фигуры мелькают на огненном фоне и изредка песню прорезает смех и веселый говор.

Замерла посреди канала большая изукрашенная фонариками барка. На ней море огня, а все остальное зачернено ночью. Десятки гондол сползли к огню, окружили его и, притихшие, почти невидимые, колышутся. Изредка багровый свет на барке выхватит из темноты резной нос гондолы, блеснет на металле и погаснет.

Тихо колышутся гондолы; сладко нежит песня; все необычно; рядом с нашей гондолой трется о ее борт чужая, за ней еще одна, а остальные тонут, невидимые... Боже мой, как хорошо! Пусть все это искусственное, пусть барка принадлежит корыстолюбивому антрепренеру, а у певцов, наверно, грязные руки, а какие-то подозрительные молодцы с ухватками кошек или разбойников ползают по бортам ваших гондол, собирая за пение сольди и лиры...

Все равно, не убить им этой Божьей красоты, пышного черного неба и теплой воды, которая, как добрая нянька колыбель, — качает вашу гондолу. Пусть певцы нахальны и жадны, а немцы, самодовольно развалившиеся на подушках гондол, скупы до омерзения. Я все же нашел красоту, и ее у меня не отнять — я крепко прижал ее к моему сердцу. Боже, как далеко от меня Россия, Петроград, холод, грабежи, грязные участки, глупые октябристы, мой журнал, корректуры, цензурный комитет и немолчный телефон!..

Поют... Тихо постукивают гондолы боками одна о другую. Качаются.

Хорошо, когда усталого баюкают.

А утром другая — томительно-сладкая жизнь; зазвучит все по-другому... засверкает ослепительное солнце, четко вырежется на голубом небе кружево белых дворцов и легких мостиков, зазвучит музыкальная брань гондольеров, полетится с неба золотой зной, и замелькают всюду живые, проворные, как обезьяны, и ленивые, как черепахи, итальянцы, наполняя жгучий воздух немолчным жужжаньем.

Ах, эти итальянцы... Над ними можно смеяться, но не любить их нельзя.

Уличная толпа сплошь состоит из беспардонных лгунов, мелких мошенников и попрошайек, но это такая веселая живая толпа, плутовство их так по-дикарски примитивно и неопасно, что не сердиться, а только добродушно смеешься и отмахиваешься.

— Cartolina postale.

— No, signore.

— Cartolina postale!!

— No, no!

— Cartolina postale!!

— Не надо, тебе говорят!!

— Русски! Ошень кароши cartolina... Molto bene.

— Русски, а? Купаться! Шеловек! Берешь cartolina postale?

— Убирайся к черту! Алевузан, пока тебе не попало.

— Господин, купаться, а? — заискивающе лепечет этот разбойничьего вида дети-на, стараясь прельстить вас бессмысленными русскими словами, бог весть когда и где перехваченными у проезжих forestieri russo.

— Не надо, тебе говорят!!

Я сначала недоумевал — чем живут эти люди, от которых все отворачиваются, товар которых находится в полном презрении и его никто не покупает?

Но скоро нашел; именно тогда, когда этот парень шел за мной несколько улиц, переходил мостики, дожидался меня у дверей магазинов, ресторана и, в конце концов, заставил купить эти намозолившие глаза венецианские открытки.

— Ну, черт с тобой, — сердито сказал я. — Грабь меня!

— О, руссо... очень карашо! Крапъ.

— Именно — грабь и провались в преисподнюю. Ведь ты, братец, мошенник?

— Купаться, — подтвердил он, подмигивая. Замечательно, что венецианцы знают одно только это русское слово и употребляют его в самых разнообразных случаях.

У Крысакова, по обыкновению, своя манера обращаться с этими надоедливymi комарами.

Он мерно шагает, не обращая ни малейшего внимания на приставания грязнорукого, темнолицего молодца, нагруженного пачками открыток и альбомов. Тот распинаятся, немолчно выхваляет свой товар, забегает спереди и сбоку, заглядывает Крысакову в лицо, — Крысаков с каменным, сонным лицом шагает, как автомат. И вдруг, среди этой болтовни и упрасиваний Крысаков неожиданно оборачивается к преследователю, раскрывает сомкнутый рот и издает неожиданно такой пронзительный нечеловеческий крик, что итальянец в смертельном ужасе, как бомба, отлетает шагов на

двадцать. У Крысакова опять спокойное каменное лицо, и он равнодушно продолжает свой путь.

Мифасов, наоборот, враг таких эксцентричностей. Разговор его с этими паразитами — образец логики и внушительности.

— Cartolina postale! — в десятый раз ревет продавец.

— Милый мой, — оборачивается к нему Мифасов. — Ведь мы уже тебе сказали, что нам не надо твоих открыток, зачем же ты пристаешь? Когда нам будет нужно, мы сами купим, а пока — настойчивость твоя останется без всякого результата.

У каждого свой характер. Сандерс и здесь остается Сандерсом.

— Carrrrrtolina postale!!!

Сандерс останавливается и начинает аккуратно пересматривать все открытки. Он берет каждую и медленно подносит ее к близоруким глазам. Пять, десять, двадцать минут...

— Нет, брат. Плохие открыточки.

Умиравший от скуки итальянец рад, наконец, когда эта пытка кончается, хватается за бракованные открытки и удирает в какую-нибудь щель, чтобы прийти в себя и собраться с духом.

Когда мы подъезжали к Германии, Крысаков лаконично сказал:

— Тут пьют пиво.

И мы, покорные обычаям приютившей нас страны, принялись поглощать в неимоверном количестве этот национальный напиток.

В Венеции, едва мы переоделись после дороги и спустились на еще не остывшую от дневного зноя пьяцетту, Крысаков потянул носом воздух и сказал:

— Жареным пахнет. Вы спросите, что здесь пьют? Вино. Кьянти.

И началось царство кьянти. Добросовестность наша в этом случае стояла вне сомнений. Мы решились есть и пить во всякой стране только то, чем эта страна славится.

Поэтому в Германии выработался свой шаблон.

— Четыре кружки пива, бульон «мит-ай», шницель и братвурст мит-краут.

К этому заказу Крысаков неизменно прибавлял единственную немецкую фразу, которую он сам сочинил и которой оперировал в самых разнообразных случаях:

— Битте-дритте.

Он был ошеломляющим среди скучных немцев, со своим сияющим лицом, костюмом, осунувшимся от отсутствия пуговиц, чемоданом, распухшим, как дохлый слон, внутри которого скопились газы, и неизменным припевом ко всем нашим поражениям:

— Битте-дритте.

Ехал он в Европу с самым независимым видом, обещая поддержать нас в смысле языка, но в Германии ему не пришлось этого сделать, так как он знал только французский язык, в Италии его французского языка итальянцы не понимали, а во Франции французы вполне присоединились в этом смысле к итальянцам.

Так он и остался со своим загадочным:

— Битте-дритте.

Начиная с Венеции, мы разбились на две резкие группы: Мифасов и Сандерс — благомыслящая, умеренная группа, я с Крысаковым — бесшабашная разгульная пара, неприхотливая и небрезгливая до последней степени. Мы якшались с подонками населения, пили ужасное грошовое вино, ели каких-то пауков, каракатиц и разных морских чудовищ, пожирали червяков, похожих на макароны, и макароны, очень смахивавшие на червяков, а Мифасов и Сандерс, обедая в приличных дорогих ресторанах, лишь изредка ходили за нами, наблюдая издали за нашими поступками.

Однажды мы затащили их в такую остерию, что Мифасов, прежде чем сесть на скамью, покрыл ее осторожно газетой.

— Ну, ребята, — оскалил зубы Крысаков. — Покушаем, ха-ха, покушаем... Женщина! Синьора хозяйка! Дайте нам вон этих штучек и этих... Эту рыбку зажарьте да макарон закатите посмешнее. Да кьянти не забудьте, лучшее, что есть в вашем погребе.

Нам подали стряпню, о которой лучше не говорить, и вино, о котором нужно сказать только то, что хотя бутыл-

ка и была покрыта паутиной, но, вероятно, в этом погребке паук содержался на определенном жалованья — так все было нехорошо сделано.

— А вы что же, милые? — радушно обратился Крысаков к Мифасову и Сандерсу. — Кушайте, угощайтесь.

— Я сыт, — осторожно сказал Мифасов, — и, кроме того, сейчас иду в ресторан.

Бедному Сандерсу очень хотелось заслужить наше расположение; он принял молодецкий вид, наложил себе на тарелку немного кушанья и, осмотрев его, спросил:

— Это что? Рыба или мясо?

— Бог его знает. Среднее между рыбой и мясом. Земноводное. Во всяком случае, оно уже умерло, и вы его не жалейте.

Наши друзья смотрели на нас с отвращением, мы на них с презрением...

Утолили голод прекрасно, хотя на тарелке осталась целая гора макарон; в остеррию зашла нищенка, увидела, что мы оставили недоеденным лакомое блюдо, и попросила разрешения докончить его.

Мы радушно усадили ее между застывшим Мифасовым и Крысаковым, налили ей винца, чокнулись и выпили за благополучие красавицы Венеции.

Без хвастовства могу сказать, что мы двое чувствовали себя вполне в своей тарелке, отличаясь этим от макарон, быстро перешедших с тарелки в желудок нашей соседки.

— Что, миленькие мои, — язвительно спросил Крысаков, когда мы вышли. — Вы ведь привыкли «спускаться к обеду, когда ударит гонг»? Здесь это проще: трахнет один гость другого бутылкой по голове — вот тебе и гонг. Можешь обедать с чехлом от чемодана на плечах вместо смокинга...

Сандерс и Мифасов нас презирали не скрываясь — это было ясно.

— Вы заболете от такой пищи! — предупредил Сандерс.

Он угадал: на другой день я был болен легкой лихорадкой, но, к несчастью, заболел и Сандерс, который питался «по гонгу». Этим блестяще опровергалась его теория.

И опять Крысаков трогательно, как сестра милосердия, ухаживал за нами. Сочинял нам разные лекарства, натирал нас вином и коньяком, отделяя для себя известный процент этих медикаментов в виде гонорара; совал нам под мышку термометры, вскакивал ночью и, встревоженный, прибегал к нам, чтобы пробудить нас от крепкого сна; мне рекомендовал холодную ванну, а Сандерсу горячую, хотя симптомы были у нас совершенно одинаковые...

II

Купанье на Лидо. — «Русским языком я тебе говорю!» — Гондолы. — Паразиты. — Собор св. Марка. — Перепроизводство дождей. — Школа св. Маргариты. — Снова и снова Сандерс болен. — Как мы купались

Через два дня Крысаков нашел нас совершенно здоровыми и повез на Лидо купаться.

И опять на долгое время погрузился я в состояние тихого восторга. Небо, какого нет нигде, вода, которой нет нигде, и берег, которого нет нигде.

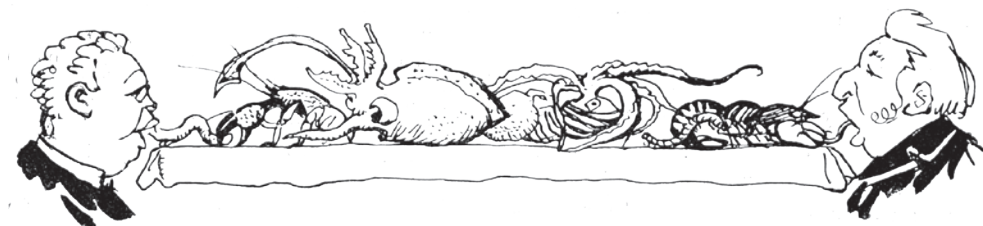
Милые, милые итальянцы!.. Они не стыдливы и просты, как первые люди в раю.

И удивительно, как сатириконцы быстро ко всему приспосабливаются: едва мы разделись и натянули на себя «трусики» величиной в носовой платок — как сразу почувствовали себя маленькими детьми, которых нянька полощет в ванне. Похлопывая себя по груди и бокам, ринулись мы на песок, не стесняясь присутствием дам, зарылись в него, выскочили, огласили воздух победным криком и обрушились в воду, подняв такое волнение, что, вероятно, не одно судно, паруса которых мелькали вдали, перевернулось и пошло ко дну.

Мужчины и дамы, полоскавшиеся около, смотрели на нас с некоторым удивлением. Эта обуглившаяся от солнца публика долго любовалась на наши белые, как молоко, северные тела, причем один из ротозеев соболезнующе сказал:

— Это недолго. Через три дня почернеете.

— О, милые! — возразил Крысаков. — Мы пожираем таких же пауков и спрутов, каких пожираете вы, пьем ваше кьянти, готовы петь и плясать по-вашему целый день, разделись голые, как вы сейчас, не стесняясь дам, — почему же нам и не сделаться такими же черными, как вы?

Мы пожираем таких же пауков и спрутов, каких пожираете вы

Мы упали животами на песок и, надвинув на затылки панамы, подставили свои плечи и ноги под жгучий каскад горячего, как кипяток, солнца.

Крысаков, впрочем, нашел в себе силы доползти до Сандерса, приподнять его панаму и нежно поцеловать в темя.

— Зачем? — лениво спросил Сандерс.

— Инженер. Люблю инженеров.

И мы погрузились в нирвану.

Когда мы одевались, я услышал в соседней кабинке странный диалог.

Незнакомый сиплый голос говорил:

— Русским языком я тебе говорю или нет: принеси мне лампадочку вермутцу позабористее.

Голос слуги при кабинках — старого, выжженного солнцем итальянца-старика в матроске (я его видел раньше) отвечал:

— Нон каписко.

— Не каписко! Чертова голова! Не каписко, а вермут. Ну? Русским языком я тебе, кажется, говорю: вермут принеси, понимаешь? винца!

— Нон каписко.

— Да ты с ума сошел? Кажется, русским языком я тебе говорю... и т. д.

— Слушайте! — крикнул я. — Вы русский?

— Да, конечно! Кажется, русским языком говоришь этому ослу...

— На них это не действует... Скажите ему по-итальянски...

— Да я не умею.

— Как-нибудь... «прего, синьоре камерьере, дате мио гляччио вермута...» Только ударение на «у» ставьте. А то не поймет.

— Ага! Мерси. Эй ты, смейся паяччио! Дате мио, как говорится, вермута. Да живо!

— Субито, синьоре, — обрадовался итальянец.

— То-то, брат. Морген фри.

Мы оделись, уселись на пароход и покатили в Венецию, свежие, безоблачно радостные, голодные, как волки зимой..

Это были прекрасные дни. Долгими часами бродили мы по закоулкам среди старых величавых дворцов, любуясь небом, прислушиваясь к мрачной тишине узеньких каналов, которую редко-редко когда нарушит тяжело нагруженная кирпичом или овощами лодка. В лодке — итальянец, и, конечно, он спит, прикрыв шляпой бронзовое лицо и щедро подставляя под солнце бронзовые руки и ноги...

По всей Венеции разлит сладкий яд невыразимой лени и медлительности... Уличного шума нет, потому что нет грохота экипажей и криков извозчиков. А венецианские гондольеры, в большинстве случаев, молчаливы и сосредоточенны. Жизнь — вечный медленный праздник. Публика шагает не спеша, останавливаясь на каждом шагу, гондолы ползут лениво, потому что спешить некуда и пассажир все равно дремлет, изредка поднимая отяжелевшие от истомы веки и скользя ленивым взглядом по облупившимся фасадам примолкших дворцов и покосившимся причалам, которые зыбкой линией отражаются в черной воде уснувшего канала...

На пьяццете, у берега большого канала, жизнь шумнее. Здесь десятки черных гондол мерно качают своими благородными, прекрасной формы носами, а лодочники, как стая разбойников, притаившись, стерегут проходящего форестьера, растерянно-го и сбитого с толку необычностью всего окружающего.

Стоит только показаться иностранцу, как поднимается неимоверный крик десятков хриплых глоток:

— Гондола, гондола, гондола!

Выйдя из гостиницы (тут же на пьяццете), я подхожу к берегу и делаю знак. С радостным воем гондольер прыгает в гондолу и, как птица, подлетает ко мне. Сейчас же откуда-то из-за угла дома вылетают: 1) здоровенный парень, роль которого — посадить меня, поддержав двумя пальцами под локоть; 2) другой здоровенный парень, по профессии придерживатель гондолы у берега какой-то палочкой, — хотя гондола и сама знает, как вести себя в этом случае; 3) нищий — по профессии пожелатель доброго пути, и 4) мальчишка-зритель, который вместе с остальными тремя потребует у вас сольди за то, что вы привлекли этой церемонией его внимание.

Я сажусь; поднимается радостный вой, маханье шапками и пожелания счастья, будто бы я уезжаю в Африку охотиться на слонов, а не в ресторанчик через две улицы.

При этом все изнемогают от работы: парень, который подсаживал меня двумя пальцами, утирает пот с лица, охает и, тяжело дыша, придерживает рукой готовое разорваться сердце; парень, уцепившийся тоненькой палочкой за борт гондолы, стонет от натуги, кряхтит и всем своим видом показывает, что если в Италии и существуют каторжные работы, то только здесь, в этом месте; нищий желает вам таких благ и рассыпается в таких изысканных комплиментах, что не дать ему — преступно; а рото-

зей-мальчишка вдруг бросается в самую средину этого каторжного труда и немедленно принимает в нем деятельное участие: поддерживает под локоть того парня, который поддерживал меня.

Если задумаешься в происшествие, то только всего и случилось, что я сел в лодку... Но сколько потрачено энергии, слов, споров, советов и пожеланий. Четыре руки с четырьмя шляпами протягиваются ко мне, и четверо тружеников, получив деньги, дают клятвенное уверение, что теперь, после моего благородного поступка, обо мне позаботятся и Святая Мария, и Петр, и Варфоломей!

Я говорю гондольеру адрес, мы отчаливаем, тихо скользим по густой воде и после получасовой езды подплываем к самому ресторану. Кто-то на берегу приветствует меня радостными кликами. Кто это? Ба! Уже знакомые мне: придерживатель гондолы, подсаживатель под руку, пожелатель счастья и мальчишка поддерживатель поддерживателя под руку.

Они объясняют мне, что слышали сказанный мною гондольеру адрес и почли долгом прийти сюда, чтобы не оставить доброго синьора в безвыходном положении. Опять кипит работа: один придерживает гондолу, другой суетливо призывает благословение на мою голову, третий меня придерживает под руку, а четвертый поддерживает третьего.

Милая, голодная, веселая, мелко-жульническая и бесконечно красивая даже в этом жульничестве Италия!

Нас обманывали на каждом шагу, но так мелко, так дешево, что мы только посмеивались.

У собора св. Марка целая туча гидов. Показывают собор, показывают могилу какого-то знаменитого дожа, настолько знаменитого, что потом в каждой церкви нам

При этом все изнемогают от работы

показывали могилу, где лежали настоящие, подлинные останки этого удивительного дожа.

Однажды я не вытерпел и спросил:

— Вы говорите, что это настоящая могила, в которой лежит настоящее, подлинное тело дожа Марка Х?

— Си, сеньоре, только у нас!

— Странно... я до вас был в семи церквах и в каждой мне показывали настоящее трупохранилище Марка Х.

— Они вам показывали? — презрительно возразил проводник. — Хотел бы я посмотреть ихнего дожа! Воображаю... Вероятно, что-нибудь курам на смех. Туда же... лезут со своими дожами. У нас, синьор, такой дож Марко Х похоронен, что пальчики оближете.

У меня осталось смутное впечатление, что в прежние времена трупы знаменитых дождей заготавливались оптовым способом на одной из немецких фабрик и потом рассылались во все церкви, чтобы никому не было обидно...

Когда мы осмотрели собор св. Марка, гид, показывавший нам собор, опустил голову, отошел поодаль и задумался: «Что бы еще такое показать?»

Вспомнил. Показал то место, где Барбаросса стоял перед папой на коленях. Место было самое обыкновенное. Задумался. Вспомнил. Показал то место, где сидел папа.

— Ну, довольно, — сказали мы. — Все!

— Нет! — остановился гид.

Задумался. Вспомнил. Показал то место, на котором Барбаросса не стоял. Мы внимательно осмотрели указанное место. Понравилось.

— Я сейчас вам покажу мраморную колонну, отнятую у турок.

— Не надо, — сухо сказали мы.

— Покажу то место, где стояли кардиналы, когда Барбаросса...

— Не надо!

Он призадумался.

— Хотите, может быть, красивую синьору? Очень скромная, молодая, а?

— Пойди к черту!

— Открыток не надо ли? Вот хорошие есть. Эй, Джузеппе! Иди сюда, вот господам нужно открытки.

— К дьяволу! Ничего нам не нужно.

— Ага! Я знаю, что вам показать... Хотите видеть школу святой Елизаветы?

— Это интересно, — сказал Крысаков, обращаясь к нам. — Мне очень хотелось бы видеть, как у них поставлено учение... Ведите!

Мы последовали за гидом.

Он привел нас в какое-то помещение, одна часть которого была занята венецианским стеклом, а другая — несколькими десятками рабочих, копавшихся над какими-то мраморными статуэтками и мозаикой.

— Вот, — сказал гид, подмигивая хозяину, — эти господа хотят что-нибудь купить.

— Это что такое? — сурово спросил Мифасов.

— Школа святой Елизаветы!

— Это такая же школа, как ты честный человек. Ах ты, мошенник! Какая это школа?! Разве такие школы бывают?

На площади Св. Марка

— Я не понял синьоров, — сказал гид, сверкая зубами... — Школу желаете? Пожалуйста, я проведу вас в школу. Школу святой Маргариты! Синьоры останутся довольны.

Он повел нас, треща, как попугай, приплясывая и беспрестанно оборачиваясь...

Привел... Среди десятка манекенов сидели и плели кружева несколько прехорошеньких девушек.

— Вот, — сказал гид. — Настоящие венецианские кружева.

Меня удивило, что никто из нас не рассердился.

Наоборот, все подошли к красавицам и с захватывающим интересом стали следить за их работой.

Крысаков настолько заинтересовался проворством маленьких ручек, что взял одну из них и поцеловал.

— Нет, — сказал гид. — Я только хотел предложить вам купить кружева.

В другом углу Сандерс внимательно рассматривал плетенье, остановив работу самым примитивным способом: взял обе руки работницы в свои.

— Мифасов! — печально сказал я. — Только мы с тобой и отличаемся суровой нравственностью и закаленным сердцем.

— Да, да... Послушай... Тебе не нужен тот цветочек, что торчит в твоей петлице? Дай мне. Я приколю его к груди той, вон, высокой, черной...

— Боже, — подумал я с отвращением. — Эти люди, как тигры, набросились на беззащитных девушек...

Глубокое чувство сожаления охватило меня. Я нежно-покровительственно обвил талию ближайшей работницы и шепнул:

— Не бойтесь! Я не подпущу их к вам.

— Пойдем, синьоры, — сказал гид, лицо которого вытянулось. — Я вижу, что вы ничего не купите...

Действительно, мы вышли из «школы Маргариты», не купив даже аршина кружев.

— Все-таки, — задумчиво сказал Крысаков, — у них школьное дело обставлено недурно.

Когда наступил назначенный заранее день нашего отъезда из Венеции, мы с Сандерсом снова заболели.

Поезд уходил в пять часов вечера, и мы аккуратно пролежали до 4 1/2 часов вечера.

— Теперь уже на поезд не успеешь? — осторожно спросил Сандерс.

— Нет. Пока соберемся, пока гондола доползет...

— Ну, значит, можно вставать. Господи! Какое счастье еще один денек пожить в Венеции!

Мы вскочили, оделись и пошли бродить.

На другой день печаль разрывала наши сердца — нужно было уезжать.

Мы обошли все уголки, простились с Венецией, но... случилась непредвиденная вещь: в три часа дня заболел Мифасов.

— Плохо мне что-то, — сказал он. — Знаю, что нынче обязательно нужно ехать, но не могу встать.

— Гм... Ну, ты полежи, а мы поедем на Лидо купаться. Все равно уж, раз остались...

— И я с вами...

— С ума вы сошли! Смотрите-ка! У него лихорадка, а он — купаться!

Укутали Мифасова, пошли завтракать, побродили по переулкам и поехали на Лидо.

Разделись, легли на песок. Вдруг Крысаков поднялся на локтях и, глядя в воду, неуверенно сказал:

— Гм! Если бы Мифасов сейчас не лежал в Венеции в жестокой лихорадке, я бы подумал, что это он!

— А, это вы братцы, — пролепетал Мифасов, сконфуженно потирая тощую грудь. — А мне сделалось этого, знаете... как его? лучше! Да, сделалось лучше — я и приехал.

Признаться ли? Все мы втайне были благодарны за его ловкий прием. Пожить еще один день в Венеции! Этот Мифасов всегда придумает что-нибудь остроумное.

И в последний раз вошли мы в лазурные воды Лидо...

У всякого была своя манера купаться. Сандерс заплывал так далеко, что я, теряя его из вида, начинал подумывать о приискании по возвращении в Россию нового секретаря.

Крысаков, повертевшись в воде две минуты и наглотавшись соленой воды, вполне удовлетворенный, выбегал на берег и принимался за разные гадости: бросал в нас

песком, завязывал узлы на рубашках и носился, как сорвавшийся с цепи слон, по всему побережью.

Мифасов входил в воду с таким лицом, что будто бы он уже махнул рукой на жизнь и что морская пучина — близкая его могила. Валился на полуаршинной глубине во весь свой длинный рост и, выпучив в безумном паническом ужасе глаза, размахивал бешено руками с видом человека, решившегося дорого продать жизнь.

Со стороны казалось, что это человек среди океана борется с гигантским волнением и тонет, одинокий... На самом деле стоило ему только протянуть руку, чтобы она коснулась берега.

В первый раз, когда я увидел его полный отчаяния взгляд и бешеные спазматические движения на полуаршинной глубине, то, обеспокоенный, спросил:

— Боже мой! Что это ты делаешь?

— Плаваю! — прохрипел этот лихой малый.

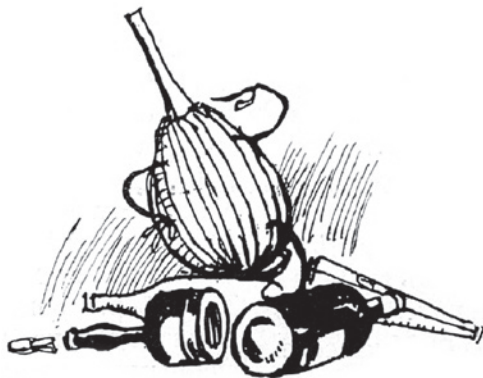
— Где? Ведь тут глубины не больше двух футов.

— Что ты! Я ведь ногами до самого дна достаю.

Я не хотел ему говорить, что этого же результата он достигает на любой городской улице, где воды нет. Но, взглянув на его покрытое предсмертным потом лицо и отчаянный лихой взгляд — промолчал.

Может быть, кто-нибудь спросит, как плаваю я?

Боже мой! Да конечно — превосходно.

ФЛОРЕНЦИЯ

Мнение путеводителя. — Испорченный механизм Мифасова. — Фьезоле. — Катанье в странном экипаже. — Человек, перецеголявший Сандерса. — Мы растерялись. — Поиски. — Остроумный плакат. — Опять Фьезоле

В путеводителе о Флоренции сказано:
— Этот город можно назвать самым красивым из всех итальянских городов.
А о Венеции в том же путеводителе сказано:
— Этот город считается самым красивым из всех итальянских городов.
К Риму составитель путеводителя относится так:
— Рим можно назвать самым красивым из всех итальянских городов.
Можно сказать с уверенностью, что жена составителя путеводителя в своей семейной жизни была не особенно счастлива. Каждую встретившуюся женщину увлекающийся супруг находил «лучше всех».

Венеция — царица, а Флоренция — ее красивая фрейлина, поддерживающая царственный шлейф. В Венеции нужно наслаждаться жизнью, во Флоренции — отдыхать от жизни.

Благородным спокойствием обвешана Флоренция.

Улицы без крика и гомона, роскошная зелень недвижно дремлет около белых дворцов, а солнце гораздо ласковее, нежнее, чем в пылкой Венеции.

Едва мы умылись в гостинице и переоделись, я спросил:

— Что хотел бы каждый из вас сейчас сделать?

— Меня интересует, — нерешительно сказал Мифасов, — постановка их школьного дела.

Крысаков пожал плечами и взглянул на часы:

— Поздно! Они уже, наверно, кончили свои кружевные дела. Меня интересует — едят ли здесь что-нибудь? Я хочу есть.

— А вы, Сандерс, чего хотите?

Он вздохнул, поглядел в окно, передвинул ногой чемодан и сказал:

— Я...

Мы терпеливо подождали.

— Ну, ладно! Выскажетесь по дороге. Некогда.

— Надо, господа, ехать во Фьезоле, — предложил Мифасов. — Полчаса езды на трамвае. Там прекрасно. Красивое местоположение, зелень.

Совет Мифасова поставил нас в затруднительное положение. За час перед этим я заглядывал в путеводитель и нашел такие сведения: «Фьезоле, полчаса езды от Флоренции в трамвае; прекрасное местоположение, масса зелени».

Но раз это же самое утверждал Мифасов, я усомнился: нет ли ошибки в путеводителе? Потому что не было большего неудачника в подобных случаях, чем Мифасов. У него была прекрасная память, но какая-то негативная: все запоминалось наоборот.

— Может быть, Фьезоле не около Флоренции, а около Рима? — спросил, колеблясь, я.

— Нет, здесь.

— Может быть, это какая-нибудь скверная дыра? Не спутал ли ты, Коленька... А? Ну-ка, вспомни.

— Нет, там хорошо.

И что же... Не успел трамвай доехать до места назначения, как мы убедились, что это Фьезоле и что оно действительно прекрасно.

— Тут есть, господа, остатки древнего цирка. Можно взять лошадок и съездить посмотреть. Близко.

— Коля, — осторожно сказал Крысаков, — может быть, это не цирк, а театр, а? И не старый, а новый? Ну-ка вспомни-ка. Может, до него далеко? Может, тут не лошадки возят, а мулы или верблюды?

В механизме Мифасова что-то испортилось: цирк был действительно древний и находился он близехонько.

Когда я сравниваю себя с товарищами, мне прежде всего бросается в глаза разница нашей духовной организации. Попробуйте спросить меня, что осталось в моей памяти от Флоренции и Нюрнберга? Я отвечу в первом случае: красивая грусть, которой проникнуто было все; во втором случае: идиллическое настроение на фоне суровых, тесно сдвинувшихся зданий, в окна которых, казалось, грозно глядят прошлые, серые века, закованные в латы и отягощенные доспехами. А спросите о Флоренции и Нюрнберге моих товарищей. От всего Нюрнберга уцелел толстый немец Герцог, хозяин кабачка, в котором нас угостили несравненными кровяными колбасами, братвурстом и изумительным пивом. Я до сих пор не могу забыть ни этих колбас, ни этого пива... Флоренция? Фьезоле? О, конечно, при этом слове у моих друзей засверкают глаза и польются воспоминания:

— Помните кьянти? Нигде во всей Италии нам не давали такой прелести! А асти? Нигде нет такого! А мартаделла, а гарганзола!! А какая-то курица, приготовленная таинственно и чудесно. Ах, Фьезоле, Фьезоле!..

Действительно, должен сознаться, что ни этого вина, ни этих чудесных кушаний забыть нельзя. Ах, Фьезоле, Фьезоле!

После этого чудесного пира мы, ласковые и разнеженные, вышли из увитого зеленью дворика крохотного ресторана и бодро зашагали, полные искренней любви друг к другу. Крысаков не преминул снять с Сандерса шляпу и нежно поцеловать его в темя.

— Почему? — спросил сонно Сандерс.

— Славный вы человек. Дай Бог вам всего такого...

Идя сзади под руку с Мифасовым, я шепнул ему:

— В сущности, они хорошие ребята, не правда ли?

— Превосходные. В них есть что-то такое... Он споткнулся, но я дружески подержал его.

— Стойте! — закричал Крысаков. — Экипаж! Поедем на нем. Эй, ты! Свободен? Это был большой, черный, поместительный экипаж, влекомый парой лошадей, которых вел под уздцы парень в грязном, темном костюме.

— А флорентийцы, как и венецианцы, — люди одного вкуса. Все у них выдержано в черных тонах. Садитесь, господа! Фу ты, как неудобно...

Кучер что-то закричал и стал прыгать и кривляться около экипажа.

— Что он делает?

— Наверное, какая-нибудь секта. Эти итальянцы, вообще...

— Может быть, он занят? Спросите его по-французски.

По-французски возница не понимал.

— Свободен? — спросил Мифасов. — Либро? Э? Твоя экипажа свободна есть? Либро?

Экипаж оказался свободен и, тем не менее, возница очень не хотел, чтобы мы садились. Он кричал и бесновался...

— Покажите этому флорентийскому ослу пять лир. Может быть, это его успокоит.

Мы показали смятую бумажку и победоносно полезли в экипаж.

Возница застонал, всплеснул руками, вскочил на облучок, ударил по лошадям, — и экипаж поскакал, бешено подпрыгивая на каменистой мостовой.

Прохожие, встречаясь с нами, взмахивали руками и кричали что-то нам вслеп; мальчишки бежали за нами, приплясывая и оглашая воздух немолчными воплями.

— Какое приветливое народонаселение, — сказал Мифасов удовлетворенно. — Вообще итальянцы всегда хорошо относятся к иностранцам.

— А может быть, они принимают нас за каких-нибудь должностных лиц? — спросил честолюбивый Крысаков.

— Ну, знаете... Мы больше смахиваем на конокрадов.

— О, черт. Ударился головой о верх! Знаете, я думаю, этот экипаж не создан для быстрой езды.

В справедливости слов Крысакова мы не замедлили убедиться через две минуты. Навстречу нам очень медленно подвигался такой же самый экипаж. Возница steadily вел четырех лошадей под уздцы, а сзади шагали погруженные в задумчивость люди. В экипаже был только один пассажир, и тот не сидел, а лежал, чинно сложив на груди руки.

— Посмотрите-ка, что это?

— А-а-а... Гм!..

— Знаете что? Тут уж нам недалеко; пройдемся пешком.

— Идея! А то мы совсем без движения...

— Растолстеешь, — согласился Крысаков, поспешно спрыгивая с нашего странного экипажа.

Домой мы добрались молча. Говорить не хотелось.

Уезжали на другой день утром. Во Флоренции нам удалось видеть самого медлительного человека в мире. Сандерс казался перед ним человеком-молнией.

Наша гостиница была около самого вокзала, через дорогу. Портье сказал, что он довезет наши вещи на тележке; а мы можем пойти вперед, брать билеты. До поезда оставалось двадцать пять минут. Мы взяли билеты, просмотрели юмористические журналы; до поезда осталось десять минут. Выпили бутылку вина, проверили билеты, проверили время отхода — осталось три минуты.

— Проклятое животное! Мы опоздали. Не украл ли он наши вещи?

— Пусть кто-нибудь побежит за ним.

— А вдруг он сейчас откуда-нибудь вынырнет?

— Как же мы поедем без одного. Нам разлучаться нельзя.

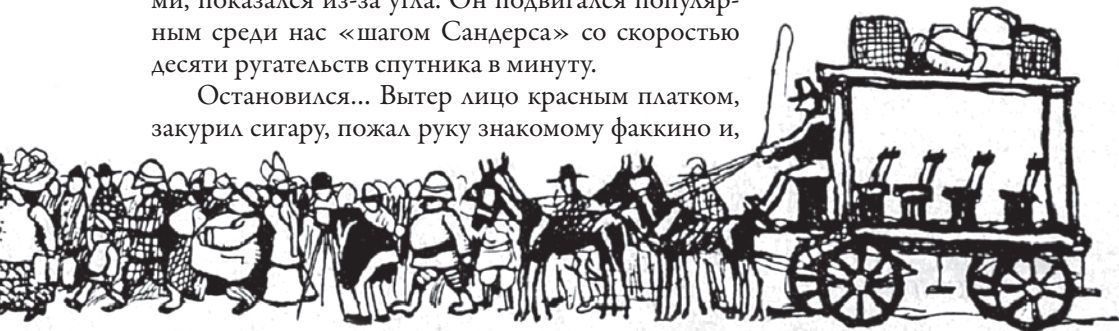
— Теперь уж не разлучимся.

— Почему?

— А вот... наш поезд... тронулся.

Когда хвост поезда скрылся где-то за горизонтом, послышалось тихое пение, и портье, мурлыча популярную канцонетту и толкая впереди тележку с нашими вещами, показался из-за угла. Он подвигался популярным среди нас «шагом Сандерса» со скоростью десяти ругательств спутника в минуту.

Остановился... Вытер лицо красным платком, закурил сигару, пожал руку знакомому факкино и,

заметив в углу нашу молчаливую группу, благодушно спросил:

— Опоздали? Поезд ушел?

— Ушел.

— Та-ак.

— Ну, что новенького в Риме? — спросил, сдерживая себя, Крысаков.

— О, я, синьоры, к сожалению, не был там.

*В часовне Медичи мы
обнажили головы*

— Неужели? Я думал, вы сейчас туда заезжали по дороге. Благополучно ли вы переправились через неприступное ущелье, отделяющее гостиницу от вокзала?

— О, синьоры, дорога совершенно прямая.

— Знаете, кто вы такой, синьор портье? Идиот, грязное животное, негодяй и брига́нт!

К французскому языку он относился совершенно равнодушно, что было видно из того, что лицо его оставалось сонным, и под градом ругательств он сладко затягивался отворотительной сигарой.

— По-итальянски бы его, — свирепо сказал я.

— Ладно. Кто будет?

— Говорите вы. А мы будем составлять фразы.

Каждый из нас знал по несколько итальянских ругательств, но это было плохое, разрозненное издание. Приходилось собирать у каждого по несколько слов, систематизировать и потом уже в готовом виде подносить их Крысакову для передачи по адресу.

Мы расселись на своих чемоданах, и фабрика заработала. Мы с Мифасовым произносили слова, Сандерс их склеивал, а Крысаков громовым голосом бросал уже готовый фабрикат в лицо обвиняемому.

Обвиняемый присел на пустую тележку, надвинул шапчонку на глаза и закрыл лицо руками.

Когда мы с Мифасовым опустошили себя, оказалось, что негодяй заснул.

— Пойдем жаловаться хозяину гостиницы.

Они ушли, а я остался около вещей. Прошло очень много времени; я видел, как ушел второй поезд на Рим, и узнал, что следующий уходит только через три часа. Велел факкино отнести вещи в багаж, а сам пошел бродить по городу, чтобы протянуть время до поезда. Обиженный, покинутый, плотно позавтракал. За час до отхода поезда вернулся на вокзал. Никого не было. Потом оказалось, что Сандерс, Крысаков и Мифасов пришли после моего ухода на вокзал. Увидели, что меня нет, и отправились искать меня по городу. Зашли по дороге в альберго, хорошо позавтракали. Потом опять искали. А я пришел на вокзал, никого не нашел и, встревоженный, отправился на поиски. Искал долго, устал... Зашел в ресторан пообедать. В это время потерянные друзья опять навестили вокзал, не нашли меня и снова пустились в поиски; заглядывали в рестораны, остерии; в одной решили пообедать. А поезда приходили из Рима, уходили в Рим, снова туда и сюда, не дожидаясь несчастной, распозавтракавшей по всему городу компании. Группа «Мифасов, Сандерс и Крысаков» устроила заседание по поводу потерявшейся группы «Южакин» и решила поставить поиски на самую широкую ногу: город был разбит на районы; на углах улиц поставлена была цепь сторожевых (Мифасов); член этой человеколюбивой экспедиции Сандерс был командирован на вокзал со специальным поручением: наклеить в багажном отделении на мой чемодан глубокомысленный плакат:

«Если вы придете на вокзал, забирайте вещи и идите в гостиницу „Палермо“, где мы ночуем. А если не придете на вокзал, мы вечером — в шантанчике у Рынка Свины, туда прямо и идите».

Ниже приписка карандашом:

«Впрочем, что я за дурак: если вы не придете на вокзал, как же вы узнаете, что мы вечером у Рынка Свины? Тогда ведь вы не будете знать, где мы. В таком случае, поезжайте в «Палермо» и вечером просто ложитесь спать. Крысаков кланяется».

— А, ну вас, — подумал я. — Не люблю людей, делающих ложные шаги. К черту ваш Рынок Свины! Поеду-ка я лучше на Фьезоле, в этот милый кабачок.

Потом я выяснил, что мои спутники к концу вечера растеряли друг друга и каждый очутился в одиночестве. Это произошло потому, что Крысаков, вместо того чтобы ждать Сандерса в условленном месте, решил пойти ему навстречу; Сандерс, нао-

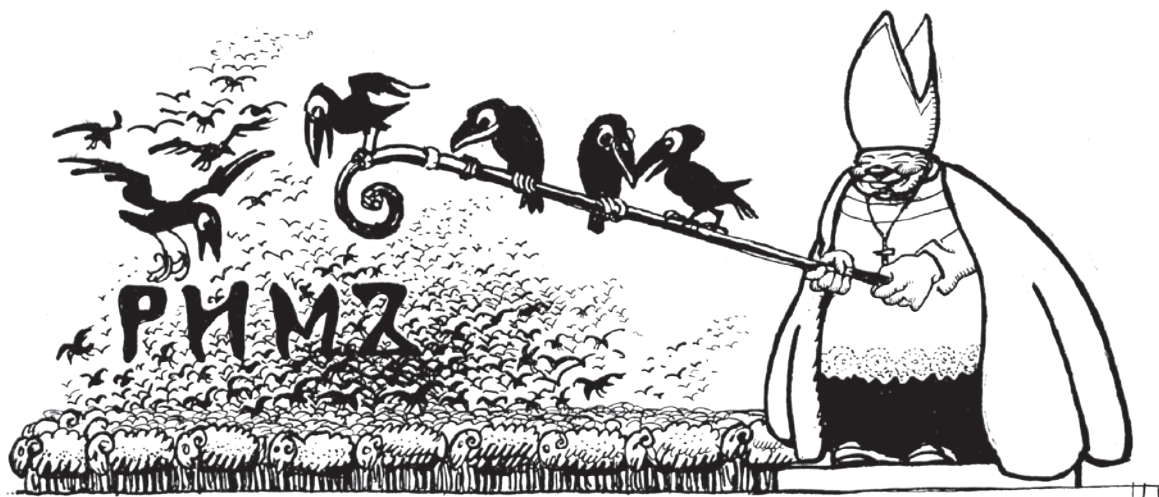

борот, решил зайти по дороге за Мифасовым, а Мифасов отправился к Крысакову, не нашел его, полетел на вокзал, — и четыре человека весь день бродили в одиночестве по флорентийским улицам. Каждый из них был раздражен глупостью других и, не желая их видеть, решил провести вечер в одиночестве.

Поэтому Крысаков был чрезвычайно изумлен, обнаружив меня на Фьезоле, в излюбленном ресторанчике, а Сандерс и Мифасов, появившиеся почти в одно время за нашими спинами, сочли это каким-то колдовством.

Сначала, усевшись, мы сделали кое-какую попытку разобраться в происшедшем, но это оказалось таким сложным, что все махнули рукой, дали клятву не разлучаться и... курица по-итальянски, выплывшая из ароматной струи асти, смягчила ожесточившиеся сердца.

Сандерс сокрушается. — Старина. — Я стараюсь перещеголять гида. — Колизей. — Сандерс в катакомбах. — Музей. — Тяжелая жизнь. — Художественное чутье. — Дорогая палка. — Уна лира

Рим не на всех нас произвел одинаковое впечатление. Когда мы осмотрели его как следует, Сандерс засунул руки в карманы и спросил:

— Это вот и есть Рим?

— Да.

— Это такой Рим?

— Ну, конечно. А что?

— Гм, да... — протянул он, схибно усмехаясь. — Так вот он, значит, какой Рим...

— Да, такой. Вам он не нравится?

— О, помилуйте! Что вы! Как же может Рим не нравиться? Смею ли я...

Свесив голову, он долго повторял:

— Да-с, да-с... Вот оно как! Рим... Хи-хи. А я-то думал...

— Что вы думали?

— Ничего, ничего. Городок-с... Городочек-с! Хи-хи. Мы пробовали рассеять его огорчение.

— Он, правда, немножко староват... Но зато...

— Да, да... Староват. Но зато он и скучноват. Он и грязноват. Он и жуликоват. Хи-хи!

В этом смысле я резко разошелся с Сандерсом. Рим покорило мое сердце. Я не мог думать без умиления о том, что каждому встречному камню, каждому обломку колонны — две-три тысячи лет от роду. Тысячелетние памятники стояли скромно на всех углах, в количестве, превышающем фонарные столбы в любом губернском городе.

А всякая вещь, насчитывавшая пятьсот-шестьсот лет не ставилась ни во что, как девчонка, замешавшаяся в торжественную процессию взрослых.

Я долго бродил с гидом по Форуму, среди печальных обломков старины, и в ушах моих звенели диковинные цифры:

— Две тысячи лет, две с половиной! Около трех тысяч лет...

Когда мы брели усталые по сонным от жары улицам, я остановился около мраморного, позеленевшего от воды и лет фонтана и сказал:

— О! Вот тоже штучка. Я думаю, не из новых.

Гид пожал плечами, сплюнул в струю воды и возразил:

— Дрянь! Всего-то восемьсот лет.

На углу меня заинтересовала чья-то бронзовая статуя.

— Господин, — сказал гид, — если мы будем останавливаться около таких пустяков — у нас не хватит недели,

— Вы это считаете пустяком?

— О, Господи ж! Поставлен в прошлом столетии.

— Однако, — сказал я. — Как же вы терпите эту ужасную новую ярко-позолоченную конную статую Виктора-Эммануила?

— О, ведь это вещь временная. Этот памятник еще не готов.

— Почему?

— Он будет готов через шестьсот-семьсот лет, когда позолота слезет. Тогда это будет благороднейшее старинное произведение искусства.

— Станный обычай. У нас, в России, таким способом заготавливают только огурцы впрок. Раз он не готов — не нужно было его открывать...

— Закрытыми такие вещи нельзя держать, — возразил гид. — Тогда позолота и в тысячу лет не слезет.

Я проникся культам старины даже гораздо раньше, чем этого мог ожидать гид.

Итальянский нищий

В сумерки он зашел ко мне в гостиницу и предложил, лукаво ухмыляясь:

— Не желает ли господин посмотреть тут один шантанчик?

— Старый? — спросил я.

— О, нет, совершенно новый, недавно отремонтированный.

— Так что ж вы мне его предлагаете! Еще если лет восемьсот, девятьсот...

— О, тогда господину нужно пойти в кафе Греко.

— Старое?

— О, да. Еще в восемнадцатом веке...

— Только-то? Нет, мой дорогой. Я полагаю — его можно будет посещать лет через триста... и то с большой натяжкой...

Я имею основание думать, что гид почувствовал ко мне тайное почтение. Он поклонился и сказал:

— В таком случае, не посмотрите ли вы завтра собор святого Петра?

— О, — равнодушно пожимая плечами, промямлил я. — Вы говорите — святого? Это, вероятно, что-нибудь уже после Рождества Христова?

— Да, но...

— Знаете что? Отложим это до будущего приезда. Все-таки будет годиком больше, а?

— Ну, я знаю, что господину нужно... Он завтра утром посмотрит Колизей и термы Каракаллы.

— Ну что ж, — сказал я. — Я полагаю, что это меня позабавит.

На другой день утром автомобиль в двадцать минут доставил нас прямо к Колизею. Был прекрасный жаркий день.

Лицо гида сияло гордостью и торжеством.

— Вот-с! Извольте видеть.

— А где же Колизей?

Гид побледнел:

— Как... где?... Вот он, перед вами!

— Такой маленький? Тут повернуться негде.

— Что вы, господин! — жалобно вскричал гид. — Он громаден! Это одно из величайших зданий мира. Пожалуйста, я вам сейчас покажу ямы, где содержались звери до представления и откуда их выпускали на христиан.

— Там сейчас никого нет? — осторожно спросил положительный Мифасов.

— О, синьор, конечно. Вам со мной нечего бояться. Вот видите остатки этих громадных стен: все они были облицованы белым мрамором — такую работу могли сделать только рабы.

— А где же мрамор?

— Монахи утащили в Ватикан. Весь Ватикан построен из награбленного отсюда мрамора.

— Ага! — сказал Сандерс, — око за око... Сначала звери в Колизее драли христиан, потом христиане ободрали Колизей.

— О, — сказал гид, — христианство погубило красоту Рима. Это была месть язычеству. Лучшие памятники разграблены и уничтожены Ватиканом. Вам еще нужно взглянуть на бани Каракаллы и на катакомбы.

Добросовестный гид потащил нас куда-то в сторону, и мы наткнулись на грандиозные развалины, на стенах которых еще кое-где сохранилась живопись, а на полу — чудесная мозаика.

Мы, притихшие, очарованные, долго стояли перед этим потрясающим памятником рабства и изнеженности, над которым несколько тысячелетий пронеслись, как опустошительный ураган, пощадив только то небольшое, что могло дать представление нам, узкогрудым потомкам, о мощном размахе предков.

И мне захотелось остаться тут одному, опуститься на обломок колонны и погрузиться в сладкие мечты о безвозвратно минувшем прошлом. Так хотелось, чтобы никого около меня не было, ни гида, ни Сандерса, с его сонным видом и вечным стремлением завязать спор по всякому ничтожному поводу, ни размашистого громогласного Крысакова, ни самоуверенного кокетливого Мифасова, которому до седой старины такое же дело, как и ей до него.

В это время ко мне приблизился Мифасов и сказал тихонько:

— Вот она, старина-то!.. Так хочется побыть одному, без этого хохотуна Крысакова, без вялого дремлющего Сандерса, которому, в сущности, наплевать на всякую старину... Так хочется посидеть часик совсем одному.

За моей спиной послышался шепот Сандерса:

— Вас не смешат, Крысаков, эти два дурака, которые, вместо того чтобы замереть от восторга, шепчутся о чем-то? Как бы мне хотелось, чтобы никого из них не было!.. Сесть бы в уголочке да пометчать.

— Да, да, — сказал Крысаков. — Мне тоже. Чтобы никого не было!.. Ну, разве только вы, — деликатно добавил он.

Были мы в катакомбах. Сырой, холодный воздух, зловещий шорох наших ног, огонек свечи, освещающий пространство в ладонь величиной, и тяжелое смутное настроение, которое еще больше усиливали вопросы Сандерса, неожиданно вступившего в полосу разговорчивости в этом неподходящем месте.

— Почему тут так темно? — осведомился он у монаха.

— Катакомбы.

— Ну, я понимаю — катакомбы! А все-таки могло быть светлее. Тут никто не живет?

— Конечно, нет. Здесь хоронили мучеников, а в последнее время — пап.

— Чьих? — бессмысленно спросил Сандерс, отколупывая пальцем кусок воска от свечки.

— Римских.

— Ага! Теперь уже, вероятно, нет древних христиан? Времени-то, слава Богу, прошло немало.

— Ради Бога, довольно! — сурово перебил Крысаков. — Теперь я понимаю, почему Сандерс так редко разговаривает... У него есть солидные основания.

Большую часть времени, проведенного в Риме, мы тратили на хождение по музеям и картинным галереям.

Я подозреваю, что с музеями у нас с самого начала вышло недоразумение: художники боялись показаться мне и Сандерсу людьми некультурными, не интересующимися искусством и потому, едва успев приехать в город, уже неслись с искаженными тоской лицами во все картинные галереи города; мы, не желая показать себя перед художниками людьми отсталыми, равнодушными к их профессии, носились за ними.

Сколько мы видели картинных галерей? Сколько музеев обежали мы за все время наших скитаний по Европе? Какое количество картин, больших и маленьких, промелькнуло перед нашими утомленными глазами? Берлин, Дрезден, Мюнхен, Нюрнберг, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Генуя, Париж... Всюду целое море полотна — зеленого, красного, розового, старинного и нового...

В Ватикане Сандерс заснул в музее за дверью, а в другом музее — забыл его название — мы так разошлись, что, поднимаясь все выше и выше, попали в большую комнату, уставленную столами, за которыми сидели несколько живых стариков. Мы тупо осмотрели их, постояли добросовестно около портрета Виктора-Эммануила и потом потащились обратно, шатаясь от усталости.

— Вот столб какой-то, — указал Мифасов, когда мы спускались по темной лестнице.

— Старинный?

— Бог его знает! Спокойнее будет, если осмотрим. Осмотрели столб. Как говорится, ничего особенного.

Начиная с Мюнхена, мы по приезде в каждый город усвоили привычку робко спрашивать у обывателей:

— Нет ли тут каких-нибудь музеев или картинных галерей?

И если музеи были, Крысаков решительно надевал шляпу и с суровой складкой у углов рта с видом подвижника говорил:

— Ну, ничего не поделаешь... Надо идти. Остальные трое безропотно надевали шляпы и шагали за ним, угрюмо опустив головы.

— Может быть, он закрыт? — шептал Сандерс, с надеждой поглядывая на Крысакова.

— Глупости! Почему бы ему быть закрытым?

— Ремонт... Или по случаю пожара.

— Вздор! Пойдем. Я вам покажу тут такого Луку Кранаха, что даже ахнете.

Как люди деликатные, мы с Сандерсом ахали.

— Смотри, Сандерс — Кранах!

— Да, да! Лука. Изумительно.

Крысаков и Мифасов распознавали художников и их картины по общепринятой системе; у Сандерса же была своя система — очень дикая, но, к общему изумлению, довольно верная. Например, Рубенса он узнавал по цвету женских колен, а какого-то французского художника единственно по тому признаку, что на всякой его картине в центре была нарисована белая лошадь. И действительно — в десятке разбросанных картин было заключено десять лошадей, и все белые, и каждая в центре.

Я с завистью смотрел на трех друзей, которые издали безошибочно, по одним им известным признакам, узнавали среди десятков — какого-нибудь Гверчино, Зурбарана или Луку Кранаха.

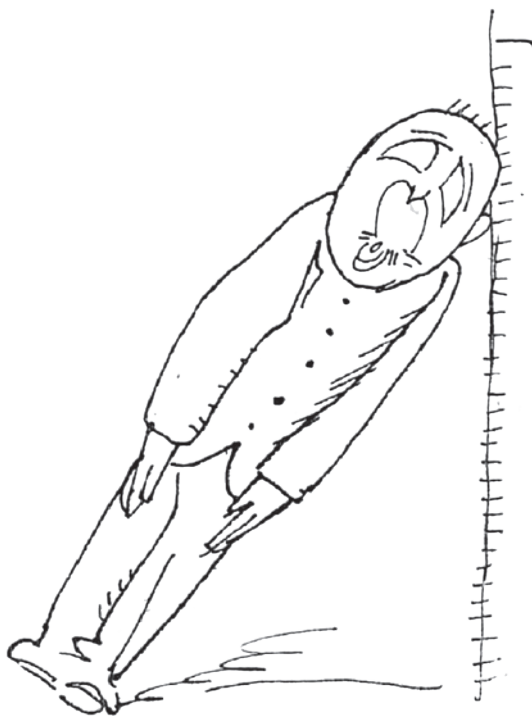
В конце концов я придумал следующий практичный и простой способ конкурировать с ними: когда они застыли в изумлении перед какой-нибудь картиной, я потихоньку прокрадывался в следующую комнату, прочитывал подписи под картинами, возвращался и потом, шествуя в хвосте в эту следующую комнату, говорил, поглядывая из-за спин товарищей:

— А! Что это? Если не ошибаюсь, эта старина Лауренс? Похоже на его письмо...

— Да, это Лауренс, — неохотно соглашался Крысаков.

— Еще бы! Я думаю. А этот, вот в углу висит — убейте меня, если это не Берн-Джонс. Сразу можно узнать этого дьявольского виртуоза! Ну конечно. Да тут, если я не ошибаюсь, и Гэнсборо, и Рейнольдс!

Сандерс, Мифасов и Крысаков изредка ошибались. Я никогда не ошибался.

В Ватикане Сандерс заснул в музее

— Смотрите! — говорил Крысаков. — Ведь это Коро! Его сразу можно узнать. Я читал на дощечке:

«Ван-Хигтинс, Голландская школа».

— Неужели? А ведь совсем Коро!.. Не правда ли, Мифасов?

— Да! — подтверждал Мифасов, очень ревниво относившийся к поддержанию их профессионального престижа. — Ну, Добиньи, конечно, вы сразу узнали?

— Это не Добиньи, — поправлял я. — Это Курбе.

— Ну, Курбе! Их часто смешивают.

— У Курбе всегда толстое дерево сбоку, — авторитетно замечал дремавший Сандерс.

И мы шли дальше, пробегая одним взглядом десятки картин, лениво волоча усталые ноги и судорожным движением выпрямляя изредка натруженные спины и затылки.

Когда уже все было осмотрено, несносный проныра Крысаков неожиданно говорил:

— А вот тут есть еще один закоулочек — мы в нем не были.

— Ну, какой там закоулочек... Стоит ли? Я уверен, там ничего путного нет.

— Нет, Сандерс, — так нельзя. Нужно все осматривать...

— Милые мои! Отпустите вы меня...

— Что вы! Там целых два Фрагонара.

— Два?.. Эх! Ну, идем!!

Всюду нам сопутствовала компания англичанок. Англичанки все, как на подбор, были старые — ни одной молоденькой, ни одной красивой.

Трудовая жизнь

За все время мы видели несколько сот англичанок — все они были старые, отвратительные. Я уверен, что в Англии есть много и молодых, но они на континенте не показываются. Их, вероятно, держат где-нибудь взаперти, выдерживают в каком-то погребе, дожидаясь, пока они постареют. А когда они готовы — их выпускают на континент большими партиями. Ездят они всюду по Куковскому маршруту, сопровождаемые длинными, иссохшими от времени англичанами; забавно видеть, как Куковский проводник набивает чудовищно-громадный автомобиль этим старым мясом, хватая леди и джентльменов за шиворот и пропихивая их ногой в затруднительных местах. Ничего, довольны.

И бродят они, несчастные, подобно нам, застывая с видом загипнотизированных кроликов перед какой-нибудь «головой старика» или «туманным вечером в Нидерландах».

Это позор и несчастье — изучать сокровища искусства таким образом. Что у меня осталось в памяти? Несколько Рубенсов, два-три Рембрандта, полдюжины Беклинов и кое-что испанское: поразительные Хулоага, Англада и Саролла-Бастила. А сколько я видел? Зеленые, желтые пейзажи, розовые тела, разные девушки с кошкой, девушки

без кошек и кошки без девушек, цветы, сырая рыба рядом с персиками и вечный Святой Себастьян, которого не изображал только тот, кто вместо живописи занимался другими делами. Потом было много каких-то уродливых облупленных картин с детской перспективой и кривыми телами.

Корректный Мифасов считал необходимым восхищаться и этими облупленными обрывками старины; а хронический протестант Сандерс в таких случаях ввязывался в ожесточенный спор:

— Замечательно! Ах, как это замечательно! Крысаков! Посмотрите, какой это чудесный тон! И как проштудировано!

— Да, действительно... тон, — деликатно подтверждал Крысаков.

— Послушайте, — начинал Сандерс, как бык, потупив голову и озираясь. — Неужели эта ерунда вам нравится?

— Милый мой, это не ерунда!

— Это не ерунда? Вы посмотрите, как нарисовано! Теперь гимназист пятнадцати лет нарисует лучше.

— Вы забываете исторические перспективы.

— Тогда при чем здесь «тон», «проштудировано»? Изумляйтесь исторически — и этого будет довольно.

— Вы варвар!

— А вы сноб!

— Ах, так? Надеюсь, наши отношения...

— Ну, поехала! — кривился Крысаков. — «Не осенний мелкий дождичек»...

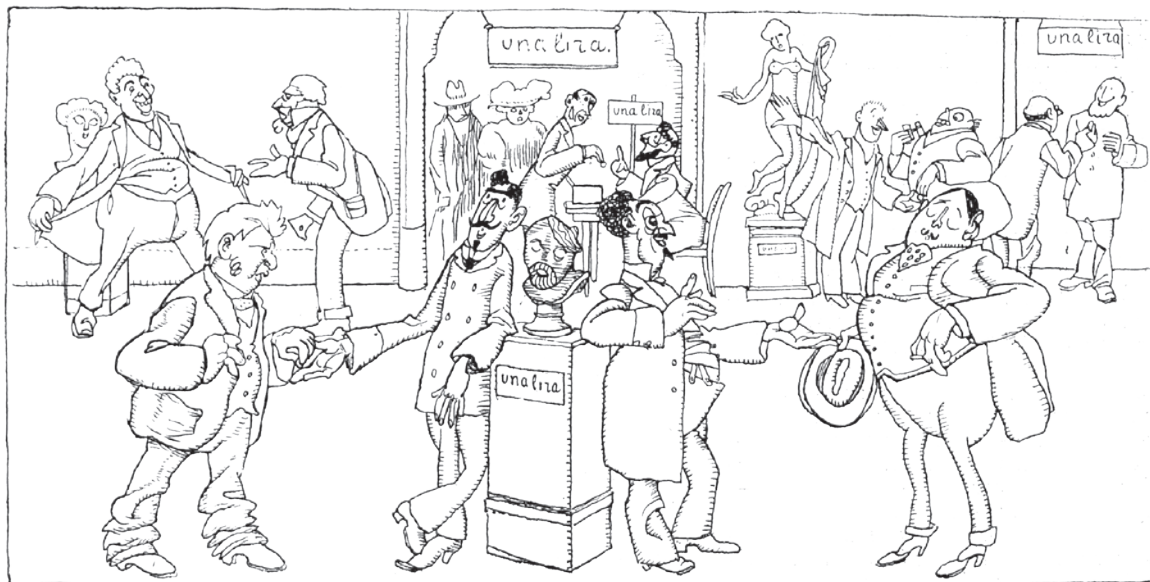
И Крысаков, и Мифасов, как авгуры, упорно охраняли своих богов, а мы, честные, откровенные люди без традиций, — не церемонились. Впрочем, однажды, изловив Крысакова в темном уголку, я путем вопросов довел до его сознания, что Боттичелли не так уж хорош, чтобы захлебываться перед ним. На сцену, правда, выступила историческая перспектива, но я налег — и Крысаков сдался. Это меня тронуло, и я, помню, очень расхвалил какую-то незначительную картинку, которая ему понравилась.

Он очень любил живопись, но под конец нашего путешествия, если по приезде в новый город в нем не оказывалось музея, Крысаков оживлялся, шутил и вообще начинал чувствовать себя превосходно.

К концу нашего путешествия мы с Крысаковым оказались обладателями очень драгоценных предметов: я — палки, он — фотографического аппарата. Эти две вещи мы вывезли из России, и на месте они стоили: палка — рубль, аппарат — двенадцать рублей.

Мы с ними нигде не расставались, и поэтому при входе во всякий музей или галерею у нас их отбирали, а потом взыскивали за хранение.

В Риме я решил бросить эту дрянную рублевую палку, но она уже стояла около пятидесяти лир — было жаль. В Неаполе цена ее возросла до семидесяти лир, начиная от Генуи — до ста, а после Парижа — потеря ее совершенно бы меня разорила. Эта палка и сейчас находится у меня. Любопытные долго ее осматривают и очень удивляются, что такая неказистая на вид вещь обошлась мне около двухсот франков. А крысаковский аппарат к концу путешествия разорил своего хозяина, потому что, как верная собака, таскался за ним в самые неподходящие места.

Una lira! Una lira! Una lira!

Рим в отношении поборов — самый корыстолюбивый город. Там за все берут лиру: пойдете ли вы в Колизей, захотите ли взглянуть на картинную галерею, на памятник или даже на собственные часы.

В Ватикане с нас брали просто за Ватикан (лира!), за картинную галерею Ватикана (лира!), за левую сторону галереи (лира!), за правую (тоже!), за Сикстинскую капеллу (лира!) и еще за какой-то закоулочек, где стоит подсвечник, — ту же лиру.

Немудрено, что самый захудалый папский кардинал имеет возможность носить бархатную шапку.

Все это сделано на наши лиры.

Извиняюсь за это лирическое отступление, но оно необходимо для того, чтобы пристыдить некоторых итальянцев, если они прочтут эту книгу.

НЕАПОЛЬ

I

*Неаполитанцы. — Случай с монетой. — Город нищих. — Неаполитанский купец. —
Первое появление Габриэля. — Аквариум. — Позилиппо. — Тарантелла. —
Мы разрываем с Габриэлем. — Кафе-концерт. — Ресторанная тактика. —
Помпея. — Гривуазность Габриэля. — Самая богатая страна*

В путеводителе сказано, что Неаполь один из самых больших городов Италии — в нем свыше полумиллиона жителей.

Я думаю, путеводитель сказал на этот раз правду, потому что уже на вокзале я насчитал очень много народу.

Неаполитанцы у нас, в России, известны своими оркестрами. Мифасов сообщил нам некоторые сведения об оригинальном подразделении этого народа на группы: весь Неаполь делится на так называемые оркестры, а оркестры делятся на отдельных жителей, мужчин (игра на гитаре и пение) и женщин (пение и танцы).

Конечно, Сандерс не приминул вступить с ним в бесконечный спор, оспаривая правильность этого простого и ясного подразделения. Мне оно понравилось.

Стремление неаполитанца надуть туриста возведено в культ. В Венеции и Риме это делается спешно, по-любительски, без установленных приемов и твердой организации. Неаполь же может похвастаться серьезным и добросовестным отношением к своему делу.

Один мой знакомый рассказывал следующий случай из неаполитанской жизни...

Сидел он однажды в кафе и пил кофе. Народу было мало — несколько итальянцев за мороженым и одинокий турист-англичанин, мирно пивший в углу кофе. Выпив его, англичанин вынул портмоне, стал рыться в нем и при этом нечаянно выронил золотую монету. Никто не трогался с места. Только один слуга прошел в этот момент мимо, обремененный подносом с новыми порциями мороженого.

Англичанин позвал других слуг, попросил поднять монету, но — монета как в воду канула. Все слуги искали ее на глазах у англичанина — утаить было невозможно, монета не могла куда-нибудь закатиться, потому что щелей в полу не было.

И тем не менее монета исчезла.

Выругавшись, англичанин расплатился и ушел.

Тогда мой знакомый подозвал к себе человека, несшего в момент потери громадный поднос, и потихоньку сказал:

— Послушайте, камерьере... Я не буду поднимать истории — расскажите мне, как вы это сделали?

— Что я сделал?

— Ну, вот... Укр... присвоили себе монету. Каким это образом?

— Господин ошибается. Я никакой монеты и не видел, — возразил итальянец, скаля зубы.

— Послушайте... я же прекрасно видел, как она упала, как вы, проходя, наступили на нее ногой и как она сейчас же исчезла...

— Не знаю, о чем синьор говорит.

— О, черт возьми! Я ведь не полицейский, и мне все равно, но, если вы не расскажете, я заявлю обо всем хозяину кафе.

— В таком случае, — усмехнулся слуга, — дело это очень простое. Средине моей подметки была смазана клеем. Я увидел, как монета упала, и сию же секунду наступил на нее. Вот и все.

— Послушайте... Но ведь не могли же вы сегодня, когда смазывали подметку сапога, предвидеть, что кто-нибудь уронит золотую монету?

— О, сударь, золотая, серебряная — это все равно, — возразил добрый слуга, — и падают они, конечно, не так часто, но подметки — все мы смазываем с утра на всякий случай.

Это ли не организация?

И, вместе с тем, нет итальянца ленивее, чем неаполитанец. Целыми днями валяются они на набережной, в узких кривых переулках и между мраморных колонн домов. Вероятно, лежат и мечтают: как бы почуднее надуть туриста?

Но трудно собраться с мыслями, когда солнце так приятно поджаривает оборванца, а море дышит в самое лицо вкусным соленым запахом.

Много ли ему нужно? На целый день оборванцу заработать, найти или украсть пару сольди. На эту пышную сумму он по заходе солнца купит в грязной, шумной обжорной улице, сплошь заставленной громадными чанами с кипящей снедью — какую-нибудь жареную рыбку или тарелочку макарон, и тут же съест все это бок о бок с таким же оборванным любителем *dolce far niente*. Жаркий климат много еды не требует, и в пище все очень умеренны.

Все жизненные потребности до смешного невелики.

Проезжая по рынку — одно из самых интересных живописных зрелищ Неаполя, — я видел такого рода купцов: около корзиночки, сооруженной из щепочек и наполненной двумя крохотными жалкими полудохлыми рыбками, сидит продавец и пронзительным голосом выкликает свой товар. Сколько могут стоить эти рыбки величиной с ладонь в Неаполе, в этом рыбном царстве? Нужно добавить, что грязная простоволосая женщина, которая закупит оптом весь запас этого товара, будет торговаться до седьмого пота, хватая несчастных рыбок, подбрасывая их, перевертывая, нюхая и, вообще, стараясь выжать из флегматичного купца все, что можно.

Большинство неаполитанских промышленников — это «купец, продающий пару рыбок».

Несколько дюжих итальянцев везут крохотную тележку

Часто мы встречали целую длинную процессию: два дюжих итальянца везут крохотную тележку, на которой стоит обыкновенная шарманка. Третий, мускулистый мужчина, гордо идет сбоку, положив одну руку на шарманку (очевидно, это настоящий владелец ее), а еще два здоровяка подталкивают тележку сзади.

В сущности, эту тележку могла бы повезти вскачь обыкновенная кошка; но пять верзил присосались к шарманке, как пиявки, и каждый всеми силами старается доказать, что он честным трудом зарабатывает свой хлеб.

Шарманка останавливается... Двое начинают вертеть ручку, меняясь с видом полного изнеможения каждые две минуты; один горланит какое-нибудь «sole mio», а остальные двое энергично собирают у слушателей деньги.

Соберут копеек десять, покроют чехлом шарманочку и поплетутся дальше, придерживая, подпихивая и таща тележку, точно русские многострадальные бурлаки по берегу Волги баржу тянут.

Ленивые... Если у итальянца чешется затылок, он не почесет его до того случая, когда встретится со знакомым и снимет шляпу; тогда заодно и почесется.

Вся нечеловеческая энергия целиком, как в громадных коллекторах, собралась в продавцах открыток и разносчиках газет.

Только в Неаполе возможен такой прямо-таки невероятный способ распространения газет.

Газетчик, опережая вас, вдруг ловко подбрасывает вам под ноги какую-нибудь «Миланскую газету» или «Popolo Romano», с таким расчетом, чтобы вы с разгону наступили ногой на газету... Тогда газетчик поднимает крик и взыскивает деньги за якобы испорченную вашей ногой газету.

Добродушные туземцы, зная этот способ, остерегаются и ставят ногу с разбором, а форестьеры всегда попадают.

Никаким промыслом не брезгают оборванные юнцы, если можно получить несколько чентезимов.

Один итальянский мальчишка, пробегая мимо меня, вдруг остановился и указал мне на проходившего жирного патера.

— Ну? Что?

— Патер.

— Прекрасно. Что же дальше?

— Это патер. Господин мне даст что-нибудь?

— За что?!

— За то, что я указал господину патера.

Таких указателей патеров в Неаполе несметное количество.

Едва мы приехали и, оставив вещи в гостинице, отправились купаться, как перед нами выросла фигура молодца самого подозрительного вида, с грязными руками и бегающими вороватыми глазами.

Этот человек на все время нашего пребывания в Неаполе сделался нашей тенью, нашим эхом, нашим вторым я.

Увидев, что он отделился от группы людей не менее подозрительных, мы инстинктивно сдвинулись ближе и вынули руки из карманов, но грязный парень сказал:

— Господа путешественники! Я могу предложить себя в качестве гида. Хорошо знаю город, могу показать самое интересное.

— Не надо! — хором ответили мы.

— Могу показать вам Везувий, повезти вас на Позилиппо и порекомендовать самый лучший кафешантан в городе.

— Не надо!

— В таком случае, я знаю, что заинтересует молодых путешественников (он засмеялся с самым развратным видом) — тарантелла!

Этот человек на все время нашего пребывания в Неаполе сделался нашей тенью

— А-а, тарантелла, — заинтересовались мы. — Это любопытно. Посмотрим...

— Где господа остановились? «Эксельсиор»? Тут за углом! Знаю. Я сегодня вечером зайду. Сейчас купаться? Знаю! Пойдемте, я вас провожу.

— Да не надо, — сказали мы. — Зачем же? Купальня ведь в двух шагах.

— Нет, что вы! Я вам помогу. Разве можно? Вот тут купальня. Видите — вот она. А это вот будка, где продают билеты! Здравствуйте, мамарелла! Вам, конечно, нужны билеты? Вот этим господам нужны билеты! Дайте им билеты! Они очень нуждаются в билетах! Пожалуйста, три билета. Вот они платят вам деньги. Позвольте, я заплачу. Нет, нет, не беспокойтесь. Вот их деньги, мамарелла. Сдачи! А, вот сдача. Получите сдачу, синьоры. Это сдача. Позвольте, я проведу вас в купальню. Это вот называется купальня. Это тут раздеваются, а там вот купаются, видите, где вода. Прислужник! Вот эти господа хотят выкупаться. Это прислужник, господа. Не бойтесь, господа, — он славный малый. А то вон пароход идет. Здесь вот раздевайтесь. Позвольте, я вам расстегну жилет — вам неудобно. Я вам расшнурую ботинки. Сядьте на стул, а ножку свою поставьте мне на колено. Прислужник! Эти господа будут купаться. Они добрые, хорошие господа. Надо, чтобы им было хорошо купаться. Позвольте, я галстук развяжу.

— Ради Бога, нам ничего не нужно! Мы все сами сделаем.

— Позвольте, я разверну вам простыню.

— Ничего, ничего не надо. Мы сами все сделаем — вернитесь к своим повседневным делам.

— Так я вас тут около купальни подожду...

Он ушел с глубоким сожалением. «Вернулся к своим повседневным делам», по выражению Мифасова.

Но, очевидно, кроме нас — у него никаких повседневных дел не было. Вообще, этот человек произвел в конце концов на нас такое впечатление, что до нашего приезда у него никаких дел не было, что все его существование на этой планете приспособлено исключительно к нашему появлению в Неаполе и что после нашего отъезда он, исполнив свое земное предназначение, вернется к небытию.

Когда мы вышли, он ждал нас у входа, задремав на закатном солнышке.

Мы хотели потихоньку пройти мимо, но он очнулся, вскочил, рассыпался в извинениях и завертелся, как мельница.

— Господа искупались и идут в гостиницу? Я провожу их в гостиницу.

— Не надо! Нам тут два шага. Мы знаем, где гостиница.

Он замотал головой и, отстраняя попавшегося нам навстречу прохожего, понесся на всех парах.

— Я вас провожу! Пустите, прохожий, этих господ. Они идут к себе в гостиницу, не преграждайте им пути. Они в гостинице, вероятно, освежившись купаньем, будут пить чай или вино, не так ли?

— Прованское масло! — отвечал Сандерс. — Пустите нас, или я задушу вас, как котенка.

— Ха-ха-ха! Господин очень веселый, он шутит. Итальянцы тоже веселые. Эвви-ва, руссо! Швейцар! Вот эти господа пришли в вашу гостиницу, они тут остановились. Это хорошие господа, и ты, швейцар, относись к ним внимательно. Не нужно ли вам разложить ваши чемоданы, ваши вещи? Что? К черту? О, господин большой весельчак. Имяю честь кланяться. До вечера!

Стоя внизу, в пролете лестницы, он долго посылал нам приветственные знаки и махал грязным платком.

Через час я вышел на улицу с целью побриться. Первое лицо, которое я увидел около гостиницы, был Габриэль, наш знакомец.

— Что вы тут делаете? — изумленно спросил я.

— Ожидая. Может быть, синьорам что-нибудь понадобится.

— Ничего не надо. Как дойти до парикмахерской: налево или направо?

— О, я, конечно, провожу вас! Пойдемте, я знаю, где парикмахерская. О, действительно, хорошо было бы, если бы Габриэль не знал, где парикмахерская.

— Не надо провожать меня. Я просто возьму извозчика.

— Извозчика? Сейчас!

Он исчез, и через полминуты ко мне подкатил экипаж. Я взглянул на извозчика... Это был Габриэль.

— Как?! Разве вы и извозчик?!

— Я все, господин. Все, что вам понадобится.

— Я хочу акробата, — пошутил я.

Габриэль камнем скатился на мостовую, положил бич и, хлопнув в ладоши, стал на голову. Еле уговорил я его усесться на козлы.

В тот же день мы с Сандерсом отправились в знаменитый неаполитанский аквариум.

Человек, продававший билеты, попросил на чай, человек, отбиравший билеты, попросил на чай же, и сторож при рыбах попросил тоже на чай за то, что он палочкой пошевелил какого-то гада.

Аквариум действительно был чудесный. Громадные омары и крабы медленно шевелились за стеклом, беззвучно перебирая чудовищными клешнями... Отвратительные осьминоги такого вида, который только и может пригрезиться в ночных кошмарах, смо-

— Как?! Разве вы и извозчик?!

трели на нас страшным неподвижным взглядом, присосавшись к стеклу и медленно вытягивая и вытягивая тошнотворные лапы, покрытые, как маленькими белыми блюдами, присосками.

Какие-то толстые рыбы с презрительно отвисшей нижней губой, точно сытые бюрократы, еле шевелили плавниками в тупой дремоте... Стаи ярких рыбок стрелой неслись по воде, моментально, как по команде, поворачивались и так же стройно неслись в другую сторону. Одна суетливая рыба чрезвычайно напомнила нам провинциальную сплетницу: она бестолку шныряла от одной группы к другой, подсматривала, что делают омары, и, взмахнув возмущенно плавниками, неслась сейчас же к уграм, рассказывала о виденном и, махнув хвостом, летела уже к сонному крабу, донося на поведение угрей. Всюду она вынюхивала, шпионила и подслушивала. И еще потому была она похожа на человеческую сплетницу, что имела рот узенький, собранный в ниточку, глазки остренькие, а на голове нечто вроде природного капора.

В то время, как я за ней наблюдал, Сандерс задумчиво стоял около другого стеклянного ящика, изредка вертя головой во все стороны.

— Вот чудак! — сказал он. — Насыпали песку и поставили пустой ящик.

Сторож, услышав это, по выражению лиц заметил наше недоумение и, хлопнув Сандерса ободряюще по плечу, исчез.

Через минуту он явился с длинной палкой. Сунул ее в пустую вазу и — вдруг песок зашевелился, разорвался на десяток кусков, и каждый кусок песку оказался плоской рыбой, до смешного точно сотворенной мудрой природой под цвет и вид настоящего песка.

— Мимикрия! Защитный цвет. До сих пор я видел это только у бабочек.

Так как мы не были одарены свойством мимикрии и не могли слиться с окружающей нас обстановкой, то сторож, вернувшись, без труда отыскал нас и потребовал на чай за то, что пошевелил палкой.

Осьминог, присосавшись к стене, смотрел, как мы расплачивались, и в его страшных выпученных глазах тоже ясно читалось всеобщее, как эпидемия, желание поучить с форестьера на чай.

— А вот, — сказал я Сандерсу, — посмотрите-ка какие хорошие раковины. Если бы на каждой из них было еще написано: «Привет из Ялты» — совсем они были бы настоящими раковинами.

— А вот это так называемая чернильная рыба, — сказал Сандерс, — кстати, надо будет нынче вечером написать домой письмо.

Сандерс никогда ни в чем не хотел от меня отставать. Стоило только состричь мне, как острил и он.

— Однако, — ледяным тоном сказал я, — атмосфера начинает сгущаться. Пожмите осьминогам лапы и пойдем отсюда.

Конечно, Габриэль уже дожидался при выходе. И, конечно, он уговорил нас ехать на Позилиппо.

Мы не жалели, что поехали. Чудесная живописная дорога... С одной стороны обрывистый берег моря, с другой — непрерывный многоверстный ряд домишек, населенный ужасающей беднотой. Но все это так красиво: грязные растрепанные дети, ленивые прохожие, тяжелые простоволосые простолюдинки, перебрасывающиеся из окна с соседкой тихими односложными словами или перебегающие дорогу с фьяской вина под мышкой, живописное тряпье, развешанное на стенах и окнах домишек, об-

рывок песни, донесшейся слева, запах свежей рыбы, донесшийся справа, клуб золотой от заходящего солнца пыли впереди и крики мальчишек, бегущих сзади за экипажем, в чаянии получить что-нибудь с ошалелого иностранца...

Позилиппо... Ресторан с верандой на громадной высоте, над морем. Вдали выгнулась из воды мощная спина Капри — место невольного заточения Максима Горького (Написано в 1912 году).

Чисто физическое, животное чувство довольства охватило нас, когда мы, потребовав вина и музыки, погрузились в созерцание тихого синего моря, теплого неба и осколка бледно-розовой луны в чистой прозрачной высоте.

Нежная, сладкая итальянская песня, тихий рокот двух гитар, теплота наступающего вече...

— Cartolina postale!!

— О, чтоб тебя черти забрали! Что такое?

— Cartolina postale...

— Провались ты с ними вместе! Даже сюда забрался, каналья.

— Возьмите. Хорошие карточки.

— Отстань, тебе говорят.

— Тогда, знаете что? Я вас познакомлю с барышней... Синьоритта беллиссима! Рариссима! Чрезвычайно честная девушка, но вы сами понимаете... Отец бедный...

— Не надо.

— Уверяю вас — красавица...

— Cartolina postale!!

Сандерс сделал вид, что заинтересовался. Стал участливо расспрашивать.

— Неужели красавица?

— О, mio Dio!..

— И вы говорите — честная девушка?

— Чрезвычайно честная.

— Ну что вы говорите?! Это неслыханно! А отец бедный?

— О, очень бедный!

— Неужели? Что же это он так... Работы нет?

— Нет. Так хотите — поедем?

— Вы говорите — красавица?

— Да, очень. Но бедность — сами понимаете...

— Ничего, ничего. И очень красивая, вы говорите?

— О, да.

— Она, может быть, просто хорошенькая... Или действительно — красавица?

— Настоящая!

— Так, так... Ну, ступайте! Нам ничего не надо.

— Синьоры! Это вас ни к чему не обязывает, — отчаянно возопил продавец открыток, видя, что добыча ускользает. — Вы только можете посмотреть! Право, поедем.

Но в это время Габриэль, подойдя к веранде, услышал его слова и налетел на него, как коршун, — изгнав беднягу в одну минуту.

Смысл его протеста был такой, что, дескать, эти хорошие господа принадлежат ему, он их нашел, честно около них кормится и никому другому не позволит переходить себе дорогу.

Они спорили, будто два гуртовщика о стаде баранов.

Впрочем, мы их умиротворили, выслав остатки вина и мартаделлы; вся компания продавцов открыток и просто ротозеев, под предводительством Габриэля, уселась на ступеньках и стала пировать, издавая в нашу честь восторженные крики и произнося заздравные тосты.

Я заметил, что Сандерс был на верху блаженства: около нас гремела специально нанятая нами музыка, пели для нас певцы, внизу пиновала восторженная чернь под командой нашего первого министра... Я подозреваю: не чувствовал ли Сандерс себя в этот момент королем среди своего доброго народа?

Вечером каналья Габриэль действительно повез нас «смотреть тарантеллу».

В этот вечер изучение неаполитанского быта ни на шаг не подвинулось вперед.

Мы были бессовестно обмануты.

Вас, — путешественников, которые когда-нибудь попадут в Неаполь, — хочу я предупредить, что такое «тарантелла», которую так усиленно рекомендуют нечестные гиды...

Нас (меня и Сандерса) ввели в большую круглую комнату, стены и потолок которой были покрыты зеркалами. Вокруг стен диваны, посредине комнаты круглое бархатное возвышение — все это аляповатое, ужасающе грубое.

— Садитесь, господа, — загадочно ухмыляясь, сказал Габриэль и сейчас же засуетился, обращаясь к тучной женщине, на лице которой была написана целая книга былых преступлений и порока. — Вот эти господа, мамарелла, очень желают видеть тарантеллу, им нужно показать тарантеллу... Ах, да покажите же этим добрым го-

сподам вашу тарантеллу. Это прекрасные и хорошие господа, и им надлежит посмотреть тарантеллу.

«Мамарелла» хлопнула в жирные ладони, и тотчас же шесть женщин выбежали из боковых дверей.

Были они в том, «в чем», по русской поговорке, «мать родила», и даже еще меньше, принимая во внимание, что какая-нибудь из них в свое время родилась в сорочке. Одним словом, были они абсолютно, безусловно и радикально голы.

С заученными жестами дефилировала эта армия перед нами, а мы сидели с Сандерсом, опечаленные этим обманом, оскорбленные в нашей скромности.

— Нравится? — спросила торжествующим тоном бесхитростная мамарелла.

Бедняге и в голову не могло прийти, что ее «тарантелла» могла в ком-нибудь не вызвать одушевления.

— Гм, да... — смущенно сказал Сандерс. — Вещь забавноватая. Недурно, как говорится, задумано. Женщины?

— Конечно. Вы же видите.

— Так, так... Гм... Не холодно?

Пансион мамареллы, привыкший к скотской разнузданности немцев и к шумному поведению галантных французов — был изумлен нашей сдержанностью; все поглядывали на нас с недоумением.

— Протанцуйте им, деточки, — скомандовала мамарелла. — Пусть посмотрят вашу тарантеллу.

Она взяла в руки бубен, и шесть женщин закружились, заплясали; откормленные торсы сотрясались от движений, и вообще, все это было крайне предосудительно.

— Помпейские позы! — скомандовала мамарелла, уловив на нашем лице определенное выражение холодности и осуждения.

Но и помпейские позы не развеселили нас. Женщины становились в неприличные сладострастные позы с таким деловым, небрежным от частых повторений видом, как утомленный приказчик мануфактурного магазина к концу вечера показывает надоевшим покупателям куски товара.

На сцене вдруг появился дожидавшийся где-то неподалеку Габриэль.

— О!.. А почему господа так скромно сидят? Почему они не приласкают этих красавиц? Смотрите, какие красоточки. Вот эта или эта... Или вот эта! Настоящая богиня. А эта! Красавица, а? Не нравится? Пошла вон. Тогда, может, эта? Украшение Неаполя, знаменитая красав... Не надо? Ну ты, лошадь, отойди, не мешайся тут. А вот эта... Что вы о ней скажете, синьоры?..

Он с деланным восторгом хлопал женщину по плечам, трепал по щекам, отгонял равнодушно «первых красавиц» и «богинь», а красавицы и богини с таким же холодным видом шептались около нас, ожидая нашего одобрения и благосклонности.

— Пойдем! — сказал Сандерс.

— Что вы, синьоры! Куда? Неужели вам не нравится?!

— Не нравится? Мы в восторге! Это прямо что-то феерическое... Когда-нибудь после... гм... на днях... Мы уж, так сказать, к вам денька на три. А теперь — прощайте.

Мы, угрюмые, замкнутые, спускались по лестнице, а Габриэль вертелся около нас, юлил и заглядывал в наши лица, стараясь отгадать впечатление.

— Видишь вот эту улицу? — обратился к нему Сандерс, — и вот эту улицу?.. Ты иди по этой, а мы по этой... И если ты еще к нам пристанешь — мы дадим тебе по хорошей зуботычине.

Он захныкал, завертелся, заскакал, но мы были непреклонны. Отношения были прерваны навсегда.

Я уверен, что настоящим неаполитанцам никогда бы в голову не пришло пойти на тарантеллу и «помпейские позы». Все это создано для туристов и ими же поддерживается. Для них же весь Неаполь принял облик какого-то громадного дома разврата.

Пусть иностранец попробует пройти в сумерки по Неаполю. Из-за каждого угла, из каждой подворотни, буквально на каждом шагу к нему подойдет гнусного вида незнакомец и тихо, но назойливо предложит «красивую синьору», «обольстительную синьору» или даже рогащину (девочку).

Эти поставщики осаждали нас, как мухи варенье.

— Что такое?

— Синьоры... берусь показать вам одну прекрасную даму. Познакомлю даже... тут сейчас за углом. Пойдем...

— К ней? К даме? Явиться одетому по-дорожному — что вы! Это неудобно.

— Ничего! Я ручаюсь вам — можно.

— Ну, что вы... И потом неловко же являться в чужой дом, не будучи знакомыми.

— Пустяки! С ней нечего — хи-хи — церемониться.

— Ну, вам-то нечего — вы, конечно, хорошо знакомы... По праву старой дружбы можете и без смокинга. А нам неудобно.

— Но я вам ручаюсь...

— Милостивый государь! Мы знаем правила хорошего тона и не хотим делать бестактности. Мы уверены, что дама будет шокирована нашим бесцеремонным вторжением. Она примет нас за сумасшедших.

...Итальянский кафе-концерт — зрелище, полное интереса и разных неожиданностей.

Действие происходит больше в публике, чем на сцене. Весь зал подпевает, прихлопывает, вступает с певицей в разговоры, бешено аплодирует или бешено свищет.

Если певица не нравится — петь ей не дадут. Понравится — измучают повторениями.

У всех душа нараспашку. Подстерегают всякого удобного случая, чтобы выкинуть коленце, посмеяться или посмешить публику. Зал набит порохом, взрывающимся от малейшей искры.

Всякого вновь входящего зрителя сидящая публика приветствует единогласным доброжелательным:

— А-а-а!..

Приветствуемый, гордый всеобщим вниманием, пробирается на свое место и через минуту присоединяет уже свой голос к новому приветствию:

— А-а-а!

Выходит на сцену толстая немка... берет несколько хриплых нот.

Музыкальная публика этого не переносит:

— Баста. Баста!!

— Баста!!!

Немка не смущаясь тянет дальше.

И тогда гром невероятных по шуму и длительности аплодисментов обрушивается сверху, перекачивается и растет, как весенний гром.

Петь невозможно. Виден только раскрытый рот, растерянные глаза. Забракованная певица исчезает под гомерический свист.

Когда мы покупали билеты, перед нами вынырнул Габриэль.

— А-а, синьоры идут сюда! Сейчас, сейчас! Кассир! Выдайте этим хорошим господам билеты... Они желают иметь билеты. Это мои знакомые господа — дайте им лучшие билеты. Вот сдача. Вот билеты. Красивые красные билетки. Я вас тут подожду. Когда выйдете — поедем в одно местечко.

— Отстаньте, — сурово сказали мы. — Не смейте нас дожидаться — мы все равно не поедем с вами. Напрасно только потеряете время. И ни чентезима не получите и потеряете время.

— О, добрые господа! Зачем вы обижаете Габриэля? Он бедный человек и подождет вас.

Конечно, когда мы через три часа вышли — бедный человек ждал нас.

— Пройдемся, господа, — сказал Крысаков. — Прелестная ночь.

— Пожалуйте! — подкатил Габриэль. — Тут как раз четыре места. Я вас ждал.

— Убирайся к дьяволу! Мы тебе сказали, что ты не нужен? Отъезжай! Мы хотим идти пешком...

Мы зашагали по озаренному луной тротуару, а Габриэль шагом потянулся за нами.

Узкие улицы, еще сохранившие в каменных стенах и мостовой теплоту солнца, накалившего их днем — не жились и дремали под луной... И везде нам приходилось шагать через груды беспорядочно разметающихся тел. Весь голодный, нищенский Неаполь спит на улицах... это красиво и жутко. Будто весь город, все дома вывернуты наизнанку.

Аршина два макарон днем и аршина два тротуарной плиты ночью — весь обиход оборванного гражданина прекрасной Италии. Господь Бог хорошо обеспечил этих бездельников...

Странные жуткие улицы.

Какой-нибудь англичанин верхом на осле медленно пробирается среди этой беспорядочной гекатомбы спящих и пожирающих макароны тел, медленно пробирается, напоминая смешную пародию на Штуковскую картину «Бог войны».

— Зайдем в ресторан, господа. Закусим.

Когда мы взбирались по лестнице ресторана, Габриэль крикнул:

— Я подожду вас, синьоры!

— Убирайся к черту!

— Синьоры только крикнут — и я уже тут как тут.

В итальянских ресторанах средней руки у нас своя линия поведения, выработанная общими усилиями хитроумного Сандерса и изобретательного Крысакова.

Дело в том, что рестораторы и слуги — невероятные бестии, жадные, трусливые, нахальные, только и помышляющие о том, как бы надуть бедного путешественника, подсунув ему вместо асти — помои, заменив заказанное кушанье отвратительным месивом и приписав к счету процентов пятьдесят.

Поэтому мы, являясь в ресторан, с места в карьер подчеркиваем — с кем им придется иметь дело.

Какой-нибудь англичанин верхом на осле медленно пробирается среди этой беспорядочной гекатомбы спящих и пожирающих макароны тел

— Почему на скатерти пятно? — яростно кричит Крысаков, свирепо вращая глазами. — Что? Где? Вот оно! Если вы вытираете сапоги скатертью, так можете сунуть ее в карман, а не подсовывать нам!! Это что?? Это что?! Вода? А графин? Его когда мыли? Такие графины на стол ставят?! Позвать метрдотеля! Хозяина сюда! Как же вы нас накормите, если у вас так обращаются с гостями!! На ножах ржавчина! Ложки погнуты! Одна ножка стола короче других!! А? Позовите сюда полицию... Мы консулу пожалуемся!!! Все ваше гнусное заведение по косточкам разнесем!!!

Все обитатели ресторана мечутся около нас в паническом ужасе.

— Будет, — деловито говорит Мифасов. — Довольно. Теперь они подготовлены...

Мы сразу успокаивались.

И, действительно, — после этого за нами ухаживали, как за принцами. Подавали лучшее вино, прекрасное кушанье, и счет предъявлялся потом такой честный и скромный, что всякий не отказался бы выдать за него собственную дочь.

— Хорошо ли поужинали, синьоры? Габриэль ждет вас — и лошадка его тоже ждет добрых, великодушных синьоров... Какие-то господа сейчас нанимали нас, но мы с лошадкой отказались.

— Вы знаете, что? — дрожа от негодования, вскричал Мифасов. — Я думаю, что нам придется из-за этого проклятого человека уехать из Неаполя раньше времени. Вы подумайте, если он умрет с голоду, мы будем виновниками его смерти... Потому

что он не пьет, не ест и ездит за нами с утра до ночи. Он ничего не зарабатывает, не получает ни от нас, ни от других пассажиров, которым он из-за нас отказывает! Что привязало его к нам? Какую несбыточную мечту лелеет он, привязавшись к нам, как пиявка к бескровному железу. Постойте! Я ему сейчас скажу все как следует!

— Не надо! Самое лучшее не обращать на него внимания... Представим себе, что его нет.

Мы пошли дальше, весело беседуя, а Габриэль плелся за нами на своей лошаденке, изредка окликая нас, лстя и заискивая.

С этого вечера мы стали прикидываться, что совершенно не замечаем его, не слышим его голоса и не видим тела. Он вертелся около нас, предлагал, клячил, а мы продолжали начатую беседу и смотрели сквозь него, как сквозь оконное стекло, равнодушным, неостанавливающимся взглядом.

Утром возник спор, ехать ли в Помпею и на Везувий или только в одну Помпею.

— На что нам Везувий? — говорил Сандерс. — Обыкновенная гора с дырой посредине. Ни красоты, ни смысла. Тем более что она ведь и не дымится.

— Тогда, значит, и Траянову арку не нужно было смотреть: обыкновенная арка, с дырой посредине и тоже не дымится.

— Это не то. Не можем же мы рассматривать все интересные предметы только с двух сторон: дымятся они или не дымятся. А вулкан должен дымиться. Это его профессия. Если же он этого не делает — не стоит и смотреть на лодыря.

— Господа! Кто за Везувий, — сказал Крысаков, — пусть подымет руки.

Было так жарко, что никто и не пошевелился. Даже сам Крысаков — поклонник вулканов — помахал рукой, но поднять ее не имел силы.

Везувий провалился.

Гид, нанятый через контору гостиницы, повез нас в Помпею.

Конечно, почти всю дорогу за нами ехал Габриэль, взывая к нам, предлагая освободить нас от гида и суля различные диковинные уголки в Помпее, о которых гид и не слышивал.

Пустые угрюмые развалины Помпеи производят тягостное, хватающее за душу впечатление. Стоят одинокие пустые, как глазницы черепа, примолкшие дома, облитые жестоким, палящим глаза солнцем... В каждом закоулке, в каждом крошечном мозаичном дворике притаились тысячелетия, перед которыми такими смешными, жалкими кажутся наши «завтра», «на той неделе» и «в позапрошлом году».

Останавливает внимание и углубляет мысль не главное, не вся улица или дом, а какой-нибудь трогательный по жизненности пустяк: камень, лежащий посреди узкой улицы на повороте и служивший помпейским гражданам для перехода в грязную погоду с одной стороны улицы на другую; какой-нибудь каменный прилавок с углублением посредине для вина — в том домишке, который когда-то был винной лавкой.

Это дает такое до жгучести яркое представление о прошлой повседневной жизни! Так хочется закрыть глаза, задуматься и представить толстого, обрюзгшего продавца вина, разгульных покупателей, толпящихся в лавчонке, стук сандалий промелькнувшей мимо женщины; стан ее лениво изгибается от тяжести кувшина с водой, и черные глаза щурятся от солнца, разбивающего золотые лучи о белый мрамор стен...

Спит мертвая теперь, высохшая, изглоданная временем, как мумия, Помпея — скелет, открытый через две тысячи лет.

Только проворные изумрудные ящерицы быстро и бесшумно скользят среди расщелин стены, покрытой тысячелетней пылью, да болтливый, жадный, вертлявый гид оглашает немолчной трескотней мертвые, как раскрытый гроб, улицы.

Вот посреди улицы фонтан... Бронзовый фавн с раскрытым ртом, из которого когда-то лилась вода. Гид обращает наше внимание: нижняя губа и часть щеки фавна совершенно стерты; на мраморе водоема видна большая глубокая впадина — будто оттиск руки в мягком тесте. Это следы миллионов прикосновений уст жаждущих помпеян — на лице бронзового фавна, и миллионы прикосновений рук, опиравшихся на мраморный край водоема, в то время когда губы сливались с бронзовыми губами фавна...

В Риме, в соборе св. Петра, большой палец бронзовой статуи Петра наполовину стерт поцелуями верующих; в какой-то другой церкви мраморная статуя популярного святого имеет странный вид — одна нога обута в бронзовый башмак. Зачем? Мрамор очень непрочный материал для поцелуев. Надолго его не хватит.

Этот стертый рот фавна и большой палец св. Петра дают такое ясное представление о времени, мере и числе, что сжимаешься, делаешься маленьким-маленьким и чувствуешь себя песчинкой, подхваченной могучим самумом, рядом с миллионами других песчинок, увлекаемых в общую мировую могилу...

— Что он вам показывает какого-то дурацкого фавна. Пойдем со мной, добрые, великодушные синьоры!.. Я вам покажу такие пикантные фрески, что вы ахнете. Только мужчинам их показывают, дорогие, прекрасные синьоры!

Из-за расщелины стены показывается орошенная обильным потом плутоватая физиономия Габриэля.

— Что он вам показывает? Все какую-то чепуху... А я вам, синьоры, мог бы показать неприличную статую фавна.

Наш гид настроен серьезно, академично, мошенник же Габриэль, наоборот, весь погряз в эротике, и вне гривуазности и сала — никакого смысла жизни не видит.

Гид отгоняет его, но он увязывается за нами и, следуя сзади, с сардонической улыбкой выслушивает объяснения гида.

— Вот тут, в этом доме, при раскопках нашли мать и ребенка, которые теперь находятся в здешнем музее. Мать, засыпаемая лавой, не нашла в себе силы выбраться из дома — так и застыла, прижав к груди ребенка...

— А неприличную собаку видели, синьоры? — вмешивается Габриэль. — Вот-то штучка... Хи-хи...

Никто ему не отвечает.

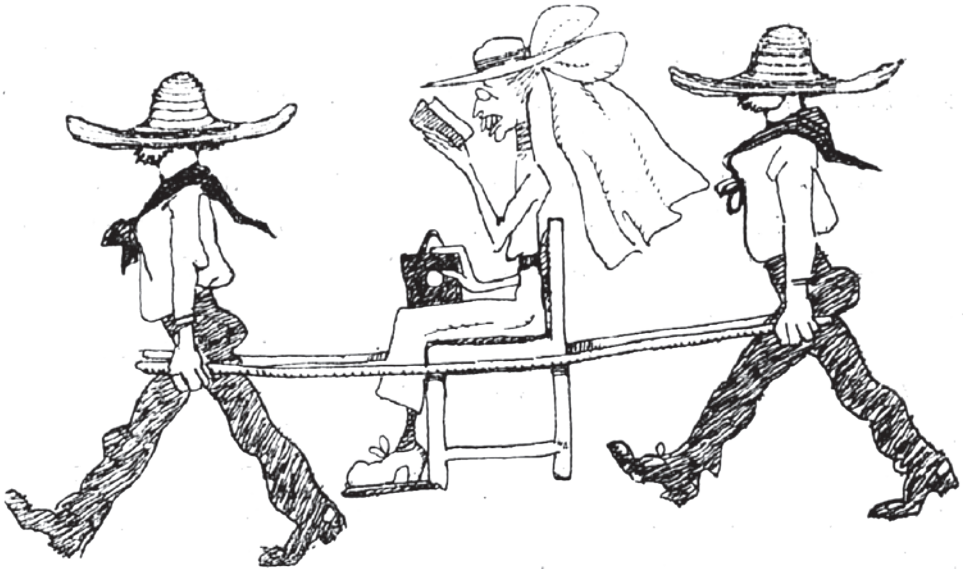
В каком-то доме мы, наконец, к превеликому восторгу Габриэля, натываемся на висящий на стене деревянный футляр, в виде шкапчика...

Его открывают... Если в античные времена эта фреска красовалась без всякого прикрытия — античная публика имела о стыдливости и пристойности особое представление.

Габриэль корчится от циничного, смеха; наш гид снисходительно подмигивает, обращая наше внимание на некоторые детали.

Человек, который показывает эту непристойность, просит на чай; тот человек, который впустил нас в дом — тоже просит на чай; и тот человек, который пропустил нас в какие-то ворота — взял на чай.

В помпейском музее брали с нас за вход в каждую дверь; неизвестный человек указал пальцем на иссохшее тело помпейца, лежащее под стеклом, сказал:

Английская туристка, обзирающая Помпею

— Это тело помпейца.

И протянул руку за подаванием.

Я указал ему на Крысакова и сказал:

— Это тело Крысакова.

После чего, в свою очередь, протянул ему руку за подаванием.

Он ничего мне не заплатил, хотя мои сведения были ценнее его сведений: я знал, что его помпеец — помпеец, а он не знал, что мой Крысаков — Крысаков.

Возвращаясь обратно на станцию, мы наткнулись на громадные штабели лавы, сложенной здесь после раскопок; на несколько верст тянулись эти штабели.

Вышел из хижины человек, взял несколько кусков лавы в орех величиной и роздал нам на память. Потом попросил уплатить ему за это.

— Сколько? — серьезно спросил Мифасов.

— О, это сколько будет вам угодно!..

— Нет — так нельзя. Всякая вещь должна быть оплачена ее стоимостью. Во сколько вы цените врученные нам кусочки?

— Если синьоры дадут мне лиру — я буду доволен.

— Сандерс! Уплатите ему лиру.

Мифасов оглядел необозримое пространство, покрытое лавой, и завистливо сказал:

— Какая богатая страна — Италия!

— Почему?

— Четыре кусочка лавы, общим весом в четверть фунта — стоят одну лиру. Сколько же должно стоить все, что тут лежит? Интересно высчитать.

Возвращались усталые.

— Видели в музее сохранившиеся зерна пшеницы, кусочки почерневшего хлеба и даже остатки какого-то кушанья... Это изумительно!

— Понимаю, — подмигнул Крысаков, — просто вы проголодались и потому сворачиваете все на съестное. Вон, кстати, и ресторанчик.

Первый стакан кьянти приободрил нас.

— Милое винцо! Смотрите, господа, что это Сандерс такой задумчивый? Сандерс! Что с вами?

Он рассеянно поднял опущенные глаза и сказал:

— Приблизительно около двенадцати с половиной миллиардов пудов на общую сумму девятьсот миллиардов рублей.

— Чего?!!

— Лавы. Тут.

II

Розовая черепаха. — Максим Горький. — Итальянская толпа. — Старик. — Тяжелое путешествие. — Последнее мошенничество. — Опять Габриэль

На Капри пароход отходил утром.

Так как весь Неаполь пропитан звуками музыки и пения, то и на пароходе оказался целый оркестр.

Хорошо живет бездельничавшему туристу. Сидит он, развываясь под тентом, а ему играют неаполитанские канцонетты, пляшут перед ним, охлаждаются пересохшее от жары горло какой-то лимонной дрянью со льдом — и за все это лиры, лиры, лиры...

Тут же у ног пресмыкается продавец черепаховых изделий и кораллов.

Крысаков, осажженный продавцом, пробует притвориться глухим, но, когда это не помогает, прибегает к странному способу: он берет нитку кораллов, осматривает их и пренебрежительно говорит:

— Ну, милый мой, какая же это черепаха!.. Ничего общего.

— Да это, синьор, не черепаха. Это кораллы.

— Что? Не слышу. Ты можешь мне клясться хоть отцом родным — я не поверю, что это черепаха. Разве розовые черепахи бывают?

— Но это не черепаха! Я и не говорю, что это черепаха. Это кораллы.

— Что? Не слышу. А это что? Коралл? Почему же он в форме гребенки?.. Ты, братец, изолгался; ну разве бывает коралл прозрачный, коричневого цвета. Это что-то среднее между янтарем и агатом. Что? Не слышу!

Продавец орет Крысакову в самое ухо:

— Это и есть, господин, черепаха! Настоящий черепаховый гребень.

— Врешь, врешь! Он на коралл ни капельки не похож. Как не стыдно?! Господа, разве это коралл?

— Конечно, не коралл, — в один голос поддерживаем мы.

— Ну, вот видишь. Ты уж думаешь, если мы иностранцы, русские, — так и ничего не понимаем. У нас, братец, за такие штуки в полицию тянут. Ступайте, чужеземец.

Скрипки заливаются, солнце печет, винт оставляет сзади на чудесном лазурном зеркале воды — длинную вспаханную борозду.

У «голубой пещеры» пароход останавливается. Туча лодок подлетает к пароходу, лодочники разбирают пассажиров, и мы, улесшись на дно лодки, вползаем в пещеру.

За то, что пещера, действительно, голубая — с нас берет по лире главный лодочник, берут простые лодочники и потом еще взыскивают в пользу какого-то акционерного общества, которое эксплуатирует голубую пещеру.

Туристы нисколько не напоминают баранов, потому что баранов стригут два раза в год, а туристов — каждый день.

Я не сказал о цели нашей поездки на Капри — мы ехали к Максиму Горькому.

Я бы мог многое рассказать об этом чудесном, интереснейшем человеке нашего времени, об этой кристальной душе, узнав которую, нельзя не полюбить крепко и надолго; я бы мог рассказать о его жизни, так непохожей теперь на печение булок в пекарне, о его мастерском увлекательном разговоре, о детском смехе и незлобии, с которым он рассказывает о попытках компатриотов в гороховых пальто залучить его на родину; бедные гороховые пальто потратились на дорогу, приехали, организовали слежку, но все это было так глупо устроено, что веселые итальянцы за животы хватались от смеху. Так ни с чем и уехали компатриоты; разве что только русский престиж среди итальянцев подняли.

Я бы мог рассказать о той исключительной приветливости и радушии, с которыми мы были встречены писателем...

Но, щадя его скромность, пропущу все это.

А вот нижеизложенное имеет некоторое отношение к этой книге...

Мы говорили о Неаполе.

— О, видите ли, — сказал Горький, — есть два Неаполя. Один Неаполь туристов: жадный, плутоватый, испорченный и распутный; другой — просто Неаполь. Этот чудесен. И неаполитанцы тоже бывают разные... К сожалению, иностранца встречают только отбросы, специально живущие на счет туристов, обирающие их. Будьте уверены, что настоящий неаполитанец с глубоким отвращением относится ко всем этим «тарантеллам», ко всему тому, что специально создано для нездорового спроса форестьера. Нужно пожить между итальянцами, чтобы узнать их. Они добры, великодушны, горячи и неизменно веселы. Я вам расскажу сейчас один случай, очень характеризующий славных неаполитанцев...

Пришло в Неаполь однажды какое-то русское судно. Матрос, отпросившись на берег, стал бродить по городу, дивясь на незнакомую обстановку, пока не наткнулся на кинематограф. Бедняге вятичу или костромичу, взятому от сохи, никогда не приходилось видеть раньше кинематографа, и он решил посмотреть. Купил билет, сел. Просмотрел всю программу — пришел в такой восторг, что остался снова ее смотреть... Билета с него второй раз не спросили, но покосились... Просмотрел второй раз программу... Восхищение его было так велико, что он остался и на третий раз. Тут уж хозяин не выдержал — потребовал, чтобы матросик взял второй билет. Матросик заспорил и, по незнанию ли итальянского языка или по чему другому — но дал хозяину зуботычину. Поднялся крик — матросика схватили и потащили в полицию.

Итальянская толпа любопытна до истерики. Увидели, что ведут чужеземца в полицию, заинтересовались:

— За что? Что сделал?

Хозяин кинематографа рассказал: «смотрел, дескать, человек программу два раза, да еще хотел и в третий раз смотреть. А деньги за билет уплатить отказался, да, кроме того, когда его стали выводить — вступил в драку».

Посмотрели неаполитанцы на матросика.

— Знаете что, — обращаются к полицейским и хозяину. — Отпустите вы его.

— Как-так, отпустите?

— Ну, чего там... Бедный человек, видит кинематограф впервые, обрадовался, что дорвался, — за что его в полицию?

— В самом деле, отпустите его.

Толпа загудела — сначала просительно, потом — не просительно.

— Отпустите этого человека! Отпустите его! — гудела вся улица.

Итальянская толпа шутить не любит. Просят, значит, надо сделать.

— Ну, Бог с тобой, — согласился кинематографщик. — Ступай! Отпустите его, я ничего против него не имею.

Торжествующая толпа бросилась качать кинематографщика, полицейских; потом устроила овацию матросику, подхватила его на руки и с веселым пеньем и плясками повела в ближайший кинематограф.

Ввалились, просмотрели программу, подхватили опять матросика на руки и с той же восторженностью повлекли в другой кинематограф, оттуда в третий, четвертый, и так до самого вечера, пока несчастный матросик не взмолился:

— Братцы, отпустите меня! Тошнит меня от него... Вот и вся история. Но сколько в ней неожиданности, добродушия и милой шутки. Ко всякому поводу придерется неаполитанец, чтобы погорланить, повеселиться и поплясать.

До сих пор не могу сказать точно, какое впечатление произвели мы на Максима Горького.

Говорю это потому, что знаю — порознь каждый из нас сносный человек, но все мы в согрее представляем собою потрясающее зрелище. Человек с самыми крепкими нервами выносит пребывание в нашей компании не больше двух-трех часов. Шутки и веселье хороши, как приправа, но если устроить человеку обед из трех блюд: на первое соль, на второе горчица и на третье уксус — он на половине обеда взвост и сбежит.

Однажды сжали мы из Петрограда в Москву — Крысаков, Мифасов и я. В четырехместное купе к нам сел какой-то сумрачный старик. Он начал сурово прислушиваться к нашему разговору... Постепенно морщины на его лице стали разглаживаться, через пять минут он стал усмехаться, а через полчаса хохотал как сумасшедший, радуясь, что попал в такую хорошую компанию. В начале второго часа смех его заменился легкой, немного усталой усмешкой, в середине второго часа усмешка сбежала с лица, и весь он осунулся, со страхом поглядывая на нашу компанию, а к исходу второго часа — схватил свои вещи и в ужасе убежал отыскивать другое купе.

Мы же были свежи и бодры, как втянувшиеся в алкоголь пьяницы, которых и бутылка рому не свалит с ног.

.....
На другой день мы решили сами (безо всякой просьбы со стороны Горького) покинуть Капри и вернуться на родину — в Неаполь.

Пароход отходил в 4 часа дня, но был другой способ добраться до Неаполя — на лодке.

Мы с Крысаковым сначала колебались в выборе, но когда Мифасов и Сандерс подали голоса за пароход — мы решили ехать на лодке.

Минусы были таковы: 30 верст по палящей жаре. Если не будет ветра — на веслах 6–7 часов езды (на пароходе 1 1/2 часа), если же будет ветер, то будет и качка. Цена — на пароходе 8 лир, на лодке 30.

Облив Сандерса и Мифасова потоком холодных, ядовитых, презрительных слов и замечаний, мы вдвоем сели в 10 часов утра и поехали.

Ветер оказался таков: не настолько сильный, чтобы надуть паруса, и не настолько слабый, чтобы не было качки.

Поэтому мы стояли на месте, и нас качало. Я немедленно подружился с лодочниками. Откупорил бутылку кьянти, угостил этих добрых людей, эти добрые люди угостили меня какой-то колбасой с хлебом, и потом я с этими добрыми людьми принял-ся горланить неаполитанские песни.

Что в это время делалось с Крысаковым — говорить не буду; он частенько наклонялся за борт, и не знаю, что заставляло его вести себя так — проклятая качка, которой он не переносил, или наше энергичное, но нестройное пение.

А сверху палило прежестокое, обваривавшее нас, как раков, солнце, а внизу колыбалась изумрудная вода, и вялый парус ласково трепал Крысакова по лицу.

Бедняга частенько наклонялся за борт, и мы из деликатности отворачивались, рассматривая какую-нибудь чайку и заглушая его стоны визгливым пением «Bella Napoli» и «Sole mio».

Приехали мы на полчаса (они выехали в 4 часа!) позднее Сандерса и Мифасова. То есть приехал я почти один, потому что от большого могучего Крысакова осталась одна оболочка, которую я, как плед, перекинул через руку, выходя из лодки.

Нужно было три дня, чтобы набить эту опустевшую оболочку пищей и чтобы эта оболочка приняла некоторое подобие контуров прежнего Крысакова.

Очнувшись, он протянул мне слабую руку, и первые слова его были таковы:

— Теперь вы можете представить, как я вас люблю, если согласился, ради вас, на такую штуку!

— Спасибо, — добродушно сказал я. — Обещаю вам, что первую попавшуюся картинную галерею искожу с вами вдоль и поперек...

Прощай, прекрасный Неаполь!.. Мы уезжаем.

Заключительный неаполитанский аккорд был таков: собираясь ехать на пристань, мы с Сандерсом наняли извозчика; сели, тронулись.

Меланхолический Сандерс, бродя рассеянным взором по окружающему, увидел на стекле таксометра нашего извозчика какую-то маленькую прилипшую бумажечку, в полтинник величиной; от скуки он стал пальцем соскабливать ее. Бумажечка сейчас же отклеилась и — о чудо! Под ней на таксометре красовалась цифра — 2 лиры!

Мы только что тронулись, и поэтому с нас могло следовать не более двадцати чентезимов...

— Стой! — заорали мы. — Это что такое? Откуда у тебя две лиры?

Извозчик сразу прикинулся не понимающим по-французски (в Италии почти все говорят довольно внятно по-французски) и стал что-то объяснять нам, спорить, кричать.

Бедняга не знал нашей системы. Мы сразу подняли такой вой и крик, что побежало пол-Неаполя.

— В полицию! — ревел я. — К консулу! Телеграмму посланнику!! Разбойники!..

— Стреляйте в него, — кричал Сандерс. — Где ваш ножик? Нас грабят!! Перережьте ему горло!

Извозчик обрел неожиданный дар французской речи. Подобострастно вскочил, низко кланяясь, перевел механизм таксометра, и мы, сразу заговорив обыкно-

венными спокойными голосами, двинулись, под восторженные клики собравшейся толпы.

Больше всех был в восторге наш возница. Он смотрел на нас с восхищением, обращившись, хлопал меня по коленке и говорил:

— Добрый синьор руссо — умный, понимающий человек. Он прекрасный чудесный путешественник, и пусть он не сердится на Беппо. Ну, вышла маленькая ошибочка — чего там... Хе-хе.

Мы приехали на пристань.

Правду говорит пословица: «кто на море не бывал, тот горя не видал», — пароход задержался с погрузкой, и нам пришлось ожидать четыре часа.

Всякий развлекался как хотел: Крысаков ел, Сандерс спал, а мы с Мифасовым бросали в воду серебряные монеты. Несколько юрких мальчишек бросались за ними с пристани, ныряли и доставали со дна. Были изумительные искусники.

Какой-то немец тоже бросал монеты, но, как человек экономный, не желающий даром тратить денег, он — или забрасывал монету за двадцать метров от намеченного ныряльщиками места или старался попасть ныряльщикам в голову...

Прогудел уже второй гудок, и в это время на пристани появился Габриэль. Он долго отыскивал нас глазами, а найдя — закричал, заплясал и стал посылать нам воздушные поцелуи.

— А что, господа, — сказал Мифасов. — Может быть, он всюду увязывался за нами не из-за выгоды, не из-за денег, а просто потому, что искренно полюбил нас. А мы не понимали его, гнали, унижали и не замечали.

Это было совершенно новое освещение поступков Габриэля. Мы наскоро сложились, завернули в бумагу несколько лир и бросили это сооружение Габриэлю.

И за этим последовал не дождь, а целый ливень воздушных поцелуев... с обеих сторон.

— Прощай, Габриэль! Кланяйся иссохшему помпейскому человеку! Поцелуй от нас мартаделлу.

Бедный, милый Габриэль!.. Прощай. Ты ведь никогда, никогда, вероятно, не узнаешь, что я где-то в далекой России вспоминаю о тебе в книге, написанной непонятным тебе, кроме слова «купаться», языком и напечатанной непонятными буквами.

НА ПАРОХОДЕ ИЗ НЕАПОЛЯ В ГЕНУЮ

- **А** братья есть у вас?
- О, да. Семь миллионов, три миллиона и четырнадцать с половиной.
- Простите... что вы такое говорите?
- В этих суммах выражается состояние каждого из них! Трое.
- А матушка ваша... жива?
- Нет. Скончалась. Позвольте... дайте вспомнить... Да! Двадцать восемь тысяч долларов было истрачено на ее похороны.
- Вероятно, ваша семья сильно горевала?
- Еще бы! Приостановка дела на четыре дня дала по конторе убытку около четырехсот тысяч... А когда умерла бабка Стивенсон, их горе не стоило и сотняги тысяч. Вот вы и смекните.
- Да? Какое бессердечие... Смотрите, что за чудесное облако направо от нашего парохода!..
- Будущий атмосферный осадок. Если бы его перегнать на сушу, да спустить на пшеницу — ого!
- А что?
- А то, что за него всякий неглупый сельский хозяин пару сотен отвалит.
- Это было мое первое знакомство и первый разговор с мистером Джошуа Перкинсом. Он казался самым обыкновенным американцем: одетый в брюки отвратительного американского фасона и ботинки, похожие больше на лошадиные копыта, он шатался по всему пароходу без пиджака и жилета, с засученными рукавами, распевал пронзительным, фальшивым голосом ужасные американские песенки и презирал всех так откровенно и беззаботно, что все полюбили его.
- Только ко мне он благоволил, потому что при первой встрече я выказал себя еще большим американцем, чем он: выйдя после обеда на палубу и заметив, что мистер Перкинс развалился на занятом мною *longue chaise*, я подошел и, лениво зевнув, опустился к нему на колени. Он забился подо мной, завыл и, сбросив меня, в бешенстве вскочил на ноги.

— Простите, — заметил я, — но я сел на свое место. Вот карточка с моим именем на спинке.

Он захохотал и, пересев на соседний стул, вступил со мной в вышеприведенный разговор.

После замечания относительно облака он посвистал немного и спросил:

— Женаты?

— Был.

— Жена?

— Умерла.

— От чего?

— О, это тяжелая история... Она сторела на моих глазах от лопнувшей бутылки с бензином.

— А!

В глазах его засветился живой интерес к моим словам.

— Тяжелая история?

Джошуа Перкинс

— Да. Очень.

— Хотите дело?

— Я, вероятно, не говорил вам, что у меня в Нью-Йорке есть две газеты... Опишите вашу историю погуще — у вас есть литературное имя — я смогу заплатить вам по пол-доллара за строчку.

— Нет. Не хочу.

— Почему? Мне просто хочется утереть такой штукой нос этому зазнавшемуся каналье Чарли Пегготу. Он изо дня в день пичкает своих читателей историями о вырытых трупах и взбесившихся животных — этот мошенник Пеггот...

— Я не могу принять вашего предложения, — сухо отвечал я.

Он похлопал меня по плечу.

— Молодец! Я, признаться, хотел испытать вас — настоящий вы мужчина или нет. Вы сразу раскусили меня. Действительно, пол-доллара за строчку — это сор. All right! Я заплачу вам доллар.

— Не находите ли вы, — упрямо возразил я, — что покойница, дорогая сердцу мужа, — плохое средство для утирания носов зазнавшимся Чарли Пегготам.

Джошуа Перкинс смутился и крепко пожал мою руку.

— Простите, если я не так выразился. Конечно, утирание носа Пегготу вашей... дорогой покойницей... это скорее метафорический оборот...

— Ничего. Прекратим этот разговор. Вы давно путешествуете по Европе?

— Третий месяц.

— Что же вас тут больше всего интересует?

— Искусство.

— Значит — музеи, картинные галереи, да?

— Да. Есть изумительные вещи. Говорят, тут за одного Рубенса отвалили около двух миллионов?

— Да.

— Вот это приемная вещь!

— Что это такое — приемная?

— Вещь, которую не стыдно повесить в приемной. А, откровенно говоря, все эти Луки Кранахи да Паоло Веронезе — ведь это так... для кабинета или в другую какую комнату... а?

Он нерешительно заглянул в мое непроницаемое лицо.

— А? Как вы думаете?

— Да... Это правда. Кранахом Пегготу носа не утрешь!

— Вы думаете? Это, пожалуй, верно. Можете представить, у него в буфетной комнате, в дверцах буфета, вделаны четыре настоящих Фрагонара!

— Шикарно! Надеюсь, вы утерли нос этому зазнавшемуся выскочке?

Джошуа подмигнул мне:

— Собираюсь. Да так, что он и не ожидает! Хе-хе! Мы оба долго смеялись.

— Небось, — предположил я, — обмоблируете свою квартиру египетскими мумиями? Они стоят бешеных денег. А живот ей выдолбить, да устроить там погребец для ликеров... То-то позеленеет ваш Пеггот.

— Нет, это почище мумий. Вы знаете, я подыскиваю себе старинный замок!

— Для чего?

— Жить в нем. Буду приезжать месяца на три в год, да и жить в нем. Не правда ли, комфортабельно?

— Нашли что-нибудь подходящее?

— Нет. Есть или простые развалины, или хорошие замки, но не продают. Я при торговывал замок Барбароссы в Нюрнберге... Нет, говорят, нельзя. — Почему? — неизвестно!

— Как же вы думаете устроиться?

— Я уже говорил с архитектором. Он обещал выстроить новый, но как бы старый. Как вы думаете?

Я подумал немного и сказал решительно:

— Нет, это не то.

— Ну, что вы говорите!..

— В старых замках обыкновенно есть прекрасные галереи портретов, где так сладостно-жутко и страшно по ночам, когда желтая луна тускло светит в разбитые, затканые паутиной окна...

— О, за этим дело не станет. Любой антикварий развесит за гроши целую галерею!.. Стекла, если их разбить...

— Пожалуй. Но где летучие мыши, гнездящиеся под потолком полуразрушенной башни, где треск ветхой мебели, шорохи под полом и завывание ветра в трубе громадного, веками закопченного камина?

— Да, это так. Гм...

Джошуа поднял ноги, положил их на перила палубы и, осмотрев свои похожие на лошадиные копыта башмаки, спросил:

— А вы не знаете, как их разводят?

— Кого?

— Летучих мышей.

— Кто же их разводит... Сами разводятся. Черт их знает как. Пустите одну пару для завода, а там видно будет. Остальное, конечно, пустяки. Камин можно закоптить порохом, под полом поставить несколько аппаратов, которые трещали бы при ходьбе, ветер в трубе прекрасно имитируется парой органных труб, вековая пыль в нежилых комнатах оседает в три дня, если десяток дюжин рабочих будут посменно шаркать пыльными сапогами... Все это не так трудно. И устройте вы такое помещение, что утрете нос самому Барбароссе... Одного только у вас не будет.

— Ого!

— Да-с. Не будет у вас старого зловещего привидения, которое бродило бы по ночам, пугая обитателей замка.

— Да ведь привидений-то вообще нет.

— Ну, это смотря где. Конечно, в вашем нью-йоркском небоскребе ему не ужить-ся, а в старых замках их целые гнезда.

— Может быть и у меня заведется...

— Не-ет, дорогой мой... На имитацию его не подловишь. Оно, как тесто на муке, замешивается на легенде, на каком-нибудь старинном злодеянии. А старинного злодеяния вам за миллион не устроить.

Джошуа был огорошен искренно и серьезно.

— Наловить их в развалинах да напустить ко мне...

— Убегут. Главное дело — легенды нет. Злодеяния нет.

— Есть дело! — сказал Джошуа, хлопнув меня по колену. — Вы писатель? Так придумайте мне легенду. Легенду старинного замка Джошуа Перкинса.

— Да что ж тут можно придумать? Есть определенные американские легенды: железнодорожные короли Дженкинс и Бридж, имея две параллельные железнодорожные линии, конкурировали в ценах на перевозку скота из места, где его было много, в места, где его было мало. Дженкинс спустил цены за перевозку до минимума, а Бридж, по американскому обычаю, захотел «утереть нос» Дженкинсу и назначил цены себе в громадный убыток. Что же делает умный Дженкинс? Он начинает сам покупать скот и отправлять его за гроши по дороге своего конкурента, кладя в карман огромные прибыли, чем и разоряет его. Вот вам и легенда. А что из нее сделаешь? Если даже Бридж повесился, то и тогда, что он скажет Дженкинсу, явившись к нему темной страшной ночью в качестве привидения? «Дженкинс, Дженкинс, — скажет он только, — зачем ты отправлял скот по моей дороге?» — «Да ведь и ты, голубчик, — основательно возразит ему Дженкинс, — спустил цены так, что хоть ложись да помирай. Не надо было зарываться». Нет. Такой легенды никакой замок не выдержит.

Джошуа сосредоточился, что-то припоминая.

- А вот у меня дед скончался при крайне таинственных обстоятельствах.
— Именно?
— Его повесили в Канзасе за кражу лошадей... Я скептически пожал плечами:
— Уж и легенда! Да махните рукой на привидение. Живите так.
— Это не то. Не комфортабельно. Впрочем, я поговорю с архитектором.
— Вам бы жениться лучше, — по-

советовал я.

— О, это очень трудная вещь — брак. У меня есть две девушки на примете — не знаю, на какой из них остановиться.

- А какая между ними разница?
— Хлебный элеватор.
— Удивляюсь я вам, американцам...

Все вы сводите на деньги да на элеваторы. Могли бы хоть тут последовать влечению сердца. Каковы они собою?

— Одна миниатюрная, небольшого роста, килограммов около пятидесяти весу, другая высокая, хорошо развитая девушка.

— Килограммов в семьдесят?

— Да, около этого. Вот вы тут и посоветуйте!..

— И советовать нечего. Женитесь на той, которая весит больше.

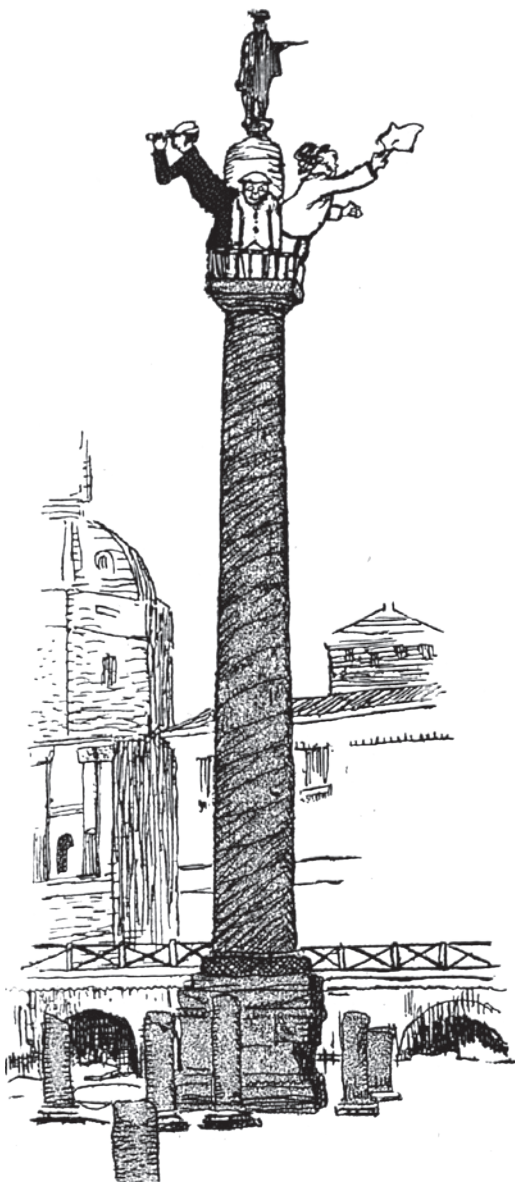
Он с сомнением посмотрел на меня — не смеюсь ли я.

— Однако... Это, мне кажется, несколько меркантильный взгляд...

— Ничуть! — горячо возразил я. — Вы подумайте. Что такое жена? Это нечто такое, что дороже всего человеку. И если этого дорогого, прекрасного будет на двадцать процентов больше, то не ясно ли, даже не умеющему считать, что от этого счастье обладания любимым существом подымется на такое же количество процентов.

Он снисходительно пожал плечами:

— Эти европейцы неисправимые идеалисты. Впрочем... Пароход наш уже подходит к Генуе... Мы сейчас расстанемся. Я совершенно незаметно провел с вами два часа сорок семь

*Крысаков, Сандерс и Мифасов шлют привет
редакции «Сатирикона» с высоты
Траянской колонны (Рим)*

минут. Очень рад. Не откажитесь принять от меня на память эту любопытную вещь!

Джошуа вынул из бумажника зубочистку и благоговейно протянул ее мне.

— Это что такое?

— Это замечательные зубочистки. Их всего у меня три, и каждая обошлась мне в 300 долларов.

— Из чего же они сделаны? — изумился я. Он самодовольно улыбнулся.

— Из пера на шляпе Наполеона Первого, на той самой шляпе, в которой он был на Аркольском мосту. Мне было очень трудно достать эту вещь!

Джошуа Перкинс пожал мне руку, надел пиджак, засвистал фальшиво и зашагал за носильщиком.

Я подошел к борту парохода, бросил наполеоновскую зубочистку в воду и стал смотреть на закат...

ГЕНУЯ

Генуя знаменита своим Campo Santo; Campo Santo знаменито мраморными памятниками; памятники знамениты своей скульптурой, а так как скульптура эта невероятная пошлятина, то о Генуе и говорить не стоит.

Впрочем, есть люди, которые с умилением взирают на такие, например, скульптурные мотивы:

1) Мраморный детина, в мешковатом сюртуке, брюках старого покроя и громадных ботинках, стоит у чайницы, долженствующей, по мысли скульптора, изображать могилу отца детины; детина, положив под мышку котелок, плачет. Ангел, сидя на чайнице, тычет в нос безутешному молодцу какую-то ветку.

2) Огромный барельеф: внизу на крышке гроба стоит ангел и передает, вытянув руки, парящему наверху ангелу покойника с безмолвной просьбой распорядиться им по своему усмотрению.

3) Безногая смерть тащит упирающуюся девицу в склеп.

4) А вот девица, судьба которой лучше — ее просто два ангела ведут под руки к вечному блаженству.

5) Целая композиция: мраморный хозяин умирает на мраморной кровати, окруженный домочадцами; налево господин в мраморном галстуке не то утешает, не то щечкочет пальцем даму, возведшую глаза горе.

Всюду невероятное смешение старомодных сюртуков и панталон с ангельскими крыльями, ангельскими хитонами, ангельскими факелами в руках.

Ангельское терпение нужно, чтобы пересмотреть всю эту бессмыслицу.

Во время нашего путешествия по этому бесконечному морю испорченного мрамора произошел странный инцидент.

Именно: Крысаков, который задержался около стучащейся в райские двери девицы, вдруг догнал нас бледный и в ужасе зашептал:

— Со мной что-то случилось...

— Что такое?

— Сколько кьянти выпили мы за завтраком? — спросил Крысаков, дрожа от страха.

- Сколько каждому хотелось — ни на каплю больше. А что случилось?
- Дело в том — я не знаю, что со мной сделалось, но я сразу стал понимать по-итальянски.
- Как так? Почему?
- Видите ли, около той «девушки у врат» стоит публика. Вдруг кто-то из них заговорил — и я сразу чувствую, что понимаю все, что он говорит!
- Какой вздор! Этого не может быть.
- Уверю вас! Другой ему ответил — и что же! Я чувствую, что понял и ответ.
- Тут что-то неладно... Пойдем к ним! Мы подошли.
- Слышите, слышите? Я прекрасно сейчас понимаю, о чем они говорят... О том, что такой сюжет они уже встречали в Риме... Хотите, я вам буду переводить?
- Не стоит. Это излишне.
- По... почему?
- Потому что они говорят по-русски.
- Мифасов оглядел фигуру смущенного Крысакова и уронил великолепное:
- Удивительно, как вы еще понимаете по-русски.

СТРАШНЫЙ ПУТЬ

Путь из Генуи в Ниццу был ужасен. Отвратительные, грязные вагоны, копоть, духота.

Все мы грязные, немытые — и умыться негде.

Едим ветчину, разрывая ее пальцами, и пьем кьянти из апельсиновых шкурок и свернутых в трубочку визитных карточек.

Солнце склонялось к закату. Все мы сидели злые, мрачные и все время поглядывали подстерегающими взорами друг на друга, только и ожидая удобного случая к чему-нибудь придраться.

В вагоне сразу стемнело.

— Удивительно, как на юге быстро наступает ночь, — заметил Мифасов. — Не успеешь оглянуться, как уже и стемнело.

— Удивительно, как вы все знаете, — саркастически заметил Сандерс.

— В вас меня удивляет обратное, — возразил Мифасов.

Вдруг в вагоне стало проясняться, и опять дневной свет ворвался в окно.

— Удивительно, — захихикал Сандерс, — как на юге быстро светлеет.

Поезд опять нырнул в туннель.

— Удивительно, — сказал Крысаков, — как на юге быстро темнеет...

— Черт возьми, — проворчал Сандерс, — как быстро время летит. Сегодня только выехали, и уже прошло три денечка.

— Опять темнеет! Четвертая ночь!

— А вот уже и рассвет... Четвертый денечек. С добрым утром, господа.

Угрюмо озираясь, сидел затравленный Мифасов.

Чем дальше, тем туннели попадались чаще, и до границы мы проехали их не меньше сотни.

Когда, по выражению Крысакова, «наступила ночь», я вдруг почувствовал, что какое-то тяжелое тело навалилось на меня и стало колотить меня по спине. Я с силой уцепился за руку, оно взвизгнуло и отпрыгнуло.

Поезд вылетел из туннеля — все смирно сидели на своих местах, апатично поглядывая друг на друга.

— Хорошо же, — подумал я.

Едва только поезд нырнул в следующий туннель, как я вскочил и стал бешено колотить кулаками, куда попало.

— Ой, кто это? Черрт!

Опять светло... Все сидят на своих местах, подозрительно поглядывая друг на друга.

— Кто это дерется? Что за свинство, — спросил сонный Сандерс.

— Действительно, — подхватил я, — безобразие! Вести себя не умеют.

Тьма хлынула в окна. И опять поднялась в вагоне невероятная возня, рев, крики и протесты.

— Стойте! — раздался могучий голос Крысакова. — Я поймал того, который нас бьет. Держу его за руку... Нет, голубчик, не вырвешься!

Засиял свет и — мы увидели бьющегося в Крысаковских руках Сандерса.

Все набросились на него с упреками, но я заметил, как змеилась хитрая улыбочка на губах Мифасова.

От Монте-Карло к нам в купе подсели две француженки.

Одна из них обвела нас веселым взглядом и вдруг нахлобучила Крысакову на нос его шляпу.

— Ура! — гаркнул Крысаков из-под шляпы. — Отселе, значит, начинается Франция!

НИЦЦА

Ницца — небольшой городок, утыканный пальмами.

Мы попали в него в такое время, когда все приезжее народонаселение состояло из шести человек: нас четырех и тех двух француженок, которых мы встретили в вагоне.

У бедняжек, очевидно, в сезоне были такие плохие дела, что уехать было не на что, и поэтому они влачили вдвоем жалкое существование, надеясь на случай.

Но случай не подвертывался, потому что кроме нас никого не было, а наши принципы удерживали нас от легкомысленных поступков и преступного общения с женщинами.

Нам не нужно было тратить много времени, чтобы заметить, что вся Ницца живет только нами и для нас; все гостиницы были закрыты, кроме одной, в которой жили мы; все извозчики бездельничали, кроме двух, которые возили нас, магазины отпирались для нас, музыка по праздникам на площади гремела для нас, и только легкомысленные бабочки, кружившиеся около нас, были вне этого распорядка — спрос на женскую привязанность стоил до смешного низко.

Когда мы уезжали, было такое впечатление, что душа Ниццы отлетает и тело сейчас замрет в последней агонии.

В Париж! В Париж!

ПАРИЖ

*Тоска по родине. — Мы четверо. — Призрак голода. — Муки. — 14 июля. —
Лирическое отступление. — Деньги отыскиваются. — Последние усилия. —
Драка. — Победа. — В Россию. — Последнее merci...*

Наиболее остро это началось с Парижа.

Первым был пойман Мифасов: пойман на месте преступления, в то время, когда, сидя в маленьком кафе на бульваре Мишель и увидя нас, пытался со сконфуженным видом спрятать в карман клочок бумаги.

— Погодите! — строго сказал Крысаков. — Дайте-ка сюда. Ну, конечно, я так и подозревал.

Это был обрывок русской газеты.

— А наше слово? Наше слово — не читать русских газет, не вспоминать о России, не пить русской водки?..

Опустив голову, смущенно шаркал ногой по цементному полу Мифасов.

Вторым попался Сандерс.

Однажды, идя по улице впереди него и неожиданно оглянувшись, мы заметили, что он отмахнулся два раза от какого-то попрошайки, а потом вдруг остановился, прислушался к его словам, и лицо его, как будто очарованное сладкой музыкой, распустилось в блаженную улыбку.

— О! — сказал Сандерс, — вы говорите — вы русский! Неужели? Не обманываете ли вы меня?

— Русский! Ей-богу! Поверьте, третий день уже хожу — ни шиша...

— Как? Как вы сказали? «Ни шиша?» О, это очень мило! Какое образное русское слово! Это очень хорошо, что вы русский. Это благородно с вашей стороны!

— Обносился, оборвался я, как босявка...

Склонив голову набок, Сандерс сладко слушал...

— О, что за язык! «Босявка»... «оборвался»... Почему никто из товарищей моих не говорит так по-русски? Давно я не слышал от них русского слова. Все стараются французить... Русский! Я желаю вас выручить, русский. Вот вам пять франков.

Крысакова однажды поймали ночью уже на лестнице в то время, когда он, крадучись, со своим распухшим, большим чемоданом пробирался к выходу...

— Неужели, господа, вы не можете потерпеть несколько дней? — возмущался я, — до нашего срока отпуска — двух месяцев — осталось всего шесть суток.

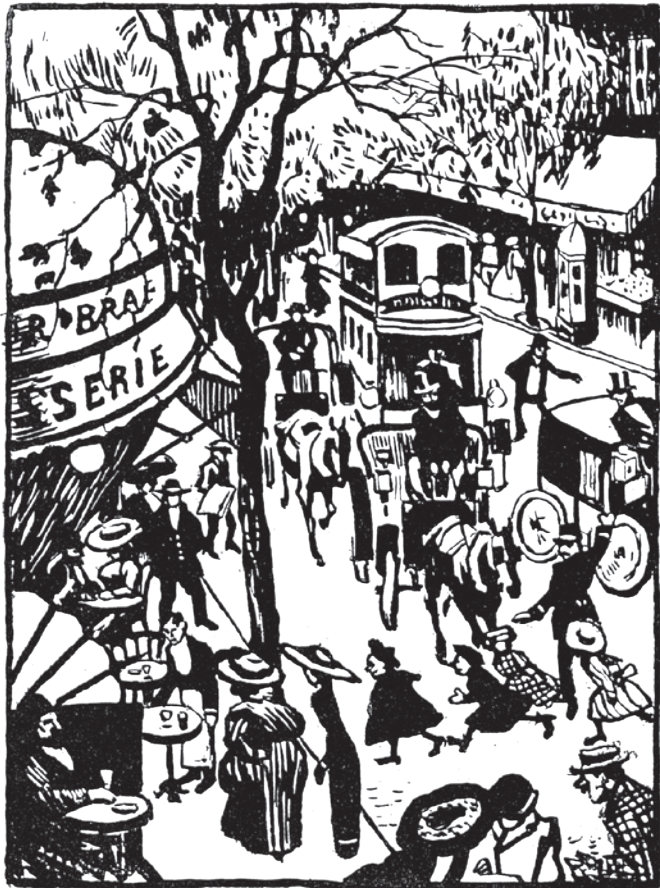
Но в тот же вечер я сам, подойдя к открытому окну, увидел на небе нашу русскую добродушную луну. И мне захотелось, как собаке, положить лапы на подоконник, вытянуть кверху голову, да как завывать!.. Завывать от тоски по нашей несчастной, милой родине...

В предыдущих очерках я уделял наибольшее внимание этнографическим описаниям; Париж настолько всем известен, что я считаю себя вправе заняться, главным образом, путешественниками — Мифасовым, Крысаковым, Сандерсом и мною.

Всякий, конечно, был верен себе: Сандерс однажды задремал с булкой в руках, остановившись на полпути между прилавком и нашим столиком; он же, заспорив как-то о том, какой из двух путей, ведущих к Лувру, ближе, — встал в шесть часов утра и пошел проверять тот и другой путь; среди сна все трое были разбужены и оповещены о том, какой хороший, умный человек Сандерс и как он всегда бывает прав.

Всякий, конечно, был верен себе: Мифасов после обеда потащил нас в кафе-шантан Марини; он же возмущился бешеными ценами на места в этом учреждении; он же предложил поехать в какой-нибудь из маленьких шантанчиков на Севастопольском бульваре, утверждая, что хотя это далеко, но зато дешевизна тамошних кабачков баснословная, он же, в ответ на наши сомнения, сказал, что ему приходилось бывать там и что спорить с ним, опытным кутилой, глупо. «За свои слова я ручаюсь головой» По приезде на место выяснилось, что цены в кафе-концерте на Севастопольском бульваре выше цен Марини на 40%.

Всякий, конечно, был верен себе: шокируя Мифасова и Сандерса, мы с Крысаковым присажива-

Большие бульвары

лись за столиком в третьеклассном кафе, требовали пива, а потом Крысаков мчался к тележке, развозившей всякую снедь, покупал на 10 су паштета из телячьей печенки, на 3 су хлеба, и мы устраивали такой пир, что все с восхищением глядели на нас, кроме Мифасова и Сандерса.

— Кушайте, — добродушно угощал Крысаков, похлопывая ладонью по своему паштету. — Битте-дритте.

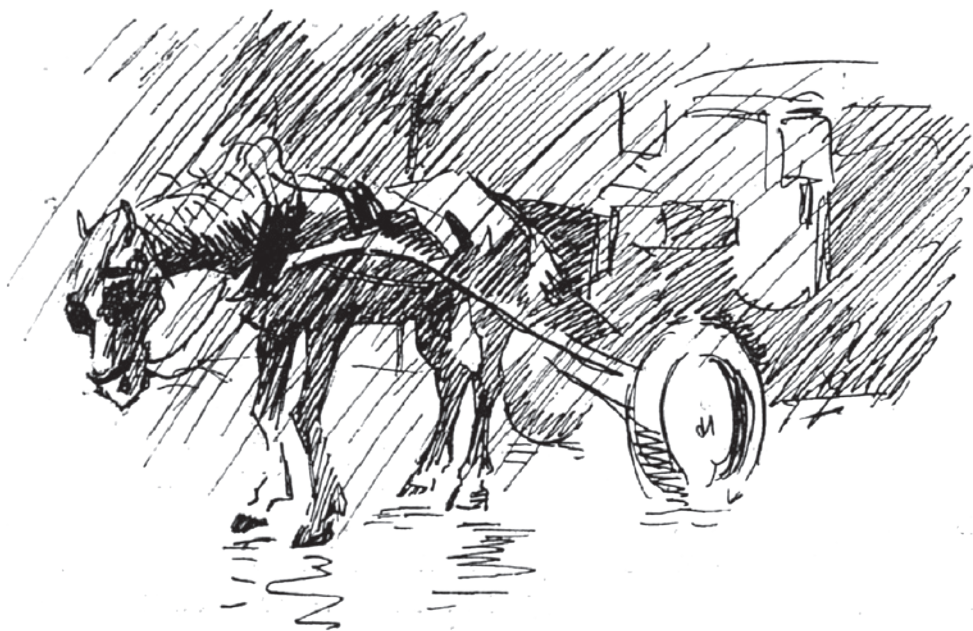
Должен заметить, что паштетом питались и наши антагонисты — Мифасов и Сандерс. Должен заметить, что и насыщение паштетами за 10 су и хлебом за 3 су, и возмущение ценами шантана — все это имело под собой основательную почву: дело в том, что мы разорились.

Кто был виноват в этом? Что было причиной этому: склонность ли Мифасова к фешенебельным ресторанам, «обедам под гонг», страсть ли Сандерса к эффектным одеждам, покупка ли массы оружия, которое всякий из нас приобрел для защиты жизни от могущих посягнуть на нее врагов? Вероятно, все вместе повредило нам.

Правда, мы ждали солидного перевода на Лионский кредит, и перевод этот должен был получиться в Париже 12 июля. Но 12 июля банки были закрыты потому, что через два дня предстояло огромное празднование 14 июля — день взятия Бастилии; 13 июля банки не открывались потому, что оставался всего один день до 14-го; 14-го праздновали Бастилию; 15-го отпраздновали первый день после взятия Бастилии, а 16-го была какая-то генеральная проверка всех банковских касс; так как 17-го было воскресенье — то мы, очутившись 11-го без денег, — могли ожидать их получения только 18-го.

Грозный призрак голода протянул к нам свои костлявые, когтистые лапы.

Первые признаки бедствия выяснились неожиданно: 11 июля, после роскошного завтрака в ресторане на Итальянском бульваре, мы взяли мотор и полетели в Булонский лес.

Сандерс был задумчив. Вдруг на полдороге он хлопнул ладонью по доске мотора и с несвойственной ему энергией воскликнул:

— Стойте! Сколько показывает таксометр?

— 6 франков 50.

— Мотор! Назад!

— Что случилось?

И, как гробовой молоток, прозвучали слова Сандерса:

— У нас всего 8 франков... (общественными суммами заведовал Сандерс).

Раздались крики ужаса; мотор повернули, и он, как вестник бедствия, полетел со страшным ревом и плачем в город.

— Стойте! До дому версты полторы. Дойдем пешком, — предложил благодушный Крысаков. — Шоферу нужно, конечно, заплатить полным рублем, но на чай, ввиду исключительности положения, не давать; пусть каждый пожмет ему руку; это все, чем мы можем располагать.

Все с чувством пожали шоферу руку и поплелись домой.

Вечером прибегли к паштету с пивом, а утром на другой день Мифасов засел за большую композицию «Голодающие в Индии».

— Как жаль, что нет с нами Мити, — заметил Крысаков. — Его можно бы послать собирать милостыню. Самим нам неудобно, а он мог бы поработать на бедных хозяев.

— Бедный Митя! — вздохнул Мифасов. — Он, вероятно, умирает от голоду в Берлине, мы — в Париже. О, жизнь! Ты шутишь иногда жестоко, и твоя улыбка напоминает часто гримасу смерти.

Сандерс обошел кругом Крысакова и, щелкнув зубами, сказал:

— Думал ли я, что рагу из Крысакова будет казаться мне таким заманчивым?!

Крысаков, взволнованный, встал, поцеловал Сандерса в темя и выбежал из нашей комнаты в свою.

Потом вернулся, положил на стол золотой и сурово сказал:

— Последний! Прятал на похороны. Берите!

Радостный крик сотряс наши груди.

— Беру в кассу, — сказал Сандерс. — Что мы сделаем на эти деньги?

— Тут я на углу видел один ресторанчик... — несмело заметил Мифасов.

«Голодающие» на его рисунке сразу пополнили. Он приделал им животы, округлил щеки, прибавил мяса на руках и ногах и сказал:

— Произведения художника есть продукт его настроения. Налево за углом, вход с бульвара. Обед два франка с вином!!

— Bravo, Мифасов! Он заслуживает качанья. В первую же хорошую качку на море вы будете вознаграждены! За угол, господа, за угол!!

Было 13 число. Весь Париж наряжался, украшался, обвешивался разноцветными лампочками; на улицах строили эстрады для музыкантов, драпируя их материей национального цвета. Уже приближался вечер, и пыльные французы не могли дожидаться завтрашнего дня, зажгли кое-где иллюминацию и плясали на улице под теплым небом, под звуки скрипок и флейт.

А мы сидели в комнате Мифасова без лампы, озаренные светом луны, и тоска — этот спутник сырых и голодных — сжимала наши сердца, которые теперь переместились вниз и свили себе гнездо в желудке.

Недоконченный этюд «Голодающие в Индии», снова реставрированный в сторону худобы и нищенства, — смутно белел на столе своими страшными скелетообразными фигурами.

— Мама, мама, — прошептал я. — Знаешь ли ты, что испытывает твой сын, твой милый первенец?

— Пойдите, — сказал Мифасов, очевидно, после долгой борьбы с собой. — У меня есть тоже мать, и я не хочу, чтобы ее сын терпел какие-нибудь лишения. В тот день, когда голод подкрадывался к нам, — у меня были запрятанные 50 франков. Я спрятал их на крайний случай... на самый крайний случай, когда мы начнем питаться кожей чемоданов и безвредными сортами масляных красок!.. Но больше я мучиться не в силах. Музыка играет так хорошо, и улицы оживлены, наполнены веселыми лицами... сотни прекрасных дочерей Франции освещают площади светом своих глаз, их мелодичный смех заставляет сжиматься сердца сладко и мучи...

— По 12 с половиной франков, — сказал Сандерс. — Господи! Умываться, бриться! Черт возьми! Да здравствует Бастилия!

И мы, как подтаявшая льдина с горы, низринулись с лестницы на улицу.

Какое-то безумие охватило Париж. Все улицы были наполнены народом, звуки труб и барабанов прорезали волны человеческого смеха, тысячи цветных фонариков кокетливо прятались в темной зелени деревьев, и теплое летнее небо разукрасилось на этот раз особенно роскошными блистающими звездами, которые весело переме-

гивались, глядя на темные силуэты пляшущих, пьющих и поющих людей.

Милый, прекрасный Париж!..

Как танцуют на улице! Играют оркестры?!

Невероятным кажется такое веселье русскому человеку.

Бедная, темная Русь!.. Когда же ты весело запляшешь и запоешь, не оглядываясь и не ежась в сторонке?

Когда твои юноши и девушки беззаботно сплетутся руками и пойдут танцевать и выделывать беззаботные скачки?

Желтые, красные, зеленые ленты серпантина взвиваются над толпой и обвиняют намеченную жертву, какую-нибудь черномазую модистку или простоволосую девицу, ошалевшую от музыки и веселья.

На двести тысяч разбросает сегодня щедрый Париж бумажных лент — целую бумажную фабрику, миллион сгорит на фейерверке и десятки миллионов проест и проплет простолюдин, празднуя свой национальный праздник.

Сандерс тоже не дремлет. Он нагрузился серпантином, какими-то флажками, бумажными чертями и сам, вертлявый, как черт, носится по площади, вступая с девицами в кокетливые битвы и расточая всюду улыбки; элегантный Мифасов взобрался верхом на карусельного слона и летит на нем с видом завязанного авантюриста. Мы с Крысаковым скромно пляшем посреди маленькой кучки поклонников, вполне одобряющих этот способ нашего уважения к французам. Писк, крики, трубный звук и рев карусельных органов.

А на другое утро Сандерс, найдя у себя в кармане обрывок серпантина, скорбно говорил:

— Вот если бы таких обрывков побольше, склеить бы их, свернуть опять в спираль, сложить в рулон и продать за 50 сантимов; двадцать таких штучек изготовить — вот тебе и 10 франков.

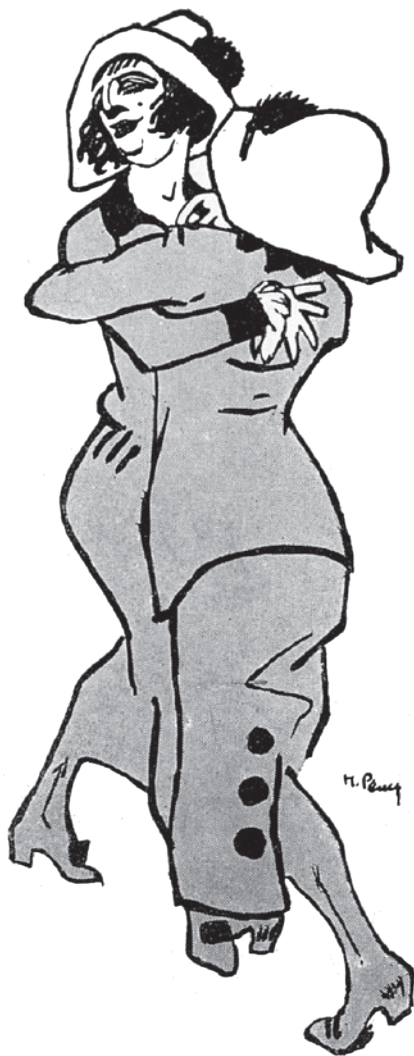
Крысаков вдруг открыл рот и заревел.

— Что с вами?

— Голос пробую. Что если пойти нынче по кафе и попробовать петь русские национальные песни; франков десять, я думаю, наберешь.

— Да вы умеете петь такие песни?

— Еще бы!

Bal Bulier

Бешеное веселье сатириконцев вкупе с парижанами 14 июля

И он фальшиво гнусавым голосом запел:

Матчиш прелестный танец —
Шальной и жгучий...
Привез его испанец —
Брюнет могучий.

— Если бы были гири, — скромно предложил я. — Я мог бы на какой-нибудь площади показать работу гирями... Мускулы у меня хорошие.

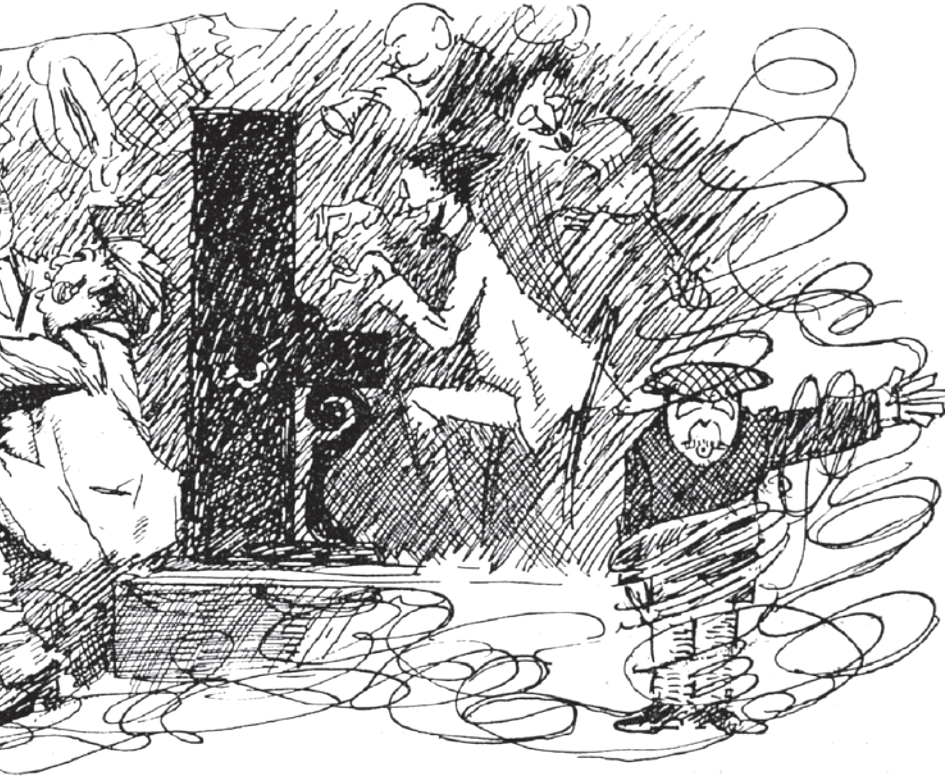
— Неужели вы бы это сделали? — странным, дрогнувшим голосом спросил Сандерс. Я вздохнул:

— Сделал бы.

— Гм, — прошептал он, смахивая слезу. — Значит, дело действительно серьезно. Вот что, господа! Мифасов берег деньги на случай питания масляными красками и кожей чемоданов. Я заглянул дальше; на самый крайний, на крайнейший случай, — слышите? — когда среди нас начнет свирепствовать цинга и тиф — я припрятал кровные 30 франков. Вот они!

— Браво! — крикнул, оживившись, Крысаков. — У меня как раз цинга!

— А у меня тиф!

Мифасов сказал:

— Тут... на углу... я...

— Пойдем.

Грохот восьми ног по лестнице разбудил тишину нашего мирного пансиона.

Когда мы были в «Кабачке мертвецов» и Сандерс, уходя, сказал шутовскому привратнику этого кабачка, где слуги поносили гостей, как могли: «Прощайте, сударь», тот ответил ему привычным, заученным тоном: «Прощайте, туберкулезный!»

Конечно, это была шаблонная шутка, имевшая успех в этом заведении, но сердце мое сжалось: что если в самом деле слабый здоровьем Сандерс заболеет с голодухи и умрет?..

Последние десять франков ухлопали мы на это кошунственное жилище мертвых, будто бы для того придя сюда, чтобы привыкнуть постепенно к неизбежному концу.

— Удивляюсь я вам, — сказал мне Крысаков. — Человек вы умный, а не догадались сделать того, что сделал каждый из нас! Припрятать деньжонок про запас. Вот теперь и голодай. До открытия банков два дня, а я уже завтра с утра начинаю питаться верблюжьим хлебом.

— Чем?

— Верблюжьим хлебом. В Зоологическом саду верблюдов кормят. Я пробовал — ничего. Жестко, но дешево. Хлебец стоит су.

Из альбома Крысакова.
Уличные гимнасты

был очень вежлив, но его «битте-дритте» звучало так сухо, что все блестящие ночные бабочки отлетали от него, как мотыльки от электрического фонаря, ударившись о твердое стекло.

В тот момент, когда, наконец, для французов красные, а для нас черные дни — кончились и наступили будни, мы получили пачку разноцветных кредиток и золота. — И в тот же момент в один истерический крик слились четыре голоса:

- В Россию!
- Домой!
- В Петербург!
- К маме!

— Ну, — принужденно засмеялся я. — У вас, вероятно, у кого-нибудь найдется еще несколько припрятанных франков — «уже на самый крайний случай — чумы или смерти».

— Я отдал все! — возмутился Мифасов. — Запасы имеют свои границы.

— И я.

— И я!

— Я тоже все отдал, — признался я. — Натура я простодушная, без хитрости, я не позволю утаивать что-нибудь от товарищей, «на крайний случай». А тут — чем я вам помогу? Не этой же бесполезной теперь бумажкой, которая не дороже обрывка газеты, раз все меняльные учреждения закрыты.

И я, вынув из кармана русскую сторублевку, пренебрежительно бросил ее наземь.

— В Олимпию, — взревел Крысаков. — В Олимпию — в это царство женщин! Я знаю — там меняют всякие деньги!

Как нам ни противно было очутиться в этом царстве кокоток и разгула — пришлось пойти.

Меняли деньги... Крысаков

Но кто проследит пути судьбы нашей? Кто мог бы предсказать нам, что именно в день отъезда случится такой яркий потрясающий факт, который до сих пор вызывает в нас трех смешанное чувство ужаса, восторга и удивления?!

Милый, веселый, неприхотливый Крысаков... Ты заслуживаешь пера не скромного юмориста с однотонными красками на палитре, а, по крайней мере, могучего орлиного пера Виктора Гюго или героического размаха автора «Трех мушкетеров».

Постараюсь быть просто протокольным — иногда протокол действует сильнее всего.

Было раннее утро. Крысаков накануне вечером сговорился с нами идти в Центральный Рынок поглазеть на «чрево Парижа», но, конечно, каждый из нас придерживался совершенно новой оригинальной пословицы: «вечер утра мудренее». Вечером можно было строить какие угодно мудрые, увлекательные планы, а утром — владычествовал один тупой, бессмысленный стимул: спать!

Крысаков собрался один. Жил он в другом пансионе с женой, приехавшей из Ниццы; с утра обыкновенно заходил к нам и не расставался до вечера.

В шесть часов утра хозяйка пансиона видела жильца, который на цыпочках, стараясь не шуметь, пробирался к выходу с вещами (ящик для красок и этюдник); в девять часов утра та же хозяйка заметила жену жильца, выходящую из своей комнаты с картонкой в руках.

Хозяйка преградила ей путь и сказала:

— Прежде чем тайком съезжать, милые мои, — надо бы уплатить денежки.

— С чего вы взяли, что мы съезжаем? — удивилась жена Крысакова. — Я еду к модистке, а муж поехал на этюды, на рынок.

— На этюды? Все вы, русские, мошенники. И ваш муж мошенник.

— Не больше, чем ваш муж, — вежливо ответила жена нашего друга.

Затем произошло вот что: хозяйка раскричалась, толкнула квартирантку в грудь, отобрала ключ от комнаты, несмотря на уверения, что деньги лежат в комнате и могут быть заплачены сейчас, а потом квартирантка была изгнана из коридора и поселилась она в помещении гораздо меньшем, чем раньше — именно на уличной тумбочке у парадных дверей, где она, плача, просидела до двух часов дня.

Она не знала, где найти мужа, который в это время, ничего не подозревая, весело завтракал с нами на полученные из Лионского кредита денежки.

Позавтракав, он вспомнил о семейном очаге, поехал домой и наткнулся на плачущую жену на тумбочке.

B cady Tuillierie

Предместье за парком Montsour

Наскоро расспросив ее, вошел побледневший Крысаков в зал пансиона, где за общим столом сидело около двадцати человек аборигенов.

Мирно завтракали ветчиной и какой-то зеленью.

— Где хозяин? — спросил Крысаков.

— Я.

— Почему ваша жена безо всякого повода позволила себе толкнуть в грудь мою жену?

— О, — возразил хозяин, пренебрежительно махнув рукой. — Вы русские?

— Да.

— Так ведь русских всегда бьют. Русские привыкли, чтобы их били.

Привычному человеку, конечно, не особенно больно, когда его бьют. Но непривычный француз, получив удар кулаком в живот, заревел, как бык, и обрушился на маленький столик с цветочным горшком.

Несколько французов вскочили и бросились на славного, веселого, кроткого Крысакова.

Крысаков повел могучими плечами, ударил ногой по громадному столу, и все слилось в одну ужасающую симфонию звона разбитой посуды, стона раненых и яростного крика взбешенного Крысакова.

Вот подите ж: глупые разные «Земщины» и «Колоколы» с истинно дурацким постоянством из номера в номер уверяют десяток своих читателей, что сатирик-концы — это жида (?) без всякого национального чувства и достоинства.

А Крысаков безрассудно, без всякого колебания, полез один на двадцать человек именно за одну нотку в голосе хозяина, которая показалась ему безмерно горькой и обидной.

И вот когда зажиревший в свободах француз поднял, по примеру всероссийского городского, руку на русского — в голове должно помутиться и рассудок должен отойти в сторону...

— Мерзавцы, — гремел голос нашего товарища. — Русских бьют? Не так ли вот? Или, может быть, этак?

Двое пытались уползти от него в дверь, один выскочил в раскрытое окно; какой-то глупец схватил палку, взбежал по винтовой лестнице в углу комнаты и пытался поразить оттуда всеокрушающего Крысакова; но тот схватил палку, стащил ее вместе с обладателем с лестницы и, задав ему солидную трепку, бросил палку под ноги двум последним удиравшим противникам.

Поломанные стулья, разбитая посуда, хрустящим ковром покрывавшая пол, и посредине Крысаков с мужественно поднятыми руками и ногой на животе лежащего без чувств хозяина...

Момент — и он забился в шести дюжих руках... Три полисмена схватили его, приглашенные расторопной хозяйкой пансиона.

— Полиция? — сказал Крысаков. — Сдаюсь. Это уже закон!

Но когда его привели в участок и комиссар предложил в резкой форме снять шляпу, Крысаков с любопытством спросил:

— А почему вы в шляпе?

Полисмен сзади ударом ладони сбил с Крысакова шляпу, но Крысаков повернулся и в один момент побивал с полисменов кепи (по своей теории — «иногда и русские бьют»).

Pom-Pom

Нужно ли говорить еще что-нибудь?

Личное задержание, штраф, убытки за поломанную посуду и поврежденных французов — одним словом, мы уехали вдвоем с Сандерсом, оставив Крысакову для подкрепления Мифасова.

Потом они передавали нам, что русский консул, к которому Крысаков обратился за заступничеством, сказал:

— Знаете что? Не стоит поднимать истории... Заплатите им штраф и убытки. Правда, они первые оскорбили вашу жену... Но если бы недалеко были наши броненосцы, я бы говорил с ними. А так, что я могу сказать?! Что мы можем сказать?

Жалкое, забитое существо этот консул.

Нам говорили опытные люди, что, если русский человек хочет найти серьезное заступничество — он должен обратиться к английскому консулу.

И вот мы едем в Россию.

В Вержболове поздоровались с жандармом, а Сандерс, изнемогая, остановил носильщика и сказал:

— Я хочу услышать от тебя хоть одно русское слово. Истосковался. Скажи мне его, это слово, вот тебе за это целковый.

— Мерси, — ответил расторопный носильщик.

Пахло щами.

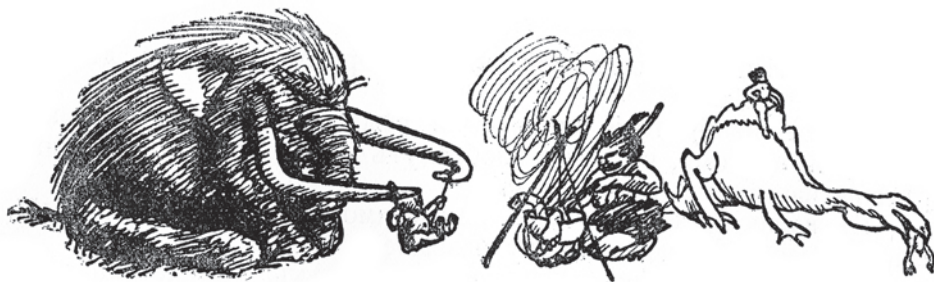
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМ»

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМЪ»

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ (ТЭФФИ)

Что такое история как таковая — объяснять незачем, так как это каждому должно быть известно с молоком матери. Но что такое древняя история — об этом нужно сказать несколько слов.

Трудно найти на свете человека, который хотя раз в жизни, выражаясь языком научным, не влопался бы в какую-нибудь историю. Но как бы давно это с ним ни случилось, тем не менее происшедший казус мы не вправе назвать древней историей. Ибо пред лицом науки все имеет свое строгое подразделение и классификацию.

Скажем короче:

- а) древняя история есть такая история, которая произошла чрезвычайно давно;
- б) древняя история есть такая история, которая произошла с римлянами, греками, ассирийцами, финикийцами и прочими народами, говорившими на мертворожденных языках.

Все, что касается древнейших времен и о чем мы ровно ничего не знаем, называется периодом доисторическим.

Ученые хотя и ровно ничего об этом периоде не знают (потому что если бы знали, то его пришлось бы уже назвать историческим), тем не менее разделяют его на три века:

- 1) каменный, когда люди при помощи бронзы делали себе каменные орудия;
- 2) бронзовый, когда при помощи камня делали бронзовые орудия;
- 3) железный, когда при помощи бронзы и камня делали железные орудия.

Вообще изобретения тогда были редки и люди на выдумки были туги; поэтому чуть что изобретут — сейчас по имени изобретения называют и свой век.

В наше время это уже немыслимо, потому что каждый день пришлось бы менять веку название: пилюиарский век, плоскошинный век, синдетиконский век и т. д. и т. д., что немедленно вызвало бы распри и международные войны.

В те времена, о которых ровно ничего не известно, люди жили в шалашах и ели друг друга; затем, окрепнув и развив мозг, стали есть окружающую природу: зверей, птиц, рыб и растения. Потом, разделившись на семьи, начали ограждаться частоколами, через которые сначала в продолжение многих веков переругивались; затем стали драться, затеяли войну, и, таким образом, возникло государство, государство, государственный быт, на котором основывается дальнейшее развитие гражданственности и культуры.

Древние народы разделяются по цвету кожи на черных, белых и желтых.

Белые в свою очередь разделяются на:

1) арийцев, произошедших от Ноева сына Иафета и названных так, чтоб не сразу можно было догадаться — от кого они произошли;

2) семитов — или не имеющих права жительства — и

3) хамитов, людей в порядочном обществе не принятых.

Обыкновенно историю делят всегда хронологически от такого-то до такого-то периода. С древней историей так поступить нельзя, потому что, во-первых, никто ничего о ней не знает, а во-вторых, древние народы жили бестолково, мотались из одного места в другое, из одной эпохи в другую, и все это без железных дорог, без порядку, причины и цели. Поэтому учеными людьми было придумано рассматривать историю каждого народа отдельно. Иначе так запутаешься, что и не выберешься.

ВОСТОК

Египет

Египет находится в Африке и славится издавна пирамидами, сфинксами, разлитием Нила и царицей Клеопатрой.

Пирамиды — суть здания пирамидальной формы, которые воздвигались фараонами для своего прославления. Фараоны были люди заботливые и не доверяли даже самым близким людям распоряжаться своим трупом по их усмотрению. И, едва выйдя из младенческого возраста, фараон уже присматривал себе укромное местечко и начинал строить пирамиду для своего будущего праха.

После смерти тело фараона с большими церемониями потрошили изнутри и набивали ароматами. Снаружи заключали его в раскрашенный футляр, все вместе ставили в саркофаг и помещали внутри пирамиды. От времени то небольшое количество фараона, которое заключалось между ароматами и футляром, высыхало и превращалось в твердую перепонку. Так непроизводительно тратили древние монархи

народные деньги!

Но судьба справедлива. Не прошло и нескольких десятков тысяч лет, как египетское население вернуло свое благосостояние, торгуя оптом и в розницу бренными трупами своих повелителей, и во многих европейских музеях можно видеть образцы этих сушеных фараонов, прозванных за свою неподвижность мумиями. За особую плату сторожа музеев позволяют посетителям пощелкать мумию пальцем.

Далее, памятниками Египта служат развалины храмов. Более всего сохранилось их на месте древних Фив, прозван-

*Не прошло и нескольких десятков тысяч лет,
как мумиями стали торговать*

ных по числу своих двенадцати ворот «стовратными». Теперь, по свидетельству археологов, ворота эти переделаны в арабские деревни. Так иногда великое обращается в полезное!

Памятники Египта часто покрыты письменами, которые разобрать чрезвычайно трудно. Ученые поэтому прозвали их иероглифами.

Жители Египта делились на разные касты. К самой важной касте принадлежали жрецы. Попастъ в жрецы было очень трудно. Для этого нужно было изучать геометрию до равенства треугольников, включительно и географию, обнимавшую в те времена пространство земного шара не менее шестисот квадратных верст.

Дел у жрецов было по горло, потому что, кроме географии, им приходилось еще заниматься и богослужением, а так как богов у египтян было чрезвычайно много, то иному жрецу подчас за весь день трудно было урвать хоть часок на географию.

В воздании божеских почестей египтяне не были особенно разборчивы. Они обожествляли солнце, корову, Нил, птицу, собаку, луну, кошку, ветер, гиппопотама, землю, мышъ, крокодила, змею и многих других домашних и диких зверей.

Ввиду этой богомногочисленности самому осторожному и набожному египтянину ежеминутно приходилось совершать различные кощунства. То наступит кошке на хвост, то цыкнет на священную собаку, то съест в борще святую муху. Народ нервничал, вымирал и вырождался.

Среди фараонов было много замечательных, прославивших себя своими памятниками и автобиографиями, не ожидая этой любезности от потомков.

Вавилон

Тут неподалеку находился и Вавилон, известный своим столпотворением.

Ассирия

Главным городом Ассирии был Ассур, названный так в честь бога Ассира, получившего в свою очередь это имя от главного города Ассу. Где здесь конец, где начало — древние народы по безграмотности разобраться не могли и не оставили никаких памятников, которые могли бы нам помочь в этом недоумении.

Ассирийские цари были очень воинственны и жестоки. Врагов своих поражали более всего своими именами, из которых Ассур-Тиглаф-Абу-Хериб-Назир-Нипал было самым коротеньким и простеньким. Собственно говоря, это было даже не имя, а сокращенная ласкательная кличка, которую за маленький рост дала юному царю его мамка.

Обычай же ассирийских крестин был таков: как только у царя рождался младенец мужского, женского или иного пола, сейчас же специально обученный писарь садился и, взяв в руки клинья, начинал писать на глиняных плитах имя новорожденного. Когда, истомленный трудом, писарь падал мертвым, его сменил другой и так дальше до тех пор, пока младенец не достигал зрелого возраста. К этому сроку все его имя считалось полностью и правильно написанным до конца.

Цари эти были очень жестоки. Громко выкликая свое имя, они, прежде чем завоеуют страну, уже рассаживали ее жителей на колья.

В ассирийские времена не только люди, но и львы не пренебрегали парикмахерскими щипцами

По сохранившимся изображениям современные ученые усматривают, что у ассирийян очень высоко стояло парикмахерское искусство, так как у всех царей бороды были завиты ровными, аккуратными локонами.

Если отнестись к этому вопросу еще серьезнее, то можно удивиться еще более, так как видно ясно, что в ассирийские времена не только люди, но и львы не пренебрегали парикмахерскими щипцами. Ибо зверей ассирияне изображают всегда с такими же завитыми в локоны гривами и хвостами, как и бороды их царей.

Поистине изучение образцов древней культуры может принести существенную пользу не толь-

ко людям, но и животным.

Последним ассирийским царем считается, выражаясь сокращенно, Ашур-Адон-Абан-Нипал. Когда его столицу осадили мидяне, хитрый Ашур велел на площади своего дворца развести костер; затем, сложив на него все свое имущество, влез наверх сам со всеми женами и, застраховавшись, сгорел дотла.

Раздосадованные враги поспешили сдаться.

Персы

На Иране жили народы, название которых оканчивалось на «яне»: бактрияне и мидяне, кроме персов, которые оканчивались на «сы».

Бактрияне и мидяне быстро утратили свое мужество и предались изнеженности, а у персидского царя Астиага родился внук Кир, основавший персидскую монархию.

О молодости Кира Геродот рассказывает трогательную легенду.

Однажды Астиагу приснилось, что из его дочери выросло дерево. Пораженный неприличностью этого сна, Астиаг велел магам разгадать его. Маги сказали, что сын дочери Астиага будет царствовать над целой Азией. Астиаг очень огорчился, так как желал для своего внука более скромной судьбы.

— И через золото слезы льются! — сказал он и поручил своему придворному придушить младенца.

Придворный, которому было и своего дела по горло, передоверил это дельце одному знакомому пастуху. Пастух же, по необразованности и халатности, все перепутал и, вместо того чтобы придушить, стал ребенка воспитывать.

Когда ребенок подрос и начал играть со сверстниками, то велел однажды выпороть сына одного вельможи. Вельможа пожаловался Астиагу. Астиаг заинтересовал-

ся широкой натурой ребенка. Побеседовав с ним и освидетельствовав пострадавшего, он воскликнул:

— Это Кир! Так пороть умеют только в нашем семействе.

И Кир упал в объятия деда.

Войдя в возраст, Кир победил царя лидийского Креза и стал его жарить на костре. Но во время этой процедуры Крез вдруг воскликнул:

— О, Солон, Солон, Солон!

Это очень удивило мудрого Кира.

— Подобных слов, — признался он друзьям, — я еще никогда не слышал от жарившихся.

Он поманил Креза к себе и стал расспрашивать, что это значит.

Тогда Крез рассказал, что его посетил греческий мудрец Солон. Желая пустить мудрецу пыль в глаза, Крез показал ему свои сокровища и, чтобы подразнить, спросил Солона, кого он считает самым счастливым человеком на свете.

Если б Солон был джентльменом, он, конечно, сказал бы «вас, ваше величество». Но мудрец был человек простоватый, из недалеких, и ляпнул, что «прежде смерти никто не может сказать про себя, что счастлив».

Так как Крез был царь развитой не по летам, то тотчас понял, что после смерти вообще люди редко разговаривают, так что и тогда похвастаться своим счастьем не придется, и очень на Солона обиделся.

История эта сильно потрясла слабонервного Кира. Он извинился перед Крезом и не стал его дожаривать.

После Кира царствовал сын его Камбиз. Камбиз пошел воевать с эфиопами, зашел в пустыню и там, сильно страдая от голода, съел мало-помалу все свое войско. Поняв трудность подобной системы, он поспешил воротиться в Мемфис. Там в это время праздновали открытие нового Аписа.

При виде этого здорового, откормленного быка отощавший на человечине царь кинулся на него и собственноручно приколот, а заодно и брата своего Смердиза, который вертелся под ногами.

Этим воспользовался один ловкий маг и, объявив себя Лжесмердизом, немедленно начал царствовать. Персы ликovali:

— Да здравствует наш царь Лжесмердиз! — кричали они.

В это время царь Камбиз, окончательно помешавшийся на говядине, погиб от раны, которую нанес себе сам, желая отведать собственного мяса.

Так умер этот мудрейший из восточных деспотов.

После Камбиза царствовал Дарий Гистасп, который прославился походом на скифов.

Скифы были очень храбры и жестоки. после сражения устраивали пиршества, во время которых пили и ели из черепов свежесбитых врагов.

Однажды Астиагу приснилось, что из его дочери выросло дерево

Скифы после сражения устраивали пиршества

Те из воинов, которые не убили ни одного врага, не могли принимать участия в пиршестве за неимением своей посуды и наблюдали издали за торжеством, терзаемые голодом и угрызениями совести.

Узнав о приближении Дария Гистаспа, скифы послали ему лягушку, птицу, мышь и стрелу.

Этими незатейливыми дарами они думали смягчить сердце грозного врага.

Но дело приняло совсем другой оборот.

Один из воинов Дария Гистаспа, которому сильно надоело болтаться за своим повелителем по чужим землям, взялся истолковать истинное значение скифской посылки.

— Это значит, что если вы, персы, не будете летать, как птицы, грызть, как мышь, и прыгать, как лягушка, то не вернетесь к себе домой вовеки.

Дарий не умел ни летать, ни прыгать. Он перепугался до смерти и велел поворачивать оглобли.

Дарий Гистасп прославился не только этим походом, но и столь же мудрым правлением, которое он вел с таким же успехом, как и военные предприятия.

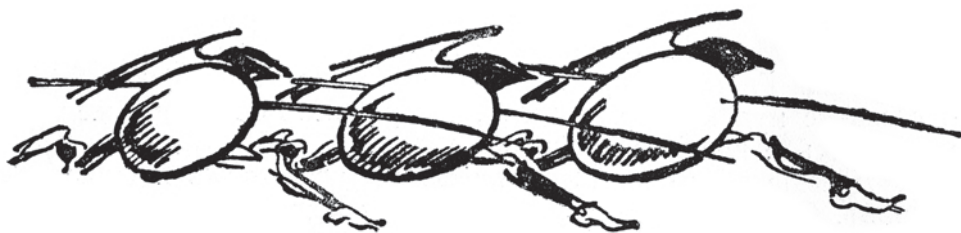
Древние персы вначале отличались мужеством и простотою нравов. Сыновей своих учили трем предметам:

- 1) ездить верхом;
- 2) стрелять из лука и
- 3) говорить правду.

Молодой человек, не сдавший экзамена по всем этим трем предметам, считался неучем и не принимался на государственную службу.

Но мало-помалу персы стали предаваться изнеженному образу жизни. Перестали ездить верхом, забыли, как нужно стрелять из лука, и, праздно проводя время, резали правду-матку. Вследствие этого огромное Персидское государство стало быстро приходить в упадок.

Прежде персидские юноши ели только хлеб и овощи. Развратясь, они потребовали супу (330 г. до Р. Х.). Этим воспользовался Александр Македонский и завоевал Персию.

ГРЕЦИЯ

Греция занимает южную часть Балканского полуострова.

Сама природа разделила Грецию на четыре части:

- 1) северную, которая находится на севере;
- 2) западную — на западе;
- 3) восточную — не востоке и, наконец,
- 4) южную, занимающую юг полуострова.

Это оригинальное деление Греции издавна привлекало к ней взоры всей культурной части населения земного шара.

В Греции жили так называемые «греки».

Говорили они на мертвом языке и предавались сочинению мифов о богах и героях.

Любимый герой греков был Гераклес, прославившийся тем, что вычистил Авгиевы конюшни и тем подал грекам незабываемый пример чистоплотности. Кроме того, этот аккуратник убил свою жену и детей.

Вторым любимым героем греков был Эдип, который по рассеянности убил своего отца и женился на своей матери. От этого по всей стране сделалась моровая язва и все открылось. Эдипу пришлось выколоть себе глаза и отправиться путешествовать с Антигоной.

В южной Греции был создан миф о Троянской войне, или «Прекрасная Елена» в трех действиях с музыкой Оффенбаха.

Дело было вот как: у царя Менелая (комик буфф) была жена, прозванная за красоту и за то, что носила платье с разрезом, Прекрасной Еленой. Ее похитил Парис, что Менелая очень не понравилось. Тогда началась Троянская война.

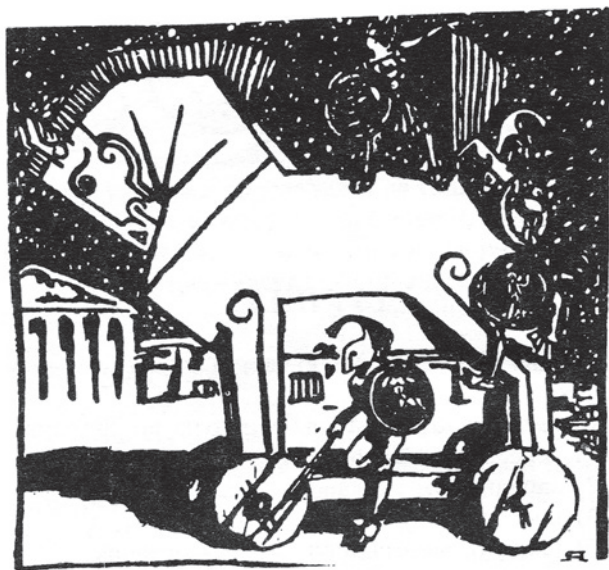
Война была ужасна. Менелай оказался совсем без голоса, а все прочие герои врали нещадно.

Тем не менее война эта осталась в памяти благодарного человечества; так, например, фраза жреца Калхаса: «Слишком много цветов» цитируется до сих пор многими фельетонистами не без успеха.

Кончилась война благодаря вмешательству хитроумного Одиссея. Чтоб дать возможность воинам пробраться в Трою, Одиссей сделал деревянного коня и посадил в него воинов, а сам ушел. Трояне, утомленные долгой осадой, не прочь были поиграть деревянной лошадкой, за что и поплатились. В самый разгар игры из лошади вылезли греки и завоевали беспечных врагов.

После разрушения Трои греческие герои вернулись домой, но не на радость себе. Оказалось, что жены их за это время выбрали себе новых героев и предавались измене мужьям, которых и убили немедленно после первых рукопожатий.

Хитроумный Одиссей, предвидя все это, не вернулся прямо домой, а сделал небольшой крюк в десять лет, чтобы дать время жене своей Пенелопе

*Из лошади вылезли греки и завоевали
беспечных врагов*

приготовиться к встрече с ним.

Верная Пенелопа ждала его, коротая время со своими женихами.

Женихам очень хотелось на ней жениться, но она рассудила, что гораздо веселее иметь тридцать женихов, чем одного мужа, и надувала несчастных, оттягивая день свадьбы. Днем Пенелопа ткала, ночью поролотканное, а заодно и сына своего Телемаха. История эта кончилась трагически: Одиссей вернулся.

«Илиада» изображает нам военную сторону греческой жизни. «Одиссея» рисует бытовые картины и общественные нравы.

Обе эти поэмы считаются произведениями слепого певца Гомера, имя которого пользовалось в древности столь большим уважением, что семь городов оспаривали честь быть его родиной. Какая разница с судьбой современных нам поэтов, от которых часто не прочь отказаться собственные родители!

На основании «Илиады» и «Одиссеи» о героической Греции мы можем сказать следующее.

Народонаселение Греции разделялось на:

- 1) царей;
- 2) воинов и
- 3) народ.

Каждый исполнял свою функцию.

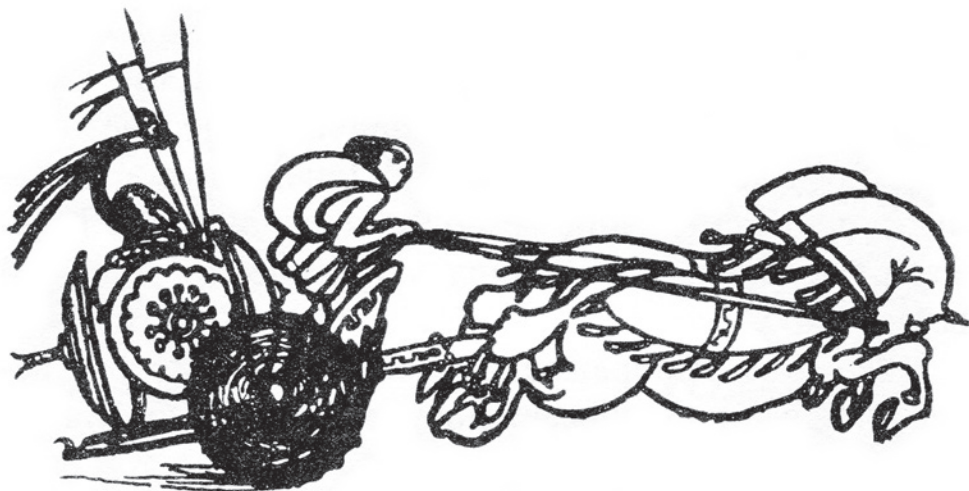
Царь царствовал, воины сражались, а народ «смешанным гулом» выражал свое одобрение или неодобрение двум первым категориям.

Царь, обыкновенно человек небогатый, производил свой род от богов (слабое утешение при пустом казначействе) и поддерживал свое существование более или менее добровольными подарками.

Знатные мужи, окружающие царя, также производили свой род от богов, но уже в более отдаленной степени, так сказать, седьмая вода на киселе.

На войне эти знатные мужи выступали впереди остального войска и отличались пышностью своего вооружения. Сверху их закрывал шлем, посредине панцирь и со всех сторон щит. Одетый таким образом, знатный муж ехал в бой на парной колеснице с кучером — спокойно и уютно, как в трамвае.

Сражались все врассыпную, каждый за себя, поэтому, даже побежденные, могли много и красноречиво рассказывать о своих военных подвигах, которых никто не видал.

Знатный муж ехал в бой на парной колеснице с кучером — спокойно и уютно, как в трамвае

Кроме царя, воинов и народа, были в Греции еще и рабы, состоящие из бывших царей, бывших воинов и бывшего народа.

Положение женщины у греков было завидное по сравнению с положением ее у восточных народов.

На греческой женщине лежали все заботы о домашнем хозяйстве, пряденье, тканье, мытье белья и прочие разнообразные хлопоты домоводства, тогда как восточные женщины принуждены были проводить время в праздности и гаремных удовольствиях среди докучной роскоши.

Религия греков была политическая, причем боги находились в постоянном общении с людьми, а во многих семьях бывали часто и совсем запросто. Иногда боги вели себя легкомысленно и даже неприлично, повергая выдумавших их людей в горестное недоумение.

В одном из древнегреческих молитвенных песнопений, дошедших до наших дней, мы явно слышим скорбную ноту:

Неужели же, боги,
Это вас веселит,
Когда наша честь
Кувырком, кувырком
Полетит?!

Понятие о загробной жизни было у греков весьма смутное. Тени грешников отсылались в мрачный Тартар (по-русски — в тартарары). Праведники блаженствовали в Элизиуме, но настолько скудно, что сведущий в этих делах Ахиллес признался откровенно: «Лучше быть на земле поденщиком бедняка, чем царствовать над всеми тенями мертвых». Рассуждение, поразившее своей меркантильностью весь древний мир.

Будущее свое греки узнавали посредством оракулов. Наиболее почитаемый оракул находился в Дельфах. Здесь жрица, так называемая Пифия, садилась на так назы-

ваемый треножник (не следует смешивать ее со статуей Мемнона) и, придя в исступление, произносила бессвязные слова.

Греки, избалованные плавной речью с гекзаметрами, стекались со всех концов Греции послушать бессвязные слова и перетолковать их по-своему.

Судились греки в Амфикионовом судилище.

Судилище собиралось два раза в год; весенняя сессия была в Дельфах, осенняя — в Фермопилах.

Каждая община посылала в судилище двух присяжных. Присягу эти присяжные придумали очень хитрую. Вместо того чтобы обещать судить по совести, взятку не брать, душой не кривить и родственников не выгораживать, они давали следующую присягу: «Клянусь никогда не разрушать города, принадлежащие к союзу Амфикионову, и никогда не лишать его текучей воды ни в мирное, ни в военное время».

Только и всего!

Но это показывает, какой нечеловеческой силой обладал древнегреческий присяжный. Какому-нибудь даже самому завалющему из них ничего не стоило разрушить город или остановить текущую воду. Поэтому понятно, что осторожные греки не приставали к ним с клятвами взяток и прочей ерунды, а старались обезвредить этих зверей в главнейшем.

Летоисчисление свое греки вели по самым главным событиям своей общественной жизни, то есть по Олимпийским играм. Игры эти заключались в том, что древнегреческие юноши состязались в силе и ловкости. Все шло как по маслу, но тут Геродот затеял во время состязаний читать вслух отрывки из своей истории. Поступок этот возымел надлежащее действие; атлеты расслабли, публика, ломившаяся доселе на Олимпиаду как бешеная, отказалась идти туда даже за деньги, которые щедро сулил ей честолюбивый Геродот. Игры прекратились сами собой.

Спарта

Лакония составляла юго-восточную часть Пелопоннеса и получила свое название от манеры тамошних жителей выражаться лаконически.

Летом в Лаконии было жарко, зимою холодно. Это необычайная для других стран система климата, по свидетельству историков, способствовала развитию жестокости и энергии в характере жителей.

Главный город Лаконии без всякой причины назывался Спартой.

В Спарте был ров, наполненный водою, чтобы жители могли упражняться в сбрасывании друг друга в воду. Сам город не был огражден стенами: мужество граждан должно было служить ему защитой. Это, конечно, стоило местным отцам города дешевле самого плохого частоколышки. Спартанцы, хитрые по природе, устроили так, что у них царствовали всегда два царя зараз. Цари грызлись между собою, оставляя народ в покое. Конец этой вакханалии положил законодатель Ликург.

Ликург был царского рода и опекал своего племянника.

При этом он все время тыкал всем в глаза своей справедливостью. Когда терпение окружающих, наконец, лопнуло, Ликургу посоветовали отправиться путешествовать. Думали, что путешествие разовьет Ликурга и так или иначе повлияет на его справедливость.

Но, как говорится, вместе тошно, а врозь скучно. Не успел Ликург освежиться в обществе египетских жрецов, как соотечественники потребовали его возвращения. Ликург вернулся и утвердил в Спарте свои законы.

После этого, опасаясь слишком горячей благодарности со стороны экспансивного народа, он поспешил сам себя уморить голодом.

— Зачем предоставлять другим то, что можешь сделать сам! — были его последние слова.

Спартанцы, увидя, что с него взятки гладки, стали воздавать его памяти божеские почести.

Население Спарты делилось на три сословия: спартиатов, периэков и илотов.

Спартиаты были местные аристократы, занимались гимнастикой, ходили голые и вообще задавали тон.

Периэкам гимнастика была запрещена. Вместо того они платили подати.

Хуже всех приходилось илотам, или, по выражению местных остряков, «недоэкам». Они обрабатывали поля, ходили воевать и часто восставали на своих господ. Последние, чтобы склонить их на свою сторону, придумали так называемую криптию, то есть, попросту, в известный час убивали всех встречаемых илотов. Это средство быстро заставило илотов одуматься и зажить в полном довольстве.

Спартанские цари пользовались большим уважением, но небольшим кредитом. Народ верил им только на месяц, затем заставлял снова присягать законам республики.

Так как в Спарте царствовало всегда два царя и была притом еще и республика, то все это вместе называлось республикой аристократической.

По законам этой республики спартанцам был предписан самый скромный по их понятиям образ жизни. Например, мужчины не имели права обедать дома; они собирались веселой компанией в так называемых ресторанах — обычай, соблюдаемый многими людьми аристократической складки и в наше время как пережиток седой старины.

Любимое кушанье их составляла черная похлебка, приготовлявшаяся из свиного отвара, крови, уксуса и соли. Похлебку эту, как историческое воспоминание славного прошлого, и доселе еще готовят у нас в греческих кухмистерских, где она известна под названием «брандахлыста».

В одежде спартанцы были также очень скромны и просты. Только перед битвою наряжались они в более сложный туалет, состоявший из венка на голове и флейты в правой руке. В обычное же время отказывали себе в этом.

Воспитание детей

Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими.

Образование они получали самое основательное: их учили не кричать во время порки. В двадцать лет спартиат сдавал экзамен по этому предмету на аттестат зрелости. В тридцать лет он делался супругом, в шестьдесят освобождался от этой обязанности.

Девушки спартанские занимались гимнастикой и были столь прославлены своей скромностью и добродетелью, что везде богатые люди старались наперерыв заполучить спартанскую девушку в кормилицы для своих детей.

Скромность и уважение к старшим было первым долгом молодых людей.

Самым неприличным у спартанского молодого человека считались его руки. Если он был в плаще, он прятал руки под плащ. Если он был голым, то засовывал их куда ни попало: под скамейку, под куст, под собеседника или, наконец, садился на них сам (900 г. до Р. Х.).

*Лэна откусила
себе язык*

Они с детства приучались говорить лаконически, то есть коротко и сильно. На длинную витиеватую ругань врага спартанец отвечал только: «От дурака слышу».

Женщина в Спарте пользовалась уважением, и ей разрешалось изредка тоже поговорить лаконически, чем она пользовалась, воспитывая детей и заказывая обед кухарке-илотке. Так, одна спартанка, отдавая щит сыну, сказала лаконически: «С ним или на нем». А другая, отдавая кухарке петуха для жарения, сказала лаконически: «Пережаришь — вздую».

Как высокий пример мужественности спартанской женщины приводится следующая история.

Однажды женщина по имени Лэна, зная о противозаконном заговоре, чтобы не выдать случайно имени заговорщиков, откусила себе язык и, выплюнув его, сказала лаконически:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я, нижеподписавшаяся спартанская женщина, имею честь сказать вам, что если вы думаете, что мы, спартанские женщины, способны на низкие поступки, как-то:

- а) доносы,
- б) сплетню,
- в) выдачу своих сообщников и
- г) клевету,

то вы сильно ошибаетесь и ничего подобного от меня не дождетесь. И пусть странник передаст Спарте, что я выплюнула здесь свой язык, верная законам о гимнастике своего отчества.

Ошеломленные враги вставили в Лэну еще одно «э», и она стала Лээна, что значит «львица».

Упадок Спарты

Постоянное купанье и лаконический разговор сильно ослабили умственные способности спартанцев, и они значительно отстали в развитии от других греков, которые за любовь к гимнастике и спорту прозвали их «спортанцами».

Спартанцы воевали с мессенянами и однажды так труслили, что послали за помощью к афинянам. Те, вместо воинских орудий, прислали им в помощь поэта Тиртея, заряженного собственными стихами. Услышав его декламацию, враги дрогнули и обратились в бегство. Спартанцы овладели Мессенией и завели у себя гегемонию.

Афины

Вторая знаменитая республика была Афины, оканчивавшаяся мысом Суний.

Богатые залежи мрамора, годного для памятников, естественно, породили в Афинах славных мужей и героев.

Все горе Афин — республики в высшей степени аристократической — заключалось в том, что жители ее делились на филы, димы, фратрии и подразделялись на паралиев, педиаков и диакариев. Кроме того, они делились еще и на эвпатридов, геомаров, демиургов и разную мелочь.

Все это вызывало в народе постоянные волнения и смуты, которыми пользовались верхи общества, разделявшиеся на архонтов, эпонимов, базилиевсов, полемархов и тесмотетов, и угнетали народ.

Один богатый эвпатрид Пилон попытался уладить дело. Но афинский народ отнесся столь недоверчиво к его начинаниям, что Пилон, по примеру прочих греческих законодателей, поспешил отправиться путешествовать.

Солон

Солон, человек небогатый и занимавшийся торговлею, приобрел опытность в путешествиях и потому, не опасаясь дурных для себя последствий, задумал облагодетельствовать страну, написав для нее прочные законы.

Чтобы заслужить доверие граждан, он притворился сумасшедшим и стал писать стихи про остров Саламин, о котором в порядочном греческом обществе говорить было не принято, так как остров этот с большим конфузом для афинян был завоеван Мегарой.

Прием Солона имел успех, и ему поручили составление законов, чем он и воспользовался очень широко, подразделив жителей, кроме всего прочего, еще на пен-такозиомедимнов, зеогитов и тетов (знаменитых тем, что «роскошные бриллианты, стоящие четыре рубля, продают за один рубль только еще неделю»).

На семейный быт Солон также обратил серьезное внимание. Он запретил невесте приносить мужу в приданое более трех платьев, зато потребовал от женщины скромности уже в количестве неограниченном.

Юноши афинские до шестнадцати лет воспитывались дома, а войдя в зрелый возраст, занимались гимнастикой и умственным образованием, которое было столь легко и приятно, что даже называлось музыкой.

Кроме вышеизложенного, афинским гражданам вменялось в строгую обязанность почитать родителей; при избрании гражданина на какую-либо высокую государственную должность закон предписывал навести предварительную справку, почитает ли он родителей и не ругает ли их, и если ругает, то какими именно словами.

Человек, претендовавший на чин древнегреческого статского советника, должен был выправить свидетельство и о почтительности в отношении своих теток и своячениц. Это порождало массу неудобств и затруднений для замыслов честолюбивого человека. Сплошь и рядом человек принужден был отказываться от министерского портфеля благодаря капризу какого-нибудь старого дядьки, торгующего на базаре гнилым рахат-лукумом. Тот покажет, что его недостаточно уважали, и всей карьере капут.

Кроме того, высшие власти должны были постоянно справляться, чем занимаются граждане, и наказывать людей праздных. Часто случалось, что полгорода сидело без сладкого блюда. Вопли несчастных не поддавались описанию.

Пизистрат и Клисфен

Утвердив свои законы, Солон не замедлил отправиться путешествовать.

Отсутствием его воспользовался его же родственник, местный аристократ Пизистрат, который стал тиранить Афины при помощи своего красноречия.

Вернувшийся Солон тщетно уговаривал его одуматься. Растиранившийся Пизистрат не слушал никаких доводов и делал свое дело.

Прежде всего он заложил в Ломбардии храм Зевса и умер, не внеся процентов.

После него унаследовали власть сыновья его Гиппий и Гиппарх, названные так в честь знакомых лошадей (526 г. до Р. Х.). Но их вскоре частью убили, частью изгнали из отечества.

Тут выдвинулся Клисфен — глава народной партии — и заслужил доверие граждан, разделив их на десять фил (вместо прежних четырех!) и каждую филу на димы. Мир и спокойствие не замедлили воцариться в измученной смутами стране.

Кроме того, Клисфен придумал способ отделяться от неприятных граждан посредством тайной подачи голосов, или остракизма. Чтобы благодарный народ не успел испробовать это симпатичное нововведение на его же спине, мудрый законодатель отправился путеше-

*Пизистрат заложил в Ломбардии
храм Зевса*

ествовать.

Постоянно делясь на филы, димы и фратии, Афины быстро ослабели, как ослабела Спарта, не делясь ровно никак.

«Куда ни кинь — все клин!» — вздыхали историки.

Остальная Греция

Второстепенные греческие государства шли тою же стезей.

Монархии мало-помалу сменялись более или менее аристократическими республиками. Но и тираны тоже не зевали и время от времени захватывали в руки вер-

ховную власть и, отвлекая от себя внимание народа постройками общественных зданий, упрочивали свое положение, а затем, потеряв последнее, отправлялись путешествовать.

Спарта скоро поняла свое неудобство двух единовременных царей. Во время войны цари, желая выслужиться, оба отправлялись на поле битвы. и если при этом их обоих убивали, то народу приходилось приниматься снова за смуты и междоусобия, выбирая новую пару.

Если же на войну отправлялся только один царь, то второй пользовался случаем, чтобы выкурить своего собрата окончательно и завладеть Спартой безраздельно.

Было от чего потерять голову.

Колонии

Необходимость для законодателей путешествовать после утверждения каждого нового закона очень оживила Грецию.

Целые толпы законодателей посещали то одну, то другую соседнюю страну, устраивая нечто вроде современных нам экскурсий сельских учителей.

Окрестные страны шли навстречу законодательским нуждам. Они выдавали удешевленные круговые билеты (Rundreise), делали скидки в гостиницах. Соединенная лодочная компания с ограниченной ответственностью «Мемфис и Меркурий» возила экскурсантов совсем даром и только просила не скандалить и не сочинять во время пути новых законов.

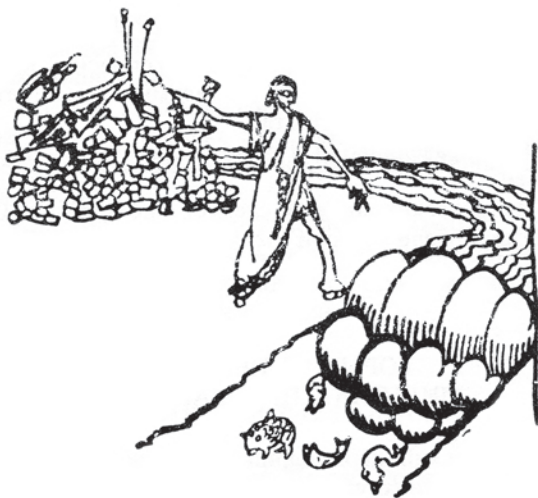
Таким образом греки познакомились с соседними местностями и устраивали себе колонии.

Поликрат и рыбы штуки

На острове Самосе прославился тиран Поликрат, которого допекали морские рыбы. Какую бы дрянь ни бросил Поликрат в море, рыбы немедленно вытаскивали ее наружу в собственных животах.

Раз он бросил в воду крупную золотую монету. На другое же утро ему подали на завтрак жареную семгу. Тиран с жадностью разрезал ее. О ужас! В рыбе лежал его золотой с процентами за одни сутки из двенадцати годовых.

Все это окончилось крупным несчастьем. По словам историков, незадолго до своей смерти тиран был убит персидским сатрапом.

Какую бы дрянь ни бросил Поликрат в море, рыбы немедленно вытаскивали ее наружу в собственных животах

Безумец Герострат

Город Эфес был знаменит своим храмом богини Артемиды. Храм этот сжег Герострат, чтобы прославить свое имя. Но греки, узнав, с какою целью было сделано ужасное преступление, решили в наказание предать забвению имя преступника.

Для этого были наняты специальные глашатаи, которые в продолжение многих десятков лет разъезжали по всей Греции и объявляли следующее распоряжение: «Не смейте помнить имя безумного Герострата, сжегшего из честолюбия храм богини Артемиды».

Греки так хорошо знали этот наказ, что можно было любого их ночью разбудить и спросить: «Кого ты должен забыть?» И он, не задумываясь, ответил бы: «Безумного Герострата».

Так справедливо был наказан преступный честолюбец.

Из греческих колоний следует еще отметить Сиракузы, жители которой славились слабостью духа и тела.

Борьба с персами. Мильтиад при Марафоне

Персидский царь Дарий очень любил воевать. В особенности хотелось ему победить афинян. Чтобы не забыть как-нибудь в домашних хлопотах об этих своих врагах, он сам себя раздраживал. Каждый день за обедом прислуга забывала поставить что-нибудь на стол: то хлеб, то соль, то салфетку. Если Дарий делал замечание нерадивым слугам, те хором отвечали ему по его же научению: «А ты, Дарьюшка, помнишь ли об афинянах?...»

Раздразнив себя до исступления, Дарий послал зятя своего Мардония с войсками завоевать Грецию. Мардоний был разбит и отправился путешествовать, а Дарий набрал новое войско и послал его на Марафон, не сообразив, что на Марафоне водится Мильтиад. О последствиях этого поступка распространяться не будем.

Все греки прославляли имя Мильтиада. Тем не менее жизнь свою пришлось Мильтиаду окончить смертью. При осаде Пароса он был ранен, и за это сограждане приговорили его к штрафу под тем предлогом, что он-де неосторожно обращался со своей кожей, которая принадлежит отечеству.

Не успел Мильтиад закрыть глаза, как в Афинах уже возвысились два мужа — Фемистокл и Аристид.

Фемистокл прославился тем, что лавры Мильтиада не давали ему спать (483 г. до Р. Х.). Злые афинские языки уверяли, что просто он прогуливал все ночи напролет и свалил все на лавры. Ну да бог с ним. Кроме того, Фемистокл знал по имени и отчеству всех именитых граждан, что весьма льстило последним. Письма Фемистокла ставились в образец афинскому юношеству: «...И еще кланяюсь папеньке моему Олигарху Кимоновичу, и тетеньке Матроне Анемподистовне, и племяннику нашему Каллимаху Мардарионовичу т. д. и т. п.».

Аристид же предавался исключительно одной справедливости, но столь рьяно, что возбудил законное негодование в согражданах и при помощи ostracism отправился путешествовать.

Леонид при Фермопилах

Царь Ксеркс, преемник Дария Гистаспа, пошел на греков с несметным (тогда еще не умели делать предварительной сметы) войском. Навел мосты через Геллеспонт, но буря их разрушила. Тогда Ксеркс высек Геллеспонт, и в море тотчас водворилось спокойствие. После этого розгосечение было введено во всех учебных заведениях.

Ксеркс подошел к Фермопилам. У греков как раз был в это время праздник, так что заниматься пустяками было некогда. Отправили только спартанского царя Леонида с дюжиной молодцов, чтоб защитить проход.

Ксеркс послал к Леониду с требованием выдать оружие. Леонид ответил лаконически: «Приди и возьми».

Персы пришли и взяли.

Ксеркс высек море

Саламин

Вскоре произошло сражение при Саламине. Ксеркс наблюдал за битвой, сидя на высоком троне.

Увидя, как колотят его персов, восточный деспот кубарем свалился с трона и, потеряв мужество (480 г. до Р. Х.), воротился в Азию.

Затем произошла битва у города Платеи. Оракулы предсказали поражение тому войску, которое первое вступит в бой. Войска стали выжидать. Но спустя десять дней раздался характерный треск. Это лопнуло терпение Мардония (479 г. до Р. Х.), и он начал сражение и был разбит наголову и на прочие части тела.

Времена гегемонии

Благодаря проискам Фемистокла гегемония перешла к афинянам. Афиняне посредством остракизма отправили этого любителя гегемоний путешествовать. Фемистокл пошел к персидскому царю Артаксерксу. Тот дал ему большие подарки в надежде воспользоваться его услугами. Но Фемистокл низко обманул доверие деспота. Он принял подарки, но вместо того, чтобы служить, преспокойно отравился.

Вскоре умер и Аристид. Республика похоронила его по первому разряду и дала его дочерям солоновское приданое: три платья и скромность.

Перикл

После Фемистокла и Аристиды в Афинской республике на первый план выступил Перикл, который умел живописно носить свой плащ.

Это сильно подняло эстетические стремления афинян. Под влиянием Перикла город украсили статуями и в домашний быт греков проникла пышность. Ели они без ножей и вилок, причем женщины не присутствовали, так как зрелище это считалось нескромным.

Почти у каждого человека за обеденным столом сидел какой-нибудь философ. Слушать философские рассуждения за жарким считалось столь же необходимым для древнего грека, как для наших современников румынский оркестр.

Перикл покровительствовал наукам и ходил к гетере Аспазии заниматься философией.

Вообще философы, даже если они и не были гетерами, пользовались большим почетом. Изречения их записывались на колоннах храма Аполлона в Дельфах.

Лучшее из этих изречений — философа Биаса: «Не делай многих дел», подержавшее многих лентяев на их природном пути, и философа Фалеса Милетского: «Поручительство принесет тебе заботу», о котором многие вспоминают, дрожащею рукою ставя свой бланк на дружеском векселе.

Перикл умер от моровой язвы. Друзья, собравшиеся у его смертного одра, громко перечисляли его заслуги. Перикл сказал им:

— Вы позабыли самое лучшее: «В жизни своей я никого не заставлял носить траурное платье».

Этими словами блестящий красноречивец хотел сказать, что никогда в жизни он не умирал.

Алкивиад

Алкивиад был известен разгульным образом жизни и, чтоб заслужить доверие граждан, обрубил хвост своей собаке.

Тогда афиняне, как один человек, поручил Алкивиаду начальство над флотом. Алкивиад уже отправился на войну, когда его вернули, заставляя сначала отсидеть за учиненный им перед отъездом уличный скандал. Он бежал в Спарту, потом раскаялся и бежал снова в Афины, потом раскаялся в необдуманном раскаянии и снова бежал в Спарту, потом опять в Афины, потом к персам, потом в Афины, потом снова в Спарту, из Спарты в Афины.

Он бегал как сумасшедший, развивая невероятную скорость и сокрушая все на своем пути. Бесхвостая собака еле поспевала за ним и на пятнадцатом перегоне сдохла (412 г. до Р. Х.). Над ней стоит памятник, на котором спартанцы начертали лаконически: «Странник, я сдохла».

Долго еще носился Алкивиад как бешеный из Спарты в Афины, из Афин к персам. Несчастного пришлось пристрелить из жалости.

Алкивиад бегал как сумасшедший, и бесхвостая собака еле поспевала за ним

Сократ

Однажды у афинского ваятеля неожиданно родился сын, прозванный за мудрость и любовь к философии Сократом. Сократ этот не обращал внимания на холод и жару. Но не такова была его жена Ксантиппа. Грубая и необразованная женщина мерзла во время холода и распаривалась от жары. Философ относился к недостаткам жены с невозмутимым хладнокровием. Однажды, рассердившись на мужа, Ксантиппа вылила ему ведро с помоями на голову (397 г. до Р. Х.).

Сограждане приговорили Сократа к смерти. Ученики советовали маститому философу отправиться лучше путешествовать. Но тот отказался за старость лет и стал пить цикуту, пока не умер.

Многие уверяют, что Сократа нельзя ни в чем винить, потому-де, что он весь целиком был выдуман своим учеником Платоном. Другие замешивают в эту историю и жену его Ксантиппу (398 г. до Р. Х.).

Македония

В Македонии жили македонцы. Царь их Филипп Македонский был умный и ловкий правитель. В непрерывных военных предприятиях он потерял глаза, грудь, бок, руки, ноги и горло. Часто трудные положения заставляли его терять и голову, так что храбрый воитель оставался совсем налегке и управлял народом при помощи одной грудобрюшной преграды, что, однако, не могло остановить его энергии.

Филипп Македонский задумал покорить Грецию и начал свои происки. Против него выступил оратор Демосфен, который, набрав в рот мелких камушков, убедил греков противиться Филиппу, после чего набрал в рот воды. Этот способ объясняется называется филиппиками (346 г. до Р. Х.).

Сын Филиппа был Александр Македонский. Хитрый Александр родился нарочно как раз в ту ночь, когда сжег храм безумный грек Герострат; сделал он это для того, чтоб присоединиться к Геростратовой славе, что ему и удалось вполне.

Александр с детства любил роскошь и излишества и завел себе Буцефала.

Одержав много побед, Александр впал в сильное самовластие. Однажды друг его Клит, спасший ему когда-то жизнь, упрекнул его в неблагодарности. Чтoб доказать противное, Александр немедленно собственноручно убил несправедливца.

Вскоре после этого он убил еще кое-кого из своих друзей, боясь упреков в неблагодарности. Та же участь постигла полководца Пармениона, сына его Филона, философа Каллисфена и многих других. Эта невоздержанность в убийении друзей подорвала здоровье великого завоевателя. Он впал в неумеренность и умер значительно раньше своей смерти.

РИМ

Географический образ Италии

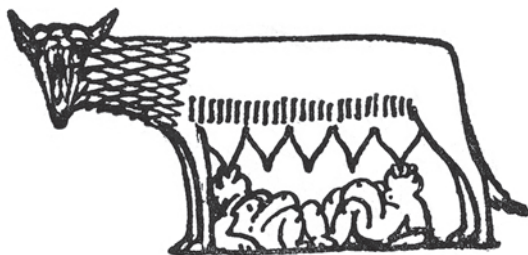
Италия по виду похожа на башмак с очень теплым климатом.

Начало Рима

В Алабалонге царствовал добродушный Нумитор, которого злой Амулий свергнул с престола. Дочь Нумитора, Рею Сильвию, отдали в весталки. Тем не менее Рея родила двух близнецов, которых записала на имя Марса, бога войны, благо с того взятки гладки. Рею за это зарыли в землю, а детей стал воспитывать не то пастух, не то

волчица. Здесь историки расходятся. Одни говорят, что их вскормил пастух молоком волчицы, другие — что волчица на пастушьем молоке. Мальчики росли и, подстрекаемые волчицей, основали город Рим.

Сначала Рим был совсем маленький — аршина в полтора, но затем быстро разросся и обзавелся сенаторами.

Волчица, кормящая Ромула и Рема

Ромул убил Рема. Сенаторы взяли Ромула живьем на небо и утвердили свою власть.

Общественные учреждения

Народ римский делился на патрициев, имевших право пользоваться общественными полями, и плебеев, получивших право платить подати.

Кроме того, были еще и пролетарии, о которых распространяться неуместно.

Братья Тарквиньевы и К⁰

В Риме последовательно сменилось несколько царей. Один из них — Сервий Туллий — был убит своим зятем Тарквинием, прославившимся своими сыновьями. Сыновья под фирмой «Братья Тарквиньевы и К⁰» отличались буйным характером и оскорбляли честь местных Лукреций. Недалекий отец гордился своими сыновьями, за что и был прозван Тарквинием Гордым.

В конце концов народ возмутился, изменил царскую власть и выгнал Тарквиния. Он всей фирмой отправился путешествовать. Рим сделался аристократической республикой.

Но Тарквиний долго не хотел примириться с своей долей и ходил на Рим войною. Ему удалось, между прочим, вооружить против римлян этрусского царя Порсену, но все дело испортил ему некто Муций Сцевола.

Муций решил убить Порсену и пробрался в его лагерь, но по рассеянности убил кого-то другого. Проголодавшись во время этого мероприятия, Муций начал готовить себе ужин, но вместо куска говядины по рассеянности сунул в огонь собственную руку.

Царь Порсена потянул носом (502 г. до Р. Х.): «Жареным пахнет!» Пошел на запах и открыл Муция.

— Что ты делаешь, несчастный?! — воскликнул потрясенный царь.

— Я готовлю себе ужин, — отвечал лаконически рассеянный молодой человек.

— Неужели ты будешь есть это мясо? — продолжал ужасаться Порсена.

— Разумеется, — с достоинством отвечал Муций, все еще не замечая своей ошибки. — Это любимый завтрак римских туристов.

Порсена пришел в замешательство и отступил с большими потерями.

Но Тарквиний не скоро успокоился. Он продолжал набег. Римлянам пришлось в конце концов оторвать от плуга Цинцинната. Эта мучительная операция дала хорошие результаты. Враг был усмирен.

Тем не менее войны с Тарквиньевыми сыновьями подорвали благосостояние страны. Плебеи обеднели, ушли на Священную гору и пригрозили, что выстроят свой собственный город, где каждый будет сам себе патриций. Их с трудом успокоили басней о желудке.

Между тем децемвиры написали законы на медных досках. Сначала на десяти, потом для прочности прибавили еще две.

Затем стали пробовать прочность этих законов, и один из законодателей оскорбил Виргинию. Отец Виргинии пытался поправить дело тем, что вонзил дочери нож в сердце, но и это не принесло пользы несчастной. Растерявшиеся плебеи опять ушли на Священную гору. Децемвиры отправились путешествовать.

*Царь Порсена потянул носом:
«Жареным пахнет!»*

Римские гуси и беглецы

Несметные полчища галлов двинулись на Рим. Римские легионы пришли в замешательство и, обратившись в бегство, спрятались в городе Веях, остальные римляне легли спать. Галлы воспользовались этим и полезли на Капитолий. И здесь они сделались жертвою своей необразованности. На Капитолии жили гуси, которые, услышав шум, стали гоготать.

— Увы нам! — сказал предводитель варваров, услышав это гоготание. — Вот уже римляне смеются над нашим поражением.

И тотчас же отступил с большими потерями, унося убитых и раненых.

Увидя, что опасность миновала, римские беглецы вылезли из своих Вей и, стараясь не смотреть на гусей (им было стыдно), сказали несколько бессмертных фраз о чести римского оружия.

После галльского нашествия Рим оказался сильно разоренным. Плебеи снова ушли на Священную гору и снова грозили построить свой город. Дело уладил Манлий Капитолийский, но не успел вовремя отправиться путешествовать и был сброшен с Тарпейской скалы.

Затем были изданы Лициниевы законы. Патриции долго не принимали новых законов, и плебеи много раз ходили на Священную гору слушать басню о желудке.

Царь Пирр

Пирр, царь эпирский, высадился в Италии с несметным войском под предводительством двадцати боевых слонов. В первой битве потерпели поражение римляне. Но царь Пирр остался этим недоволен.

— Что за честь, когда нечего есть! — воскликнул он. — Еще одна такая победа, и я останусь без войска. Не лучше ли потерпеть поражение, но иметь войско в полном сборе?

Слоны одобрили решение Пирра, и вся компания без особого труда была выгнана из Италии.

Пунические войны

Желая овладеть Сицилией, римляне вступили в борьбу с Карфагеном. Так началась первая война между римлянами и карфагенянами, прозванная для разнообразия пунической.

Первая победа принадлежала римскому консулу Дунлию. Римляне отблагодарили его по-своему: они постановили, чтобы его всюду сопровождал человек с зажженным факелом и музыкант, играющий на флейте. Эта почесть сильно стесняла Дунлию в его домашнем обиходе и любовных делах. Несчастный быстро впал в ничтожество.

Пример этот пагубно повлиял на других полководцев, так что во время второй пунической войны консулы из страха заслужить флейту с факелом мужественно отступали пред врагом.

Карфагеняне под предводительством Ганнибала пошли на Рим. Сципион, сын Публия (кто не знает Публия?), с таким пылом отразил пуническое нападение, что получил звание Африканского.

В 146 году Карфаген был разрушен и сожжен. Сципион, родственник Африканского, смотрел на пылающий Карфаген, думал о Риме и декламировал о Трое; так как это было очень сложно и трудно, то он даже заплакал.

Перемена нравов и Катон

Прочности Римского государства немало способствовала умеренность в образе жизни и твердость характера граждан. Они не стыдились труда, и пищу их составляли мясо, рыба, овощи, плоды, птица, пряности, хлеб и вино.

Но с течением времени все это изменилось, и римляне впали в изнеженность нравов. Многие вредные для себя переняли они от греков. Стали изучать греческую философию и ходить в баню (135 г. до Р. Х.).

Против всего этого восстал суровый Катон, но был уличен согражданами, заставшими его за греческим экстемпорале.

Марий и Сулла

На северных границах Италии появились несметные полчища кимвров. Спасать отечество пришел черед Марию и Сулле.

Марий был очень свиреп, любил простоту обихода, не признавал никакой мебели и сидел всегда прямо на развалинах Карфагена. Он умер в глубокой старости от чрезмерного пьянства.

Не такова была судьба Суллы. Храбрый полководец умер у себя в поместье от невоздержанной жизни.

Лукулл и Цицерон

Тем временем в Риме выдвинулся своими пирами проконсул Лукулл. Он угощал своих приятелей муравьиными языками, комариными носами, слоновьиими ногтями и прочею мелкою и неудобоваримую снедью и быстро впал в ничтожество.

Рим же едва не сделался жертвою большого заговора, во главе которого стоял обремененный долгами аристократ Катилина, задумавший захватить государство в свои руки.

Против него выступил местный Цицерон и стугил врага при помощи своего красноречия.

Народ был тогда неприхотлив, и на сердца слушателей действовали даже такие избитые фразы, как... „О темрога, о mores“. Цицерону поднесли чин «отца отечества» и приставили к нему человека с флейтою.

Юлий Цезарь и первый триумвират

Юлий Цезарь по рождению был человек образованный и привлекал к себе сердца людей.

Но под его наружностью скрывалось горячее честолюбие. Более всего хотелось ему быть первым в какой-нибудь деревне. Но достичь этого было очень трудно, и он пустил в ход различные происки, чтоб быть первым хоть в Риме. Для этого он всту-

*Юлий сказал: «Жребий брошен» —
и полез в воду*

пил в триумвират с Помпеем и Крассом и, удалившись в Галлию, стал завоевывать расположение своих солдат.

Красс вскоре погиб, и Помпей, мучимый завистью, потребовал возвращения Цезаря в Рим. Цезарь, не желая расставаться с завоеванным расположением солдат, повел последних с собою. Доехав до речки Рубикон, Юлий долго юлил (51–50 гг. до Р. Х.) перед нею, наконец, сказал: «Жребий брошен» — и полез в воду.

Помпей этого никак не ожидал и быстро впал в ничтожество.

Тогда против Цезаря выступил Катон, потомок того самого Катона, который был уличен за греческой грамматикой. Ему, как и его предку, сильно не повезло. Это было у них семейное. Он удалился в Утику, где и истек кровью.

Чтоб хоть чем-нибудь отличить его от предка, а заодно и почтить его память,

ему дано было прозвище Утического. Слабое утешение для семьи!

Диктатура и смерть Цезаря

Цезарь отпраздновал свои победы и сделался диктатором в Риме. Он сделал много полезного для страны. Прежде всего преобразовал римский календарь, который пришел в большой беспорядок от неточного времени, так что в иную неделю попадалось четыре понедельника подряд, и все римские сапожники допивались до смерти; а то вдруг пропадет месяца на два двадцатое число, и чиновники, сидя без жалования, впадали в ничтожество. Новый календарь назван был Юлианским и имел 365 последовательно чередовавшихся дней.

Народ был доволен. Но некто Юний Брут, Цезарев приживальщик, мечтавший завести семь пятниц на неделе, устроил заговор против Цезаря.

Жена Цезаря, видевшая зловещий сон, просила мужа не ходить в сенат, но друзья его сказали, что неприлично манкировать обязанностями из-за женских сновидений. Цезарь пошел. В сенате Кассий, Брут и сенатор по имени просто Каска напали на него. Цезарь завернулся в свой плащ, но, увы, и эта предосторожность не помогла.

Тогда он воскликнул: «И ты, Брут!» По свидетельству историка Плутарха, он при этом подумал: «Мало я тебя, свинью, благодетельствовал, что ты теперь на меня с ножом лезешь!»

Затем он упал к ногам Помпеевой статуи и умер в 44 г. до Р. Х.

Октавий и второй триумвират

В это время вернулся в Рим племянник и наследник Цезаря Октавий. Наследство, однако, успел прихватить друг Цезаря пылкий Антоний, оставив законному наследнику одну старую жилетку. Октавий был, по свидетельству историков, человеком небольшого роста, но тем не менее очень хитрым. Полученную им от пылкого Антония жилетку он немедленно употребил на подарки ветеранам Цезаря, чем и привлек их на свою сторону. Перепала малая толика и престарелому Цицерону, который принялся громить Антония теми же речами, которыми громил некогда Катилину. Опять выехало на сцену „О tempora, о mores“. Хитрый Октавий льстил старику и говорил, что почитает его за папеньку.

Используя старика, Октавий сбросил маску и вступил в союз с Антонием. К ним примазался еще некто Лепид, и образовался новый триумвират.

Пылкий Антоний вскоре попал в сети египетской царицы Клеопатры и впал в изнеженный образ жизни.

Этим воспользовался хитрый Октавий и пошел на Египет с несметными полчищами.

Клеопатра выплыла на своих кораблях и участвовала в сражении, смотря на Антония то зелеными, то фиолетовыми, то пурпурными, то желтыми глазами. Но во время битвы царица вспомнила, что забыла ключи от кладовой, и велела кораблям поворачивать носы домой.

Октавий торжествовал и сам себе назначил человека с флейтой.

Клеопатра же стала расставлять ему свои сети. Она послала служанку к пылкому Антонию со следующими словами: «Барыня приказала вам сказать, что оне померли». Антоний в ужасе пал на свой меч.

Клеопатра продолжала расставлять свои сети, но Октавий, несмотря на свой маленький рост, стойко отверг ее ухищрения.

Август

Октавий, получивший за все вышеизложенное название Августа, стал управлять государством неограниченно. Но царского титула он не принял.

— К чему? — сказал он. — Зовите меня сокращенно императором.

Август украсил город банями и послал полководца Вара с тремя легионами в Тевтобургский лес, где тот и потерпел поражение.

Август в отчаянии стал колотиться головой об стену, припевая: «Вар, Вар, отдай мне мои легионы».

В стене быстро образовалась так называемая «Варваринская брешь» (9 г. до Р. Х.), а Август промолвил:

— Еще одно такое поражение, и я останусь без головы.

Династия Августа предавалась пышности и быстро впала в ничтожество.

Калигула, сын Германика, превзошел своих предшественников в праздности. Ему было лень даже рубить головы своих подданных, и он мечтал, чтобы у всего человечества была одна голова, которую он мог бы наскоро оттяпать.

Этот ленивец находил, однако, время, чтобы мучить животных. Так, своего лучшего коня, на котором и сам ездил, и воду возил, он заставлял еще по вечерам заседать в сенате.

Калигула мечтал, чтобы у всего человечества была одна голова, которую он мог бы наскоро оттяпать

После его смерти (через посредство телохранителя) и люди и лошади вздохнули свободнее.

Унаследовавший престол дядя Калигулы Клавдий отличался слабостью характера. Воспользовавшись этим, приближенные исторгли у Клавдия смертный приговор для его жены — развратной Мессалины — и женили его на глубоко испорченной Агриппине. От этих жен был у Клавдия сын Британик, но наследовал престол Нерон, сын глубоко испорченной Агриппины от первого брака.

Юность свою Нерон посвятил истреблению родственников. Затем отдался искусству и постыдному образу жизни.

Во время пожара Рима он как всякий истый древний римлянин (грек тоже) не мог удержаться, чтобы не продекламировать пожар Трои. За что и был заподозрен в поджигательстве.

Кроме того, он пел столь фальшиво, что самые фальшивые души из придворных не могли порою вынести этого оскорбления барабанной перепонки. Бесстыдный козлетон под конец жизни затеял поехать на гастроли в Грецию, но тут возмутились даже ко всему привыкшие легионы, и Нерон с большим неудовольствием пронзил себя мечом. Погибая от отсутствия самокритики, тиран воскликнул: «Какой великий артист погибает».

После смерти Нерона наступили смуты, и в течение двух лет в Риме переменялось три императора: Гальба, убитый солдатом за скупость, Оттон, погибший от развратной жизни, и Вителлий, отличившийся за свое короткое, но славное царство непомерным обжорством.

Это разнообразие в монархии очень занимало римских солдат. Им весело было, встав поутру, справиться у взводного: «А кто, дяденька, у нас нынче царствует?»

Впоследствии возникло много путаниц, так как цари слишком часто сменялись, и случилось, что новый царь входил на престол, когда его предшественник не успел еще как следует умереть.

Выбирались цари солдатами на свой вкус и страх. Их брали за большой рост, за физическую силу, за умение сильно выражаться. Затем стали прямо торговать тронами и продавали его тому, кто больше даст. В «Римском вестнике» („Nuntius Romanus“) сплошь и рядом печатались объявления:

«Отдается дешево хороший трон, малодержанный, за сходную цену».

Или: «Ищу трон здесь или в провинции. Имею залог. Согласен в отъезд».

На воротах римских домов пестрели билетики:

«Сдается трон для одинокова. Спросить унтера Мардарьяна».

Рим несколько отдохнул во время царствования кроткого и путливого императора, прозванного Нервою, и снова впал в отчаянье, когда на трон влез Комод.

Комод обладал большой физической силой и решил выступать на борьбе в местном Фарсе.

В «Римской биржевке» („Bursiania Romana“) печатались инспирированные правительством статьи о подвигах Комода.

«...И вот массивная мебель катается клубком, сплетаясь с иллирийской ящерицей и награждая последнюю искромётными макаронами и двойными нельсонами».

Близкие люди поспешили отделаться от неудобного Комода. Его задушили.

Наконец, воцарился император Диоклетиан, двадцать лет подряд кротко сжигавший христиан. Это был его единственный недостаток.

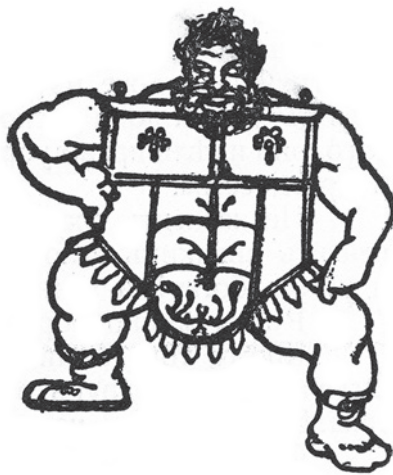
Диоклетиан был родом из Далмации и сыном вольноотпущенника. Одна ворожея предсказала ему, что он вступит на престол, когда убьёт вепря.

Слова эти запали в душу будущего императора, и он многие годы только и делал, что гонялся за свиньями. Однажды, услышав от кого-то, что префект Апри — настоящая свинья, он немедленно зарезал префекта и тотчас же сел на трон.

Таким образом, кроткого императора поминали лихом только свиньи. Но эти передряги так утомили престарелого монарха, что он процарствовал только двадцать лет, затем отказался от престола и поехал на родину в Далмацию сажать редьку, смалив к этому полезному занятию и соправителя своего Максимиана. Но тот скоро опять попросился на трон. Диоклетиан же остался тверд.

— Друг, — говорил он. — Если бы ты видел, какая нынче уродилась репа! Ну и репа! Одно слово — репа! До царства ли мне теперь? Человеку не поспеть с огородом управиться, а вы лезете с пустяками.

И действительно, вырастил выдающую репу (305 г. по Р. Х.).

Комод обладал большой физической силой

Римский быт и культура

Классы населения

Население Римского государства главным образом состояло из трех классов:

- 1) знатных граждан (*nobelas*);
- 2) незнатных граждан (подозрительная личность) и
- 3) рабов.

Знатные граждане имели массу крупных преимуществ перед остальными гражданами. Во-первых, они имели право платить налоги. Главное же преимущество заключалось в праве выставлять у себя дома восковые изображения предков. Кроме того, они имели право устраивать за свой счет народные торжества и празднества.

Незнатным гражданам жилось плохо. Они не имели права платить никаких налогов, не имели права служить в солдатах и уныло богатели, занимаясь торговлей и промышленностью.

Рабы мирно обрабатывали поля и устраивали восстания.

Кроме того, были в Риме еще сенаторы и всадники. Отличались они друг от друга тем, что сенаторы сидели в сенате, а всадники — на лошадях.

Сенат

Сенатом называли то место, где заседали сенаторы и царские лошади.

Консулы

Консулы должны были иметь более сорока лет от роду. Это было главное их качество. Консулов всюду сопровождала свита из двенадцати человек с розгами в руках на предмет крайней необходимости, если консул захочет кого-нибудь посетить вдали от лесистой местности.

Преторы

Преторы распоряжались розговым довольствием только на шесть персон.

Военное искусство

Великолепное устройство римского войска немало способствовало военным победам.

Главную часть легионов составляли так называемые принципы — опытные ветераны. Поэтому римские солдаты с первых шагов убеждались, как вредно поступать с своими принципами.

Легионы вообще состояли из храбрых воинов, которые приходили в замешательство только при виде врага.

Учреждения религиозные

Между римскими учреждениями первое место занимали учреждения религиозные.

Главный жрец назывался pontifex maximus, что не мешало ему порою надуть свою паству разными фокусами, основанными на ловкости и проворстве рук.

Затем следовали жрецы-авгуры, которые отличались тем, что, встречаясь, не могли друг на друга смотреть без улыбки. Видя их развеселые физиономии, и остальные жрецы фыркали себе в рукав. Прихожане, кое-что раскусившие в греческих штучках, помирали со смеху, глядя на всю эту компанию.

Сам pontifex maximus, взглянув на кого-нибудь из своих подчиненных, только бессильно махал рукой и трясся от дряблого старческого смеха.

Тут же подхихкивали и весталки.

Само собою разумеется, что от этого вечного гоготания римская религия быстро ослабла и пришла в упадок. Никакие нервы не могли выдержать такой щекотки.

Весталки были жрицами богини Весты. Выбирались они из девиц хорошей фамилии и служили при храме, соблюдая целомудрие до семидесяти пяти лет. После этого срока им позволялось выходить замуж.

Но римские юноши так уважали столь испытанное целомудрие, что редко кто из них решался посягнуть на оное, даже одобренное двойным солоновским приданым (шесть платьев и две скромности).

Если же весталка раньше срока нарушала свой обет, то ее хоронили живою, а детей ее, записанных на разных Марсов, воспитывали волчицы. Зная блестящее прошлое Ромула и Рема, римские весталки очень ценили педагогические способности волчиц и считали их чем-то вроде наших ученых фребеличек.

Но надежды весталок были тщетны. Их дети более не основали Рима. В награду за целомудрие весталки получали почет и контрамарки в театрах.

Гладиаторские сражения считались первоначально религиозным обрядом и устраивались при погребеньях «для примирения тела усопшего». Вот почему у наших борцов, когда они выступают в параде, всегда такие похоронные физиономии: здесь ясно проявляется атавизм.

Поклоняясь своим богам, римляне не забывали и богов иноземных. По привычке прихватывать где что плохо лежит, римляне часто прихватывали себе и чужих богов.

Римские императоры, воспользовавшись этим боголюбием своего народа и решив, что маслом каши не испортишь, ввели обожание собственной персоны. После смерти каждого императора сенат причислял его к лику богов. Затем рассудили, что гораздо удобнее делать это еще при жизни императора: последний мог таким образом строить себе храм по своему вкусу, тогда как древние боги должны были довольствоваться чем попало.

Кроме того, никто так ревностно не мог следить за установленными во имя свое празднествами и религиозными церемониями, как сам бог, лично присутствовавший. Это очень подтягивало паству.

Философские школы

Философией в Риме занимались не только философы: каждый отец семейства имел право философствовать у домашнего очага.

Кроме того, каждый мог отнести себя к какой-нибудь философской школе. Один считал себя пифагорийцем потому, что ел бобы, другой — эпикурейцем, потому что пил, ел и веселился. Каждый бесстыдник уверял, что делает гадости только потому, что он принадлежит к цинической школе. Среди важных римлян было много стоиков, имевших препротивное обыкновение сзывать гостей и во время пирожного тут же вскрывать себе жилы. Этот нечистоплотный прием считался верхом гостеприимства.

Домашний быт и положение женщины

Жилища у римлян были очень скромны: одноэтажный дом с дырками вместо окон — просто и мило. Улицы были очень узки, так что колесницы могли ехать только в одну сторону, чтобы не встретаться друг с другом.

Пища римлян отличалась простотой. Ели они два раза в день: в полдень закуска (*prandium*), а в четыре часа обед (*coena*). Кроме того, поутру они завтракали (*фриштик*), вечером ужинали и между едой морили червячка. Этот суровый образ жизни делал из римлян здоровых и долговечных людей.

Из провинции доставлялись в Рим дорогие и лакомые яства: павлины, фазаны, соловьи, рыбы, муравьи и так называемые «троянские свиньи» — *porcns trojanus* — в память той самой свиньи, которую Парис подложил троянскому царю Менелаю. Без этой свиньи ни один римлянин не садился за стол.

Обедал знатный римлянин всегда весь окруженный паразитами. Этот отвратительный обычай укоренился в Риме и не лишал гостей аппетита.

Вначале женщины римские были в полном подчинении у своих мужей, затем они стали угождать не столько мужу, сколько его друзьям, а часто даже и врагам.

Предоставив рабам, рабыням и волчицам воспитание детей, римские матроны заводили знакомства с греческой и римской литературой и изощрялись в игре на цитре.

Разводы происходили столь часто, что иногда не успевали закончить бракосочетание матроны с одним мужчиной, как она уже выходила за другого.

Вразрез со всякой логикой это многобрачие увеличило, по словам историков, «количество холостых мужчин и уменьшило деторождение», точно дети бывают только у женатых мужчин, а не у замужних женщин!

Народ вымирал. Беспечные матроны резвились, не заботясь нимало о деторождении.

Кончилось плохо. Несколько лет подряд рожали одни весталки. Правительство встревожилось.

Император Август уменьшил права холостых мужчин, а женатым, напротив того, позволял разрешать себе много лишнего. Но все эти законы уже не привели ровно ни к чему. Рим погиб.

Воспитание

Воспитание римлян в цветущую эпоху государства было поставлено очень строго. От молодых людей требовались скромность и послушание старшим.

Кроме того, если они чего-нибудь не понимали, то могли во время прогулки спросить у кого-нибудь объяснения и почтительно выслушать таковое.

Когда Рим пришел в упадок, пошатнулось и образование юношества. Оно стало обучаться грамматике и красноречию, и это сильно испортило его нрав.

Литература

Литература процветала в Риме и развивалась под влиянием греков.

Римляне очень любили писать, а так как писали за них рабы, то почти каждый римлянин, имеющий грамотного раба, считался писателем.

В Риме издавалась газета „*Nuncius Romanus*“ — «Римский вестник», в котором писал фельетоны на злобу дня сам Гораций.

Императоры тоже не гнушались литературой и помещали изредка в газете какую-нибудь шалость властительного пера.

Можно представить себе трепет редакции, когда император во главе своих легионов являлся в положенный день за гонораром.

Писателям в те времена, несмотря на отсутствие цензуры, приходилось очень туго. Если на троне сидел эстет, он за малейшую погрешность в стиле или литера-

турной форме приказывал несчастному поэту повеситься. Ни о каких отсидаках или заменах штрафом не могло быть и речи.

Обыкновенно императоры требовали, чтобы всякое литературное произведение в блестящей и убедительной форме трактовало о достоинствах его особы.

Это делало литературу очень однообразной, и книги плохо раскупались.

Поэтому писатели любили запирались где-нибудь в тиши и уединении и оттуда уже давать волю своему перу. Но, дав волю, тотчас же предпринимали путешествие.

Один знатный вельможа по имени Петроний сделал смешную попытку издавать в Риме (трудно даже поверить!) Сатирикон! Безумец вообразил, что журнал этот может в I веке по Р. Х. иметь такой же успех, как и в XX по Р. Х.

Петроний обладал достаточными средствами (каждый день ел комариные брови в сметане, аккомпанируя себе на цитре), обладал он и образованием, и выдержкой характера, но, несмотря на все это, он не мог ждать двадцать веков. Он прогорел со своей несвоевременной затеей и, удовлетворив подписчиков, умер, причем выпустил кровь из своих жил на своих друзей.

«Сатирикон дождется достойнейших» — были последние слова великого провидца.

Петроний сделал смешную попытку издавать в Риме «Сатирикон»

Наука права

Когда повесились более или менее все поэты и писатели, одна отрасль римской науки и литературы достигла высшей степени своего развития, именно — наука права.

Ни в одной стране не было такой массы юристов, как в Риме, и потребность в них была очень велика.

Каждый раз, когда на престол вступал убивший своего предшественника новый император, что иногда бывало по нескольку раз в год, лучшие юристы должны были писать юридическое оправдание этого преступления для публичного обнародования.

Сочинить подобное оправдание большею частью бывало очень трудно: требовало специальных римско-юридических познаний, и немало юристов сложилось на этом деле свои буйные головы.

Так жили народы древности, переходя от дешевой простоты к дорогостоящей пышности и, развиваясь, впадали в ничтожество.

Образы устных вопросов и письменных задач для повторения Древней истории

1. Указать разницу между статуей Мемнона и пифией.
2. Проследить влияние земледелия на персидских женщин.
3. Указать разницу между Лжесмердизом и простым Смердизом.
4. Провести параллель между женихами Пенелопы и первой пунической войной.
5. Указать разницу между развратной Мессалиной и глубоко испорченной Агриппиной.
6. Перечислить, сколько раз дрогнули и сколько раз пришли в замешательство римские легионы.
7. Выразиться несколько раз лаконически без ущерба для собственной личности (упражнение).

СРЕДНИЕ ВЕКА

Осип Дымов

Введение

Было бы весьма затруднительно изучать историю народов сплошь, без всякого перерыва, и потому мудрая природа озаботилась устроить ряд интервалов, которые дадут возможность легче ориентироваться любознательному уму. Время от времени природа, видя, что накопилось достаточно материала, цифр и имен, и чувствуя, что нить истории начинает без меры удлиняться, выдвигает такие события, которые как бы являются вехами, гранями, пограничными камнями, отделяющими одни давно прошедшие времена от других давно прошедших времен.

Так случилось и в промежутке между древней и средней историей. Было слишком ясно, что эти две совершенно различные эпохи нуждаются в строгом и резко подчеркнутом разграничении. Поэтому в эпоху, заканчивающую древнюю эпоху и начинающую среднюю, случились три великих события: утверждение христианской религии в пределах Римского государства, начало великого переселения народов и падение Западной Римской империи. Эти три события, произошедшие по мудрому распоряжению природы одно за другим, образуют как бы «большую переменную», отделяющую один огромный отдел истории от другого.

Кроме того, чувствовалось, что человечество нуждается и в перемене обстановки. Земли, лежащие вокруг Средиземного моря, были уже использованы древней историей. Было бы и несправедливо и неблагоприятно требовать от человечества, чтобы оно начало новый отдел истории на тех местах и в тех городах, которые уже успели надоесть. Здесь могло бы случиться, что новые великие изречения или поговорки были бы произнесены будущими королями и военачальниками на тех же местах и у берегов тех же рек, где родились и старые. Это, без сомнения, внесло бы в умы потомков известную смуту. Поэтому ареной средней истории сделались почти все страны

Европы. Для удобства происходящих треволений европейские народы распались на две главные части: романо-германский мир и греко-славянский, причем — как это нам ни обидно — главенствующую роль в истории средних веков играет первая группа, принявшая христианство в форме римско-католической, или латинской, церкви.

История средних веков делится на три главных периода. Сходство всех этих периодов в том, что и в первом, и во втором, и в третьем периоде постоянно дрались. Разница же заключалась в тех целях, из-за которых дрались народы; при этом, впрочем, случалось, что войны не имели никакой цели, но тем не менее велись с неизменной храбростью и воодушевлением.

Первый период простирается до окончательного распада монархии Карла Великого (конец IX в.). Пользуясь тем, что за этот период никаких особенных событий не происходило, свежие варварские и славянские народы перешли из глубины средней и восточной Европы на юг и запад и положили здесь начало новым государствам и новым национальностям. За это время было освоено так много национальностей, что эпоху по справедливости можно было назвать «эпохой национального грядущества». В своем пылу и по неопытности пришлые варварские народы несколько увлеклись, хватив через край, создали слишком много лишних национальностей. Это народное брожение известно в истории под именем Великого переселения народов. Для чего, собственно, они переселялись и было ли им плохо дома — не установлено. Кто знает, сколько времени переселялись и пересаживались бы народы, если бы не Карл Великий... Ему надоело вечное шатание народов под его окнами, причем они поднимали невероятную пыль, — и он своими войнами и учреждениями заставил их усесться более или менее спокойно. Но после него огромная монархия распалась на три части: Францию, Германию и Италию. По странной игре природы распадение это произошло согласно трем главным национальностям, а именно во Франции оказались французы, в Германии — германцы, а в Италии — итальянцы.

Второй период простирается до падения Гогенштауфенов и конца крестовых походов. Главные драки происходили между:

- 1) папами и императорами;
- 2) между христианским Западом и магометанским Востоком (крестовые походы) и
- 3) между феодалами и королями. Кроме того, были драки вообще.

Третий период идет до конца XV столетия и, вероятно, длился бы еще дольше, если бы Колумб, отчаявшись выдумать порох, не догадался бы открыть Америку. За этот период христианство уже окончательно утвердилось; да и было пора, потому что на очереди стояла Столетняя война французов и англичан, блестяще выполненная обеими сторонами. Здесь же следует отметить освобождение Пиренейского полуострова от владычества мавров, монгольское иго в восточной России, падение Византии, покорение Балканского полуострова турками и другие нехорошие вещи. Папский авторитет упал, и тотчас же возродились науки и искусства.

Переселение народов и падение Римской империи

На западе Европы жили кельты, восточнее обитали германцы, далее на восток — славяне и финны.

Нелестные вещи рассказывает о кельтах знаменитый бытописатель человечества Д. Иловайский: «Они страдали склонностью к междоусобиям», «были непосто-

Великое переселение народов

янные, легкомысленны и впечатлительны», «обнаруживали большую наклонность к общежитию, веселость и необыкновенное любопытство. Они останавливали путников на дорогах и заставляли их рассказывать новости» — это вместо того, чтобы самим заниматься делом и другим не мешать. Кроме того, их барды (певцы), воспевая подвиги предков (к тому времени у них уже были предки), ударяли в шестиструнные инструменты. Разумеется, все это не могло кончиться добром, и кельты распались на множество мелких народностей и мелких государств. Германцы населяли обширную страну от Рейна до Вислы и от Балтийского и Немецкого морей до Дуная.¹ Иловайский заявляет, что германцы до нашествия гуннов были народом «необразованным». Этому легко поверить, если вспомнить состояние тогдашних школ и университетов. Иловайский даже прибавляет, что они одевались в звериные кожи, любили пить пиво и в мирное время большей частью не воевали. Германские женщины обладали похвальным качеством: они ухаживали за своими ранеными мужьями и даже приносили им пищу. Но были ли они образованны, Иловайский не сообщает.

Германцы делились на многие мелкие племена (франки, аллеманы, саксы, лангобарды, вандалы, остготы, вестготы и другие), а в свободное от дележа время нагими перескакивали через мечи, воткнутые острием вверх. Увлечшись этими безнравственными упражнениями, германцы не заметили, как к ним подкралось дикое свирепое племя — гунны. С нашествием гуннов началось нечто невообразимое. Народы совершенно обезумели и стали драться с кем попало и как попало. Замелькало столько имен, столько военачальников, племен, наречий и языков, что положительно надо удивляться, как они там не перепутались и, начав войну с кем-нибудь одним, не кончали ее с другим. Впрочем, и это случалось. Умудренный жизнью и опытом Иловайский, для того чтобы внести какую-нибудь ясность в этот темный период, придумал «метод эпитетов», то есть он характеризует деятелей эпохи каким-нибудь метким эпитетом, определяющим его сущность. Так, король остготов Германрих называется «престарелым», Аркадий и Гонорий, сыновья Феодосия Великого, названы «недостойными», напротив, Стилихон назван «достойным», а Аеций — «искус-

¹ Все эти моря и реки были уже заблаговременно обозначены на карте и имели определенное имя. Легко представить себе тот хаос, который произошел бы в событиях средней истории, если бы этого не было сделано!

Аттила

ным». Впрочем, эти эпитеты у почтенного историка также кочуют, как и народы: в другом месте «недостойный» Гонорий переименован в «ничтожного», а еще дальше в «молодого».

Около половины V столетия появился знаменитый Аттила. Историки сообщают, что «по наружности он был настоящим гунном». Это, впрочем, не должно нас удивлять, так как он действительно был гунном. Аттила стремился сделаться могущественным завоевателем и потому принужден был сочинить и оставить истории несколько афоризмов. Таков уж был порядок. Эта сторона его деятельности была менее удачна, нежели грабежи и набеги,

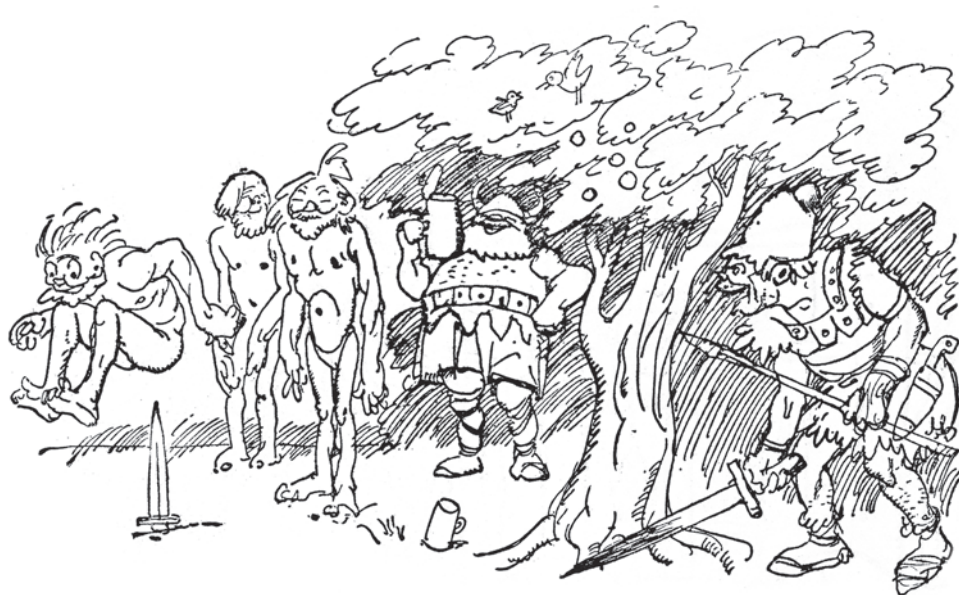
но идти против обычая нельзя было. Из его афоризмов, рекомендуемых министерством народного просвещения для запоминания, приведем такой: «Трава не должна расти там, где ступит мой конь».

Имя Аттилы связано с Каталаунской битвой, которая имела такое огромное значение, что теперь, полторы тысячи лет спустя, из-за этой именно битвы многие очень симпатичные молодые люди не получают свидетельства на звание фельдшерского ученика или вольноопределяющегося второго разряда! На Каталаунской равнине (Шампань) прошла битва народов, и Аттила принужден был повернуть обратно за Рейн. Здесь, возвращаясь по той же дороге, он пожалел о своем афоризме насчет травы, так как лошадям надо же было чем-нибудь кормиться. «Каталаунская битва избавила христианскую Европу от языческих, гунно-славянских варваров». Бог весть, имели ли мы крестовые походы и Столетнюю войну или инквизицию и многое-многое другое, если бы исход сражения был иной. Подумать только! От каких случайностей иногда зависит успех цивилизации!

Аттила был похоронен в трех гробах в пустынном месте. Чтобы никто не знал, где находится его могила, люди, рывшие могилу, были умерщвлены. Затем умертвили тех, кто убил людей, рывших могилу. Затем — убийц этих убийц, далее убийц убийц этих убийц... Продолжая эту систему, гунны очень скоро истребили бы себя, но нетерпеливые германские и западно-славянские народы, не дождавшись конца этой, во всяком случае, остроумной комбинации, восстали и свергли владычество гуннов. Таким образом, им удалось отвлечь внимание гуннов от могилы любимого вождя.

Между тем Западная Римская империя постепенно разрушалась. «Сенатор Петроний, провозглашенный императором, хотел вступить в брак с вдовой Валентиана (которого сам убил); но (!!!) она призвала против него вандалов» (!!!).¹ Ясно,

¹ Иловайский.

Аттила подкрадывается к германцам

что это был акт глубокого мазохизма! Две недели вандалы грабили и разрушали Рим; они иначе не могли поступить: у них уж было такое имя. При этом они, несомненно, обнаруживали вкус и понимание, так как уничтожали именно те картины, которые были наиболее ценны. В 476 году римский сенат окончательно признал падение Западной империи, или, выражаясь по-современному, «разъяснил» Римскую империю.

Государства, основанные германцами

Когда Римская империя пала, все стали ее очень уважать. Уважение это было так велико, что завоеватели совершенно исказили латинский язык, так что они скоро перестали понимать друг друга. Теодорих Великий, остготский король, из уважения к Риму на старости лет велел казнить образованнейшего римского философа Боэция. Впрочем, он разрешил Боэцию написать глубокомысленную книгу «Утешение в философии». После смерти Теодориха начались войны, причем часто воевали совершенно незнакомые друг с другом народы: лангобарды, авары и другие. Особенно усердствовали лангобарды, которые, по преданию, редко дрались. Но их воинственные стремления неожиданно встретились с совершенно своеобразным врагом, с силой, чье загадочное будущее было еще впереди. Это — папы.

Можно себе представить изумление лангобардов! Вступая на историческое поприще, они, конечно, ждали, что им предстоит ряд войн; но что придется воевать с папами, с теми, которые, неся и распространяя идею христианства, запрещали пролитие крови, проповедовали мир, любовь и прочее, и прочее, — этого они никак не могли вообразить. Лангобарды несколько лет подряд в изумлении поглаживали свои длинные бороды и, наконец, чтобы как-нибудь спасти ситуацию, приняли христианство.

Светская власть пап увеличивалась изо дня в день. Григорий I «раб рабов божьих» (*Servus servorum Dei*) — особенно заботился о возвышении папского престола. Он так ревностно распространял католичество, где только мог, что, увлекшись, нечаянно водворил в Испании между вестготами... православие. За это свое беспристрастие он был прозван Великим, но загадочную тайну, почему одни народы должны были получить католичество, а вестготы — православие, — он навсегда унес с собой в могилу.

В Галии в эпоху «разъяснения» Западной Римской империи самым сильным народом были франки. Их конунг Хлодвиг положил основание могущественной франкской монархии. Это вообще была очень примечательная личность, и, живи Хлодвиг в наш век, он, без сомнения, был бы одним из выдающихся певцов Европы. Сила его голоса была изумительна: в битве с аллеманами, когда неприятель начал брать верх, он таким зычным голосом дал обет креститься в случае победы, что его услышало не только небо, но и множество галло-римских туземцев-христиан, бывших в его войске: они одушевились и помогли выиграть битву. Пришлось принять католичество, и даже весьма торжественно. Хлодвиг ничуть не раскаивался в своем решении: он по-прежнему добивался своих целей коварством, предательством и убийством и умер ревностным католиком. Одним из особенно богобоязненных потомков его оказался Пипин Короткий.

Как только франки и другие германские народы стали образовывать государства, сейчас же у них появились законы, и, конечно, плохие. Все знали, что это плохие законы, но тем не менее их надо было уважать, потому что законы надо всегда уважать — это уж тогда было известно.

Подкупных судей, наемных защитников и лжесвидетелей по убеждению тогда еще не было: все это едва мерещилось в тумане будущих веков. А пока что суд производил сам король или герцоги и графы. В свидетели призывалось небо, а министерство внутренних дел ни в коем случае не должно было оказывать давление на судей. Впрочем, несмотря на это, приговоры суда тоже очень часто имели печальный исход...

Во всех государствах, основанных германцами, появилась феодальная, или ленная, система. Завоеватели отнимали у покоренных землю, селились на ней и называли себя «баронами». При этом у каждого барона была своя фантазия. Так родилось право собственности, которое, в отличие от других прав, называлось «священным». Лучшую и большую часть завоеванных земель король брал себе. При этом короли вместо жалованья раздавали дружинникам свои (то есть захваченные) поместья. Лица, получившие эти «лены», или «феоды» (земельные имущества), назывались «вассалами». Эти участки вначале давались королем на известные сроки, но с течением времени феодалы стали считать эти земли своими и не возвращали их королю. От лиц, грабежом и варварством захвативших землю либо у покоренных народов, либо у короля, и произошла современная европейская аристократия. Бароны отправляли военную службу, защищая от внешних врагов свои священные права собственности. Они получали звание рыцаря (*Ritter*), и хотя были невежественны, грубы, жестоки и преступны, но по непонятным причинам требовали уважения к себе. Впрочем, этого требовали и монахи также.

После крещения франков христианство проникло и к англосаксам. Римский папа Григорий I, тот самый, который нечаянно утвердил между испанскими вестготами православие, послал для проповеди Августина. Проповедь имела успех. Из британ-

ских и ирландских монастырей впоследствии вышли не только богатые и сытые монахи, но и многие ревнители христианства.

Византия и арабы

В то время как Западная Римская империя была безвозвратно «разъяснена», Византийская, или Греческая, продолжала существовать еще добрую тысячу лет. Продолжительное существование Византии великий историк Иловайский объясняет тем, что «религиозность служила крепкой духовной связью для жителей различных частей империи». Но он тут же прибавляет, что столица Византии — Константинополь — была превосходно укреплена и почти недоступна для варварских нашествий. Впрочем, даже двойной и тройной ряд стен любой крепости, отражая нашествия варваров, не в состоянии устоять против лихоимства и взяточничества чиновников, — и Византия отчасти пример тому.

Царствование Юстиниана Великого было весьма примечательно и тревожно. Два учреждения приносили ему особенные заботы: церковь и цирк. При нем укрепилась ересь монофизитов. Но с этой ересью более или менее справились. Гораздо труднее было справиться с цирком, где боролись какие-то две партии: зеленые и голубые. Таинственная борьба захватила целые слои общества, создав тревожную атмосферу напряжения; легко понять, что в этой обстановке хуже всего приходилось дальтоницам. Впоследствии, во время войны Белой и Алой розы, дальтоницы еще раз испытали всё неудобство деления политических партий по цвету.

При Юстиниане издан всемирно знаменитый сборник римских законов — «Свод гражданского права» („Corpus juris civilis“). Работы по изданию этого свода были исполнены несколькими комиссиями правоведов под главным руководством министра и любимца Юстиниана — Трибониана. Примечательно то, что раньше, чем этот «Свод права» был обнародован, он уже был нарушен, так сказать, в утробе матери самим Трибонианом, который оправдывался тем, что-де испытывал крепость новых законов.

Далее действия Юстиниана принимают резко утилитарный характер: он закрыл знаменитую Афинскую академию и заменил ее шелководством; заточил не менее знаменитого полководца Велизария в тюрьму и вместо него дал народу водопровод.

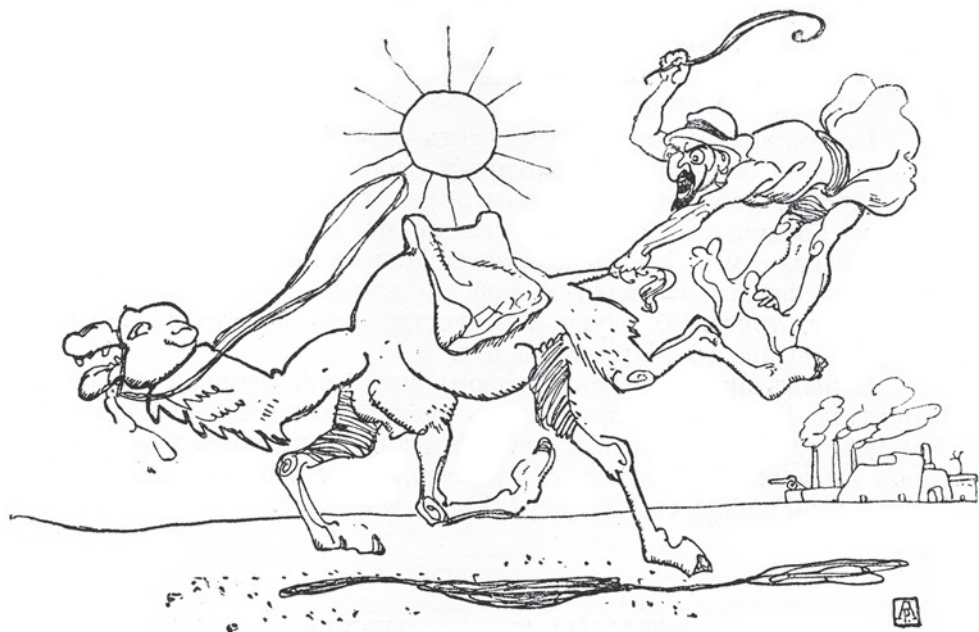
Юстиниан Великий

Эти меры в значительной степени укрепили государственное значение Византийской империи.

На византийском троне вскоре очутился Василий Македонянин. Любопытно проследить его политическую карьеру: сначала он победил какого-то атлета, потом укротил коня Михаила III, потом убил самого Михаила. Заняв престол, убийца тотчас же стал заботиться о правосудии. Во время македонской династии произошло знаменательнейшее событие — разделение церквей: греческой и латинской. Эти две церкви уже давно жили в «доброй ссоре», и стоило латинской церкви сказать «да», чтобы греческая тотчас же произнесла «нет». И наоборот. Наконец, в 1054 году папские легаты, прибыв в Константинополь, скромно и вежливо заявили, что папа проклиная греческую церковь и весь Восток.

В доказательство своих слов они представили особую бумагу, в которой очень красивым почерком было написано это проклятие. Греческое духовенство немедленно сложило костер и сожгло бумагу, прокляв в свою очередь Рим и Запад.

В это же время в знойной Аравии уже готовилась появиться магометанская религия. Самым значительным племенем в Аравии были корейшиты, и их именно избрал Магомет для своего рождения. Задумав основать новую религию, он рано лишился отца и матери. Чтобы развить в себе пылкое воображение и любовь к поэзии, необходимые каждому молодому человеку, желающему основать новую религию, он мальчиком сопровождал караваны своего дяди. Кроме того, он обладал красивой наружностью и управлял торговыми делами одной богатой вдовы по имени Хадиджи. Управившись с делами, он женился на ней, заявив жене, что он послан Богом. Та без всякого колебания поверила ему, но жители Мекки были не согласны с богатой вдовой, и Магомету, спасая свою жизнь, пришлось бежать в Медину. С этого года — 622-

Бегство Магомета из Мекки в Медину

го, то есть с года разногласия жителей Мекки с мнением вышеупомянутой вдовы, — магометяне и начинают свое летосчисление. Здесь же, между прочим, впервые было установлено, что нет пророка в своем отечестве.

В Медине Магомет нашел последователей, и в скором времени новая религия без всякой рекламы получила широкое распространение. Магомет определенно обещал всем правоверным, павшим в бою, самый заманчивый рай, и это многих привлекало на его сторону!

Преемники Магомета назывались «халифами». Они бывали и на час, и на более продолжительный срок. При первых халифах арабы, добываясь обещанного рая, сражались с необыкновенным воодушевлением и с успехом продолжали завоевания, начатые Магометом. Но в царствование династии Аббасидов магометанский фанатизм мало-помалу ослабел. Начали процветать земледелие, торговля, науки и искусства — это вместо тенистых садов обещанного Магометова рая.

Самым знаменитым халифом из этой фамилии является Гарун-аль-Рашид, которого наш великий современный Шерлок Холмс не без основания считает своим предком и в некоторой степени и учителем. Впрочем, таинственные похождения Гарун-аль-Рашида еще не переделаны в пьесу.

Времена Каролингов

Пипин Короткий перед смертью разделил свое государство между сыновьями Карлом и Карломаном. Но Карломан, чувствуя, что наступает время единодержавия, умер.

Карл Великий — одна из интереснейших фигур средней истории. Хотя отец его был низкого роста — соответственно названию Короткий, — Карл обладал высокой статной фигурой, необыкновенной силой и ловкостью. Он носил фуфайку, чтобы доказать, что герою не чужды земные слабости. Карл был любознателен до того, что на ночь постоянно клал под подушку книгу. Впрочем, читал он плохо, а писал с великим трудом. До конца дней своих, а умер он семидесяти двух лет от роду, он мечтал о том, что в свободное время научится писать. В ожидании этого свободного времени он основал домашнюю академию наук, назвав себя Давидом. Часто можно было видеть, как бедный Давид встав ночью, сми-

Карл Великий

ренно принимался за грифель и выводил какие-то каракули. Образ короля-полуночника, в поте лица своего изучающего азбуку, до сих пор жив в памяти народной и окружен чувством трогательной нежности и любви.

Из внешних дел Карла самыми замечательными были: завоевание Лангобардского королевства и борьба с саксами.

Как и всюду, в деле завоевания лангобардов замешана женщина. Карл был женат на дочери лангобардского короля Дезидерия, но, хорошенько подумав, он отослал жену обратно. Рассчитывать на то, что она вторично выйдет замуж за какого-нибудь короля, было трудно, и Дезидерий справедливо полагал, что дочь останется в старых разводах. Он рассердился на Карла, но тот еще больше был обозлен на Дезидерия за то, что обидел его. Несмотря на лютую зиму, Карл, перейдя Альпы, неожиданно явился в Ломбардию, заточил Дезидерия в монастырь и завладел Ломбардией. Человек всегда проявляет необычную энергию там, где рассчитывает принести зло тому, кого он обидел.

Саксы в то время были в Германии сильным народом и с большим удовольствием нападали на пограничные франкские области. Карл решил их укротить, распространив между ними христианство. Несколько раз Карлу удалось покорить неприятелей, но когда он уходил, они опять восставали. Собственно говоря, саксы были не столько против христианства, сколько против налога на христианство: десятую часть доходов полагалось давать христианскому духовенству. Для того чтобы наглядно доказать справедливость подобного требования, Карл Великий велел предать казни четыре с половиной тысячи пленных саксов. Конечно, для современника, читающего газеты XX века, эта цифра не может показаться значительной, но в то время, во-первых, население было гораздо меньше, а во-вторых, вовсе не было газет.

Карл Великий заточает Дезидерия в монастырь

Карл был очень утомлен продолжительной войной с саксами и с большим наслаждением отдохнул бы. Но впереди предстояла грандиозная задача: подготовить почву для создания знаменитой «Песни о Роланде». Потомки — особенно приват-доценты университетов — ни за что не простили бы ему, если бы он уклонился от своей миссии. Пришлось начать войну с маврами, отнять у них земли между Пиренеями и прочее, и прочее. Конечно, Карл прекрасно понимал, что эти земли и походы нужны не столько ему, сколько будущим приват-доцентам. Но он смиренно преклонился перед велением рока, и «Песнь о Роланде» была создана.

Для того чтобы понять, каким образом Карл Великий благодаря

папе Льву III превратился из короля в императора, необходимо предварительно рассказать небольшой, но поучительный анекдот.

Гуляли два приятеля и встретили молодую девушку.

— Она очень красива, — сказал первый, — хорошо бы с ней познакомиться. Ты ее знаешь?

— Нет, — ответил другой, — но это ничего не значит.

Он подошел к девушке и, вежливо приподняв шляпу, сказал:

— Сударыня, позвольте представить вам моего лучшего друга, господина N.

Девушка удивленно посмотрела на него:

— Но я вас вовсе не знаю, — ответила она.

— А вот господин N теперь меня познакомит. Представь меня, — обратился он к другу.

И они продолжали прогулку уже втроем. То же произошло с Карлом и Львом III.

— Вы провозгласите меня императором и возложите на мою голову золотую корону, — сказал Карл Льву III.

— С удовольствием, — ответил папа, — но меня самого хотят свергнуть с папского престола.

— Это ничего не значит. Я, как император, поддерживаю вас.

И действительно, Карл утвердил Льва, а Лев утвердил Карла. И свою прогулку по страницам истории они продолжали уже втроем: папа, император и корона.

Подобные случаи впоследствии не раз повторялись в ходе истории, и всегда с неизменно счастливым успехом.

Когда Карл умер, его труп в императорской одежде был посажен в мраморное кресло и опущен в склеп Ахенского собора. Это было несправедливо: при жизни он страдал бессонницей, а после смерти его заставляли сидеть. Впоследствии эта незаслуженная жестокость была отменена, и его, не мудрствуя лукаво, положили в великолепную гробницу.

Вместе с удивительным правителем умерла его монархия: она распалась на свои составные части — Германию, Францию и Италию. И здесь на скрижалях истории появилось имя, которое более подходило бы какому-нибудь объявлению для рашения волос: Карл Лысый. А между тем он управлял Францией!

В Германии династия Каролингов прекратилась со смертью Людовика Дитяти. Историки повествуют, что «Людовик Дитя не оставил после себя потомков мужского пола», но можно с уверенностью сказать, что он не оставил также и потомков женского пола, так как умер ребенком, а пьеса «Пробуждение весны» появилась гораздо позднее.

Во Франции Каролингам с самого начала не повезло. Народ взглянул на них как на Богом ниспосланный объект для остроумия. Они получили целый ряд курьезнейших наименований, как-то: Косноязычный, Толстый, Простоватый, Ленивый... Людовик Ленивый был настолько ленив, что умер бездетным. Герцог парижский Гуго Капет воспользовался этой стороной его характера и провозгласил себя королем. Таким образом началась новая династия — Капетингов.

В первой половине IX века семь англосаксонских владений в Британии были объединены неким Эгбертом в одно государство. Этот Эгберт был очень скромный малый, так как до сих пор неизвестно: называл он себя королем Англии или не называл? Около того же времени начались опустошительные набеги норманнов на этот остров.

Норманнами назывались германцы, поселившиеся на полуостровах Скандинавии и Ютландии. Обычай был таков, что старшие сыновья князей наследовали отцовские владения, а младшие набирали дружины удалцов и на легких судах отправлялись в другие страны искать добычи. Подобные предприятия развивали в народе воинственность, так что духовенство в некоторых местностях настаивало на том, чтобы в семьях рождались исключительно младшие братья. В Западной Европе настолько не любили этих пиратов, что была создана молитва: «Господи, избави нас от норманнов».

При скромном малом, короле Эгберте с вопросительным знаком, почти вся Англия подпала под власть датчан. Альфред, великий внук Эгберта, освободил Англию.

Альфред был удивителен уже тем, что любил книжные занятия и чрезвычайно заботился о правосудии. Летописцы утверждают, что в его время путник, потерявший на дороге кошелек с золотом, мог быть совершенно уверен, что никто не прикоснется к нему. К сожалению, такие случаи бывали очень редко, потому что у путников не бывало лишних кошельков с золотом, ибо страна была достаточно разорена набегами датчан.

При наследниках Альфреда датчане возобновили свои набеги. Король датский Канут Великий соединил под своей властью Данию, Англию и Норвегию. От природы это был очень жестокий человек, но как только почувствовал, что его трон крепок, сделался набожен и крайне справедлив. Сердце человеческое — загадка, а королевское — вдвойне!..

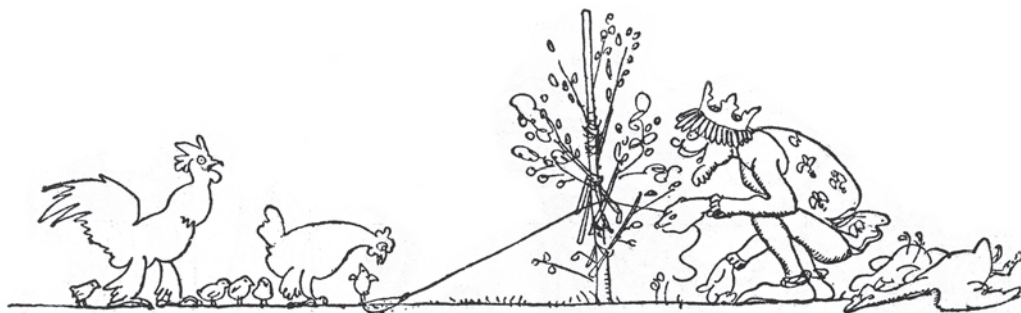
В XI веке вся Англия после Гастингской битвы попала в руки Вильгельма Завоевателя. Он не отличался скромностью, а вступив в Лондон, торжественно венчался золотой короной. По его приказу была произведена перепись населения: оказалось, что во всей Англии всего-навсего нашлось два миллиона душ! И этим-то несчастным двум миллионам, которые могли бы разместиться в любой современной столице, было тесно на всем пространстве Британии!..

Поистине волчьи аппетиты были у наших предков, царствие им небесное!

Из смешения французского языка с германским впоследствии произошел английский — тот самый язык, который значительно позднее привел в ужас эстетическое ухо Генриха Гейне.

Борьба императоров с папами. Гвельфы и гибеллины

По смерти Людовика Дитяти королем в Германии был избран герцог франконский Конрад. Надо думать, что князья выбрали его специально для того, чтобы не слушаться. В этом смысле их выбор был очень удачен: короля никто не слушался. У Конрада был заклятый враг Генрих Саксонский. Лежа на смертном одре и желая как можно сильнее досадить Генриху, бедный Конрад посоветовал немецким князьям выбрать последнего королем. Простодушные князья, взглянув на эту предсмертную волю как на акт великодушия, так и поступили. Генрих, не ожидая подобного коварства со стороны Конрада, спокойно предавался своему любимому занятию: ловил синиц и чижиков. Послы германских князей застали его в лесу, окруженного клетками, капканами и западнями; он был похож на учителя из рассказа Чехова «В Москве на Трубной площади», которого торговцы называли «ваше местоимение». История увековечила эту своеобразную фигуру под именем Генриха Птицелова.

Генрих Птицелов

Коварство Конрада не оправдалось: «его местоимение» Генрих I заставил смириться непокорных герцогов и князей, причем птичек, разумеется, пришлось бросить. Это был гигантский подвиг, и перед ним, конечно, бледнеют победы над венграми и славянами. Венгры по своей скверной привычке сильно тревожили Германию. Генриху Птицелову удалось выговорить девятилетнее перемирие, в течение которого он исправно платил венграм дань. К концу девятого года Генриху почему-то показалось, что венграм будет приятно получить от него вместо обычной дани собаку без хвоста, с выколотыми глазами и на двух ногах. Но венгры интересовались фауной гораздо менее Генриха. Этот способ платить дань им не понравился. Они напали на Генриха, но после битвы принуждены были обратиться в бегство. Германия перестала платить дань, и здесь была зарыта собака.

Сын Генриха Птицелова, Оттон I Великий, окончательно победил венгров. Чтобы как-нибудь оправдать эпитет «Великий», он присоединил к своим владениям северную Италию и принял императорскую корону. В Риме тогда папствовал очень неприятный папа Иоанн XII. Он даже толком короны не мог держать. Оттон уволил его без прошения, и его преемник возложил на Оттона корону Священной Римской империи. Таким образом, буквально повторилась история с коронованием Карла Великого.

С прекращением Саксонской династии была избрана такая, какая могла жить на свете ровно сто лет. (Известно, что в то время были склонны к мистике.) Такой династией оказалась Франконская. При первых представителях этого дома распространился странный приказ: не драться по пятницам, субботам и воскресеньям, в остальные дни — сколько угодно. Это называлось «божий мир». Впрочем, у иных бывало семь пятниц на неделе.

Царствование Генриха IV ознаменовалось борьбой императора с папою, что весьма поучительно.

С давних времен папы стремились захватить в свои руки светскую власть. Для подкрепления этих притязаний в IX веке был создан специальный сборник подложных церковных постановлений, или декреталий. Все знали, что этот сборник подложный, и даже откровенно называли его «Лжеисидоровым», но все ему верили. Это также подняло значение пап. Однако надо сознаться, что в X и XI веках дела пап были из рук вон плохи. Недостаток в хороших папах был так велик, что на папском престоле очутилась женщина — Иоанна из Майнца. Последнее обстоятельство имело и свои хорошие последствия. Латинское духовенство, справедливо опасаясь, что должности пап, епископов, настоятелей и т. п. мало-помалу будут замещены женщи-

Борьба пап с королями

должен быть женщиной.

Продолжая вдумываться в сущность вещей, Григорий VII очень скоро разобрал, что «все зло от женщин». Поэтому он категорически запретил духовенству вступать в какие бы то ни было браки. С той поры католическое духовенство совершенно чуждается женщин, и потому все, что пишется и рассказывается пикантного о священниках, надо считать абсолютным вздором.

Грозным средством воздействия на светских князей Григорий VII избрал интердикт, то есть отлучение от церкви. Отлученный чувствовал себя очень скверно: если он хотел родиться, его не крестили, если умирал — не хоронили, если был холост — не женили, а женатого не разводили. Одним словом, он как бы застывал в своем бытии на месте и никуда не мог двинуться.

Саксонские князья, обиженные Генрихом IV, пожаловались на своего короля папе. Папа и сам имел зуб против Генриха. Он позвал его в свой кабинет для

нами, энергично взялось за реформы. Одним из ярких реформаторов и убежденнейших женоненавистников был Гильдебрант, он же Григорий VII.

Гильдебрант был сыном простого земледельца, но, как выражается Иловайский, «с детства усвоил себе необыкновенную твердость воли». Усвоив ее, он немедленно сделался папой. Чтобы раз навсегда ослабить вмешательство императоров в избрание пап, он посоветовал кардиналам носить красные шляпы. При этом кардинал ни в коем случае не

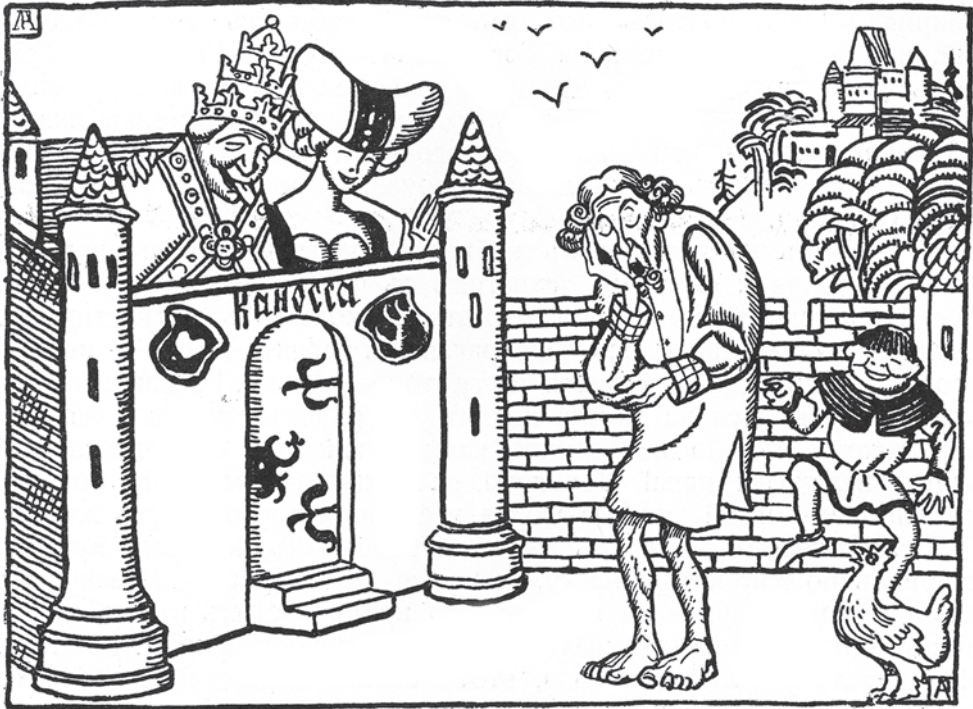

С той поры католическое духовенство совершенно чуждается женщин

объяснений, но Генрих не пошел. Тогда папа отлучил Генриха, а Генрих папу. Но оказалось, что папа сильнее отлучил короля, чем король папу, и Генрих должен был смириться. Немецкие князья объявили королю, что если до такого-то и такого-то срока папа его не простит, то они выберут другого короля — у них-де запас большой.

Генрих отправился в кабинет папы и, чтобы доказать свое раскаяние и смирение, захватил с собой жену Берту, которую в обыкновенное время терпеть не мог. В лютую зиму, в вьюгу и холод пришлось переправляться через Альпы, потому что кабинет папы находился по ту сторону Альп. Раскаивающийся король скатывался на спине, ходил на руках, ползал на четвереньках. Можно вообразить, какими милыми словечками при этом величался папа! Вероятно, папе досталось еще больше, нежели нелюбимой жене, которая все время торчала тут же.

Наконец, Генрих с женой и ребенком, который путешествовал по детскому билету, скатился в верхнюю Италию. По непонятным причинам папа в это время гостил в замке Каносса, который принадлежал тосканской маркграфине Матильде. Что делал у Матильды папа, этот женоненавистник, до сих пор историей не выяснено. Генрих предполагал отдохнуть после путешествия, но папа заставил его три дня простоять на дворе в рубашке, без шляпы и босиком. Между тем мостовые в те времена вовсе не располагали к тому, чтобы короли шли босиком. Тут опять вступила на сцену таинственная графиня Матильда — дама под вуалью: она упросила папу принять Генриха. Папа снял отлучение, предложив Генриху закусить вместе с ним. Но тот отказался. Мир был заключен.

Генрих IV в Каноссе

Генрих вернулся в Германию и здесь узнал, что невеселое и унижительное путешествие к папе через Альпы было совершенно излишне: князья отложились от него. Генрих пришел в справедливое негодование, но он ахнуть не успел, как папа опять отлучил его от церкви. Это было уже слишком. Добрая дружба, установленная в Каноссе, была порвана. Генрих пошел на Рим войной, на этот раз уже в сапогах, и папа должен был бежать в Салерно, где скоро и умер. Что случилось с таинственной графиней под вуалью — неизвестно.

С тех пор папы перестали держать королей по три дня на солнце с непокрытой головой. Они проклинали их издали — медленно, но верно.

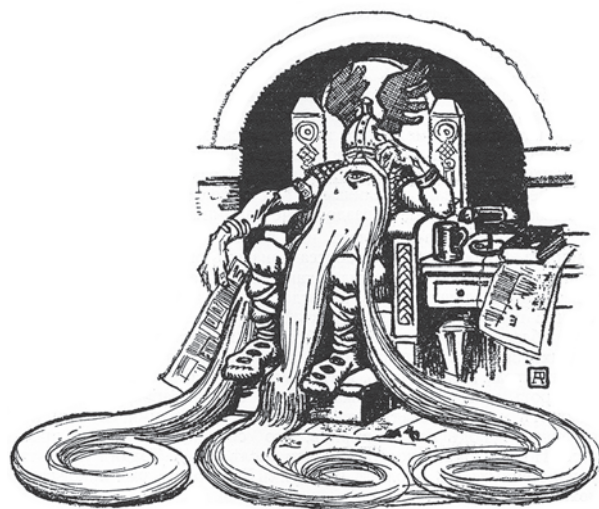
В необыкновенно трогательных, хватающих за сердце выражениях Иловайский рассказывает о дальнейшей судьбе злополучного Генриха. «Смерть окончила его бурную жизнь, исполненную превратностей.¹ Несчастье преследовало его и после смерти: как отлученный от церкви, он был лишен погребения».

Только через шесть лет «счастье» осенило Генриха IV: его похоронили в Шпейском соборе. Что он делал эти шесть лет — никто не знает.

Нечто вроде худого мира с папой вместо доброй ссоры было заключено уже сыном покойного, Генрихом V, в Вормсе. Это называется Вормским конкордатом (1122 г.), и на нем в течение XIX и начале XX века срезалось немало гимназистов.

На германский престол была возведена фамилия швабских герцогов Гогенштауфенов. Это называется: не было печали, так черти накачали. Немедленно же начались междоусобные войны. Почти вся Германия разделилась на две партии: баварскую и швабскую, или гвельфы и гибеллины². Папы долго раздумывали, кем им быть: гвельфами или гибеллинами — и остановились на гвельфах, так как это название гораздо легче запоминалось.

Выдающимся правителем из дома Гогенштауфенов был Фридрих I Барбаросса.

Фридрих I Барбаросса

Барбаросса — значит рыжая борода. Предполагают, что он ее красил, так как народ ее любил. Из тех же причин он никогда не брился и не стригся. В Берлине полагают, что Фридрих Барбаросса не умер. Он сидит, облокотившись о каменный стол, в одном из тюрингских замков и спит, и его длинная борода обвилась вокруг стола. Каждый раз, когда император Вильгельм II открывает рот и начинает держать речь, спящий Барбаросса тяжело вздыхает и сон овладевает им сильнее. Оптимистически на-

¹ «И коловращения людей» — обыкновенно добавлял Чичиков (необходимое примечание).

² Не смешивать с гобеленами: это совсем из другой оперы.

строенный народ все же верит, что спящий император проснется. Но дипломаты полагают, что после речей Тэдди Рузвельта, произнесенных в Берлине Фридрих Барбаросса уже никогда не сможет проснуться.

Последним императором из дома Гогенштауфенов был Конрад V, личность малоопределенная. Его сын Конрадин был казнен в Неаполе Карлом Анжуйским. Историк называет этот варварский поступок Карла «дурным поведением». С этим метким определением нельзя не согласиться.

Государства, основанные славянами

Славяне жили на огромной равнине от реки Эльбы до Волги и Дона и от Балтийского моря до Адриатического залива и архипелага. У них было много псевдонимов: сарматы, венды и даже анты. Под псевдонимом «гунны» они во времена Аттилы набросились на Европу. Историки дают следующую меткую характеристику славян: они были многочисленны, румяны, жили друг от друга на большом расстоянии, почитали стариков и имели деревянные щиты. Таковы были их достоинства. А недостатки заключались в следующем: излишняя впечатлительность, отсутствие единой души и отсутствие конницы. Впрочем, некоторые историки несколько расходятся в своих показаниях, путая недостатки с достоинствами. Следы этой неопределенности и неустойчивости в характеристике славянской души мы находим еще и теперь в значительной фразе: особых примет нет.

Славяне поклонялись богам разных рангов. Верховное существо называлось различно: Перун, Сварог, Святovit и т. п. В наше время славян называли бы декадентами, а тогда называли язычниками. Все зависит от моды!

Своим богам славяне приносили в жертву плоды и животных «У некоторых племен, — сообщает историк, — встречаются и человеческие жертвы, например в Киеве Перуну». Эти слова надо понимать буквально. Нравы славян допускали многоженство, и когда муж умирал, одна из жен — особенно любимая — должна была сжечь себя на костре вместе с трупом. Это и была та «верность до гроба», о которой так много пишут поэты. В позднейших веках истории она вообще не встречается.

Славяне делились на несколько групп, и каждая группа с редкой настойчивостью отстаивала свою самобытность. Чем более походили одна на другую две соседние группы, тем сильнее была их вражда. Обозревая бесчисленные войны прошедших веков, нетрудно вывести такое историческое правило: «Сила, с какой отталкиваются два соседних народа, прямо пропорциональна квадрату их родственности».

В Богемии жили чехо-моравы.

В династии Пшемислевичей, утвердившейся в Чехии, мелькают ряды имен. Все они отстаивали свою независимость от немцев и в пылу отстаивания не замечали, что все более и более начинают походить именно на немцев. Уместно помянуть добрым словом Отокара II, память которого должна быть особенно почтена петербургскими дачниками: он первый додумался до того, чтобы продавать в рассрочку поземельные участки — как то делается теперь на станции Вырица и по Финляндской железной дороге. Участки эти он продавал немецким колонистам, разумеется, продолжая «отстаивать самобытность».

Из славян, обитавших в бассейне рек Вислы и Одера, составилось Польское государство. Блистательный период польской истории составляет царствование Боле-

слава Храброго. Он пытался завладеть Чехией и создать великое западно-славянское государство. Но это осталось прекрасной мечтой о несбыточном. Иловайский вполне серьезно полагает, что если бы поляки и вообще западные славяне остались православными, им жилось бы прекрасно. А теперь они сами виноваты в своей судьбе, полагает он.

Полабские и балтийские славяне не составили ни одного значительного государства. Они только и знали, что делиться на мелкие княжества и общины. За это были оставлены на второй год по классу политического преуспеяния.

Метрическое свидетельство дунайских болгар неясно. В нем не то подчистки, не то пробелы. Историки, однако, настаивают на их славянском происхождении; доказательство этому видят в том, что болгары носили усы. Во времена царя Симеона Болгария считала себя счастливой. Народ воевал с венграми, а в свободное время занимался переводами книг. Надо думать, что в то время переводы оплачивались значительно лучше, чем в XX веке у нас.

С болгарами воевали сербы, которые также носили усы. Основатель династии Неманей, великий жупан Стефан, был очень недурным дипломатом и партерным акробатом; побежденный византийским императором Мануилом Компеном, он явился к нему и, «растянувшись во всю длину своего огромного роста», вымолил себе пощаду. Иловайский мудро называет такой образ действий «умением подчиняться обстоятельствам».¹

Крестовые походы

Крестовые походы — своеобразнейшая полоса в истории человечества. Можно с уверенностью сказать, что если Луна имеет или имела свою историю, то Каталаунская битва могла быть, и гвельфы и гибеллины — также, и «его местоимение» Генрих Птицелов — также, но крестовые походы — никогда.

Прежде всего откуда на Луне взяться евреям? А для того чтобы осуществить настоящий священный крестовый поход — необходимо убивать евреев. Это во-первых. Во-вторых... Впрочем, по порядку.

Начать с того, что цель крестовых походов была вовсе не в том, чтобы убивать встречаемых евреев, а в том, чтобы освободить гроб господень из рук магометан. Евреи же просто попадались по дороге, и их убийство нисколько не утомляло благородных рыцарей, имеющих на одежде изображение красного креста. В конце концов это была обычная еврейская замашка: надоедать своим присутствием господам и беспокоить занятых людей, которые их и знать не хотят.

О первом крестовом походе рассказывают так: пустынный Петр Амьенский, вернувшись из Иерусалима, босиком обошел Италию и южную Францию, всюду рассказывая об издевательствах турок над гробом господним и подстрекая к походу. На самом же деле это был не Петр, а Урбан, и не пустынный, а папа, и не босиком, а в туфлях, и не обходил рыцарей и духовенство, а позвал их к себе в Клермон. Папа, подготовляясь в течение месяца, экспромтом произнес замечательную речь и авансом выдал всем участвующим прощение в тех грехах, какие они несомненно совершат на пути в Иерусалим.

¹ Рекомендовано Мин. нар. прос. для реальных училищ, гимназий и прогимназий.

Крестовые походы

Сначала выступили в поход толпы простого народа под предводительством Петра Амьенского (уже настоящего) и рыцаря Вальтера, у которого за душой не было ни гроша и которого не то насмешливо, не то добродушно называли Вальтер Голяк. Когда вдали показывался какой-нибудь город, крестоносцы спрашивали:

— Послушайте, это Иерусалим?

— Нет.

— Нет? А евреи в нем есть?

— Есть.

— А можно их перебить?

— Да, сделайте ваше одолжение.

И шли дальше, стараясь как можно обстоятельнее использовать высокое доверие папы, заранее давшего отпущение грехов. Почти все они были перебиты венграми и погибли от болезней.

Но это была, так сказать, только генеральная репетиция. Настоящее крестовое ополчение премьеры поднялось несколько месяцев спустя. Здесь между прочими рыцарями был и Готфрид Бульонский — имя, которое по неизвестной мнемонической причине остается в памяти русского интеллигента даже тогда, когда все прочие имена и цифры древней, средней и новой истории им давно забыты. Собственно говоря, одним этим и замечателен благочестивый герцог. Но популярность его в среде русской интеллигенции огромна.

Крестоносцы по дороге завоевывали города. А дорога была длинная — три года прошло, прежде нежели войско достигло Иерусалима. Важнейшим из завоеванных городов была Антиохия, прежняя столица Сирии. Здесь, между прочим, нашли копье, которым было прободено ребро Спасителя. Подлинность копья была под большим сомнением. Священник Петр, нашедший его, предложил подвергнуть себя суду божьему — через испытание огнем. Сложили два огромных костра, оставив между

ними промежутков в фут шириною. Петр с копьем в руке медленно прошел между пылающими кострами. Толпа пришла в восторг и, накинувшись на него, стала рвать в клочья его одежду — на память. Более глубокие почитатели в качестве сувенира отрывали от несчастного Петра куски мяса. Через несколько дней Петр, не выдержав подобной любви, умер. Тогда было решено, что копье, конечно, подлинное, но он сам был подложный.

Наконец, подошли к Иерусалиму. После упорного сопротивления город был взят, причем крестоносцы, пылая неукротимым желанием попасть в рай, без пощады избивали магометан и евреев; кони рыцарей ходили по колена в крови — так облагородило крестоносцев величие высокой идеи. На третий день войско, собравшись у гроба господня, плакало от умиления: это были чувствительные мягкие сердца.

Из завоеванных земель было составлено особое Иерусалимское королевство; оно существовало около двухсот лет. Увы! Там все было как и дома: короля не слушались, рыцари ссорились, духовенство было невежественно, законы несправедливы, и народ находился в угнетении. Старая сказка про белого бычка рассказывалась сначала. На помощь государству были образованы рыцарские ордена: иоанниты, тамплиеры и тевтоны, которые усердно сражались с неверными. Но от их усердия мало было проку.

Второй крестовый поход был очень несчастлив: войско изнемогало от болезней и голода; изредка только удавалось поймать какого-нибудь еврейчика и зарезать. О крови неверных, доходящей до колен лошадей, нечего было и мечтать. Миновали счастливые дни Аранжуэца! Уныние охватило благочестивых рыцарей, и они, неутешенные, обманутые в своих ожиданиях, умирали в непроходимых горах.

Через сорок лет стало известно, что Иерусалим находится в чужих руках. Султан Саладин, взяв город, пощадил христианских жителей, без нужды никого не убивал, а иерусалимскому королю Гвидо возвратил свободу. По этим-то поступкам христианская Европа и узнала, что святым городом овладели никто иные, как неверные. Папа, испуганный за судьбу города, велел проповедовать третий крестовый поход. Первым поднялся Фридрих Барбаросса, но утонул в Малой Азии; вслед за ним отправился французский король Филипп-Август и английский король Ричард Львиное Сердце. У Ричарда, кроме огромной физической силы, не было никаких дарований. Он только умел драться, рычать и сердиться. В наше время его не пустили бы в порядочный чемпионат борцов. Вернуть Иерусалим Ричарду Львиному Сердцу, разумеется, не удалось, но зато он навел страх на детей всей округи.

Стали готовиться к четвертому крестовому походу, но он окончился скорее комически, нежели трагически. Крестоносцы собрались в Венеции, чтобы на венецианских кораблях переправиться в Палестину. Во главе ополчения стал старенький старичок дож Дандоло. Так как старичок этот был совершенно слеп, а отчасти также глух, он город Зару (в Далмации) принял за Палестину. Крестоносцы осадили город и, только взяв его, убедились в своей ошибке. Сконфуженные, они пошли дальше и, увидев Иерусалим, бросились на него, стали грабить и жечь.

— Где тут гроб господень? — спросили они после тщетных поисков.

— Опять не попали! — ответили им. — Это вовсе не Иерусалим, а Константинополь.

Вторичная ошибка сильно охладила рыцарей. Они решили не гнаться за этим неуловимым Иерусалимом, а пока что основать здесь же, на месте, Латин-

скую империю. Впрочем, эта новоиспеченная империя просуществовала всего неделю.

После этих неудач многие решили, что Иерусалим вообще куда-то затерялся и найти его немислимо. Было предпринято еще несколько походов, но неудачно. Дошли до того, что в существование Иерусалима стали верить только дети (поход детей)... Да было уж и не до того: с востока явилось совершенно новое племя — монголы — и двигалось на Европу. Надо было шкуру спасать, а не увлекаться фантазиями. Однако на короткое время Иерусалиму повезло: во Франции заболел Людовик IX Святой. Он принимал различные лекарства: ел мед, пил настой из трав и мазал себя медом с солью. Но средства эти не помогали. Осталось последнее, сильнейшее средство — крестовый поход. Людовик дал обед предпринять поход, и, действительно, ему на другой же день полегчало. Но из этого похода, дважды повторившегося, решительно ничего не вышло: король умер, а святая земля очутилась в руках у мамелюков; медицина же раз навсегда отвергла крестовые походы как средство от королевских болезней.

В наше время даже самые наглые шарлатаны-доктора не решаются никому предложить это лекарство.

Франция и Англия во второй половине средних веков

В конце X века французский престол заняла линия Капетингов. Нелегко было этой династии пробиться в люди; в те времена можно было быть королем, но не быть принятым в обществе. Капетинги решили расширить свое дело. Они не стыдились своего королевского достоинства, но не брезговали и другими занятиями: покупали земли, воевали, строили, занимались судебными и общественными делами. Своих бедных родственников выгодно женили и выдавали замуж и, в конце концов, стали на ноги. Надменные бароны, разумеется, свысока смотрели на это сборище королей и, где могли, обижали их.

Хитрая династия стала играть в социал-демократизм и этим расположила к себе французский народ. Разумеется, полиция стала коситься на династию, но на стороне королей по счастливой случайности было духовенство. Полиции пришлось смириться.

Известен Людовик VI по неделикатному прозвищу «Толстый». Ему доктора прописали усиленный моцион, и потому он без усталости сражался со своими же баронами. К концу своей жизни он настолько похудел, что умер.

Его сын Людовик VII также был монархистом. Он вступил в брак с принцессой Элеонорой, но скоро развелся с ней. Элеонора была наследницей обширных владений в юго-западной Франции. Она вторично вышла замуж, на этот раз за Генриха Плантагенета, графа Анжуйского. Генриху повезло: он наследовал английскую корону. И вышло, что английский король, владея французскими землями, считался вассалом первого мужа своей жены. Чтобы распутать этот политико-матримониальный узел, началась война, которая окончилась только через сто лет, то есть тогда, когда кости первого мужа и второго мужа и первой жены и их детей и внуков давным-давно истлели в могиле.

Из Капетингов замечателен Людовик IX, он же Святой. Людовик прославился тем, что любил сидеть под дубом. Другие деревья он менее любил. Он реформировал судопроизводство и был так справедлив, что одного бедного барона, повесивше-

го трех человек, приговорил к штрафу. Эта строгая мера повергла в ужас французских баронов, и с тех пор жизнь человеческая вздорожала.

Внук Людовика IX, Филипп IV Красивый, вступил в борьбу с папой Бонифацием VIII. В Европе очень интересовались вопросом: кто из них кого переотлучит? Оказалось, что победил Филипп; были этим особенно довольны женщины, так как Филипп был красив, а Бонифацию шел восемьдесят шестой год. Папа вскоре умер — как показало медицинское вскрытие — «от стыда и позора» (Иловайский).

Филипп возвел на папский престол Климента V, очень покладистого и послушного наместника Петра на земле. Филипп уговорил папу, что для его здоровья полезнее жить в Авиньоне, чем в Риме. Семьдесят лет подряд папы, поправляя здоровье Климента V (впрочем, давно умершего), прожили в Авиньоне, и это называется почему-то «вавилонским пленением пап».

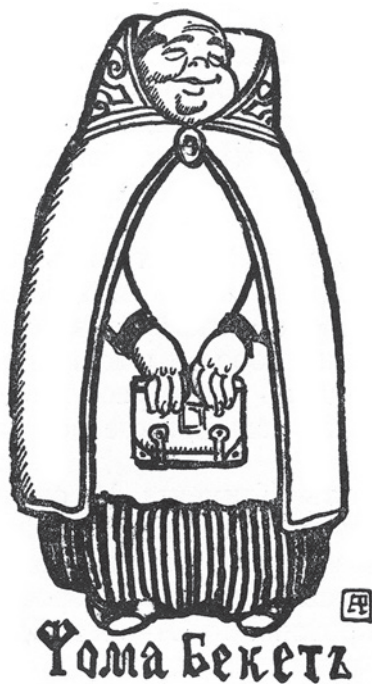
Во время своего спора с Бонифацием Филипп созвал «государственные чины» (etats generaux). Здесь впервые в совете короля явились горожане — «третье сословие». Это были предки той самой французской интеллигенции, которой впоследствии известный русский писатель Максим Горький плюнул в лицо.

При наследнике Филиппа IV, Филиппе Валуа, началась знаменитая Столетняя война с Англией, которая в отличие от Тридцатилетней продолжалась ровно сто лет.

Генрих II Плантагенет с большим умом управлял Англией. Так, по крайней мере, утверждают. Немало огорчений приносило ему духовенство. В Англии духовенство, между другими привилегиями, пользовалось также правом не подлежать светскому суду, а также не садиться под дубом или другим каким деревом, как то было во Франции при Людовике Святом. Благочестивые монахи, убив крестьянина, или ог-

рабив дворянина, или обесчестив женщину, или обокрав горожанина, оставались почти безнаказанными. Отсюда народ стал выводить заключение, что жизненное назначение духовенства — это убивать, грабить и воровать, а не молиться. Чтобы искоренить подобное, во всяком случае преувеличенное, мнение, Генрих II стал вмешиваться в церковные дела. Но встретил опасного противника в лице своего прежнего друга, кентерберийского архиепископа Фомы Бекета. Этот Фома прежде, чем сделаться архиепископом, много ел и пил, но когда им сделался — мало ел и мало пил.

После его смерти, в которой был повинен Генрих II (и что он, между прочим, клятвенно отрицал), около гроба стали совершаться чудеса. Оба сына Генриха прославились, каждый по-своему. Первого называли Львиное Сердце, а второго — Иоанн Безземельный. У Ричарда было хоть львиное сердце, а у Иоанна — никакого. Кроме того, у него отняли все земли, и он, таким образом, очень походил на шахматного короля. Английские бароны и горожане вскоре объявили ему шах и мат, заставив подписать

Фома Бекет

«Великую хартию вольностей» (1275 г.). В этой хартии, между прочим, были такие параграфы:

§1. Не могут быть налагаемы новые подати без согласия представителей духовенства и вельмож.

Примечание. Допускаются исключения.

§2. Никакой свободный человек не может быть посажен в тюрьму иначе как по приговору суда.

Примечание. Допускаются исключения.

§3. Подданные получают право силою воспротивиться нарушению законов.

Примечание. Но за это их наказывают по примечанию §2.

При Иоанне Безземельном еще, слава богу, не было парламента, но при преемниках его уже, «слава богу, были и конституция и парламент». Английский парламент составлен по образцу биллана Райта: он состоял из двух палат — верхней и нижней. Значение английского парламента так велико, что до сих пор русские прокуроры разъясняют его многим общественным деятелям, предлагая поразмыслить о нем в одиночестве и на досуге.

«Таким образом, — рассказывает Иловайский, — в Англии и во Франции история королевской власти приняла два противоположных направления. Во Франции короли, соединившись с горожанами, усилили свою власть и потеряли дворянство, в Англии горожане соединились с дворянством и ослабили значение короля». Это совсем как в сказке: пойдешь налево — дворянство потеряешь, пойдешь направо — горожан потеряешь. А останешься на месте — Иловайский о тебе некролог напишет.

В начале Столетней войны французы хвастливо говорили:

— Англичане пороку не выдумают.

Но они выдумали, и в сражении при Креси впервые со стороны англичан в дело пущен был порох. Французы, ошарашенные неожиданностью, бежали.

Вообще вначале французам не повезло. Их били со всех сторон. Против дворянства поднялось сельское население. Произошло страшное восстание, известное под именем Жакерии. Крестьяне жгли замки и убивали баронов. Одновременно с этим в Париже поднялось торговое и ремесленное сословие. Восстание было скоро подавлено, и с тех пор во всех странах строжайше запрещены всякие бунты и восстания, как в деревнях, так и в городах. Запрещение это сохраняет силу по сей день. С Англией был заключен мир, причем французам удалось перехитрить своих врагов.

— Мы вам вернем короля, а вы нам уплатите столько-то и столько, — предложили англичане.

— Королей у нас достаточно, а денег мало, — ответили французы. — Берите себе короля на здоровье.

И англичане удержали Иоанна Доброго, который им абсолютно ни на что не был нужен. Но он был так добр, что скоро умер.

При сыне его Карле Мудром дела французов улучшились. Выгодно сбыв своего отца англичанам, Карл этим поправил государственный бюджет. Кроме того, под рукой случился рыцарь Бертрэн Дюгексен, который, по причине своего безобразия, был очень храбр и вернул Франции почти все юго-западные провинции.

Сын Мудрого оказался сумасшедшим, однако не настолько, чтобы не иметь детей. При его сыне Карле VII появилась удивительная личность, которая до сих пор не

перестает провоцировать актрис и даже актеров (впрочем, только русских), подстрекая их на подвиг; это — Жанна д'Арк.

Франция находилась на краю гибели, а Жанна д'Арк сидела под дубом. Но она там никого не судила, а только мечтала. Город Орлеан был осажден англичанами, и покойная Благочестивая Екатерина и Маргарита, следившие за внешней политикой, четыре года подряд толковали Жанне, что они помогут ей спасти Францию — по два года на каждую покойницу. Но родители Жанны и слышать не хотели, чтобы дочь в подобном обществе пошла на Орлеан. Это были люди невежественные, не читавшие истории и потому не знавшие, чем закончится этот поход. Наконец, покойные благочестивицы так пристали к Жанне, что она без спроса ушла к парикмахеру. Это был добрый человек и патриот. Он в долг отрезал ей волосы и даже достал ей мужское платье. Впрочем, прекрасные волосы Жанны он потом с выгодой продал одной молодой даме, нуждавшейся в накладке.

Жанна отправилась в замок Шинон, где в то время находился король. Она просила вверить ей отряд. Но двор, вместо того чтобы немедленно удовлетворить ее просьбу, стал донимать ее экзаменом по богословию. Бедная девушка, как выяснилось, больше всего в жизни терпела от экзаменов. Часть епископов и богословов уже готовы были назначить ей переэкзаменовку на осень, но король сжалился над Жанной и дал отряд воинов.

Жанна с белым знаменем в руках пробралась в Орлеан, воодушевила французов, и англичане были отбиты. По этому поводу даже написаны стихи, которые все хвалят и никто не читает.

Жанна д'Арк

Жанна считала свою миссию оконченной. Боясь возможности повторения экзаменов, она хотела удалиться в деревню. Но, по настоянию короля, осталась в войске. Это был очень неосторожный шаг. Начались неудачи. Она повела войско на Париж, но нападение было неудачно, она была ранена и попала в руки англичан. Здесь оправдались ее самые мрачные предчувствия: ее действительно стали экзаменовать!

— Любит ли праведная Маргарита англичан? А праведная Екатерина? А господь бог?

Бедную Жанну д'Арк срезали! О переэкзаменовке не могло быть и речи. Англичане решили сжечь ее на площади. Но ее смерть повредила англичанам больше, чем ее жизнь. Французы, и без того ненавидевшие своих врагов, понатужились и стали их еще больше ненавидеть. Борьба продолжалась до 1456 года и окончилась изгнанием англичан из Франции.

Карл VII, герой, о судьбе которого заботились две давно умершие праведницы — Екатерина и Маргарита, тот, ради которого Жанна д'Арк пожертвовала своими волосами и жизнью, оказался самым обыкновенным, заурядным, толстым, вялым и ленивым человеком. Он скоро сообразил, что ждать каждый раз помощи от праведниц не совсем благоразумно, а лучше завести собственное постоянное войско. Увы, с первого же дня своего существования это регулярное войско стало называться «жандармами»! Вот какие неожиданные последствия имел романтический подвиг прекрасной Жанны д'Арк.

Сын этого первого шефа жандармов, Людовик XI, был большой оригинал. К феодалам он испытывал нечто вроде идиосинкразии, преследуя их где и как мог. Смирнейших из них он не подпускал ко двору. Его лучшими друзьями были цирюльник и палач. В последние годы своей жизни он превратился в маньяка. Жил среди болот и лесов в укрепленном замке, занимаясь тем, что мучился угрызениями совести. Ему мерещились заговоры и бунты. Он держал целую армию шпионов, и азефы того времени хорошо наживались. Чтобы скрыть свое болезненное состояние, он посылал покупать дорогих собак, львов и коней: пусть-де говорят, что король интересуется охотой. При нем состояли какие-то подозрительные астрологи, спириты, маги... Однако

Людовик XI

при нем же впервые завелась правильная почта, он заботился о судопроизводстве и о шоссейных дорогах, почему-то сближая эти два понятия.

Между тем в Англии вспыхнули жестокие междоусобия; причиной этому было то, что у одной стороны воюющих в гербе находилась алая роза, а у другой белая. Война Алой и Белой розы имела целью уменьшить число представителей королевского дома и феодального дворянства, а уцелевших — разорить. Цель эта, после долгих эволюций, была блестяще достигнута. Особенно много пришлось повозиться с добродушным королем Генрихом VI. Его добродушие и незлобивость были так велики, что он не обижался, когда его свергали с престола. Он только отряхивался и опять усаживался на трон. Ему никак не могли втолковать, что в порядочной истории так не поступают, и его друг, граф Варвик, недоуменно пожимая плечами, возвращал ему корону Англии. Этот Варвик вообще занимался тем, что приискивал короны желающим, за что его прозвали „Kingsmaker“, что значит «делатель королей». Он даже готовился заказать особую вывеску, на которой был изображен господин в королевском одеянии с двумя розами в руках — белой и алой — и внизу подпись: «Сих дел мастер. Вход рядом, через акушерку».

Но вывеска эта не увидела света, так как граф был убит, сражаясь за одного из своих протезе.

Борьба шотландцев с англичанами за свою независимость происходила мелким шрифтом и имела непосредственной целью дать материал одному английскому драматургу, который, по мнению таких авторитетов, как Лев Толстой и Бернард Шоу, лишен был всякого дарования. Драматург этот писал стихами, но не имел никакой фантазии, и поэтому английские и шотландские короли и полководцы Ричард II, Ричард III, Макбет и другие должны были прийти ему на помощь. Полагают, что этого драматурга звали Вильям Шекспир. В русских провинциальных театрах его почти-тельно называют Василий Иванович и в бенефис заезжего трагика любознательная публика его громко вызывает.

Германия во времена Габсбургов и Люксембургов

Когда прекратилась династия Гогенштауфенов, в Германии настало время междоусобиц. В эту смутную эпоху у князей была тенденция выбирать королей-гастролеров. Таковы английский принц Ричард и кастильский король Альфонс X. Эти гастролеры только носили титул, а в Германию почти не являлись. Силой гнать их туда было неловко; и если взглянуть по-человечески, они по-своему были правы. В Германии жилось невесело. Бароны и рыцари грабили по дорогам купеческие обозы, захватывали проезжающих и требовали выкупа. Правосудия искать было не у кого; оно, как и короли, было в безвестном отсутствии. Его даже не было под дубом. Возник совершенно своеобразный вид судопроизводства: тайные судилища. Рыцари собирались вместе в каком-нибудь подземелье и с масками на лицах составляли приговоры — большей частью заочные.

— Кто ты, прекрасная маска?

— Прокурор. А ты, прекрасная маска?

— Палач.

— Палач? Я не узнал тебя.

Около трехсот лет существовали эти суды, да и теперь еще, хотя маски сняты, в некоторых диких странах продолжают подобные суды.

Вначале это еще было очень весело, полагает Иловайский, потому что пишет: «Смуты междоусобия наскучили князьям». Повеселившись вдоволь, князья решили выбрать из своей среды какого-нибудь захудалого правителя. Кандидат должен был быть не очень умен, в меру справедлив и в меру набожен. Таковой нашелся в лице Рудольфа Габсбургского. Однако, вступив на престол, он стал более справедлив, чем это от него требовалось: преследовал хищных рыцарей, наказывал за убийства и грабежи, разрушал гнезда разбойников. Все это вызывало вполне понятное удивление и ропот. Богемский король Отокар, считая подобный образ действия несовместимым с достоинством правителя, поднял на Рудольфа оружие. Но был побежден, и его земли — герцогство Австрия, Штирия и Крайна — перешли к сыновьям страшного императора.

Габсбурги, как и Капетинги во Франции, решили во что бы то ни стало сделать карьеру на троне. Они не раздавали своей земли, а исподволь собирали ее. Но при сыне Рудольфа Альбрехте I пришлось вписать в пассив Швейцарию.

Швейцария в древности называлась Гельвеция и, судя по последующим событиям, была богата яблоками. Ее населял храбрый пастушеский народ, который умел исковеркать любой язык так, что его никто уж не мог понять. В средние века Швейцария входила в состав Германии. Три лесных кантона: Швиц, Ури и Унтервальден, лежащие вокруг прекрасного Фирвальдштетского озера, сохраняли свою независимость. Альберт I вздумал подчинить их. Тогда вспыхнуло восстание. Уполномоченные от каждого кантона глубокой ночью собрались на горе Рили, где заключили клятвенный союз общими силами отстоять свободу и родные яблоки. Немецкий писатель Шиллер написал по этому поводу прекрасную драму, а благодарные потомки швейцарцев в увековечение события построили на этом месте гостиницу.

Далее события шли со сценической быстротой. Злой Фогт Гесслер велел на площади Альторфа поставить шест и повесить на нем старую шляпу австрийского герцога: все проходившие должны были ей кланяться. Но крестьянин Вильгельм Телль, имея двоих детей и жену, не поклонился. Его схватили, и в наказание он должен был стрелять в яблоко, положенное на голову сына. Телль попал в яблоко, но сообщил, что если бы не попал, то следующей стрелой пронзил бы самого Гесслера. Никто, собственно, не тянул его за язык; за эти слова его заковали и повели с собой. А на том месте, где он стрелял в сына, построили гостиницу.

Вильгельма Телля посадили в лодку, и по дороге началась буря. Его расковали, чтобы дать возможность править лодкой. Но Телль — не будь дураком — выскочил на берег и скрылся. Теперь на этом месте гостиница. Через некоторое время он подстерег Гесслера и убил его стрелой. Теперь там гостиница.

Через несколько лет сильное австрийское войско явилось в Швейцарию, но их встретили камнями, алебардами и, вероятно, гнилыми яблоками. Долго и упорно пришлось бороться швейцарцам и выказывать чудеса храбрости. Поэтому не надо удивляться тому, что в Швейцарии теперь так много гостиниц, и часто скверных. Они выказывали себя превосходными защитниками своей свободы и потому впоследствии стали одалживаться для защиты уже чужой свободы. Эти подраяды на защиту свободы они исполняли храбро и выгодно.

Чтобы ввести в жизнь двора некоторое разнообразие, князья стали выбирать императоров из других фамилий. Особенно хороших правителей поставлял Люксембургский дом. Карл IV из этого дома основал в Праге первый германский универ-

ситет. Кроме того, он особой золотой буллой определил, в каком порядке должны избираться правители. Но как от них освободиться — он не пояснил. Впрочем, руководством его ныне никто не пользуется.

При Сигизмунде имело место так называемое «гуситское движение», порожденное великим расколом в католической церкви.

Эту эпоху раскола можно смело назвать «эпохой перепроизводства пап». Пап оказалось гораздо больше, чем требовалось для этого случая. Один папа сидел в Авиньоне, другой в Риме, а третий папа пока что гастролировал в провинции, в Пизе. Если припомнить, что папам, как и всему духовенству¹, было предписано безбрачие, то надо прийти к заключению, что папы в эту смутную эпоху появлялись именно вегетативным путем.

Против подобного способа, а также против многого другого восстал Ян Гус, профессор богословия Пражского университета. За Гусом пошли преимущественно чешские профессора и студенты. Немецкие же студенты в количестве пяти тысяч ушли из Праги. Таковы были первые студенческие беспорядки в молодом университете. Некоторые историки полагают, что если бы в то время правительство энергично взялось за ликвидацию студенческих беспорядков, то никакого гуситского движения не было бы и все уладилось бы домашним способом. Трудно сказать, насколько они правы, но Гус, между прочим, был сожжен.

Чтобы прекратить противоестественное и нежелательное увеличение пап, был созван Констанцкий собор. Но собор этот дал самые неожиданные результаты: появился четвертый папа. Дело начинало не на шутку беспокоить Европу. Стали подозревать какое-то колдовство и ересь. Подозрение пало на Яна Гуса, и ученые мужья потребовали его в Констанцу. Он получил охранную грамоту от императора, в которой тот ручался за его безопасность. Увы, бедный профессор еще не знал, что его так бессовестно подведут... Гуса и его сочинения решено было сжечь. После этого размножение пап действительно прекратилось.

Но зато Чехия, взволнованная мученической смертью Гуса, поднялась на немцев. Предводителем восстания явился Ян Жижка, жестокий, смелый старик. В каждом сражении — рассказывает история — он терял по глазу, а таких сражений было множество. С большим трудом Сигизмунду удалось восстановить спокойствие в Богемии.

Люксембургский дом прекратился, и на престоле вскоре очутился представитель Габсбургов — Фридрих III. Это было апатичнейшее существо, совершенно не интересовавшееся тем, что происходило в стране. Спокойная семейная жизнь и кружка доброго пива вполне его удовлетворяли. Ему говорили:

— Послушайте, от вас отложились чехи!

— А? Что? Да, я слышал.

— От вас отложились венгры!

— Слышал... слышал, — бормотал апатичный император. — Не хотите ли кружку?

— Послушайте, от вас...

— Да отстаньте! Как вам не надоест?

Его сын Максимилиан I считался «последним рыцарем». Кроме того, он был превосходнейшим сватом, выгодно пристроив всех своих родственников. Если бы

¹ Епископ Генрих фон Люттих оставил после себя более шестидесяти детей.

он издавал «Брачную газету», то имел бы несомненный успех и, конечно, не раз был бы оштрафован. Он учредил особое бюро, где решались взаимные распри немецких областей. Бюро это носило название «Рейхскаммергерихт», или «Верховный императорский суд». Вначале бюро это посещалось неохотно, но потом дела поправились и бюро процветало.

Италия и Испания. Падение Византии

1. Италия раздробилась на многие владения, причем политическое устройство их было так разнообразно, что можно думать, будто человечество здесь делало ряд специальных опытов: от монархии переходили к вольным городам, к республикам демократическим, аристократическим и чуть не к анархическим коммунам. Почему именно в таком-то городе учреждалась монархия, а в другом — республика, а не наоборот, никто не мог сказать. Некоторые историки предполагают, что здесь была устроена особая лотерея.

Городу Милану по этой лотерее досталась аристократическая республика, причем городской *protestas*, императорский наместник, волею судеб превратился в республиканца. Но богатые миланские фамилии то и дело захватывали власть над республикой. Некий юноша Франческо Сфорца, обладая красивой внешностью, решил сделаться предком, а именно — родоначальником новой герцогской фамилии. Это рискованное предприятие ему удалось, и с той поры в истории появилась фамилия Сфорца.

Между тосканскими республиками возвысилась Флоренция. Здесь укрепились, так сказать, перемежающаяся республика, то есть правление было то в руках демократии, то аристократии. В XII веке правительственный совет был составлен из представителей торговых и ремесленных цехов. Дворяне вели себя плохо, но, убедившись, что дурным поведением они ничего не достигнут, стали вести себя хорошо и швырять деньгами во все стороны. Последнее обстоятельство очень понравилось народу, и некий Кузьма, глава банкирского дома Медичи и К⁰, сделался полновластным лицом в республике. Он, как и Франческо Сфорца, также стремился стать предком и для этой цели распорядился возродить науки и искусства. Особенно хорошо возродились искусства, так что до сих пор эпоха Медичи вызывает в потомках справедливую и благородную зависть. Разумеется, дело не обошлось без заговоров, но, по мнению Иловайского, заговоры эти ясно доказывали, что в каждой республиканской стране народное большинство всегда на стороне монархии. Имеет ли это положение обратную силу — неизвестно.

Два важнейших города северной Италии — Венеция и Генуя — сохранили у себя республику и больше нуждались в потомках, чем в предках. Вообще можно взять за правило: монархия жива предками, а республика — потомками. В конституционных же странах смесь того и другого.

Венеция своим происхождением обязана Аттиле: жители, спасаясь от этого хищника, бежали на низменные песчаные острова лагун Адриатического моря, и здесь мало-помалу образовался народ. Управлением заведовал Верховный Совет. Чтобы попасть в него, надо было предварительно быть записанным в золотую книгу. А в золотую книгу вносились только члены Верховного Совета. «Вот тут и вертись», — как говорит Медведенко в «Чайке». За тишиной улиц никто не наблюдал, потому

что улиц не было. Но за политическим спокойствием, или, как теперь выражаются, за «внутренними врагами», имел наблюдение «Совет десяти», который, по остроумной догадке историков, большей частью состоял из десяти человек. Это было тайное судилище, облеченное неограниченной властью. Человек, заподозренный в политической неблагонадежности, вдруг исчезал неизвестно куда, и о нем даже не смели спрашивать. Следует заметить, что тогда политической неблагонадежностью считалось приверженство к монархизму, между тем как теперь... Так меняются времена!

Генуя была постоянной соперницей Венеции и не раз с нею ссорилась. Но Генуя не имела такого решительного правительства и в вопросе, что лучше — монархия или республика, — часто колебалась. Поэтому бог скоро наказал ее.

2. Пиренейский полуостров в VIII веке был покорен маврами. Но, поселившись в Испании, они скоро потеряли свою воинственность и стали заниматься торговлею. Полагают, что многие из них уже тогда ходили по дворам и кричали: «Халат! Халат!» Это было апогеем развития испанского халифата. После этого пресеклась династия Омайядов и халифат раздробился на мелкие государства: Гренада, Севилья, Валенсия и другие. Отчасти об этом событии повествует известное стихотворение в знаменательных строчках: «От Севильи до Гренады в темном сумраке ночей». Эти строчки интересующиеся могут услышать на любом благотворительном концерте в Петербурге.

Это раздробление было сделано историей для того, чтобы облегчить христианам¹ борьбу с маврами. И действительно, арабские владения одни за другими стали переходить в руки христианских государей. Самую решительную войну с маврами вели кастильцы: из рыцарей в этой борьбе прославился Родриго Диас, более известный под псевдонимом Сид. Сид — любимый герой испанских песен, и большую ошибку делают те, которые путают Сид и «сидр».

Король арагонский Фердинанд II, прозванный Католиком, вступил в брак с наследницей кастильской короны Изабеллой. Этим было положено основание Испанскому королевству. Фердинанд взял Гренаду — последний оплот мусульманских владений. Великолепный город был предан разграблению.

Фердинанд спал и видел единую нераздельную монархию. Эта мрачная фигура средневековья смотрела на религию как на обязательное полицейское постановление, а на духовенство как на жандармов. Папа же, по понятию этого благочестивого и богобоязненного короля-католика, должен был представлять нечто среднее между обер-прокурором и шефом жандармов. По желанию Фердинанда папа учредил инквизицию, то есть высшее духовное судилище, которое имело целью, во-первых, славить бога, а во-вторых, преследовать еретиков и отступников. От святой инквизиции особенно жестоко страдали мавры и евреи. Евреев почтенный Иловайский рассматривает в одной главе с торговыми путями, вероятно, полагая, что это тоже нечто вроде дорог или водяного сообщения. Но евреи были не дороги, а особый народ, который при любом обороте колеса истории всегда являлся страдательным лицом.

Святая инквизиция, зажигая костры во имя славы божией, не делала для евреев никаких ограничений, и идея католичества совершенно одинаково утверждалась пеплом сожженных мавров, евреев и христиан — политических врагов Фердинанда.

¹ К сожалению, они были католиками (примечание Иловайского).

Этот благочестивый монарх, к слову сказать, умер ужасной смертью: его живьем засли вши.

3. Между тем дни Византии были уже сосчитаны. Надо полагать, что история очень считалась с Византией, уважая и высоко ставя ее заслуги, ибо для того, чтобы с нею покончить, судьба выбрала очень сложную систему.

Началось это издавна, еще при Чингисхане. Одна турецкая орда покинула свои кочевья в Хорасане (северо-восточная часть Персии) и перешла на запад, в Армению. По имени своего предводителя Османа эти турки впоследствии стали называться османскими. Тогда еще никто не понимал, для чего это делается, это было, так сказать, первым предостережением. Турки, вероятно, посвященные в хитрый план исторической судьбы народов, стали уверенно завоевывать малоазиатские провинции Византии. При Баязете I Византия уже готовилась к смерти, ибо он, опустошив Сербию, шел на Константинополь. Но успехи Баязета неожиданно были остановлены совершенно новым монгольским завоевателем — Тамерланом. Вычислено — и с достаточной точностью, — что вследствие удара, нанесенного Тамерланом Турецкому государству, христианский Константинополь просуществовал лишних ровно пятьдесят лет. В этом опять-таки нельзя не видеть проявления особого внимания истории к заслугам византийских царей.

Тамерлан по справедливости считается архистрашилищем. Во-первых, он родился с куском запекшейся крови в руках, а во-вторых, с седыми волосами, как у нынешнего К. С. Станиславского. Но этот архиварвар (не Станиславский, а Тамерлан) питал уважение к ученым людям и щадил памятники культуры. В Малой Азии при Ангоре он разбил турок, Баязет был захвачен в плен, где и умер. Скоро умер и Тамерлан, готовясь к походу на Китай. В диких монотонных песнях кочующих монголов еще можно услышать воспоминания о былой славе давно угасших времен.

Но отсчитанные льготные пятьдесят лет подходили к концу. Царствование премников Михаила Палеолога на византийском троне было эпохой постепенного падения Византии. Наступали последние дни; дошло до того, что Палеологи соглашались — о ужас! — на подчинение греческой церкви папе, только бы тот помог им. Но папа, прежде чем прислать помощь против турок, стал бесконечно рассказывать о чистилище, о рае, апостолах... Все это, конечно, было очень интересно, но не теперь, когда турки стояли под самым Константинополем. Иоанн VI, почти не торгуясь, согласился, что латинские святые были святее греческих, и что апостол Петр был рожден католиком. В подтверждение этого был составлен протокол под именем Флорентийской унии. Но греческий народ не согласился с протоколом, и это произведение страха и трусости позорно провалилось.

Последним византийским императором был Константин XI Палеолог. Империя тогда достигла минимальных размеров, некоторые острова и небольшие византийские владения в Пелопоннесе управлялись братьями императора, которые носили необыкновенный мягкий титул — «деспотов», но это была не характеристика их, а занятие.

Магомет II решил, не дожидаясь окончания спора о рае и чистилище, покончить с Константинополем. Двухсоттысячное войско осадило столицу. Генуэзцы и венециане, желая выказать свое сочувствие, прислали на помощь Византии несколько галер. По сравнению с превосходящими силами неприятеля это было не более как красивый жест. Вход в константинопольскую гавань — Золотой Рог — был заперт желез-

ными цепями, и турецкие суда не могли проникнуть в нее. Султан велел перетащить их сухим путем по доскам, намазанным свиным салом, хотя как магометанин чувствовал инстинктивное отвращение к свинине. Город был взят. Константин, сражаясь как простой солдат, был убит. Его голову выставили на высоком шесте. Три дня продолжались грабежи, причем турки обнаружили себя совершенными профанами в области искусства: разбили множество статуй и уничтожили ценные картины и украшения. Это, во всяком случае, чести им не делало. Софийский собор был обращен в мечеть, и на место креста был водворен полумесяц...

Чехи, литовцы, поляки, болгары и сербы спешно доканчивали свою среднюю историю, потому что средние века уже подходили к концу и было известно, что, как только откроют Америку, сейчас начнутся новые века, а ждать никого не будут.

И действительно, уже приближались новые века с новыми идеями и новыми богами, которые для своего утверждения требовали совершенно новых потоков крови.

А прежняя кровь, океанами пролитая в честь старых или, правильнее сказать, средних богов, давным-давно высохла, и про нее вспоминали только в учебниках, составленных для лиц младшего возраста.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Аркадий Аверченко

Введение

История средних веков постепенно и незаметно переходила в Новую историю. Различие между этими двумя периодами заключается в том, что человечество, покончив со средними веками, сразу как-то поумнело и, устыдившись своей средневековой дикости, поспешило сделать ряд шагов, которым нельзя отказать в сообразительности и здравом смысле.

В средние века поступательное развитие культуры измерялось лишь количеством сожженных на площадях колдунов да опытами над превращением живых людей в кошек, волков и собак (опытами, принесшими ученым того времени полное разочарование). Новая история пошла по другому, более просвещенному пути. Правда, колдунов на кострах все еще продолжали сжигать, но делали это уже безо всякого одушевления и подъема, с единственной целью заполнить хоть каким-нибудь развлечением зияющую пустоту пробуждающегося ума и души.

Таким образом, великие люди, положившие своим гением начало Новой истории, имели уже благодарную почву в жаждущих чего-то нового душах простых людей... Изобретатели и открыватели могли уже начать свое дело без жгучего риска быть сожженными на приветливых огнях костров во славу божию (*ad marojem Dei Hloriam*).

Человечество сделалось сразу таким культурным, что ни Гутенберг, ни Колумб не были зажарены на костре: первый скончался просто от голодухи и бедности, второй — от тяжести тюремных оков, в которые заключил его удивленный его открытиями король Фердинанд. В религиозных верованиях тоже пошла коренная ломка: как раз из мешка посыпались разные реформаторы, протестанты, Эразмы Роттердамские и Мартини Лютеры.

Монахи были в большой моде, а один из них — Бертольд Шварц — ухитрился даже выдумать порох, что не удавалось до него даже самым интеллигентным людям того времени. Таким образом, при веселом грохоте пушек, скрипении печатных станков и воплях новооткрытых краснокожих человечество вступило в период Новой истории!

Эпоха изобретений, открытий и завоеваний

1. Книгопечатание и бумага

Раньше, до изобретения книгопечатания, люди писали черт знает на чем: на коже животных, листьях, кирпичках — одним словом, на первом, что подвертывалось под руку.

Сношения между людьми были очень затруднительны... Для того чтобы возлюбленный мог изложить как следует предмету своей любви волнующие его чувства, ему приходилось отправлять ей целую подводу кирпичей. Прочесть написанное представляло такую неблагоприятную работу, что терпение девицы лопалось, и она на десятом кирпиче выходила замуж за другого.

Кожа животных (пергамент) тоже была неудобна, главным образом своей дороговизною. Если один приятель просил у другого письменно на пергаменте займы до послезавтра сумму в два-три золотых, то он тратил на эту просьбу всю полученную заимообразно сумму, так как стоимость пергамента поглощала заем. Отношения портились, и происходили частые драки и войны, что ожесточало нравы.

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что появление на рынке тряпичной бумаги смягчило нравы.

Первыми, кто научил европейцев делать бумагу, были — как это ни удивительно — арабы, народ, прославившийся до того лишь черным цветом лица и необузданным, лишенным логики поведением.

Кстати, у арабов же европейцы позаимствовали и другой, очень остроумной штукой: арабскими цифрами. До этого позаимствования в ходу были лишь римские цифры, очень неудобные и громоздкие. Способ начертания их был насколько прост, настолько же и неуклюж. Если нужно было написать цифру один, писали I, два — II, три — III и так далее, по величине цифры количество палочек. Оперирование с однозначными цифрами еще не представляло затруднений... Но двузначные и трехзначные занимали целую страницу единиц, и, чтобы сосчитать их, приходилось тратить произвольно уйму времени. А цифру «миллион» и совсем нельзя было написать: она занимала место, равное расстоянию от Парижа до Марселя.

Таким образом, ясно, какое громадное значение для культуры и торговли имели арабские цифры, и можно вообразить, как гордились своей выдумкой арабы, задирая кверху свои черные, сожженные солнцем носы...

Книгопечатание на первых порах стояло на самой жалкой, низкой ступени. Если бы Иоганна Гутенберга, изобретателя книгопечатания, привести теперь в самую ординарную типографию, печатающую свадебные приглашения и меню, и показать ему обыкновенную типографскую машину, он ничего бы в ней не понял и, пожалуй, выразил бы желание «покататься» на маховом колесе.

Во времена Гутенберга печатали книги так: на деревянной доске вырезывали выпуклые буквы, намазывали черной краской и, положив на бумагу доску, садились на нее в роли подвижного энергичного пресса. От тяжести типографа и зависела чистота и четкость печати.

Вся заслуга Гутенберга заключалась в том, что он напал на мысль вырезать каждую букву отдельно и уже из этих подвижных букв складывать слова для печати. Кажется, мысль пустяковая, а не приди она Гутенбергу в голову, книгопечатание застряло бы на деревянных досках и человечество до сих пор сидело бы в каком-нибудь семнадцатом веке, не догадываясь о причине своей отсталости. Ужас!

Будучи сообразительным человеком по части книгопечатания, Гутенберг в жизни был сущим ребенком, и его не обманывал и не обсчитывал только ленивый... История говорит, что он вошел в компанию с каким-то золотых дел мастером Фаустом. Тот типографию забрал себе, а Гутенберга прогнал. Гутенберг опять нашел какого-то, как гласит история, «очень богатого отзывчивого человека». Отзывчивый чело-

Типограф играл роль пресса при книгопечатании

век тоже присвоил себе типографию, а Гутенберга прогнал. В это время нашелся еще более отзывчивый человек — архиепископ майнцкий Адольф. Он принял Гутенберга к себе, но не платил ему ни копейки жалованья, так что Гутенберг избавился от голодной смерти только поспешным бегством. Так до конца жизни Гутенберг бродил от одного мошенника к другому, пока не умер в бедности.

2. Магнитная стрелка

Что касается важного изобретения в истории человеческой культуры — магнитной стрелки, то пишущий эти строки так и не добился толку: кем же, в сущности, магнитная стрелка выдумана? По одним источникам, ее изобрел какой-то Флавио Джойо из Амальфи, по другим — она была известна еще во времена крестовых походов.

Вот и разберись тут.

На всякий случай Джойо соотечественники поставили памятник, и так как патент на эту остроумную выдумку (не на памятник, а на магнит) никем не заявлен, то магнитные стрелки теперь может изготавливать всякий, кому придет охота.

По мнению пишущего эти строки, все-таки для историков остался один путь, с помощью которого можно легко проверить, изобрел ли магнитную стрелку действительно Флавио Джойо.

Стоит только выяснить: умер ли он в нищете? Если это так, значит, он и изобрел компас.

Примеры Гутенберга, Колумба и других в достаточной мере подтверждают это правило.

3. Порох

Не менее загадочна история с изобретением пороха. Молва приписывает эту заслугу монаху Бертольду Шварцу, но так как нет данных, свидетельствующих о том, что он умер в нищете, то и причастность Шварца к делу об изобретении пороха довольно сомнительна.

Предлагаем читателю на выбор: Бертольда Шварца или еще одного монаха Роджера Бэкона, которому приписывалось изобретение пороха еще в XIII веке. О последнем в истории сказано: «...Он умел составлять порох, заподозрен в ереси, подвергся преследованию и умер в тюрьме».

Это показывает, что уже и в те времена всеми сознавалась разрушительная сила пороха и против нее принимались радикальные меры.

Изобретение пороха произвело коренной переворот в военном искусстве.

Раньше опытные, закаленные в боях воины поступали так: заковывали себя с ног до головы в железо, вскарабкивались с помощью слуг на лошадь и бросались в битву. Враги насакивали на такого воина, рубили его саблями, кололи ножами, а он сидел как ни в чем не бывало и иронически поглядывал на врагов. Если его стаскивали за ногу с лошади, он тут не терялся: лежал себе на земле и иронически поглядывал на врагов.

Те долго и тщетно хлопотали вокруг этой гигантской замкнутой устрицы, не зная, как открыть ее, как достать из-под железа кусочек живого человеческого мяса... Провозившись бесплодно несколько часов над рыцарем, враги почесывали затылок и, выругавшись, бросались на других врагов, а к победителю приближались верные слуги и снова втаскивали его на коня.

Так и возили это бронированное чучело с места на место, пока враги не обламывали об него свое холодное оружие и не сдавались в плен.

С изобретением пороха дела храбрых замкнутых рыцарей совсем пришли в упадок. Стоило стащить такого рыцаря с лошади и подложить под него фунта два пороха, как он сейчас же размыкался, разлетался на части и приходил в совершенную негодность.

Таким образом, изобретение пороха повело к упразднению личной храбрости и силы... Военное дело было реорганизовано, появились ружья, пушки, укрепленные города затрещали, а дикари, незнакомые с употреблением огнестрельного оружия, впали в совершенное уныние. Европейцы их били, колотили и презирали на том основании, что они «пороху не выдумали!».

4. Открытие Америки

Очевидцы утверждают, что Америка была открыта Христофором Колумбом, прославившимся, кроме того, своей силой и сообразительностью: во время диспута с учеными Колумб в доказательство шарообразной формы Земли раздавил на глазах

присутствующих — без всяких приспособлений — куриное яйцо. Все ахнули и поверили Колумбу.

Разрешение на открытие Америки Колумб получил условно, то есть в договоре правительства с Колумбом было сказано буквально так: «Мы, Фердинанд Арагонский с одной стороны и Христофор Колумб с другой, заключили настоящий договор в том, что я, Фердинанд, обязуюсь дать ему, Колумбу, денежные средства и корабли, а он, Колумб, обязуется сесть на эти корабли и плыть куда придется. Кроме того, упомянутый Колумб обязуется наткнуться на первую подвернувшуюся ему землю и открыть ее, за что он получает наместничество и десятую часть доходов с открытых земель».

Относясь чрезвычайно почтительно к памяти талантливого Колумба, мы тем не менее считаем себя обязанными осветить эту личность с совершенно новой стороны, непохожей на ту, которая была бы создана исторической рутиной.

Вот что мы утверждаем:

1) выезжая впервые из гавани Палоса (в Испании), Колумб думал только об отыскании морского пути в Индию, не помышляя даже об открытии какой-то там Америки. Так что тут никакой заслуги с его стороны и не было;

2) во-вторых, никакой Америки даже нельзя было и «открыть», потому что она уже была открыта в X веке скандинавскими мореходами;

3) и, в-третьих, если бы даже скандинавские мореходы не забежали вперед, Колумб все равно никакой Америки не открывал. Пусть проследят читатели все его поведение в деле «открытия Америки». Он плыл, плыл по океану, пока один матрос не закричал во все горло: «Земля!» Вот кто и должен был бы по-настоящему считаться открывателем Америки — этот честный, незаметный труженик, этот серый герой... А Колумб оттер его, выдвинулся вперед, адмиральский напялил мундир, вылез на берег, утер лоб носовым фуляровым платком и облегченно вздохнул:

— Ффу! Наконец-то я открыл Америку!

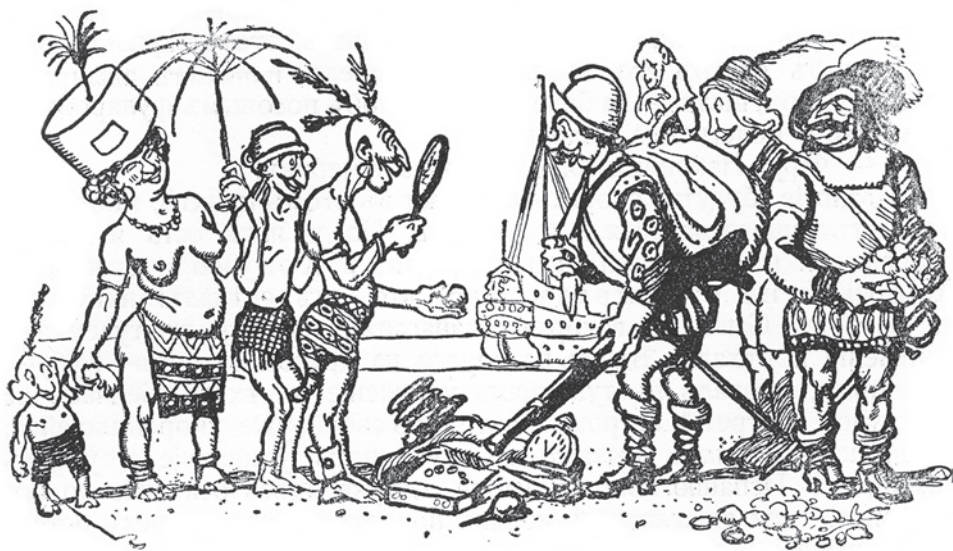
Многие будут спорить с нами в этом пункте, многие отвергнут нашего матроса... Хорошо-с. Но у нас есть и другое возражение: в первый свой приезд Колумб никакой Америки не открывал. Вот что он сделал: наткнулся на остров Сан-Сальвадор (Гва-нагани), вызвал в туземцах удивление и уехал. Едучи, наткнулся на другой остров — Кубу, высадился, вызвал в туземцах удивление и уехал. Сейчас же наткнулся на третий остров, Гаити, по своей, уже укоренившейся, привычке высадился, вызвал в туземцах удивление и уехал домой, в Испанию. Спрашивается, где же открытие нового материка, если тщеславный моряк повертелся среди трех островов, вызвал в туземцах удивление и уехал?

Наш скептицизм разделялся многими даже в то время. По крайней мере, когда Колумб вернулся в Испанию и сообщил о своем открытии, некоторые просвещенные люди, знавшие о посещении скандинавами новой страны еще в X веке, пожали плечами и, смеясь, язвили Колумба:

— Тоже! Открыл Америку!

С тех пор эта фраза и приобрела смысл иронии и насмешки над людьми, сообщавшими с торжественным видом об общеизвестных фактах.

Что можно поставить Колумбу в заслугу — это умение производить на туземцев впечатление и вызывать в них искреннее удивление. Правда, нужно признать, что удивлялись обе стороны: красные индейцы при первой встрече с диким видом рас-

Открытие Америки и меновая торговля

сматривали белых европейцев, а белые европейцы с ошеломленными лицами глядели на красных безбородых людей, у которых вся одежда состояла из собственного скальпа, лихо сдвинутого набекрень.

Налюбовавшись в достаточной мере друг на друга, белые и красные приступили к торгу. Обе расы искренне считали друг друга круглыми дураками.

Белые удивлялись втихомолку:

— И что за идиоты эти дикари! Золотые серьги, кольца и целые слитки они отдают в обмен на грошовое зеркальце или десяток разноцветных стеклянных бус.

А дикари тоже тихонько подталкивали друг друга локтями, хихикали и качали головами с самым безнадежным видом:

— Эти белые смешат нас до упаду своей глупостью: за простой железный кусочек, величиной не более кулака, они отдают целое неразбитое зеркало или целый аршин красного великолепного кумача!

С последующими посещениями Колумбом Америки меновая торговля росла и развивалась.

Испанцы привезли индейцам ножи, ружья, порох, рабство и склонность к грабежам и пьянству.

Благодарные индейцы отдаривали их картофелем, табаком и сифилисом.

Обе стороны поквитались, и никто не мог упрекнуть друг друга в отсутствии щедрости: ни Европа, ни Америка.

После третьего плавания в Америку Колумб стал уже подумывать о тихой спокойной жизни без тревог и приключений. В этом ему пришел на помощь сам испанский король Фердинанд: он заковал Колумба в цепи и посадил в тюрьму. Так как в то время всех выдающихся чем-либо людей обыкновенно сжигали, то эта королевская милость Колумбу вызвала у последнего много завистников.

Из них в истории известен Кортес, завоевавший Испанию Мексику и снискавший у добродушного короля такое же расположение, как Колумб...

5. Завоевание Мексики и Перу

Завоевание Мексики и Перу считалось в то время очень значительным событием, но совершилось очень оно просто...

Один храбрый офицер по имени Фердинанд Кортес несколько раз приставал к испанскому королю Карлу с просьбой послать его в какую-нибудь экспедицию. Кортес так надоел королю своим беспокойным характером, что тот однажды послал его к черту.

Придравшись к этому случаю, храбрый Кортес назвал себя посланником короля, взял отряд из пятисот человек и явился в Мексику.

Дальнейшее пошло как по маслу: сначала испанцы поубивали многих туземцев, потом туземцы порядочно пощипали испанцев, убив мимоходом в увлечении дракой даже собственного короля Монтесуму.

Убедившись, что Монтесума не оживет, племянник его Гватемозин перескочил через мертвого дядю и уселся на престол с видом завзятого короля... Испанцы осадили столицу Мексики, взяли ее приступом, туземцев снова поубивали, а Гватемозина изжарили на углях, чего он не мог простить победителям до самой смерти.

В то же время завоевательная лихорадка распространилась повсюду: завоевывал туземцев и новые страны всякий, кому было не лень.

Обыкновенно, если несколько друзей собирались за выпивкой, кто-нибудь сейчас же предлагал:

— А что, господа, не завоевать ли нам какую-нибудь страну?

— Ну, что ж... можно, — соглашались гуляки, и все немедленно гурьбой ехали к робким запуганным индейцам.

Десяток развязных нахальных завоевателей без труда убеждали многочисленное индейское войско, что для них самое лучшее — покориться.

Почему? — в это никто не входил. И, конечно, индейцам ничего не оставалось делать, как покоряться. И они покорялись.

Таким образом Писсаро завоевал Перу, а его компаньон по выпивке какой-то Альмагро отбился по пути от компании, заблудился и, наткнувшись на страну Чили, покорил ее один-одинешенек. И страшно-то ему было, и странно, и скучно, да ничего не поделаешь — пришлось покорять.

6. Торговля неграми

Открыв Америку, испанцы стали заставлять индейцев работать в рудниках и на плантациях. Нежные, не привыкшие к работе индейцы (до сих пор вся их работа сводилась к взаимному сдиранию скальпов, в чем некоторые отличались замечательным проворством и трудоспособностью), умирали как мухи.

Сердце одного доброго человека по имени Лас-Казас разрывалось от жалости к несчастным индейцам. Добрый Лас-Казас стал усиленно хлопотать об освобождении индейцев.

— Какой вы чудак! — возразили ему плантаторы. — Кем же мы их заменим?

— Да африканскими неграми. Очень просто!

Совет был принят к сведению. Его использовали так рьяно, что вся Африка скоро затрещала и почти опустела.

Освобожденные индейцы все равно вымирали, но теперь к ним присоединились и негры: они тоже вымирали.

Добрый, находчивый Лас-Казас особой популярностью среди негров не пользовался, хотя история навсегда сохранила за ним титул «защитника угнетенных».

Теперь он уже умер.

Раздоры и драки из-за Италии и проч.

Французские короли, начиная с Карла VIII, давно уже точили зубы на Неаполитанское королевство. Дело в том, что с незапамятных времен в этой стране почему-то королевствовали французы. Гораздо проще было, конечно, если бы на итальянском престоле сидел итальянец, но народы того времени были так простодушны, что не входили в подобные тонкости:

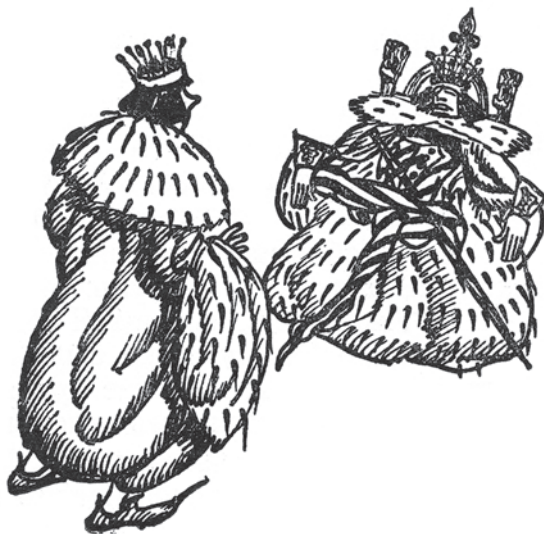
— Сидит себе на престоле какой-то человек, ну и пусть сидит. Лишь бы не драл семи шкур с жителей, а довольствовался двумя-тремя...

Таким образом, однажды на престол сел француз Карл Анжуйский и немедленно сделал вид, что иначе и быть не может. Так тянулось много лет, но однажды какой-то его наследник на минутку отлучился, и этого было достаточно, чтобы на престол сейчас же села Арагонская фамилия. Французскому королю Карлу VIII это показалось обидным. Он набрал войско и пошел на Италию; Арагонская фамилия, видя, что дело нешуточное, убежала в Испанию, а неаполитанцы ограничились тем, что лениво осмотрели нового короля и пожали плечами:

— Ну, садись ты. Тот король, правду сказать, был не особенный.

Но французский король оказался еще хуже: он грабил и притеснял неаполитанцев вояку, как будто бы его готовили к этой профессии с детства.

Пришлось изгонять нового короля, возвращать старого.

Но однажды неаполитанский король отлучился куда-то на минутку, и, вернувшись, увидел, что на престол уже села Арагонская фамилия

Эта канитель тянулась довольно долго. Следующий король Людовик XII тоже косился на неаполитанский престол и даже заключил с Фердинандом Католиком договор с целью сообща стянуть у Арагонской фамилии этот престол.

Но Фердинанд Католик оказался таким пройдохой, которого свет не производил. При разделе завоеванного неаполитанского королевства он обсчитал Людовика и вступил с ним в драку. Испанцы со стороны подошли, посмотрели на эту драку и потихоньку уселись сами на злосчастный неаполитанский престол.

Неаполитанцы согласились и с этим:

— Испанцы так испанцы.

Во время этих взаимных затрещин и потасовок выдвинулся один французский рыцарь — Баярд. Выдвинулся он своей храбростью и, главным образом, честностью.

Впрочем, выдвинуться последним качеством в то время было легко, так как мошенничество считалось самым обыкновенным делом и сидело даже в королевской крови (см. Иловайского «Новая история»).

Например, Людовик XII упрекал Фердинанда Католика в том, что тот обманул его два раза!

Самолюбивый Фердинанд обиделся, королевская его кровь закипела, и он воскликнул:

— Лжет он, пьяница! Я обманул его не два, десять раз!

Конечно, Баярду легко было выдвинуться и прославиться при этих условиях... А в наше время был бы он обыкновенным, ординарным порядочным человеком, как мы с вами...

Людовику XII наследовал Франциск I. Жестоко ошибается тот, кто подумает, что Франциск не завоевывал Италии. История даже говорит так: «Первым делом его был поход на Италию».

До сих пор непонятно, что, собственно, нужно было французским королям от Италии?

Конечно, Франциск взял Милан, конечно, новоиспеченный император германский Карл V сейчас же выгнал его оттуда с целью самому завладеть итальянским престолом. А Франциск снова вернулся в Милан и выгнал Карла. А Карл опять выгнал Франциска, разбил его наголову и захватил в плен.

Ну, хорошо ли все это? Спрашивается, при чем здесь были все время несчастные посторонние итальянцы?

В истории эта неразбериха называется очень громко: «борьба за Италию»!

Подводя итоги «борьбы за Италию», мы удивляемся только одному: как приличные историки разбираются во всех этих однообразных неинтересных именах. У народов того времени фантазии не было никакой: всякого короля они называли Карлом или Людовиком и разбирали их только по ничего не говорящим римским цифрам позади имени. Изредка давали им прозвища, но и то — самые нехарактерные: Фердинанд Католик, Филипп Красивый, Карл Испанский.

Что типичного в том, что Фердинанд был католик? А другие короли разве не были католиками? Филипп назывался Красивым. А остальные как же? Были, значит, некрасивыми. Тем более что одного Людовика тоже называли Красивым.

Можно было бы еще разобраться по национальностям, которые указывались около имен, но это было совсем рискованно и очень нескладно. Например, Карл Испанский на самом деле был не испанским, а германским императором. Почему он в таком случае Испанский? Почему Анна Австрийская была на самом деле французской королевой?

И много, много еще странного есть во всеобщей истории...

Религиозная путаница в Германии

Начало коренной ломки католичества положили так называемые гуманисты, прямой противоположностью которых являлись так называемые обскуранты.

Для ясности попробуем в двух-трех обыкновенных, понятных словах охарактеризовать тех и других, руководствуясь при этом тем впечатлением, которое осталось у нас после тщательного штудирования эпохи Реформации.

Так называемые гуманисты: порядочные, умные, интеллигентные люди, без косности и предрассудков.

Так называемые обскуранты: невежественные глупцы, темные и злые дураки.

Из этих душевных свойств вытекали и поступки тех и других...

Одни писали умные книги, другие сжигали их; одни говорили здравые человеческие слова, другие, возражая им, несли невозможную чушь, так что, по словам одного летописца того времени: «Уши вянут, когда слушаешь обскуранта».

Правда, гуманисты тоже иногда впадали в ненужную крайность. Каждый гуманист думал, что умнее его никого и нет, и сейчас же выдумывал новое религиозное усовершенствование, проповедовал новую, свою собственную (остерегаться подделок!) веру.

Повторилась та же история, что с изобретениями и открытиями: появилась мода на изобретения — все бросились изобретать что попало: книгопечатание, порох, магнитную стрелку... Эту моду сменила другая: открывать. Все лихорадочно ринулись открывать что подвернется под руку, без всякого толку и смысла...

Понаоткрывали разных земель — мода устарела... Уже считалось признаком дурного тона, старомодным провинциализмом — открыть какую-нибудь новую землю. Проезжая мимо неоткрытых еще земель, мореплаватели делали вид, что не замечают их.

Образовалась в душах пустота — и пустота эта стала заполняться разными верованиями.

Кажется, достаточно было того, что один умный религиозный человек, так называемый Мартин Лютер, исправил католическую религию, довел ее до простоты, очистил от многих ошибок и заблуждений. Нет! Появился еще какой-то Цвингли, который перевернул вверх дном всю Швейцарию, доказал, что Лютер — постепеновец, обвинил его чуть ли не в октябризме и стал устраивать религию по-своему: запретил церковное пение, свечи и даже велел вынести из церквей все изображения святых.

Отсюда и пошла известная швейцарская поговорка: «Хоть святых вон выноси» (1531 г.).

Проповеднику по имени Кальвин не понравился ни Лютер, ни Цвингли. Он потер себе лоб и выдумал новое вероучение, сущность которого заключалась в предопределении. Кальвин уверял, что люди заранее назначены — одни к вечному спасению, другие к вечной гибели. Конечно, проповедуя это, Кальвин, по своей теории, ничем уже и не рисковал в будущей жизни. Раз ему заранее было назначено то или другое, Кальвин делал в текущей жизни что ему вздумается.

По имени Кальвина его последователи стали называться гугенотами, но даже и этот псевдоним не спас их от истребления (см. оперу «Гугеноты»).

Некоторое время гугеноты под именем пуритан еще держались в Англии (Шотландия), но и там они постепенно вывелись. Теперь среди англичан и днем с огнем не найдешь пуританина — все едят кровавые ростбифы, ходят в кинематографы и даже изредка женятся друг на друге.

Так, по свидетельству беспристрастной истории, все религии постепенно вырождаются, мельчают и меркнут.

Личность Мартина Лютера

Как и большинство людей его сорта, Мартин Лютер имел «ввалившиеся горящие глаза, вдохновенный вид и говорил убедительно, смело, открыто и горячо».

Так, например, когда профессор Эк вызвал его на религиозный спор, Лютер стойко выдержал Экковы нападки и защищался, как лев. Выслушав мнение Лютера об Иоганне Гусе, Эк сказал:

— С этих пор, достопочтенный отец, будете вы мне как язычник и мытарь.

— Сам-то ты хорош! — ответил ему Лютер (Шлезенг. II ч., с. 143), чем этот исторический диспут и закончился.

— Сам-то ты хорош! — ответил ему Лютер

Спрашивается, какая же причина побудила Лютера принять лютеранство? История отвечает на это: папские индульгенции!

Индульгенциями назывались свидетельства вроде тех, которые выдаются теперь «о прививке оспы».

На первый взгляд это были простые продолговатые бумажки, но в них заключалась удивительная сила: стоило только купить такую бумажку — и покупателю отпустились грехи, не только прошедшие, но и будущие.

Перед тем как зарезать и ограбить семью, разбойник шел к монаху и, поторговавшись до седьмого поту, покупал индульгенцию...

Иногда, не имея денег, брал ее в кредит.

— Ничего, — говорил обыкновенно добродушный монах. — Отдашь после, когда зарежешь. Вы наши постоянные покупатели, как же-с!..

Если бы пишущий эти строки имел в кармане индульгенцию, которая отпустила бы ему нижеуказанный грех, он сказал бы:

— Все католические монахи того времени были каналы и мошенники, а все разбойники — круглые дураки.

Как это ни удивительно — учение Лютера пришлось по вкусу именно влиятельным князьям и курфюрстам. В особенности нравилась им та часть учения, которая доказывала, что монастыри не нужны, что можно спастись и без монастырей. В припадке религиозного фанатизма курфюрсты по-

Покупка индульгенций разбойником

Все католические монахи того времени были каналы...

закрывали все монастыри, а имущество монастырское и земли секуляризировали.

— Послушайте, — возражали монахи, — зачем же вы отнимаете у нас наше добро?

— Мы не отнимаем, — оправдывались курфюрсты, — а секуляризуем.

— А, тогда другое дело, — говорили успокоенные монахи и, убегая в горы, предавали курфюрстов и самого Лютера навеки нерушимому проклятию... (Комминг, «Начало реформации», с. 301).

Таким образом, совершенно незаметно Лютер сделался официальным революционером при дворах курфюрстов и князей...

В этот период его жизни «ввалившиеся горящие глаза» перестали вваливаться и гореть, щеки округлились, и хотя он по-прежнему говорил «смело, открыто и горячо», но вот уже каковы были его смелые горячие речи (после восстания крестьян, притесняемых дворянами):

— Этих мятежников нужно убивать как бешеных собак.

Курфюрсты не могли нарадоваться на своего протеже... Несмотря на все это, популярность лютеранства так возросла, что появились даже подделки. Происходило то же, что теперь происходит с аэропланами.

Аэроплан придуман и усовершенствован был одним человеком... Но другие хватались за это изобретение, приделывали сбоку какой-нибудь пустяковый винтик или клапан — и выдавали весь аппарат за продукт своего творчества.

Так появились анабаптисты... Это были те же лютеране, но имели свой собственный клапан: многоженство и вторичное крещение детей.

Мало этого — какой-то священник Меннон заинтересовался анабаптизмом, ввел в него какой-то пустяк и основал секту меннонитов.

У Меннона уже никто не хотел заимствовать его изобретения: аппарат принадлежал к категории тех, которые не летают...

Иезуитский орден

Иезуитский орден есть такой орден, который все человечество, помимо всякого желания, уже несколько веков носит на своей шее.

К сожалению, люди до сих пор не научились вешать этот орден как следует.

Франция и гугеноты

В наше время при спорах с противником приходится тратить много времени, ума и красноречия, чтобы убедить его или, по крайней мере, разбить его доводы. В прежние времена народ был проще, прямолинейнее, и когда, например, А вступал с Б в спор, то если А был сильнее и могущественнее, он сжигал Б на костре, а если более сильным оказывался Б, А немедленно попадал на костер и корчился там, и вопил, и жаловался на свою суровую судьбу, пока вкусный запах жареного мяса, донесшись до Б, не показывал ему, что А убежден совершенно в правоте своего противника.

Например, во время послеобеденной прогулки А ведет с Б дружеский разговор:

А. Удивительно, как это просто: оказывается, что земля имеет форму шара. Я сегодня только об этом узнал и, признаюсь, поражен гениальностью открытия...

Б. (иронически прищурившись). Да? Ты уверен в том, что земля имеет форму шара?

А. Ну конечно! Это ясно даже младенцу.

Б. (иронически). Да? Ясно? Младенцу? А я тебе скажу, милый мой, что земля совершенно плоская.

А. (еще более иронически). Неужели? Где же она в таком случае кончается?

Б. (разгорячившись). Где? Да нигде!

А. Друг! Но ведь это же чушь. Ну, тянется она на тысячу верст, ну, еще на десять тысяч, но ведь конец-то где-нибудь должен быть?

Б. Черт его знает. Нету конца, да и все.

А. Слушай же! Земля имеет форму шара — и больше никаких! Если какой-нибудь старый осел возразит: «Почему же мы в таком случае не скатываемся?», то я, во-первых, спрошу этого кретина: «Куда?», а во-вторых, сообщу этому чурбану: «Потому что существует земное притяжение!»

Б. (горько). Да? Земное притяжение? А что ты скажешь, когда я тебя немножко погрею?

А. Я... тебя не понимаю.

Б. Где же тебе понять старого осла... Эй, люди! Тащи вязанку дров, веревок и огонь.

А. Ты этого не сделаешь!!!

Б. Бери его. Вяжи! Огонь принесли? Так. Внизу лучинок положите, чтобы разгорелось. Ну вот. Раздувай! (Опускается около костра на корточки и обиженно спрашивает). Ты и теперь утверждаешь, что земля круглая?..

А. (корчась). Ну... не совсем круглая, а такая... овальная!..

Б. (с горьким смехом). Овальная? А ну, ребятки, поддай.

А. (лягая зубами). В сущности, «овальная» я употребил как метафору...

Через пять минут А. начинает предполагать, что он ошибся:

— Пожалуй, земля и в самом деле плоская.

Б. (добродушно). Ну вот видишь! Я знаю, меня не переспоришь.

В те времена подобные диспуты назывались: попасть на огонек.

В настоящее время эта фраза имеет значение более идиллическое и употребляется преимущественно мелкими чиновниками, которые изредка заходят к приятелю убить мирно вечерок.

Король французский Франциск I считал себя человеком неглупым, понимающим, где раки зимуют, и поэтому жег на костре всякого, кто смотрел на религию дру-

*А. (лязгая зубами). В сущности, «овальная»
я употребил как метафору...*

не прославившийся... Например, Франциск II был известен только тем, что состоял мужем знаменитой Марии Стюарт. Таких «мужей знаменитости» и в наше время можно встретить сколько угодно в уборной певицы или драматической актрисы. Они обыкновенно смиренненько сидят в уголку и ждут, когда жена окончит спектакль, чтобы, закутав ее в шубу, везти домой.

Брат Франциска II, Карл IX, был знаменит тем, что за него управляла мать, Екатерина Медичи. Нужно сказать правду: это был такой период королевского владычества во Франции, который очень хорошо характеризовался меткой фразой летописца: «Француз ума не имеет и иметь таковой почитает величайшим для себя несчастьем».

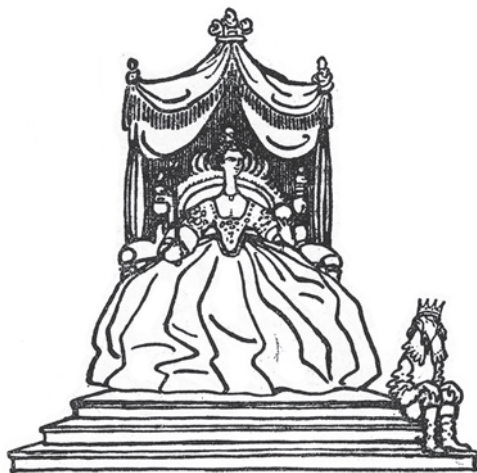
гими глазами, чем он. Сын его Генрих II наследовал светлый ум отца, присоединив к нему изумительное трудолюбие (жег еретиков десятками там, где родитель ограничивался единицами). Кончил же Генрих II тем, что вызвал однажды на турнир капитана своей гвардии Монгомери, полагая, что король должен быть не только самым умным, но и самым сильным человеком. Но Монгомери попал ему копьем не в бровь, а в глаз и глубоко, до самого мозга, разочаровал своего повелителя в его способностях...

После Генриха II пошел народ мелкий, ничтожный, почти ничем

Но Монгомери попал ему копьем не в бровь, а в глаз

В самом деле, даже теперь все удивляются: что нужно было французам? Одни были католиками — ну и пусть. Другие гугенотами — пожалуйста! Сидите смирно и занимайтесь своими делами. Так католик, извольте видеть, не мог заснуть спокойно, пока не зарежет на сон грядущий гугенота. А гугеноты (из тех, которые еще не были зарезаны) спали и видели, как бы подстроить гадость католику. Противно даже читать эту позорную страницу французской истории. Ведь все равно эти религиозные дураки, с ног до головы залитые чужой и своей кровью, столько же имели шансов на царствие небесное, как любой уличный негодяй и разбойник. И ни одного в то время откровенного слова об этом, ни одного умного человека! Пишущий эти строки иногда даже кусает себе губы от досады: отчего его там не было?..

Карл IX был знаменит тем, что за него управляла мать, Екатерина Медичи

Варфоломеевская ночь

Грубые, глупые, коварные католики истребляли глупых, простодушных гугенотов, как ретивые горничные клопов в барской постели. Например, если нужно было католикам поубивать гугенотов, они делали это просто:

— Гугеноты, — говорила Екатерина Медичи (женщина, которую теперь не уважает даже мальчишка из третьего класса гимназии). — Гугеноты! Хотите, я выдам за муж сестру короля за вашего Генриха Наваррского?.. Не боитесь! Приезжайте в Па-

Варфоломеевская ночь

риж. Мы вас не тронем. Наоборот, проведем с вами очень веселую Варфоломеевскую ночь (1572 г.).

Гугеноты, конечно, еще не знали, что такое «Варфоломеевская ночь», обрадовались, приехали в Париж, и им там устроили такую ночь, что гугеноты до сих пор не могут вспомнить о ней без отвращения.

Это произошло при короле Карле IX — слабой, безвольной душонке. Летописец того времени характеризует его так:

— Это второй зять Мижув из «Мертвых душ».

После него царствовал Генрих III, о котором даже говорить не стоит — такой это был никчемный человек!

Генрих Наваррский

А следующим королем был Генрих IV Наваррский. Его считают самым порядочным из людей того времени. Отношение к религии у него было благодушное, с оттенком настоящей веротерпимости...

Начал он с того, что был гугенотом. Но после Варфоломеевской ночи, пойманный королем, он имел с ним разговор (см. беседу А и Б о земном шаре), после которого перешел в католичество. Однако стоило только гугенотам начать новую войну с католиками, как Генрих немедленно сделался гугенотом. Но тут вышла маленькая загвоздка: протестанты провозгласили его королем, а католики-парижане не хотели его признавать.

— Чего же вы хотите? — спросил их веселый Генрих.

— Если бы ты был католиком... — нерешительно возразили парижане.

— Только-то? Да господи! Где тут у вас церковь?

И, принятый в лоно католической церкви, сказал историческую фразу:

— Господа! Вот вам историческая фраза: «Париж стоит хорошей обедни».

Это был весельчак, не дурак выпить, любитель женщин и храбрый рубака. Нам он вообще очень симпатичен. Народ свой он очень любил. Ему принадлежит еще одна историческая фраза:

Портрет этой курицы

— Господа! Вот вам еще одна историческая фраза: «Я желал бы, чтобы каждый французский крестьянин мог по праздникам иметь в супе курицу...»

Узнав, что это историческая фраза, окружающие запомнили ее, и до сих пор французы, гордясь добрым королем, показывают в Луврском музее хорошо сохранившееся чучело той самой курицы, которую Генрих IV хотел видеть в супе своих крестьян.

К сожалению, этот прекрасный король был убит по наущению иезуитов (читатель! остерегайся иезуитов!).

Вообще, короли того времени умирали или от руки убийц (Генрих III, Генрих IV), или от угрызений совести (Карл IX, Людовик XIII и др.).

Кардиналы

После Генриха IV на престол вступил кардинал Ришелье и, как свежий человек, быстро привел дела Франции в порядок. Ему наследовал кардинал Мазарини, человек не менее свежий (настолько, что Анна Австрийская, женщина уже не первой молодости, тайком вышла за него замуж).

Около этих двух королей кормились еще два Людовика: XIII и XIV, но они не мешались ни во что, и благодарная история пожимает им за это руки.

Мы бы рассказали подробнее о вышесказанном любопытнейшем периоде французской истории, но не хотим отбивать хлеб у нашего коллеги, который употребил на это всю свою жизнь (Александр Дюма. «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»).

Дюма рассказывает об этом периоде гораздо подробнее — болтливый, как всякий француз... То, что можно сказать на двух страницах, он растянул на $3\frac{1}{2}$ тысячи страниц.

Впрочем — бог с ним. Всякому есть хочется.

...Около этих двух королей кормились еще два Людовика...

Тюдоры, Стюарты и К⁰

Первым королем из фамилии Тюдоров в Англии был Генрих VII, а вторым — Генрих VIII.

Последний отличался семейными наклонностями. Женатый на принцессе Екатерине Арагонской, он через 20 лет супружеской жизни вспомнил, что жена его раньше была замужем за покойным братом, и развелся с ней. Женится на Анне Болейн. После нее — еще на одной девушке, Иоанне Сеймур; и еще на одной, он даже не помнил ее имени... и еще на одной, и еще на одной. Таким образом, у него было шесть жен, — не хватало еще седьмой, чтобы борода его посинела.

История Тюдоров и Стюартов напоминает Ветхий завет наизнанку... Там — Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков — и т. д.

А вот подлинная история Тюдоров и Стюартов:

У русского читателя потекли бы слюнки...

Генрих VIII казнил жену свою Анну Болейн.

Мария Стюарт казнила своего мужа Дарнлея.

Королева Елизавета казнила королеву Марию Стюарт.

У русского читателя потекли бы слюнки...

...Забросил печать в Темзу и убежал (О, боже!)

Кромвель казнил короля Карла I.

Иаков II казнил сына Карла II, герцога Монмута.

И только на Иакове II прекратилась эта странная династия: Иакова II никто не казнил, а просто он, как гласит история, «забросил в Темзу государственную печать, а сам убежал».

В это же время в Англии несколько раз менялись религии: один король был ревностным католиком и насаждал католичество, убивая еретиков; другой король вспоминал, что Англия не хуже других стран, и вводил какую-нибудь новую веру, вроде англиканской, убивая еретиков. Опять приходилось прежних католиков переделывать на пуритан; но сядя на престол следующий король — пуритане ему решительно не нравились. То ли дело католики!

И опять начиналась длинная процедура перекрещивания уже несколько раз перекрещенных англичан. Священники наживались на этих старых крестинах, а на-

И опять начиналась длинная процедура перекрещивания

род скучал в такой однообразной жизни, разорялся и бедствовал — пока не пришел Кромвель. Это был хитрый мужичок, который хотя и обладал «голосом хриплым и монотонным, речью растянутою и грубою, а одевался небрежно», но когда он сказал своим хриплым монотонным голосом: «Довольно!» — все поняли, что действительно «довольно». Кромвель ввел парламент, поднял английскую торговлю и мореплавание; за это благодарные англичане поднесли талантливому самородку титул «Оливера», который до сих пор красуется в истории рядом с его именем. Так отблагодарила Англия своего великого человека.

При Карле II возникла война ториев и вигов. Кто же это, спрашивается, такие?

Понятнее всего для читателя будет, если мы прибегнем к приему, уже однажды нами использованному:

Тории — плохие, глупые, тупые, косные люди.

Виги — симпатичные, прогрессивные, очень хорошие люди.

Благодаря усилиям последних в Англии был издан закон под названием *habeas corpus*. У русского читателя потекли бы слюнки, если бы он узнал, что это такое... Но по цензурным условиям мы объяснить этого не можем.

Великие люди

Во время всех вышеприведенных передраг и смут появился в Англии Шекспир. Это был хотя и знаменитый писатель, но рост имел очень маленький, почему о нем впоследствии и говорили:

— Сапоги выше Шекспира!

Другой знаменитый человек того времени был Бэкон, отец «опытной» философии. Он доказал как дважды два, что единственный путь к достижению истины есть наблюдение над правдой, исследование действительности (Иловайский, «Новая история»). Это учение имело такой успех, что Бэкона сделали государственным канцлером. Но однажды наехала в суды ревизионная комиссия, рассмотрела состояние судопроизводства в Англии и выяснила, что Бэкон брал взятки и вообще совершал всякие злоупотребления. Его посадили в тюрьму.

Таким образом, его же теория (наблюдение и исследование действительности) послужила ему только во вред. Был еще в Англии в те времена Мильтон, но он был совершенно слепой.

Сравнительная таблица В. Шекспира и сапог

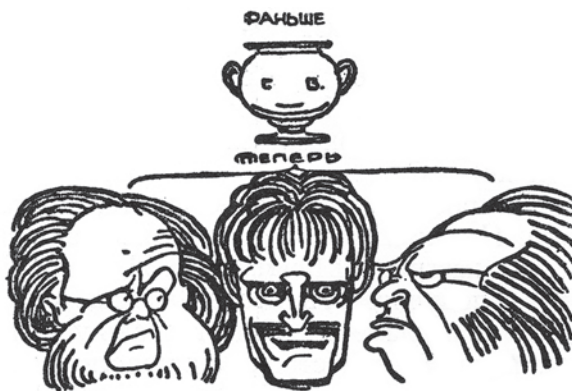
Дания, Швеция и Норвегия

Об этих странах лучше всего ничего не писать... В самом деле: кто их знает? Кто ими интересуется? Решительно никто.

Появились там три великих человека: Ибсен, Бьёрнстjerne-Бьёрнсон и Гамсун, да и то в самое последнее время.

А раньше был только один Ваза.

И все у них было как-то несерьезно, по-детски — будто игра в куклы. Страны были маленькие, ничтожные, а тянулись за боль-

Портреты великих людей Дании, Швеции и Норвегии

шими, подражали взрослым: так же устраивали политические восстания, казнили противников и, конечно, вводили реформуацию. Но все было у них на детский рост: вместо войн — стычки, вместо казней — пустяки.

Да и реформуация была какая-то такая...

Что же это за история?

Польша

И Польша то же самое: никакого толку в ней не было. Кажется, и люди были умные, и воины храбрые — а все-таки ничего у них не клеилось...

Была по моде того времени, взамен католической, своя собственная вера, но какая-то странная: антитринитарии. Что это такое — и до сих пор никто не знает.

С королями тоже не ладилося.

Стоило только прекратиться роду королей Сигизмундов, как стали приглашать на престол кого попало: французского принца Генриха Анжуйского, давшего потом потихоньку тягу во Францию; какого-то седмиградского воеводу Батория; шведского принца Сигизмунда и многих других.

В газетах того времени нетрудно было встретить объявление такого рода:

Речь Посполита

ищет трезвого, хорошего поведения короля.

Без аттестата от последнего места не являться

Человеку ограниченному может показаться странным: как так не найти короля?

Дело объяснялось очень просто: «король» — было только такое слово, и больше ничего. Никакой власти королю не давалось. Всякий делал, что хотел, и это называлось *liberum veto*... И частенько по ночам плакали короли в подушку от этого *liberum veto*...

Удивительнее всего, что и парламент существовал у поляков (сейм), но никогда пишущему эти строки (да простит мне старая Польша!) не приходилось встречать более нелепого учреждения.

Например: собираются триста человек и решают вопрос о том, что нужно поднять благосостояние страны. Кажется — дело хорошее? 299 человек в восторге от проекта, а трехсотый, какой-нибудь скорбный главой шляхтич, неожиданно заявляет: «А я не хочу». — «Да почему?!» — «Вот не хочу, да и не хочу!» — «Но ведь должны же быть какие-нибудь основания?» — «Никаких! Не желаю!» И благодаря этому трехсотому решение проваливалось!! (Иловайский. Стр. 96.)

Можно ли писать историю такой страны? Конечно, нет. Это только Иловайский способен.

Тридцатилетняя война (1618–1648)

Как это ни скучно, но нам приходится опять возвращаться к борьбе католиков с протестантами.

Человеку нашего времени решительно непонятно: как можно воевать из-за религиозных убеждений?

Изображение Тридцатилетней войны

Ведь в таком случае человечество могло пойти дальше: брюнеты резали бы блондинов, высокие — маленьких, умные — глупых...

А в те времена религиозные войны были обычным и привычным делом. Целые полки под командой глупых, с тупыми физиономиями полководцев носились из страны в страну, орали, молились, поджигали, разоряли, славили бога (своего собственного), грабили, горланили гнусавыми голосами псалмы и вешали пойманных иноверцев с таким хладнокровием, как теперь вешают собственное пальто на гвоздик.

История говорит, что после Тридцатилетней войны Германия пришла в такой упадок, возник такой голод, что жители некоторых мест принуждены были питаться человеческим мясом... Жаль, что этим кончили; с этого нужно было начать: переловить до войны всех этих тупоголовых полководцев, курфюрстов, ландграфов и, сделав над собой усилие, поест их. И страна бы не разорилась, и ни в чем не повинные люди остались бы несъеденными.

До чего раньше одна часть человечества была проста и доверчива, видно из следующего: в сущности, ни немецкие католики ничего не имели против протестантов, ни немецкие протестанты против католиков.

Но появились за спиной герцога Фердинанда иезуиты и шепнули сладким голосом:

— Ка-ак? Чехи — протестанты (слово разрядкой)? Какое безобразие! Чего же вы смотрите? Бейте их!

А кардинал Ришелье с другой стороны обрушился на протестантов:

— Чего вы смотрите, дурачье? Бейте католиков по чем попало! Всыпьте им хорошенько.

Теперь таким образом можно стравить только две пьяные компании в трактире, причем драка может продолжиться максимум полчаса. А в те времена столь примитивный прием был действителен на тридцать лет, и уменьшил он народонаселение Германии на пятьдесят процентов.

И господь жестоко наказал протестантов и католиков за эту тридцатилетнюю глупость: предводитель католиков Валленштейн был убит в своей спальне, предводитель протестантов Густав Адольф убит на поле битвы, а разные Фридрихи, Фердинан-

Чего же вы смотрите? Бейте их!

ды и курфюрсты тоже поумирали от разных причин — и ни одного не осталось до наших дней, чтобы поведать нам об этой бестактной войне.

Результаты

Вестфальский мир

Изголодавшиеся страны в конце концов съехались и заключили мир в Вестфалии — родине знаменитых окороков.

Летописец того времени утверждает, что воюющие стороны набросились прежде всего не друг на друга, а на окорока и впервые за тридцать лет поели как следует...

А потом, когда стали делиться землями — глупые немецкие католики и протестанты, конечно, остались

с носом: самые лакомые куски забрали французы и шведы.

Рассказывают, что, разобрав, в чем дело, один курфюрст почесал затылок и воскликнул:

— Да! Теперь, когда я кончил войну, я вижу, что я старый дурак.

— А когда вы ее начинали, — засмеялся француз, — вы были молодым дураком!

И все присутствующие иностранцы долго и раскатисто хохотали...

Людовики XIV и XV во Франции

У французских королей того времени был один и тот же обычай, переходивший от отца к сыну: вступая на престол, король брал первого министра и первую любовницу (или любимицу, как мягко выражается Иловайский).

Министр всегда оставался первым, а любовницы были и вторые, и третьи.

Например:

Короли	Перв. министры	Любовницы
Людовик XIII	кардинал Ришелье	несколько
Анна Австрийская	кардинал Мазарини	де Лавальер
Людовик XIV	Кольбер	Ментенон и др.
Людовик XV	кардинал Флери	Помпадур

Но все-таки это был красивый, изящный век, век менуэтов, напудренных париков, версальских праздников и любовных приключений.

Короли умели жить в свое удовольствие...

Всякий из них был настолько умен, что оставлял после себя историческую фразу, и народ поэтому его не забывал.

Людовик XIV, например, сказал:

— L'état c'est moi! (Государство — это я!)

Народ прозвал его «Король-солнце». И верно. Никогда над Францией не всходило более жаркого солнца. Оно так жарило, что все финансы у Кольбера испарились, и первый министр даже получил в конце концов настоящий солнечный удар...

Вторая знаменитая фраза Людовика XIV, сказанная по поводу отправления внука в Испанию:

— Нет более Пиренеев!

Гораздо хуже первой. Мы считаем ее пустой, бессмысленной фразой. Эдак всякий вдруг вскочит с места да крикнет:

— Нет более Монблана! Нет более западных отрогов Кордильер!

Сказать хорошо... А ты попробуй сделать.

Что касается Людовика XV, то он прославился тоже одной фразой:

— *Après nous le deluge!*

Что в переводе на русский язык значит:

— Начхать мне на моих потомков! Лишь бы мне хорошо жилось.

Великая французская революция показала, что у короля были свои основания повторять эту фразу.

Кольбер получил солнечный удар...

Первые банкиры

Кроме этой фразы и своей «любимости» Помпадур король прославился также и тем, что в его царствование один шотландец Джон Ло изобрел остроумный способ выпускать ассигнации, продавая их за настоящее золото.

Я не знал, что так будет...

К сожалению, Джон Ло, открыв по поручению регента для этих операций целый банк, смотрел на кредитные билеты глазами десятилетнего гимназиста, который думает, что если нужны деньги — их можно печатать на обыкновенной бумаге сколько влезет...

Вот, дескать, как ловко придумали!

Вы понимаете, что получилось? Джон Ло в компании с королевским регентом, герцогом Орлеанским, напечатали бумажек на несколько миллиардов и очень радовались:

— Вот, дескать, ловко придумали!

Но когда держатели ассигнаций испугались количества появившихся на рынке бумаг и потребовали свое золото обратно — банк лопнул, а Джон Ло заплакал и заявил, что «он вовсе не знал, что так будет».

Северо-Американские штаты

Американские колонисты были мирными трудолюбивыми людьми.

Англичане, считая американских колонистов своими подданными, понемногу стали стеснять их свободу в смысле торговли и мореплавания.

Колонисты молчали.

Англичане ввели гербовую бумагу и некоторые сборы.

Колонисты промолчали. Была гробовая тишина.

Англичане стали взysкивать пошлины за привозные товары.

Колонисты поехали, переступили с нога на ногу и неожиданно сказали:

— А пойдите вы к черту!

Самолюбивые англичане спросили:

— То есть как?

— Да так. Проваливайте с вашими пошлинами.

Сказав это, схватили изумленных англичан за шиворот, повернули лицом к Англии и вытолкали.

Началась война. Вот это была хорошая, честная, умная, вызванная необходимостью война, и мы ее очень одобряем. Это не протестанты с католиками, а умные люди схватились не на живот, а на смерть из-за своих прав.

Когда колонисты победили и выгнали англичан, те пожали плечами и обиженно сказали:

— И не надо. И без вас проживем (1783 г.).

— Ступайте, ступайте, — поощрили их колонисты, — пока вам еще не попало... Ишь! (Брадлей, «Новая история». Стр. 201.)

— И не надо. И без вас проживем, — обиженно сказали англичане

Германские правители XVIII века

Истинным бичом для несчастных учеников являются германские правители XVIII века. Мы не видели ни одного ученика, который не получил бы самым жалким образом единицы за «германских правителей в XVIII веке».

Даже пишущий эти строки, который считает себя человеком способным и сообразительным, историком опытным и знающим, — и он, отойдя от своих манускриптов и покрытых пылью пергаментов, сейчас же начинал путать «германских правителей в XVIII веке».

Пусть кто-нибудь попробует запомнить эту тарабарщину, годную только для сухих тевтонских мозгов: великому курфюрсту бранденбургскому Фридриху Вильгельму наследовал сын его — просто Фридрих. Этому Фридриху наследовал опять Фридрих Вильгельм. Кажется, на этом можно бы и остановиться. Но нет! Фридриху Вильгельму наследует опять Фридрих!!

У прилежного ученика усталый вид... Пот катится с него градом... Ффу! Ему чудится скучная проселочная дорога, мелкий осенний дождик и однообразные верстовые столбы, без конца мелькающие в двух надоедливых комбинациях:

— Фридрих Вильгельм, просто Фридрих. Опять Фридрих Вильгельм, просто Фридрих...

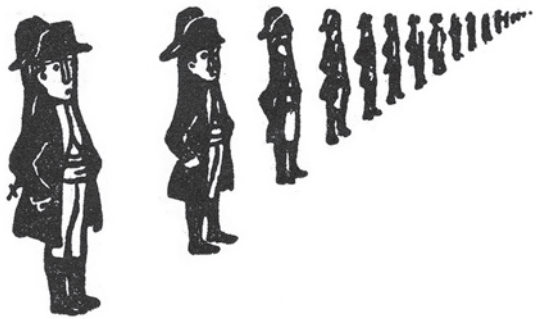
Когда же ученик узнаёт, что «опять Фридриху» наследовал его племянник Фридрих Вильгельм, он долго и прилежно рыдает над стареньким, закапанным чернилами Иловайским...

«Боже ж мой, — думает он. — На что я убиваю свою юность, свою свежесть?»

Историк, пишущий эти строки, может еще раз повторить имена династии Фридрихов. Вот, пожалуйста... Пусть кто-нибудь запомнит...

У великого курфюрста Фридриха Вильгельма был сын Фридрих. Последнему наследовал Фридрих Вильгельм, которому, в свою очередь, наследовал Фридрих; Фридриху же наследовал Фридрих Вильгельм... Этот список желающие могут продолжать.

Даже история, беспристрастная история, запуталась в Фридрихах: до сих пор неизвестно, при каком именно Фридрихе случилась Семилетняя война. Доподлинно известно только, что он не был Вильгельмом.

Фридрихи просто и Фридрихи-Вильгельмы

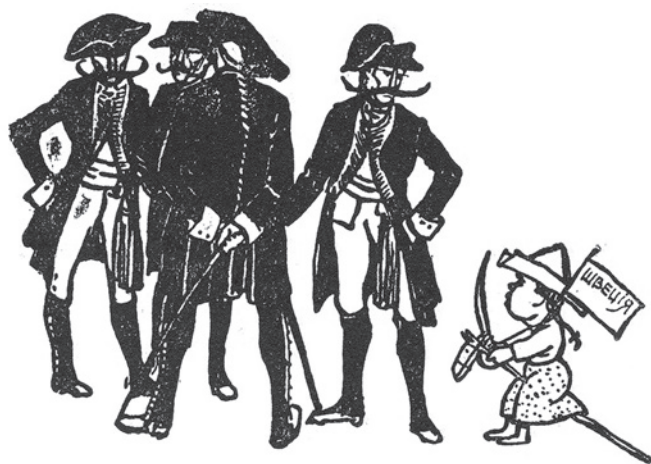
Семилетняя война (1756–1763)

По сравнению с Тридцатилетней войной Семилетняя война была совсем девчонка. Та годилась бы ей в матери.

Воевали так: с одной стороны Фридрих (какой — неизвестно), с другой — Франция, Россия, Австрия и Швеция.

Швеция, собственно, была союзником ни к чему, но она тоже вслед за большими ввязалась в драку, семеня слабыми ножонками где-то позади взрослых...

Большие усатые союзники, ухмыляясь в усы, спрашивали ее:

— Тебе еще чего нужно?

— Тебе еще чего нужно?

— А я, дяденька, — шмыгая носом, пролепетала Швеция, — тоже хочу повоевать (Броун, «Семи-летняя война», с. 21).

Воевали плохо. Победил Фридрих — способом очень легким: он ссорил союзников и разбивал их. Нападают, например, на него русские и австрийцы. Он немедленно садится за стол и пишет австрийскому полководцу письмо:

«Дорогой коллега! Охота вам связываться с этими русскими свиньями... Вы и один прекрасно меня победите. Ей-богу! И как вы можете допускать, чтобы в вашей армии командовал еще кто-то. Вы человек умный, красивый, симпатичный, а ваш товарищ просто необразованный дурак. Прогоните его скорее, а сами начните командовать».

Не было ни одного полководца, который не попался бы на эту удочку: получив письмо, прогонял союзного генерала, нападал на Фридриха и потом, разбитый, стремительно убегал от него с остатками армии и обидой в душе.

Семилетняя война была закончена вовремя: как раз прошло семь лет со времени ее начала.

Чисто немецкая аккуратность в исполнении принятых на себя обязательств.

Результаты Семилетней войны

Когда же войну закончили, то увидели, что и воевать не следовало: союзники хотели оттяпать у Фридриха Силезию, но когда заключили мир (в Губертусбурге), «Силезия осталась у Фридриха (как говорит Иловайский) и каждая держава осталась при своем». И жалко их всех, и смешно.

Великая французская революция

Король Людовик XVI

Выше мы указывали на стройную систему, которой держались французские короли: у каждого из них был первым — министр и фаворитка.

Людовик XVI первый нарушил эту традицию. Фаворитки у него не было, а с первыми министрами он поступал так: попался ему один очень симпатичный человек Тюрго. Только что этот Тюрго взялся за полезные, насущные реформы, как Людовик XVI под давлением аристократов спохватился и прогнал Тюрго. После Тюрго он под давлением общественного мнения пригласил управляющим финансами банкира

Неккера, тоже взявшегося за реформы, но в скором времени спохватился и под давлением аристократии прогнал его. Впрочем, через некоторое время он под давлением народа снова пригласил Неккера.

Из вышеизложенного видно, что это был король, на которого не давил только ленивый.

Под давлением же народа было созвано королем Национальное собрание. Но тут вмешалось давление аристократии и придворных. Король послал Национальному собранию приказ разойтись. Оратор собрания Мирабо вскочил и заявил:

— Мы здесь по воле народа, и только сила штыков разгонит нас.

В эту минуту случилось так, что никто не давил на короля. Он кивнул головой и добродушно сказал:

— Ну ладно. Сидите уж.

Впрочем, через несколько дней под давлением придворной партии король решил стянуть к Парижу войска из иностранных наемников. Тогда-то Франция и возмутилась против своего короля.

Говорят, что муж последний узнает об измене жены. То же происходит и с королями, причем роль жены играет страна.

До чего Людовик XVI был слеп, показывает следующий исторический факт.

Когда ему доложили, что Национальное собрание отказалось разойтись, он всплеснул руками и сказал:

— Да ведь это каприз!

— Нет, государь, — возразили ему, — это скандал.

Через несколько дней ему донесли, что парижские граждане организуют милицию. Опять всплеснул руками король:

— Да ведь это скандал!

— Нет, государь, — возразили ему, — это уже бунт.

А через два дня, когда парижане взяли и разрушили Бастилию, король, узнав об этом, снова патетически всплеснул руками и воскликнул:

— Да ведь это бунт!

— Нет, государь... Это уже — революция!

Тогда король успокоился и даже переехал из Версаля в Париж.

У Людовика XVI оставался еще прекрасный выход, которым он мог спасти свое положение: стоило ему только выбросить за двери всех придворных, которые оказывали на него давление, — всех тунеядцев, ленивых и глупых негодяев.

Вместо этого он:

1) под давлением приближенных задумал бежать за границу. Был пойман и привезен в Париж;

2) под давлением придворных вступил в переговоры с иностранными государствами, прося у них помощи против Франции.

За это Франция приговорила короля к смерти.

Он умер 21 января 1793 года под ножом гильотины и перед смертью впервые держал себя твердо и спокойно... Вероятно, потому, что почти никто уже не оказывал на несчастного короля давления...

Умер король, искупив кровью все безумства своих пышных предшественников, искупив разорение и упадок страны, искупив страшную гнусно пророческую фразу своего деда:

— После меня хоть потоп!

Террор

Национальное собрание передало власть Законодательному собранию, а Законодательное собрание — Национальному Конвенту.

Если можно так выразиться — Франция левела с каждым днем.

Сначала у власти стояли жирондисты, казнившие врагов свободы, но когда они оказались недостаточно левыми — их сменили монтаньяры.

Монтаньяры с Робеспьером, Дантоном и Маратом во главе, конечно, немедленно казнили жирондистов, как врагов свободы.

Когда все жирондисты были казнены, Робеспьер остановил свои рассеянный взор на Дантоне и подумал: «А не казнить ли Дантона как врага свободы?»

Когда он предложил это товарищам монтаньярам, те очень обрадовались и казнили товарища Дантона.

Впрочем, вскоре после этого монтаньяры задали сами себе вопрос: «А не отрубить ли голову товарищу Робеспьеру?»

Сделали это. У Робеспьера был товарищ, монтаньяр Сент-Жюст. Отрубили голову и Сент-Жюсту.

Таким образом, из всей компании один только Марат умер своей смертью. Он был убит в ванне Шарлоттой Корде — «одной мечтательной девушкой», как мягко выражается Иловайский.

Наполеон Бонапарте

В то время как жирондисты и монтаньяры потихоньку рубили друг другу головы. Наполеон Бонапарте потихоньку выдвигался вперед.

— Кто же такой был Наполеон Бонапарте? — спросит любопытный читатель.

Это был обыкновенный артиллерийский офицер, выдвинувшийся при осаде Тулона.

Здесь мы категорически должны опровергнуть утверждение некоторых историков, которые производят имя великого Бонапарте от его военных подвигов на поле брани (На-поле-он). Во-первых, если бы это было так, то простая грамотность требовала бы иной орфографии (Напольон), а во-вторых, Наполеон был французом, более того — корсиканцем. Корсиканцы же, как известно, по-русски не говорят, почему назвали бы Наполеона по-французски (*Il est sur le champ*); кроме того, имена обыкновенно даются еще при рождении, когда самый проницательный человек не может определить размера будущих ратных подвигов ребенка...

Вообще, солидный читатель, мы уверены, не придаст серьезного значения этой неосновательной гипотезе...

Секрет успеха Наполеона, если вдуматься в него, оказывается очень прост: армия была предана ему душой и телом, а добиться такой привязанности у простых честных солдат было очень легко.

Мы сообщим рецепт успеха Наполеона на тот случай, если кто-нибудь из главнокомандующих и вообще генералов пожелает им воспользоваться.

Рецепт успеха

Предположим, кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет. Предстоит упорная битва... Вы, не отдавая никаких сухих приказов и кисло-сладких распо-

ряжений (вроде: «Братцы, постоим же за матушку-родину... братцы, лупи неприятеля в хвост и гриву — получите потом по чарке коньяку!»), просто выбираете пару-другую пирамид повыше и указываете на них пальцем:

— Солдаты! — кричите вы. — Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!

Простодушные солдаты поражены.

— Так много! — шепчут они. — Бросимся же, братцы, в бой!!

Если разобраться в *Предположим, кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет...* сказанной вами фразе — в ней не найдется ничего существенного. Но закаленный в боях воин нетребователен. Ему многого не надо. «Сорок веков» его восхищают.

Если вблизи нет пирамид, можно придаться к чему-нибудь другому и опять привести солдат в крайнее возбуждение.

Например: кругом пусто, а сверху светит обыкновенное солнце.

— Солдаты! — торжественно говорите вы. — Это то самое солнце (как будто бы есть еще другое), которое светило во время побед Людовика XII.

Не нужно смущаться тем, что злосчастный Людовик XII не имел ни одной победы — всюду его гнали без всякого милосердия... Неприхотливым воинам это не важно. Лишь бы фраза была звонкая, эффектная, как ракета.

Конечно, полководец должен сообразоваться с темпераментом и национальностью своих солдат.

Немца на пирамиду не поймашь... Ему нужно что-нибудь солидное, основательное или сентиментальное. Немцу можно сказать так:

— Ребята! Нас сорок тысяч, а врагов — пятьдесят. Но они все малорослые, худые, в то время как вы — толстые, большие. Каждый враг весит в среднем около трех пудов, а вся ихняя армия — сто пятьдесят тысяч пудов. В вас же, в каждом, — около пяти пудов, т. е. вся наша армия на пятьдесят тысяч пудов тяжелее ихней. Это составит двадцать пять процентов. Неужели же мы их не поколотим?

Кроме того, немец любит слезу.

— Солдатики! — говорите вы, сдерживая рыдания. — Что же это такое? Неужели ж мы не победим их? Если мы их не победим, подумайте, как будут огорчены ваши добрые мамы, вяжущие на завалинке шерстяной чулок, и ваши престарелые папаша, пьющие за газетой свой зейдель пива, и ваши дорогие невесты, которые плачут и портят свои голубые глазки.

И все заливаются слезами: полководец, солдаты... даже последний барабанщик плачет, утирая слезу барабанными палками. Потом все бросаются в бой и побеждают.

Легче всего разговаривать с китайскими солдатами. Им нужно привести такой аргумент:

— Эй, слушайте там: все равно рано или поздно подохнете как собаки. Так не лучше ли подохнуть теперь, сыпав предварительно врагу по первое число.

Есть еще один прием, к которому Наполеон часто прибегал и который привязывал солдат к полководцу неразрывными цепями.

Холодное, туманное утро... Солдаты жмутся у костров, сумрачные, в ожидании битвы. Наполеон выходит из палатки и отзывает от костра одного солдата.

— Э... послушай, братец!.. Как зовут того солдата с усами, которому ты давал прикуривать и который так весело смеется?

— Этот? Жан Дюпон из Бретани. Он вчера письмо получил от больной матери, которая уже выздоравливает — и поэтому сейчас рад, как теленок.

Наполеон направляется к указанному солдату.

— Ну, как твоей матери — лучше теперь?

— Здорово, Жан Дюпон!

Дюпон расцветает. Император знает его фамилию! Император его помнит!..

— А что, Жан Дюпон, ведь прекрасная страна ваша Бретань?!

Дюпон еле на ногах стоит от счастья. Император Франции знает даже, откуда он!

— Ну, как твоей матери — лучше теперь? Выздоровливает?

Если бедный солдатик не сходит сразу с ума от удивления и восторга — он падает перед чудесным повелителем на колени, целует руки и потом

пытается убежать с определенной целью раззвонить товарищам обо всем, что произошло. Но Наполеон удерживает его.

— Скажи, от кого ты сейчас закуривал папиросу? Такой рыжий.

— А! Этот? Мой товарищ, парижанин Клод Потофе. Сирота. Отца его убили во время взятия Бастилии, и у него теперь, кроме невесты, маленькой Жанны, никого нет в Париже.

Часа через два Наполеон натывается на Клода Потофе.

— Здорово, старый товарищ, Клод Потофе! Небось, сам здесь — хе-хе! — а мысли в Париже, около маленькой Жанны. Эх ты, плутишка! Ну, посмотрим, такой ли ты забияка в сражении, как твой отец, который свихнул свою старую шею около Бастилии четырнадцатого июля.

Клод Потофе падает от изумления в обморок, а когда приходит в чувство, говорит своим товарищам, захлебываясь:

— Вот это полководец! Нас у него двести тысяч, а он знает и помнит жизнь каждого солдата, как свою собственную...

Наполеон — император

Если изучить как следует жизнь и деятельность Наполеона I, то придется сознаться, что этот человек подорвал в нас всякое уважение к истории человечества, к солидности и постепенности в прохождении того величавого медлительного пути, который свыше намечен народам мира.

Этот бывший артиллерийский офицерик носился по всей Европе, как собака, которой привязали к хвосту гремющую жестянку — честолюбие, дрался, как лев, хитрил, как лисица, пролез сначала в генералы, потом в первые консулы, потом в императоры и споткнулся только тогда, когда дальше идти было некуда — вся нечеловеческая прыть и прекрасная в своем ослепительном блеске наглость была исчерпана до конца.

Пишущий эти строки счастлив, что ему предоставляется возможность закончить Всеобщую историю человечества жизнью Наполеона I — таким могучим аккордом, таким грандиозным апофеозом, который с самой беспощадной ясностью подчеркивает тщету всего земного, эфемерность так называемых «исторических и прочих условий».

Маленький человечек в треугольной шляпе и сером походном сюртуке захотел сделаться французским императором.

Он им сделался. Это так легко.

У него не было никаких предков королевской крови, никакой предшествующей династии, никаких традиций. Вероятно, поэтому он стал поступать дальше с прямой и бесцеремонностью варвара, попавшего в музей, наполненный драгоценными реликвиями старины, прекрасными обветшалыми тронами и портретами целых поколений королей, к которым он относился с ироническим пожатием плеч разбогатевшего лавочника — себе на уме...

Сделавшись императором, он на минутку приостановился, призадумался, положив палец на губы, и махнул рукой:

— Эх! Сделаюсь уж, кстати, и королем Италии.

Кстати, сделался и королем Италии.

Наместником туда назначил пасынка своего Евгения Богарне, который при других условиях торговал бы на Корсике прованским маслом в розницу или занимался корсиканской вендеттой — делом, не требовавшим больших расходов, но и не дававшим никакой прибыли.

Можно вообразить, как смеялся в тиши своего кабинета или походной палатки Наполеон, раздавая направо и налево своим бедным родственникам троны и королевства.

Это делалось с такой легкостью и простотой, с какой сытый буржуа дарит своим бедным друзьям и родственникам старые галстуки и жилеты, отслужившие хозяину свою службу.

Например, докладывают Наполеону:

— Вас там в передней спрашивают.

— Кто спрашивает?

— Говорит — ваш братец Иосиф. Да только подозрительно — правда ли это? Уж больно вид у них... подержанный.

— Ага! Зови его сюда.

Брат входит, мнетя, переступая с ноги на ногу, мнет измызганную шапочку в руках...

Добрый Наполеон лобызается с братом.

— Жозеф! Ты! Очень рад тебя видеть. Что это ты в таком непрезентабельном виде?

— Я к тебе... Нет ли местечка какого?

Наполеон трет лоб.

— Гм... Местечка... Можно было бы назначить тебя вице-королем в Италию, но туда я уже Женю посадил. Местечко занято. Разве вот что: как тебе улыбается Неаполитанское королевство?

— Ну, что ж... У меня положение такое, что пойду и на это.

— Вот и прекрасно. Завтра же можешь и выехать. Скажи там, что я назначил тебя неаполитанским королем. Спроси, где трон — тебе покажут. Да я лучше записочку напишу

.....

— Вас там спрашивают, в передней.

— Кто?

— Говорят, братец Людовик. Вид тоже... тово...

— Бедняга! Зовите его сюда! Здорово, Людовик! Небось, тоже за местечком... Ну-с — пораскинем мозгами. Что у нас занято и что свободно? В Италии королевствует Евгений, в Неаполе Жозеф... Гм... А, вот! Голландия!! Хочешь быть голландским королем?

— Голландским? Другого ничего нет?

— Пока не предвидится.

— Ну, хочу.

— Ну, ладно.

Впрочем, не только к своим родственникам относился тепло добрый Наполеон. За короткое время он сделал совершенно посторонним людям такие одолжения: Герцогу Баварскому дал титул короля.

Герцогу Вюртембергскому дал титул короля.

Курфюрсту Саксонскому дал титул короля.

Курфюрсту Баденскому дал титул великого герцога.

Однажды Наполеону взгрустнулось.

— Что бы такое сделать?

После недолгого размышления он образовал из западногерманских владений «Рейнский союз», а себя назвал «протектором» этого союза.

Сам себя назвал. Никто не называл. Но когда он назвал себя протектором — все без споров стали называть его протектором.

Случилось однажды так: был у Наполеона еще третий брат, Иероним, — а королевств свободных больше не было... Что же делает умный Наполеон? Были у Пруссии какие-то земли «к западу от Эльбы». Наполеон отнимает их у пруссаков, составляет из них Вестфальское королевство и — отдает брату.

— На, милый. Ты хоть и младший, но будь не хуже других. Тоже не лыком шит!

Когда у Наполеона не осталось больше свободных родственников, он принялся за своих генералов. Брата своего Иосифа перевел из Неаполя в Испанию («довольно тебе, плутишка, быть неаполитанским королем — будь испанским»), а генерала Мюрата посадил на очистившийся неаполитанский престол.

Тех же генералов, которые не пользовались его расположением, Наполеон без всякого сожаления сажал на второстепенные троны. Так, его маршал Бернадот был посажен на шведский престол.

Историки рассказывают, что по этому поводу между Бернадотом и Наполеоном произошла тяжелая сцена.

— Сами садитесь на этот престол, — орал несдержанный Бернадот. — На что он мне! Не видал я вашего шведского престола!..

— Ничего, голубчик, сядешь! Не велика птица, — посмеивался Наполеон.

— Другие люди как люди, — рыдал огорченный Бернадот, — у того неаполитанский престол, у того испанский. А мне... Конечно... Понимаем-с, понимаем-с... Мы уже не нужны!! Мы уже свое сделали!! Ха-ха!.. Шведский престол...

— О, милый мой, — говорил мечтательно притихший Наполеон, — было время, когда и я бы с радостью ухватился за шведский престол.

— Было время... Конечно! Было время, когда мы без штанов бегали. Но это в прошлом, это золотое детство! А теперь — раз человек вырос, сделался солидным — вы обязаны дать ему престол — и не какой-нибудь, а большой, хороший.

— Ну ладно, старый ворчун. Садись пока на то, что есть, а потом мы тебе подыщем что-нибудь получше... Что ты скажешь, например, об Австрии? Хе-хе...

Только этой хитростью и можно было сломить упрямого Бернадота.

История говорит, что Бернадот так и кончил свою опальную жизнь в тиши и неизвестности, всеми забытый на своем шведском престоле...

Конец Наполеона

Наполеона погубило то, что он вздумал вести победоносную войну с русскими. Удивительнее всего, что так оно и случилось: Наполеон действительно вел победоносную войну с русскими. Всюду русские отступали. Наполеон побеждал, русские уходили из Москвы, Наполеон вступал в Москву, русские терпели поражения. Наполеон терпел победы.

Кончилось тем, что Наполеон потерпел последнюю победу при Березине и укачал в Париж.

Солнце склонилось к западу...

Собака с прикрепленной к хвосту жестяной-честолюбием была затравлена, загнана и — погибла.

Наполеон был щедрее победивших его союзников. Он дарил последнему из своих маршалов целые королевства, а союзники подарили ему, императору, маленький островок Святой Елены и одного подданного — конвойного сторожа, ухаживавшего за императором.

Гордый император терпеливо улыбался, а потом согнал улыбку с лица и умер, сложив в последний раз по-наполеоновски руки, те самые руки, которые долгое время жонглировали «исторически сложившимися государствами» без всякой церемонии и деликатности.

Заключение

Более философского, поучительного и мудрого заключения «Всеобщей истории», чем жизнь и деятельность Наполеона I, придумать нельзя.

У Наполеона не было своего личного герба (за хлопотами он забыл обзавестись им), но если бы был у Наполеона личный герб — ему приличествовала бы такая надпись:

„Vanitas vanitatum et omnia vanitas“...

Что значит в переводе:

«Не боги горшки обжигают».

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

О. А. Д'Ор (И. А. Оршер)

НАЧАЛО РУСИ

I Славяне

Люди с русыми волосами, серыми глазами и румяными лицами назывались славянами. Все же остальные назывались славянофилами и неославянами.

Славяне любили быть высокого роста и энергично тянулись головами к небу. С малорослых они отбирали подписку, в которой малорослый обязывался в известный срок вырасти и достигнуть известной нормы.

Когда же по истечении срока давшие подписку не вырастали, их ссылали на берега Днепра, где малорослые вскоре и основали свое собственное государство под названием Малороссия.

В отместку за ссылку малороссы и придумали пословицы: «Высокий до неба, да дурный як треба» и «Велика Федора, да дура».

Жили славяне на берегах рек, но им не запрещалось отлучаться от берегов и совершать прогулки вне черты славянской оседлости.

Занимались они ловлей невест, рыб и зверей. Первых, вторых и третьих было такое множество, что часто ловили их голыми руками и даже голыми ногами, ибо в летнее время славяне ходили почти голыми, каковое платье в те времена считалось весьма модным и щеголеватым.

Рыбу славяне жарили и варили. С зверей снимали шкуру и отпускали их на волю. Невесты же, в свою очередь, сдирали шкуру с славян и отсылали своим родителям.

Последний акт назывался «вено».

Характер славян представлял смесь хороших и дурных качеств.

С одной стороны они были храбры, но с другой стороны храбры не были, вследствие чего исход битвы зависел от того, с какой стороны к ним подходил неприятель — с храброй или не с храброй.

Сражались они враспынную, но, потеряв сражение, бежали дружной толпой и сомкнутыми рядами.

Иногда они прибегали к хитрости. Притворным бегством заманивали неприятеля в лес и оттуда больше не выходили, оставив таким образом неприятеля с носом и в дураках.

Славяне отличались большим гостеприимством. Гостю отводилось лучшее место в доме и отдавались лучшие куски. Позволялось даже украсть у соседа, чтобы угостить странника. Позволялось даже любимую жену отдавать гостю.

Но какой счет потом представлялся гостю, неизвестно историкам.

Должно быть, счет представлялся порядочный. Это видно из того факта, что к славянам не часто ездили в гости.

...Отделение головы от туловища у жены считалось достаточным поводом к разводу

Брак у них заключался без излишних проволочек.

Мужчина накидывал на голову нравившейся ему женщины мешок, связывал руки и тащил в свой дом; таким образом, брак заключался с обоюдного согласия.

Еще меньше проволочек требовал развод. Например, отделение головы от туловища у жены считалось достаточным поводом к разводу, и с первого же момента муж, отрубивший голову жене, считался снова холостым и мог беспрепятственно жениться на другой.

Религия у славян была простая и общедоступная. Они поклонялись всему, что бог послал.

Увидят пень и станут пред ним на колени. Поймают зверя и давай перед

ним молиться, прежде чем снимут с него шкуру.

Один пень сделал большую карьеру. Для него построили храм и наняли жрецов. Пню дали имя Перун и подчинили ему солнце, гром и все остальные божества.

Некоторые из славянских племен жили в городах и управлялись князьями. Князья же неизвестно кем управлялись, и хотя некоторые историки уверяют, что они управлялись вечем, но им никто еще до сих пор не поверил.

II Происхождение русского государства

Племя Русь в первый раз появилось в России в 862 г. Откуда оно появилось, никому не было известно.

Все в этом племени были беспаспортные и на расспросы летописцев давали уклончивые ответы.

— Мы приходим от Адама! — говорили одни.

Летописцы накидывались на свои пергаменты, чтобы записать эти слова. Но тут подходили другие из племени Русь и не без лукавства замечали:

— Вас обманули, господа летописцы. Мы приходим от Евы.

И бедные летописцы тщетно ломали головы, стараясь угадать, какой из этих двух разноречивых ответов можно считать верным. Жили тогда славяне, следуя строго обычаям предков — в вечной ссоре и непрерывной драке между собой.

Синяк под глазом или вывороченная скула, как у нынешних боксеров, считались почетными знаками и лучшим доказательством мужской красоты и отваги.

Несмотря, однако, на отчаянную отвагу, славяне всем платили дань, не желая, по видимому, отступать от преданий седой старины.

Северные славяне платили дань варягам. Южные — хазарам. Восточные — половцам. Западные — немцам. Юго-восточные славяне платили и немцам и варягам.

Иногда северные славяне тайком от южных славян приносили дань хазарам. Когда это обнаруживалось, южные славяне в долгу не оставались и, выбрав ночь потемнее, отправлялись тайком от северных славян к варягам и приносили им дань.

На этой почве у южных и северных славян весьма часто возникали войны, которые в большинстве случаев кончались вничью. Южные славяне возвращались к себе на юг, сообщая всем по дороге:

— Здорово мы отколотили северных славян. Больше не сунутся с данью к нашим хазарам.

Северные же славяне всем по дороге рассказывали:

— Ну и отдубасили мы южных славян! Будут знать, как платить дань нашим варягам.

В конце концов славяне всех стран света так перессорились между собой, что вмешательство иностранных держав стало необходимым. Славяне не стали ждать, пока чужеземцы придут в их страну, и сами позвали их к себе.

— Так-то почетнее будет! — сказали умные славяне. И отправили к чужеземцам послов.

III Призвание варягов

Летописцы на основании не дошедших до нас рукописей так рассказывают о призвании варягов.

Славянские послы обулись в праздничные портянки и самые модные для того времени лапти.

Брюк в то время еще не носили. Даже князя, управляя своими народами, оставались без брюк при исполнении своих княжеских обязанностей.

На плечи послы накинули по звериной шкуре. Взяли по котомке с хлебом и отправились к варягам.

Пришедши к варягам, послы потихоньку заглянули в шпаргалки, которые на всякий случай носили в кармане, и выпалили из Иловайского: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

За знание истории варяги поставили послам пять, а потом приступили к деловому разговору.

— Зачем вам порядок? — спросили варяги.

Послы переглянулись и почесали затылки. Видно было, что к этому вопросу они совершенно не были подготовлены.

— Да как же без порядка! — стали они мямлить. — Нужен порядок...

— Зачем же нужен?

— Для порядка, значит, нужен. Сами знаете, без порядка какой же порядок?

Варяги засмеялись.

— Ну, хорошо, — сказали они, — порядок нужен для порядка. А земля ваша действительно велика?

Послы оживились.

— Велика?! Ишь ты, чего захотели! Это только для красного словца говорится. Куренка, к примеру сказать, и того выпустить некуда. Сейчас его либо половчанин схватит, либо хазарин унесет, либо к вашей милости на сковородку попадет. Совсем безземельные...

— А земля ваша действительно обильна?

— Обильна ссорами.

Заметив, что слова эти произвели на варягов нехорошее впечатление, послы бросились в ноги и завопили:

— Ваши благородия! Не оставьте нас, сирот. Вы наши отцы, мы ваши дети. Приходите учить нас уму-разуму.

После небольшого колебания варяги согласились принять власть над славянами.

Три брата — Рюрик, Синеус и Трувор с дружинами пошли к славянам.

Рюрику приняли с удовольствием.

— Хоть и не Рюрикович, — говорили про него послы, — но его потомки будут Рюриковичами.

Синеуса приняли благосклонно.

— Усы выкрасим, — решили послы, — и он сделается Черноусом.

Но насчет Трувора возникли прения.

— Пойдут от него Тру-воровичи, — говорили послы, — а мы люди робкие. Рас-труворуют нашу землю самым лучшим манером.

Но варяги шутить не любили, и пришлось уступить.

От Труворовичей и пошли на Руси интенданты, приказные, хозяиные.

IV Олег

Самым популярным из первых князей, попавших в историю, сделался Олег, впоследствии князь киевский.

О взятии этим князем Киева летописец Нестор, со слов очевидца Иловайского, рассказывает следующее:

— Вот мой документ.

При этих словах Олег поднял над головой своей малолетнего Игоря, сына Рюрика.

Аскольд и Дир хотели сказать Олегу, что в Киеве мальчик не только документом на княжение, но и простым метрическим свидетельством служить не может.

Но прежде чем они успели открыть рты, Олег приказал убить их и похоронить на Аскольдовской могиле. После этого Олег любезно осведомился у киевлян:

— Кому платите дань?

— Прежде платили хазарам...

— А теперь мне будете платить.

Киевляне почесали затылки и робко сказали:

— Но хазары могут прийти и побить нас.

Олег рассмеялся.

— Эка важность, что побьют. Побьют и устанут, а потом уйдут.

Киевляне увидели, что князь рассуждает логично, и решили:

— Будем платить ему дань.

Киев так понравился Олегу, что в порыве восторга он приказал ему:

— Будь матерью городов русских!

Сказав эти слова, Олег поселился в Киеве.

Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью.

Вскоре Олег покорил много народов — своих и чужих.

Однажды он подплыл на своих ладьях к самому Царьграду и, уловив удобную минуту, прибил свой щит к вратам города.

Греки на следующий день долго ломали головы, не зная: кто мог это сделать и зачем? Наконец, они догадались:

— Должно быть, у этого доброго человека было два щита, и один из них он тайно принес нам в дар.

И они решили остаться со щитом.

И еще много блестящих войн вел Олег, и еще много земель он завоевал.

Вообще этот воинственный князь не признавал чужой собственности и вещи своих соседей считал своими, за что и был назван Вещим.

О смерти Олега существует прекрасная легенда.

Один кудесник предсказал, что князь умрет от своего любимого коня. Олег велел по-прежнему кормить коня, но больше на него не садился. По возвращении из похода князь спросил:

— А где мой любимый конь?

Шталмейстеры смутились и ответили:

— И... и... издох!

Смущение показалось подозрительным Олегу.

— Хочу видеть его кости! — лукаво усмехнувшись, сказал князь. — Шкуру его я видел... на другом коне!

Шталмейстеры повели Олега на какой-то курган, с которого его принесли обратно мертвым. Последнее слово князя было: «Змея!»

Из этого историки делают заключение, что Олег умер от укуса змеи.

Но опытные чиновники и киевские интенданты только улыбаются наивности историков и объясняют инцидент с конем несколько иначе...

V Игорь

Преемник Вещего Олега был Игорь.

Этот князь был большим неудачником, и ни в чем ему не везло.

Он воевал с печенегами, но последние оказались воинами храбрыми, и князь Игорь терпел неудачи.

Предпринял поход на Византию, но неудачно. Греки укрылись под щитом Олега и оттуда поражали стрелами Игоревое войско.

Вынужденный заключить мир с греками, он заключил его неудачно. Греки и русские поклялись сохранять мир до тех пор, пока будет сиять солнце и стоять мир. Но вскоре солнце перестало сиять, так как наступила

Греки под щитом Олега

осень, а миры перестали стоять и начали вертеться вокруг своих осей, и война снова грянула.

Поехал князь собирать дань, но и тут ему не повезло. Подчиненные народы отказались платить дань, а древляне привязали его к вершинам двух пригнутых к земле деревьев и отпустили деревья.

Его разорвало пополам, вследствие чего он умер.

После смерти Игоря жена его Ольга и малолетний сын Святослав остались без всяких средств к жизни, ибо дани он не собрал, а киевское княжество не могло считаться «средствами к жизни».

В самом деле, какие это были «средства»? Кто хотел, мог подплыть к стенам города и приказать:

— Платите мне дань! — И киевляне платили бы.

VI Ольга

Оставшись вдовой с малолетним сыном на руках, княгиня Ольга не растерялась и объявила киевлянам:

— Буду вами править.

— Правь! — равнодушно ответили киевляне.

Ольга начала княжить именем сына.....

VII Святослав

Еще при Ольге стал княжить ее сын Святослав. Это был очень храбрый князь: он потерпел поражение от самого Цимисхия, императора византийского.

У воинственного Святослава был только один недостаток: он не мог хранить военных тайн. Так, например, отправляясь в поход, он так громко кричал: «Иду на вы! Иду на вы!», что в конце концов эти крики достигали ушей неприятеля и последний начинал принимать меры против внезапного нападения.

Наступал он, как свидетельствует летописец, с быстротою барса. И не отступал с быстротою Каульбарса.

В поход не возил с собой ни возов, ни коров, ни салон-вагонов. И ни в каких случаях он не терял голову.

Однажды рать Святослава окружило сто тысяч греческих воинов. Святослав не растерялся, а сказал своей дружине:

— Ляжем костями. Не посраим земли русской.

Сказав эти слова, князь действительно всеми костями лег на землю.

— Где твоя голова ляжет, — воскликнула дружина, — там и мы свои сложим!

И, отыскав голову князя, дружина положила рядом с ней свои головы.

Так они пролежали до тех пор, пока греческое войско не было побеждено и бежало в панике. В конце концов Святослав был вынужден заключить мир с греками...

Заключив мир, Святослав пожелал иметь свидание с императором Цимисхием.

Историк Лев Дьякон (он был впоследствии рукоположен во священники) так описывает это свидание: «Иоанн Цимисхий весь в золотой оправе подъехал на коне к берегу Дуная. Вскоре показался в лодке весь осыпанный драгоценностями Святослав. На нем было деревянное весло, чуб и золотая серьга».

Цимисхий хотел поговорить со Святославом об иностранной политике, но раздумал и спросил:

— Хорошо у вас в нынешнем году рожь уродилась?

— Благодарим покорно! — ответил Святослав. — Рожь неважно уродилась. Да и на рогатый скот ящур.

Цимисхий сочувственно покачал головой.

По дороге в Киев Святослава и его дружину перерезали печенег. Напад на Святослава, печенег не знали, на кого они напали.

Когда печенежский князь потом узнал, что то был сам Святослав, то три дня дрожал со страха.

VIII Владимир Красное Солнышко

Сначала Владимир был князь как все. Воевал, пил, пировал, вообще вел себя по-княжески. Но с течением времени он все больше и больше стал отказываться от княжеских привычек и стал добр, ласков.

Еще больше изменился он после того, как крестил свой народ.

Летописец Нестор рассказывает об этом так. Много миссионеров из разных городов понаехало в Киев.

Первыми, конечно, приехали евреи.

— Ваша страна где находится? — спросил их Владимир.

— Страны у нас нет! — ответили евреи. — У нас только есть черта оседлости.

— А где ваша «черта оседлости»?

— Там, где угодно министрам внутренних дел. Теперь наша «черта» — Вильно, Ковно, Бердичев...

— А Киев?

— Киев вне «черты». Впрочем, министр внутренних дел...

Владимир не дал евреям договорить.

— Не хочу я быть зависимым от министра внутренних дел. Идите с богом.

Пришли магометане. Владимир предложил им водки и закуску.

— Выпейте с дороги! — ласково предложил Владимир. — Выпейте и закусите ветчинкой. Водка своя, без акциза. Ветчина от собственной свиньи, свежая.

— Наша религия запрещает нам пить вино и есть свинину, — ответили магометане.

— Вот как!

Владимир задумался и сказал:

— Идите с богом. Без свинины и водки — мы погибшая страна...

Не успели уйти магометане, как пришли католические патеры, которые в первый день своего приезда увеличили вдвое население Киева. Владимир велел им также убраться.

Последними пришли миссионеры греческие, и что было дальше, всем известно.

Всех идолов Владимир приказал уничтожить. У Перуна к тому времени выросли золотые усы, и он был идиолом в полном соку.

Это не спасло его от смерти. Бедного Перуна утопили.

Народ же киевский, несмотря на открытый переход в христианство, в душе еще долго оставался язычником. Многие из них тайно отправлялись на поиски несчастного Перуна и других богов.

Это были первые богоискатели на Руси.

Отчаявшись в поисках Перуна, некоторые из богоискателей взяли топор, пилу и рубанок и принялись строить нового Перуна.

Это были первые богостроители на Руси.

Владимира в народных сказках называют «Ласковым», «Милостивым» и «Красным Солнышком».

По-видимому, в те времена солнце было запрещенного красного цвета, а не благонадежно желтого.

IX Ярослав Мудрый

До Ярослава княжил брат его Святополк. По обычаю своего времени Святополк начал с убийства братьев, желая заслужить уважение народа.

Но ему не повезло!

Потому ли, что он перехватил меру, убив слишком много братьев, потому ли, что убийство брата перестало быть оригинальным и вышло из моды, но Святополк уважения не снискал, а, наоборот, его прозвали Окаянным.

Единственный брат, оставшийся в живых, Ярослав, прогнал с престола Святополка и сам стал княжить.

Ярослав имел некоторую склонность к крамоле. Женил сына на француженке. Дочь выдал за венгра. С инородцами не расставался.

Кончил он тем, что сочинил законы, которые собрал и напечатал в губернской типографии под названием «Русская Правда».

Министров юстиции тогда еще не было, и судьи имели полную возможность судить по существующим законам.

Но судьи были истинные патриоты. Они поняли, какой вред могут принести патристическим идеям писанные законы, и за небольшое вознаграждение они стали показывать, как можно обходить законы.

Один из судей, Шемяка, впоследствии на этом составил себе имя и сделался родоначальником целого поколения шемякинцев.

Через несколько лет «Русской Правде» исполнится 1000 лет, и большая группа юристов собирается отпраздновать с помпой тысячелетие обхода писанных законов.

Перед смертью Ярослав учредил дошедшее до нас и столь популярное теперь Удельное ведомство.

За это он был прозван Мудрым.

X Владимир Мономах

Лишь только сошел в могилу Ярослав Мудрый, как истребленные печенеги под видом половцев начали совершать набеги на русскую землю.

В Киеве на столе сидел Всеволод I, который, как все Всеволоды, никаким умом и талантом не отличался.

Киевляне давно уже хотели снять Всеволода со стола и посадить на стул, но не сделали этого из уважения к его сыну Владимиру Мономаху.

Князья в это время не переставали ссориться. Был один князь Василько, который не хотел ссориться ни с кем, и это страшно возмутило князей.

— Это не по-товарищески! — с негодованием говорили князья. — Все ссорятся, а он один не хочет ссориться!

— Белоручка! Лентяй! От ссоры отлынивает!

Один из князей, Давид, не вытерпел и, пригласив к себе в гости Василька, выколол ему глаза.

— Теперь ступай! — сказал Давид, отпуская Василька. — Не поминай лихом. Кто старое помянет, тому глаз вон...

Узнав про это, Владимир Мономах пришел в страшный гнев и приказал отнять у Давида его удел.

Оставшись нищим, Давид открыл ресторан, известный и доныне под названием «Давидка».

Между тем Всеволод Первый, несмотря на свою бездарность и неумение княжить, умер.

На киевский стол сел Святополк Второй. Несколько лет пришлось снова Владимиру Мономаху сидеть на стуле и ждать, пока новый князь ляжет на стол.

Когда это случилось, Владимир Мономах начал княжить в Киеве.

Любимым занятием князя было бить половцев и поучать делать добро. Однажды он разбил половецкое войско и взял в плен князя их Бедюза. Владимир сказал ему:

— Почему вы не учите своих детей быть милосердными, честными и не проливать крови?

И велел разрубить Бедюзу на части.

Других пленников, поучив добродетели, Владимир Мономах также приказал рассечь на куски.

Он же является продолжателем законодательной работы Ярослава Мудрого, причем он внес в «Русскую Правду» много изменений.

Главнейшие изменения были следующие:

1) за убийство из мести был установлен штраф, как нынче за неверное сведение в газете.

Но штраф был до того ничтожный, что самый бедный человек, лишенный возможности ежедневно обедать, мог позволить себе дважды в день совершить убийство из мести.

2) убийство пойманного вора не считалось убийством, но вора закон запрещал попадаться, и воры никогда не обходили закон;

3) процентов можно было взимать не больше ста, т. е. приблизительно вдвое меньше, чем в нынешних банкирских конторах;

4) уличенный в игре на бирже или в имении онкольного счета подвергался потоку и разграблению.

Несколько лет пришлось снова Владимиру Мономаху сидеть на стуле и ждать, пока новый князь ляжет на стол

Дети Мономаховы следовали поучению отца

— Не хотим быть талантливыми! — заявили князья. — Слава богу, не иноземцы. Когда какой-нибудь князь начинал проявлять признаки даровитости, остальные князья объявляли его штрейкбрехером и подсылали к нему убийц.

Так был убит обвиненный в талантливости Андрей Боголюбский. Этот князь был более себялюбив, чем храбр, и стремился больше к завоеванию своих народов, чем чужих.

С чужими народами он часто обращался по-человечески, в особенности с теми, которых ему не удалось завоевать. Со своими же народами он не церемонился, что его нынешние потомки Петр и Павел Долгорукие, принадлежа к конституционной партии, тщательно скрывают.

Остальные князья (а с каждым годом их становилось все больше и больше) проводили время в ссоре друг с другом и в придумывании себе приятных сердцу кличек. Один называл себя «Храбрым», другой — «Удалым», третий — «Отчаянным», четвертый — «Бесстрашным», пятый — «Богатырем» и т. д.

Народ не мешал князьям ссориться, так рассуждая:

— Чем больше князья будут заняты ссорами, тем меньше будут заниматься нашими делами.

Тогда еще не существовала пословица: «Паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат».

Чубы трещали у ссорившихся князей. Суздальские князья трепали чубы владимирским князьям, владимирские — суздальским. Киевские князья трепали чубы и тем и другим, а в свою очередь подставляли чубы новгородским князьям.

Владимир Мономах не был чужд и литературы. Пред смертью он написал «Почтение своим детям».

В поучении он сначала рассказывает о своих подвигах. «Был, — пишет он, — на коне и под конем. На коне хорошо, а под конем плохо. Медведь однажды прокусил мое седло, отчего оно тут же в страшных мучениях скончалось, не оставив потомства. 83 раза меня бодал лось и метал на рогах буйвол. Живите поэтому, дети, в мире и любви».

Дальше Владимир Мономах поучает детей:

«Не забывайте убогих, сирот, вдов».

Дети Мономаховы, послушные отцу, всю жизнь не забывали вдовиц.

XI И прочие

После Владимира Мономаха князья забастовали.

Ростовские князья долгое время ходили без работы, но потом присоединились к суздальским князьям, вместе с ними трепали чужие чубы или давали трепать свои.

Много князей от чуботрепания за весьма короткое время облысели как колено и сделались родоначальниками нынешних балетоманов.

Не мешал также народ князьям называться «Удалыми» и «Бесстрашными».

— Пусть называются! — говорил, улыбаясь, народ.

И добавлял добродушно:

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не рубило головы.

Самая крупная ссора произошла между Торжком и Новгородом из-за Макарьевской ярмарки.

Торжок, славящийся своей обувью, ни за что не хотел приезжать на ярмарку.

— Если ты ходишь без сапог, — говорил Торжок, — то и приезжай ко мне. Обую. А таскать свой товар к тебе не стану. Сапоги — вещь нежная и самолюбивая. Принесешь деньги, возьмешь сапоги.

Но Новгород ни за что не сдавался.

— При мне, — говорил он, — деньги, при тебе товар. Хочешь получить деньги, потрудишься ко мне на ярмарку.

Сторону сапог приняли князья Ярослав и Юрий, а за Новгород вступился Мстислав Удалой.

Понятно, что, раз вмешались князья, война стала неизбежной.

Макарьевская ярмарка одержала верх над сапогами и обратила их в бегство.

Князь Юрий, ставший грудью за сапоги, еле спасся в одной рубашке. Торжок смирился и в знак покорности стал величать Новгород «господином». Потом это вошло в обычаи, и все, обращаясь к Новгороду, говорили:

— Господин Великий Новгород!

И на простой и на заказной корреспонденции Новгороду писали на конверте:

«Его Высокоблагородию господину Великому Новгороду». После чего следовали наименования улицы и дома.

Князей с «именами» у новгородцев не было, и в историю пришлось принимать всех.

ХII Вече

Существует легенда, что Новгород управлялся вечем.

По словам легенды, к слову сказать, ни на чем не основанной, управление происходило так.

Посреди города на площади висел колокол. Когда у новгородцев появлялось желание посчитать друг другу ребра и зубы, они приходили на площадь и принимались звонить в колокол.

Моментально площадь покрывалась народом. Ремесленники, купцы, приказные, даже женщины и дети бежали на площадь с криком:

— Кого бить?

Вмиг начиналась всеобщая, прямая, равная, тайная и явная потасовка.

Когда драка переходила в поножовщину, князь высылал своих людей и разнимал дерущихся.

Очень часто, говорит легенда, доставалось самому князю.

Возмущенные нарушением своих прав — свободно сворачивать друг другу скулы, — новгородцы кричали князю:

— Уходи, ваше сиятельство! Не мешай свободным людям ставить друг другу фонтаны.

Но князь не уходил, а уходили с площади сами новгородцы.

— Уходим потому, что сами так хотим! — говорили гордо новгородцы. — Не захотели бы и не ушли.

— Ладно! Ладно! — отвечали князевы люди, подбадривая новгородцев ударами в спину. — Поговорите еще...

Действительно ли существовало когда-либо в Новгороде вече, трудно установить. Иностранные ученые склонны думать, что вече существовало.

— Но, — добавляют они, — звонить в вечевой колокол имел право только князь новгородский, а чтобы никто из новгородцев не мог звонить в колокол, возле него был поставлен городской.

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

I

Однажды в Руси раздался крик:

— Халат! Халат! Шурум-бурум! Казанскэ мылэ!..

Русские побледили.

— Что бы это означало? — спрашивали они, перепуганные, друг друга.

Кто-то, стуча от страха зубами, догадался:

— Это нашествие татар...

Как бы в подтверждение этих слов еще резче, еще громче прозвучало:

— Халат! Халат! Казанскэ мылэ...

Россияне переполошились.

— Надо сообщить князьям.

Побежали к князьям, которые в эту минуту были заняты весьма важными государственными делами. Мстислав Галицкий только что запустил обе руки в волосы Мстислава Черниговского и старался пригнуть его к земле. Мстислав Черниговский не имел времени обороняться, так как обе руки его были заняты в драке с Мстиславом Киевским. Мстислав Киевский, со своей стороны, отражал удары Мстислава Черниговского и в то же время старался сесть верхом на Мстислава Галицкого. Насилу разняли князей и сообщили о нашествии татар.

— Эх, косоглазые черти! — выругались князья. — И подраться как следует не дали. А драка так хорошо наладилась.

Однако делать было нечего. Нужно было немедленно принять экстренные меры.

— Халат! Халат! — уже совсем близко послышался татарский боевой клич.

— Ишь заливаются! — с досадой проворчали князья. — Должно быть, сам Темучин так старается.

Князья сели совещаться.

— Я придумал! — сказал князь Галицкий.

— Что придумал?

— Придумал верное средство против татар.

...еще громче прозвучало: — Халат! Халат! Казанскэ мылэ...

Князья стали торопить его говорить скорее.

— Скажу, — сказал князь Галицкий, — но с условием.

— С каким условием? Говори скорее.

— С таким условием, чтобы на это средство мне одному был выдан патент.

— Хорошо, пусть так. Какое же это средство?

Князь Галицкий откашлялся и сказал:

— Я предлагаю, чтобы на воротах каждого города сделать надпись: «Татарам и тряпичникам вход воспрещается». Посмотрят татары на надпись — и отойдут несолоно хлебавши. Нравится вам моя мысль?

Князья задумались.

— Нравится-то нравится! — заговорил первый князь Киевский. — Да закавыка вот в чем...

— В чем?

— Закавыка в том, на каком языке сделать надпись?

— Конечно, по-русски.

— Тогда татары не поймут и будут продолжать наступление.

— В таком случае по-татарски.

— А по-татарски у нас никто не грамотен.

Пришлось отклонить совет князя Галицкого.

— Придется воевать! — печально заметил князь Киевский.

— Да, ничего не поделаешь! — согласился князь Черниговский. — Что ж, драться для нас дело привычное.

— Так то драться, а то воевать! — сказал князь Галицкий. — Это две большие разницы.

Решено было соединиться силами и пойти навстречу врагу.

II Битва при реке Калке

Перед битвой татары прислали к русским князьям послов.

— Мы вас не тронем, и вы нас не трогайте, — сказали послы. — Мы пришли наказать половцев. Они у нас служили в конюхах и ушли, не предупредив, как полагается по закону, за две недели вперед. Кроме того, еще уздечку украли... Не мешайте нам их проучить.

Князья, услышав это, подумали: «Ага, испугались нас проклятые басурмане!»

И, сразу осмелев, ответили:

— Знать вас не хотим! Убирайтесь лучше, пока целы.

Некоторые из воевод подняли полы свои, скрутили из них свиное ухо и, показывая его татарским послам, дразнили их:

— Хотите свинины?

Послы от свинины отказались, и их убили, а князья с поиском двинулись вперед. На реке Калке встретили татар.

— Стройся! — скомандовал князь Киевский.

Воины стали строиться. Это сильно задело князя Галицкого.

— Почему он первый стал командовать? — разозлился он.

И назло князю Киевскому он скомандовал:

— Ружья вольно!

— На пле-э-чо-о! — скомандовал назло Киевскому и Галицкому князьям князь Черниговский.

Татары в это время выстроились и стали готовиться к нападению.

— Вперед! — приказал князь Киевский.

— Налево ма-арш! — назло приказал князь Черниговский.

— На-а-право!!! — назло обоим отдал приказ во весь голос князь Галицкий.

Послушное войско сделало шаг вперед, потом шагнуло налево, потом направо и остановилось.

Татары начали наступление.

— Пли! — раздался голос князя Волынского.

— Я тебе покажу «пли»! — злобно прошептал князь Киевский. И зычно прозвучал его голос:

— В штыки!

— Закидай шапками! — прозвенел голос князя Галицкого.

Войско не знало, что делать, и поминутно хваталось то за штыки, то за шапки, то за курки.

Прежде чем князья успели отдать в третий раз команду, татары разбили войско и захватили их самих в плен. Проголодавшиеся татары положили их под доски и сели на них обедать.

Было скверно под досками. Татары ели много и к концу обеда так отяжелели, что кости у князей хрустели под их тяжестью.

— Ты виноват! — прошипел князь Волынский князю Киевскому. — Ты командовал «в штыки», когда я командовал «пли»! Эх ты, Суворов!..

— Нет, ты виноват! — свирепо ответил князь Киевский. — Ты должен мне повиноваться, потому что Волынь числится в Киевском генерал-губернаторстве, а не Киев в Волынском.

— Вы все виноваты! — слез выдавил из себя князь Галицкий. — Разве можно было командовать «налево», как это сделали вы? «Направо» нужно было.

— А ты помалкивай! — посоветовал князь Волынский. — Тоже Наполеон выискался.....

III Нашествие Батыя

Истощив все казанское мыло и другие съестные припасы, татары ушли обратно в Азию.

— Больше не придут! — уверенно заявили новые князья.

— А почему не придут? — спрашивали скептики.

— Так. Нечего им тут больше делать.

— А может быть, снова захочется воевать?

— Не захочется.

Люди благоразумные советовали:

— Укрепить бы нам теперь как следует. Подготовиться по-людски. А то снова придут и голыми руками возьмут нас.

Но князья и слышать не хотели.

— Наши отцы и деды жили неподготовленными к войнам, и мы проживем.

Нашлись люди, которые доказывали, что так жить нельзя: но людей этих сажали в тюрьмы, а газеты, в которых они работали, штрафовали или совсем закрывали.

Тринадцать лет татары ждали, чтобы русские приготовились к войне, но, не дождавшись, со злости снова двинулись на Русь.

На этот раз татары приехали со своими семействами, родственниками и знакомыми.

— Всем тут места хватит! — любезно говорил Батый, новый начальник татарской орды.

Князья снова собрались на совещание, но пока они совещались, Батый воевал. И в тот день, когда князья выработали блестящий план защиты, он оказался уже излишним, так как все земли русские уже были в руках Батыя.

— Опоздали малость! — говорили с досадой князья. — Не могли подождать, косяглазые дьяволы!

В битве каждое княжество показывало чудеса храбрости и презрение к смерти. Батый после каждой битвы с изумлением говорил своим приближенным:

— Этаких храбрецов в жизни не видал! Если бы мы хоть наполовину были так храбры!..

Один Евпатий Коловрат, рязанский Поддубный, перебил половину татар и не успел перебить второй половины только потому, что не вовремя был убит татарин.

Под Новгородом татары потеряли почти все войско и после больших усилий взяли его приступом. Покорение Киева обошлось татарам так дорого, что Батый воскликнул:

— Еще одна такая победа, и я останусь без войска!

Взяв Волынь, Батый увидел себя одного без воинов, так как все пали в битве. Он стоял, окруженный многочисленными семействами татар.

— Чем я их кормить буду? — задал себе вопрос Батый.

И, схватившись за голову, закричал:

— Вар, Вар, отдай мне мои легионы!

Несмотря, однако, на отчаянную, почти нечеловеческую храбрость, которую оказали русские, татары победили их и, обложив приличной данью, отправились в Венгрию и Польшу. Но в Моравии татары встретили трусливое и никуда не годное войско, и Батый, потерпев страшное поражение, возвратился назад.

Про осаду Киева, между прочим, рассказывают следующее.

Перед тем как отправиться на приступ, Батый отдал приказ:

— Женщины и дети, орите!

Женщины и дети подняли такой гвалт, что киевляне как бы оглохли и не слышали шума от приступа. Сами же татары заложили уши ватой и стали на стены лезть. Потом начали разбивать ворота бревнами. Но бревна разбивались, а ворота оставались целы и невредимы.

Тогда Батый приказал:

— Достаньте мне несколько членов Союза русского народа.

С опасностью для жизни татарским удалцам удалось достать из-за стен несколько союзников. Батый приказал употребить их в дело вместо бревен. Не прошло и часа, как союзные лбы превратили киевские ворота в решето.

Батый велел выдать союзникам по рублю и по чарке водки.

— Теперь можете идти! — сказал он, когда ворота были разрушены.

Но союзники пожелали остаться у татар.

— Вы — погромщики и мы — погромщики! — сказали они татарам. — Мы отлично сойдемся.

А Батыю они сказали:

— Будь нашим Дубровиным! Вместе будем собирать дань и не давать отчета!

Батый согласился.

После этого Киев был разграблен и, подобно Толмачевской Одессе, превращен в груду развалин.

IV Золотая Орда

Князья думали, что Батый, повоевав, уедет обратно в Азию и займется снова торговлей. Но Батый не поехал в Азию, а построил себе сарай и поселился в нем. Князья стали ездить в сарай на поклон.

Сначала им это было непонятно.

— Сидят какие-то халатники, — рассказывали князья, — а ты им кланяйся.

Но с течением времени они привыкли и даже решили, что ездить в сарай выгодно. Поклонишься ниже хану, а он за это тебя наистаршим сделает. А принесешь подарочек — и всех твоих врагов в порошок сотрет.

Действительно, татары были очень падки на подарки и любили, чтобы им кланялись пониже.

Вот что рассказывают про посещение татарского хана Даниилом Галицким.

Сначала Даниил хотел свергнуть татарское иго и заменить его папским игом.

«Хочу быть католиком, — писал папе Даниил Галицкий. — Спаси меня от татар, и я со своим народом перейду в католичество».

Папа обрадовался, прислал Даниилу королевскую корону и обещал молиться.

К сожалению, татары, по своему невежеству, больше боялись хорошо вооруженных людей, чем молитв, и ига своего с русских не сняли. Папа стал проповедовать крестовый поход. Но и тут тоже не имел успеха.

Тогда Даниил сказал:

— Два ига нести не хочу.

И написал папе, что раздумал переходить в католичество.

— Так отошли королевскую корону! — потребовал папа.

— Никакой короны я у вас не брал, — ответил Даниил. — Не знаю даже, про что вы говорите.

Так в первый раз папа римский помолился даром.

Даниил же стал ездить в Орду. Вот как описывают его первое путешествие.

Въехав в сарай, Даниил увидел кумысное заведение. На вывеске были нарисованы кобыла и жеребенок, под которыми красовалась надпись «Батый и сын».

Князь понял, что это заведение принадлежит самому хану, и вошел в него.

— Данило, — сказал Батый, — отчего ты так долго к нам не ехал?

— Не знал, где вы живете, — ответил Даниил.

Батый помолчал.

— Кумыс пить будешь? — спросил хан.

— Буду! — ответил Даниил. — Врачи велели пить. Если не дорого возьмешь, буду у тебя пить.

Батый подал бутылку кумысу.

— У меня лучший кумыс, — похвалил он. — Попьешь его и поправишься.

— Пойду теперь к ханше, — сказал Даниил.

— Иди! — сказал Батый.

Ханша приняла ласково князя, дала поцеловать ручку и с обворожительной улыбкой сказала:

— Купи, князь, халат!

Князь купил несколько халатов и выдал чек на Государственный банк. Ханша повертела чек в руках и сказала:

— Не привыкли мы к этим бумажкам. Лучше уступлю немного, но чтобы на наличные.

Князь заплатил наличными.

Двадцать пять дней пробыл в Орде Даниил. Здоровьем он очень поправился и халатов накупил тьму. Но грусть не сходила у него с лица.

— Не люблю татар, даже кумысом угощающих и халаты продающих! — говорил князь.

Перед отъездом Батый крикнул ему:

— Кланяйся Шахтахтинскому. Что он теперь делает?

— Кажется, в «Новом времени» пишет, — ответил князь.

— Кланяйтесь Максудову! — попросила ханша. — Все еще в кадетской фракции?

— Все еще там.

— Бедный! — пожалела ханша. — Я всегда думала, что он карьеры не сделает.

Даниил Галицкий по приезде домой с горя разбил литовцев и поехал в гости к венгерскому королю.

После него князя еще долго продолжали ездить в батыевский сарай. Татары отлично торговали.

V Дань

Часто, не меньше одного раза в год, татары присылали своих послов собирать с русских дань.

Послы (баскаки) ходили по дворам и брали все, что плохо лежало, ничем не брезгуя. Увидят веревочку, и веревочку берут; увидят хорошо или даже плохо выпеченный хлеб — и сейчас в торбу.

Баскаки очень не любили, когда им не позволяли брать того, что им нравилось, — и убивали скупых.

Русские, по свойственному им добродушию, смотрели на шалости татар сквозь пальцы.

— Пусть берут, если им нравится, — говорили русские. — Им, вероятно, нужнее, чем нам.

А когда баскаки нечаянно спроваживали кого-нибудь на тот свет, народ только удивлялся и говорил:

— Берут хлеб — это еще понятно: хлеб можно съесть и насытиться. Но жизнь наша им зачем? Разве выручишь что-нибудь за человеческую жизнь? Чудаки эти татары! Берут вещь, которая им никакой пользы принести не может.

В первые годы татары сдали русские земли в аренду откупщикам. Но потом князья стали собирать дань для татар.

Больших барышей князья не получили, но в убытках тоже не были.

VI Александр

В то время прославился новгородский князь Александр.

— С татарами нам не справиться! — сказан этот воинственный князь. — А бить кого-нибудь надо. Начнем бить шведов и ливонских рыцарей.

— На безрыбье и рак рыба! На бесптичье и Бальмонт соловей! — согласилась дружина.

Ливонские рыцари жили тогда недалеко от шведов. Это был храбрый народ, который воевал, молился и интриговал.

При посвящении в рыцари посвящаемого клали на землю и обшивали толстой железной броней с ног до головы. Возле рта только оставалось отверстие, через которое рыцарь принимал пищу. Рыцари становились совершенно похожими на паровики, с той только разницей, что паровики приносили пользу, а ливонские рыцари никакой пользы не приносили.

Рыцари никогда не вступали в брак, но с каждым годом население их увеличивалось, и немало ливонят бегало в домах самых строгих рыцарей.

— Это нам бог посылает за благочестие! — говорили набожные рыцари.

Узнав о тайном решении Александра побить их, рыцари высадились на Чудское озеро и построились там свиньей.

Александр, увидев это, перехитрил их, построив свое войско свинойбойней. Ливонцы потерпели поражение и побежали.

Еще большую победу одержал Александр над шведами.

Под начальством Биргера шведы высадились на южном берегу Невы. Шведская партия в Финляндии, а также Лео Мехелин и сам Свинхувуд вошли в тайные сношения с Биргером.

Александр не дал врагам соединиться, напал на шведов и победил их.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

I

С первого дня своего основания Москва была кадетскою, так как была основана одним из лидеров этой партии, князем Долгоруковым, по директиве ЦК.

Но мало-помалу она правела. Сначала перешла к октябристам, которые сильно принизили ее значение. Потом Москвою завладела торгово-промышленная партия, представителем которой в то время был Иоанн Калита.

Прозвали его Калитой за то, что он постоянно ходил с открытым кошельком (калита) и каждую минуту туда что-нибудь опускал. Увидит, что какой-нибудь князь зазевался, а Калита уже тут как тут и хлоп его землю в калиту.

Рассердится хан на сборщика дани и велит отрубить ему голову, а Калита сейчас к хану:

— Буду собирать вместо него дань.

Был даже слух, что для увеличения своих доходов Иоанн играл на бирже.

Тратил Иоанн Калита очень мало, так как был скуп и берег деньги. Его любимой поговоркой было:

— Я не Ротшильд. Мне нужны деньги на дело.

На накопленные деньги Иоанн строил дома и украшал Москву. Для привлечения жителей в Москву были построены Художественный театр, Станиславский и Федор Шаляпин.

Сыновья Иоанна Калиты уже были полновластными хозяевами всей Руси и обращались свысока с удельными князьями.

Особенно прославился внук Иоанна Калиты Дмитрий Донской.

II Куликовская битва

Дмитрий Донской задумал свергнуть татарское иго...

Когда приехали татарские баскаки за данью, Дмитрий их любезно принял и вежливо спросил:

— Чем могу служить?

— За данью приехали, — ответили баскаки.

— За данью? За какой данью?

Баскаки баскакнули от удивления чуть не до потолка.

— За обыкновенной данью, — сказали они, начиная сердиться, — хану деньги нужны.

— Если хану деньги нужны, пусть идет работать. Всех нищих не накормишь. Так и скажите хану. Кажется, Мамаем его зовут?

Баскаки повернулись к двери.

— Подождите, — сказал князь, — я забыл вас повесить.

Баскаки остановились и были повешены.

Когда Мамай узнал об этом, он так рассвирепел, что потерял дар слова и три дня только топал ногами.

Через несколько дней он собрал свою орду и пошел на Москву.

Дмитрий Донской пошел ему навстречу. Войска рвались в бой, горя желанием поколотить «сыроядцев».

Перед битвой князья стали умолять князя не рисковать жизнью, но Дмитрий Донской сказал им:

— Мне жизнь не дорога. Вот если бы моего любимца Михаила Бренка спасти от смерти!

Вдруг прекрасная мысль озарила голову Дмитрия Донского.

— Михайла! — позвал он Бренка.

— Что, князь, прикажешь?

— Сними с себя простое платье воина и надень мое дорогое великокняжеское платье. Пусть-ка татары осмелятся выстрелить в тебя!.. Я же надену твое.

Михаил Бренко пытался возразить:

— Князь, ведь в твоём платье я буду больше заметен...

— Делай, что тебе приказывают, — ответил князь.

Между тем татары бросились в бегство. Сам Мамай бежал впереди всех, выкрикивая неприятные для Магомета слова.

Реку, на берегах которой произошла знаменитая битва, в честь Дмитрия Донского называли Доном.

III Свержение ига

Однако нахальство татар не имело границ.

Несмотря на явное поражение на Куликовом поле, они ига своего не сняли, а, наоборот, усилили его.

Мамай сверг с престола Тохтамыш и сам стал править татарами. Мамай бежал в Крым, где был изловлен Думбадзе и выдан Тохтамышу.

Тохтамыш убил Мамайа и пошел на Москву, чтобы наказать Дмитрия Донского.

Но Дмитрий Донской перехитрил глупого хана. Узнав о его приближении, он покинул Москву.

Свержение татарского ига произошло только через сто лет при помощи татар.

Случилось это при княжении Иоанна III, которому удалось поссорить двух ханов, Ахмата и Менгли-Гирея, так, что они друг о друге слышать не могли.

Крымскому хану Менгли-Гирею Иоанн как-то сказал:

— Знаешь, какой слух распускает про тебя хан Ахмат?

— Не знаю. Говори.

— Он говорит, что ты в молодости был в Ялте проводником и обирал московских купчих.

— Я — проводником?!

Менгли-Гирей покраснел от гнева.

— Я ему покажу, какой я крымский проводник. Трубите войну!

Крымская орда поднялась как один человек и пошла на Золотую Орду.

Ордынскому же хану Иоанн сказал:

— Ты не знаешь, что говорит про тебя крымский хан Менгли-Гирей?..

— А что он говорит?

— Он говорит, что ты в кумыс кладешь толченный мел, и уверяет, что не избежать тебе полицейского протокола!

— У меня кумыс с мелом? — И, кипя гневом, Ахмат закричал: — Орда, вперед!

Обсудив положение вещей, Иоанн по дороге пристал к Менгли-Гирею.

Долго искали противники реку. В те времена был обычай — воевать только на берегах реки; это было то же самое, что теперь танцевать от печки.

Нашли наконец реку Угру и стали по сторонам. Менгли-Гирей с русскими на одном берегу, а Ахмат на другом.

— А ну-ка, пожалуйста сюда! — грозно звал на свой берег Ахмат. — Мы вам покажем полицейский протокол.

— Ах, боитесь переправиться! — ехидничал Менгли-Гирей. — Милости просим. Мы вам покажем московских купчих.

— Так его! Так его! — подзадоривали Менгли-Гирея русские воеводы.

Иоанна подстрекали к битве и народ, и воеводы, и духовенство. Но Иоанн отвечал:

— Зачем драться, когда можно и так постоять. Над нами не каплет.

Потом начало капать — наступила осень. Обе армии раскрыли зонтики и продолжали стоять.

Пошли морозы. Обе армии надели фуфайки и теплые пальто и продолжали стоять.

— Посмотрим, кто кого перестоят! — говорили враги.

В один прекрасный день Ахмат и Менгли-Гирей увидели, что Угра стала.

«Что, если они переправятся по льду и разобьют нас?» — подумал с ужасом Ахмат.

«Что, если они переправятся по льду и разобьют нас?» — подумал, похолодев от страха, Менгли-Гирей.

«Надо спастись!» — решил Ахмат.

«Надо бежать!» — решил Менгли-Гирей. И обе армии пустились так быстро бежать друг от друга, что только пятки сверкали.

Таким образом, свержение ига обошлось без пролития крови и почти без участия русских войск.

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

I

Весть о рождении Иоанна Грозного как громом поразила Москву.

Птицы и звери попрятались в лесах. Рыба со страху сделалась еще более мокрой и притаилась на дне океана.

Люди совсем потеряли головы и были этому очень рады, ибо рассуждали так:

— Иоанн Васильевич все равно их отрубит. Лучше уж сами потеряем головы. Когда придут палачи, они останутся в дураках — нечего будет рубить.

Родившись, Иоанн Грозный осмотрелся кругом и спросил, метнув глазами на стонавшую родильницу:

— Это кто?

Ему ответили:

— Твоя мать. Она родила тебя.

Иоанн Грозный милостиво улыбнулся и сказал:

— Она прекрасно сделала, что родила меня... Но... — Грозный нахмурил брови. — Но... Мавр сделал свое дело, пусть мавр уйдет... Г-жа Глинская! Назначаю вас царской матерью. Теперь можете идти.

Елена поклонилась и удалилась в свои покои.

— А это кто?

Царь указал на женщину, возившуюся с пеленками.

— Акушерка. Она помогла тебе увидеть свет.

— Не люблю акушеров и зубных врачей.

Царь поморщился и велел отрубить голову акушерке.

Акушерка была очень рада, что так легко отделалась.

— Зачем акушерке голова? — рассуждала она вполне здраво. — Акушерке нужны только руки и инструменты.

Покончив с акушеркой, Иоанн Васильевич приказал спустить на народ московский несколько медведей.

— Остальные милости, — заявил при этом Грозный, — совершу после. Теперь беру отпуск на год. Править же Московской землею будет мать и дяденька Телепнев-Оболенский.

После этих слов царь затворился со своей кормилицей и целый день не выходил.

II Воспитание Иоанна

Воспитание Иоанн Васильевич получил по Фребелю:

В восемь часов утра он уже был на ногах и для развития мускулов делал гимнастику — остроконечным жезлом бил своего спальника.

Потом приступал к гимнастике, развивающей мускулы ног, — около часа топтал ногами столяника.

В десять начинался урок русского языка — царь ругал бояр.

В одиннадцать Иоанн Васильевич приступал к занятию чужими языками — вырезал языки у провинившихся приближенных, а оставшиеся части тела бросал в темницу.

После завтрака маленький Грозный выезжал из дворца изучать народ.

Изучал он народ не поверхностно, как это делается теперь, а основательно, анатомически: каждого изучаемого разрезал на несколько частей, и каждая часть подвергалась изучению.

Однажды Иоанну Васильевичу передали известные слова Калигулы: «Как бы мне хотелось, чтобы у всех людей была одна голова, и чтобы я отрубил эту голову».

Молодой Иоанн, вздохнув, сказал:

— Я не утопист: я знаю, что сколько людей, столько голов, и работы будет много.

И, подняв очи горе, прибавил со смирением:

— Что ж, будем трудиться. Терпение и труд все перетрут.

Так рос молодой Грозный.

III Совершеннолетие

Спустя год после рождения Иоанн Васильевич объявил себя семнадцатилетним.

— Теперь начну царствовать! — заявил он. — Кто еще не казнен?

Неказненные бояре стали подходить к Иоанну.

— Не толпитесь! — закричал на них Иоанн. — Тут вам не театральная касса. Станьте в очередь.

— Сколько вас развелось! — с досадой сказал Грозный.

Бояре виновато опустили глаза.

К вечеру все было кончено. Оставшиеся после казенных боярские шапки Грозный раздал своим новым приближенным.

Так как приближенных оказалось меньше, чем боярских шапок, то любимцы получили по две шапки.

Отсюда пошли двойные боярские фамилии: Голенищев-Кутузов, Сумароков-Эльстон, Витте-Витте, Кафталъ-Гандельман, Булацель-Булацель, Гинцбург-Гинцбург и др.

IV Забавы Иоанна Грозного

Любимейшей забавой молодого царя было жениться.

У Иоанна, в сущности, было очень нежное сердце, и единственной причиной его жестокости было любопытство.

Женившись и пожив некоторое время с женой, он начинал думать: «Любопытно было бы посмотреть, какова будет моя вторая жена?»

Несколько месяцев Иоанн Васильевич боролся со своим любопытством, но потом не выдерживал и постригал жену в монахини, а сам брал другую жену.

— Ничего не поделаешь! — говорил он. — Уж очень я любопытен.

Игрушки молодому царю заменяли бояре, молодые и старые.

Поиграв с боярином, Иоанн начинал томиться мыслью: «Что у моей новой игрушки делается внутри?»

Любопытство до тех пор мучило царя, пока он не распарывал боярина и не узнавал, что делается у него внутри.

Сначала Иоанну Васильевичу нравились бояре Глинские.

— Славные игрушки! — восхищался он. — Вот интересно было бы знать, какие там у них пружины внутри? Должно быть, заграничные!

Недолго крепился Грозный и велел распороть Глинских.

Потом то же самое он сделал с Шуйскими, потом — с Бельскими.

Каждый год Иоанн Васильевич производил набор новых любимцев.

Родные любимцев оплакивали их, как покойников. Перед отправкой любимцев во дворец матери и жены голосили:

Любимцев оплакивали как покойников

— На кого ты покинул нас, сиротинушек!
Знакомые с грустью жалели любимца:
— Так молод и уже в любимцы попал. Поистине, смерть не разбирает.
В Москве люди больше умирали от внезапной любви Иоанна Васильевича, чем от других заразительных болезней.
Характера Иоанн Васильевич был веселого и любил шутить.
Однажды он велел в шутку бросить псам своего любимца Андрея Шуйского. К сожалению, псы не поняли шутки и загрызли бедного боярина...
В другой раз Иоанн обратил внимание на длинные бороды новгородских купцов.
— Вы бы побрились, — посоветовал им царь.
— Рады побриться! — отвечали купцы. — Да парикмахерской поблизости нет.
— Это пустяки! — сказал Иоанн Васильевич. — Можно и без парикмахера.
Он приказал облить бороды купцов дегтем и поджечь. В одну минуту подбородки у них стали чистенькими, как ладонь. Купцы похвалили царя за находчивость и были очень рады, что им не пришлось платить за бритье.
К сожалению, современники Иоанна Грозного ложно истолковывали шутки царя и придавали им какой-то мейерхольдовский оттенок.

У После пожара

Однажды от сальной свечи загорелась Москва.
Во время пожара во дворец ворвался неизвестный человек в рясе, впоследствии оказавшийся священником Сильвестром, и крикнул Иоанну:
— Ты во всем виноват!
— Я не поджигал! — сказал твердо Иоанн. — Напраслину возводишь, батюшка.
— Это за твои грехи! — грозно закричал Сильвестр. — Покайся!
Иоанн покался и велел убить Сильвестра.
«Надо созвать Земский собор! — подумал Иоанн Васильевич. — Пусть правит, как знает».
Земский собор был созван.
«Чего-то еще не хватает», — подумал Иоанн.
И вспомнил:
«Знаю! Нужен еще Духовный собор».
Духовный собор был созван.
— Что бы еще созвать? — задал себе вопрос Грозный.
И, подумав немного, решил: «Надо созвать опричнину».
Когда опричники были созваны. Грозный приказал им:
— А ну-ка, ребята, разгоните мне Земский собор.
Опричники разогнали.
— А теперь Духовный собор.
Опричники разогнали Духовный собор.
Иоанн Грозный позвал к себе членов Земского собора и спросил их:
— Наговорились?
— Наговорились досыта! — ответили земские люди.
— Все высказали?

— Все.

— Значит, языки вам больше не нужны.

Иоанн Васильевич приказал вырвать у них языки.

Потом он призвал членов Духовного собора и спросил:

— А вы что сделали?

— Вот что сделали!

Члены Собора подали Иоанну «Стоглав». Иоанн рассмеялся.

— Думаете, что если он о ста головах, так и ничего с ним сделать нельзя?

Он велел обезглавить «Стоглав».

Еще дальше пошедши по пути реформ, Иоанн Васильевич велел сочинить судебник.

Через некоторое время он спросил сочинителей:

— Готов судебник?

— Готов, — ответили ему.

Иоанн велел сжечь судебник и утопить сочинителей.

— Любопытно, — сказал он, — посмотреть, как будут гореть законы и тонуть законники.

И еще много прекрасных деяний совершил под благотворным влиянием добрых советников раскаявшийся Иоанн Грозный.

VI Взятие Казани

Между тем в Казани начались беспорядки. Стали произносить слова против начальства. В университете пели недозволенные песни.

— Все это инородцы мутят! — говорили в Москве.

И говорившие так не ошибались. Татарская партия овладела умами молодежи и мутила их. На улице то и дело раздавалось:

— Отрече-о-омся от старого мира...

Хожалые из сил выбивались, получая взятки и арестовывая кого надо, а еще больше кого не надо.

— Надо примерно наказать бунтовщиков! — сказал, разгневавшись, Иоанн Васильевич.

Он собрал войско, пошел на Казань и осадил ее.

Комендантом крепости не был Стессель, и осажденные упорно защищались.

Однажды перед самым солнечным восходом взорвало большой подкоп, где находилось 48 бочек с порохом.

Из того факта, что бочки не были до подкопа раскрадены, а порох сразу взорвался, историки выводят заключение, что интенданты и инженер, руководивший подкопом, были немцы.

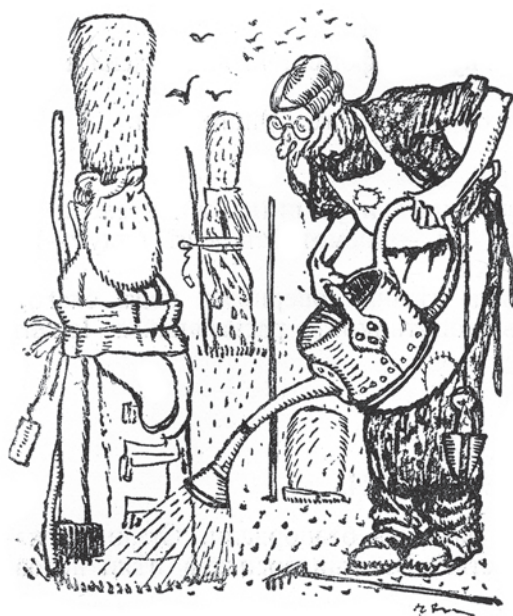
VII Казни

Наконец, не стало бояр на Москве. Все были казнены.

Грозный опечалился, но скоро решил:

— Выпишем из других городов. Думаю, что на наш век бояр хватит.

Он велел собрать войско и во главе его двинулся к Новгороду.

...а тем временем в Москве успели вырасти новые бояре на место казненных, и Грозный вернулся в Москву

Овладев городом, Иоанн Грозный приказал снять с веревки вечевой колокол. Последний висел долго и уже задыхался.

— В Москве поправится! — сказал царь.

Вечевой колокол увезли в Москву. Потом Грозный приступил к новгородским боярам. Когда были истреблены новгородские бояре, Иоанн Васильевич пошел искать бояр в Псков, а тем временем в Москве успели вырасти новые бояре на место казненных, и Грозный вернулся в Москву.

VIII Покорение Сибири

При Иоанне Грозном случилось странное событие. Однажды во дворец пришел человек и отрекомендовался:

— Иван Кольцо, вице-покоритель Сибири.

Иоанн Васильевич пронизал пришельца глазами и произнес:

— Скажи прямо, жиган! Беглый из Сибири!

Кольцо с достоинством ответил:

— Я не беглый, а покоритель.

— Отлично! Расскажи, что ты там покорил?

Кольцо стал рассказывать:

— Казаки мы, т. е., что ваше, то наше, а что не ваше, то тоже наше. Мы люди простые и неученые. По-неученому и живем.

— Это мы слышали. Дальше!

— Сейчас будет и дальше.

Кольцо погладил усы и самодовольно продолжал:

— Некого стало на Руси грабить. Много ли после опричника награтишь? Мы и пошли дальше за Урал. Смотрим — земли много, а народу столько, сколько у Пуришкевича волос на голове.

— Прошу не трогать Польшу, — прервал Иоанн, — говори без международной политики.

— Могу и так. А царствует над этим, прости господи, народом, слепой царь и предводительствует глухонемой воевода. Мои люди, как львы, бросились на этот на-

род и разбили его. Слепой царь не увидел, а глухой воевода не услышал, как мы подкрались к народу и покорили его. Вот я и твоей милости подарки привез.

Иван Кольцо вынул несколько соболей и лисиц и разложил их перед Иоанном Васильевичем.

— Стибрили? — кратко спросил Грозный.

— Никак нет. «Настреляли»...

Иоанн Васильевич стал рассматривать подарки.

— Заграничные! — сказал он с видом знатока.

— Без фальши! — подтвердил Кольцо. — Вот и таможенные пломбы.

— Спасибо! А кто вами предводительствовал?

— Предводительствовал наш атаман Ермак Тимофеевич.

— Почему же он сам не явился?

Кольцо замаялся.

— Как бы тебе сказать... Ссылка не кончилась... Еще годков двадцать ему ждать надо...

Чтобы замять неприятный разговор, Иван Кольцо стал на колени и торжественно произнес:

— Кладем к твоим ногам завоеванное нами царство по имени Сибирь.

— Принимаю его! — ласково произнес Иоанн Васильевич.

В тот же день «золотопромышленные» понизились до половины их стоимости.

Больше десятка банкиров разорились, присвоили деньги вкладчиков и были сосланы в Сибирь.

IX Смерть Грозного

Умер Иоанн Васильевич от игры в шахматы.

Чигориным он не был, но в шахматы играл недурно. Постоянным партнером Грозного был боярин Бельский, которому он все забывал отрубить голову.

— Ты уж извини, боярин, — говаривал он Бельскому. — Вчера Малюта снова был занят, никак не мог урвать для тебя несколько минут. Уж подожди. Ты ведь свой человек.

— Подожду! — добродушно отвечал Бельский. — Не велик барин. Могу и подождать, пока господин Малюта освободится.

За свою забывчивость Иоанн Васильевич и поплатился.

Однажды он по обыкновению сел играть в шахматы. Бельский заявил:

— Шах королю!

В эту минуту Иоанн Васильевич упал на спинку кресла и умер.

Шахматному королю немедленно отрубили голову, а королеву, именуемую ферзем, сослали в дальний монастырь.

Много времени спустя после похорон Иоанна Грозного оставшиеся в живых москвичи не верили, что они живы.

— Неужели мы уцелели! — удивлялись они.

Многие на улице подходили к знакомым и просили:

— А ну-ка, ударь меня по уху. Хочу знать, жив я или не жив?

Летописцы уверяют, что остаться живым при Иоанне Грозном было так же трудно, как выиграть двести тысяч.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

І Борис Годунов

До Бориса почти царствовал Федор Иоаннович. Но...

Наконец, его похоронили и стал царствовать Борис. Во время венчания на царство Борис сказал:

— Клянусь, что у меня не будет ни одного бедняка.

Он честно сдержал слово. Не прошло и пяти лет царствования Бориса, а уж ни одного бедняка нельзя было сыскать во всей стране с огнем.

Все перемерли от голода и болезней.

По отцу Борис был татарин, по матери русский, а по остальным родственникам неизвестно кто.

Но правил он, как полагалось в те времена, благополучно. Давал обещания, казнил, ссыла и искоренял крамолу.

Но ни казнями, ни ссылками, ни другими милостями ему не удалось снискать любви народа.

Имя «Борис» произносилось с иронией.

— Какой он «Борис», — говорили про него втихомолку. — Борух, а не Борис. Борис Годун или, еще вернее, Борух Годин. Знаем мы этих Борисов...

Многие уверяли, что своими ушами слышали, как Борис разговаривал с Гурляндом и Гурьевым по-еврейски, когда он еще был премьером.

— Только и слышно было, что гыр-гыр-гыр, — рассказывали бояре. — Потом все трое пошли в синагогу.

Когда появились первые слухи о самозванце, народ тайно стал изменять Борису. Узнав про самозванца, Борис позвал Шуйского.

— Слышал? — спросил царь.

— Слышал! — ответил Шуйский.

— Это он, Дмитрий?

Шуйский отрицательно покачал головой.

— Никак нет. При мне убивали. Это не тот.

— Кто же, по-твоему, этот самозванец?

— Мошенник какой-то! — ответил Шуйский. — Мало ли нынче мазуриков шляется.

Борис отпустил Шуйского и велел созвать бояр. Бояре пришли. Борис вышел и обратился к ним белыми стихами:

— «Достиг я высшей власти...»

Бояре переглянулись. Послышался шепот:

— У Пушкина украл! У Пушкина украл!

Борис сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал:

— «Седьмой уж год я царствую...»

Тут чей-то негодующий голос резко прервал Бориса:

— Это грабеж! Своего же поэта грабить!

— В самом деле! — послышался другой голос. — Иностранного поэта хоть ограбил бы, а то своего.

Сразу зашумели все:

— Посреди бела дня белые стихи красть!
Борис стоял бледный, как полотно железной дороги.
Кто-то закричал:
— Пойдем вязать Борисовых щенков!
— Это тоже из Пушкина! — закричали точно из-под земли выросшие Венгеров и Лернер. — Не смей трогать!
Но их никто не слушал. Все бежали душить семью Бориса.
Сам Борис чрез знакомого фармацевта, которому он пред тем устроил правожи-тельство в Москве, достал арбуз с вибрионами и отравился.

II Лжедмитрий I

Первый самозванец был родом из Одессы.
Его настоящее имя до сих пор неизвестно, но псевдоним «Лжедмитрий I» был в свое время не менее популярен, чем псевдонимы «Максим Горький», «Сологуб» и др.
В приказчиьем клубе он научился грациозно танцевать мазурку, чем сразу расположил к себе сердца поляков.
— От лайдак! — восхищались поляки. — Танцует, как круль!
Последнее слово сильно запало в душу Лжедмитрия.
«Разве уж так трудно быть королем? — думал он, лежа у себя на убогой кровати. — Нужна только удача. Ведь Фердинанд и Черногорский князь стали королями. Нужно только заручиться поддержкой сильной державы».
Тут он невольно начинал думать про Польшу.
«Сами говорят, что танцую, как круль. Пойти разве и сказать им, что я действительно круль... Они всему поверят».
Лжедмитрий не ошибся. Когда он объявил полякам, что он царевич Дмитрий, они бросились его обнимать.
— Ах, шельма, — кричали поляки, целуя Дмитрия во все, не исключая лица. — Как ловко прикидывался конюхом.
— Поможете мне овладеть моим царством?
— А что дашь?
— Все, что понравится вам, — обещал Дмитрий.
— Отлично! Нам нравится Белоруссия.
Дмитрий добродушно сказал:
— Возьмите ее.
— Нравится нам еще Великоруссия, Малороссия, Сибирь.
— Что же у меня останется? — с испугом вырвалось у Дмитрия.
Поляки утешили его:
— А тебе, братику, ничего и не надо. Ведь ты конюх. Купим тебе хорошего лоша-ка, ты и уедешь на нем из Московии, а править будем мы сами.
— Ладно! — сказал Дмитрий. — Спасибо, что хоть лошака одного мне оставите.
С помощью поляков Дмитрий и взял Москву. Народ московский и верил, и не верил, что это настоящий Дмитрий.
— Как же ты спасся? — спрашивал с любопытством народ.
— Очень просто! — объяснил самозванец. — Увидел, что меня начали резать, и убежал. Вместо меня и зарезали другого.

Народ качал головой, кто-то предложил:

— Позовем Шуйского. Он был тогда в Угличе. Спросим его.

Позвали Шуйского и спросили:

— При тебе убили царевича Дмитрия?

— Какого Дмитрия? — удивился Шуйский. — Никакого царевича Дмитрия не убивали. Все Борис выдумал. Дмитрий — вот.

Шуйский указал на самозванца.

— Спросим еще мать царевича! — решил народ. Позвали мать царевича и спросили, указав на самозванца:

— Твой это сын?

— Мой, мой! — ответила печальная мать. — Тот Дмитрий был только черненький, а этот рыжий. Только это оттого, что он вырос. Мой это сын! Мой!

— *Мой, мой! — ответила печальная мать. — Тот Дмитрий был только черненький, а этот рыжий*

Лжедмитрий стал царствовать. Человеком он оказался добрым, никого не казнил и не наказывал плетьюми.

Это показалось подозрительным боярам.

— Он не настоящий сын Грозного, — роптали бояре. — До сих пор никому из нас голову не отрубил. Нет, он самозванец!

А Дмитрий не исправлялся и продолжал не казнить. Бояре не могли снести этой обиды и убили его.

— Он был обманщиком! — заявили они народу. — Он не Дмитрий.

Народ верил и не верил словам бояр.

— Спросим Шуйского! — решил народ.

Шуйского привели.

— Убитый был Дмитрий? — приступили к князю.

— Какой убитый? — переспросил Шуйский.

— Вот этот, что лежит пред тобой.

— Этот? Какой же он Дмитрий? Мошенник он, а не Дмитрий. Царевича Дмитрия при мне в Угличе убивали. Этот самозванец.

Позвали мать Дмитрия и спросили:

— Твой сын?

— Не мой! — ответила мать. — Мой был маленький, восьмилетний, а этот, вишь, какой балбес.

Народ после этих слов поверил.

III Лжедмитрий II

Второй самозванец неизвестно откуда появился.

— Я вторично спасся! — сообщил он народу. — Видите, какой я ловкий. Изберите меня царем.

Народ недоумевал.

— Как же ты спасся? — удивлялся народ.

— А очень просто. Подкупил человека, чтобы за меня принял смерть, а сам удрал.

Народ думал, думал и решил:

— Спросим Шуйского.

Привезли Шуйского из монастыря, в который он за царствование был заключен, и спросили:

— Вот человек выдает себя за Дмитрия. Ты что скажешь — Дмитрий он или не Дмитрий?

— Дмитрий! — твердо ответил Шуйский.

— Но ведь Дмитрия убили!

— Какого Дмитрия? — удивился Шуйский. — Никаких Дмитриев не убивали. Это Дмитрий настоящий.

Народ решил:

— Позовем мать Дмитрия.

Позвали и спросили:

— Твой сын это?

— Мой! — последовал ответ. — И глаза те, и волосы те. Раньше он был рыжим, а теперь черный, но он мой сын.

— Позовем еще Марину Мнишек, — решил народ.

Позвали Марину, показали Лжедмитрия II.

— Это мой муж! — заявила гордая полька. — И брюки такого же цвета, и столько же рук, ног и глаз, как у того... Это мой муж.

Однако Лжедмитрию II царствовать не удалось.

Дав ему проходное свидетельство, его выселили из Москвы, кажется даже не впустив в нее.

IV Междоусобица

Между тем смелых людей становилось все меньше и меньше на Руси и некому стало царствовать.

Даже самозванцы отказывались от Москвы.

— Поцарствуешь день, — говорили самозванцы, — а потом целый месяц тебя будут за это убивать. Себе дороже стоит.

Наступило междоусобица.

Поляки увидели, что царя нет в России, и пришли все в Москву и заявили:

— Мы все будем царствовать над вами. В компании веселее и безопаснее.

— Царствуйте! — разрешили бояре. — Кому прикажете присягать?

— Всем присягайте! — приказали поляки.

На это бояре резонно ответили:

— Вас так много! Если каждому в отдельности присягать, то человеческой жизни не хватит. Выбирайте уж одного.

Поляки поняли, что бояре правы.

— Присягайте сыну нашего короля Владиславу! — приказали они.

Бояре присягнули. Когда присяга кончилась, поляки вдруг заявили:

— Мы ошиблись. Присягайте не Владиславу, а самому королю Сигизмунду.

Бояре присягнули Сигизмунду.

— Можем идти? — спросили они.

— Нет, нет! — ответили поляки. — Не уходите. Может быть, еще кому-нибудь нужно будет присягать.

Бояре сели на крылечко и стали ждать.

Народ оставил их ждать и стал действовать на свой риск и страх.

V Минин и Пожарский

Однажды на площади появился человек в форме мясника и закричал:

— Заложим жен и детей и выкупим отечество!

— Заложим! — загудела толпа.

Кузьма Минин заложил (впоследствии оказалось, что это был он), пересчитал деньги и сказал:

— Маловато!

И, воодушевившись, снова воскликнул:

— Продадим дворы и спасем отечество!

— Продадим! — снова загудела толпа. — Без жен и детей дворы ни к чему.

Тут же наскоро стали продавать дворы и вырученные деньги отдавали Минину.

Кто покупал дворы — никому из историков не известно. А может быть, известно, но из стыдливости они это скрывают.

Полагают, что была основана тайная патриотическая компания по скупке домов и имущества.

«Странно, — замечает один иностранный историк, имя которого мы дали слово держать в секрете. — Всех принуждали продавать дома; кто не хотел добровольно продавать дом, того принуждали. Как же в такое время могли появляться люди, которые осмеливались покупать дома?»

Не будем объяснять иностранным историкам то, чего они по своему скудоумию понимать не могут, и вернемся к Минину.

— Теперь хватит, — заявил он своим гражданам. — Возьмите оружие и пойдем на поляков.

Во главе рати стал Пожарский.

— А казаков под Москвой не будет? — спросил новый полководец.

Казаки были на стороне поляков.

— Не будет! — ответил Минин.

— Тогда я пойду!

Пожарский оказался храбрым полководцем и освободил Москву от поляков.

Большую помощь оказал ему при этом голод, любезно согласившийся поселиться в Москве на время осады.

Поляки, питающие с малых лет отвращение к голоду, отдали Москву русским.

С тех пор голод не расставался с русским народом, поселившись у него на правах бывшего союзника и друга дома.

VI Иван Сусанин

После изгнания поляков из Москвы бояре и народ избрали на царство Михаила Федоровича Романова.

В то время прославился крестьянин Иван Сусанин.

Однажды в дом Сусанина ворвалась банда польских воинов и потребовала, чтобы он их повел к Михаилу Федоровичу, которого поляки хотели убить.

Сусанин выбрал такое место, куда ворон костей не заносил, и завел туда поляков.

Сусанина поляки умертвили, но и сами погибли...

МАЛОРОССИЯ

I Казаки

Малороссия — это та самая страна, где из цветов плетет венок Маруся и о старине поет седой Грицько.

Маруси ни к каким партиям не принадлежали, а Грицьки делились на две партии.

Одна давала себя грабить панам, и члены ее назывались крестьянами. Другая партия сама грабила панов, и назывались ее члены казаками.

Казаки были также разные.

Одни жили на берегах Днепра, воевали с татарами и с проезжими на большой дороге, били всякого, кто подвернулся под руки, и водку называли «горилкой».

Сами же назывались запорожцами.

Другие казаки жили на берегах Дона, воевали с татарами, били, кого бог послал, и водку называли «горелкой».

Назывались они донцами.

Третьи жили на Урале, воевали с татарами и с обозами купцов, били, кого могли одолеть, и водку называли «вином».

Эти назывались уральскими казаками.

Несмотря на столь выпуклые противоречия в программах казачества запорожского, донского и уральского, все они сходились в одном и главном пункте — в горячей любви к тому, что запорожцы называли «горилкой», донцы — «горелкой», а уральцы — «вином».

Управляли казаками атаманы, которые выбирались самими же казаками и обыкновенно менялись по два раза в день.

Наибольшую известность в истории заслужили запорожцы.

Эти свободолюбивые воины были вооружены прекрасными пиками и саблями и были в постоянной зависимости то от польского, то от русского воевод.

Своими лихими набегами и попойками казаки наводили ужас на соседние государства.

В союзе с татарами они часто причиняли много бед Польше, а в союзе с поляками — часто здорово лупили татар.

Хорошо, привольно жилось свободным как ветер казакам. Наконец, им надоело польское иго, и они решили сбросить его какой бы то ни было ценой.

II Богдан Хмельницкий

Имя человека, освободившего Украину от польского гнета, было — Богдан Хмельницкий. Хмельницкий, прежде чем стать героем, был польским чиновником.

Однажды холостой поляк, нуждаясь в жене, напал на хутор Хмельницкого и забрал у него жену.

Чаплинский (так звали холостого поляка) думал, что Хмельницкий человек без предрассудков и женится на другой женщине.

«Какой человек не хочет жениться два раза?» — думал Чаплинский.

Но ошибся. Хмельницкий, узнав про экспроприацию, страшно разозлился.

— Око за око, зуб за зуб! — воскликнул в гневе Хмельницкий. — Вы отняли у меня жену, а я отниму у вас Малороссию.

Поляки перетрусили и приказали Чаплинскому отдать жену.

— Хорошо, — ответил Чаплинский, — я готов обменять жену на Малороссию. Сколько дадите сдачи?

Стали торговаться, а когда сошлись, было уже поздно. Жена Хмельницкого заявила, что Чаплинский много приятнее Хмельницкого, и пойти к последнему не желала.

Загорелась воина.

Казаки вооружились своими пиками, пищалями, саблями и татарами.

— За свободу! За свободу! — кричали казаки, кидаясь на ляхов.

Конечно, после таких слов полякам оставалось только обращаться в бегство, что они и делали. Свобода была добыта, и казаки загрузили.

— Что нам делать со свободой? — задали они Хмельницкому вопрос.

— Скучно с ней! — роптали старые казаки. — Когда нет свободы, за нее можно драться. Веселее тогда. А теперь что? И подраться не за что.

— Скверно, когда не за что драться! — соглашалась молодежь.

Казачество зевало от бездействия. Татары остались также безработными и уже подумывали о войне с казаками.

Хмельницкий видел это и, наконец, предложил:

— Давайте, братцы, отдадимся какому-нибудь государству!

— Ура! — закричали радостно казаки. — Вот это золотые слова.

— Отдадим Украину, а потом будем ее снова отнимать. Отнявши, снова отдадим, а отдавши, снова будем отнимать.

— К кому же присоединимся? — спросил Хмельницкий.

После краткого совещания казаки решили присягнуть на подданство московскому царю. Поляки же до нынешнего дня остались только при жене Хмельницкого.

Казаки свободнее вздохнули. Потом они стали вздыхать не так свободно, но зато чаще...

РУСЬ-ИМПЕРИЯ

I Петр Великий

Петр Великий был гигант на бронзовом коне.

До Петра Русь была непроходимо-бородатой страной. У всех — от первейшего боярина до последнего конюха — был волос долог.

Один из знатных иностранцев, выписанный в Россию как искусный плотник, но сделавшийся впоследствии историком, так описывает тогдашнюю Русь:

«...Эта большая страна, — пишет иностранный плотник, — вся густо поросла бородой. Из-за бород не видно голов. Русский думает бородой, пьет чай бородой, ест клюкву бородой и ею же обнимает и целует жену». Итальянский писатель, живущий на Капри, уверяет, что Россия — государство уездное. Какое глубокое заблуждение... «Россия попросту — государство бородатое».

Петр Великий решил прополоть страну и приказал немцам изобрести для этой цели соответствующую машину.

Немцы, недолго думая, изобрели ножницы и бритву, что произвело сильный переворот в законах физики и химии.

В первый раз на улицах Москвы раздалась впоследствии столь знаменитая четырехчленная формула: «Стригут, бреют, кровь отворяют».

Кто не хотел стричься и бриться, тому «кровь отворяли».

Ужас объял бояр, привыкших с малых лет носить длинную седую бороду. Одни из них бежали, бороду свою спасая, в свои далекие вотчины. Другие пустились на разные хитрости.

Отправлялись к царю с докладом бритыми. Пришедши же домой, они отращивали себе длинные бороды и самодовольно гладили их, радуясь, что обошли молодого Петра.

Так поступали они ежедневно.

Однако обмануть зоркого Петра было нелегко. Хитрецов накрывали и наказывали...

Когда все бороды были отрезаны, обнаружили, что под бородами высшие сановники носили широкие длиннополые кафтаны.

«Половые проблемы» боярских кафтанов были также решены посредством ножниц.

Когда все стали безбородыми и бесполыми, Петр сказал:

— Теперь за дело! Довольно баклуши бить и у соседей смех вызывать. Начнем лучше соседей бить и слезы у них вызывать.

*До Петра Русь была
непроходимо-бородатой страной*

Когда все бороды были отрезаны, обнаружилось, что под бородами высшие сановники носили широкие длиннополье кафтаны.

Вздохнули бояре, но делать было нечего. Стали учиться в угоду Петру бить соседей.

II Воспитание Петра

Петр получил воспитание домашнее.

Учил его сначала дьяк Зотов. Но вскоре обнаружилось, что дьяк Зотов неграмотный и не только писать, но и читать не умел по-русски.

Стали искать других учителей, но не могли найти грамотного.

— Учителей много, а грамотных мало! — жаловались бояре.

Но Петр уже с младенческих лет проявлял громадную настойчивость и силу воли.

Голова грамотного человека была оценена в десять тысяч. Гонцы разъезжали по стране, собирали сходы и спрашивали:

— Кто грамотный, поднимай вверх руку!

Но с опущенными руками стояла пред молодым, жаждущим знания царем неграмотная Русь.

— Кто грамотный? — мучительно раздавалось на Руси.

И в один прекрасный день послышалось:

— Мой немножко грамотна.

Голос шел из Немецкой слободы. Вскоре вышли оттуда три иностранца: голландец Тиммерман, шотландец Гордон и француз Лефорт.

Петр стал учиться у этих иностранцев разным наукам...

Окружающие были вообще недовольны тем, что Петр вздумал учиться грамоте.

— Не по обычаям поступает! — ворчали в свои бороды бояре и народ. — От заветов старины отступает.

III Стрельцы и потешные

Когда Петр вырос и стал юношей, он начал интересоваться государственными делами. Первым долгом он обратил внимание на стрельцов.

Это были люди, увешанные бердышами, самопалами, ножами, кривыми и прямыми саблями, дубинами, царь-колоколами и царь-пушками.

— Вы воины? — спросил их Петр.

— Воины! — ответили стрельцы.

— С кем воевали?

Стрельцы гордо ответили:

— Поди, царь, в Замоскворечье, погляди на купцов, приказчиков, людей служилых и неслужилых, и сам увидишь, с кем воевали. Чай, ни одного целого носа там не найдешь. На лице каждого жителя Москвы написано про нашу храбрость.

Молодой Петр насмешливо посмотрел на стрельцов.

— А с врагами чужими так же храбро драться умеете?

Стрельцы обиделись.

— Что ты, государь, сказать изволил, — сказали они с горечью. — Чтoб мы поганым басурманам свое национальное лицо показывали! Много чести! Мы им больше всего национальную спину показываем в битвах...

И прибавили, подумав:

— Да и как с ним, басурманом, воевать будешь, когда у него оружие есть. Это не то, что свой брат приказчик.

После этого разговора Петр призвал начальников стрелецких и спросил их:

— Много под Москвой огородов?

— Много! — ответили стрелецкие начальники.

— Хватит по стрельцу на каждый огород?

— Хватит.

— В таком случае приказываю вам: разместить стрельцов по огородам в качестве пугал.

Стрельцы, наконец, оказались на своих местах, но крайней мере на первое время. Потом и птицы перестали их бояться.

А Петр начал создавать новое войско из «потешных» рот.

Так как «потешными» заведовали не инспектора народных училищ и не начальники пробирных палаток, то дело пошло быстро на лад.

«Потешные» из кожи лезли, чтобы вырасти скорее, и в примерных битвах здорово колотили стрельцов.

Петр радовался, на них глядя, и думал:

— Скоро мы покажем себя!

И действительно показал.

IV Первая победа Петра

Первую победу Петр одержал над турками.

Это в одинаковой степени изумило и победителей и побежденных.

— Неужели мы побиты?! — удивлялись турки. — Не может быть! Это судебная ошибка!

— Побиты, побиты! — показывали все народы Европы и Азии. — Сами видели, как вы бежали.

Турки продолжали допрашивать свидетелей:

— Может быть, мы бежали позади, а русские впереди?

Но народы стояли твердо на своем и показывали:

— Нет, вы бежали впереди, а русские бежали сзади и лупили вас в спины. Посмотрите, там еще, вероятно, синяки сохранились.

Турки посмотрели друг другу на спины и вынуждены были признаться:

— В самом деле синяки...

Они грустно опустили турецкие носы на турецкие сабли, потом сами опустили на турецкие ковры и с горя стали пить турецкий кофе.

Русские также не верили, что победили, и осторожно допытывались у очевидцев:

— Мы бежали впереди турок или сзади?

Очевидцы успокоили их:

— Не сомневайтесь! Вы гнали турок и ловко трепали их.

Солдаты приободрились.

— Побеждать, оказывается, легко! — говорили они друг другу.

— Гораздо легче, чем быть побежденными.

— Много способнее. Тут ты бьешь, а тебя хвалят. А там тебя бьют и еще ругают.

После первой победы последовала вторая, потом третья, четвертая и все остальные победы.

Война кончилась отнятием у турок Азова.

Последний вскоре научился говорить и писать по-русски.

Впоследствии он совершенно растурчился и начал писать фельетоны в русских газетах, подписываясь полным именем: «Вл. Азов».

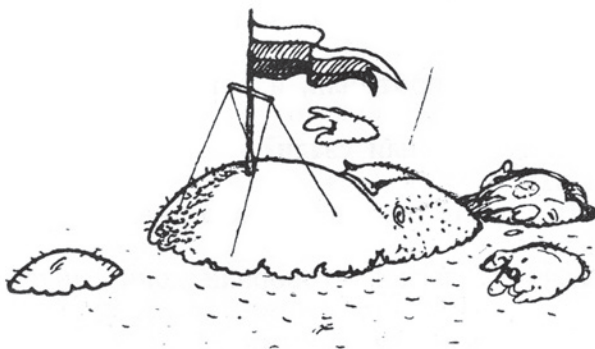
Петр очень гордился победой над турками и отнятием у них Азова.

Духовенство стало роптать...

V Петр-мореплаватель

До Петра русский народ был народом-рекоплавателем.

Плавали русские весьма отважно, купаясь летом в реке. Плавали недурно и на спине и на животе.

Плавали русские весьма отважно...

Но о судах имели понятие весьма слабое.

Однажды Петр, осматривая амбары Никиты Ивановича Романова, увидел там «дедушку русского флота».

«Дедушка» был весь изъеден червями, и труха сыпалась из него, как из члена Государственного совета.

— Что это такое? — спросил Петр.

Приближенные Петра не могли дать верного ответа.

— Это корыто! — сказал один приближенный.

— Корыто? Для чего?

— В таких корытах наши праматеры купали своих новорожденных детей. Народ в те поры был рослый. Каждый новорожденный имел по пяти сажен росту.

Петр недоверчиво качал головой. Другой приближенный, желая потопить первого приближенного, сложил губы в схидную улыбку и горячо произнес:

— Не верь этому льстецу, государь! Он хочет выслужиться, а потому и говорит, что сей незнакомый ему предмет — корыто. Не корыто это, а старинное ружье.

— Врет он, — закричал первый приближенный. — Это не ружье, а корыто!

Долго бы спорили русские люди, но в эту минуту явился немец Тиммерман и разъяснил, что найденный предмет — английский бот.

Петр немедленно принял англичанина на русскую службу, велел его починить топором, пилой и рубанком.

«Дедушка русского флота» вскоре поплыл по Переяславскому озеру, управляемый могучей рукой Петра.

В короткое время у «дедушки» появились товарищи, которые весело понеслись по волнам.

Приближенные молодого царя с укоризной смотрели на новую затею молодого Петра и, качая бородами, вздыхали:

— Статочное ли дело русскому человеку на судне плавать. Земли у нас мало, что ли! Зачем еще вода нам понадобилась?

Петр сначала пробовал возражать:

— А ведь англичане плавают...

Но ему отвечали:

— Так то англичане. У них земли два аршина. Им и понадобилось море. А нам на что?

Народ также роптал:

— Вода нам для питья и для бани дана. Грех плавать на ней в каких-то ковчегях.

Петр продолжал строить суда. Паруса все чаще и чаще стали мелькать на Яузе и Переяславском озере. В народе стали распространяться слухи, что Петр антихрист. Мореплавание слишком уже претило религиозным душам...

VI Война со шведами

За что возгорелась война со шведами, неизвестно. Историки в подобных случаях постоянно скрывают истинную причину.

Но война возгорелась. В Швеции тогда царствовал Карл XII.

— Хоть ты и двенадцатый, а побью тебя! — сказал Петр.

Карл принадлежал к секте «бегунов». Всю жизнь он к кому-нибудь или от кого-нибудь бежал.

...Из Полтавы к татарам...

Бежал к Мазепе в Полтаву, но Ворскла и русские солдаты произвели на него удручающее впечатление, и он убежал из Полтавы к татарам.

У татар он остался недоволен кумысом и бежал к султану.

Узнав, что у султана много жен, Карл XII поспешил бежать от соблазна к себе на родину, где у него не было ни одной жены.

...Бежал к Мазепе в Полтаву...

...От татар бежал к султану...

тесал. В результате Петр остался победителем.

Из Швеции бежал к полякам. От поляков снова куда-то убежал.

Смерти, преследовавшей Карла по пятам, еле удалось настигнуть его в какой-то битве, и она поспешила воспользоваться этим случаем.

Петр же все время стоял на одном месте и занимался делом — строил, стругал, пилил,

...От султана на родину...

VII Полтавская битва

Горел восток зарею новой. Уж на равнине по холмам гремели пушки. Дым багровый клубами всходил к небесам навстречу утренним лучам.

Не по доброй воле гремели пушки. Их каждый раз заряжали с казенной части и вынуждали палить по шведам.

Шведы тоже палили, но плохо. Карл XII после очередного бегства повредил себе ногу и не мог ходить.

При самом начале битвы Петр приказал войскам своим одержать победу, и войска не смели ослушаться.

Карл же XII не догадался это сделать, и войска его не знали, как вести себя: одержать победу или потерпеть поражение.

После небольшого колебания шведы из двух зол выбрали меньшее — поражение...

Много способствовало поражению шведов присутствие в их войсках малороссийского гетмана Мазепы.

Гетман был человек весьма образованный и до конца своих дней сохранил сильную любовь к женьбе.

В искусстве жениться Мазепа не знал соперников, но воевода он был плохой. Неумением воевать он перезаразил все шведское войско, и оно не выдержало натиска Петровских войск.

Шведы бежали. Те же, которым было лень бежать, сдались Петру.

Карл и Мазепа не поленились и бежали.

После Полтавской битвы шведы повесили носы на квинту. Так они и висят до сих пор.

Русские же под предводительством Петра высоко подняли головы. Гордые возвратились войска в Петербург под звуки музыки.

Народ наружно радовался и кричал «ура», но внутренне роптал на Петра.

VIII Окно в Европу

Победив кого следует, Петр задумал прорубить окно в Европу.

— Пора, — сказал он, — на людей посмотреть и себя показать!

Сановники светские и духовные принялись увещевать царя.

— Не богоугодное ты дело затеял! — говорили сановники. — Окно дело грешное. Не по святой старине поступаешь, царь.

Светские сановники подходили с дипломатической стороны и вещали:

— Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет.

— А мы ему в шею накладем! — смеялся Петр. — Он и уйдет.

— Уйдет швед, пролезет в окно немец.

— Немцу зачем в окно? Мы его и в дверь пускаем.

— Тогда немец из окна вылезет.

— Зачем же ему вылезать?

— А уж такая у немца привычка. Не пустишь в дверь, он в окно влезет. Пустишь в дверь, он в окно и вылезет. Характер такой.

Петр смеялся и продолжал прорубать окно.

Петр прорубал, а сановники мирские и духовные приходили по ночам и заколачивали окно.

Петр не унывал и настойчиво продолжал свою работу.

Когда работа была окончена и новый свет хлынул в прорубленное окно, сановники опьянели от ужаса и завопили:

— Горе нам! Горе нам!

И началась между ними и Петром тайная борьба.

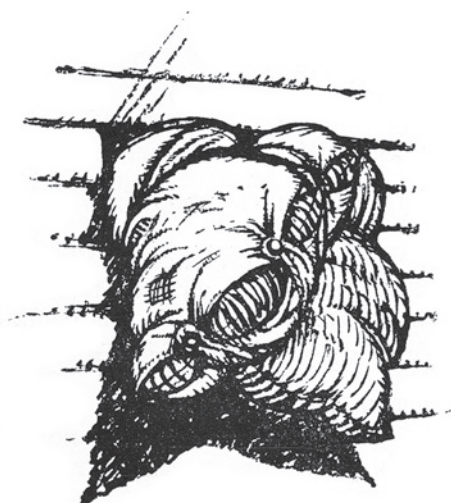
Сановники каждую ночь упорно затыкали подушками прорубленное окно в Европу.

По утрам Петр вынимал подушки, а уличенных виновников ссылал и даже казнил.

Но ночью приходили новые сановники и приносили новые подушки.

И до самой смерти Петра продолжалась эта тайная борьба.

Русскому народу так и не удалось при жизни Петра увидеть как следует Европу.

Окно в Европу

IX Петр-редактор

А. С. Суворину в то время было всего лет десять, и «Новое время» еще не существовало.

А газета была необходима.

Русский народ искони славился тем, что не мог жить без газеты.

Гостинодворцы невероятно скучали, лишённые удовольствия давать взятки репортерам бульварной прессы.

Министры горевали:

— Некому восхвалять наши действия. Полцарства за коня... виноват, за писателя!

Великие люди плакали:

— Когда мы умрем, кто напишет о нас некрологи? Помрем, как говорят хохлы, «и некролога не побачим».

Тогда сам Петр решил издавать газету. Недолго думая, он подал прошение о разрешении ему газеты под названием «Куранты о всяких делах Московского государства и окрестных государств».

Газета велась довольно смело. В ней задевались не только полиция, Германия и духовенство, но и высшие сановники.

Однако газета ни разу не подверглась конфискации и редактор ни разу не был оштрафован и даже не посажен в «Кресты».

Можно смело сказать, что во время «Курантов» газетные работники пользовались полнейшей свободой слова.

Это был лучший период в периодической русской печати.

Народ роптал.

Х Науки и искусства

От наук и искусств Милосердный бог спас допетровскую благочестивую Русь.

Географией интересовались только извозчики. Историей — тоже извозчики.

Люди высших классов считали ниже своего достоинства заниматься науками.

Искусством ведали уличные мальчишки — лепили из снега весьма замысловатые фигуры и рисовали на заборах углем не хуже других.

К литературе русский народ покои веков чувствовал призвание, и при Петре литература, хотя и устная, сильно процветала.

Народ-творец изливал свою душу в лирических произведениях, хватавших за душу как русских, так и иностранцев. Некоторые из этих элегий дошли до нас. Одна из них начиналась так:

Не тняи меня за ногу,
Ай, Дид! Ой, Ладо!
Из-под тепленькой перины,
Ай, Дид! Ой, Ладо!

Из прозаических сочинений к нам дошли превосходные сказки, в которых говорилось о первой русской авиаторше Бабе-Яге, летавшей на аппарате, который был тяжелее воздуха, — в ступе.

Петру все это показалось мало.

— Народу много, — сказал он, — а науки мало! Вы бы поучились немножко.

Он начал с министров, усадив их за азбуку. Министры плакали и не хотели учиться.

Петр колотил их дубинкой и в короткое время достиг неслыханных результатов — почти все министры всего в два-три года научились читать и писать.

Петр наградил их за это чинами и титулами, и только тогда они поняли, что корень учения горек, а плоды его сладки.

К концу царствования Петра почти не было ни одного придворного генерала, который подписывался бы крестом.

В его царствование был заложен первый камень русской письменной словесности — по приказу Петра был рожден Вячеслав Иванов, прославившийся в то время под фамилией Тредиаковского.

Об искусстве также много заботился Петр.

Народ, видя это, втихомолку плакал с горя и горячо молился об избавлении от науки, искусства и литературы Святой Руси.

В то время народ русский еще пребывал в истинном благочестии.

Он начал с министров, усадив их за азбуку

XI Сотрудники Петра

Сотрудников себе Петр выбирал долго, но выбрав, не вешал их зря, а заставлял заниматься делом.

В первые годы своего царствования он окружил себя сотрудниками из бояр.

Но когда последним обрили бороды, Петр увидел, что они для службы России не пригодны, и принялся выбирать сотрудников из простых людей.

Бояре также не были довольны царем. В особенности им не понравилось то, что молодой царь колотил их дубинкой.

— Сколько на свете Русь стоит, — ворчали бояре, — нас били батогами, а Петр дубинку завел. Обидно.

И патриотическое сердце бояр так страдало, что даже плаха не утешала их.

— Ты раньше постегай, — говорили они, — а потом казни. А то дубинкой... Что мы, англичане либо французы, чтобы нас дубинкой били? Ты нам батоги подавай...

Среди сановников, выбранных из простого народа, выделился Меншиков.

Петр взял его за то, что пирогами торговал.

— Хоть пирогами торговать умеет! — сказал Петр. — А бояре даже этого не умеют.

Меншикову сановничье ремесло показалось гораздо более выгодным, чем ремесло пирожника, и он ревностно принялся за новое дело.

Видя, что опыт с Меншиковым удался, Петр еще больше налег на простой народ. Каждого нового кандидата в сановники Петр спрашивал:

— Из бояр?

И если спрошенный отвечал утвердительно, Петр говорил ему:

— Ступай, брат, откуда пришел! Мне белоручек не надо.

Когда же кандидат отвечал отрицательно, Петр приближал его к себе и давал работу.

Впоследствии много графов и князей передевались простолюдинами и поступали на службу к Петру.

Когда обман обнаруживался, Петр не сердился.

Так, под видом рабочих, поступали в сановники к Петру князья Долгорукие, Шереметевы, Толстые, Брюс и др.

Меншиков на склоне лет своих заскучал по ремеслу пирожника, и однажды у него блеснула мысль:

«Чем Россия не пирог?»

И он потихонечку стал продавать этот сладкий пирог...

И среди остальных сотрудников нашлись подражатели Меншикову.

Петр вешал понемногу «пирожников», но даже эта крайняя мера редко исправляла их.

Считать Россию пирогом и продавать ее тайно по частям сделалось второй натурой у многих сановников почти до наших дней.

ХII Царь-плотник

Петр Великий часто ездил за границу.

Вечно озабоченный государственными делами, он однажды в Саардаме дал пощечину одному честному голландцу.

Жители Саардама еще до сих пор гордятся этой исторической пощечиной и задирают нос пред жителями остальных голландских городов.

— Мы не какие-нибудь! — говорят с гордостью саардамцы. — Сам Петр Великий избрал для пощечины физиономию одного из наших граждан.

Осчастливив саардамцев, Петр уехал в Амстердам, где стал учиться плотничьему искусству.

Теща бревна, он неоднократно думал:

«Вот так я обтешу бояр».

Впоследствии Петр должен был сознаться, что обтесать бревно гораздо легче, чем обтесать боярина...

Все-таки до конца жизни Петр не выпустил из своих мозолистых царственных рук топора и рубанка...

И до конца своей жизни он остался великим царем-плотником...

Умер Петр, простудившись при спасении утопавших солдат.

Великий мореплаватель не утонул, спасая солдат. Только через двести лет потопил его скульптор Беренштам своим памятником на Сенатской площади...

Русь сильно была двинута вперед могучей рукой гениального великана.

Но... Не все было сделано.

Петр застал Русь бороdatoю и оставил ее взлохмаченною.

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА

I

До Екатерины Второй преемники Петра были отчасти похожи на редакторов современных русских газет. Подписывается редактором один, а редактирует другой...

После Петра была провозглашена императрицей Екатерина Первая.

Управлял Меншиков.

После Екатерины Первой взошел на престол малолетний Петр Второй.

Управлял Меншиков, а потом Долгорукие.

Петр II умер. Была коронована Анна Иоанновна.

Управлял Бирон.

Анну Иоанновну сменила Анна Леопольдовна.

Управлял Остерман.

Анна Леопольдовна была свергнута Елизаветой Петровной.

Управлял Лесток, а потом Разумовский.

После Елизаветы на престол взошел Петр Третий.

Управляли все, кто жил при Петре и кому только было не лень.

Вельможи делились на две партии: 1) ссылающих и 2) ссылаемых в Сибирь.

Очень часто в одну ночь ссылающие переходили в партию ссылаемых и наоборот.

Меншиков сослал, сослал, пока нечаянно не был сослан в Сибирь Долгорукими.

Долгоруких сослал в страну, куда Макар телят не гоняет, Бирон.

Бирона сослал Миних, хотя он сам был немец.

Миниха сослал Лесток.

Лестока сослал перешедший из партии ссылаемых в партию ссылающих Бестужев-Рюмин.

У самых сильных вельмож чемоданы были постоянно завязаны, на случай неожиданной ссылки.

Летом в самую сильную жару шубы и валенки в домах временщиков не прятались далеко.

— В Сибири и летом холодно! — говорили вельможи.

Сделавшись временщиком, сановник старался как можно больше сослать в Сибирь народу.

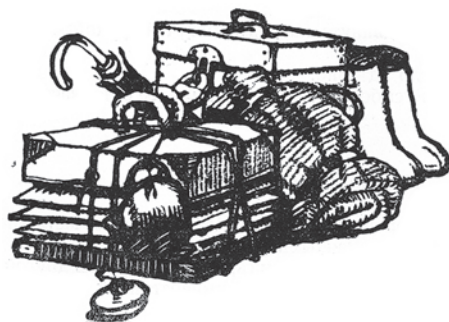
Делалось это не от злости, а от практичности ума. Каждый временщик думал:

«Чем больше сошлю в Сибирь вельмож, тем веселее мне потом будет».

Так понемногу стала заселяться Сибирь.

Пионерами в Сибири оказались временщики, что дало повод тогдашним острякам остричь:

— Как видите, и временщики могут на что-нибудь пригодиться...

Летом в самую сильную жару шубы и валенки в домах временщиков не прятались далеко

II Екатерина Великая

При дворе Екатерины человек был похож на орла.

Каждый генерал, каждый придворный был орлом. Так они и вошли в историю под сборным псевдонимом «Екатерининские Орлы».

Главный орел был близорук и прославился тем, что постоянно ногти грыз. Звали его «князь Потемкин Таврический».

«Таврическим» его прозвали за то, что он жил в Таврическом дворце на Шпалерной, где теперь помещается Государственная дума.

Происходил Потемкин из очень бедной семьи, что его и выдвинуло.

Как орел, он любил иногда питаться живой кровью, но живой крови уж почти не было на святой Руси. Бирон последнюю выпил...

Сама Екатерина обладала недюжинным литературным талантом, и при более счастливых условиях она сделала бы блестящую карьеру писательницы.

Но для блага страны она не пошла по усыпанному розами пути писателей, а избрала путь другой.

Однако всю жизнь императрица любила читать и знала современную ей литературу лучше любого нынешнего критика.

В свободное от государственных и прочих дел время Екатерина писала повести, комедии и шуточные фельетоны.

Но благодаря тогдашней цензуре произведения Екатерины Великой не могли увидеть свет и были только напечатаны лет пятнадцать тому назад, когда цензура временно стала немного либеральнее.

Кроме литературы Екатерина Великая еще вела весьма удачные войны с турками и не менее удачно устраивала внутренние дела государства.

III Первые законодатели

С самого начала своего царствования Екатерина принялась за проект нового государственного устройства.

— Созову народных представителей! — решила Екатерина. — Пусть сам народ решит, как ему лучше жить.

Стали созывать законодательную комиссию из народных представителей.

Жены с воплем провожали своих мужей в Петербург.

— В законодатели беру-у-ут! — выли жены. — Пропали наши головушки...

Старики молитвенно шептали:

— Дай вам бог отбыть законодательную повинность благополучно.

Депутаты прибыли в Москву и были невероятно удивлены, что их не бьют и не сажают в крепость.

Наоборот, императрица приказала оказать им ласковый прием и посадила их не в тюрьму, а в Грановитую палату.

Императрица выработала «Наказ», в котором депутатам предлагалось выработать законы.

Депутаты горячо принялись за дело с утра до ночи и, наконец, заявили:

— Кончили!

Обрадованная Екатерина спросила:

— Что сделали?

Депутаты заявили:

— Много сделали, матушка государыня. Во-первых, постановили поднести тебе титул «Мудрая»...

Екатерина была изумлена.

— А законы?

— Законы?! Что ж законы. Законы не волк — в лес не убегут. А если убегут, тем лучше. Пусть живут волки и медведи по закону...

подавив досаду, Екатерина спросила снова:

— Что еще сделали?

— Постановили, Матушка-Государыня, поднести тебе еще один титул: «Великая».

Екатерина нервно прервала их:

— А крепостное право уничтожили?

— Крепостное право! — ответили депутаты. — Зачем торопиться? Мужички подождут. Им что? Сыты, обуты, выпороты... Подождут.

— Что же вы сделали? Зачем вас созывали?

Депутаты важно погладили бороды.

— А сделали мы немало. Работали, Матушка-Государыня. И выработали.

— Что выработали?

— Выработали еще один титул для тебя, матушка: «Мать отечества». Каково?

Екатерина увидела, что чем больше законодательная комиссия будет заседать, тем больше титулов и меньше законов она будет иметь.

— Поезжайте домой! — сказала она депутатам. — Поезжайте, Тимошки. Без вас плохо, а с вами еще хуже.

IV Губернии и сословия

В 1775 году Екатерина Великая разделила Русь на губернии.

Сделано это было так.

Собирали несколько сел и заявляли им:

— Отныне вы не села, а города!

Села чесали затылки и мямлили:

— Ишь ты, города!.. А мы думали, что селами родились, селами и умрем.

Но, почесав сколько полагалось затылки, села становились городами.

Потом брали немца и назначали его губернатором. Пред отъездом немцу сообщали:

— Будете править губернией!

Немец не возражал. Наоборот, он кивал головой и с достоинством отвечал:

— Гут! Мой с малых лет на губернатор ушился... Буду хорош губернатор.

В новых губерниях разделили народ на три сословия, причем строго придерживались брючного и сапожного ценза.

У кого были целы сапоги и брюки, тот был зачислен купеческое сословие.

Тот, кто имел рваные сапоги, но брюки целые, попадал в мещанское сословие.

Лица же, у которых сапоги просили каши, а брюки были с вентиляцией, составили сословие ремесленников.

Всем трем сословиям была дарована свобода давать взятки четвертому сословию — дворянству...

Последнее сословие в то время составляло и полицию, и милицию, и юстицию в стране. Давать ему взятку было необходимо...

К счастью, дворяне восемнадцатого века были люди умные: не упускали того, что плыло к ним в руки, и все остальные сословия чувствовали себя сравнительно недурно.

V Войны с турками

Много лет Екатерина вела войну с турками.

В сущности, воевала только Екатерина. Турки только кричали «Алла! Алла!» и отступали.

Перед каждой новой войной турецкие полководцы любезно осведомлялись у русских полководцев:

— Какие города хотите у нас отобрать?

Русские называли города.

— А нельзя ли списочек составить?

Русские полководцы составляли список городов, которые собирались взять у турок, и посылали пашам.

Паши прочитывали список и немедленно отдавали приказ своему войску бросать оружие и бежать в паническом страхе.

С турками уже тогда было легче воевать, чем со студенческой демонстрацией.

На студенческих демонстрациях хоть кричат, а турки в большинстве случаев при бегстве не нарушали тишины и спокойствия.

Завоеванные земли Потемкин застраивал деревнями и заселял крестьянами.

С течением времени оказалось, что и деревни и мужички были декоративные.

Деревни ставил Станиславский из Художественного театра, а мужиков играли Чириков, Юшкевич и Дымов.

Поговаривали даже, что и турки, с которыми воевал Потемкин, были декоративные.

Однако земли, которые были завоеваны при Екатерине, были настоящие, сочные и давали прекрасные плоды.

VI Сподвижники Екатерины

Все сподвижники Екатерины были очень талантливы от мала до велика.

В первые годы царствования Екатерины был очень популярен Григорий Орлов.

Это был великий государственный ум. Он одной рукой поднимал тяжелую придворную карету.

Брат Григория Орлова Алексей был блестящий дипломат. Он одной рукой мог удержать на месте четверку лошадей.

Все-таки удержать своего влияния при дворе он не мог, и вскоре его власть перешла к Потемкину.

Последним орленищем был граф Зубов, прославившийся тем, что никакими талантами не обладал.

— Это у нас фамильное! — говорил не без надменности молодой орлениш. — Мы, Зубовы, выше таланта!

Больше всех из «Екатерининских Орлов» прославился Суворов.

Между Суворовым и другими полководцами была существенная разница. Суворов был чудачком в мирное время и героем на войне...

Суворов отлично пел петухом, а этого даже Наполеон сделать не мог.

Однажды суворовское «кукареку» разбило наголову неприятеля и спасло наше войско от позорного поражения.

Произошло это следующим образом.

Атакуя неприятеля, Суворов заметил, что его армия втрое больше нашей. Не надеясь на победу, Суворов подлетел верхом к самому носу неприятеля и запел «кукареку».

Неприятельское войско остановилось и заспорило.

— Это петух, назначенный генералом! — кричали одни.

— Нет, это генерал, назначенный петухом! — спорили другие.

А пока они спорили, Суворов велел перевязать всех и взять в плен.

И еще был один орел, судьба которого была весьма печальна, — он писал оды.

Питаясь мертвечиной, сей орел жил долго и кончил дни свои почти трагически — министром народного просвещения.

Имя этого орла, иногда парившего под облаками, иногда пресмыкавшегося по земле, было Державин.

VII Наука, искусство и литература

При Екатерине наука и искусство сильно продвинулись вперед.

Был изобретен самовар.

При изобретении его немцы пожелали перенять устройство самовара, но никак не могли дойти до этого.

Напрасно иностранные правительства приказывали своим послам в России:

— Во чтобы бы то ни стало узнайте секрет приготовления самовара.

Как послы ни старались, ничего не могли добиться. Русские хранили строго эту тайну.

Потом были усовершенствованы кнут и дуга.

Было много художников, скульпторов, рисовавших и лепивших во много раз лучше нынешних.

К сожалению, ни имена этих великих людей, ни их великие творения не дошли до нас.

Громадные успехи сделала литература. Все писали. Профессора, генералы, молодые офицеры сочиняли стихи и прозу.

Лучшими русскими писателями были Вольтер и Жан-Жак Руссо.

Лучшими русскими поэтами были Вергилий и Пиндар.

Все остальные: Ломоносов, Сумароков, Фонвизин и другие — постоянно подражали им.

Самым выгодным ремеслом в литературе было писать оды.

Этот благородный род поэзии не только хорошо кормил, одевал и обувал поэтов, но и в чины производил.

Одописцы блаженствовали, но и другие писатели процветали.

Вообще все процветало.

Павел I

Павел Первый не любил шуток. Несколько дней спустя после восшествия на престол он отдал команду:

— Россия, стройся!

Не все были подготовлены к этой команде, и, естественно, произошла заминка.....

Но прежде чем Русь научилась маршировать и ходить в ногу, Павел Первый скончался, и на престол вступил Александр Первый.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

I Нашествие Наполеона

После мирной кончины Павла Первого на престол взошел Александр Первый. Это сильно обидело Наполеона.

— Я не могу допустить, — заявил он, — чтобы на одном земном шаре были два первых государя! Или я, или Александр.

Наполеон приказал французам одеться и пойти на Москву. Французы неохотно одевались. Застегивая пальто, они ворчали:

— Зачем нам Москва? Нам и дома хорошо. Сыты, одеты, обуты. Каждый из нас француженку на содержании имеет... Чего еще недостает?

Французы решительно сели. Видя, что дело плохо, Наполеон крикнул:

— Барабанщики, вперед!

Вышли барабанщики и забарабанили поход. Французы дрогнули и пустились в путь.

Как Наполеон ни скрывал своего намерения напасть на Россию, но лишь только он перешел русскую границу, в Петербурге узнали об этом.

Народ русский вскипел.

— Как! — гремели по России негодующие голоса. — Какие-то французишки смеют идти на нас войной. Да мы их шапками закидаем!

Шапки страшно вздорожали в один день. Все патриоты спешили закупить себе шапок для закидывания французов.

Александр собрал двести тысяч солдат и разделил их поровну между генералами: грузином и немцем.

Но вышло разногласие между генералами. Пылкий грузин, защищенный при этом спереди большим грузинским носом, рвался вперед, а холодный немец приказывал отступать.

Тогда Александр назначил главнокомандующим русского князя Кутузова.

Приехав в армию, Кутузов с изумлением заметил:

— Разве с такими молодцами можно отступать!

Но приказал продолжать отступление.

II Бородино

«Но вот нашли большое поле!»

Поле это называлось село Бородино. Кутузов построил свою армию с таким расчетом, чтобы французы потерпели поражение.

Наполеону не удалось так удачно построить своих французов.

Он, по обыкновению, конечно, если Иловайский не врет, устремил свои главные силы на то, чтобы прорвать наш центр, а нужно было сделать наоборот.

Наполеону нужно было устремить свои главные силы на то, чтобы прорвать свой собственный центр.

Прорвав себе центр. Наполеон должен был сесть на левое крыло и улететь в Париж.

Но император французов продолжал делать ошибку за ошибкой.

Кутузов же ошибок делать не желал, а приказывал только стрелять.

Это очень огорчало Наполеона.

— Некультурная нация! — жаловался он своим генералам. — Я их завоевать хочу, а они еще стреляют.

Обратившись к маршалу Даву, Наполеон предложил:

— Ты бы их подавил немного.

Но Даву отрицательно покачал головой.

— Пробовал давить, ваше величество, да они не даются. Непонимающий народ.

После десятичасового рукопашного боя атаки прекратились, стреляли только из пушек.

К вечеру, одержав победу, Кутузов отступил.

Побежденные французы с горя заняли Москву.

III Пожар Москвы

Генерал-губернатором в Москве был в то время граф Растопчин.

Предвидя пожар Москвы, он не растерялся перед французами и до прихода их как прокламациями, так и личным примером воодушевлял жителей московских.

— Ополчимся против врага! — зывал граф. — Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжеле снопа аржаного.

— Что верно, то верно! — отвечали москвичи. — Француз не тяжеле снопа аржаного. Много даже легче...

— И наверно легче.

— Только...

— Что только?

— Только аржаной сноп не стреляет, а французишка — он хитрый. Ты его по-благородному на вилы-тройчатки, а он по-свински — бац в тебя из ружья.

Граф Растопчин горячо доказывал, что, наоборот, аржаной сноп стреляет, а француз даже любит, когда его поднимают на вилы-тройчатки.

Однако в день вступления в Москву французов граф переменил свои взгляды и вместе со всеми прочими оставил Москву.

— Мы их выкурим! — сказал он многозначительно, покидая первопрестольную. — Огонь действительнее вилы-тройчатки...

И начались пожары. Французам стало жарко. Они сняли с себя платье и в дезабилье вышли на улицу.

Не успели они сделать пять шагов, как стукнул мороз и уложил на месте добрую половину французов.

Оставшиеся в живых еле добежали до своих квартир и, наскоро одевшись, попросили есть. Но, увы! Тут оказалось, что русские, уезжая, забрали с собой весь хлеб.

Осталось одно сено, но не было между французами г-жи Нордман-Северовой, чтобы сварить им из сена бульон, курицу и компот.

И половина оставшихся в живых французов в тот же день умерла мучительной голодной смертью.

— Бежать! — молнией пронеслось по всему французскому лагерю.

— Бежать! Бежать!

Тот, кто первый произнес это спасительное слово, был тут же произведен в маршалы великим и благородным Наполеоном.

IV Бегство французов

Французы в бегстве выказали большую сметку.

Впереди всех был Наполеон. Для скорости он бежал на лыжах. Остальные бежали пешком.

— Ишь, прыткие! — удивлялись наши мужички. — Как ловко бегут! Только пятки сверкают. Сейчас видно, что грамотные.

Наши войска преследовали французов по пятам и полегоньку поколачивали.

У реки Березины казаки чуть-чуть не взяли в плен самого Наполеона.

Один казак уже схватил было за фалды самого Наполеона. Но Наполеон навострил лыжи и ушел от казака.

Говорят, что спасением своим у реки Березины император обязан петуху.

Было это так.

Когда казаки уже совсем было настигли французов у Березины, кто-то из французов увидел впереди петуха и закричал:

— Братцы, пища!

У не свихих уже более месяца французов силы удесятерились, и они быстрее лани помчались за петухом.

Расстояние между ними и казаками сразу увеличилось, и таким образом французы спаслись от плена.

Вот почему у французов до нынешнего дня петухи пользуются большим почетом.

Один из виднейших французских поэтов, уже спустя много лет, в честь петухов сочинил пьесу, назвав ее «Шантеклер».

V Россия — великая держава

После нашествия французов, а, главным образом, после бегства их, Россия еще больше окрепла и стала одной из самых великих держав в мире.

Галлы же и пришедшие с ними дванадесять языков влачат до сих пор жалкое существование под названием немцев, итальянцев, французов и т. д.

Год, в котором французы бежали из России, в честь чудесного избавления от них назван Двенадцатым.

Составлено по заслуживающим и не заслуживающим доверия источникам.

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

I.

Александр Благословенный умер, оставив после себя вместо детей отшельника Федора Кузьмича. Впоследствии этот отшельник причинил историкам больше хлопот, чем целая дюжина царских детей.

Остались еще, кроме Федора Кузьмича, два брата — Константин и Николай.

Потужил, потужил народ русский и решил:

— Из двух зол надо выбрать наименьшее.

И присягнули меньшому брату, Николаю.

По обычаю русских православных царей, отцов своего народа, Николай Первый в день своего восшествия на престол несколько сот человек расстрелял, несколько сот повесил и несколько сот сослал в сибирские рудники.

Совершив это, он вознес хвалу Господу, взошел на трон своих прародителей и стал править русской землей.

Николай Павлович, как все русские императоры, любил безумно свой народ и вечно думал о его благе.

Начал он свое царствование с издания Свода Законов.

До Николая на Руси жили просто, без затей, и в законах особой нужды не имели.

Бывало, совершит человек преступление, и сейчас сам к воеводе:

— Так и так, господин воевода, купца ограбил.

— Богатого?

— Знамо, богатого. Чего бедного тревожить?

— Убил?

— Нет, господин воевода! Зачем убивать зря? Добровольно все отдал.

— Молодец! Дай половину!

Грабитель честно отдавал половину, после чего воевода посылал за купцом. Происходил такой разговор:

— Ограбили тебя?

Купец становился на колени.

— Прости, благодетель, ограбили.

— А ты почему не заявил?

Ограбленный купец лез в карман, вынимал кошель, молча со вздохом принимался отсчитывать деньги и подавал их воеводе.

— Мало! — обычно говорил воевода.

Купец добавлял. Воевода отпускал его и посылал за грабителем.

— Получил? — спрашивал грабитель.

— Получил.

— Дай половину!

Воевода честно делился с грабителем.

Николай Первый решил коренным образом реформировать правосудие.

— В грабежном деле, — заявил он, — ответственным должен быть не только ограбленный, но и грабитель.

С этого дня судьи (воевод уже не было) стали получать взятки с обеих сторон, что, само собой разумеется, было справедливее.

Составлять законы было поручено Сперанскому. Собрал он все законы в одно место и написал:

— Здесь останавливаца воспрещаеца. Здесь законы.

С тех пор российские судьи и российские граждане старались обходить это место. Пробирались мимо — сторонкой, сторонкой.

«Обходить закон» стало сначала привычкой, а потом и обычаем и даже «древним обычаем».

II

Внутренняя политика

Из самых благотворительных учреждений императора Николая Павловича на первом месте стоит Третье отделение.

О возникновении этого отделения существует следующее предание.

Однажды царь Николай сидел грустный в своем дворце. Никто не понимал причины его грусти.

Все, кажется, шло хорошо.

Декабристы весело коротали время в сибирских острогах под бдительным оком ласкового начальства.

Еще только вчера царь очень веселился, присутствуя при том, как проводили сквозь строй одного солдата.

При этом монарх даже изволил пофилософствовать. Глядя на окровавленную спину наказуемого солдата, он произнес:

— Как жаль, что у солдата одна спина и такая тоненькая шкура. С одного удара лопается.

И вдруг такая грусть. Отчего? По какой причине?

Вдруг царь вздохнул и сказал:

— Много слез на Руси.

Шепот прошел по залу. Придворные зашептались:

— Какое чудное сердце!

— Какой великодушный монарх!

— Какая великая душа!

Придворные шептались громко, чтобы услышал царь...

Последний, наконец, сказал:

— Хочу, чтобы в моей стране никто не плакал! Если же какой-нибудь мерзавец у меня посмеет плакать...

Тут царь прервал свою фразу и, подумав немного, изрек

— Учреждаю новое отделение по вытиранию слез. Будет оно называться «Третьим отделением». Бенкендорф!

Вышел вперед впоследствии знаменитый граф Бенкендорф. Царь вынул из кармана носовой платок, подал его Бенкендорфу и сказал:

— Утирай слезы моим подданным! Ты будешь начальником нового отделения.

На следующий день Бенкендорф явился к царю с докладом.

— Утер слезы? — спросил Государь.

— Утер, ваше величество.

— Никто больше не плачет?

— Никто, ваше величество.

Царь задумался, потом лукаво посмотрел на Бенкендорфа и произнес:

— Если нет слез, то и нечего утирать, а если нечего утирать, то не надо и Третьего отделения...

Бенкендорф смутился.

— Ваше величество! — начал он. — Сегодня нет слез, а завтра могут быть;; народ у нас преподлейший. Как будто смеется, а чуть отвернешься — плачет.

— Хорошо! Хорошо! — сказал царь. — Я вижу, что ты умный человек. Действуй!

И Бенкендорф стал действовать.

Одной рукой вызывал слезы, а второй утирал их.

После «утирания» многие остались без глаз, что было еще лучше. Без глаз, ведь, не заплачешь.

Николай Павлович был очень доволен как действием Третьего отделения, так и понятливостью Бенкендорфа.

Впоследствии графу Бенкендорфу был подчинен и российский Парнас.

При Николае Павловиче стали процветать на Руси литература и искусство.

Заметив этот беспорядок, царь призвал Бенкендорфа и приказал:

— Обрати внимание!

— Слушаю-сь!

— Кто главный из тех, что пишут?

Бенкендорф сообщил:

— Черненький есть такой, из африканцев, и фамилия у него такая страшная, огнестрельная.

— Какая, говоришь, фамилия?

— Огнестрельная, ваше величество. Пушкин его фамилия. Сам маленький, маленький, а стихи пишет.

— Это главный?

— Главный, ваше величество.

— А еще кто есть?

— Малоросс один, Гоголем называется, хотя и настоящая его фамилия Яновский. Да еще вот Дельвиг барон.

— Барон, а пишет! Не ожидал я, чтобы барон занимался такими делами. Русский?

— Из немцев, как будто.

— Что же это такое? То африканец, то малоросс, то немец. Последи! В особенности за этим, за африканцем. Как бишь его?

— Пушкин.

— Вот за этим-то и последи!

Бенкендорф последил, и славный император Николай Павлович пережил почти всех поэтов и писателей своего времени.

Он пережил Пушкина (был убит), Лермонтова (был убит), Гоголя (сошел с ума), Грибоедова (был убит) и многих других.

Сам Николай Павлович никого из поэтов не убивал, и Бенкендорф никого не убивал.

Они только знали, кого кем окружить, кого, куда послать и какую вокруг кого создать атмосферу.

Остальное уже делалось само собой...

III

Внешняя политика

Цари российские всегда всякую победу над врагом внешним приписывали своему счастью, своему гению и своему уменью организовать победу.

После всякой удачной войны цари, говоря языком вульгарным, невероятно «хамели» и так высоко задирали нос, что «верноподданные» опасались:

— Не улетел бы на небо высочайший и августейший нос.

Естественно, что после побед над Наполеоном российские самодержцы сразу положили ноги на стол.

При Николае Россия очень напоминала стоявшего на перекрестке и следящего за порядком городского.

Немного подвыпивший, гордый своим положением и званием, красноносый городской выпучил глаза, в которых застыл вопрос:

— Кого бить? Кого тащить в участок?

Николай также стоял на перекрестке Европы и, бешено вращая белками, спрашивал:

— Кого бить?

Европа по возможности уклонялась от услуг Николая Павловича, и нетрезвому городскому поневоле пришлось «бить» и «тащить» врага внутреннего.

«Били» и «тащили» поляков, евреев. Но больше всех «били» и «тащили» крестьян и солдат.

Но вот однажды с Запада послышался крик:

— Горрродовой!.. Горрродовой!

Встреонулся Николай Павлович. Засверкали глаза. Забилося сердце.

— Кто зовет на помощь? — спросил царь.

Ему сказали:

— Австрия.

— Против кого? Против врага внешнего? Тогда надо подумать.

Но получил в ответ:

— Нет, против врага внутреннего. Народ у него бунтуется. Требуем свободы.

— Ах, так! Покажу же я им!

И храбрый Николай двинул свое войско в Австрию на помощь Францу-Иосифу.

Справившись с внутренним врагом Австрии, Николай Павлович снова стал на свой пост.

Недолго пришлось ему стоять без дела. В один прекрасный день пришли греческие люди и принесли жалобу на турок!

— Обижают вас? — спросил Николай.

— Обижают.

— А что дадите в за защиту?

Стали торговаться. Николай размышлял:

— Турки народ не очень сильный. Пожалуй, что не сильнее врага внутреннего. Недолго с ним нужно будет возиться. Опять же Константинополь...

Еще задолго до Милюкова русские цари были в вопросе о Константинополе ярыми милюковцами.

При слове «Константинополь» у русских царей начинала слюнка течь, и, глядя на шапку Мономаха, они с презрением говорили:

— Тоже шапчонка!.. Вот корона византийских императоров — вещь!

И спали, и видели во сне, как поверх короны польской, финляндской, российской, и прочая и прочая и прочая, надета корона византийских императоров.

— Пойду за короной в Константинополь! — решил царь. — И с греков что-нибудь стянуть можно будет.

Николай Павлович объявил войну Турции.

Но тут случилось непредвиденное обстоятельство.

Наши вечные испытанные друзья англичане решили по дружески вонзить нам кинжал в спину. То же самое решили сделать французы.

Увидел Николай Первый, что дело плохо, и подумал было:

— Не бросить ли это дело? Бог с ним, с Константинополем, своих столиц немало: Петербург, Москва, Киев, Казань.

Но передумал и решил:

— Авось, победим!

Ему робко говорили:

— Армия плохо вооружена...

— Авось, сойдет! — отвечал Николай.

— Флот дрянной. Куда ему против английского?

— Авось, выдержит! — отвечал Николай.

— Железных дорог нет. Пока войска дойдут до Черного моря...

Но Николай отвечал:

— Авось дойдут.

По обычаю русских царей Николай назначил главнокомандующим самого бездарного из своих генералов.

Когда этот генерал был разбит, его заменили другим, еще бездарнейшим.

Когда и этот генерал был разбит, Николай, подобно отцу своему Павлу, умер естественной смертью...

Как говорит добрая русская пословица «в Бозе почил».

Историки полагали, что Николай Первый был наихудшим из Николаев, и что хуже такого уж быть не может.

Глупцы! Они не предвидели Николая Второго!..

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

Каждый император входит в историю без имени, отчества, без фамилии, но обязательно с какой-нибудь кличкой.

«Иоанн Безземельный» (земли у него было больше, чем у самого богатого мужика).

Иван Калита (стоял целый день у калитки и обирал прохожих).

Александр Благословенный (папеньку убил с благословения сановников).

Александр Освободитель (освободил мужичков от земли и хлеба.)

И так далее, и так далее.

Из-за Николая Второго у историков вышел крупный спор. Одни говорили:

— Николай Глупый – вот лучшее название для последнего русского императора.

Другие говорили:

— Название-то правильное. Можно даже «Глупейший». Спорить тут трудно.

Но почему не Николай II Пьяный? По нашему мнению, пьянство у него преобладало над глупостью.

— Что правда, то правда! — вставляли третьи. — Любил выпить полковник, и ума было мало у него. Но никто из государей не пролил столько крови, как он. Надо бы его «Кровавым» назвать.

Долго спорили. Наконец, кто-то из историков предложил:

— Назовем его «Благосклонным».

— Почему «Благосклонным»? — удивились все.

— Потому, что «Глупый», «Пьяный» и «Кровавый» — слишком шаблонно. Да и всем это известно...

— Но Благосклонный почему?

— Во-первых, потому, что Николай ко всему относился благосклонно. Предлагали выпить, он оставался «неизменно благосклонный»; советовали расстреливать, он был «неизменно благосклонный»; уличали кого-нибудь во взятках или в измене, он оставался «неизменно благосклонный» к этому лицу. Назовем его Благосклонным.

Так и решили. В историю (по крайней мере, в нашу) последний русский император вошел под названием Николай II Благосклонный.

I Детство Николая II

В детстве будущий император проявлял такую глупость, что долгое время трудно было разобрать, мальчик он или девочка.

Только в восемнадцать лет маленький Николай узнал, какая у него рука правая, а какая левая. Когда об этом доложили его родителю Александру Третьему, он радостно сказал:

— Способный мальчишка!

И добавил:

— Для самодержца достаточно! Образование моего сына считаю законченным.

Всех учителей отпустили с наградами, с мундирами и с пенсиями.

Державный родитель после этого пригласил к себе державного сына и сказал ему:

— Теперь пора подумать о будущем. Ты будешь править Россией. Образование ты получил хорошее. Где твоя правая рука?

— Вот! — быстро ответил Николай.
— А правая нога?
Николай засмеялся.
— Мы еще этого не проходили, папочка...
Александр улыбнулся.
— Неважно это! — сказал он уверенно. — Не все Романовы это знали. Неважно это, говорю. Ты чем бы хотел теперь позаняться?
— Жениться хочу.
Державный отец опять улыбнулся и сказал:
— Рано. Цари никогда сразу не женятся. Нужно сначала по-иному... Впрочем, мы уже подумали об этом. Мы признали за благо оккупировать для тебя одну балерину.
— Спасибо, папочка.
— Благодарить потом будешь. Завтра тебя познакомят. Ступай!
Так кончилось золотое детство Николая II.

II Отроческие годы

В молитве и труде с любимой балериной провел свои отроческие годы Николай II.

Вставал он рано, в 9-10 часов, и сейчас же принимался за благотворную на благо родины работу.

Выпив два-три бокала шампанского, он шел умываться. Потом пил кофе; потом шел к отцу заниматься государственными делами.

Александр Третий вел простой образ жизни. Пил только водку, закусывая простой российской селедкой, и часто в разговоре употреблял столь простые русские слова, что не только денщики, но и фрейлины краснели.

В кабинете у отца Николай уже заставлял министров.

— Вот и мой дурачок пришел! — приветствовал наследника император. — Прошу любить и жаловать.

Министры кланялись «дурачку».

— Теперь, — приказывал отец, — садись в сторонке, слушай, учись и не мешай.

Докладывал первый министр внутренних дел:

— Во вверенном мне министерстве все обстоит благополучно, только вчера было накрыто тайное собрание из пяти человек.

— Повесить! — кратко приказывал царь.

Николай слушал и учился, как надо править государством.

После министра внутренних дел выступал с докладом министр народного просвещения:

— Просвещение идет хорошо. Только на днях несколько студентов...

— Повесить! — приказывал государь.

Николай слушал и учился.

Министр путей сообщения рапортовал:

— Честь имею доложить вашему величеству, что все хорошо в моем министерстве. Только на днях среди рабочих...

— Повесить!

Наследник слушал и учился.

Обер-прокурор святейшего синода также докладывал:

— Во вверенной мне православной религии все обстоит благополучно. Есть, конечно, атеисты.

— Повесить! — прерывал Александр.

Николай слушал и учился государственной мудрости у отца.

Часто он присутствовал на приеме послов, но ему приказывали в этих случаях молчать и даже не улыбаться.

— У тебя, — объяснял Александр, — даже улыбка выдает отсутствие ума. Ради бога, не улыбайся! На всю Европу ославят.

Было очень трудно стоять, молчать и даже не улыбаться, но делать было нечего.

— Император должен уметь жертвовать собой для блага любезной родины, — думал он, — надо нести свой крест.

В свободные от вышеназванных трудов минуты Николай для блага возлюбленных народа и отечества завтракал, обедал и ужинал.

Завтракал с возлюбленными родителями, обедал с возлюбленной балериной, а ужинать находил за благо где-нибудь в отдельном кабинете с представительницами свободной Франции, полусвободной Италии и свободной от свободы Испании.

Так жил и работал, будучи наследником престола, бывший император Николай II.

III Возмужалость

Александр Третий жил, пил, вешал, пока не умер. Перед смертью он позвал наследника и сказал ему:

— Скоро я в бозе почию... Ты сделаешься царем. Что ж, дело твое маленькое, царствуй...

Николай зарыдал, но умирающий сказал ему:

— Не надо реветь!.. Лучше слушай! Ты уже не маленький, тебе 27 лет. Балерину брось и женись на немке! Это необходимо. Все мы немцы понемножку чему-нибудь и как-нибудь...

Александр хотел продолжать, но смерти надоело ждать, и она тяпнула его своей косой, вследствие чего он и умер. Николай стал императором.

В тот же день он надел длинные брюки, отрастил себе усы и бороду и крикнул народу русскому:

— Эй вы, посторонитесь, сейчас начну царствовать!

Народ шарахнулся в сторону. Николай стал царствовать.

Вскоре женился и короновался.

Коронация была самая пышная в мире. Одних убитых было больше десяти тысяч.

Ни один государь не мог похвастать такими результатами своего коронования.

Многие из коронованных особ с завистью говорили:

— Этот мальчик далеко пойдет! Какое блестящее начало.

— В первый же день больше десяти тысяч человек уложил.

— Какой размах!

Опытные люди качали головами и говорили:

— Оптовиком будет.

— Как так?

— Большими партиями убивать будет. На розничные убийства неохотно пойдет. Так и случилось. Император Николай любил убивать оптом. Но об этом речь впереди.

IV Первые шаги

Все знали что Николай II — сын Александра Третьего, но все почему-то думали, что он будет царем либеральным. Рассказывали про него анекдоты либерального характера.

Однажды он, еще будучи наследником престола, собственноручно избил камердинера.

— Не погнушался! — радостно сообщали друг другу российские либералы. — Своей собственной ручкой побил...

— Не гнушается простого народа. Не брезгает.

— Одно слово — либерал!..

В другой раз Николай подал руку какому-то земскому деятелю.

Это тоже произвело хорошее впечатление. И все думали:

— Либеральный будет царь.

Но Николай II с первых же дней заявил своим верноподданным:

— Мой отец наказывал вас бичами, а я буду наказывать скорпионами. Я вам покажу кузькину мать и где раки зимуют.

И действительно стал показывать.

В первые дни своего царствования молодой царь заинтересовался университетами.

— Что это за здания? — спросил он однажды министра просвещения.

— Какие здания, ваше величество?

— Вон те, что называются университетами. Что там делают в них?

— Учатся, Ваше величество. Приходят юноши, которых называют студентами.

— Студенты? — заинтересовался царь. — Это зачем же они приходят?

— Я уже имел честь докладывать вашему величеству. Они приходят учиться.

Это неприятно поразило юного монарха, и он тут же отдал приказ — часть студентов отдать в солдаты, часть посадить в тюрьмы.

Студенты стали отстреливаться.

Это была первая война, которую вел Николай II.

Боевое счастье улыбалось ему и, несмотря на потери в министрах, довольно часто выбывавших из строя, Николай одерживал победу за победой над своими противниками.

— У меня палачи, слава богу, без хлеба не сидят, — хвастался Николай. — А спрос на веревки не уменьшается, а увеличивается.

Потом он объявил войну всем брюнетам своего обширного царства.

— Я блондин, — заявил молодой император, — и я хочу, чтобы в моем царстве все были блондины.

Первое серьезное поражение было нанесено брюнетам в 1901 году в Кишиневе.

Потом следовала победа за победой. И в этой войне, как в войне со студентами, Николай II показал недюжинный талант полководца.

Из всех битв он неизменно выходил победителем.

V Война с Японией

Но не так счастлив был Николай в войнах с врагами внешними.

Первой войной с врагом внешним была война с Японией. Началась война вот по какому поводу.

Пришел однажды к царю один из придворных и говорит ему:

— Батюшка-царь! Есть одна русская пословица...

— Какая? — спросил царь.

— Очень мудрая пословица. Говорит она: «что плохо лежит, стало быть, не запрет»...

— Знаю! — сказал царь.

— И еще есть одна пословица, не менее мудрая. Она гласит: «Дурень дает, а умный берет».

— И эту пословицу знаю. К чему речь клонишь?

— А речь клоню я к тому, что на Дальнем Востоке есть отличные леса, чудесные рыбные ловли и вообще много богатства.

— Чьи они?

— Корейское все это и китайское. Прикарманим эти богатства, великий государь!

— Что ж, это можно. Прикарманим.

Царь протянул было уже руку за китайскими и корейскими богатствами, но вдруг вскрикнул:

— Ай! Меня кто-то по руке ударил.

Придворные закричали:

— Ах, макашка проклятый! Это он, япошка. Надо его проучить.

— Проучить! Проучить! — закричал царь. — Я ему покажу, как бить царя по рукам. Такой «Кишинев» я им устрою, что долго помнить будут.

Царь объявил Японии войну.

VI Война

Собрали полки. Царь сделал им смотр, а потом собрал приближенных своих и спросил:

— Кто самый глупый из вас?

— Я! Я! Я! — послышалось со всех сторон.

— Придется бросить жребий! — решил государь, — а то, действительно, трудно решить, кто из вас глупее.

Бросили жребий. Того, кто вынул жребий, царь подозвал к себе и сказал:

— Само небо указало на тебя, как на глупейшего. Дуракам, говорят, счастье. Веди армию в бой!

Он повел.

О бое полководец прислал телеграмму:

— «Выяснилось, что во время битвы нужно стрелять из пушек. Таков, по-видимому, обычай. Пришлите пушки».

Царь приказал послать пушки, но ему сказали:

— Нету пушек, великий государь. Мыши их съели.

- А пулеметы?
- Птицы расклевали.
- Пошлите винтовки!
- И винтовок нет. На дождичке лежали и растаяли.
- Что же у нас есть? — спросил государь.
- Иконы есть.
- И отлично. С нами бог! Пошлите иконы!

Послали несколько поездов с иконами. Увидев, что дело плохо, японцы перешли Ялу, разбили умного полководца и забрали иконы.

— Пошлите еще! — приказал царь.

Задрожали от страха японцы, кинулись на Ляоян, разбили вторично умного нашего полководца и завладели вторым транспортом икон.

Николай разозлился и приказал самому хитрому из своих министров, Витте, наказать японцев и сослать их на Сахалин.

— Пусть знают, как воевать со мной! — сказал Николай. — Половина Сахалина будет для моих внутренних врагов, половина для внешних. Попомнят меня.

Так и осталось до последнего дня царствования Николая.

Сахалин был разделен на две части. На одной половине жили внутренние враги, вторую половину заняли враги внешние.

VII Николай конституционный

Наказав Японию, царь снова принялся царствовать. Но тут начались какие-то заминки.

Стал как-то собираться народ. Качали головами и стали разговаривать между собой:

- Как будто он того...
- Кто он?
- Да царь-то.
- Что «того»?
- Глуповат как будто...
- И то правда...
- Нужно бы умного взять...

Проведал про то царь и стал принимать меры. Много людей настрелял, а толку мало.

Чем больше расстреливает, тем больше собираются и говорят.

Однажды к самому дворцу подошли. Натешился тогда вволюшку царь-государь.

Велел пушки выкатить, велел пулеметы навести, велел винтовки зарядить.

И как грянула пальба, сердце запрыгало в царской груди от восторга.

Когда к вечеру подошел к окну, то удивленно спросил:

- Что за озеро здесь? Ведь тут площадь была.
- Это после вчерашнего дня, — ответили царю.
- Но почему оно красное?
- От крови, государь. Ведь это кровь.

Захлопал в ладоши царь и приказал перевести с Невы на Дворцовую площадь свой «Штандарт».

*Однажды к самому дворцу подошли. Натешился тогда вволюшку царь-государь...
И как грянула пальба, сердце запрыгало в царской груди от восторга...*

И больше часа «Штандарт» плавал по Дворцовой площади в крови народной...
Царь стоял на палубе и радостно улыбался.

Но после этого случая все больше и больше стал собираться народ. И все больше и больше стали разговаривать между собой.

— Да что он в самом деле?..
— Не царь, а разбойник...
— Попросту хулиган...
— Одно слово, Ванька Каин.
Придворные сказали царю:
— Нужно бы по губам их помазать чем-нибудь.
— Чем же?
— Да там свободишку какую-нибудь дай им! Самоуправление там какое-то или даже Думу Государственную.
— Не много ли будет?
— Если увидишь, что много, отымешь. В своем добре, государь, ты ведь хозяин. Ты дал, ты и отнял. Твоя воля.
Подумал царь и решил:
— Так и быть. Дам им Думу.
Тут же был написан манифест, в котором писалось: «И признали мы за благо дать вам, дуракам, в знак нашего к вам благоволения Государственную Думу. Только смотрите у меня! Впрочем, можете радоваться».
На подлинном собственной его императорской рукой было начертано: «И благосклонный Николай II».
Так Николай Александрович II стал божией милостью конституционным монархом.

VIII Григорий Распутин

Жил был в Сибири фатовый мужик Григорий, по фамилии Распутин.
Жил он просто, по-мужицки. Пил водку, буйствовал иногда, лез в драку.
Вдруг он стал задумываться. И вдруг решил:
— Буду царем на Руси.
Надел зипун, нахлобучил шапку на уши, взял палку и пошел в Петербург.
Пробрался сначала к царскому камердинеру. Снискал его расположение. Через камердинера к другому лакею пролез — к камергеру.
От камергера к фрейлине перебрался. От фрейлины — к самой царице. От царицы — к царю.
Стал скоро Распутин помогать царю. Царь государством правит, а Распутин правит царицей.
Потом царица стала править царем. И вышло так: Распутин приказывает царице, царица приказывает царю, а царь приказывает министрам.
Стал Распутин помогать царю не только в семейной жизни, но и в государственной.
Приказывал царю объявлять войну, усмирять мятежников.
Любил Распутин целовать фрейлин и ходить в баню...
В бане он сменял архиереев, назначал министров.
По словам очевидцев, Распутин в бане решал самые сложные государственные дела. Происходили такие разговоры:
— Эй, ты, Аннушка, потри меня губкой по спинке! Да, кстати, не забудь сказать завтра Сане (царице), чтобы назначили Ваньку министром юстиции.

Царь государством правит, а Распутин правит царицей...

— Послушай, графинюшка, не старайся так, видишь, мыло течет уж очень больно. Да, вот что. Про Степку сказала вчера Саньке: что приказал его в товарищи министра произвести? Забыла? Так вот же я тебя венником за это.

Пил Распутин очень много, и водки, и шампанского, и ликеров, но умер от воды. Его нашли в проруби мертвым...

Для верности, прежде чем опустить в воду грешное тело его, всадили несколько пуль в распутинский живот.

Вода не приняла Распутина. С почестями похоронили его в Царском Селе.

Но и земля не приняла его тела.

Вскоре его выкопали из земли и сожгли, а прах развеяли на ветру.

Так поступили с Гришкой Отрепьевым в начале царствования Романовых.

Такая же участь постигла другого Гришку, Гришку Распутина, в конце царствования Романовых.

IX Великая война

Тут перо юмориста выпадает из рук.

Слишком велико горе, чтобы позволить себе улыбаться...

Слишком кровоточащи раны, нанесенные и наносимые еще человечеству.

Мимо! мимо!

Тут не до смеха. Тут море крови и океан слез.

Мимо! Мимо!

Не до смеха у трупа матери. Не до улыбок, когда стоишь у могилы сына.

Мимо!

Х Без царя

25 февраля 1917 года прибыл в Петроград с фронта величайший в мире социал-демократ товарищ Голод.

Привел он с собой двух братьев своих.

Имя первого было — Гнев.

Имя второго — Возмущение.

Взяли братья царский трон, подняли и что было мочи встряхнули его.

Слетел с трона царь. Слетела с головы его корона. Полетели за ним все те, что держались за ножки трона.

В марте царь написал свой последний манифест.

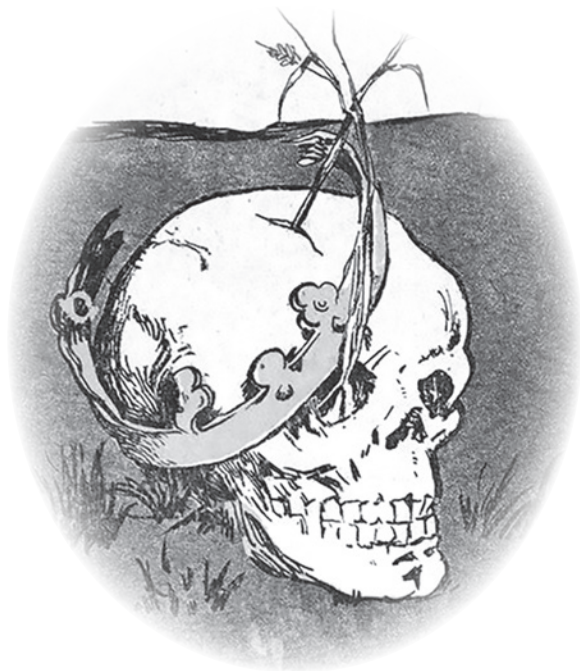
«Отрекаюсь, — писал царь, — от престола за себя и за сына. Буду садовником или лошадь куплю, извозничать буду».

И по привычке, под отречением подписал: «И благосклонный Николай».

Жила Русь триста лет с царем в стране и без царя в голове.

Теперь, даст бог, будет наоборот.

Заживет Русь без царя в стране и с царем в голове...

АРК. АВЕРЧЕНКО
АРК. БУХОВЪ
ИСИД. ГУРЕВИЧЪ
А. РОСЛАВЛЕВЪ
ТЭФФИ

ОСИНОВЫЙ КОЛЬ

НА МОГИЛУ
ЗЕЛЕНАГО
ЗМІЯ

ИЗД. ЖУРНАЛА
НОВ. САТИРИКОН

ОСИНОВЫЙ КОЛ

Аркадий Аверченко

1. Плач на могиле

Позвольте мне, читатель, немного поплакать на вашем дружеском плече. Это не будут обильные, так портящие платье и разедающие материю женские слезы; это не будут кристальные пресные слезы обиженного на две минуты ребенка; это — скучные, мелкие, полусухие слезы взрослого большого человека.

Позвольте мне поплакать, читатель — мой интимный доверенный друг, — знаете о чем? Об исчезновении на Руси пьянства.

— Эко, о чем вздумал плакать человек, — укоризненно покивает головой читатель. — Как не стыдно, право. Радоваться нужно, что пьянству нанесен смертельный удар, а он разливается весенней рекой.

Да я и радуюсь. Честное слово, радуюсь.

Но в то же время чувствую себя немного смахивающим на какую-нибудь злосчастную жену портновского подмастерья или сапожника, — жену, которую пьяный, гнусного вида муж истязал и колотил семь раз в неделю, и, наконец, к общей радости всех соседей и заказчиков, прибрал господь этого потерявшего образ человеческий негодяя-сапожника.

Кажется, радоваться бы надо?

Жена пьяного сапожника, как и я теперь, тоже радуется, что прибрал господь, выкинул из русской жизни пьяного зверя, а все-таки, когда покойника начнут опускать в наскоро сколоченном гробу в могилу, хлопнется простодушная баба оземь и завоет истошным голосом:

— И на кого ж ты меня поки-и-нул? И что же я теперь без тебя, милостивца (?!), делать буду?! И пришла же мне без тебя смёртушка-а-а!!.

Никакая смёртушка ей не пришла, а, наоборот, вернувшись с похорон, заживет баба в сто раз лучше, потому что не будет пьяный дурак обижать ее, не будет раздирать ее сердце своим исковерканным видом...

Все это верно. Но уж так чудно создан русский человек, что даже на свежей могилке палача своего, Малюты Скуратова своего, — всплакнет.

Вот так же, как вдовая жена издохшего сапожника, плачу и я тихими интеллигентскими слезами над трупом издохшего русского пьянства.

Будь ты проклято, анафемское, но, все-таки много в тебе было своеобразной поэзии, уюта и прелести за- костеневшего, сложившегося быта.

Я понимаю, что тоска по погибшей пьяной старине не спасет вдовичного быта, не возродит его, и, поэтому, плачу без всякой опаски: за- рывают покойника, так уж чего там. Позвольте поплакать, право.

Позвольте поплакать о родной русской литературе; тесно нанизаны ее перлы на пьяную нитку, и мерцают эти перлы поярче, пожалуй, других перлов — не пьяных.

И мы понимаем, ценим весь пьяный дух их, а дети наши уже не поймут их.

Половина Гоголя погибнет для детей наших, пропадет вкус этого удивительного писателя — без длинных толкований, объяснений, комментариев...

Будет ли понятно детям нашим гениально-пьяное вранье Хлестакова, если им не знаком источник этого вранья...

А «Ночь под Рождество»? А «Вий»?

Старый казак Дорош делает следующее замечание разине Оверко:

— Смотри, Оверко, ты — старый разиня, как будешь подъезжать к шинку, что на чухрайловской дороге, то не забудь остановиться и разбудить меня и других молодых, если кому случится заснуть.

После этого он заснул довольно громко. Впрочем, эти наставления были совершенно напрасны, потому что едва только приблизилась исполинская брика к шинку на чухрайловской дороге, как все в один голос закричали: «Стой!» Притом, лошади Оверка были так уже приучены, что останавливались сами перед каждым шинком.

Какая дисциплина! Даже лошади, — и те, наравне с хозяевами, втянулись в пьяное дело, хотя и совершенно бескорыстно...

Велик народ, сумевший вырастить и воспитать таких лошадей!

Поймут ли наши потомки души этих лошадей так, как понимаем их мы? Поймут ли они, почему казаки, «заснувшие довольно громко», едва только брика поравнялась с шинком, крикнули все в один голос: «Стой!». Да ведь это целая культура, заботливо выращенная, всосанная с молоком матери целым рядом поколений.

Не поймут этого наши потомки, эти будущие «Оверки, слепые разини»...

Два часа нужно будет объяснять им, в чем тут чудесный аромат, разносящийся от этих строк, как из горлышка откупоренной бутылки старого вина...

Будет ли близок их сердцу так, как нашему, подгулявший мужик Каленик, с его тяжелыми сомнениями — так ли танцуется гопак, или не так? Назовут наши потомки Каленика просто невоспитанным, дурного тона, мужиком, которого нужно отправить в участок за танцы на улице и приставание к девушкам («Эх, вы, замысловатые девушки... А дадите перецеловать вас всех?»).

Позвольте мне немного поплакать...

От Каленика наши потомки отвернутся, а я поцеловать его готов, если он повернулся бы мне под руку...

Ау, Каленик! Где ты?

Нет вас, умрете вы в нашей памяти — и старый казак Чуб, и Солопий Черевик, и много, много других.

Тургеневские «Певцы» — это ряд подлинных жемчужин, нанизанных на крепкую пьяную нитку... Выдерните нитку — и рассыпется этот жемчуг так, что уж никогда никому не собрать его...

Человечество, как и отдельный индивидуум, стареет.

И молодостью его была скачка на роскошно убранных лошадях...

И молодостью его была скачка на роскошно убранных лошадях, битва на шпагах в темно-зеленом лесу, ночевки в трактирах, перелезание в сад при помощи шелковой лестницы, преданность старых слуг, пышный выезд короля, пленник, заключенный в сырое подземелье, безумство, риск головой ради ласкового взора нежной красавицы — и весь этот винегрет был полит целым водопадом пенящегося искристого вина, спутника разгульного молодого человечества.

Стареет человечество.

— На кой дьявол, — думает изнеженное постаревшее человечество, —

буду я, как дурак, скакать по зеленым полям на роскошно убранной белой лошади, тратя на это недели, когда стоит мне только сесть на вечерний курьерский поезд, чтобы после восьми часов крепкого сна на свежей постели очутиться в необходимом мне городе...

Глухою ночью среди мрака и непогоды мчитс я экстренный поезд, заключая в себе несколько сот изнеженных представителей одряхлевшего человечества.

А в прежнее время в этот час сидел бы закутанный в плащ незнакомец у очага придорожного трактира, жадно поглядывая на привешенные к почерневшему от дыма потолку копченые окорока, в то время, как говорливый хозяин жарит на вертеле курицу для грозного нетерпеливого гостя, то и дело хмурящего брови и хватающегося за рукоятку пистолета, украшенного богатой насечкой. И вот уже шипит, распространяя аромат, жареная курица, и уже подана хозяином на стол бутылка какого-нибудь анжуйского или бордоского,

и веселеет взор грозного незнакомца от двух-трех стаканчиков чудодейственного напитка...

Дряхлеет человечество.

Нельзя уже ему пить, как раньше: почки стали побаливать, печень его общечеловеческая увеличилась, подагра к нему подползает, кашель, — и предписал ему общечеловеческий доктор строгую диету и суровый режим: не ездить на белой лошади по изумрудной сырой траве, не есть в придорожных трактирах стряпню говорливого, бойкого трактирщика и, главное, — не пить! Ни одной капли спиртного! Ни одного стакана анжуйского, или ставропольского меду, или доброй хохлацкой горилки...

Нельзя, жалкое вы одряхлевшее человечество! У вас печень увеличена. Вам нужно лечиться электричеством.

А молодое человечество болело печенью только в одном случае: когда недруг ловким ударом кинжала с насечкой протыкал эту печень.

Веселеет взор грозного незнакомца

Что такое пулемет, как не тот же механический экспресс? Второй перевозит сотни людей скоро, верно и дешево с одного места на другое; первый переправляет сотни людей в лучший мир — скоро, верно и дешево.

Удар шпагой, глаз на глаз, после долгой битвы под склоненными ветвями зеленого дуба — это старая благородная картина старого благородного мастера.

Работа пулемета — это берлинская олеография, назначение которой тоже украсить стену дома смерти; но какая это скверная работа! Нет в ней дыхания благородного мастера старой школы...

Одряхлевшее человечество, как всякий старый человек, стало уравновешенно, благоразумно.

Зачем рисковать головой ради улыбки красавицы, когда можно попытаться купить ее. А если дело не сладится, можно пустить в ход другую уловку: постараться забыть ее.

Тем более это так легко теперь, когда вместо молодой горячей крови течет прокислая вода, не подогретая струей кипучего вина (нельзя пить; доктор запретил; печень).

Ни одной капли спиртного!

*Зачем рисковать головой ради улыбки красавицы,
когда можно попытаться купить ее*

Иди спать, старик. Не твое время теперь. Заберет тебя трезвый урядник в трезвую электрическую часть, и будешь ты там, одинокий, непонятый, возиться в уголку за печкой со своим глупым гопаком...

Теперь гопака совсем по другому танцуются; и имя ему другое — танго.

Прости нас, дедушка Каленик, прости своих трезвых внуков. Не до тебя тут, — не путайся, пьяненький, под ногами, не мешай нам строить новую, сытую, благополучную жизнь.

Речь на могиле:

— Милостивые государины и милостивые государи! Кого мы хороним? Кого мы лишили? Зеленого змия мы хороним. Пьянства мы лишили... Дорогой покойник! Ты был нашим спутником, нашим утешителем, вдохновителем и верным другом. Но... «расстаться настало нам время». Мы сделали уже старенькие, слабенькие, и не можем больше выносить твоих могучих дружеских объятий... Кости от них трещат. Печень болит от твоих поцелуев. Руки наши дрожат, и подслеповатые глаза гноятся от твоих услуг. Спи, милый зеленый змий, и пусть твое пьяное жало никогда не высунется из могилы, чтобы поцеловать идущего мимо бодрого юношу или крепкого мужа! Потому что не вынесут они твоих крепких поцелуев, как выносили их прежние люди. Наши бодрые юноши не особенно бодры и наши мужи не так чтобы уж очень крепки... Спи! Без тебя постаревший человек довершит предудказанный ему Предвечным тяжкий земной путь. Гробовщик! Опускайте гроб в могилу... Могильщики! Засыпайте! Плотник! Где плотник? Приготовили ли вы заказанный вам трезвой Россией осиновый кол? Здесь? Благодарю вас! Потрудитесь забить его так, чтобы от земли выдавался конец не больше аршина... На память потомкам! Делайте свое дело, плотник!..

Трезвость так трезвость.

Ясно, что народ будет обстраиваться, богатеть, приобретет электрические сеялки, веялки и сноповязалки... И всем будет хорошо...

Только, может быть, одряхлевший мужик Каленик из «Майской ночи», насосавшись выкуренной тайком в самоваре водки, будет ясным летним лунным вечером бродить одинокий, непонятый, по вымощенной, залитой электричеством, малороссийской улице, будет бродить, пошатываясь и бормоча себе под нос вековую пьяную речь:

— Да гопака не так танцуются! Что же это рассказывает кум? А ну: гоп, трала! Гоп, трала! Что мне лгать, ей богу, не так!

* * *

Считаю своим долгом указать на то, что своими стенаниями я сотряс воздух, именно будучи в той уверенности, что делаю я это на закрытой могиле зеленого змия.

А если вдруг, паче чаяния, покойничек окажется жив и, тут же сидя в первом ряду, прослушает мою о нем хвалебную речь — положение мое будет преглупое, и благодарственный адрес от трактирщиков, поднесенный мне «за особые заслуги», только меня раздосадует.

Так вот. Надеюсь, что русское правительство не поставит меня в такое тяжелое положение.

Потому что поэзия и грусть по пустякам ему не свойственны, а забота о благе русского мужика ему свойственна.

II. Барельеф на могиле

На дне сырого, заросшего лопухами, бурьяном, чертополохом и прочей дрянью оврага, насыпан высокий, осевший курган; курган этот насыпан над могилой русского Зеленого змия. И овраг весь, поэтому получил название «Змеиного»; а раньше он назывался «Волчьим». Овраг одной стороной соприкасается с Трупной балкой, разделяющей поселок Белогорячечный на две части.

Курган в «Змеином» овраге никем не посещается, кроме опухших записных пьяниц, приползающих сюда лунными холодными ночами, чтобы попить на могиле своего дьявольского батки, подражаться друг с другом и подышать спиртным запахом, выделяющимся из болотистой почвы...

Лица у пьяниц светло-зеленые, вероятно, в честь своего патрона, глаза мутные, болотного цвета, и, когда все эти зеленые пьяницы вступают в драку, то свалаявшись в один грязный тусклый комок, наносят друг другу глубокие раны осколками бутылок. Острое стекло, как нож в киселе, разрывает дряблые, рыхлые ткани алкоголических тел, а пьяницы воют, хрипло смеются и плюют друг на друга.

Невесело.

На могиле Зеленого змия, как на всякой могиле нужно поставить памятник.

Предлагая это, я отнюдь не преследую каких-нибудь сантиментальных целей, не собираюсь миндальничать на манер семипудовой купчихи, которая воздвигает над могилой мужа семипудовый монумент, причем на фасаде приказывает написать:

«Оставил одну неутешную меня тут.
Жду не дождусь, когда и мне будет капут».

Идея постановки памятника над могилой Зеленого змия должна иметь чисто практический характер: из-под тяжелого куска гранита ему не так легко будет сно-

ва выбраться на свет божий. Правда, в могилу забит довольно солидный осиновый кол, но этого мало. Старые люди категорически утверждают, что некоторые хлопотливые ведьмы, даже пронзенные этим осиновым колом, ухитрялись выползти из могилы, карабкаясь по колу, как проворный матрос по призовой мачте, во время народного гулянья.

Итак, на могилу Зеленого змия нужен большой памятник, высеченный из дикого камня, а по четырем сторонам его должны красоваться медальоны-барельефы, изображающие лица четырех типичных детей Зеленого змия: Ваню Косолапова, Гришу Утятину, Афанасия Чемерицу и Неизвестного Москвича.

Почему выбор остановился на них? Потому, что в них с ослепительной яркостью отразились все четыре характера, четыре темперамента всякого вообще пьяного человека.

Обдумывая вопрос об украшении барельефами могилы Зеленого змия, я сначала обратил внимание на связь между профессией и характером опьянения, и, поэтому, решил остановиться на таких четырех медальонах: актера, чиновника, извозчика и купеческого сына.

Но это оказалось неудобным: несмотря на всю типичность каждого в отдельности, свойства одного роковым образом оказывались вкрапленными в виде мелких частиц в характере другого.

Чище всех оказался тип актера.

Обращали ли вы внимание на то, что, напившись, всякий актер стремится, прежде всего, вызвать к жизни какую-нибудь драку, побоище, одним словом, членовредительство? Планы его в этом случае совершенно бескорыстны, потому что ему решительно все равно: он ли поколотит, или его поколотят. «Главное, — думает он, — чтобы в мире появились вызванные из небытия несколько оплеух, затрещин и подзатыльников, а я ли их отвешу, или мне чья-нибудь дружеская рука отвесит их, — для мировой гармонии это безразлично»...

...кажется мне вчера попало от кого-то...

Самый лучший драматический актер или опереточный комик относятся к получению затрещин в пьяном виде с улыбкой резвого ребенка, поймавшего на зеленом, залитом солнцем лугу пеструю бабочку: поймает ребенок бабочку и тотчас же о ней забудет...

Так и актер:

— Послушай-ка, — спросит он приятеля, рассматривая на другой день в зеркало свое опухшее лицо, — кажется мне вчера попало от кого-то?

— Попало, — подтверждает приятель, закуривая папиросу.

— От кого бы это?..

— Да от меня же. Я тебя два раза проштемпелевал довольно основательно.

— Ты? Неужели? За что?

— Мне не понравилось, как ты себя

держишь: повалил благородного отца на пол и стал бить его по животу граммофонной трубой. Я тебя и того... попотчивал.

Долго смотрит пострадавший на свое лицо, потом откладывает зеркало в сторону и кивает головой:

— Здорово ты это... Впрочем, сегодня я в спектакле не занят. Дай-ка папироску. Читал, как Окулькова выругали нынче?

Установив с непреложностью эту типичную актерскую черту, я сейчас же заметил, что ее можно обнаружить в виде тонкой прослойки и в купеческом сыне. Правда, купеческий сын любит, чтобы его в пьяном виде «уважали», но и извозчик любит в пьяном виде всеобщее уважение и восхищение его извозчичьей персоной... Правда, извозчик любит в подпитии прослушать жалостную песню и поплакать немного над своей загубленной молодостью, но это же свойственно и чиновнику.

Вот почему я забраковал связь между профессией и характером опьянения...

И вот почему я остановился на четырех резко выраженных индивидуальностях, на четырех определенных лицах, на четырех пьяных людях: Ване Косолапове, Грише Уятине, Афанасии Чемерице и Неизвестном Москвиче.

Наблюдать мне пришлось их при исключительно благоприятной обстановке (сам я ничего не пил, сидя в стороне), и, поэтому, все четверо произвели на меня исключительно свежее впечатление своей простотой и непосредственностью.

Изображу все их разговоры и поступки со стенографической, с кинематографической точностью.

* * *

Начинается с того, что все четыре «барельефа на могилу Зеленого змия» сидели за столом в отдельном кабинете ресторана и, только что налив по первой рюмке, чокнулись и выпили.

— Эх, — крикнул Неизвестный Москвич, — хорошо!!

— Чрезвычайно приятно выпить рюмочку, — согласился Афанасий Чемерица. — Как ты находишь, Косолапов?

— Что ж, — уклончиво согласился спокойный Косолапов. — Рюмка не вредит.

— И другая не повредит, — шумно рассмеялся Неизвестный Москвич. — Наливай, Чемерица.

— Мне что ж, я налью. За ваше здоровье, братики. Э, э! Ты, что же Ваня, неполную. Нет, уж ты выпей до конца.

— Ну, что ж, — сказал Косолапов. — Вместе со всеми и выпью.

— Нет, нет, так нельзя. Пей сначала то, что не допил, а потом я уж всем налью.

— Выпил? Ну, вот так... А ты что же над своей рюмкой нос повесил?

— Я выпью.

— То-то. Ну, господа, еще по одной?

— Ты уже выпил?

— Выпил.

— А почему же у тебя рюмка полная?

— Это Чемерица сейчас налил.

— Врешь, врешь! Зачем бы Чемерице тебе одному наливать? Он бы всем налил.

— Он всем и наливал. А я свою раньше выпил, так он мне не в счет и налил.

А почему же у тебя рюмка полная?

— Нет, это ты сжальничать хочешь.. Ну, мы сейчас разберем: которую мы рюмку пьем?

— Третью.

— Врешь, четвертую. Еще первую Чемерица семгой закусил, вторую — жареным грибочком с луком, третью салатом из омара...

— Ан вот и попался! Омара-то даже и на столе нет.

— Ну, уж я не знаю, чем он там закусывал, а только ты должен эту рюмку выпить.

— Нет, пусть и все выпьют.

— Ваня! Не передергивай.

— Да что вам такое — меньше я одной выпью или больше.

— Как что такое?—ахнули остальные трое.— Вот это мне нравится?!

— Ну, ладно... Уговорили.

— Вот молодец. Афанасий, прошлый раз ты наливал, теперь пусть Гриша нальет.

— Извольте, — сказал Гриша. — Э, э, брат! Ты чего же это по полрюмки оставляешь?! Так нельзя. Допей!

— Да я...

— Ничего там не «да я». Допивай.

— Вот, а теперь можно и налить. Ваня! Что же это и у тебя чуть не половина остается... Так нельзя.

Для читателя этот разговор покажется несколько однотонным, лишенным всякого разнообразия, но действующие лица купались в разговоре, как рыба в воде, со вкусом подавая каждый свою реплику:

— Да я только-что выпил.

— Ну, да... Морочь кому-нибудь другому голову. Ну пей, не задерживай очереди.

— А ты, Гриша, — печально, с болью в сердце прошептал Чемерица, — опять оставляешь чуть не половину рюмки? Так нельзя, Гриша. Неблагородно.

* * *

После третьего графинчика эти бесцельные разговоры понемногу сократились, дав место разговорам более содержательным, в которых, как водоросли в прозрачной воде, стал просвечивать, проглядывать темперамент и характер каждого пирующего.

— Эх, Утятин, — неожиданно хлопнул друга по плечу Неизвестный Москвич. — Чего, брат, зажурился?! Все хорошо. Выпьем, как говорят хохлы, помьянемо родителей, тай будь воны прокляти!

Гриша Утятин вдруг откинулся на спинку стула и, растягивая слова, произнес немного в нос:

— Виноват, я прошу моих родителей не трогать. Можете о своих отзываться, как вам угодно, а моих... Одним словом, считаю ваши слова бестактными и неуместными.

— Ну, Гриша, брось. Я же пошутил.

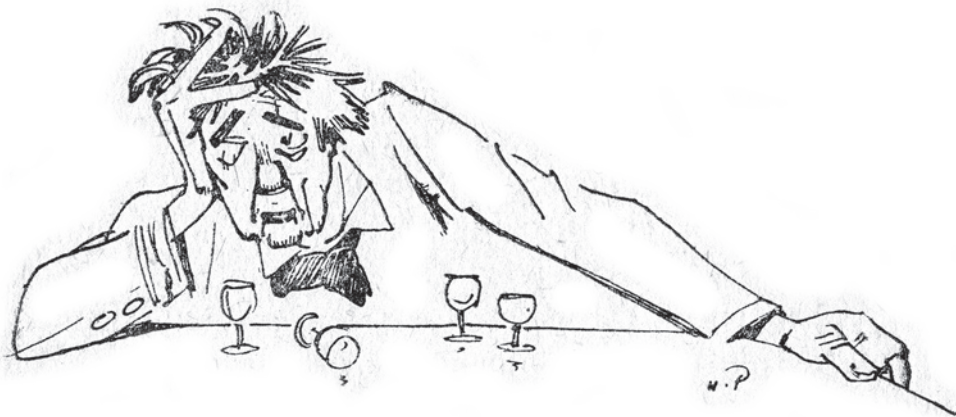
— Нужно знать, с кем и как шутить, — значительно заметил Гриша.

— Вот... действительно, — печально прошептал Чемерица, продырявливая пробкой кусок хлеба. — Этого только и не доставало... И так жизнь не красна, всюду запустение, дороговизна, а тут еще эти ссоры. Господи! И без того плакать хочется, а вы...

— Милый! — всполошился Москвич. — Что с тобой? С чего это все? Брось! Смотри, солнышко светит, птички разные прыгают.

— Птички, конечно, прыгают. А нам, брат, радоваться нечему. Всюду зло, людишки дрянь.

Удар кулаком по столу прервал его слова.

...всюду запустение, дороговизна...

Гриша, привстав со стула, качнулся к Афанасию Чемерице и, глядя на него исподлобья покрасневшими глазами, зловеще спросил:

— Виноват, это вы о ком же?

— Да ни о ком я. Вообще, говорю. Выпей, брат, лучше... Плохо, брат, все, омерзительно.

— Нет-с, виноват... Вы вот сказали: «людишки дрянь»... Это вы на кого намекали? Почему вы на меня взглянули, когда говорили это?

— Бог с тобой, Гриша, — заплакал Чемерица. — За что ты меня обижаешь?

— Нет-с, я так этого не оставляю!! Если всякий мальчишка и щенок...

Голос его попал в тон оконному стеклу, и оба тонко надтреснуто зазвенели: и голос и стекло.

— Братцы, господа! — надрывался Неизвестный Москвич. — Ну, что там, ну, чего там!.. Все вы хорошие, все вы замечательные люди; из-за чего ссориться, что делать? Обнимемся, как братья, поцелуемся, как сестры. Мы все молодые, красивы...

— Виноват, — насторожился Гриша. — Что вы этим хотите сказать? Это насмешка! За это, милостивый государь, в порядочном обществе...

— Как тяжело, о боже, как тяжело, — застонал Афанасий, схватившись за голову. — Всюду интриги, подкопы, дразги. Люди озверели. И вот я спрашиваю сам себя... Стоит ли жить?.. Не лучше ли...

— Афанасий, — с неистовой восторженностью воскликнул Неизвестный Москвич, забыв уже о своем препирательстве с самолюбивым Гришей. — Афанасий! Неужели, ты не чувствуешь всеми фибрами, что вот ты, Афанасий, жив, что всюду птички, что тебя любит начальство! Афанасий, да ведь жизнь хороша, ведь! Ведь вот сейчас подадут пельмени, и пельмени ведь хороши и даже все хорошо, и даже то хорошо, что Гриша на меня обиделся: это доказывает, что у него... как это... неза... независимый — вот! — независимый самолюбивый харак...тер! Ах, господа!..

— Прошу вас меня не касаться, — закричал обиженный до глубины души Гриша. — Я понимаю, что стою вам поперек дороги, и вы роете мне яму!! Вы думаете, не понимаю? О-о, не беспокойтесь! Насквозь вижу!.. Довольно! Раскусил!..

— Гриша! Брось. Ну, дай, я тебя поцелую. Афанасий, ну, зачем ты плачешь?! Да что же это такое, господа? Косолапов! Ну, дай я тебя поцелую! Ведь я же тебя люблю же, Косолапчик мой.

Удивительнее всех было поведение Косолапова... Он сидел спокойный, сосредоточенный и, нахмутив густые темные брови на бледном лице, не отрываясь, глядел в угол. Изредка только лицо его прояснялось, и он добродушно поглядывал на трех друзей.

— Вот мы едим котлеты из мяса... — прошептал Чемерица. — А из-за этого, может быть, корову убили... Чем она виновата?..

— Эх, Афанасий, — подхватил Неизвестный Москвич. — И коровка не виновата, и мы все не виноваты. Вино пенится, добрые друзья меня окружают, начхать нам на коровку. Эх, всех мне хочется, всех вас перецеловать, родные мои! Даже этого молчаливенького Косолапова...

Косолапов с непроницаемым видом покачал головой...

— Даже плакучего Афанасия, даже этого ворчуна Гришеньку...

— Что вы этим хотите сказать? — взревел Гриша. — Я не позволю издеваться над собой!! Я — я...

И страшный, молчаливый, ринулся в середину оторопевших друзей

— Нет счастья в сердце моем, — всхлипнул Афанасий. — Эх, Косолапов... Тяжело, а от тебя я не слышу ни слова утешения. Молчишь ты.

Спокойный, сосредоточенный Косолапов вдруг зашевелился, медленно поднялся с дивана, размахнулся и, стиснув зубы, ударил ликующего жизнерадостного Неизвестного Москвича.

— Ваня?? — простонал Москвич. — За что же...

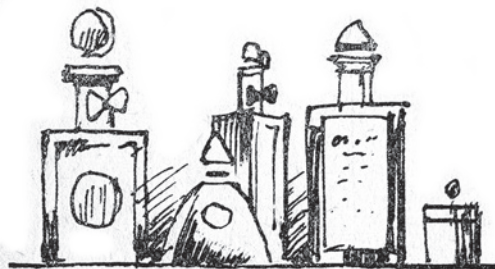
— Эх, — крикнул Косолапов, разминая могучие плечи. — Я вас всех тут расчесу, как следует!

И страшный, молчаливый, ринулся в середину оторопевших друзей.

И из свившегося клубка четырех тел донесся только звонкий голос Гриши:

— Что вы хотите этим сказать?! Вы не смеете драться! Я протестуюсь!..

Спит сейчас Зеленый змий... И пусть украшением его монумента будут барельефы четырех друзей — четырех пьяных характеров, четырех пьяных темпераментов.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ПЬЯНСТВА

Аркадий Бухов

Предисловие

Первым человеком, создавшим из пьянства веселую историю, вместо того, чтобы отнестись к ней критически, был один из самых несимпатичных сыновей Ноя. Рассказ Хама, в семейном кругу, начинавшийся словами: — прихожу это я к папашке, а он лежит эт-то... — оказал растлевающее влияние на творчество последующих поколений, и о пьянстве до нашего времени говорили и писали только в связи с поведением субъектов опьянения, причем человек в смокинге, сидящий на блюде от ветчины или втыкающий окурок в сливочное масло, олицетворял собой весь этот сложный вопрос. Я взял на себя смелость дать здесь краткую историю пьянства от его первоначального возникновения до нашего времени, так сказать от виноградной лозы до рецепта доктора, извиняясь заранее за некоторую неполноту и несистематичность сведений.

Приношу благодарность друзьям и знакомым, давшим мне возможность на опыте проверить некоторые из моих основных положений о пьянстве и его последствиях.

Всемирная история пьянства. Доисторическое время

В доисторическое время, когда жизнь первобытного человека была неразрывно связана с ихтиозаврами и мамонтами, почти не существовало таких причин, которые влекут за собой острое или длительное пьянство.

Литературных неудач, при отсутствии грамотных людей, не было, хотя наиболее разбитные из пещерных людей уже поговаривали об открытии литературного ресторана; семейные же неудачи устранялись более простым и безболезненным способом.

Уличив в измене жену, муж приходил к любовнику и под тенью доисторического дерева расспрашивал о подробностях.

— Охота тебе было связываться.

— Сам понимаю, да уж теперь поздно, — огорченно оправдывался любовник, — я тебя, впрочем, не виню, сам на себя пеняю...

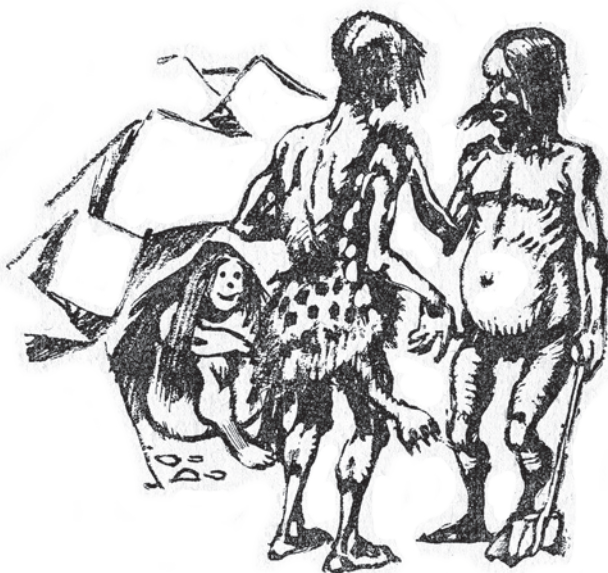
— Нет, уж ты меня не оправдывай. Не усмотрел, моя вина... Мне она порядком поднадосла.

— Товарищу свинью подкладываешь? Неприлично это...

— Ну, уж ты не сердись... Мы как-нибудь уладим...

После получасового разговора они шли к общей жене и, не заставляя несчастную женщину подыскивать неправдоподобные объяснения, убивали ее большим камнем.

Закрепив этим первобытным образом дружбу, они ложились на горячий песок кверху животами и говорили о мудрости природы. Приятный тропический климат доисторического времени сильно способствовал мягкости нравов.

Товарищу свинью подкладываешь?

Не наталкивало на мысль о пьянстве и внезапное разорение, так как в этот разбираемый нами период, человек, нашедший в лесу слоновый клык, оброненный неосторожным животным, считался хозяином экономического положения; если же он не отказывался пожуировать с кем-нибудь в дупле большого дерева, заменявшего в то время гостиницы для г.г. приезжающих, в свежесодранной шкуре редкого животного — о нем говорили как о лучшем женихе целого поселения.

Первый человек, минуя уже упомянутого нами в предисловии Ноя, напился неожиданно — случайно. Это был пожилой, совершенно уравновешенный мужчина, занимавшийся грабежом и поджогом соседних поселков. Всегда спокойный и немного замкнутый, в одно утро он явился в свою хижину и заявил, что ему очень весело. Испуганная жена созвала соседей с просьбой посоветовать, что ей делать с мужем, которому очень весело.

— А что он там, ничего? Не дерется? — спросили соседи.

— Да ничего кажется... Смотрит на ногу и смеется... А от самого пахнет чем-то...

Когда соседи предложили ему выйти из хижины, он категорически отказался.

— Не могу. Ноги не ходят. К тому же, зачем шесть человек ко мне ввалилось...

— Ничего подобного, нас всего трое, — обиженно ответили соседи.

— Как ничего подобного?.. — немного неровным языком ответил тот, — а вот: раз... два... восемь... четырнадцать...

— Честное слово нас трое... Тебе может быть нездоровится?

— Спасибо, уже видел. Сначала я его, потом они к нам...

— Кто они?

— Завтра утром. Пятое дерево...

Жена и соседи решительно отказались вступать в дальнейший разговор.

— Это на него третьего дня мастодонт наступил, — смутно догадалась жена, — может от этого?

Этот человек, съел очень много винограда

— Если это на сладкое, то ты рано подала, если же это обед, то я вышел уже из того возраста, когда бывают сыты двухгодовалым тигренком...

И даже похлопав по плечу своего первенца, скелет которого в наше время показывают в одном из лондонских музеев рядом с пожарной лестницей, назвал его малышом и козявкой.

После многочисленных вопросов заинтересованных лиц, выяснилось, что перед наступлением странного состояния, этот человек, съел очень много винограда.

— От зелени, должно быть, — высказал он сам предположение, — с корнями я кустик-то съел...

С этого решающего момента все набросились на виноград, ягоды которого в то время достигали несоразмерно большой величины. Человек подходил к виноградной чаще, объедал ягоды и ложился тут же спать. Утром он начинал объедать снова, изредка хвастаясь между товарищами:

— Я сегодня на четыре сажени вглубь проелся.

Жизнь пошла по несколько иной колее. На деловые заседания целого племени, молодые люди приходили только что оторванные от виноградника, и срывали все разумные постановления. Скромные люди, ведшие до этого трудовую жизнь, просыпались все чаще и чаще в чужих хижинах, путая своих и чужих детей. Дело дошло до того, что один из старейшин племени, принесенный на важное заседание с недоеденной виноградной веткой, уныло торчавшей изо рта, заявил, что не может больше исполнять своих прямых обязанностей вождя поселка, так как чувствует себя матерью.

Стало развиваться первобытное виноделие; сначала, конечно, в технически слабом виде. На виноград, сложенный в большую небьющуюся посуду, сажали тщательно вымытого старейшего из рода, после чего почти сейчас же подавали на стол. Нефальсифицированный виноградный сок многим доставлял удовольствие. Наиболее тяжелые из старейших приглашались и в другие семьи для спешного приготовления вина.

Ничего постыдного в пьянстве первобытный человек не видел и говорил об этом открыто.

— Зайди ко мне, — приглашал его кто-нибудь из соседей, — поговорим. Ко мне, кстати, удав заполз: посмотрим...

— От этого веселым не бывают, — отверг эту неудачную гипотезу один из соседей, — в прошлом году одного нашего буйвол затоптал, так он совсем не такой был...

На другой день странный человек появился в прежнем виде. Он ел, как все, кору с дерева, гонялся с палкой за какой-то обезьяной и не только не видел все в двойном количестве, но, наоборот, вернувшись домой, сказал с непередаваемым сарказмом жене по поводу искусно зажаренного тигренка:

— Не могу, — подумав, отвечал тот, — я сейчас иду напиваться... Может, и ты пойдешь.

— Пойдем, пожалуй... Я люблю это самое.

В ответ на скучный вопрос о здоровье жены и детей, первобытный человек прямодушно бросал вскользь:

— Спасибо, ничего. Сейчас все пьяные лежат. Заглядывай как-нибудь на пуд винограда. Знакомые будут...

Так мирно протекало пьянство в доисторическое время.

Всемирная история пьянства. Древний мир

В древнем мире пьянство имело почти такие же формы и разветвления, как и в наше время. Единственная разница в способе употребления вина — разбавление его с водой (греческий способ) всецело принято современными виноделами, что же касается способа освобождения себя от излишне выпитого алкоголя (римский способ) то в обществе, не скованном светскими приличиями, он и до сих пор считается одним из излюбленнейших приемов. Пили греки полулежа; поэтому ни об одном из греческих кутил даже самые злые языки не говорили, что он свалился с ног от вина. Его просто подменяли другим человеком, так как соседям было лень повернуться и посмотреть, с кем они имеют дело.

Греческие мудрецы, которые ходили по улицам и говорили афоризмы, не раз публично выступали по вопросам о пьянстве.

Так при большом стечении народа, любимейший ученик Солона, желая показать собравшейся толпе мудрость своего учителя, обратился к нему со следующими словами:

— Учитель. Я хочу идти выпить.

Несмотря на неожиданность этой фразы, Солон не смутился и, немного подумав, ответил:

— Иди и выпей.

Греки были настолько поражены мудростью своего философа, что ввели его философию в жизненный обиход. Так, если грек греку говорил о том, что он собирается уезжать, тот отвечал:

— Иди и выпей.

— У меня умерла жена.

— Иди и выпей.

— Посмотри, какое сегодня небо...

— Иди и выпей.

— Не знаю прямо, что с тобой делать... Опять ты не отдаешь долга...

— Иди и выпей.

Пили древние люди всегда сообща. Трудно себе представить римлянина в белой тоге, который бы пил один в какой-нибудь скверной меблированной комнате, и уверял знакомых, что он пишет роман для иллюстрированного еженедельника. Даже извозчики, которые в наше время пьют, отступив законных четыре шага от места продажи питей, в Риме пили возлежав и из больших фиалов. Для нас мало убедительна хотя бы такая фраза:

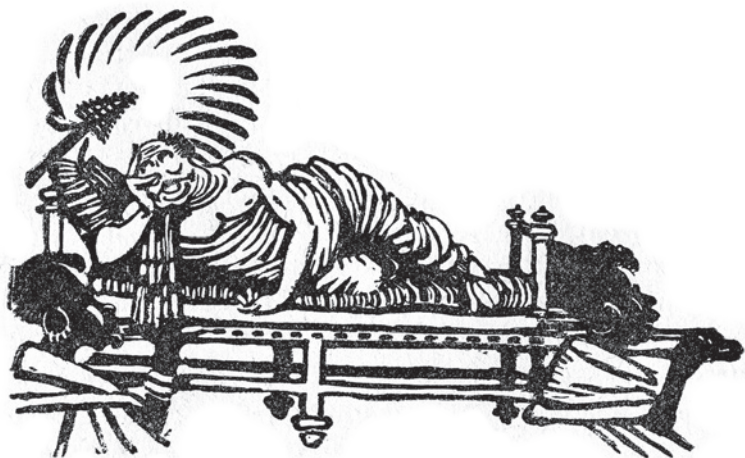
— Ломовой извозчик поднес фиал к губам и отпил глоток нектара; благородным движением откинув плащ, он выпил еще кубок амброзии и сел на козлы.

Но в Риме это было обычным явлением.

На пиршествах Нерона упивались — как говорят историки — все поголовно. Если какой-нибудь из патрициев случайно захватывал с собой собаку, то этикет требовал, чтобы и она не уходила домой трезвой, а выбегала из дома пьяной и заводила ссоры с хмурыми и трезвыми псами других древних римлян. Результаты таких попок не могли, конечно, не оказать дурное влияние на общественную жизнь, и в древнем мире не вызывали публичных скандалов даже такие факты, как ввод Калигулой своей лошади в сенат, некрасивый поступок Алкивиада, отрубившего хвост собственной собаке или хотя бы поджог Геростратом храма Дианы в Эфесе.

В нашем веке если пьяный человек введет лошадь не то что в присутственное место, а на вечеринку к хорошо знакомым людям, отрежет хвост хозяйскому коту и подожжет окурком давно не стираную занавеску — даже и это вызовет шумное и активное неодобрение со стороны окружающих. Между нашей и древней культурой лежит громадная пропасть.

В древнем Риме пьянство достигало таких размеров, что патрициев выносили из дома и приносили домой на носилках.

Патрициев выносили из дома...

Иные способы доставлять их в нужное место не могли быть применены. Будучи всегда в нетрезвом виде, римская знать решительно отказывалась отвечать за свои поступки, а упомянутый уже Нерон, в пьяном виде поджегший Рим, где он долгое время был туземцем, даже прославился из-за этого факта, ныне караемого по одной из статей Уголовного Уложения.

Из сборников анекдотов о древних римлянах можно видеть, что пьяному римлянину позволялось говорить все, что угодно, к кому бы это ни относилось. То, что в наше время называется оскорблением словами, в то время объединялось под общей рубрикой: изречение.

Во время пиров у своих властителей, пьяные римляне старались наговорить возможно более неприятных вещей хозяину дома и его близким.

— Пейте это вино, — предлагал Цезарь, Октавий или Помпей, — оно старо и его пора уничтожить.

— Оно напоминает тебя, — равнодушно вставлял кто-нибудь из гостей, — ты тоже стар и тебя пора уничтожить.

— Принеси цитру, — приказывал повелитель, — я буду услаждать слух гостей.

— Захвати и ваты, — цинично замечал внезапно проснувшийся гость, — наши уши слишком открыты.

— У вас вообще длинные уши, — вежливо добавлял повелитель, — я это давно заметил...

— Наверное с того момента, — пробовал догадаться какой-нибудь облезлый патриций, — как мы тебя посадили на трон...

Желая дать краткое резюме прениям, свежий человек, еще не успевший войти в курс дела, прибавлял:

— Сами посадили, сами и столкнуть можем...

Если хозяина дома изречения не занимали, римляне переходили к обычной светской болтовне...

— Может быть, тебе скучно с нами, Публий? — спрашивал Помпей одного из приглашенных пьяниц, — рабы оседлают тебе лошадь, и ты можешь ехать домой. Я буду рад развлечь тебя этим.

— Боюсь, что моя лошадь убежала, — отвечал Публий, — испугавшись безобразия твоей жены.

— Я видел одного нумидийца еще безобразнее, чем моя жена, — весело усмехался хозяин дома, — он тебя называл сыном.

— По отношению к тебе эта честь досталась псу, выпоротому моими рабами за воровство, — неожиданно заканчивал Публий.

Историки говорят о существовании в Риме особых царедворцев номенклаторов, обязанных знать всех, кто встречается на пути императора и докладывать об их именах. Мое мнение, что и номенклаторы были введены исключительно в видах безинтервального пьянства римских властей.

— Виноват... А как фамилия этой женщины, что сейчас прошла и даже не поклонилась... Номенклатор! — тупо спрашивал повелитель, высовывая голову из паланкина.

Номенклатор беспомощно оглядывался по сторонам и почтительно отвечал:

— Это простой мул, повелитель... Это не женщина.

— Скажи пожалуйста... То-то идет и ничего... А почему у него усы?

— Это у меня усы, повелитель... А меня зовут Лупий Брас.

— Ну, хорошо... Дай ей пять сестерций...

— Кому, повелитель?..

— Женщине этой... Вот которая прошла тут... Нет женщины — и не надо... А мою фамилию знаешь?..

— Ты Октавий Гордый, повелитель...

— Гордый? А почему я Гордый... Что? И родители у меня были такие? Ну, вели, чтобы мне тоже выдали пять сестерций...

Номенклаторы в силу их профессиональной привычки помнить все фамилии, часто-часто помогали правителям в разрешении самых трудных вопросов, когда правители под нетрезвую руку посылали своим любимцам приказ об аресте — вместо перстня, или благодарственной грамоты.

— Кай Юлий Цезарь, — докладывал раб, — к тебе пожаловал друг твой Марк Ливоний...

Папа, отдай меня в илоты

ходе, я пожалел, что тебя еще не повесили.

— По отношению к тебе я сделал это значительно раньше, — приветливо отвечал тот, чокаясь бокалом.

Пили римляне везде, за исключением сената, куда приходили уже пьяные. Благодаря отсутствию законов о появлении в публичных местах в нетрезвом виде, пить можно было где угодно. Одиноким людям просто ложились на крыльцо у дома и ждали случайных прохожих, расставив на тротуаре бокалы и соответствующую вино закуску. Иногда одинокому человеку надоедало дожидаться, и он уходил погулять по городу, твердо зная, что при его возвращении он найдет у крыльца малознакомую, но приятную компанию из людей, желающих выпить. При появлении шестого сосуда, или меха вина, все знакомились и мило проводили двое суток.

Краткий очерк пьянства в древнем мире можно свободно закончить, упомянув еще о так называемых илотах. Илотами назывались некрасивые молодые люди низшего слоя, которых напавали до потери человеческого вида, для того, чтобы молодые люди высшего слоя могли наглядно видеть безобразие пьянства. Результаты получались совершенно противоположные. Молодые патриции после двухчасового осмотра илотов, шли к родителям и здесь остро сталкивались психология отцов и детей:

— Папа, отдай меня в илоты.

— В илоты? Ты сын римского гражданина... Ты, сын человека, который...

— Ну что там — который, который... Хочу в илоты... У нас целая компания подбралась... Целый день тебя поят, а у тебя забота одна — напиться... Пусти в илоты...

Родовитым патрициям удавалось останавливать детей от безрассудного поступка только отсылкой их в действующую армию для осады какого-нибудь галльского города, где их вскоре убивали.

— Разве его еще не повесили? — изумлялся Кай Юлий.

Тогда номенклатор докладывал Цезарю, что повесили Бруция Пелопонесского, а не Ливония.

— Вечно я фамилии перепутываю... Перевесить нельзя? Этого бы повесить, а того сделать другом?

— Поздно.

— Ну, ладно... Зови моего друга, пусть входит...

Немного позже, когда фалернское вино удобно размещалось в желудках двух сотен гостей, Кай Юлий Цезарь весело шутил с Ливонием:

— Знаешь, Марк, когда мне доложили о твоём при-

Всемирная история пьянства. Средневековье

В средневековье с пьянством интенсивно боролись монашеские ордена. Один из них настолько надоедал пьющим, что впоследствии был даже назван иезуитским.

Испанская инквизиция, боровшаяся с испорченностью нравов всеми мерами, вплоть до отправления нераскаянных людей в лучший из миров целыми пачками, работала над искоренением пьянства не покладая рук.

— Ты что же это, пьешь? — хмуро спрашивал инквизитор в каком-нибудь из подвалов, которые так охотно в наше время разбираются под помещения литературных кабаре с продажей крепких напитков распивочно и на вынос.

— Никак нет, — робко отвечал испытуемый, — где же это видано, чтобы пить можно было...

— А почему это от тебя винищем пахнет?.. — допытывался инквизитор.

— Иду это я, вдруг вижу, человек один идет... Ну, я ... значит... и говорю. А он смотрит и говорит... — пытался оправдаться средневековый человек.

Инквизитор холодно смотрел на несчастного и после двух минут резко прерывал его неожиданным вопросом:

— Какой номер носишь?

— Шапочку?

— Не шапку, а калоши.

— Одиннадцатый. Только я тут не при чем...

— Принести сюда железные сапоги! — приказывал инквизитор.

На ноги средневекового человека надевали железные сапоги и, медленно закручивали винты, предлагали продолжать рассказ дальше...

— Пьешь?

— Пью. Честное слово, пью. Все пьют, — жалобно ныл человек в железных сапогах, — и он пьет.

— Кто пьет?

— Сосед мой. Каждый день, к вечеру...

— А еще кто?

— Ой-ой... Многие пьют. Тетка пьет... Детей приучает...

Через два часа после допроса раскаявшийся человек получал полную свободу; хоронили его на казенный счет спустя два дня. Что же касается лиц, краткую биографию которых он набросал во время допроса, то некоторые из них даже оставались живыми.

Конечно, средневековые люди, жившие здоровой трудовой жизнью, быстро свыкались с привычками инквизиции и, надевая железные сапоги, пытались даже ссориться из-за фасона уступленной им на время допроса обуви. Такими мерами с пьянством бороться было трудно.

Не пили в средневековое время только крестьяне, которые во многих местах западной Европы даже не ели. Единственным их развлечением было платить подати владельцам городов и поместий; благодарные владельцы за это снисходили к насущным потребностям своих подданных и в минуты хорошего настроения поджигали селения, предоставив преданнейшим из поселян право быть повешенными заранее.

Остальные пили все.

Рыцари жили в больших замках, где одна комната была отведена его хозяину, соседняя — лошади, жена спала в прихожей, а остальная часть замка отводилась под винохранилище. Слуги дрались у стен замка с врагами и помещений не имели.

Пили рыцари, не снимая доспехов. Так как из стальной одежды было выбраться трудно, то рыцарь, напившись, засыпал тут же за столом и просыпался только на другой день от жажды.

В нетрезвом состоянии странствующие рыцари часто меняли имена своих возлюбленных, из-за чего происходило много ненужных ссор:

— Ты уверяешь, что твоя Кунигунда лучше моей Эсмеральды? — привязывался во время попойки один странствующий рыцарь к другому.

— Уверяю, — тупо бросал тот, — выпьем еще...

— Выпить выпьем, только твоя Кунигунда лысая.

— Кто сказал лысая?

— Я сказал лысая. Кунигунда.

— А от твоей Эсмеральды табаком пахнет...

— Это ты врешь... Твоя Кунигунда может быть и очень почтенная девушка, может быть она и очень красивая, очень добродетельная, очень добрая, очень ласковая... Это ты о ней сказал, что она лысая?

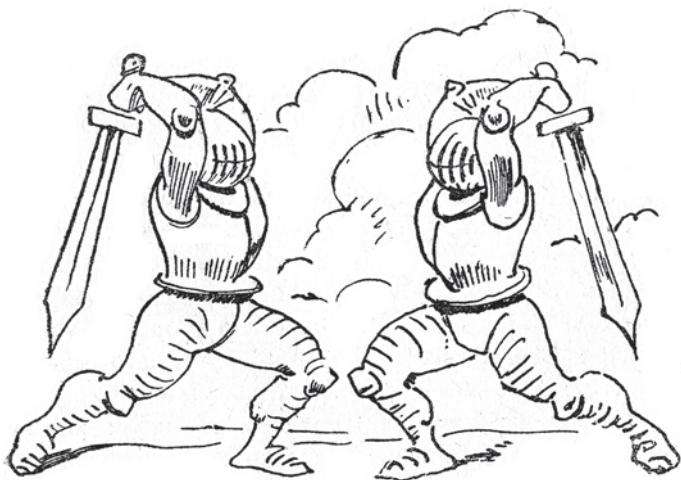
— Я... А от твоей Эсмеральды табаком пахнет.

— погоди, теперь же средневековье и табака еще нет, — как же можно так говорить?.. погоди, откроют табак...

— Все равно пахнет...

Начиналась драка.

Во время одного из нападения первый рыцарь вдруг останавливался, приподнимал забрало и спрашивал:

Начиналась драка

— Скажи, пожалуйста... Если я не ошибаюсь, ты дерешься со мной из-за Эсмеральды?

— А если так?

— Так Эсмеральда моя дама, а не твоя...

— А Кунигунда чья?

— Кунигунда твоя. Я не оспариваю.

— Чего же ты раньше не сказал?

Рыцари прекращали бой и снова шли пить вино, отнятое у проезжего купца, лежавшего где-то рядом в канаве. Через полчаса странствующие рыцари снова дрались за какую-то Брунгильду, которая после мирных переговоров оказывалась горничной некой Жуанетты, была любовницей чужого оруженосца и никакого отношения к обоим рыцарям не имела.

На почве пьянства происходила в то время масса и других фактов, сильно влияющих на общий темп жизни. Международные осложнения в это время подвергались самым различным переменам и внезапным колебаниям в ту, или иную сторону, только благодаря отсутствию у послов разумного чувства трезвости. Чиновники дипломатических ведомств, при первом же появлении послов зазывали их в отдельные помещения, чтобы на средства отпускаемые казной, постараться их напоить.

— Мы не пьем, — неуверенно отнекивались послы.

— Конечно, послы неприкосновенны, — обиженно отвечали чиновники, — даже если они нарушают основные обычаи страны, но все-таки...

— Ну, если это у вас обычай, — облегченно вздыхали послы — можно и выпить. Пили, как утверждают многие из историков, четверо суток, считая рабочим временем двенадцать часов. На пятые сутки послы просыпались в незнакомой обстановке и спрашивали прислужника:

— Где мы?

Получив необходимые сведения, послы осторожно спрашивали:

— А зачем мы здесь?

— Послами будете, — вежливо отвечал прислужник, — король ваш Франциск послал вас к королю нашему Карлу...

— А ты это верно знаешь?

— Да уж поверьте...

После этого послы снова садились пить и когда начинали чувствовать себя достаточно решительными, шли на аудиенцию к королю.

Приветственная речь, которая в то время занимала не меньше двух пудов хорошего пергамента и заучивалась в дороге, терялась во время пьянства, и послам приходилось во время аудиенции проявлять собственную инициативу.

— А мы к тебе, — развязно начинал один из послов, обращаясь к королю, — сходили, сходили... дай, думаем, заведем...

— Прекрасно. Очень рад вас видеть. Что скажете?..

— Да чего там говорить. Поручение есть.

— Прекрасно. Излагайте.

Послы начинали шептаться: — Излагай ты. — Нет, ты, ты на ногах держишься, а мне за придворных держаться приходится. — Ну ладно, я ему поизлагаю.

— Я слушаю вас, — нетерпеливо говорил король.

— Третьего дня король наш...

— Вы здесь уже шесть дней, — подсказывал церемониймейстер.

— Не твое дело. Третьего дня, король наш велел передать тебе, что если ты не сделаешь этого, то он оставляет за собой право... и вообще велел напомнить тебе... Ты, кажется, не слушаешь?

— Слушаю, слушаю. Продолжай, посол. Чего же он велел передать?

— А, право, я и забыл, — добродушно сознавался посол, — что-то велел, а у меня из головы вон.

- Может, он велел объявить мне войну?
- Да нет, не похоже... Нарочно сказать — не раздражайте, говорит, этого дурака...
- Гм... дурака... Так и сказал? Странно... А еще что сказал?
- Наври, говорит, ему о нашей войне и передай поклон... Только долго не разговаривай, он, говорит, вообще, ничего не понимает, а все его дело его блудная жена ведет...
- Так и сказал — блудная? — переспрашивала жена средневекового короля, — ты помнишь?
- Что я врать вам, что ли, стану... Мальчика тоже нашли, — хмуро огрызался посол.

В конце концов, посол, отправленный исключительно для передачи подарков, привозил в виде обратной расписки объявление войны. Правители, которые не могли подобрать трезвых послов, просто подходили с войском к городу, с которым хотели вести переговоры и брали его приступом, экономя, таким образом, время и силы.

С пьянством в это время никто не боролся, так как не было еще книгопечатания и нельзя было распространять литографии с изображением почек и селезенки алкоголиков. Что же касается публичных лекций об алкоголизме, то они устраивались на другие темы и кончались совместной дракой и попойкой.

Пили в средневековье исключительно хорошие вина. Несмотря на то, что в наше время общая культура сделала известный шаг вперед, питье простого древесного спирта неумело смешанного с квасом, или употребление керосина в качестве возбуждающего аппетит напитка вызвало бы и в то сравнительно глухое время взрыв общественного негодования и недоумения.

Ресторанов, в том виде, в каком мы их привыкли видеть в наше время, в средневековье не было. Их заменяли особые гостиницы на больших дорогах, где ужинали, спали, продавали краденое имущество и спасались от преследования полиции. Правда, эти две последние функции средневековых гостиниц несколько сближают их с современными ресторанами на окраинах больших городов. Так как отдельных кабинетов еще не существовало, то пили в одной общей комнате, причем каждый старался угостить другого, рассчитывая уйти и не заплатить, когда тот будет угощать третьего. Хозяева гостиниц были в большинстве случаев неграмотные люди; для того, чтобы написать счет, необходимо было выйти на большую дорогу у гостиницы и дожидаться грамотного путешественника. В это время пьяные гости громили буфет, выпивали все вино и, оскорбив словами и действием домочадцев буфетчика, уезжали в следующую гостиницу. Если буфетчику не удавалось к рассвету украсть сумку с деньгами у кого-нибудь из рассеянных приезжих, предварительно перерезав ему кухонным ножом горло, он мог считать этот день убыточным. При корректном отношении к посетителям средневековый ресторан никаких материальных выгод дать не мог; что же касается моральной прибыли, то единственно чем мог гордиться хорошо торгующий хозяин, — что время от времени правительственные учреждения назначали за его голову более или менее значительные суммы. Тогда хозяин гостиницы извинялся перед своими постоянными клиентами, закрывал заведение, созывал небольшую группу незанятых и голодных молодых людей и начинал получать доходы от другой, более рискованной, но зато и более выгодной профессии.

Всемирная история пьянства. Московское княжество

В великом княжестве Московском люди, продававшие водку, назывались целовальниками. Это название произошло от странного старорусского обычая, по которому хозяйка дома, подавая гостю вино, должна была целоваться с ним, троекратно, приговаривая что-то о его здоровье и благополучии. Гость, которому хотелось выпить, начинал издалека:

— Ах ты гой-еси, свет хозяйюшка, ты лебедушка, пава белая, — робко начинал он, поглядывая на поставец с винами. — Ты за что почто гневно смотришь, ты за что почто не веселяя...

Ах ты гой-еси...

Понимая, к чему клонится дело, хозяйка вежливо отвечала:

— А за то я смотрю, гость любезный наш, так нерадостно, да толь неласково, что сидишь в углу, ничего не пьешь, ничего тебе не предложено...

— А испил бы я меду чарочку, браги ведрышко, пива бочечку, вина фряжского еще выпил бы, — мечтательно отвечал гость.

— Хоть бы черт тебя разобрал совсем, — произносилось в голове у доброй русской женщины: — ты бы дома пил, ты б свое лакал, а то лезешь тут, разоряешь нас...

Но так как правила вежливости заставляли быть учтивой с гостем, хозяйка приносила вино, выставляла закуску, ставила все это на поднос и подходила к гостю.

— Уж испей ты свет, Петр Прокопьевич... Ты откушай вот этих пряничков, я сама пекла... Пей во здравие вина сладкие, нам же, гостюшка, в утешение...

— Хорошенькое утешение, — сумрачно думал хозяин дома: — вылакает все вино, выжрет пряники...

Гость долго отказывался и ломался; наконец, он хватал большую посудину с вином, стараясь ее осушить одним духом, и целовал хозяйку в губы. Хозяин сердито ба-

рабанил пальцами по столу, хозяйка брезгливо сплевывала в угол, а гость злобно ворчал:

— Ишь, еще целоваться лезет, старая ведьма.

Но без этого обряда напиваться было неудобно. Так как каждая посуда вина должна была подаваться с такими предисловиями, то напиваться в гостях пьяным было довольно трудно, хотя в то время в гостях засиживались дня по три, по четыре, в силу русской незлобivosti и пассивности русского характера.

Молодые люди, желавшие поухаживать за интересной дамой, прямо вваливались в дом к ее мужу и уже из передней заводили недвусмысленный разговор:

— Что-то выпить нам очень хочется... Кто бы нам поднес — мы бы выпили.

Обрадованная жена хватала какую-нибудь скверную посудину из-под вина, кидала ее на поднос и лезла к молодым людям целоваться на глазах беспомощного мужа. Единственно, что мог сделать муж, это сам взять поднос и целоваться после каждой чарки с молодыми развязными бездельниками.

К чести старорусских мужей — они редко прибегали к этому способу. Они просто перед уходом слишком нахального гостя выбегали вперед и дожидались его около крыльца. Там, где кончалась черта гостеприимства, у последней ступеньки, разговор происходил более простой, но и более убедительный.

— Ну что — нацеловался с моей женой? — злобно спрашивал муж.

— Ай, и целовал я ее в уста сахарные, — хвастливо отзывался пьяный гость.

— Ай, и переломая я тебе сейчас ребра сахарные, — начинал муж, — ай, и сверну же я тебе шею сахарную...

В силу простоты и честности славянского характера, муж добросовестно выполнял тут же все данные гостю обещания.

Первоначально обязанность целоваться при угощении вином была вменена всем, почему, как я упомянул уже ранее, даже продавцы спиртных напитков были названы целовальниками. Хозяин трактира обязан был целоваться с каждым, кому подавал вино.

На современный взгляд это кажется немного странным; действительно, если бы теперь все официанты и буфетчики лезли целоваться с человеком, приехавшим в ресторан поужинать, после каждой рюмки водки, многим бы это не доставило тех удовольствий, какие получали от этого наши предки. Лица, пытающиеся целоваться с администрацией ресторана, в наше время, даже выводятся через черное крыльцо. Века меняют людскую психологию.

Приезжая в придорожный трактир, русский человек снимал охабень¹, целовался с хозяином, выпивал ендову зелена вина и просил позаботиться о кучере и лошадях. Хозяйский помощник безропотно шел и целовался с кучером. Его подручный перцеловывал всех лошадей и поил их водой. После этого все могли отдохнуть.

Судя по историческим данным, наши соседи татары пили в более шумной обстановке. Так в знаменитом пикнике при реке Калке они устроили своеобразный табль-дот из пленных, переложенных досками.

Один из наших исторических романистов рассказывает, что хороший ужин с сытными блюдами и большим количеством вина обходился в описываемое нами время что-то около двух алтын. Здесь мы имеем дело тоже с совершенно умершим обы-

¹ Шуба такая.

чаем: если в наше время за ужин, даже небольшой компании, предложить те же самые шесть копеек, хозяин ресторана будет чувствовать себя немного обиженным. В этой области старорусский уклад совершенно вытеснен западноевропейской системой отдавать за вино сумму вдвое большую той, которая находится в бумажнике. Боярские пиры того времени, по своей роскоши резко отличаются от великосветских фэйф'о'клоков переживаемого нами периода; гости садились за стол с четырех часов дня, причем дамы были на женской половине, отчего всем было весело. Гость, который перепивал и передал всех, считался душой общества, между тем как в настоящее время один, усидевший бутылку особенно дорогого вина, выставленного на стол, как предмет роскоши, тем самым невольно становится личным врагом хозяина и приглашается в следующий раз только в силу необходимости. В то время как теперь опытные лакеи умело обезоруживают не в меру развешегося гостя, отнимая у него тарелку под видом перемены ее на другую, в тот период люди, прислуживающие за столом, стояли сзади и старались подливать и подкладывать все, что имелось в их распоряжении. Если гость случайно наклонялся к соседу, на его белорыбицу умещался кусок шпигованного зайца, а через несколько времени там же удачно пристраивались орехи, сваренные в меду.

Значительно позже, затея Петра Великого заставлять провинившихся на ассамблеях молодых людей выпивать залпом кубок большого орла, потерпела фиаско: молодые люди того времени, которые могли проделывать, в силу неиспорченности своего организма, все что угодно, — нарочно старались набезобразить, чтобы дорваться до кубка, и экономный Петр решил с неловкими людьми просто расправляться своей знаменитой дубинкой. Это выходило значительно дешевле и давало более благоприятные результаты.

Всемирная история пьянства. Новая история

С наступлением нового периода в истории человечества и пьянство приняло новые формы. Почти повсеместно начинается борьба с ним, сильно способствующая его распространению. Пьянство становится уже пороком, вследствие чего наиболее выдающиеся люди века стараются сделаться пьяницами.

Колумб, приехавший на родину похвастаться тем, что он начал новую историю первый, — безобразничает в пьяном виде за столом и старается поставить стоймя яйца, приготовленные для еды, а не для издевательства над ними.

Только на Востоке, где вино запрещено законами Магомета, его пили в прежнем количестве и на тех же основаниях, как и прежде.

О дворах Людовиков мемуаристы пишут, что там появление молодого человека, хорошего происхождения, в трезвом виде означало конец всякой карьеры. Ночью в чужой квартире, такой смельчак признавался об этом шепотом своей возлюбленной:

— Вы знаете, я сегодня прошел почти всю улицу Ришелье в трезвом состоянии... Я даже нарочно поклонился Маркизу де-М., который меня сначала не узнал...

— И что же? — бледнея, спрашивала возлюбленная.

— Ничего. Все кончилось благополучно.

— Такими вещами не шутят... Ты мне должен дать обещание...

Все те приключения красивых юношей, описывая которые романисты имели возможность оплачивать в течение многих лет стол и квартиру, могут быть объясне-

ны, на мой взгляд, исключительно поголовным пьянством. Современный человек, пьющий только в отведенное для этого время, никогда не выходит на улицу со специальной темой напасть на извозчика, на котором едет его дама сердца, или напасть на ее мужа и проколоть его шпагой в какое-либо из излюбленных для этого приема мест.

Пьяный человек того времени поступал именно так. Напившись с утра у одного из своих приятелей, он садился на лошадь и выезжал на более или менее пустынное место позади города.

— Послушайте, вы, — развязно останавливал он кого-нибудь из проезжавших со знакомым лицом, — куда тащитесь?..

— Здравствуйте, маркиз, — вежливо отвечал тот — я еду к графу Мораньяку.

— Для того, чтобы поухаживать за его дочерью, Женьевьевой? Так?

— Ничего подобного. Я просто ростовщик и везу ему деньги, — спокойно отвечал опрашиваемый.

— Ну да, сначала получить проценты, а потом лезть к Женьевьеве с гнусными предложениями?

— Ничего подобного... Я даже не знаком с ней.

Это окончательно выводило пьяного человека из себя!

— Доставай шпагу!.. Мы еще посмотрим, кто из нас действительно ростовщик...

— Я совсем не думал, что и вы...

— Что не думал? Ты хочешь сказать, что я ростовщик?.. Ты осмелился...

Пьяный человек возил секундантов всегда с собой, чтобы иметь их под руками. Это были такие же пьяные люди, не знавшие других профессий.

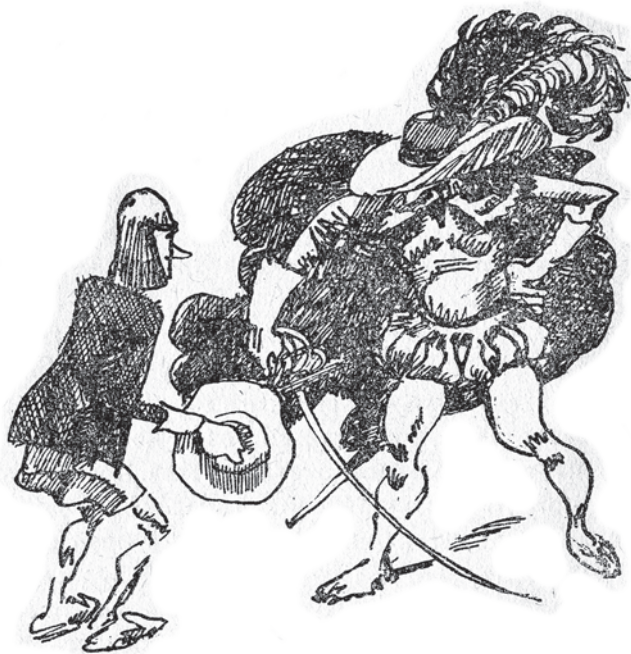
Весело организовывалась маленькая дуэль, в конце которой ростовщик, не успев получить причитающихся ему процентов, должен был затруднять своих родственни-

ков спешными похоронами. Один из секундантов наклонялся над трупом и в умилении шептал:

— Какая честь... Какая честь... Сам герцог Лиронэ де-Пик задержал свою благородную шпагу в кишках этого простолудина...

После этого вся компания ехала к графу Мораньяку, который, увидав издали приближение герцога, устраивал блестящий бал, на котором в пьяном виде объявлял о помолвке своей дочери Женьевьевы с герцогом Лиронэ де-Пик.

Тут же устраивалась легкая дуэль с маркизом

Доставай шпагу!..

Бриссаном, который после ужина, будучи не в состоянии самостоятельно разбираться в событиях, уверял, что Женьевьева его, а не старого графа дочь, и обещал представить значительные доказательства. Помолвке особенно помогал какой-то молодой человек, довольно приличного вида, уговаривавший герцога пить с ним на брудершафт. На другой день, проснувшись, он вспоминал, что уже два года как он состоит мужем Женьевьевы и пользуется безмятежным семейным счастьем. Когда он шел рассказывать об этом герцогу, тот с удивлением выслушивал рассказ о своей помолвке и уверял, что он тут не при чем. Старый граф относился ко всему снисходительно и, напившись снова, предлагал идти в гости. Дело кончалось к удовольствию молодого человека из соседнего замка, который уходил из гостей позже всех, карабкаясь по веревочной лестнице почему-то из окна комнаты Женьевьевы, минуя главный подъезд. У ворот его задерживал сторож, но быстро отпускал, придерживаясь рукой за левый бок.

Люди иной формации — краснокожие, пили в этот период какой-то крепкий напиток, называя его огненной водой, смеялись сардоническим смехом и перебирали повешенные у пояса скальпы. Европейцы очень охотно поставляли им всякие напитки, отбирая взамен лошадей и земли. Когда ни того, ни другого не стало, краснокожие в последний раз засмеялись сардоническим смехом и пошли официантами в нью-йоркские рестораны.

Всемирная история пьянства. Недавнее время

Большую роль в запрещении у нас продажи спиртных напитков сыграли так называемые литературные рестораны. Первоначально под таким названием числились заведения второго разряда, где можно было обедать в долг, или пользоваться большим стечением посетителей и рассеянностью официантов и недовольного своей службой швейцара. Так как с обедавших хозяева таких ресторанов никаких доходов не получали, они стали зазывать совершенно постороннюю публику.

— В кинематограф опоздали, — говорили посторонние люди, — сходим, пожалуй, в этот ресторанчик... Там сегодня кормление литераторов. Все-таки, которые пишут...

— Может быть с дамами неудобно?..

— Нет, ничего ведь... Может быть, сегодня как раз удобный день...

Заметив, какой из литераторов привлекал наибольшее количество посетителей, хозяин удваивал ему порцию и уменьшал счета, все равно оплачиваемые наиболее неосторожными из посторонних людей. Когда литератор выходил из моды, хозяин ресторана медленно, но верно, начинал его выкидывать. Он подходил к его столику и холодно поглядывал на все заказанное.

— Кушаете?

— Кушаю, — мрачно отвечал писатель, — садитесь.

— Мерси, сидел. Убыток от вас, господин Грипакин, большой. Публика не смотрит.

— Дураки они. Я вот роман начал еще писать. Четырнадцатый по счету.

— Роман дело пустое. Публика легкое разное любит. Ударили бы хоть кого из посетителей. Так, мол, и так по принципиальным выводам лицо твое не нравится. Разговор пойдет, газетки пропишут...

Убыток от вас большой...

— Я же не дерусь... Помилуйте...

— То-то и жаль. По старым счетам уплатите-с...

— Не хорошо это, хозяин. Все-таки так сказать ветеран литературы. Которого?

— Вот того-с. Который в углу, в галстухе с крапинками...

На другой день посетителей было больше.

— Который это дрался? Вот этот? Скажите, пожалуйста... А имя-то какое, имя-то... Действительно, господа писатели, в вашем быту что-то роковое спрятано... Поэт знал, что сказать...

Когда публика перестала интересоваться Грипакиным совершенно, хозяин снимал новое помещение и заключал кон-

тракт с новым писателем. За пребывание в ресторане ежедневно в обусловленное время, писатель брал определенный фикс и построчные.

Молодые люди, приезжавшие из провинции пробивать дорогу большими бытовыми повестями и лирическими стихами, и, в сущности, только увеличивавшие процент смертности среди редакторов — сразу после вокзала бежали в литературные рестораны смотреть, что делают знаменитости.

— Голубчик, что это он делает? — робко спрашивал начинающий, искоса поглядывая на знаменитость, — что это льет в тарелку?..

Лакей деловито осматривал столик знаменитости и таинственно шептал на ухо:

— Так что укус в битые сливки льют.

— А это, скажите, вкусно? — еще тише спрашивал начинающий.

— Многие одобряют.

— Голубчик, сделайте и мне... А что он пьет?

— Так что они рябиновую обожают.

— И мне рябиновой.

— Анисовую еще кушают.

— Анисовой...

— К тому же и кофе-ликер требует.

— И мне ликера...

Уходил молодой человек из ресторана с одной измахрившейся за долгую дорогу — рукописью в одном кармане и двугривенным в другом, но уже понявший сокровенные тайны литературы.

В редакции он вызывал занятого срочной работой секретаря и долго объяснял ему, как он вчера пил вместе со знаменитостью. Секретарь вертел в руках рукопись и

думал о том, что... Вполне понятно, о чем может думать занятой человек во время разговора с начинающим автором.

Не начинающие авторы пили с меньшим благоговением, но с большей затратой энергии. Для того чтобы достать денег, надо было идти и обманывать редактора, который обычно сам был писателем и прекрасно понимал и профессиональный язык, и профессиональные приемы.

— Умерла сестрица, — огорченно говорил писатель, входя в редакторский кабинет.

— Сколько?

— Вчера вечером. Тридцать.

— Долго хворала? Хотите двадцать?..

— Шесть лет при смерти. Дайте двадцать пять.

— Не могу. Долг или на сегодня нужно?

— По случаю повести. Ужин.

— Рукопись?

— Честное слово.

— Под честное слово пятнадцать. Возьмите чек. Кланяйтесь сестрице.

— Мерси. Завтра ее пришлю с рукописью. Шесть лет при смерти, а теперь ничего. В гимназии учится...

— Уходя притворите дверь.

Благодаря частому нетрезвому состоянию пишущих, в литературе стали появляться обидные промахи. Так вещи одного беллетриста, будучи под разными заглавиями уже шесть раз помещенными в разных периодических изданиях, появлялись в седьмом уже за другой подписью, причем в контору за получением гонорара почему-то приходил уже совершенно посторонний и рассказу и конторе человек. Случаи нечаянных заимствований, благодаря развитию алкоголизма, стали наблюдаться чаще и чаще. Писатель, окруженный литературными друзьями, должен был во время процесса творчества наглухо запираить черный и парадный входы; dokonчив рукопись, он складывал ее в большой ящик из крепкого дерева, забивал длинными гвоздями и шел к нотариусу закреплять право владения. Ночью рукопись под непосредственным наблюдением автора и родственников его жены привозилась в редакцию; красть рассказ начинали в этих случаях только с того момента, когда он появлялся в журнале, с бесцельной припиской, что перепечатка воспрещается... Еще несколько лет и разьедаемая алкоголизмом литература тихо вымерла бы при сочувственном молчании окружающих. Тогда-то под влиянием, между прочим, и этого опасения последовал приказ о прекращении торговли спиртными напитками...

Всемирная история пьянства. Эпоха запрещения

Когда всем стало известно, что продажа спиртных напитков запрещена — многие не поняли.

Они приходили в магазины и настойчиво требовали вин, ссылаясь на то, что завтра должны прийти знакомые.

— Заверните мне, голубчик, бутылочку коньяку, потом...

— Коньяк нельзя-с. Запрещено...

— Ах, я и забыл... Ну, тогда дайте английской горькой...

— Крепкий напиток-с.
 — Как то есть крепкий? Что же я гостей дистиллированной водой поить буду?
 — Не могу знать.
 — Ага, вот как... А если я протокол составляю? Этого вы хотите? Да? Я могу, голубчик...

Обиженные люди шли и требовали составления протокола. Позже они расходились по домам с бутылками виноградного сока.

В ресторанах происходили душу раздирающие сцены.

— Хоть рюмочку, — униженно просили одни из посетителей, отведя лакея в темный угол коридора, — выпью и уйду. Честное слово...

— Не могу...

— Ну, что тебе стоит... Ну, хочешь на брудершафт со мной?

— Не могу...

— Ну, пожалуйста...

— Я же и сам понимаю... Человек ведь я, не животное какое, — смахивая салфеткой слезу, говорил лакей, — не могу я...

— У меня дети есть...

Ради малюток...

Лакей бросался грудью на стойку буфета и задыхался в истерике.

— За сегодняшний вечер тридцать четвертый мучает... Не могу я, дайте мой паспорт...

Предусмотрительные люди жили некоторое время запасами.

Человек, у которого сохранилась бутылка крепкого напитка, поль-

Хочу рюмочку...

зовался заметным влиянием на окружающих и невольно выделялся из среды одинаковых с ним людей.

— Смотрите... Видите вот там, который в шубе, — показывали его чужим людям — у него есть бутылка водки...

— Ну, вы очки не втирайте...

— Честное слово... Мне вчера в театре говорили... Вот познакомиться бы...

— Разве он захочет... Такие люди знают себе цену...

Наконец, когда иссякли все запасы, а пить хотелось еще более чем прежде, перешли к домашнему изготовлению спиртных напитков. Брали какую-нибудь спиртную жидкость, разбавляли ее с другой совершенно мирной жидкостью и после целого ряда одобрений со стороны незаинтересованных людей подавали на стол.

Бесплатная карета скорой помощи успешно заменяла для пользующихся такими домашними составами дорогие автомобили.

Аптеки осаждались людьми разнообразных профессий и неодинаковых заработков.

С робкой надеждой в опущенных глазах, приходили молодые люди и просили дать им спирта от головной боли.

— Это не помогает, — уныло отвечали фармацевты.

— Дайте тогда настойки какой-нибудь что ли...

— Какой же вам настойки? Такой нет...

— Вы можете сделать... На то у вас и аптеки... Положите в спирт чего-нибудь такого... Капель каких-нибудь влейте...

— Без рецепта нельзя...

— Мы завтра принесем, честное слово.

— Нельзя. Хотите порошок?

— А он на спирту?

— Нет.

— Не надо. Порошки дома есть. Разные.

— До свиданья.

— Ну и характер же у вас. Ну, хоть валерьяновых капель дайте...

— Сколько вам?

— Заверните четверть.

— Четверть нельзя.

— А бутылку?

— Рецепт дайте...

В приемных докторов собирались здоровые люди и выдумывали болезни.

— У меня что-то женское, доктор... И бабушка от этого умерла.

— Я не специалист...

— Все равно, доктор... Может, рецептик напишите...

— Какой же рецепт?.. Я не знаю.

— Может, спиртное что-нибудь, от инфлюэнции или от геморроя там... Хотя в облатках...

Знакомые приставов зазывали их на семейные празднества, сами раскрывали кражи, следили за беспаспортными, чтобы испросить разрешение на одну бутылку.

— У меня племянник умирает, господин пристав.

— Не могу.

— Ребенок, жалко ведь... Девочке трех лет нет. Подпишите на бутылку коньяку... Все равно, хоть дешевого.

— Извините, господин, не могу...

— В гробике мальчик лежит... И юбочка на ней розовая, а сама ножками шевелит... Ну, хоть на полбутылки... Может, оправится...

— Не имею-с права...

— Души в вас нет...

— Не имею-с права...

Парикмахерские бойко торговали вежеталем и хинной водой.

Около магазинов, где продавался одесолон, бойко торговали в разнос мальчишки с пирожками и колбасой.

— Опопонакс, он кулебяку любит, — убито говорили клиенты магазина, пережевывая нехорошо пахнущий пирожок с мясом.

— Веру-Виолетт хорошо копченой... Да где же ее достанешь...

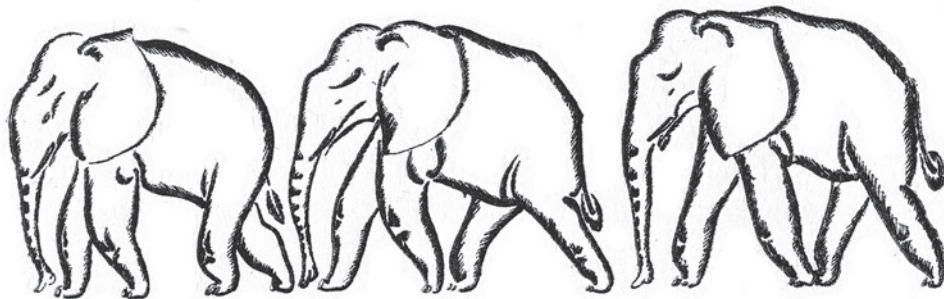
Характер напитков вызывал особые меры борьбы с пьянством, и человека валявшегося в пьяном состоянии на улице первоначально отвозили в приемный покой, и потом уже в участок для указания адреса того притона, где означенный напиток, послуживший к опьянению был куплен.....

Заключение

Заканчивая свои очерки по истории пьянства, автор еще раз подчеркивает, что неполнота их ясна ему самому, но полное отсутствие источников о некоторых периодах истории, кроме чисто субъективного представления может отчасти облегчить его вину. Грядущий прогресс человечества, безусловно, дает новые формы и новые последствия употребления крепких напитков и для историка будущего может быть, будут полезны и эти скромные очерки, написанные неуверенной робкой рукой.

АЛКОГОЛИЗМ И МЕДИЦИНА

Трактат Исидора Гуревича

От автора

Что такое алкоголизм? Что такое медицина?

На эти вопросы читатели-винокуры, читатели-алкоголики и читатели-медики ответят разное.

Автор настоящего труда ни разу в жизни не был ни винокуром, ни алкоголиком (честное слово!), ни медиком.

Это обстоятельство дает ему возможность совершенно беспристрастно дать правильное освещение и алкоголизму, и медицине, выяснить их взаимодействие, определить влияние алкоголя на человеческий организм, на физическую и духовную жизнь человека, указать весь вред от уже вскрытого, но еще гноящегося нарыва современной русской общественности.

Мозг и влияние на него алкоголя

Мозг является такой же нужной вещью в черепной коробке человека, как шляпа в шляпной коробке, как спички в спичечной... Ибо пустая черепная коробка может, в лучшем случае, служить пепельницей, а в худшем... не будем об этом говорить, чтобы не профанировать божественной природы человека.

Головной мозг имеет вид полушария, только в отдаленной степени напоминающего собой северное и южное полушария земного шара (см. издания картографического заведения Ильина). Главное несходство мозгового полушария с земным заключается в том, что флора и фауна находятся у последнего непосредственно на поверхности, а у первого на крышке черепной коробки.

Отклонение от нормы — мозг плешивых и лысых.

Верхняя сторона мозгового полушария разделена глубокою продольною бороздой на две половины, так называемые полушария мозга. На самом деле каждое полушарие представляет только четверть шара и притом довольно правильную: одна поверхность, обращенная к черепной крышке, выпукла, поверхность, обращенная к другому полушарию, совершенно плоска.

Упомянутая борозда не проведена плугом, ни конным, ни паровым, а является совершенно бесплатным приложением к каждому мозгу.

У более глубоких людей эта борозда глубже, у более поверхностных мельче.

Умные люди пользуются выпуклой стороной поверхности мозга, глупые — плоской стороной.

Головной мозг одет тремя оболочками, лежащими одна на другой.

Эти оболочки не считаются ни с модой, ни с сезонами, не моются, не чистятся химическим путем.

Поверхность полушарий мозга изрезана извилистыми углублениями в виде щелей или борозд. Между бороздами поверхность имеет вид валиков — извилин мозга.

Извилины мозга построены по принципу граммофонных пластинок.

Абсолютный вес мозга у взрослых людей: у мужчин в возрасте от 20–80 лет колеблется между 1018 и 1925 граммами, у женщин между 820 и 1565 граммами. Человеческий мозг абсолютным весом превосходит мозг почти всех животных. Так что даже женский мозг превосходит лошадиный (690 грамм) и обезьяний (350–500 грамм).

И только кит (2816 грамм) и морская корова (2242 грамм) имеют более тяжелый мозг.

Зеленый змий

Но это объясняется, вероятно, тем, что, как известно, на трех китах земля стоит. Что же касается морской коровы, то она просто за компанию попала, в силу любви китов к дамскому обществу.

Впрочем, существует мнение, что они обязаны весом мозга длине своего тела — свыше 10 сажень.

В человеческом мозгу заложены нервные клетки. Отростки этих клеток называются нервными волокнами.

Нервные клетки совершенно непригодны для держания в них певчих птиц. Главным образом потому, что мало доступны для чистки. Нервные же волокна равным образом не годны для пряжи, хотя бы легких модных материй.

Алкоголь, всасываясь в желудок, начинает по нервным волокнам пробираться в нервные клетки мозга.

Как только алкоголь добирается до мозга, он начинает чувствовать себя хозяином положения и забирает в свои руки бразды правления.

Первым делом, алкоголь подчиняет себе человеческую силу воли и способность человека владеть собой; затем возбуждает: всю нервную систему, необузданную фантазию, низкие страсти и бред; затем угнетает нервную систему.

Иногда алкоголь убивает человека, воспользовавшись сном его, иногда заставляет его кончить жизнь самоубийством.

Нервная система и влияние на нее алкоголя

Влияние алкоголя на нервную систему бывает систематическое и несистематическое.

При систематическом употреблении алкоголя принятая система введения во внутрь организма алкоголя тесно переплетается с нервной системой и потому трудно различаема. При несистематическом же, наоборот, нервная система сразу выделяется, как масло на поверхности воды.

В нервной системе пьянство развито, так сказать, поголовное: каждый нерв принимает участие и, следовательно, если нервная система — пьяница, то каждый нерв — алкоголик.

Нервы-алкоголики очень раздражительны, восприимчивы, впечатлительны и легко реагируют на все проявления, как со стороны внутреннего, так и со стороны внешнего мира.

Сердце и желудок

Из внутренних врагов нервов-алкоголиков первое место занимает желудок. Это враг сильный и хитрый. Сначала он прикидывается другом, гостеприимным хозяином: широко растворяет дверь для приема самого алкоголя и его свиты, щекочет самолюбие нервов-алкоголиков, подбадривает их, лестью вызывая их на бахвальство и напускное удалство, на скандал и драку, подводя под протокол. Потом вдруг переполняется возмущением и через ту же дверь гонит обратно алкоголь со всей его свитой и начинает трепать нервы во все стороны. Не всей свите при стремительном бегстве удастся найти дверь: одни, как винные пары, проскакивают мимо двери и удаляют в голову, другие прячутся в почках и печени, третьи, до поры до времени, хороются в кишках.

Сердце также враг сильный, но враг благородный, действующий открыто.

Сердце начинает менять темп от тягучих восточных мотивов до русской плясовой. Моментами оно начинает воображать себя барабаном и барабанит так, что в ближайших ушах слышно. Моментами оно начинает вертеться, как собака, желающая поймать себя за собственный хвост. Моментами оно устраивает игру в чехарду. Моментами оно так устает, что вот-вот остановится в изнеможении. Но, взбодрившись, снова принимается за работу.

На следующий день на нервы жалко смотреть: куда девался их гордый вид, самоуверенные речи, натянутость. Сморщенные, опущенные, дребезжащие, с видом побитой собаки, шамкают они, как беззубые старушонки, что-то в свое оправдание, тянут сельтерскую воду и английскую содовую.

Те же нервы-алкоголики, которые от природы слабы и во время пира часто заставляют глаза лить слезы на чужой жилет, язык — жаловаться на судьбу, а кулаки — бить не по чужой спине, но в ближайшую грудь — назавтра имеют и вовсе жалкий вид и вместе с содовой пьют и бром. И только парализованные нервы сохраняют свой status quo.

Сердце начинает менять темп...

Конечно, и врагам попадает. Желудок назавтра начинает чувствовать неловкость за свое поведение, ему тошно глядеть на весь мир, ничто его не прельщает, почти никого он не принимает и только глубоко вздыхает на разные тона. Несмотря даже на привычку, он в конце концов морщится, покрывается коростой и язвами. Сердце тоже выходит из потасовки побитым и это биение ощущает и назавтра. Сердечный мотор дает перебои и требует урегулирования.

О внешних врагах мы скажем в другом месте, попутно.

Влияние алкоголя на язык

Алкоголь, как известно по пословице, выносит на язык все то, что без него оставалось бы на уме. Первое в мире влияние алкоголя на язык сказалось на языке Хама Ноевича. Именно благодаря этому Хам так печально прославился. Язык, обильно орошенный мимо плывущей алкогольной влагой, становится схожим с вязальным крючком: начинает плести, но несмотря на сходство вязать не может, т. к. сам развязывается. И любимым вопросом его становится: «А ты мне подносил?» А единственным моральным обоснованием: «На свои пью!» При особенно обильном орошении язык перекладывает свои обязанности на своих соседей: горло, носоглотку и губы.

Влияние алкоголя на глаза

Глаза под влиянием алкоголя не выносят вида пустой рюмки. Этим и объясняется неудержимое влечение алкоголиков к наливанию. Глаза пьяницы блуждают, и блуждая, ищут себе точки опоры. Поэтому-то пьяницы всегда натываются на людей, стены, заборы, и т. д. Кроме того, глаза под влиянием алкоголя приобретают математические способности, а именно: к умножению, преимущественно, на четные числа. Почему означенная способность выразилась именно в этом из четырех арифметических действий, а не в другом — наукой еще не выяснено. По высокоавторитетному мнению автора этих строк здесь проявляется инстинктивное стремление человека

к приумножению видимого и невидимого, стремление ярко выраженное в охотниках и пьяницах.

Кроме того, глаза алкоголика имеют пристрастие к определенным тварям, к определенным цветам и определенным комбинациям этих цветов.

Например: белые слоны, зеленые змеи. И ни разу не был зарегистрирован случай, чтобы алкоголик видел белых змеев и зеленых слонов.

Что же касается чертиков, то в глазах простого народа они всегда черные, у посетителей старой опе-

...Ищут себе точку опоры...

ры («Фауст», «Мефистофель») красные, или черные на красной подкладке, у посетителей «Музыкальной Драмы» — серые.

Влияние алкоголя на уши

Барабанная перепонка под влиянием алкоголя совершенно не пропускает до мозга некоторых «созвучий слов живых», например: «Эй, берегись!», «Куда прешь, с..!»

Замечено: при сильном оттирании ушей барабанные перепонки становятся более восприимчивы. Вообще уши — дверь в сознание, чем и объясняется стремление вытрезвляющих бить в ухо.

Влияние алкоголя на нос

Под влиянием алкоголя нос зацветает, пухнет и начинает переливаться всеми цветами радуги. Комбинация цветов спектра — в зависимости от времени и дозировки. Нос — герб пьяницы. Алкоголь делает совершенно нелепым существование носового платка, который, как ни как, есть машинное производство. Пьяница же пользуется, так называемым кустарным трудом.

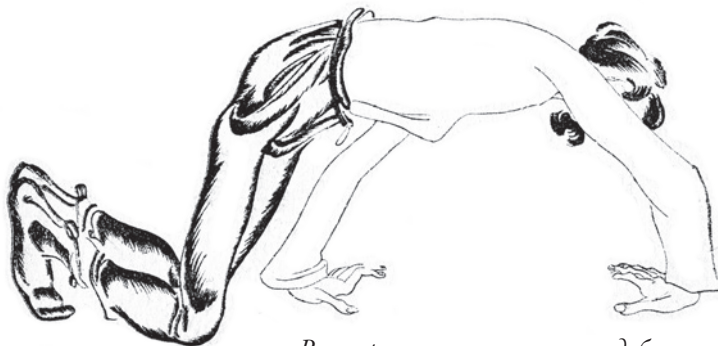
*Под влиянием алкоголя
нос зацветает*

Влияние алкоголя на рот

Рот под влиянием алкоголя изрыгает все, что доходит до него изнутри, перемешивая это отборной (впрочем, вряд ли он отбирает и сортирует) руганью и дикими возгласами. Губы ищут лобзаний и поминутно расплываются в специальную пьяную улыбку.

Влияние алкоголя на конечности

Махимум влияния алкоголя на конечности выражается в перепутывании их функций: ноги начинают выписывать «мысле» и вензеля, т. е. совершать обычную работу рук, а руки — принимают участие в ходьбе, т. е. совершать обычную работу ног.

Руки принимают участие в ходьбе

Влияние алкоголя на остальные органы

Остальные органы под влиянием алкоголя обнаруживают непростительную слабость.

Виды пьянства

Следует отличать перепой от запоев. Отличать легко: запой создается из ряда перепоев, время между которыми сводится «на нет». А перепой самым предлогом указывает, что выпито через край. Существует также вид «привычного пьянства», которое находится на рубеже перепоя и запоя.

Считаем нелишним привести из Крестного Календаря Гатцука за 1874 г. верное средство от запоя и привычного пьянства: «*Adonis vernalis* черногорка, старос, две полные столовые ложки с верхом этой травы, мелко изрезанной, настоять пятью чашками кипятку в продолжение получаса, слить и выпить все пять чашек зараз, теплыми или холодными, по желанию, и т. к. трава очень горька, то можно пить вприкуску с сахаром или медом и т. д.». (Отсылаем читателей к календарю за более подробными сведениями).

В настоящее время наилучшим средством считается воспреещение продажи спиртных напитков. Таким путем создается экономия не только на воздержании от пьянства, но и на отсутствии необходимости приобрести *adonis vernalis*.

Потомство пьяниц

Пьяницы губят свое потомство. Еще древние великие мыслители и философы говорили о губительном влиянии на потомство пьянства и зачатия в моменты опьянения. «Испорченное потомство пьяниц», (Платон, Аристотель, Гиппопотам). Дарвин утверждает, что болезни от злоупотребления спиртными напитками передаются до 3-го поколения. Московский профессор Остроумов о больных печени выражался так: «дед или отец пропил уже его печень».

В американской прессе мы находим историю одной семьи, родоначальницей которой была горькая пьяница, умершая в 1827 г. От нее произошло потомство в 800 человек, в числе коих было 700 преступников, осужденных не менее 1 раза. Кроме того, 342 были пьяницы, 127 женщин, промышлявших развратом, и 37 убийц.

Это факт!.. Спрашивается, сколько преступников, развратных женщин и убийц приходится на каждый глоток вина, выпитого родоначальницей?

У пьяниц дети рождаются пропитанными алкоголем. Известен случай, когда акушерка, принимая новорожденного, закурила папиросу — новорожденный вспыхнул и сгорел, как све-

Дети алкоголиков иногда рождаются с тремя звездочками на лбу...

ча. От того, что пьяницы часто валяются в лужах, дети у них рождаются сырыми и с кровоподтеками. Дети пьяниц долго не могут начать стоять и ходить. Первые же шаги, как замечено, они всегда делают в сторону «казенки»!, хотя бы «казенка» отстояла на десятки верст. Это, несомненно, из области четвертого измерения — какой-то невидимый «алкогольный компас».

Часто у детей пьяниц волосы на голове либо молочного цвета, либо темно-красного. Лишь недавно в институте экспериментальной медицины при содействии педологического института удалось установить зависимость окраски волос от столового вина «белой головки» и «красной головки».

Известны также случаи, когда дети алкоголиков рождались с тремя звездочками на лбу или каким-нибудь заводским клеймом.

Зарегистрированы и такие случаи: дети алкоголиков рождались не у своих родителей, а у чужих, что объясняется попаданием первых (своих родителей) спяну в чужие квартиры. И в данных случаях закон алкоголической наследственности передается незаконным путем, что, конечно, вносит сумбур в науку, в частности, в статистику.

Алкоголики, допившиеся до зеленого змия, рожают детей хилых, с зеленым цветом лица.

Дети алкоголиков становятся декадентами, эго-футуристами, просто футуристами и совсем просто дрянью безо всяких ярлыков.

Статистика

В «доброе старое время» (до воспрещения продажи спиртных напитков) в России на каждого безлошадного мужика приходилось в среднем по 20 ведер водки в год, а на каждую стриженную девку по $5\frac{1}{2}$ ведер, на каждого грудного младенца по $\frac{2}{3}$ сороковки. Грудным младенцам лили водку на темечко — «чтобы привыкали».

Исидор Гуревич ТРЕЗВАЯ РОССИЯ

(Прогноз будущего)

...десять призовых лошадей

Деревня

На повойниках у баб эгреты
и эспри

У каждого крестьянина в супе курица-цесарка. На второе — котлеты de volaille. На третье — пломбир.

Крестьянские ребятишки едят яйца не только на пасхе.

У самого безлошадного крестьянина на конюшне десять призовых лошадей.

В каждой избе: барометр, термометр, Богданов-Бельский, Малявин, Архипов, Бродский, Лаховский, мраморная ванна и W. C. и футуристская литература.

Пожарные команды с паровыми машинами.

Недоимок нету. Подати вносятся за десять лет вперед.

На посиделках играет пианола. Pardon и bonjour чередуются, как приливы и отливы моря. Вместо частушек распевают стихи Цензора. Пьют Виши и Боржом. Вместо площадных слов — переулочные, вместо «последних» — предпоследние.

У ребятишек на перевязи через плечо бархатные мешочки с носовыми платками. Вместо подсолнухов — Gala Peter.

При каждом волостном правлении банкирская контора, у каждого мужика on call, а на нем сотни по две нефтяных.

У старшины автомобиль, у старосты мотоциклетка, у сотского трицикл, у десятского велосипед.

У ребятишек на перевязи
через плечо бархатные
мешочки

На повойниках у баб эгреты и эспри.
Поля обрабатываются по последним требованиям агрикультуры.

Вместо махорки — гавана. На каждом перекрестке плевательницы. Через хату зубной врач.

Свиней откармливают сахаром. Окорока не сходят с крестьянского стола.

Волостной писарь — в смокинге.

Гастроли Варламова, Шаляпина, Кшесинской.

Город

Ломбарды от безработицы закрываются.

Фабрики перестают выделять ситцы и дешевые материи.

Предметы роскоши раскупаются в розницу — местного производства у ворот фабрики, заграничного — на вокзалах.

Извозчики в цилиндрах, все Ваньки — Жаны.

На улицах ни одной лужи: некому лежать в ней. Мостовые чистят бензином и натирают воском.

Городовые вместо протоколов пишут свои мемуары. Дежурные дворники играют с прохожими в шашки.

У каждой проститутки свое safe.

В банках все безопасные ящики разобраны. Несгораемые шкафы идут ходко.

В магазинах давка. В театрах две давки. В кинематографах три давки.

Вместо арбузов продают навыверз с тележек ананасы.

В Государственном Банке для запасов золота углубляют подвалы на целую версту.

Свадьбу празднуют целый месяц. Медовый месяц тянется целый год. Свадебное путешествие тянется до загробной жизни.

Гостей закармливают до кареты скорой помощи.

В морозные, солнечные дни устраивают бои цветов.

В петроградских городских скверах фонтаны (отапливаемые зимой электричеством) брызгают заграничными духами, из ртов дельфинов льются струи цветочного одеколона.

На каждом трамвайном столбе электрический закуриватель.

На каждом перекрестке подземные гигиенические уборные, с аквариумами и надписями: «просят свой туалет приводить в порядок, не выходя из помещения».

В городских ночлежных домах каждый ночлежник получает за 5 копеек: 10 копеек сдачи, полуторную кровать с пружинным матрасом и волосяным матрасиком, плюшевый халат, теплые туфли, кофе или какао, три булки, две сдобные плюшки, кусок мыла, зубную щетку, «одоль», безопасную бритву, десяток папирос, ванну и душ.

Трамваи идут по всем направлениям, в любое время и для любого числа пассажиров. Кондуктора подсаживают, а не высаживают. Пассажиры, не успевшие взять билета, посылают пятачок за проезд почтовым переводом на имя городского головы.

Волостной писарь — в смокинге

Для приезжих провинциалов в Петрограде имеются бесплатные городские «гостеприимные дома» с бесплатным столом. В Мариинском театре дорогим гостям за счет города отводят специальный ярус. К каждому гостю приставляется городской гид и городской автомобиль.

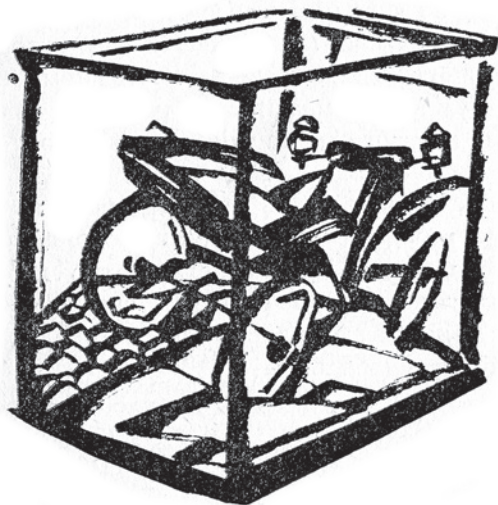
В провинциальных городах те же удобства предоставляются петроградцам.

Торговцы безжалостно обмеривают и обвешивают себя. Недоброкачественное мясо уничтожают еще при жизни той скотины, из чьей туши оно взято.

Дровяники каждому заказчику привозят на дом дсервья и напильвают тут же столько сажений дров, сколько ему нужно.

В петроградских больницах все коридоры и полы свободны — свободны от больных.

Тифозных приходится в среднем по 1/2 больного на каждые 700.000 жителей, ибо Нева так чиста, что ни один вибрион не выживает в ней и население столицы пьет сырую воду без страха для здоровья и упрека отцам города. Из воды Крюкова канала при помощи только газирования, не подвергая кипячению и дистилляции, приготавливают столовую воду «Крюковку».

В музее хранится извозчичья пролетка

В городских родильных приютах так непривычно много свободных мест, что родильницы по старой привычке рвутся и торопятся занять их. Результатом торопливости являются преждевременные роды. Но теперь это не страшно: по всему городу раскинулась сеть приютов для недоношенных младенцев.

При главном родовспомогательном доме имеется музей, в котором хранится извозчичья пролетка и кусок панели с надписью: «Места рождения петербуржцев до запрещения спиртных напитков».

В Воспитательный Дом не подкидывают детей. Открыто приносят туда детей все, кому лень заняться их воспитанием у себя на дому. Приносят лица всех званий и состояний. Сдают на определенное воспитание: до чина статского советника, воспитать банкира, просто вывести в люди, приготовить в «человеки» и т. д.

В тюремных замках заключенные группируются по специальностям: «маровихерское отделение», «домушническое отделение», «шулерское отделение» и т. п. Этим достигается узкая специализация преступников, ибо при прежней системе маровихеры научались домушничать, домушники — маровихерничать и т. д.

В «Новом Времени» вместо объявлений соблазнительного свойства при редакторском кабинете устроились специальные кабинеты для лиц, ищущих «интересных вечерних занятий».

Антрепризы стали огнеупорными и ни один антрепренер не вылетел в трубу.

При медицинских факультетах была образована новая штатная должность записного пьяницы и две сверхштатных: запойного пьяницы, случайного пьяницы. Эти лица должны служить для наглядного демонстрирования влияния алкоголя на организм. Их часто представляют к наградам «за появление в общественном месте в нетрезвом состоянии на благо родной науки». В случае болезни этих должностных лиц лишь с большим трудом, за большие деньги, удастся достать желающих временно заменить их в этом трудном, непривычном и вредном для здоровья деле.

При выходе этих должностных лиц на пенсию они приравняются к водолазам и рудниковым рабочим.

Трудно обрисовать все то благо, которое выпадет на долю Трезвой России.

Достаточно сказать, что «Попечительство о народной трезвости» будет владеть жалким существованием за отсутствием пьяниц.

Что касается вышеупомянутых должностных лиц, то их неприкосновенность от влияния на них «Попечительства о народной трезвости» будет гарантировано законом.

МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Тэффи

Теперь это вымирающий вид.

Наши потомки будут вспоминать о них, как об ацтеках, ихтиозаврах или мамонтах.

Они вымирают.

Недавно удалось мне видеть один редкий экземпляр, так ярко напомнивший еще недавнее прошлое.

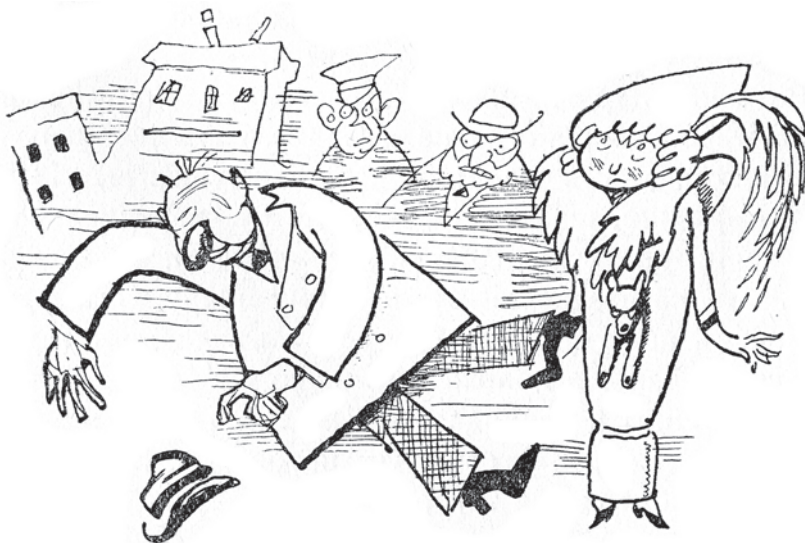
Экземпляр шел по улице, покачиваясь и молча кренделял ногами.

За ним следовала озлобленная кучка завистников.

— И где это ты насосался-то? — ревниво спрашивали они.

— И чем это ты нализался-то?

И никакого дела не было им до личности этого кренделявшего человека. Их интересовало только одно: где и чем. Где это благословенное место, где можно раздо-

Экземпляр шел по улице, покачиваясь и молча кренделял ногами

быть такую штуку, от которой ноги кренделять начинают. И что это за штука такая?

— Неужто, водки достал? — стоном вырвалось у кого-то.

И все были мрачны и жутко было видеть их сдвинутые брови и оскаленные зубы. Не то было прежде.

Прежде пьяный шел по улице гордо, ни только не скрывая своего состояния, но даже как бы подчеркивая его.

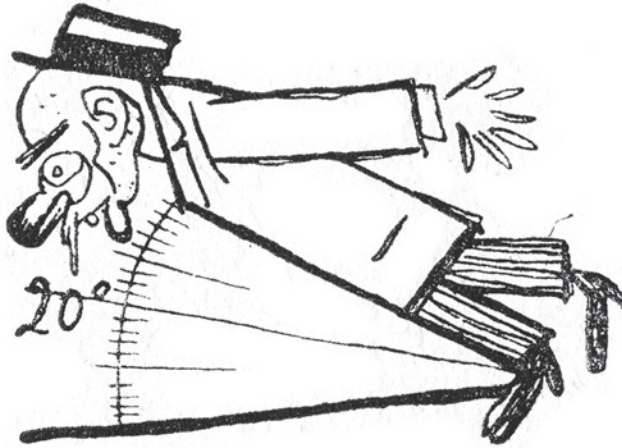
— Ишь ты!

— А ловко ты братец, того!

А швейцары держали пари с подворотными шпиками — дойдет пьяный или свалится.

Раз как-то видела я потрясающую картину, которая, вероятно, никогда не изгладится из моей памяти.

Я видела, как человек, нарушая существеннейший закон физики, шел, находясь не в вертикальном положении по отношению к земле, а представлял как бы касатель-

Он представлял как бы касательную к земному шару

ную к земному шару. Он был наклонен под углом градусов в двадцать. Держаться в таком положении можно вообще не больше одной секунды и секунда эта находится как раз в центре тех трех секунд, которые затрачивает каждый человек для того, чтобы шлепнуться на землю. Продержаться в таком положении две секунды уже невыносимо.

Но тот, которого я видела, мог. Мог потому, что был пьян. И вот в таком наклоне, мелко перебирая ногами, двигался он вдоль улицы. На лице его бледном, с выпученными глазами застыло выражение какого-то неземного нечеловеческого ужаса.

Из всех ворот и дверей высыпали люди: дворники, швейцары, лавочники. Извозчики остановили лошадей.

— А-а...

Даже вздохнуть не смогли. Дух перехватило. Замерли.

И когда, наконец, закон физики одержал верх, пьяный свалился, вся улица вздохнула сразу облегченно и удовлетворенно.

Закон должен быть незыблем и нерушим.

Незабываемая и неповторимая картина. Будет, что вспомнить под старость.

Самыми пьяными людьми считались почему-то сапожники.

— Пьян, как сапожник.

Сапожники не отрицали этого, но, стараясь оправдаться в глазах человечества, сваливали все на самую невинную скромную и беззащитную часть обуви — на стельку.

— Пьян, как стелька.

Эти сапожники пустили в оборот такое сравнение:

— Стелька виновата. От ней все качества. Под ее влиянием и от ее дурного примера и сапожники портятся. Ежели стелька себе разрешает, так сапожнику и бог велел.

Кто выдумал определять степень опьянения вязаньем лык — не знаю. Верно, какие-нибудь специалисты-лыковязы. Я видела многих трезвых, которые никогда в жизни не вязали лыка. И за что только поговорка клеймила их — неизвестно.

Много напраслин терпит человек.

Глубокой мистической тайной дышит поговорка:

— Пьян да умен — два угодя в нем.

Заметьте — два угодя. Одно значит угодь от того, что пьян, а другое оттого, что умен.

Вычеркнем «умен». Остается одно угодь — пьян.

Иной дурак и подумает:

— Умным быть — где уж там.

А напиться и легко и приятно.

И приобретал «угодь».

Пьяница.

Какое это удивительное слово.

...а пьяницу вы видите

Определяет сразу и род занятий, и внешний облик человека.

Гадкое слово.

Скажите «картежник», «развратник», «взяточник».

Увидите ли вы лицо их? Определите ли по одному названию?

Никогда.

А пьяницу вы видите.

У него серый лоб, прищуренные глаза, щеки с красными жилками и толстый, определенно красный налитой нос.

Пьяница вдумчив, и к какой бы категории ни принадлежал, какое бы место на общественной лестнице ни занимал, чем бы ни напился — шампанским, коньяком, пивом или сивухой, он всегда философ, всегда хочет проникнуть в суть вещей.

— Н-нет, ты мне скажи п-почему!

Это основной мотив самотерзания пьяной души.

— «П-почему»?

И сапожник, и профессор консерватории — одинаково мучаются.

— «П-почему»?

Женщины большею частью боятся пьяных, сторонятся от них и стараются не вступать с ними в разговоры.

Мужчины наоборот.

Мужчины относятся к пьяным с какою-то особенной искренностью. Поддерживают их, умиляются над пьяной ерундой и беседуют с ними, как с нормальными людьми.

— А п-почему днем не бывает месяца? П-почему? Ты должен п-пожалста ответить.

— Ну, какой вы право, Сергей Иванович — улыбается трезвый. — Ну, вы же сами понимаете...

— Нет, ты мне скажи п-почему? И почему листья зеленые?

— Ну, окраска такая.

— Нет, ты мне скажи, п-почему окраска? Эдак и дурак скажет — окраска! А ты скажи, п-почему?

И трезвый умиляется.

К пьянству, — несмотря на многовековое его существование, — как-то не выработалось определенного отношения.

Не то это болезнь, не то забава.

— Знаете Петр-то Петрович до зеленого змия допился.

— До зеленого змея? Ха-ха-ха!

— Да, говорят белая горячка.

— Белая горячка? Ха-ха-ха!

— Петр Петрович запоем пьет.

— Ах, несчастный человек.

Так и неизвестно, на какое отношение можете вы рассчитывать, рассказывая о Петре Петровиче. Вызовет он сожаление или смех.

Слышали мы и такие рассказы.

— С Савельевым-то, что случилось! До того напился, что из пятого этажа в окошко выпрыгнул. Ха-ха-ха!

— Ну, и что же!

— Ну, и разбился, ха-ха-ха, насмерть.

Или такой.

— А знаете, несчастный Андрей Егорыч! Вчера выпил у Ерофеевых и сегодня весь день у него голова болит.

— Вот бедняга! Это ужасно!

Странное отношение. Всегда неожиданное, неопределенное, невыработанное и необоснованное.

Еще одно удивительное явление, всегда привлекавшее мое внимание, и так и оставшееся для меня необъяснимым.

Это — извозчик, на котором едут пьяные.

Почему этот извозчик никогда не едет прямо, а всегда винтом с одной сторо-

ны улицы на другую, причем лошадь, то бежит неистовым галопом, то плетется шагом?

Ведь, извозчик-то не пьян и лошадь не пьяна. Седоки тоже не подгоняют и не останавливают — они галдят, обнявшись, свою пьяную песню.

В чем же тут дело?

Так многое еще не осознанное и необъясненное канет в вечность и вероятно только через несколько веков выплывет в памяти человечества в виде чудовищных, фантастических, а, может быть, и прекрасных легенд.

**АРК. АВЕРЧЕНКО. А. БУХОВЪ.
В. АЗОВЪ. О. Л. ДОРЪ. ТЭФФИ.**

**„ТЕПЛАЯ
КОМПАНИЯ„**
(сз кѣмъ мы воюемъ)

ИЗДАНИЕ
ЖУРНАЛА
НОВ. САТИРИКОН.

ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ
(с кем мы воюем)

Влад. Азов
ГЕРМАНИЯ
(Введение к познанию оной)

Счастлив тот, кто сшил себе
В Гамбурге штанишки.
Благодарен он судьбе
За свои делишки.

Н. В. Гоголь.

На порядочной карте Европы найти Германию довольно легко. Закройте правой пятернею Россию, левой Францию, а бородою или хоть голым подбородком навалитесь на Австрию. Перед вашими глазами возникает тогда на карте бурое, цвета запекшейся крови пятно, имеющее очертание не то драконизированного борова, не то оборовленного дракона. Это бурое пятно и есть та загадочная страна, которая с 1871 года называется Германией, а раньше не называлась никак, или же называлась в просторечии Неметчиной. Это бурое пятно и есть то бесцеремонное государство, которое в 1871 году плюхнулось в самую середину карты Европы, заставив всех потесниться.

Если бы какой-нибудь дурак вздумал протянуть поперек всей Германии веревку, вроде как у нас, в провинции, протягивают через весь двор для сушки белья, понадобилась бы с севера на юг веревка длиной в 853 версты. Такой веревки, конечно, не найдется даже в прославленной своею канатной промышленностью Германии. Тем не менее некоторые позволяют себе утверждать, что им удалось измерить Германию не только поперек, с севера на юг, но и вдоль — с запада на восток, и что будто бы на это дело пошло 1265 верст тонкого шпагата. Это представляется нам просто нелепым хвастовством, и мы не замедлим пояснить наше утверждение наглядным примером.

Считая, что на пуск хорошего змея, с гребешком и барабаном, требуется (maximum!) сто сажень тонкого английского шпагата, мы видим, что длины Германии с запада на восток хватило бы на пуск одним гимназистом 6325-ти змеев или, что в результате одно и то же, — на пуск 6325-ю гимназистами каждым по одному змею. Эти соображения без дальнейших комментариев доказывают, насколько преувеличенными являются распространяемые, конечно, самими немцами, сведения о длине Германии.

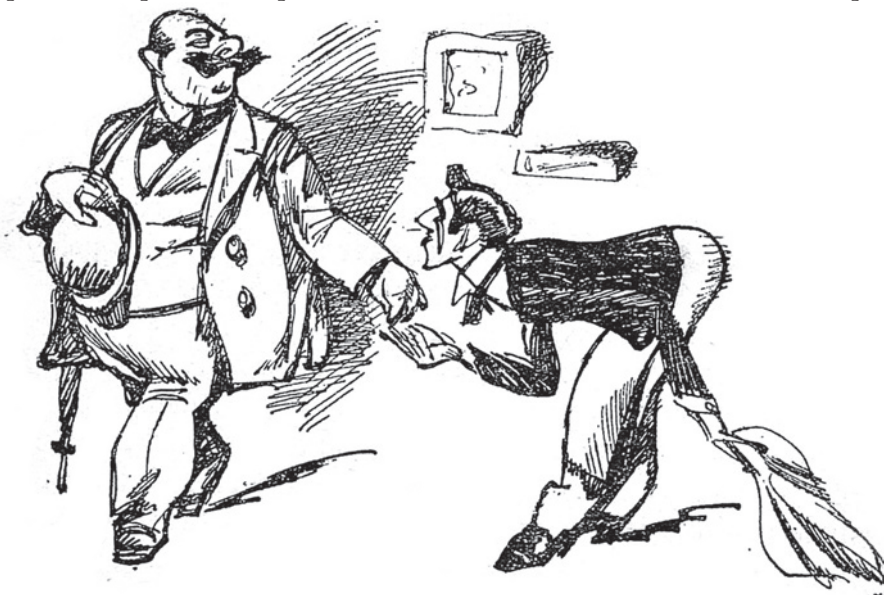

ГЕРМАНИЯ (Символический рис. Ре-ми)

Это любопытная страна, которую с севера с незапамятных времен омывают, но, по-видимому, никак не могут омыть, целых два моря, населена немцами в количестве 68.237.416 экземпляров, не считая канцлера Бетман-Гольвега и бывшего германского посла в Петрограде графа Пурталеса. Добросовестнейшие статистики утверждают, что в Германии на каждые 100 жителей приходится 93 немца. Куда же, спрашивается, деваются остальные 7, которых не хватает до каждой сотни? Не надо быть особенно прозорливым, чтобы сейчас же догадаться, что эти 7 немцев из каждой сотни составляют кадры германского шпионажа.

Немцы, населяющие Германию, разделяются на всенемцев, прусских немцев и остальных немцев. Германские всенемцы отличаются тем, что они живут в Австрии. Прусские немцы отличаются тем, что считают всех остальных немцев дураками, а все остальные немцы — тем, что считают прусских немцев выскочками, грубиянами и невежами. Исключение составляют только саксонцы, которых прусские немцы считают и дураками и невежами, и которые сами себя считают единственными настоящими немцами. Кроме немцев, Германию населяют еще немки и немчики, известные под общим названием немчура.

Первые сведения о немцах привезли в Россию русские путешественники, возвращавшиеся через немецкие земли из Парижа. Они распространяли слухи об услужливости немцев, об их скромном и почтительном поведении, об их кельнерах, кланяющихся в пояс за данный на чай зильбергрош, о раболепном их преклонении перед титулами и званиями и об их любви к сосискам, музыке, пиву и девушкам с ангельскими чистыми глазами, умеющими проворно вскакивать на колени к завсегдатаям их пивных. Немцы нам сразу понравились и некоторые даже гениальные русские люди (например, Гоголь) считали счастьем обзавестись в Гамбурге парой штанов из светлой нанки, а Аксаков приходил в восторг от немецкого угощения, заключавшегося в бутербродах, которые гости приносили каждый с собою и каждый для себя. При бли-

...об их кельнерах, кланяющихся в пояс за данный на чай зильбергрош

жайшем, однако, знакомстве с немцами у нас наступило некоторое разочарование, и тот же Гоголь, не успев еще, может быть, износить нанковые штаны, заказанные в Гамбурге, со всем ядом своей сатиры обрушивается на петербургских немцев. Тургенев влюбляет своего Санина, хотя и в Германии, в итальянку и оставляет одно из картиннейших описаний немецкой наглости. Что же касается Салтыкова-Щедрина, то его немецкий мальчик в штанах, противопоставленный русскому мальчику без штанов, заставляет целое поколение смотреть на немцев не без ужаса. Впрочем, к этому времени, к эпохе Щедрина, немцы превратились уже из любителей музыки и пива в любителей французского шампанского и крупповских орудий.

К этому же времени относится изобретение немцами обезьяны, давшее колоссальный толчок немецкой промышленности.

Кто именно из немцев изобрел обезьяну, до сих пор не установлено, и пруссаки приписывают честь этого изобретения себе, в то время как швабы считают, что идея этого изобретения принадлежит во всяком случае им. Как бы то ни было с изобретением обезьяны, немцы покрыли свою страну фабриками, заводами и мастерскими, целью которых явилось всемерно обслуживать и удовлетворять, иногда даже предупреждая их, потребности этого замечательного во всех отношениях животного. Для удовлетворения потребности обезьяны в дешевой (обезьяны, как известно, не богаты) роскоши, немцы понастроили в своих городах многоэтажные магазины с продажей в них за гривенник цветных галстуков и за полтинник персидских ковров. У них появились рестораны, вмещающие до 3000 четвероруких, автоматические закусовые с отпуском собачьей колбасы, места для отправления естественных потребностей, разукрашенные как дворцы и, наконец, колонии во всех частях света. Изобретение обезьяны дало также толчок и направление немецкой литературе. Для удовлетворения духовных потребностей и любопытства этого животного немцы затеяли бесчисленные юмористические журналы, которые, под названием *Witz-blätter* совершенно вытеснили с книжных полок творения писателей эпохи гамбургских нанковых штанов. Для удовлетворения эстетических запросов обезьяны немцы соорудили в Берлине известную всем Аллею Победы, а в Мюнхене открыли в огромном стеклянном дворце постоянную картинную выставку. Таким образом, в служении обезьяне даже непримиримые швабы, приписывающие честь изобретения обезьяны себе, пожали руку своим извечным врагам пруссакам.

Изобретение обезьяны, давшее такой колоссальный толчок промышленному и торговому развитию Германии, не могло не отразиться и на ее политике. С момента изобретения обезьяны для Германии открывается эра усиленных вооружений и ее мечтою становится создать флот, превосходящий по силе и количеству судов флот давней владычицы морей Великобритании. Собственные колонии для культуры кокосовых орехов и собственный флот для перевозки их. Это на море. А на суше: собственные щипцы для раскалывания привезенных на собственных судах из собственных колоний орехов, сработанные собственными руками из собственных материалов.

Если, зажмурив глаза, вы ткнете указательным перстом в середину бурого пятна, обозначающего на карте Германию, вы закроете мягкой подушечкой, которой, надеюсь, заканчивается ваш указательный палец, Берлин с его окрестностями. Официально, по географическому паспорту именуемый просто Берлином, этот город, расположенный по обеим берегам ничтожной речонки Шпре, стал титуловаться немцами, со времен изобретения ими обезьяны, самыми почетными титулами. Его

называют Афинами на Шпре, Римом на Шпре, Москвою на Шпре, Парижем и Лондоном на Шпре и даже Калькуттой и Гайдерабадом на Шпре. Когда это все перестало удовлетворять тщеславие немцев, они официально окрестили свой Берлин великим Берлином, и тут уж иностранцам ничего не оставалось поделывать, как повторять за этими чудаками: Gross Berlin. Чтобы хоть как-нибудь оправдать это свое наименование, Берлин, не будучи в состоянии сделаться действительно великим, стал в один прекрасный день очень большим. Сделано было это по системе удава: Берлин проглотил окружавшие его кольцом маленькие города и включил их в сеть своих железных дорог и своих пивных и закусочных. Вывеска «Ашингера», возвещающая пиво и сосиски, протянула свои щупальца от центра старого Берлина вплоть до опушки Грюневальдского леса. Говорят, когда это произошло, последний фавн, уцелевший каким-то чудом в этом прославленном лесу, вышел из оногo, ударил шапку оземь и поступил вертельщиком «чертова колеса» в открывшийся поблизости Луна-Парк. А проживавшая на опушке леса последняя Гретель пошла в тот же Луна-Парк в «бирмамзели».

Последний фавн поступил вертельщиком «чертова колеса» в Луна-Парк

Сделавшись непререкаемым центром Германии, как в отношении материальной культуры, так и в отношении культуры духовной, Берлин не замедлил наложить на Германию свой тяжелый штамп. Глядя на берлинцев, все немцы превратились в коммивояжеров, шумливых, пестро одетых, грубых, курящих сквернейшие сигары и носящие усы по образу и подобию кайзера. Берлин превратился в какую-то грандиозную парикмахерскую для оболванивания всех немцев на один, к тому же пошлый, образец. Немцы стали до того похожи друг на друга — всей внешностью, костюмами, манерами, речью, привычками, — что стало необыкновенно трудно различать их. Иностранец раскланивается со знакомым немцем и мучительно думает: «кто это такой? профессор Шульце, у которого я слушаю курс истории римского права, или сапожник Шмидт, который, подлец, взял с меня 2 марки 60 пфеннигов за бумажные подметки?»

Некоторые иностранцы даже с ума от этого всенемецкого сходства сходили и ловили себя на том, что слушают лекции у сапожников или лечатся у портных. В семейную жизнь самих немцев это всенемецкое сходство, эта нивелировка под Берлин внесла также не мало расстройств. Констатированы были тысячи случаев, когда немки вполне искренне принимали своих любовников за своих мужей и наоборот. Мас-

са было также случаев, когда кондуктора берлинских трамваев, не будучи в состоянии распознать, где кончаются они, и где начинается публика, сами с себя — и пренахально! — требовали деньги за проезд. Дошло до того, что кайзер, чтобы не быть смешиваемым с другими немцами, абсолютно на него похожими и во всем ему подобными, вынужден был завести себе оригинальный автомобильный гудок, исполняющий несколько тактов из «Проклятия Вотана», и вместе с тем запретить остальным немцам пользоваться гудками, исполняющими какой бы то ни было мотив. Некоторые особо умные немцы призывали к борьбе с этим всеобщим обезличиванием, резонно усматривая

в нем месть обезьяны, вызванной немцами к тревожной жизни из сладкого небытия. Но, злоупотребляя своим, еще Бёрне кодифицированным правом быть глупыми, немцы и слушать не хотели своих умных людей. Зато призывы вроде тех, что немецкая культура должна быть палками вколочена в тупые славянские головы, пользовались у них неизменным успехом и вызывали восторженные клики «hoch». Все головы, кроме подстриженных под берлинскую машинку и украшенных усами по-кайзерски, стали казаться немцам тупыми. И очень серьезные немцы, не будучи в состоянии примириться с таким, например, возмутительным фактом, что вот Микель Анджело был великим художником, а не был немцем, — повели обширные исторические розыскания с целью доказать, что все великие люди прошлого были немцами. Это им удалось, и немцы окончательно уверовали в свою богоизбранность. Обезьяна, которую немцы изобрели, даже не потрудившись осведомиться у нее, желает ли она быть изобретенной, продолжала мстить за себя. Это она нашептала немцам их грандиозно-маниакальные идеи, приведшие их к конфликту со всем миром.

Тупые славяне, тупые галлы, тупые англо-саксы, тупые японцы объединились и колют орехи на умных немецких головах. С каждым расколотым на головах у них орехом у немцев проясняются мозги. С каждым расколотым у них на головах орехом немцы умнеют и от благодетельного сотрясения маниакальные идеи со свистом и шумом вырываются наружу и испаряются, как демоны, изгоняемые колотушками из бесноватого. Тупые славяне помогут немцам свергнуть захлестнувшее их окончательно иго обезьяны, и для Германии начнется новая жизнь.

«Счастлив тот, кто сшил себе в Гамбурге штанишки», — писал Гоголь.

Мы еще будем шить себе штаны и в Гамбурге и в Берлине. Но, немцы! — по справедливой оценке, а не на основании унижительного торгового договора, который вы навязали нам в момент нашей слабости и в расцвете вашей самовлюбленности и самоопьянения.

Тэффи ГЕРМАНИЯ

Обзор географический

Германия есть нечто вроде государства, граничащего на севере с Балтийским и Северным морем, а на западе, юге и востоке — Союзными армиями.

Устройство поверхности

Поверхность Германии устроена очень странно, а именно: она чем ниже, тем выше. На юге поверхность ее выше, чем на севере. И оттого, что она чем ниже, тем выше, она, следовательно, чем выше, тем ниже. Это географическое недоразумение, само собою разумеется, отражается, на всей жизни страны и на характере ее обитателей, вызывая в последних сильную уравновешенность. Чем ниже, тем выше, чем выше, тем ниже. Таково устройство поверхности Германской Империи.

Почва Германии разделяется на

- 1) неплодоносную,
- 2) неплодородную и
- 3) малопригодную.

Неплодоносная часть Германии покрыта торфяными болотами.

Неплодородная — мелкими камнями.

Малопригодная — песком и глиной.

Климат

Климат Германии по свидетельству науки (география Смирнова) обладает следующими еще непрезвыденными качествами: около моря он морской, а чем глубже в континент, тем он становится все континентальнее и континентальнее, пока не делается окончательно континентальным, — а именно около юго-восточной границы государства.

Летом (по свидетельству той же науки) бывает в Германии значительно теплее, чем зимой, зимой же значительно холоднее, чем летом.

Летом перепадают дожди, зимой бывают морозы.

На юг немцы ездить не могут, потому что юга у них нет. Куда ни двинься — климат одинаковый, потому что, как мы уже упоминали, Германия — чем выше, тем ниже, и чем ниже, тем выше.

Реки и каналы

По Германии протекает много рек, но самым обидным для Германии образом — не целиком, а только кусочками.

Таким образом немцы, любящие воспевать свои реки в стихах и песнях, вечно стеснены в своих поэтических порывах. Ибо неудобно петь:

«О, как ты прекрасен, Рейн в конце своего течения».

или:

«Люблю тебя Дунай до Австрийской границы».

Воспевать же реку целиком значило бы безвозмездно работать в пользу соседей, что совершенно с укладом немецкой души, даже самой поэтической, не согласуется.

Это качество немецких рек, повторяю, тяжелая страница немецкой жизни.

В утешение себе немцы соединили свои неудачные реки каналами.

Народонаселение

Слово «Германия» состоит из двух слов.

Из слова «гер», что значит «господин» и слова «мания» — что значит «мания».

Итого: слово Германия значит «господомания». Иначе говоря — хочу быть баррином.

Название это указывает на истинное желание немцев попасть в господа, а также на то, что господами они никогда не были — иначе, получив желаемое, утратили бы стремление и название получили бы другое.

Коренные жители Германии, так называемые немцы, или германцы (испорченное германьки) отличаются настойчивостью, терпением и трудолюбием.

Занимаются германьки преимущественно торговлей и промышленностью.

Тяжелы были первые шаги их на этой почве. Старинная русская песня говорит об этом в коротких, но тем не менее за душу хватающих словах:

«Немец, перец, колбаса,
Купил лошадь без хвоста».

Здесь все, в этой маленькой песенке: несложные запросы немецкой натуры — перец и колбаса. Колбаса — сущность, перец — красота жизни и вдохновение; и затем деятельность — купил лошадь без хвоста.

Но вот в последних словах — загадка: почему он купил лошадь без хвоста? По глупости или по скупости.

Разрешить загадку — дело истории.

Но трудно отделаться от тихой лирической печали, навешаемой этой песнью о немце.

По натуре своей немцы спокойны и прозаичны. Одно есть у них увлечение, тайное, глубокое, могущественное, но они скрывают его всеми силами души и никогда в нем не признаются.

Они влюблены в французов.

Если вы скажете немке, что она похожа на француженку — она покраснеет и заикается от радости.

Каждый немец с наслаждением говорит «пардонг», «салонг» и прочие неудачные ему слова.

Любовь к французам — глубоко несчастная любовь. Безнадёжная. Французы немцев терпеть не могут. Органически.

И речь французская в немецкий рот не укладывается. Если немец говорит по-немецки, он может, если пожелает, выдать себя за шведа, англичанина, русского. Но когда немец заговорит по-французски — он открыт бесповоротно.

Отсюда и пошел радостный возглас, обратившийся в поговорку:

— Эге! Шпрехен зи дейч, Иван Андреич!

Кроме коренных германьяков в Германии живут еще французы и поляки — и по свидетельству науки (география Смирнова) «подвергаются систематической германизации».

«Германизация» — слово не русское и в переводе означает приблизительно «драть как Сидорову козу».

Особенно усиленной германизации предаются народные учителя в немецкой Польше.

Особенно усиленной германизации предаются народные учителя в немецкой Польше

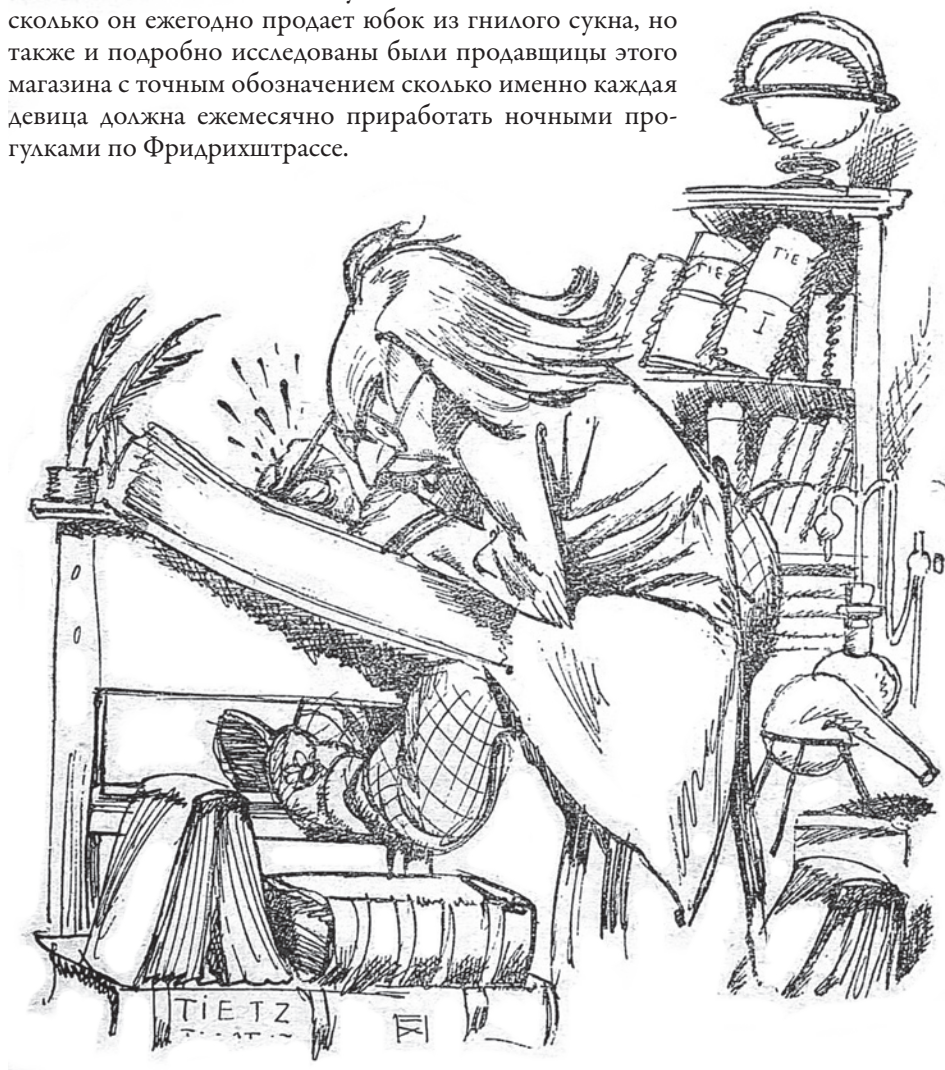
Германизированные ими дети часто оставались калекami на всю жизнь или умирали преждевременно.

Промышленность

За последние годы Германия сделала большие успехи в области промышленности.

Настроили множество фабрик, наоткрывали огромные магазины, а немецкие ученые написали толстые книги об этих фабриках и магазинах.

Так о знаменитом берлинском магазине Вертгейма не только написано в большом ученом исследовании о том, сколько он ежегодно продает юбок из гнилого сукна, но также и подробно исследованы были продавщицы этого магазина с точным обозначением сколько именно каждая девица должна ежемесячно приработать ночными прогулками по Фридрихштрассе.

...немецкие ученые написали толстые книги об их фабриках и магазинах

*Девушки, завертывающие
товары, должны быть очень
молоды и очень красивы*

и Вертгейм оплачивает целую треть ее земного существования. Ей остается раздобыть на Фридрихштрассе только две трети.

Но вот пройдет еще несколько лет, приобретается еще большой опыт, и девушку переводят в отдел блузок.

Затем в отдел шляп.

Затем в отдел готового платья, где она уже имеет полное право совсем подурнить и составить, потому что прирабочать ей приходится сущие пустяки, на какой-нибудь воскресный шмандкухен или пару перчаток.

Все высчитано, взвешено, исчислено и записано.

Само собою разумеется, дело, столь правильно, толково и серьезно поставленное, должно давать прекрасные результаты.

А так как подобная толковость и серьезность являются принципом всех немецких дел и предприятий, то само собою разумеется, что Германия богатеет, развивается и преуспевает.

*Девушку переводят
в отдел блузок*

...Затем в отдел шляп

*...Затем в отдел готового
платья*

Свиньи

Германия в большом количестве производит свиней. Почти все население Германии предается производству свиней.

За последние годы свиноводство Германии достигло размеров, не поддающихся никакой статистике.

Как некогда Генрих Четвертый мечтал о курице в миске каждого крестьянина, так Вильгельм Второй мечтает о том, как бы хорошо было каждому подложить свинью. И подкладывает. Разводит и подкладывает.

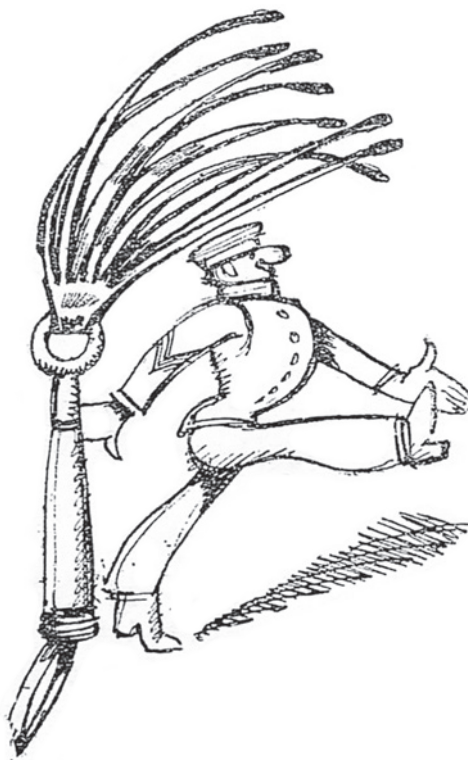

Свинья

Леса

Лесов в Германии не очень много, но содержат их немцы очень тщательно, ибо при помощи свежесрезанных ветвей воспитывают свое молодое поколение.

Для людей более зрелого возраста, уже не требующих к себе особо нежных, так сказать материнских отношений — как, например, в казармах и военных судах — розги без лишней сентиментальности заменены кошками-девятихвостками. Это охраняет леса от излишней порубки и поддерживает в воинах бодрость духа и мужество. И эта разумная экономия идет тоже на пользу стране, порождая тихую зависть в более расточительных и не столь благоустроенных государствах.

...поддерживает в воинах бодрость духа и мужество

Вода

С водой немцы тоже обращаются бережливо. Реки и озера чистят и моют с мылом.

Земля

Земли в Германии не много и немцы холят и берегут ее. Стараются не пачкать.

В больших городах каждое утро специальные чиновники, состоящие на городской службе, вылизывают дочиста языком все залитые асфальтом улицы. Простые мостовые метут метельщиками.

...Чиновники, состоящие на городской службе, вылизывают дочиста языком асфальтовые мостовые

Университеты

В Германии очень много университетов.

Профессора

В университетах немецких в былые времена читались лекции профессорами. В настоящее время профессора заменены почетными профессорами. Почетные профессора получили звание свое за различные подвиги. Один за то, что обладая оружейным заводом, хорошо отливал пушки — получил кафедру богословия. Другой за то, что будучи вахмистром, показал неустрашимость, поддев на штык двухмесячного серба — получил кафедру высшей математики. Третий за то, что, будучи рядовым, первый поджег Лувенскую библиотеку — получил кафедру литературы.

Профессора эти лекций не читают за недосугом, так что наука германская находится во временном застое.

Содержание немецкие профессора получают очень скудное, потому что немецкое министерство народного просвещения высчитало с точностью до одной сотой, сколько каждый профессор может приработать выгодной женитьбой. Профессор,

*«Почетный профессор»
германского университета*

Профессор, как человек ученый, высоко котируется на марьяжной бирже

как человек ученый, высоко котируется на марьяжной бирже и с легкостью находит денежную девицу.

Деньги у денежной девицы профессор отбирает после свадьбы в свою собственность и распоряжается ими на радость и пользу себе, разумно и мудро, как и подобает его званию. По воскресеньям профессор, как и всякий приличный немец, ходит с женой в ресторан, где, выпив одиннадцать кружек пива, не допивши двенадцатой, оставляет глоток для жены и, съев свиную котлету, позволяет жене долизать остатки соуса с горошком.

Если у профессора есть дети их берут также с собой, чтобы они во время отсутствия родителей не испортили чего-нибудь в квартире.

Но кормят детей в ресторане только теми же домашними подзатыльниками.

По воскресеньям профессор, как и всякий приличный немец, ходит с женой в ресторан

Студенты

Студенты немецкие отличаются от всего остального человечества рубленой мордой. Чем больше на морде рубцов, тем студент интереснее.

Это все следы дуэлей. Немецкий студент кровью, выпущенной из своей морды, смывает нанесенные ему оскорбления.

— Отчего у вас шестнадцать рубцов? — спрашивают студента.

— Оттого что я шестнадцать раз дрался на дуэли.

— Отчего же так много?

Немецкий студент

— Оттого что меня шестнадцать раз оскорбляли и приходилось смывать оскорбления.

Их ужасно часто оскорбляют — этих немецких студентов.

Русский студент может дожить до глубокой старости (а это сплошь да рядом с русскими студентами случается) и никому в голову не придет, что его надо оскорблять.

Никем не оскорбленный немецкий студент считается человеком непорядочным, в хорошем обществе нетерпимым, и, вообще, существом опозоренным. И несчастный, не сумевший заслужить необходимого для него оскорбления, запирается у себя в комнате и с разбегу разбивает лицом оконную раму.

И потом со свежими ранами идет в пивную, где долго и тускло врет перед замирающими от зависти товарищами, как его неистово оскорбляли, называли уличенным вором, подлецом, попрошайкой, шулером, как не подавали ему руки и били колбасой по физиономии. И вот целым рядом кровавых дуэлей он отстоял свою честь. Но он твердо надеется, что еще кто-нибудь не преминет оскорбить его и снова раскровянить его физиономию.

Немецкий студент, кроме вышеописанной физиономии, отличается еще необычайно нежного цвета розовым салом на затылке. Сало это лежит на воротнике твердым упругим куском, покрытым реденькой короткой щетиной золотистого или бурого цвета. Сало просвечивает на солнце, дрожит при смехе и пении владельца и радуется своим видом его друзей, родственников и почетных профессоров. В пищу оно не употребляется.

Сало просвечивает на солнце

Туристы

Турист

Кроме обычных мирных жителей, профессоров, свиней и студентов разводятся в Германии в большом количестве так называемые туристы.

Туристы эти вопреки своему названию никаких туров и путешествий не предпринимают. Называются же они туристами потому, что носят костюм, приспособленный к самым непроходимым местам земного шара. Немецкий турист может всю жизнь просидеть у себя на балконе, одетый в кожаную непромокаемую куртку, в подкованные на шипы сапоги, и в тирольской шляпе, украшенной кисточкой и щетиной дикого кабана.

Все это громоздко, тесно, тяжело, неудобно. Но он турист, и это имя его обязывает.

Истинный турист пойдет гулять по улочкам своего маленького городка не иначе, как вооружившись топориком для вырубания ступенек в глетчерах, лестницей для влезания на горные отвесы, веревкой для падения в пропасть и лопатой для копания собственной могилы на случай гибели.

Одетый таким образом, немец двигается с трудом. Глаза у него вылезают от натуги. Привешанный на спину мешок с запасными сапогами, бельем и теплой фуфайкой оттягивает ему плечи назад, и не будь его живот вдоволь налит пивом, он бы немедленно перекувырнулся на спину.

Привешанный на спину мешок с запасными сапогами, бельем и теплой фуфайкой оттягивает ему плечи назад, и не будь его живот вдоволь налит пивом, он бы немедленно перекувырнулся на спину

Украшает

Кисточка из кабаньей щетины имеет значение тройное: украшает, устрашает и служит для намыливания щек при бритье.

...и служит для намыливания

Глаза у него вылезают от натуги. Долго гулять турист не может. Он обессиливает на первом повороте в пивную, вваливается в нее и остается до тех пор, пока не наберет достаточно сил, чтобы, опираясь на альпеншток, вернуться домой. При очень тяжелом снаряжении ему приходится набирать силы с утра до вечера.

Таково тяжелое положение немецкого туриста.

Кисточка из кабаньей щетины — грустная улыбка его печальной жизни.

Устрашает...

Кайзер

Управляется Германия так называемым кайзером, который кроме того еще и кё-ниг.

Так как оба слова начинаются на букву «К», то верноподданные пишут вместо Кайзер-Кёниг — сокращенно «К. К.».

Незнакомые с этим порядком приезжие чужеземцы первое время очень удивляются, видя на вывесках лучших магазинов эти таинственные два «К».

«К. К. табачная лавка».

«К. К. — почтовое отделение»

«К. К. — булочное заведение».

Но отнюдь не надо понимать так, будто и табачная лавка и булочное заведение принадлежат Кайзеру-Кёнигу. Ничего подобного. Это означает только верноподданные чувства владельцев означенных учреждений.

Кроме торговых заведений, марку «К. К.» приспособили для себя также и люди различных профессий.

Например, вот, скромный «К. К.» — тромбонист.

Или:

«Вдова бывшего отставного К. К. — через огонь позолотчика».

Из этого второго примера явствует, что «К. К.» не теряет свою силу и не сокращается ни отставкой, ни смертью.

Таково отношение народа к Кайзеру.

И Кайзер не остался в долгу.
 Он дал своему народу с широтой чисто царственного размаха — три К.
 Киндер!
 Кирхе!
 Кюхе!
 Что значит:
 Дети.
 Церковь и
 Кухня.
 Это он преподнес немецким дамам.
 И был истинным джентльменом, так как перекозырял свой народ на целое «К».
 Странно, как одна буква может сыграть роль в истории страны!
 На пяти К. держится вся Германия.
 «К. К. К. К. К.».
 Три К снизу подпирают.
 Два К сверху.
 Два К сидят на трех К.
 Крепко, твердо, устойчиво.
 Отнять внизу хотя одно К... и дело пойдет куда хуже.
 Если детей будут воспитывать дамы, занятые не исключительно церковью и кухней — два К. наверху не будут, пожалуй, так прочно сидеть.
 Но пока что их удобство гарантировано.
 Пока...

Арк. Бухов АВСТРИЯ

Австрией называется страна, расположенная, благодаря предусмотрительности великих держав, в Европе. С юга она омывается Адриатическим морем, с востока — Россией, омывшей уже наиболее укрепленные пункты.

*...с востока Россией, омывшей уже наиболее
укрепленные пункты*

Австрия изобилует реками, служащими переправой для отступающих войск и для перевозки контрабандного оружия в соседние страны.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств Австрия находится между северной широтой и долгой; до последнего времени выпадало много атмосферных осадков, но в связи с нуждами военного времени производство их сокращено.

Климат в Австрии теплый и благоприятный — это общее мнение не только отдельных путешественников, но и целых армий, испытывавших длительное пребывание на австрийской территории.

Реки не обладают стремительным течением, но горы весьма быстроходны: опытный генерал переходит, например, Карпаты, в несколько переходов, не теряя артиллерийских парков и обозов.

Обмеления рек не заметно; усыхают только границы; над этим вопросом работают преимущественно историки.

Австрия представляет собой филиальное отделение германской империи, для розничной продажи. В мирное время отделением заведует Габсбургская династия, в военное время всеми делами заведует династия Гогенцоллернов; в это время Габс-

бурги работают исключительно на процентах, валовой же доход получают державы Тройственного Соглашения.

К трону приписан император Франц-Иосиф, которого за его оригинальный образ правления многие называют «престарелым». Ему принадлежит вся высшая инициатива, помимо объявления войны, издания законов и управления страной.

Над всем родом Габсбургов, как уверяют вечерние издания провинциальных газет, висит тяжелый рок; неизвестно, кем он повешен, но большие европейские газеты завели даже особый отдел после хроники городских происшествий: «Несчастья с Габсбургами», расцениваемый по повышенному гонорару.

Австрийская тайная полиция деятельно охраняет членов династии; в последнее время ее организация настолько окрепла, что даже смогла самостоятельно устроить убийство эрцгерцога на боснийской территории.

Габсбургам помогает рейхсрат; хотя это учреждение не династическое, но тоже подверженное несчастным случаям, особенно во время прений немцев и чехов. Депутатам рейхсрата как вольноопределяющимся предоставляется выбор рода оружия.

Чехи предпочитают чернильницы, немцы — движимое имущество семейных квартир — стулья, зонтики, цветочные горшки и т. д., которые они сносят за два часа до заседаний.

Во время проведения важных законов, Габсбурги, желая прислушаться к голосу страны, рейхсрат распускают и передают все на усмотрение государственного консула, который подает в отставку. Разрешение вопроса приходит из Берлина, с пометкой «Made in Germany» (сделано в Германии); это составляло почти весь импорт Австрии за последнее время.

Депутатам рейхсрата как вольноопределяющимся предоставляется выбор рода оружия

Население Австрии

Историки передают, что во время вавилонского смешения языков Австрия не сумела воспользоваться своей долей (можно ли не верить после этого злому року Габсбургского дома!) и с тех пор ходит без языка, пользуясь для необходимых случаев немецким. Можно прожить в Австрии шесть лет и не услышать австрийского языка, хотя русские еженедельные журналы и помещают иногда переводы с австрийского.

Население живет обрабатывающей промышленностью, немцы обрабатывают венгров, венгры — славян, славяне никого не обрабатывают, поэтому их промышленность называется добывающей. А что они добывают — это пока неизвестно.

Главный город Австрии — Вена, жители которой преимущественно занимаются венским шиком: засевают парки картофелем, окапывают окрестности и переезжают в другой город во избежание военных неприятностей.

В свободное от побегов время, венцы делают кофе по-венски, шницеля, венские стулья и пьют венское питье. Они отличаются особым патриотизмом и даже лучшее слабительное называют горькой водой Франца-Иосифа.

Вена считается одним из самых красивейших городов Европы; впечатление портят только австрийцы, которых здесь можно встретить на каждом шагу. Венцы очень любят украшать свой город памятниками, стараясь не пропускать ни одного исторического случая: смерти негуса Менелика, взятия Кирк-Килиссе, открытия паровой прачечной в Праге, раскрытия игорного притона в Архангельске и т. п.

Лучшие женщины Вены организуют венские оркестры и играют в ресторанах второго разряда от шести вечера до двух ночи. По праздникам — раньше.

Многие из европейских жуиров всегда следуют венской моде; даже султан Магомет V сделался ее ярым последователем и предполагает убежать в другой город.

Армия

Вся австрийская армия в военное время делится на пленных и отступающих. Первыми заведует русское военное министерство, вторыми никто не заведует.

В мирное время армия делится на 1) армию и флот, 2) австрийский ландвер и 3) венгерский гонвед. Флот состоит из германских броненосцев и двух портов, занятых Италией. Армия обыкновенно занимается обстреливанием Белграда. Ландвер разделен на национальности, из которых каждая уже самостоятельно участвует в мятеже, в отличие от гонведа, который во время войны защищает Венгрию от Австрии.

Артиллерия, как сообщали газеты, бронзовая, с лепными украшениями — для того, чтобы артиллеристам не стыдно было с чем и в люди показаться. Были проекты делать пушки из более дорогого материала, но боялись соседства династии Гогенцоллернов.

Главный штаб австрийской армии набирается из лиц административно-оштрафованных за распространение ложных слухов. Первый штраф носит денежный характер, второй без замены деньгами, и уже после третьего заподозренные подвергаются насильственному составлению сведений о победах австрийской армии.

Австрийские войска уже не раз искусными приемами заманивали враждебные армии в Вену, где тем волей-неволей приходилось получать контрибуцию и уходить на родину. Австрийские солдаты находчивы, веселы и остроумны; они умеют метко охарактеризовать положение, и им приписывается чисто Суворовское изречение по поводу потери Львова:

— Пуля — дура, Ауфенберг — тоже дурак.

А генерал Данкл в одной из своих бесконечных шуток во время отступления удачно перефразировал изречение Цезаря:

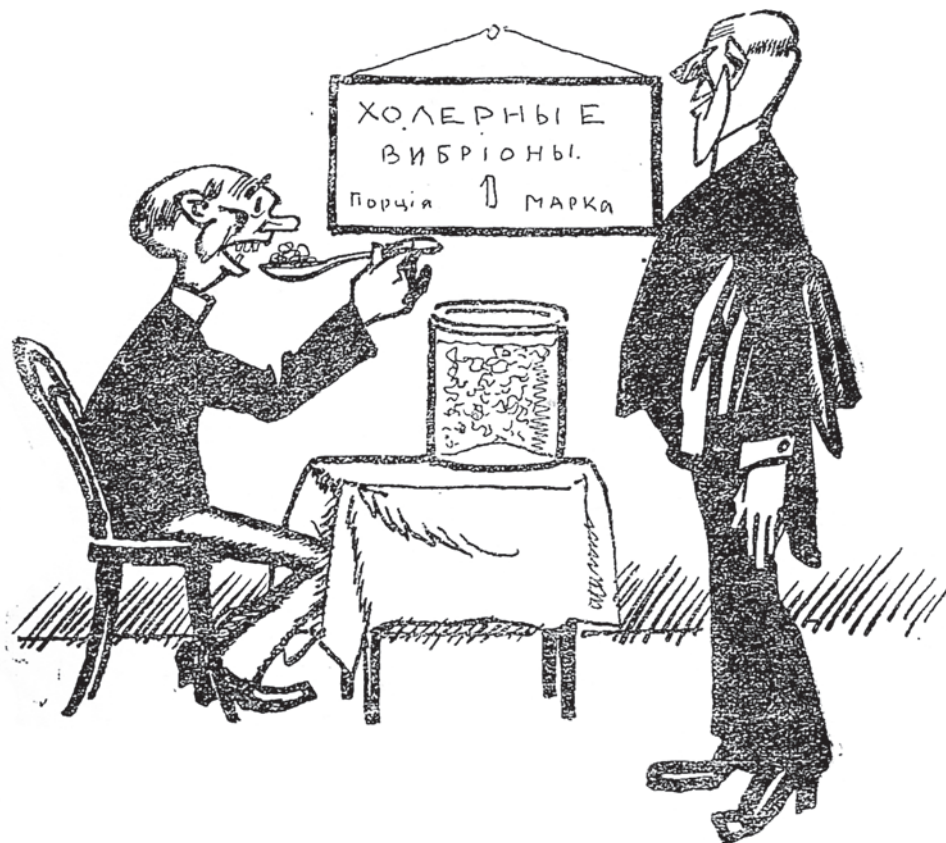
— Пришел, увидел — и подал в отставку.

Суровая дисциплина выработала в австрийском солдате дух настоящего спартамца. Не желая пользоваться на войне преимуществами, он охотно отдает неприятелю артиллерию, денежные ящики и пулеметы.

— Мы не изнежены, — говорят австрийские офицеры, очутившись в русском лагере, — с нас хватит и простого конвоя.

В противоположность германским войскам, позволяющим себе излишества в военное время, вплоть до стрельбы по сестрам милосердия, австрийцы довольствуются самыми скромными боевыми развлечениями — отравлением колодцев, стрельбой разрывными пулями, и даже к поджогам деревьев приступают только по усиленному настоянию туземного населения.

Питаются австрийцы в мирное время консервами; судя по газетам, в одном из захваченных у австрийцев окопов были найдены даже консервированные холерные вибрионы. В военное время австрийская армия ничем не питается, что лишний раз подчеркивает ее боевые качества.

Консервированные холерные вибрионы...

Австрийская дипломатия

Дипломатами называются люди, устраивающие войны. Австрийскую дипломатию отличает от других особая тонкая хитрость и упорство, ставящие враждующую страну в безвыходное положение. Как показал опыт настоящей войны Австрии с Россией и Францией, на обязанности австрийских дипломатов лежит тяжелая задача продержаться возможно дольше во враждебной стране.

— Вам тут паспорт принесли, — докладывают австрийскому послу на другой день после объявления войны.

Австрийский дипломат с изумлением рассматривает паспорт, внимательно прочитывает его и обижается.

— Что же они не могли подождать... За прописку там надо, или больничный сбор — так они уже лезут к занятому человеку...

— Да нет, говорят, что уезжать надо вам...

— Мне? Послу дружественной державы? Мне?

— Да ведь Австрия объявила войну...

— А что же мне раньше-то не сказали? — обиженно огрызается австрийский дипломат.

После этого он идет в министерство иностранных дел и грозит, что если с ним будут так невежливо поступать, то недалеко и до открытия военных действий...

— Да они уже открыты...

— А, это другое дело. Вот поживу еще с недельку и уйду...

Посол переезжает на частную квартиру, оттуда в меблированные комнаты, живет там не прописываясь, потом скитается несколько дней по ночлежками, наконец, не выдержав, вручает ноту с объявлением войны. После этого он уже спокойно возвращается в здание посольства, откуда его отправляют по месту жительства на родину.

В балканских государствах австрийские дипломаты занимаются назреванием конфликтов и принимают участие во внутренней жизни страны. Так, если черногорским офицерам запрещается носить лакированные сапоги, австрийский дипломат обязан предупредить сербское правительство об уступке данным правительством Австрии определенной пограничной полосы. В случае отказа посол в виде протеста выдает субсидию македонским четам для нападения на Болгарию. Так, путем долгой и терпеливой работы, создается так называемый балканский вопрос.

Искусство и литература

Некоторые из лиц, признанные негодными для службы в ландвере, занимаются литературой.

Большинство журналов издается в Вене, с приложением выкроек, иллюстрированных прејскурантом суконных фирм, и выписывается портнихами всего мира, не пользующимися для этого специальными парижскими изданиями. Увлечение венскими журналами настолько велико, что их всегда считают исключительно модными.

Из австрийских писателей выделяется Петер Альтенберг, который, как говорят его биографы, всегда находится во всех венских кафе. Публика настолько привыкла к этому, что иностранцы, придя в кафе, непременно требуют:

— Стакан со сливками и Альтенбергом. Да поскорее, голубчик...

Стакан со сливками и Альтернбергом. Да поскорее, голубчик...

Петер Альтенберг и сам уверяет, что он не может представить себя без кафе; он и спит на одном из столиков и покрывается преysкурантом прохладительных напитков.

Желая поставить редакторов периодических изданий в безвыходное положение, Петер Альтенберг пишет такие короткие рассказы, что при пристрастном сокращении их на четыре строчки, от рассказа остается только многоточие и подзаголовок. В целях ближайшего ознакомления читателей приводим несколько рассказов Альтенберга, с сохранением всех особенностей письма.

Человек, который плакал

Я увидел его.

— Да, — сказал он, — ударить бы ее хорошенько.

Позже двумя часами мне отказали от комнаты.

Так борется стихия. Так строится мир.

Я пошел в кафе.

Землетрясение

Нас было много. И у одного была бородавка.
— Отдай ее мне, — сказала худая женщина.
Он цинично засмеялся и сказал:
— Если погибнут тысячи — будет еще легче.
У этого человека была бородавка. Я пошел в кафе.

Нелюбимые

Он подошел ко мне и грубо схватил за пуговицу.
Я пошел в кафе. Пуговица — это большое слово.

Сравнительно недавно Петер Альтенберг написал большую драму, после постановки которой многие считают его хорошим юмористом. Другим наиболее видным австрийским писателем считается юморист Рода-Рода, как и всякий талантливый человек, плохо понятый австрийской широкой публикой. Вначале его произведения были рекомендованы в библиотеках низших школ для отдела религиозно-философского чтения, а сравнительно недавно, как об этом писали газеты, он был назначен военным обозревателем официального издания. Судя по официальным австрийским известиям, к этому делу привлечены и другие юмористы, так что Рода-Рода пока является простым рядовым юмористом австрийского генерального штаба. В мирное время Рода-Рода писал довольно удачно рассказы о кошке, упавшей с четвертого этажа на рассеянного человека, остановившегося под окном, о шляпе, попавшей в суп сельского учителя, и даже о престарелом чиновнике, которого кто-то принял за канарейку. Рассказы очень нравились австрийскому обществу, и даже были проекты ходатайствовать о выдаче Рода-Рода нобелевской премии по отделу химии или богословских наук.

О других представителях австрийской литературы почти не слышно, вообще же австрийское правительство очень благосклонно относится к начинающим авторам и сравнительно недавно заплатило одной румынской газете за ряд убедительных статей несколько тысяч крон, проведенных по книгам военного министерства.

История Австрии

Как и у любого другого государства, у Австрии есть своя история; многие замалчивают ее, находя неудобным злословить.

Первоначально в Австрии была только флора, фауна и Габсбургская династия. Флора была подержанная, уступленная Германией, что же касается фауны, то краеугольный камень ее положил Ной, уступив Габсбургской династии семь пар нечистых, эвакуированных из его ковчега, уступленного значительно позже Турции в качестве легкого крейсера германской службы.

Получив в свои руки флору и фауну, Габсбургская династия стала заботиться об увеличении государства за счет соседних народов, скупая бракованные территории, использованные народы и требуя их в виде жалования за домашние услуги. Обычно большое европейское государство, отчаявшись использовать какой-нибудь упрямый город или местечко из контрабандистов, издавало приказ:

— Отнеси на кухню — Австрия съест.

Персидский принц, обидевшийся на улицу, где ему не отдали знаков почтения, марокканский султан, желавший выселить неудобный для застройки оазис, лопари, покинувшие деревушку на берегу Северного моря — все были облегчаемы Австрией от ненужных территорий. Австрия действовала легко и нежно; мало-помалу создавалась целая монархия из королевств со своими правительствами. Из-за этого происходила масса недоразумений; если одному из Габсбургов хотелось вызвать королей подчиненных земель, для них приходилось выстраивать особые казармы. Потом Габсбурги объявили себя самодержавными; многих это огорчило, но многие искренно смеялись. С этого момента началось объединение Австрии; немцы говорили, что надо повесить славян; славяне охотно соглашались на такую же меру по отношению к мадьярам, которые приветствовали этот взгляд, полагая, что должны быть повешены и чехи. Так дружбой и верностью объединенных народов создавался крепкий венский престол.

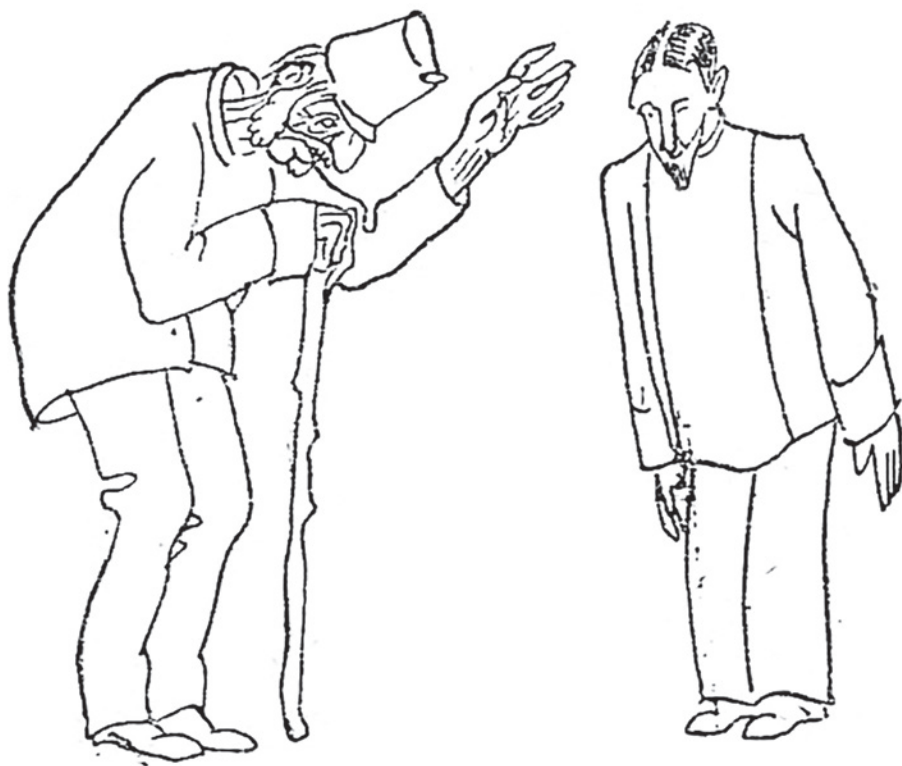
Франц-Иосиф, который родился уже престарелым, не любил вмешиваться в австрийские дела и внутреннюю политику предоставил случаю и державам тройственного согласия.

— Эти разберут.

— Да ведь они далеко, — возражали приближенные.

— А прийти не могут, что ли? — обижался Франц-Иосиф.

Эта надежда никогда не оставляет престарелого монарха.

А прийти не могут, что ли? — обижался Франц-Иосиф

О. А. Д'Ор ВЕНГРИЯ

I

Вступление

Если австрийцев называют «немцами второго сорта», то венгры вполне справедливо могут быть названы «австрийцами второго сорта».

Если смотреть на Венгрию с птичьего полета, приблизительно с двух-трехверстной высоты, не более, — то вид у нее получается весьма странный.

Домов не видно, и невольно возникает вопрос: — Неужели эти несчастные живут под открытым небом?

Тем не менее, это мнение ошибочное. Венгры живут в домах, где и занимаются скотоводством, вследствие чего Венгрия славится своими знаменитыми венгерскими графами и вообще родовой венгерской аристократией.

По наружности венгр почти ничем не отличается от человека.

Глаза только немножко черные.

Но это объясняется тем, что глаза — зеркало души. Душа же у венгра имеет немножко черно-грязноватый оттенок.

Происхождение венгров покрыто мраком неизвестности.

Венгры давно, очень давно уже существуют, но у них не было грамотного, который мог бы записывать исторические события.

И венгры до средних веков так и ходили по земному шару без истории.

В начале средних веков их заметили другие народы. Заметили, и удивились:

*По наружности венгр почти
ничем не отличается
от человека*

— Ходит по земле какой-то великовозрастный народ, читать, писать не умеет, а откуда пришел, не знает.

Стали его расспрашивать, а у него на все вопросы один ответ:

— Я тебя, как трррахну!..

Стали остальные народы издали присматривать за венграми и записывать важнейшие события в их жизни.

Теперь венгры утверждают, что они происходят от монголов, но монголы и руками и ногами отмахиваются от них, говоря:

— Нет, нет... Мы, монголы, народ честный. Какие же венгры наши потомки. Мы люди простые, но честные. Ни одной черты, как видите, у нас

Я тебя, как трррахну!..

с венграми родственной нет. В общем, венгры народ симпатичный, и попадаются даже девушки, которые соглашаются за них выходить замуж.

Жены венгров называются венгерками, и некоторые так их любят, что даже на плечах носят...

ПопадаютсЯ даже девушки, которые соглашаются за них выходить замуж

II

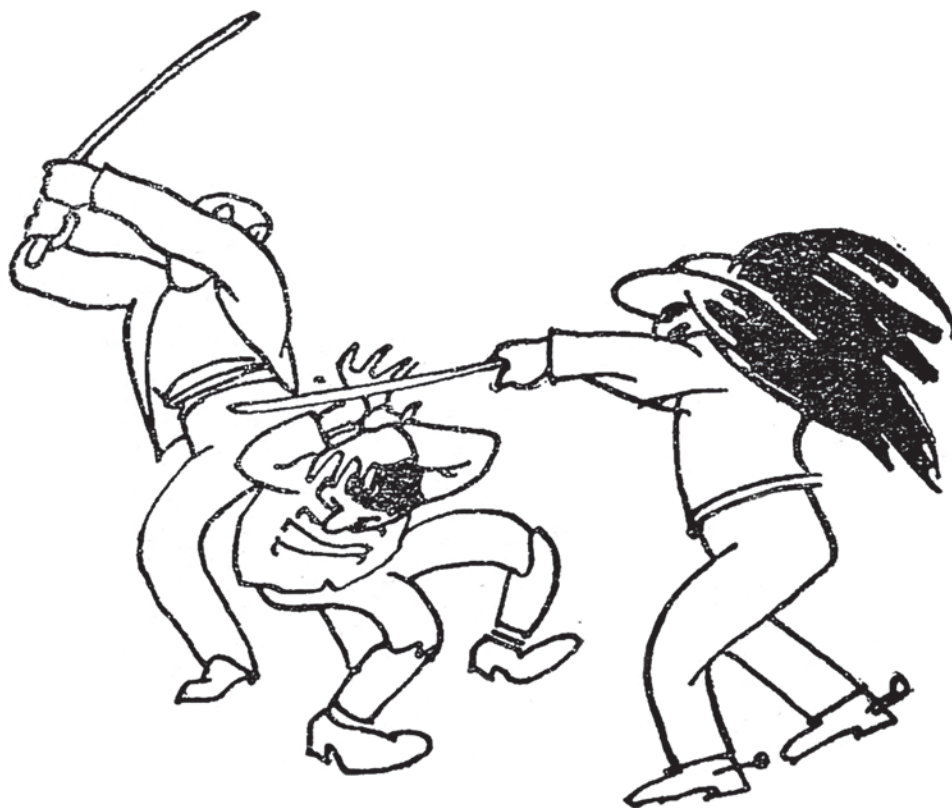
Географический обзор Венгрии

Венгрия со всех четырех сторон морями не омывается.

Многие из воинственных вождей (к сожалению, имена их не дошли до нас) венгров пробовали найти выход к морю.

Но выходить-то они выходили к морю, а только назад уже не возвращались, по причинам не от них зависящим.

Кой-кому из венгерских королей (имена их также остались неизвестными истории) удалось даже стать твердой ногой у моря.

...только назад уже не возвращались, по причинам не от них зависящим

Но им каждый раз приходилось убирать с моря свою твердую ногу.

Видя тщетность своих усилий в достижении моря, венгры решили плюнуть на море.

— На кой черт нам море! — сказали венгры. — Пахать на нем невозможно. Для свиноводства тоже оно не годится. Наши свиньи (свиньями, как известно, славятся венгры) и без моря обойдутся.

Мысль о рыбе не беспокоила венгров, ибо в те времена венгры еще не знали, что рыба годится в пищу.

О кораблестроении и судоходстве, само собой, венгры понятия не имели.

Отказавшись от выхода к морю, венгры окружили себя Карпатами, но так как в горах венгры так же мало понимают, как и в морях, то из всех Карпат они выбрали себе наихудшие.

Карпаты у венгров состоят из одних подошв да вершин.

По склонам этих подошв понастроены венгерские хижины и пасутся венгерские животные, не исключая и четвероногих.

Самая большая река в Венгрии — Дунай. Вследствие названия этой реки и сложилась известная поговорка: — «Не люблю дунайцев, даже дары приносящих».

Главный город Венгрии Буда Пешт, что по-венгерски означает «Таши (Буда) деньги (Пешт)».

В городе несколько сот тысяч жителей. Жительниц почти нет, так как все венгерки служат во всех европейских шантанах, где бывают заняты до глубокой старости.

Жители БудаПешта, как и во всей Венгрии, родовитые графы и благородные свиноводы.

Как мы уже имели случай сказать, свиноводство и графоводство очень развиты в Венгрии.

В шантанах они бывают заняты до глубокой старости

III

Быт и характер венгров

В домашней жизни венгры очень воинственны.

Венгр — прекрасный наездник, и почти никогда не сходит с лошади.

Верхом на лошади, он садится за стол. Верхом на лошади, он ложится в кровать.

Верхом на лошади, он ходит в школу.

Замечено, что венгры, сойдя с лошади, становятся почти вдвое глупее.

И это понятно — один ум хорошо, а два, само собой разумеется, лучше.

При встрече венгры никогда не приветствуют друг друга словами:

— Здравствуйте! Как здоровье?

— Спасибо. Как здоровье вашей супруги?

Первые их слова при встрече

таковы:

— Как здоровье вашей лошади?

— Спасибо. Овес ест. Как ваша лошадка?

— Благодарю вас. Приходите с вашей лошадкой в гости.

— Обязательно приду. А вы бы со своей кобылкой когда-нибудь пришли.

А при прощании говорят:

— Привет вашей пегой. Поцелуйте ее за меня в ноздри.

— Поклон вашему серому в яблоках.

Верхом на лошади, он садится за стол

Поклон вашему серому в яблоках

вполне могла бы заменить материнскую грудь.

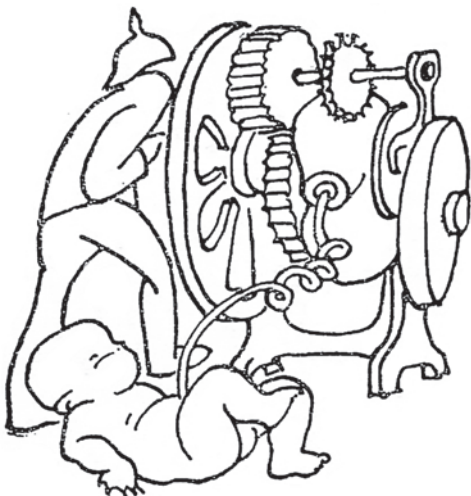
Многие из венгров доживают до глубокой старости, но до конца своей жизни не перестают быть венграми.

Недаром говорится:

— Горбатого только могила исправит.

Венгерки, отбыв кафешантанную повинность, приступают к занятию хозяйством.

Характера у венгров нет. Они делают все, что им приказывают их хозяева австрийцы.

Обещали им выдумать такую машину, которая могла вполне бы заменить материнскую грудь...

В свободное от ухода за лошадьми время, венгры пашут, боронят, засевают главным образом поля свои овсом.

О себе венгр мало думает.

— За лошадь, — здраво рассуждает он, — деньги дадут, а за меня никто ничего не даст. Даже даром не возьмут.

Рождаются венгры маленькими, красненькими, но потом вырастают и становятся брюнетами.

Венгры пока млекопитающиеся.

Вскоре, однако, они перестанут быть млекопитающимися, так как немцы обещали им выдумать такую машину, которая

IV

Промышленность и торговля

Главный предмет вывоза из Венгрии — живой товар.

Венгерские лошади, свиньи, коровы и быки славятся во всем мире.

Венгерскую свинью или корову вы отличите среди сотен других свиней и коров.

Венгерская свинья жирна и отличается громадным ростом и нечистоплотностью.

Венгерская корова невероятно грудаста, глупа, и хотя жрет, как лошадь, но

молока много не дает, а больше всего славится своим мясом.

До великой европейской войны венгерские свиньи, а, главным образом, коровы были в большом ходу в России.

Но после войны Венгрия будет вынуждена найти для своего живого товара другой рынок.

Славится еще Венгрия своими сапожниками. Венгры безусловно лучшие сапожники в мире.

Англичан называют просвещенными мореплавателями.

Россия — житница мира.

Франция — виноградник мира.

Венгры же вполне справедливо заслужили свое название:

— Сапожники мира.

В венгерских университетах есть даже кафедра по сапоговедению и имеются звания:

— Доктор сапожных наук.

— Профессор подошвологии.

— Магистр подметководения.

Кроме сапожного искусства в Венгрии процветает еще искусство водочное, винное и ликерное.

Как известно, сапожники любят выпить.

Венгры до того изощрились в водочном искусстве, что из всякой дряни могут приготовить отличную настойку.

Увидит венгр сливу, и приготовит из нее графин водки.

Увидит яблоко — и яблоко превратится в водку.

Венгерские водки пользуются громадной популярностью среди пьяниц всего мира.

Есть еще венгерское вино.

Но это, конечно, как на чей вкус... Есть такие пьяницы, что пьют даже наравне с политурой и венгерское вино.

Высший класс в Венгрии торгует также политикой.

Венгерская свинья

Знаменитая венгерская корова

Сапожник мира

Профессор подошвологии

Венгерские аристократы ведут обширную торговлю политическими взглядами.

Торговля, главным образом, ведется с Австрией, причем торговцы политикой наживают иногда большие капиталы.

За последние годы этот род торговли стал проникать и в более широкие круги венгерского народа.

V

Начало венгерского королевства

В начале десятого века у одного пастуха по имени Арпад пропала коза.

Долго искал пастух козу, все думал:

— Не волк ли утащил?

Но над этой мыслью Арпад сам посмеялся:

— Зачем волку моя коза? Что он, есть ее будет что ли?

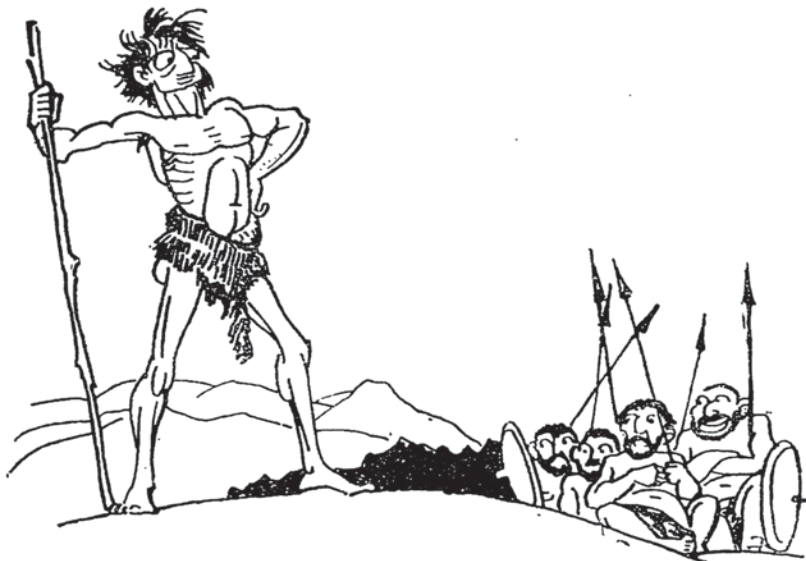
В те времена волки были еще вегетарианцами и мяса не ели.

— Однако, — размышлял Арпад, — куда могла деться коза?

И вспомнил он, что внизу у подошвы горы живет воинственное племя мадьяр (они же венгры), и он решил:

— Их рук это дело!

Взял он свою толстую длинную пастушью палку и пошел вниз.

Взял он свою толстую длинную пастушью палку и пошел вниз

Появление Арпада вызвало смущение среди мадьяр.

Коза, конечно, нашлась, и Арпад уже собрался было погнать ее обратно в горы, но вдруг он остановился и спросил:

— Послушайте, кто вас пасет?

— Пасет?

Мадьяры (или венгры) обиделись.

— Мы люди, — сказали они хвастливо, — мы кормимся, едим, а не пасемся.

— Я не в этом смысле. Я хотел узнать, кто вами правит?

— Никто! — ответили венгры.

— То-то вы такие...

Около минуты размышлял Арпад, потом снял с себя суму, положил палку и заявил:

— Так и быть, я буду пасти вас.

— Будешь нами править?

— Пусть будет «править». Дело не в слове.

Венгры увидели, что Арпад говорит серьезно и согласились, чтобы он ими правил.

Арпад призвал к себе золотых дел мастеров и приказал им сделать себе корону.

Когда корона была готова, Арпад объявил себя мадьярским королем и приказал найти внешнего врага, чтобы объявить ему войну, по обычаю королей.

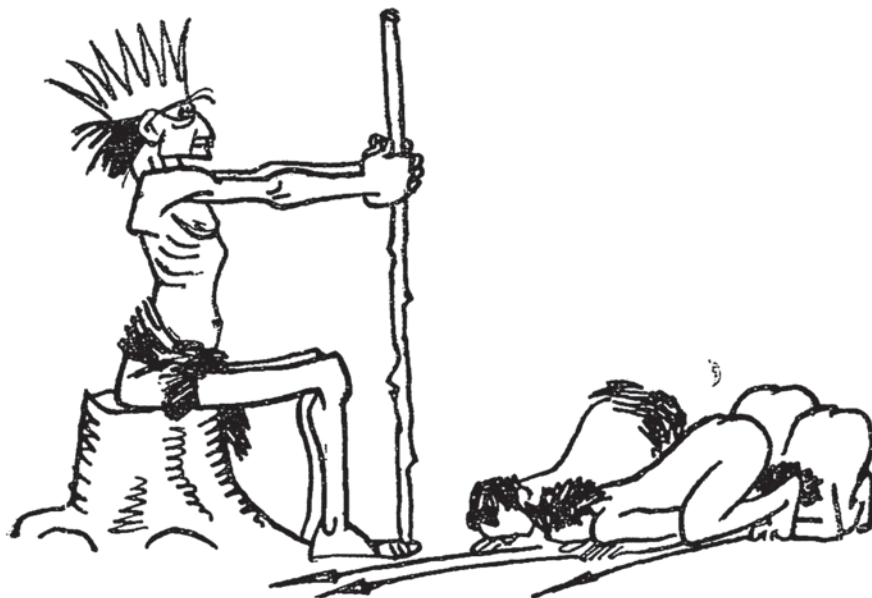
Стали раздумывать венгры:

— Какие соседи наши враги?

Думали, думали и решили:

— Болгары, кажется, слабее всех. Давайте их побьем.

— Хорошо! — сказал Арпад.

Арпад объявил себя мадьярским королем

Стали воевать с болгарами. Долго воевали венгры и, потерпев несколько поражений, с триумфом возвратились домой.

Спустя несколько времени король сказал:

— Болгары — скверный народ. Их бить хочешь, а они сопротивляются. Неблагодарный народ. Давайте объявим войну румынам.

— Можно! — согласились венгры.

Узнав, что венгры идут на них войной, румыны отложили свои музыкальные инструменты, сказав:

— Как-нибудь в другой раз доиграем.

И, вооружившись, чем Бог послал, вышли навстречу венграм.

Узнав, что венгры идут на них войной, румыны отложили свои музыкальные инструменты

Произошло сражение, заставившее венгров обратиться в бегство.

Венгры с триумфом прибежали домой.

Но не долго сиделось спокойно королю. Не прошло и года после войны с румынами, как он заявил:

— Отчего бы нам сербов не побить?

Потерпев снова поражение, венгры снова с триумфом возвратились домой.

После этого Арпад успокоился и приказал народу снова заняться мирным трудом.

Долго царствовал Арпад и умер в глубокой старости.

Перед смертью он приказал отнести себя в горы, к своему прежнему стаду.

Бедные арпадовы козы за все время отсутствия своего пастуха стояли без пищи, понутив головы.

Увидев своего пастуха, козы радостно замахали бородами.

Арпад прослезился.

— На кого я вас променял! — воскликнул он горестно. — Отныне я вас больше не оставляю.

Он умер, окруженный своим первым стадом.

Венгры и все связанные с ними неприятности остались внизу.

Увидев своего пастуха, козлы радостно замахали бородами

VI

Венгерская конституция

При одном из ближайших сыновей Арпада венгры получили конституционное управление, а также писанные законы.

И законами, и конституцией венгерский народ остался очень недоволен.

— Зачем законы? — изумлялись венгры: — без законов гораздо лучше.

— Как же лучше? — в свою очередь удивлялся король: — Вот, скажем, ты убил кого-нибудь...

— Ну, и всем удовольствие этим доставил.

— Какое же удовольствие?

— Конечно, удовольствие. Дети получают наследство. Жена получит новенького мужа...

Король соглашается:

— Допустим, что это так. Ну, а если у тебя украли лошадь?

— Зачем же я буду ждать, пока у меня украдут... Я сам лучше украду.

— А если тебя кто-нибудь ударит?

— Тем лучше. Он меня, а я его. После драки мириться будем, выпьем малость.

Вот драка и принесла тебе радость.

С конституцией вышло немного легче.

Сначала народ не знал, что это такое, а узнав, немного огорчился.

— Мы люди занятые, — говорили венгры: — на то и короля наняли, чтобы он правил нами. За это самое жалование ему платим. А он на нас сваливает.

Но потом примирились с конституцией.

Венгерский парламент трехпалатный.

Палаты существуют — нижняя, средняя и верхняя.

Венгерские депутаты заседают во всех трех палатах, переходя поочередно из одной палаты в другую.

В нижней палате принимается известное решение.

В средней палате это решение отменяется единогласно.

Допустим, что это так. Ну, а если у тебя украли лошадь?

Потом депутаты переходят в верхнюю палату, где отмененное решение единогласно принимается снова.

Теперь, впрочем, у венгров нет ни короля, ни конституции.

У них есть только одна Австрия.

Но венгры очень дорожат своей бывшей конституцией и называют ее старейшей.

Никто с ними не спорит, ибо никому от этого ни тепло, ни холодно.

— Старейшая, так старейшая! — думают остальные народы: — Пусть называется старейшей. Все равно она уже покойница.

При одном из Арпадовичей стали в Венгрии чеканить монету.

При другом из Арпадовичей стали печатать бумажные деньги.

Не свои бумажные деньги, а чужие...

При одном из Арпадовичей на Венгрию напали татары.

Арпадович убежал из Венгрии, но когда татары ушли, он снова прибежал в Венгрию и стал снова править Венгрией.

Имя этого короля произносится с большим уважением в Венгрии.

Его считают равным Александру Македонскому, Цезарю и Наполеону.

VII

Конец венгерской монархии

Недолго, однако, существовала Венгрия, как королевство.

Прекратилось существование венгерских королей по двум причинам — внешней и внутренней.

Внешней причиной были войны.

С кем венгры ни воевали, они были биты.

Сначала выходило так, как будто они бьют.

Венгры ликовали, украшали свои города флагами, служили благодарственные молебны.

Но, в конце концов, всегда оказывалось, что ликования были ложные и ни на чем не основанные.

Всегда выходило так, что венгры били, били врага, а в результате эти самые враги оказывались хозяевами на их территории.

Короли венгерские слыли великими героями, дивными стратегами, отличными полководцами, но...

Но они всегда «отступали в порядке».

С горя венгры стали ссориться со своими королями, и тут-то выступили на сцену причины внутренние.

— Слишком дорого обходятся нам короли! — роптали венгры: — Не меньше ста тысяч свиней в год стоит нам эта музыка.

Венгры, несмотря на то, что у них чеканилась монета и печатались бумажки, все еще не привыкли считать на деньги.

В народе так и говорили:

— Сколько заплатили за шапку?

— Четверть свиньи.

— Дорого. А изба во сколько обошлась?

— Свиней в пять влетела.

Так и тут было. На одном из заседаний парламента один из депутатов произнес громовую речь.

Было это в середине семнадцатого века.

Вышеназванный депутат сказал:

— Господа! Свиньи на улице не валяются. В сто тысяч свиней нам обходится наш плохой король. Куда мы идем?

В это время венгры в союзе с Турцией воевали против Австрии, а в союзе с Польшей воевали против Турции.

В это время венгры в союзе с Турцией воевали против Австрии, а в союзе с Польшей воевали против Турции

Война кончилась тем, чем должна была кончиться, — победой всех воюющих сторон над Венгрией.

Туркам было некогда заниматься Венгрией, так как они уже очень спешили поспеть в Константинополь, преследуемые поляками.

Полякам тоже некогда было — они преследовали турок.

Осталась только одна Австрия. Она и сказала Венгрии:

— Будет с тебя, милая, навоевалась. Беру тебя под свою власть.

Король венгерский воспротивился было, но народ был очень этим доволен.

— Нам же лучше будет. Расходы уменьшатся.

А об Австрии решили так:

— Должно быть, она очень глупая, если берет на себя такое ярмо.

Так и была присоединена Венгрия к Австрии.

Для приличия венгры несколько раз устраивали бунты, делая вид, что хотят отложиться от Австрии и сделаться снова самостоятельным королевством.

Но, устраивая революцию, венгры молились:

— Дай Бог, чтобы нас усмирили. К чему нам королевство? Столько расходов!

Так и остались они присоединенными к Австрии до сегодняшнего дня.

VIII

Образование

Венгры все, не исключая даже венгерских графов и других представителей венгерской аристократии, грамотны.

В Венгрии много высших школ, но обстоятельства как-то сложились так, что в науках венгры мало преуспевают.

Наука до сих пор двигалась вперед без помощи венгерских ученых.

Ученые, конечно, имеются и в Венгрии, но по поводу их-то и сложилась известная пословица:

— На безлюдье и Фома дворянин.

Венгерские ученые как бы стараются не быть знаменитыми.

И в этом их старания, несомненно, увенчиваются успехом.

По крайней мере, до сих пор это очень удавалось, и миру имена венгерских гениев в науке до сих пор неизвестны.

Очень хорошо поставлены в Венгрии ветеринарные школы.

Медицина же хромает.

Еще лучше поставлены школы для верховой езды.

В начальных школах преподают главным образом предметы, полезные в жизни.

В первом классе с малышами проходят курс наливкоделания.

Во втором переходят к приготовлению вина из винограда.

В третьем классе переходят к приготовлению вина из других предметов.

На больших переменах учеников учат читать и писать.

По истории постановлено проходить только истории тех народов, которые были побеждаемы венграми.

А так как таких народов почти нет, то история фактически почти устранена из венгерских школ.

В общем, образование свило себе в Венгрии прочное гнездо.

IX

Народное творчество

На большой высоте стоит в Венгрии народное творчество. Душа венгерского народа, как в зеркалах, отражается в народных песнях и сказках.

Песни народные удивительно поэтичны и стоят на недостижимой высоте по своей художественности.

Самой популярной народной песней в Венгрии надо считать:

«Ах, вы, свиньи, мои свиньи, свиньи жирные мои».

Исполняется это песня хором и на мотив нашей: «Ах, вы сени, сени новые мои».

Исполняется она так.

Девки и парни, выстроившись в ряды, становятся друг против друга.

Девки начинают петь:

«Ах, вы, свиньи, мои свиньи, сви-
ньи жирные мои!
Свиньи хрючие, пахучие,
Невымытые»...

Парни отвечают:

«Ой, девица-кобылица!
Обними и пригорюнься».

Девки опять запевают:

«Смотрите здесь,
Смотрите там,
Нравится ли
Это вам?»

Парни начинают в экстазе:

«Уж, как я ль мою коровушку лю-
блю!
Сытна поила я коровушке налью».

При этих словах парни бросаются к девкам, хватают их за талию и поют:

«Ой, пойдй, моя коровушка, домой!
Ой, пойдй, моя буренушка, со мной».

Девки на это отвечают:

«Пупсик, мой милый пу-упсик!»

Тут песня прекращается, ибо рот без участия губ петь не может.

Губы же в конце песни очень заняты, и им не до пенья.

Как мы уже имели случай сказать раньше, в жизни венгров шантан играет большую роль.

Тут песня прекращается...

Венгерская девушка с пятнадцатилетнего возраста отправляется в европейские и даже азиатские центры для украшения кафешантанной эстрады. В каждой венгерской деревне имеется школа шантанного искусства. Каждая венгерская девушка, начиная с шестилетнего возраста, обязана посещать эту школу. Под руководством опытных деятелей кафешантанной сцены, ученицы проходят курс шантанной наук.

Их учат поднимать ножку с таким расчетом, чтобы был виден ажурный чулок.

В высших классах учат, как надо стрелять глазками, а, главное — учат искусству присаживаться к столикам.

В старшем педагогическом большое внимание обращается на мужчиноведение.

Ученицы находятся на пороге жизни. Нужно, чтобы, переступив через порог, они умели распознавать по наружному виду, какой мужчина пойдет на шампанское, какой на фрукты, какой на кофе с ликерами.

Понятно, что в народной поэзии шантан не прошел бесследно.

Венгерская женщина горько жалуется на свою долю в песне:

...с таким расчетом, чтобы был виден ажурный чулок

Ученицы находятся на пороге жизни

«Как в России я была,
Я шампанское пила.
А как замуж вышла,
Голодать приходится.
Марок триста я в Берлине
В месяц получала.
А теперь... Ем, пью на глине,
И постель мочала»!..

Песня несладкая, как всякая народная песня, но сколько в ней чувства! Сколько горя слышится в ней! Какая в ней звучит тоска по России, где пьют шампанское и едят икру!

По Берлину, где хорошая икрастая венгерка заработает в месяц «марок триста».

Кроме шантаных песен имеются также песни хозяйственные, проникнутые глубоким чувством.

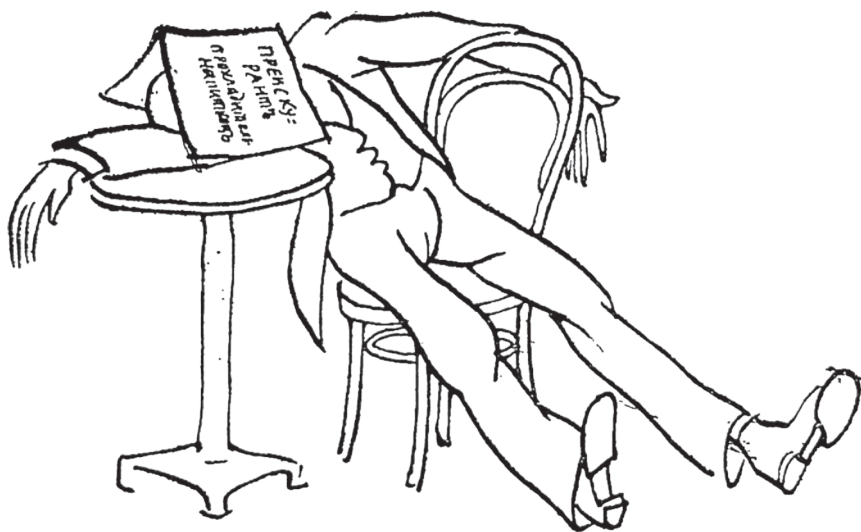
Самая популярная из этих песен — «Лошадиная».

«У Мункачи был конь
При коне был жеребенок.

О! Венгрия! О! Венгрия!
Ты лошадиной всех.

Конь был прежде жеребенком,
Из жеребенка выйдет конь.

О, Венгрия! О, Венгрия!
Ты жеребачей всех!

У коня ноги четыре.
Столько ж ног у жеребенка.

О, Венгрия! О, Венгрия!
Ты многоножей всех!

У коня два уха были.
Уха два у жеребенка.

О, Венгрия! О, Венгрия!
Ушастее ты всех».

Песня эта бесконечна. После ушей воспевается язык коня, потом глаза, каждый зуб в отдельности и т. д.

Кто автор этой чисто народной и высоколирической песни, трудно сказать.

Несомненно, что ее сам народ сочинил.

А может быть, она и сборная, как все великие произведения — Илиада, сочинения Шекспира и т. д.

Как бы то ни было, но эта песня почти служит гимном в Венгрии.

Ее поют и играют оркестры в самых торжественных случаях.

Нет сомнения, что ее исполняли бы в дни великих побед над врагами, если бы в истории Венгрии существовали победы.

Х Сказки

В области народного творчества рядом с песней занимают почетное место и сказки.

Сказки в Венгрии, по большей части, героические.

В них рассказывается о людях смелых, ловких, не знающих страха.

Герои сказок совершают смелые подвиги, презирают опасность, ненавидят спокойную, лишенную приключений жизнь.

Герои сказок, главным образом, — конокрады.

Приводим некоторые из популярнейших в Венгрии сказок.

Сказка первая. Называется она:

1

Справедливость судьбы

...Жил-был крестьянин, которому в жизни не везло.

Была у него жена, такая некрасивая, что даже в России она успеха не имела.

А уж это известно, что в России всякая женщина, если она только иностранка, пользуется колоссальным успехом.

Несколько раз он строил себе дом, но каждый раз дом сгорал прежде, чем крестьянин успевал застраховать его.

Каждый год он пахал и сеял, но то град забивал его поле, то солнце сжигало его.

И надумал крестьянин:

— Пойду в другую деревню. Может быть, с переменной места переменится и счастье.

Так он и сделал.

Вышел крестьянин из родного села рано утром, но лишь только он вышел, как наступила полночь и пошел дождь.

Продрог крестьянин, промок до ниточки, а куда идти и где скрыться от дождя — не знает.

И возроптал он. Стал жаловаться на судьбу:

— Почему я такой несчастный? Лучше бы мне не родиться на свете, такому несчастному.

Лишь только он это сказал, как услышал голос:

— Не жалуйся на судьбу. Твое счастье близко.

Выглянул месяц, и при свете его крестьянин увидел седого старичка.

— Кто ты? — спросил крестьянин.

— Я добрый волшебник! — сказал старичок: — Жалко мне тебя стало, и я пришел помочь тебе.

Старичок положил руку на плечо мужичка и сказал ему:

— Ступай прямо вперед. Отсчитай сто шагов

Не жалуйся на судьбу. Твое счастье близко

...и вывел двух лучших графских жеребцов

Кроме того, он прикупил землю и взял работника.

Жене он накопил всяких женских вещей; она стала наряжаться, и стала казаться красивее.

Так справедливость в конце концов восторжествовала.

и повернись налево. Сделай еще пятьдесят шагов и ты увидишь перед собой конюшню графа. Сто рожа спят. Остальное зависит от тебя.

Сделал крестьянин так, как ему сказал добрый волшебник.

Сторожа, действительно, спали. Крестьянин без труда сломал замок и вывел двух лучших графских жеребцов.

Выручив за них деньги, он построил себе прочный дом, который буря не боялась.

2

Добрый Яков

У Якова было очень доброе сердце.

За всех он болел душой. Бывало, увидит, как трудится в поле лошадь, и слезы у него сейчас появятся на глазах.

— Господи! — думал он, — мир так прекрасен, а все живущее на нем должно отравлять себе жизнь трудом.

За доброту все любили доброго Якова, но глядя на него все думали:

— Как это несправедливо! Яков всех добрее нас и всех беднее. Неужели такая добродетель, как доброта, ничем не должна быть награждена?

Господи! — думал он, — мир так прекрасен...

Но слепые люди ничего не видели. Они не знали, какое счастье ждет доброго Якова.

Однажды вечером добрый Яков возвращался с поля домой.

Вдруг он заметил в стороне от дороги, под деревом, что-то черное.

Приблизившись, он увидел спящего путника. Последний, положив под голову кожаный мешок, крепко спал.

— Как сладко спит! — подумал добрый Яков, — хорошо человеку, когда он спит.

Невольно он подумал:

— Теперь он спит, и ему хорошо, а проснется... Сколько горя и неприятностей дает человеку жизнь. Сон — счастье. Жизнь — горе.

И так жалко стало путника бедному Якову, что он, не колеблясь, решил:

— Я избавляю этого человека от горя... Пусть не просыпается он никогда...

Тут добрый Яков вынул из кармана свой складной нож, открыл его и всадил его по рукоятку в горло путника.

Сделав это, добрый Яков открыл кожаный мешок и увидел, что он набит серебром.

Добрый Яков стал богаче всех на селе, и никто ему не завидовал. Все говорили:

— Он заслужил это. Ему это награда за доброту.

Подобных сказок много у венгров.

В зимние вечера старики рассказывают их молодежи, внимательно слушающей.

Эти сказки развивают в чуткой деревенской молодежи желание быть добродетельными и добрыми.

Каждому хочется быть таким, как герой в сказке.

Тут добрый Яков вынул из кармана свой складной нож...

ХІ

Литература и искусство

В больших городах нищие, собирающие на улице милостыню, имеют каменные дома.

По большей части самый заурядный нищий богаче богача средней руки.

С каждого копейка, а копейка рубль бережет.

Когда говорят о венгерской литературе, о венгерском искусстве, невольно вспоминаются богатые нищие в больших городах.

Литература у венгров — самая богатая литература в мире.

У них есть Шекспир, Гете, Гейне, Вольтер, Золя, Пушкин, Сервантес.

У них все есть.

О венгерских великих поэтах, драматургах, романистах, новеллистах и т. д. мир мало осведомлен.

У каждого народа есть свой великий поэт.

У венгров нет.

Да зачем он им?

Венгры, как нищие, сидят на тротуаре и выпрашивают у каждого по грошику.

Каждый прохожий подаст. Нищему отчего не подать? Много ли нищему нужно?

А он по грошику, по грошику с каждого прохожего. Ан глядишь, и дом готов.
Лучшая литература именно у венгров.
У них Толстой, Шекспир, Гете, Мильтон, Диккенс, Пушкин, Вольтер.
Не важно, откуда кирпичики натасканы. Важен факт. Важно то, что существует дом.
Своих кирпичей в здании венгерской литературы у венгров нет.
То же самое в искусстве.
У венгров есть Рафаэль, Леонардо да Винчи, Рембрандт, Пракситель, Роден...
По грошику с каждого...
Венгерское искусство — богатейшее в мире.

XII

Театр

Театр в Венгрии до сих пор стоит на недостижимой высоте.
Самой гениальной пьесой до нынешнего дня в Венгрии считается (и вполне справедливо) «Цыганский барон».
Венгерского театра не коснулись новые веяния.
Рейнгартовщина, меерхольдизм и крэгизм прошли мимо него, не задев его ни капельки.
По-старому, венгерский театр стоит незыблемо, и бессменно ставятся в нем «Цыганский барон», «Птички певчие» и «Корнвильские колокола».
По-старому, театр является в Венгрии храмом чистого искусства.
Венгры любят везде чувствовать себя как дома, и в театр они приходят со всей семьей, с кофейником и с чашками для кофе.
Мужчины приносят в карманах бутылочку с хорошей венгерской настойкой.
Когда поет тенор, женщины пьют кофе.
Под баритона мужчины пьют настойку.
Под баса пьют венгерское.
Часто, к концу спектакля, мужчины по-семейному храпят, откинувшись на спинку кресла.
Верные жены охраняют их сон.
Венгрия дала театру огромное количество великих артистов, артисток, певцов и певиц.
Кому, например, не известны имена Дузе, Сарры Бернар, Савиной, Шаляпина, Мазини, Аделаиды Патти Баттистини и других.
Какие имена!
Какой еще народ дал сразу столько блестящих имен.
Ни один!
Теперь в Венгрии существует сильное течение поднять театр еще выше.
С этой целью выработан проект о перенесении всех театров в Венгрии на вершины Карпат.
Если этот проект будет осуществлен, то выше венгерского театра не будет ни один театр в мире.

XIII

Климат

В заключение несколько слов о венгерском климате.

Венгрия находится почти на одной широте с прекрасной Францией.

И много веков тому назад климат там был такой же мягкий и благодатный, как во Франции.

Было это до пришествия венгров в нынешнюю Венгрию...

С пришествием венгров стало замечаться сильное ухудшение климата.

Венгры испортили климат.

Даже теперь, когда стали устанавливать везде канализацию, когда появились превосходные электрические вентиляторы, озонаторы и тому подобные воздухоочистительные средства, климат в Венгрии к лучшему не изменился.

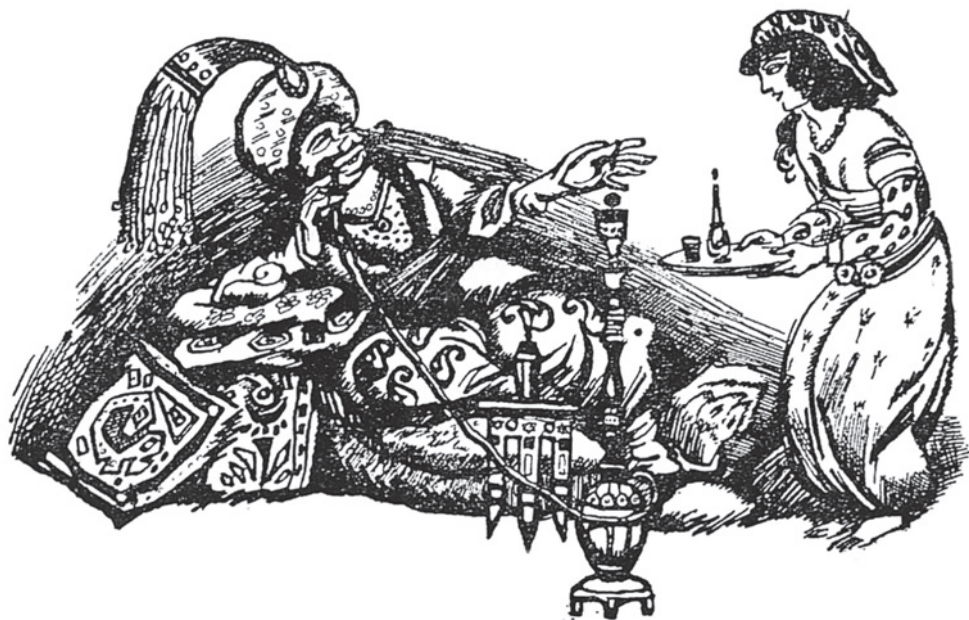
Не даром говорится, что климат человека боится.

Арк. Аверченко ТУРЦИЯ

Введение

Мы почти ничего не знаем о Турции. Нужно иметь мужество признать это. А так как мы, русские, в смысле искренности народ чрезвычайно мужественный, то мы охотно признаем, что о Турции ничего не знаем.

Есть, конечно, несколько русских ученых, которые с легким сердцем жонглируют таким загадочными словами, как вилайет, редиф, низам, Новобазарский (!) Санджак (?), но и эти люди в тиши ночей, когда совесть остается глаз на глаз с человеком — проводят время, назначенное для сна, в терзаниях и сомнениях: правильно ли они употребили в своей статье слово «вилайет» — обозначив этим понятием свадебный

ТУРЦИЯ

обычай турецкого низама? Не ошиблись ли они, полагая, что Новобазарский Санджак — это род одежды, носимой городскими племенами восточного редифа.

А в какое положение ученых ставят такие слова, как «ливы», «казы» и «нагиры».

В чем тут дело?

Съедобны ли эти ливы и живут ли в этих «казах»? Покрываются ли нагирами или сморкаются в них?

Единственное турецкое слово, которое не возбуждает никаких сомнений, — это кофе; но легко ли по одному слову вывести заключение об этнографическом, политическом и административном устройстве современной Турции.

Никому также доподлинно неизвестно — чем занимаются турки? Сидение в константинопольских кофейнях и игра в домино на чашку крепкого кофе — еще не есть занятие, приносящее деньги, потому что кроме оплаты выпитого кофе нужны средства на содержание жен, детей, евнухов¹ и, вообще, всего сложного турецкого хозяйства.

Судя по газетным телеграммам за последние несколько лет, главное турецкое производство внутри страны — это резня армян, но и тут едва ли турки преследуют меркантильную цель. Вышеуказанное нужно рассматривать скорее как развлечение, чем как труд.

Это соображение подкрепляется еще тем, что после каждой такой увеселительной резни, европейская дипломатия делала представление Турции.

Неопытные в дипломатических закорючках турки понимали слово «представление» в бытовом, театральном смысле, и не найдя в дипломатическом представлении элементов зрелища, разочарованные, снова обращали свой взор на армян.

И снова армяне умирали, как мухи, от этого взора, и снова европейская дипломатия делала «представление».

Это уже стало переходить в быт. Маятник турецкой жизни мирно покачивался от армянской резни к представлению и обратно, и неизвестно — долго ли бы еще продолжалось это мирное тиканье турецких часов, если бы в конце текущего года честный русский кулак не хватил изо всей силы по турецкому циферблату.

Что мы знаем о Турции?

Ничего.

...с легким сердцем жонглируют таким загадочными словами, как вилайет, редиф, низам, Новобазарский (!?) Санджак...

¹ Разновидность мужчины.

...европейская дипломатия делала представление Турции

Пишущему эти строки некий молодой человек однажды сказал:

— Почему все так восхищаются знаменитой «Джокондой»? Ничего в ней особенного.

— Да вы «Джоконду» когда-нибудь видели?

— Господи! — изумился молодой человек, — «Джоконду»-то? Сколько раз! Каждый день.

— Где?

— Да на папиросной же коробке. Я теперь только и курю папиросы «Джоконда». И не потому, чтобы мне картина нравилась — обыкновенная женская головка, — а просто табак легкий.

Конечно, есть в России миллионы людей, которые знакомятся с «Джокондой» только по папиросам 10 штук 6 коп., с упаковкой.

Но это еще пустое. «Джоконда» только картина, ничего более. И превратное о ней понятие никого огорчить или взбесить не может.

Но ведь мы, русские, с Турцией знакомы только по курительному делу.

В самом деле: 1) Есть табак — турецкий; 2) Есть табак под названием султанский; 3) Есть папиросы «Звезда гарема»; 4) Есть сигаретки «Одалиска».

По табачной коробке русский средний человек изучает Турцию: красками нарисован толстый человек с черными усами, в широких шальварах, сидящий на полосатом диване, с какой-то кишкой в зубах, другой конец которой прикреплен к замысловатому кувшинчику. Турок окружен несколькими пестро и бестолково одетыми женщинами, в шароварах и с босыми ногами, на кончике которых висят красные туфельки.

Вот и все. Тут тебе и этнография, тут тебе и семейный уклад, тут тебе и род занятий.

Долго рассматривает любознательный русский человек это произведение искусства и долго потом головой качает:

— Так вот она какая — Турция.

— А что?

— Да вон, видите, так всю жизнь и проводят на диванах за курением, около баб! За другим занятием его ни на одной коробке не увидишь. Одно слово — Новобазарский санджак.

— То есть?

— Да уж будьте покойны. Кишка-то изо рта торчит не зря. Все подличают.

— Именно?

— Ленивы они очень, сударь. Видали, какой кувшинчик закрутили? Все шалтай-болтай, как говорится. А в голове — ничего. И одеться норовит, как почудней. Действительно, такому чучелу только на диване и сидеть. Нешто на улицу можно в энтаком виде показаться? Моментально вилайеты сцапают и в наргиле предоставят — потому не безобразь.

— Вы думаете?

— И думать не желаю. Стану я над турком каким-нибудь голову ломать. Это уж известно, каждому свое; и пословица такая есть: турок курит трубку, курка клюет крупку. Вы уж со мной, сударь, о Турции не спорьте. Все это нам известно.

Вот и вся русская осведомленность...

По справедливости — целый сонм русских ученых не сделал для популярности Турции в России столько — сколько поработал на этом деле дядя Михей, вот уже сколько лет насаждающий этнографическо-турецко-табачную поэзию среди малых сих:

Вот курите табак турецкий,
Остальные табаки вкус имеют мерзкий.

Или:

Отворяйте окна, двери,
Сейчас закурю султанский табак «Пэри».

Юношество заучивало эти стихи наизусть и, таким образом, в России незаметно прививался интерес к экзотичной Турции...

Но все же мало мы знаем Турцию.

И вот, поэтому я, пишуший эти строки, поставил себе задачей — благородной, возвышенной задачей! — ознакомить Россию с Турцией на основании строго проверенных научных данных...

Происхождение турок

Впервые выползли на свет Божий турки — из глубины центральной Азии.

Было это в средние века. А точнее — трудно определить год и месяц турецкой авантюры.

Историки тогда не было, а если бы и были, то они от стыда за поступки своего народа и пера бы в руки не взяли...

Еще до Рождества Христова турки вступили в длительную борьбу с китайцами.

Китайцы называли турок пе-ти или гионг-ну.

Если наш благосклонный читатель не говорит по-китайски, то мы не советуем вообще вставлять этих двух слов в разговор где-нибудь на светской вечеринке и не шептать на ухе барышне после тура вальса:

— Вы танцуете, как гионг-ну! Ваши глазки — настоящие пе-ти!..

Этого не следует делать.

Ибо пе-ти означает западная собака, а гионг-ну — презренный раб.

(Автор в этом месте надеется, что его осведомленность вызовет изумле-

ние благосклонных читателей)...

Турки, впрочем, тоже мастера ругаться, и в отместку за китайские оскорбления называют всех европейцев гяурами.

Но европеец справедливо рассуждает, что от «слова не станется» и, поэтому, не обижаясь, постепенно захватывает турецкие концессии и таможенные льготы.

Турецкая история

Впервые свою прыть турки показали, когда еще их называли не турками, а сельджуками.

Откуда произошло слово сельджук — неизвестно. Мы пробовали даже разбивать его на составные части, но кроме бессмысленной сельди и жука ничего не получалось.

Мы думаем, что это слово придумано турками в качестве псевдонима — лишь бы как-нибудь потихоньку пробраться в Европу.

А, пробравшись, турки сразу сбросили с себя личину псевдонима, и, цинично захохотав, объявили:

— А мы вовсе турки, а не сельджуки... Что, взяли, голубчики? А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

И устроили ряд скандалов.

Поведение турок в Европе было ниже всякой критики — они завоевывали все, что подвертывалось под руку.

Первым и самым знаменитым их полководцем-победителем был Отман или Осман. Турки так обрадовались умному человеку, вынырнувшему среди них, что не знали даже, как его и называть — Отманом или Османом. Называли и так, и этак, — благо тот откликался.

Впоследствии, образуя свою империю (тоже хотели как у людей!) турки называли ее Оттоманскою, а себя османлисами. Тут-то два имечка и пригодились!

Сына Отмана звали попросту Аркан.

Даже не каламбуря, можно сказать, что в то время вся новоиспеченная Оттоманская империя только Арканом и держалась. Все упования были на Аркана, и он оправдал их: сочинил войско — янычары.

Приготовление янычаров происходило по простому шаблону: выискивали семью христиан; матери и отцу перерезывали горло, а мальчишку-сына забирали в янычары. Не имея ни отца, ни матери, мальчишка получал отвратительное воспитание, что от янычара и требовалось.

Получив воспитание, такой отпетый мальчишка мог по приказанию начальника сделать что угодно, памятуя, что терять нечего — отец не высечет и мать не оставит без сладкого.

С этими безобразниками турки сделали много завоеваний, хотя янычар было всего 12000–20000 человек.

Пропустив незначительного Солимана, отметим его брата Амурата I, о котором историк Коллас говорит:

«Этот государь был мужественным, но в то же время невежественным до такой степени, что на государственных бумагах вместо подписи прикладывал свою руку, обмокнутую в чернила».

Облизывал ли он потом, подобно приготишке, свою руку — историк не говорит, но что обмениваться с ним рукопожатием не было больших охотников — так это верно.

И подделать такую подпись ничего не стоило. Только безрукие не решались на это.

О преемнике Амурата, Баязете, историк говорит просто:

«Баязет начал с удушения своего брата, чем подал пример, которому преемники его следуют до наших дней».

Впрочем, Баязет нашел на себя палку: на него напал Тимур, взял его в плен, и по словам того же историка, «как утверждали одни — обращался с ним великодушно, а по словами других — возил его с собою заключенным в железную клетку».

Мы думаем, что здесь противоречие только кажущееся: просто первая категория историков была настолько неизбалованной, что и железная клетка казалась им верхом великодушия и комфорта.

Все 15-е столетие Оттоманы только и делали, что воевали с кем попало. Мирная жизнь была им несвойственна.

Баязет

Был, впрочем, султан Магомет II (1451–1481), который любил искусство, но любил он его как-то странно: когда итальянский художник Беллини писал картину «Усекновение главы Иоанна Крестителя», то Магомет II собственноручно отрезал голову одному невольнику, чтобы дать возможность художнику видеть конвульсивные сокращения мускулов. Магомет даже не обратил по своей недалекости внимания на то, что в данном случае интересы искусства и невольника резко разошлись...

Кроме искусства Магомет увлекался пинкертоновщиной и сыском, но тоже налагал на это занятие печать своеобразности: приказал однажды распороть животы 14 падам, ради того лишь чтобы узнать, кто из них съел дыню. Очевидно, первые тринадцать оказались пустыми, невинными, и только четырнадцатый понес тяжкую кару за сластолюбие.

Тот же Магомет не нравившихся ему людей приказывал распиливать (?) надвое, будучи справедливо уверен, что эти люди, умножаясь в количестве, теряли в качестве.

Вообще, о таком негодяе автор больше не хочет писать. Необходимо только упомянуть, что это именно он отнял Константинополь у греков и устроил там такую резню, что «янычарам надоело резать не сопротивлявшееся население».

Можно вообразить, что это было, если даже трудолюбивым «янычарам надоело».

* * *

Родственник Магомета II Селим I, был юношей с богатыми задатками: чтобы облегчить себе вступление на престол, он «зарезал пятерых племянников и двух братьев». За это современники называли его Непреклонным.

Очевидно, мало было слов в арсенале современников, если они не могли подобрать словечка, более подходящего...

Селима сменил Солиман, который был столь воинственным, что даже во сне размахивал кулаками, задевая любимую жену.

Дрался он с кем только можно и, истощенный войнами, не мог дожить до нашего времени, что удалось нам — мирным, уравновешенным людям.

После этого Солимана пошли уже повторения, оттиски прежних могущественных оригиналов: Селим II, Амурат III, Амурат IV, Магомет IV, Солиман II — все мелкота, ничем особым не выделявшаяся. Пытались, конечно, тоже вести воинственный образ жизни, но это было уже не то. Как говорит простодушный историк того времени — «у них была кишка тонка».

СЕЛИМЪ II. АМУРАТЪ. АМУРАТЪ IV. МАГОМЕТЪ. СОЛОМОНЪ.

Жили скучно, грязно, ели баранину вместо вилок руками, а руки потом вытирали взамен салфеток об голову,нося, так сказать, с собой на территории между руками и головой весь столовый прибор... Таким образом, со времен Амурата II турецкая рука претерпела эволюцию — от письменного до столового прибора.

Среди этих султанов, как оазис в пустыне, блеснул только один Ахмет III: вступив на престол, он приказал утопить 15000 янычар. Эта реформа доставила ему уважение многих.

Около того же времени в истории обрисовался силуэт одного короля, которого справедливо можно было охарактеризовать словами распространенной поговорки:

— Погиб, как швед под Полтавой.

Ни к кому другому, так как к нему — не была применима эта поговорка.

Этот человек был — Карл XII, разбитый Петром Великим под Полтавой и бежавший в Турцию.

Он имел сильное влияние на султана и заставил его даже объявить войну России, но из этого ничего не вышло. Петр счастливо ускользнул от превосходных турецких войск на берегу Прута.

Дальше — предоставляем слово источнику:

«Карл XII сильно упрекал визиря султана Балтажи Магомета за невзятие в плен Петра. «А кто же стал бы тогда управлять его государством?» — отвечал хладнокровно Балтажи: «не хорошо, если все короли будут жить не у себя дома» (Каллас).

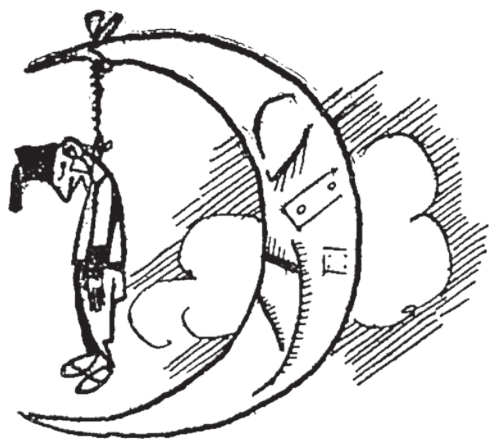
Так как шведский король сам в это время болтался в Турции, вместо того, чтобы сидеть дома — то ядовитая стрела попала в цель.

Историк прибавляет: «Шведский король в бешенстве разорвал своими шпорами кафтан бесстрашного мусульманина».

Мы лично считаем этого мусульманина одним из самых умных османлисов. Вот уж, действительно можно воскликнуть: Балтажи, а какой умный!

«Шведский король в бешенстве разорвал своими шпорами кафтан бесстрашного мусульманина»

Со времени исторической фразы Балтажи началось падение Империи Османов — на нее набросилось столько народу, что от Османов только клочья летели.

Однако, клочья эти были такого размера, что автор настоящего исследования удовольствовался бы половиной любого клочка — как гонораром за свои исторические изыскания: Турция потеряла Белград, Тамашвар (есть и такой), Валахию до реки Алуты, и часть Сербии, Албанию и «кое-что около Персии».

Во внутренней турецкой жизни в эти годы сыграл большую роль какой-то Патрон-Халиль, торговец платьем. Он ни больше не меньше, как сместил султана и посадил на его место другого.

Времена были не нынешние: теперь даже самый большой торговый дом в Вене, одевающий венки и издающий собственный журнал «Венский шик» — если бы подумал сместить Франца-Иосифа и посадить на его место кого-нибудь поумнее — на такой торговый дом все посмотрели бы, как на сумасшедший дом.

А тогда Патрон-Халиль играл большую роль. Хотя весь его магазин был перекинут через левую руку, и все рекламное дело основывалось на устной публикации:

— Халат, халат!

Свергнув старого султана и явившись к новому, Патрон-Халиль сказал:

— Я знаю, что ожидает людей, берущихся низлагать падишахов, но смерти не боюсь, так как счастлив видеть тебя на троне.

Султан ответил:

— Клянусь тебе моими предками, что не посягну на твою жизнь. Напротив, прося у меня чего хочешь. Я награжу тебя.

Патрон-Халиль ограничился просьбой об отмене тяжелых налогов, отягощавших бедный класс.

Умиленный султан сделал даже больше просимого: он приказал заколоть Патрона-Халиля.

Таким образом, принцип «патронов не жалеть» был впервые приведен в жизнь Махмудом I (1731).

Наблюдали ли вы когда-нибудь, читатель, что делается с куском сахара, опущенным в горячий чай? Сначала сахар пустит несколько пузырей — верный признак, что вода проникла во все его скважины. Проникнув, вода начинает откалывать мельчайшие частицы от граней сахарного куска. Отпадает кристалл за кристаллом, середина куска зловеще проваливается и, наконец, весь кусок распадается на мелкие бесформенные кристаллы...

То же самое произошло с Турцией... Лакомый кусочек, опущенный в горячую воду европейских государств, стал таять не по дням, а по часам: нынче отвалился кри-

сталл — Албания, завтра кристалл — Крым, потом Сербия, Молдавия, Валахия — тает, тает турецкий сахар, до сих пор тает...

И до того дошло все это, что теперь осталось только чьей-нибудь энергичной рукой сунуть в горячий чай стальную ложку — да и размешать хорошенько оставшиеся кристаллы.

Когда я пишу эти строки, Россия, вызванная на драку с одряхлевшей, поглупевшей Турцией — уже делает вышеозначенную операцию.

В исходе ее сомневаться невозможно.

Элиас Реньо говорит о Турции сороковых годов:

«Турция представляла собою поле битвы, на котором великие державы вели войну между собою».

Представьте себе, что к некоему человеку пришли гости... Уселись за стол, стали пить-есть, но вот среди еды один из гостей начинает поглядывать на жену хозяина самым недвусмысленным образом.

— Послушайте, не смотрите на нее так, — замечает другой гость.

— Это еще почему?

— Она мне самому нравится.

— Наплевать, что она вам нравится. Вот буду смотреть и буду.

— Попробуй! Если еще раз взглянешь, разобью бутылкой эту лампу.

— Ах, так?! Бац!

— Послушайте, — робко замечает хозяин. — Зачем же вы разбили лампу?

— И разобью! Еще как разобью! Пусть он не заглядывается на твою жену! Я сам на нее хочу заглядываться.

Первый гость вскипает:

— Как, и ты к ней лапы протягиваешь? Так вот же тебе за это: разбиваю стулом буфет и выливаю суп в рояль!!

— Позвольте, господа, — стонет хозяин, бегая за разбушевавшимися гостями. — Зачем же вы обстановку портите?

— Не допущу я, чтобы он рояль супом поливал. Если он так, — так я этим подсвечником продырявливаю картину... Хлоп!

— Ты картины портишь? А я тебе за это на ковер керосин пролью и подожгу!

— Не смеешь! Если ты это сделаешь, граммофон в окно выброшу и вымажу вареньем диван!

— Господа, ради Бога...

Но увлеченные распрей гости уже не слышат стонов и уверений хозяина...

Все трещит, падает, ломается и разбивается... Уставший, охрипший хозяин уже сидит в уголке на поломанных стенных часах и молча наблюдает за состязанием гостей...

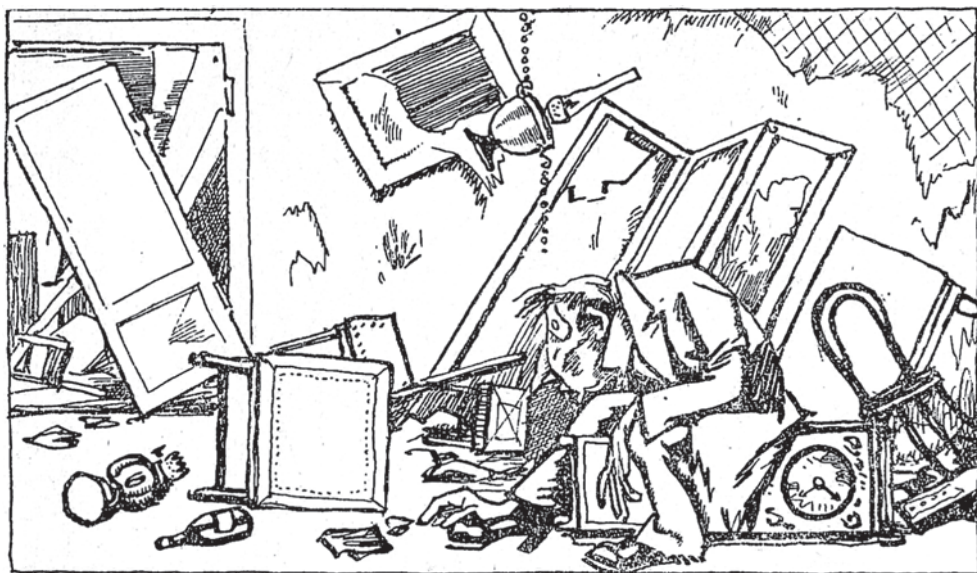
Вот что переживала Турция в эти годы.

Султаном был тогда Абдул-Азис, который ничем особенным не отличался, кроме коварства и жестокости. К концу своей жизни он сделал одно важное для себя открытие: открыл ножницами вены на своей руке.

Это открытие стоило ему жизни.

Ему последовал Мурад V. Царствовал он не долго и кончил тем, с чего многие турецкие султаны начинали — лишился рассудка.

Ему последовал — знаете кто?

Уставший, охрипший хозяин уже сидит в уголке на поломанных стеновых часах...

Абдул-Гамид! ни более, ни менее.

Этот султан мог на свободе подсчитать, что принадлежало Турции и что уже не принадлежит!! Именно — Турция потеряла за истекший век: Грецию, Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Восточную Румелию, Кипр, Боснию и Герцеговину, Тунис, Триполи и часть Закавказья. Египет, Крит.

Собственно говоря, турецким султанам приходилось обращаться с географической картой своей родины, как с процентной бумагой — каждый год отстригать от нее купоны — Сербию, Черногорию, Триполи и т. д.

Преемнику Абдул-Гамида, Магомету, досталась одна голая процентная бумага без купонов... Эта бумага так мала, что он каждый день рискует ее потерять.

Территория и население

Ошибочно думать, что если Турция — Турция, так уж она и должна быть населена турками.

Пример Нидерландов, населенных совершенно посторонним народом — голландцами, должен бы удержать географа от столь поспешного утверждения.

Действительно, Турция населена османами и то изредка.

А слово «турок» употребляется в Османской империи, как ругательное слово, означающее понятие «грязный, невежественный мужик...» (см. И. Голобородько).

Так что, турки часто переругиваются на базарах:

— Ах ты, турок этакий!

— От такого слышу!

Восточные границы Турции соприкасаются с Россией. Если мы у них что-нибудь и отвоюем, то границы все-таки будут соприкасаться. Да послужит это лукавым османам некоторым утешением!

Северная — примыкает к Черногории, Австрии, Сербии и Румынии.

Нельзя сказать, чтобы страны эти были польщены таким соседством.

Западная — проходит по Адриатическому и Ионическому морям, а южная — теряется в бесплодных пустынях Аравии и Африки. Впрочем, и предыдущие границы тоже постепенно теряются.

В этих границах заключены разные народы, связанные общностью жизненных интересов. Общность заключается в том, что одна часть населения режет другую, а другая часть населения протестует.

Турецкие города

Турецкие города строятся крайне своеобразно: каждый строит дом, где хочет. То, что у нас называется улицей, у турок не существует. Дома часто строятся посередине улицы. Конечно, есть узкие переулочки, но они созданы именно условиями постройки — нужно же было по какому-нибудь пути подвозить строительные материалы.

Переулки эти так узки, что два встретившихся осла (четвероногих, а не строители) застревают между стен; поддерживая традиции своего племенного упрямства, разойтись не могут и, большей частью, гибнут. Скелеты их растаскивают собаки впредь до новой ослиной встречи (Элизе Реклю).

Крыши домов напоминают остроты бульварных газет — они плоски, стары и исполняют чуждую им роль — на них сидят по вечерам.

Часто узкие кривые переулки перерезываются кладбищем. Дело в том, что турецкие кладбища не выносятся за черту города, а устраиваются тут же, под боком.

Делается это для того, чтобы не тащить далеко родственника — лень. Да и жарко.

И если турок, потерявши родственника, имеет возможность спустить его из окна комнаты прямо в яму у стены — такой турок считает себя удачником и баловнем судьбы.

Много ли, действительно, турку надо.

Турецкие дома устраиваются кое-как. Назначение дома очень ограничено — насовать туда побольше жен и детей, а самому сидеть в кофейной.

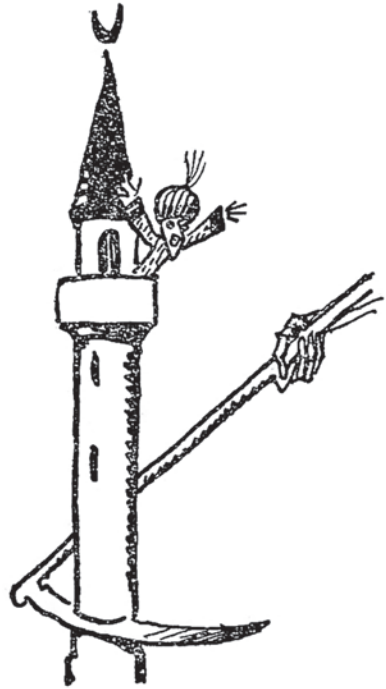
Холостые и бездетные турки домов не имеют — живут в кофейне.

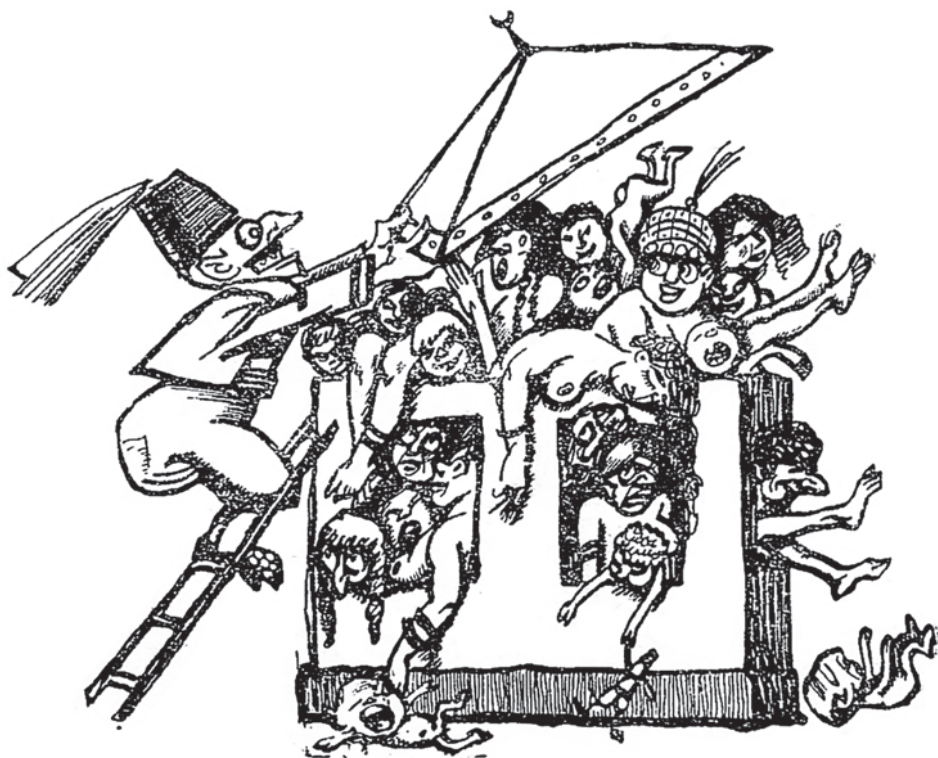
Дома турки не обедают — едят в кофейне.

Они и спали бы в кофейне, но нельзя, нужно идти к женам — так велит шариат (кажется, автор к месту ввернул это турецкое словечко).

Вот картина турецкой улицы:

...Жарко. Узкая каменная улица, посреди которой бьет фонтан. На припеке у фонтана томятся осла, буйволы, верблюды и лениво потягивают из фонтана холодную воду. Тут же под многочисленными копытами копошатся ребятишки — ничего, если кое-кого и раздавит буйволовое копыто — детей много, а поднимать скандал по этому поводу лень.

*Назначение дома очень ограничено — насовать туда побольше жен и детей,
а самому сидеть в кофейной*

Хозяева и погонщики животных забрались в полутемную прохладную кофейню и потягивают черный густой кофе из таких маленьких чашечек, что проглотить ее по рассеянности — не представляет особого вреда для здоровья. Пьют кофе, молчат, затягиваются наргилэ¹.

Молчат.

Турок, вообще, не разговорчив.

Между восемью часами утра и шестью часами вечера, турок способен поддержать только такой разговор:

— Кофеджи! Кофе.

— Да.

Подсаживается сосед. Молчат.

В исходе двенадцатого часа первый замечает:

— Жарко. Э?

Спрошенный турок погружается в глубокую задумчивость. Очевидно, его внутренне взволновал и вызвал массу соображений вопрос соседа.

После долгого молчания, он вздыхает и раздражается речью:

— Да, — говорит он.

¹ Некоторые турковеды полагают, что наргилэ — род корсета, но это не точно. Хотя им и можно затянуться, однако, это не более чем курительный прибор. — Автор.

Солнце жарит во всю. Кофе выпит. Вода, полагающаяся к нему, тоже выпита. Оба поворачивают глаза и сосредоточенно глядят на ослепительно сверкающую горячую улицу.

- Осел прошел, — выдавливают из себя один.
- Да, — после мучительного раздумья соглашается сосед. — Это верно.
- Наверное, Абдулки кривого.
- Его. С подпалиной.
- Стало прохладней.
- Да. Вечер.

Вот осел прошел...

- Уходишь? Храни тебя Аллах.
 - И тебя. Кофеджи! Еще.
 - Ты же хотел уходить?
 - Промочить горло надо; от разговора пересохло.
- А дома, укладываясь на оттоманку, он говорит жене, толстой Фатиме:
- Заговорился с Ибрагимом, не заметил, как и день прошел. Охо-хо.
 - Аллах велик, — замечает Фатима.
 - Еще бы, — соглашается турок.

И засыпает.

Если турок не идет — он сидит. Стоять он не может — лень. Сейчас же садится.

Автору только однажды удалось увидеть не сидящего турка. И то, в этом зрелище не оказалось ничего удивительного, ибо он лежал.

Стремление турок к лени, к лежанию на диванах, отразилось даже на наименованиях европейской мебелировки.

Оттманка — слово турецкое.

Тахта — слово турецкое.

Диван — слово турецкое.

Даже государственный совет так и назван диван.

До того дошло, что «оттоманка» так и происходит даже от наименования нации: оттоманы.

А можно представить себе мебель под названием тевтонка или шведка? Нет. Наоборот, нет ничего быстрее шведок.

Отсюда ясно, что климат оказывает прямое влияние на подвижность народонаселения.

Турецкая лень выражается еще и в другом — в страсти к слугам.

Знаток Турции И. Голобородько говорит: «нигде нет такой специализации домашних обязанностей, как в Турции. Каждому из слуг вверяется определенное дело, от которого он ни на шаг не уклонится в сторону. Кофеджи, на обязанности которого лежит варка кофе, — тот не принесет воды для омовения, а чубукчи, в ведении которого находятся курительные принадлежности, сочтет немыслимым побежать для хозяина за кофе. Да и вообще (заключает Голобородько), стараются прикасаться к работам возможно меньше».

В богатых турецких домах специализация эта доходит до того, что существует палач пойманных блох (ловит их другой слуга), выбрасыватель обгоревших спичек и хранитель ящика, в котором ле-

жит ключ от другого ящика, где ничего не лежит.

Кроме этой своей специальности, перечисленные слуги ничего не делают.

Правда, Голобородько об этом ничего не говорит, но говорю это я, автор настоящих строк — сам хохол, не хуже Голобородьки. И лгать и выдумывать ни он, ни я — мы себе не позволим.

Слуги турку обходятся дешево. Пищей им служит горсть рису с кусочком баранины (горсть — в прямом смысле слова, потому что ложек и вилок нет), а одежда носится десятки лет, ибо при турецком климате и простоте нравов, вся одежда слуги ограничивается висящим в шкафу халатом и туфлями, стоящими в передней.

Что касается хозяев, то они стараются навертеть на себя как можно больше материй: на голову наверхено, на живот наверхено, а шаровары такие широкие, что бедное турецкое семейство может моментально спрятаться в них при виде кредитора.

Подробно описывать одежду турок и турчанок не стоит — всякий курящий читатель мог видеть это на табачных коробках, и, конечно, может просветить на этот счет некурящего.

Турецкий характер

Искусство ничегонеделания турки довели до совершенства...

Попробуйте поймать какого-нибудь европейца, свяжите его веревками, чтобы он не убежал, накормите его, обеспечьте его семью, положите его, связанного, на диван, суньте ему в рот чубук, обложите его подушками и скажите ему:

— Не смей ничего делать!

Так он вас и послушает! Сейчас же мозг его лихорадочно заработает, тысячи новых мыслей, образов и представлений зашевелиятся в голове его.

Начнется сложная, хлопотливая внутренняя жизнь.

А поставьте в эти условия турка — он будет в восторге, он будет думать, что рай Магомета осуществился...

Если вы придете к нему после этого и скажете:

— Сейчас я буду тебе резать горло, — он поднимет на вас ленивые черные глаза и согласится:

— Режь.

Вы думаете, это фатализм? Просто ему лень спорить.

Что касается характера турчанки, то с ним произошла странная история: или его нет (у гаремных женщин) или он настолько напоминает характер европейской суфراجистки (у эмансипированных турчанок), что о нем не стоит и говорить.

Не стоит, так и не стоит.

Честность турок вошла в пословицу.

Жульничество турок, издоимство и всяческие утеснения тоже вошли в пословицу.

Все вошло в пословицу. Тому, кому это покажется странным, отвечу, что это вовсе не должно казаться странным. Дело в том, что турки резко разделяются на две категории: чиновники и вообще начальство — жулики, а простые турки — честный, трудолюбивый, работающий народ.

Если честного турка из народа сделать чиновником — он, после некоторой борьбы с собой, переходит в лагерь жуликов. Но если вы чиновника разжалуете в простые турки — он уже честным турком не сделается. Так в жуликах и застрянет до конца жизни.

Это то, что у многослуживших солдат называется «выправкой».

Военный и в штатском платье будет производить впечатление военного.

Турецкий чиновник и в штатском платье будет ошеломлять окружающих своим жульничеством.

Турецкая торговля очень своеобразна. Она ничуть не напоминает еврейских или армянских купеческих приемов.

Еврейский купец на турецком базаре, увидя проходящего человека, как пуля, вылетает из дверей лавки, обрушивается на прохожего и категорически заявляет:

— Пожалуйста, господин. У нас покупали.

Простодушный иностранец впадает в глубокое изумление:

— Я? У вас? Покупал? Да я только нынче утром впервые приехал в этот город из Бейрута.

— Пожалуйста, господин. Своему покупателю уступим!

— Ей-богу, уверяю вас — тут какое-нибудь недоразумение... Вы, вероятно, ошиблись, благодаря случайному сходству... Я никогда ничего у вас не покупал.

— Ну, так зайдите в лавку; что, вам трудно, что ли?

— Зачем же... Покупок я делать не собираюсь.

— Так что вы — посмотреть товар, больной будете? Эти ковры, скажете, плохие? Ну вот, я вам говорю: этот ковер мы продаем по 60 пиастров, а вам я отдам за 35. А сами мы платим фабрике 40.

— Боже! но ведь это значит, вы продасте в явный убыток!

— Так что? Для такого хорошего покупателя можно взять и убыток!..

— Действительно, — думает доверчивый иностранец, — может быть, во мне есть и что-нибудь обаятельное, влекущее к себе людей. Недаром же этот добрый торго-

вещь, движимый чувствами непобедимой симпатии, готов идти на все жертвы, вплоть до убытка.

Покупатель бросает быстрый взгляд на близь висящее зеркало и, уверившись в своих себялюбивых предложениях, покупает дряной реденький ковер, оплачивая тем самым продавцу за исключительно симпатичное отношение.

Если же вы зайдете в лавку к турку (сами зайдете — никто вас не потащит), турок медленно поднимется со своего места, молча выслушает вас и неторопливо развернет спрашиваемую вещь.

Стоит, ждет, равнодушно поглядывая на пыльное, тусклое окно.

— Сколько?

— 28.

— Ну, что вы! И двадцати будет предовольно.

— Нельзя, 28.

— Ну, хоть 23. Неужели, не можете уступить?!

Дремлющий взгляд, устремленный на одну из деревянных полок.

— Нельзя.

— Ну, тогда я уйду.

В обычной торговле есть такой психологический момент, когда покупатель, не согласившись с ценой продавца, делает вид, что уходит, а продавец делает вид, что отпускает покупателя, но оба из-под опущенных век зорко следят друг за другом — не поколеблется ли, не дрогнет ли та или другая сторона.

Покупатель, скажем, уже взялся за ручку выходной двери, а продавец делает вид, что прячет несходную по цене вещь. И вот, если покупатель скажет, будто бы уходя: «неужели не уступите? Ей-богу, дорого» — значит, он уже сдастся, уже слабеет, и продавец тогда сразу забирает силу над ним.

Если же скажет продавец: «Взяли бы. Уверяю вас, дешевле не найдете»... — значит, его дело проиграно; покупатель может брать его голыми руками.

С турком эта психологическая сцена никогда не удается.

— Не уступите? — угрожающе скажет покупатель. — Хорошо же! Тогда я ухожу.

Турок поглядит на чудака равнодушно, как на скамеечку для ног, и отойдет в свой угол.

Тщетно будет покупатель топтаться у дверей, будто нашаривая запропастившуюся куда-то дверную ручку, а втайне ожидая, не вернет ли его хозяин?

Нет. Не вернет.

И просидит так дремлющий спокойный турок до заката солнца, т. е. до того времени, когда нужно закрывать лавку.

Кстати, солнце играет в турецкой жизни огромную роль. По солнцу едят, молятся, распределяют все свои занятия, женятся и умирают.

Часов из металла нет; турецкие часы для всех одинаковы и находятся так высоко, что ни заложить, ни вытянуть их из кармана у ближнего никак нельзя.

А если солнце (что чрезвычайно редко) заходит за тучку, то все часы, таким образом, разом останавливаются и никто, кроме Господа Бога, не может снова пустить их в ход.

В Турции до сих пор принято лунное летоисчисление. Год состоит из 12 оборотов луны, т. е. из 354 или 355 дней.

Куда турки девают каждый год 11 дней — неизвестно. Вероятно, ничего в эти дни не делают. Переселяют их в кофейне. Но так как и все остальные дни торчат в кофейне, то эта неразбериха должна тяжело отражаться на турецком самочувствии.

Для тех легкомысленных и суетных читателей настоящего исследования, — читателей, которые не прочь щегольнуть в малознакомом обществе знанием иностранных языков и обычаев, — сообщаем, что турецкие месяцы носят такие названия: Мухарем, Сафар, Робигуль-Овааль I, Робигуль-Овааль II, Джумада I, Джумада II, Роджаб, Шагбан, Рамазан, Шавваль, Зуль-каде, Зюльхидже... Ф-фу!..

Навести разговор на этот сюжет нужно осторожно. Спросишь, например:

— Какой у нас теперь месяц?

— Январь.

— Как странно. А у турок совсем иначе называется...

— А как? — вежливо спросят окружающие.

— Ну, как же: Мухарем!

— Что вы говорите?!

— Уж будьте покойны. Потом есть Сафар, Джумада, Зюльхидже...

Будьте уверены, что, возвращаясь из гостей домой, матери будут говорить своим дочкам:

— Какой умный человек Сергей Сергеевич — все месяцы по-турецки знает.

А дочка согласится:

— Да. В нем есть что-то экзотическое.

Так достигается успех в обществе.

Если уж я начал говорить о турецких странностях, то от месяцев можно перейти к фамилиям.

У турок фамилий не существует. Например, называют человека так: Магомет ага Таифский, т. е. Магомет, землевладелец из Таифы (см. Голобородько).

От этого никому не легче.

У нас бы такая система создала тысячу затруднений.

Например: имеем мы столичного клубного арапа Ваничку Лапа-Чумацкого.

Так весь Петроград его и знает: «а! Ваничка Лапа-Чумацкий!».

А попробуйте переделать его на турецкий лад:

— «Иван, арап из Петрограда».

Ни одна душа по этой кличке не разыщет его, чтобы пригласить на ужин или просто намять бока за нечистую игру и распущенную сплетню о вашей жене.

Да и у турок, я думаю, эта путаница в именах создает тысячу недоразумений.

Приходит турок в военное министерство повидать своего брата, служащего в министерстве канцелярским писцом. Обращается к швейцару:

— Скажи, где я могу найти Абдула?

— Какого Абдула?

— А брата моего.

— Мало ли у нас Абдулов. На нем не написано, что он твой брат.

— Да он тут служит, в этом же министерстве — писцом.

— У нас четыреста писцов.

— Ну... он же... Абдул.

- Восемьдесят Абдулов у нас!
- Такой черненький, маленький.
- Двадцать три из них черненьких, маленьких.
- Одет в синюю куртку!!
- Четырнадцать человек одеты в синие куртки.

Больше у брата никаких отличительных признаков не находится.

Обессиленный брат дает швейцару бакшиш и просит вызвать всех четырнадцать человек — для выбора.

От этого в делах происходит задержка, а у автора является мысль: не потому ли Турция так отстала от семьи других народов?

Турки гостеприимны.

В турецком доме никогда не услышишь «европейского» шепота в задних комнатах:

— Опять этот ничтожный слизняк притаился в гости?! Когда его, наконец, приберет могила, обжору разнесчастного!..

Турки всегда искренно рады гостю.

А албанцы даже говорят так: «Если бы ко мне в хижину явился заклятый враг, держа в руках голову моего сына, я и тогда должен был бы дать ему приют и позаботиться о его удобстве» (И. И. Г., стр. 22).

Не знаю, как читатели, а пишущий эти строки, доведись ему принять такого гостя, едва ли выдержал бы роль любезного хозяина.

В тюрьму бы автор отправил такого негодяя, а уж не позволил бы ему у себя в гостиной вести светский разговор, перебрасывая их руки в руку голову малышки...

Положим, албанцы, вообще, достаточно начудили за последнее время.

Развлечения турков

Если не считать резни армян — турецкая жизнь бедна развлечениями. У турка есть три сорта клубов: кофейня, цирюльня и баня.

В кофейне, кроме систематического упорного питья кофе, есть еще одна приманка: рассказчики.

Где-нибудь в американских прериях прямолинейные решительные вакеро и ковбои давно бы уже повесили такого рассказчика в наказание за мучительное медленное выматывание жил из слушателя...

А турки неприхотливы. Молча сносят это. Да еще и деньги дают...

Мне перевели однажды такой турецкий рассказ. Вот это что:

«Однажды в Смирне жил богатый кожевенный мастер Керим, и у него была жена Зафара, что значит, взятая от солнца. И пришел к Кериму злой дух и говорит: «Керим, Керим, отдай мне твою жену», а Керим говорит: «не отдам». А тогда злой дух говорит: «ну, я тебя превращу в осла». Действительно, превратил, а жену забрал себе. Жена вскорости исчезла, а Керим так и остался ослом. Все».

Слушатели, которые тоже недалеко ушли от Керима, довольны рассказом и осыпают рассказчика деньгами.

Цирюльня славится, главным образом, как место, в котором концентрируются сплетни. Бедны они и незатейливы... Нет в них европейского блеска и фантазии.

— Слышал, — говорит Ахмет Мамету, — Джавидка себе еще жену берет.

— Собака этот Джавидка, — мямлит Мамет. — А ты слышал, что Солеймана поймали у каймакама в то время, как он лошадь хотел украсть.

— Наверное, достанется ему за это.

— Достанется.

— А на базаре, говорят, нынче одному персюку голову отрезали.

— Персюку?

— Да.

— Угу... мм...

Дремлют, ожидая очереди.

Вот и все сплетни.

О турках поэт сказал так:

Создал сплетню, подобную стону,

И навеки духовно почил...

(Коран, XI, 3–7, 22).

Семейные торжества

Главные семейные торжества — свадьба и рождение.

Не в пример европейским обычаям, турки тщательно сохраняют строгую последовательность этих двух событий: 1) свадьба; 2) рождение.

Таким образом, причина никогда не плетется в хвосте следствия.

Европейцы же часто считают свадьбу печальным следствием и прибегают к нему уже тогда, когда причина довольно твердо выговаривает «папа» и «мама».

По турецкому обычаю муж до свадьбы не видит своей жены.

И опять происходит обратное европейским обычаям: европейскому мужу это выпадает после свадьбы...

Обряд венчания — гражданский, даже в том случае, если муж — военный.

Мужа просто спрашивают:

— Согласен ли он взять в жену такую-то?

Муж отнюдь не должен отвечать:

— Глупый вопрос! А зачем же я здесь?

Он кротко говорит трижды:

— Согласен, согласен, согласен!

— Ладно, — думает мулла, — тебе же хуже, — и тут же обращается к невесте:

— Согласна?

— Согласна, согласна, согласна.

Этот обряд называют по-турецки: «сварганить свадьбу».

После обряда невеста отправляется в гаремлык, а жених в селямлык, где с друзьями и напивается, хотя Пророк и запрещает пить вино.

Во время пира гости салютуют стрельбой из ружей и револьверов в воздух, хотя иногда дело ограничивается не одним воздухом.

А около невесты в это время толкотня, давка. Все женщины квартала и даже просто прохожие, набившись в комнату, осматривают и ощупывают невесту так, будто от этого зависит их жизнь.

Вечером, когда новобрачный отправляется к жене, по дороге его встречают друзья и «колотят его старой подошвой, плетками и кулаками, чтобы (по свидетельству того же всезнающего Голобородько) предохранить от дурного глаза и выбить из него тоску».

И в третий раз, турецкий обычай поколачивания мужа друзьями резко расходится с европейским обычаем, по которому это совершается наоборот и не до брака, а после...

Все у этих турок, как говорится, шиворот наыворот...

Итак — за браком в турецком семействе

последовательно идет рождение.

Снова комнаты набиваются соседками, которые радуются, сами не зная чему...

Новорожденный лежит под шелковым пологом, на шею ему вешается амулет со священными изречениями и кусочками чесноку (?!). В некоторых провинциях Турции новорожденного посыпают солью и обмазывают маслом.

Приготавливают младенца таким образом отнюдь не для еды, а скорее из соображений чисто религиозных.

У нас в России тоже существует старинный обычай обмазывания горчицей расторопных официантов, но обычай этот имеет, вероятно, другое происхождение, чуждое всякой религиозности.

К приготовленному впрок турецкому ребенку начинают подходить все соседки и знакомые, выражая ему всякие пожелания, и тут же, во избежание дурного глаза, сплевывают в сторону. Отец ребенка в этой стороне обычно избегает стоять.

После обряда плеванья появляются именитые гости, которых хозяин встречает кланяясь и касаясь, по обычаю, правой рукой сердца, губ и лба.

Значение этих жестов, вероятно, такое: сначала хозяин проверяет, на месте ли бумажник, потом, касаясь губ, намекает, чтобы гость не болтал, чего не надо, а прикосновением ко лбу выражает мнение, что в голове посетителя не все кажется ему, хозяину, в порядке.

Однако, гость не обижается — ибо обычай есть обычай.

Примечательно то, что на Востоке празднуется только рождение мальчика. Девочку и за человека не считают. О числе детей женского пола не принято осведомляться. Если турок говорит, что у него трое детей, это значит — три сына, хотя бы они были дураки самые непроходимые.

Не потому ли турецкие девушки делают слабые попытки скрыть свой пол, закрывая лицо фатой?

Смерть

Ввиду того, что турку обещаны в раю семьдесят семь гурий и битье баклуш всю райскую жизнь — он смерти не боится.

И родные его относятся к этому событию с завидным равнодушием.

— Смотри, Наира, — говорит старая тетка хозяйки дома. — Никак твой муж умер.

— Да, да, с чего это ему вздумалось?

Легкое удивление. Потом покойника кладут головой к Мекке, обмывают и в тот же день хоронят.

Пророк, имея в виду жаркий климат, советует совершать погребение в тот же день, а так как турку нужно все разжевать и в рот положить, то этой скоропалительности существует остроумное объяснение:

— «Если покойник принадлежит к избранным, то его следует возможно скорее доставить по назначению, если же к отверженным, спешите от него избавиться».

Ставив покойника на кладбище и засыпав его землей, все окружают имама, который должен спросить по обычаю:

— «Скажите, какова была жизнь этого человека?!»

В этом случае не принято искренно выражать свое мнение:

— Проходимец был ваш покойник и каналья первой степени!..

Или:

— Удивляюсь, как его не повесили за кражи и поджоги.

Эти ответы недопустимы. Нужно отвечать так:

— «Покойник был добродетелен».

Автор надеется, что если бы его хоронили в Турции, то на стереотипный вопрос имама — последняя формула ответа была бы дана окружающими с полной искренностью.

Турецкая женщина

Удивительная вещь: европеец может изучать Турцию, проникать во все места совершенно свободно, кроме одного места — гарема. И о Турции, однако, европеец ничего не знает, ничего ему неизвестно — кроме гарема.

О турецком гареме любой встреченный вами европеец может рассказать целые тома.

Он все знает — и устройство гарема, и его быт, обычаи, национальность контингента, занятие жен и их времяпрепровождение.

Откуда это? Почему любому европейцу (держу пари, что и всякому из моих читателей) гарем известен не менее, чем турку? Ведь гарем — единственное место, которое турки облекли страшной таинственностью и тысячью запретов.

Неужели, запретный плод так сладок?

Поэтому, о положении турецкой женщины и о ее жизни в гареме распространяться не стоит.

Скажу только несколько слов о евнухах.

Евнухами называется особое племя, разбросанное по всей Турции. Чистота нравов представителей этого племени такова, что турки без всякой боязни доверяют евнухам охрану своих жен. Не было еще случая, чтобы истинный представитель этого племени обманул доверие мужа! И все

это несмотря даже на то, что своих собственных жен евнухи по закону племени не могут иметь.

Происхождение их загадочно и делается еще загадочнее, если обратить внимание на следующее обстоятельство: хотя евнухи не имеют жен, а следовательно и детей, — тем не менее, племя это не вымирает.

Восток хранит много тайн и очень немногие из них — разгаданы.

Кроме евнухов, достойно пристального внимания читателя то, как в Турции происходит развод. Если бы автор не пользовался солидным источником — его могли бы упрекнуть в измышлении и мистификациях.

Знаете, что достаточно для турецкого развода?

Достаточно мужу сказать «жена, уйди от меня», или «я смотрю на тебя, как на спину моей сестры» — чтобы существенная часть развода была закончена.

Пусть-ка попробует европейский муж с помощью такой формулы развязаться со своей женой!..

Жена его выслушает: скажет: «дурак ты, братец» — чем вся попытка к разводу и кончится.

Народное образование

— Какое там в Турции, — проворчит читатель, — народное образование. Самая дикая, неграмотная страна!..

Читатель! В Турции уже около сорока лет существует всеобщее и обязательное начальное обучение.

То есть в Турции уже давно осуществлено то, о чем в России только говорят.

И если, все-таки, турки очень косны и отсталы, то это вина их программы и преподавания в школах.

А мы русские — умные — и там, где нам не мешают, превосходно сами обучаемся и обучаем других.

Чтобы, вообще, не расстраиваться, — закончим на этом напрашивающиеся параллели и сравнения.

Да здравствует грядущая Россия!..

Науки и искусства

О турецкой науке серьезно говорить не приходится.

Разве что изредка турецкий родитель высечет своего сына, и скажет при этом:

— Впредь тебе наука!

На такой науке далеко не уедешь, юношей она досыта не напичкает и отраду старцам не подаст.

Что касается искусства, то к скульптуре и живописи турки относятся так: «кто изобразит человека, то того вечно будет преследовать и мучить это изображение, требуя дать ему душу».

С такими принципами в искусство далеко не шагнешь... Кому, действительно, охота намалевать человека, который потом отравит художнику всю жизнь, требуя для себя души, хотя мог бы спокойно удовлетвориться простым сосновым подрамником.

Поэтому в живописи на стенах дворцов можно видеть картину, изображающую лодку на воде с веслами, поднятыми вверх, но без людей... В крайнем случае художник нарисует лодочника, но безголового, вводя таким образом зрителя в сомнение — не автопортрет ли это?

Поэтому, судить о турецком искусстве по таким образцам все равно, как по поступкам компании мальчишек, играющих на одном дворе в войну, — изучать военную тактику и стратегию.

Турецкое сельское хозяйство

Турки возделывают кофе и табак.

Турецкая торговля

Турки торгуют кофеем и табаком.

Главное занятие турок

Турки пьют кофе и курят табак.

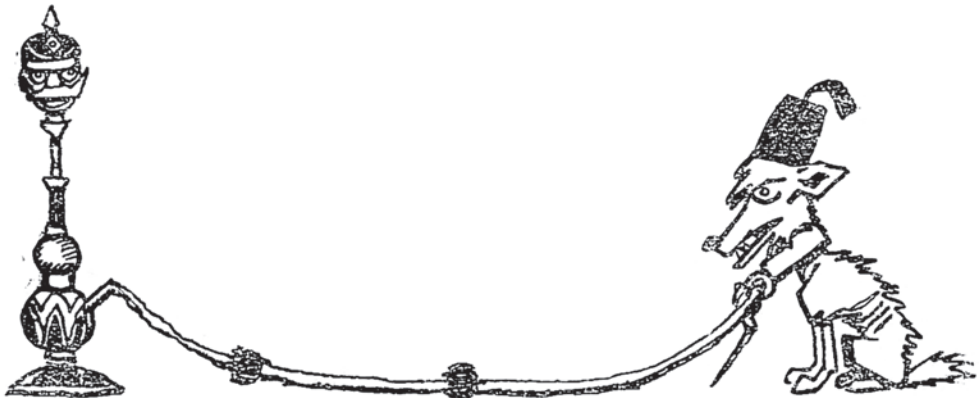
Заключение

Автор надеется, что благодаря его исследованию — Турция стоит перед глазами читателя, как живая.

Незаметно, в легкой общедоступной форме, автор дал читателю множество ценных, малоизвестных данных, и расширил кругозор читателя настолько, что вывеска с изображением турка или картинка из турецкой жизни на табачной коробке — уже не будут волновать читателя своей загадочностью и экзотичностью.

Читатель должен быть благодарен автору за его самоотверженный труд, и если читателю придется хоронить автора, пусть он с чистым сердцем ответит на стереотипный вопрос имама:

— Покойник был добродетелен и знал толк в турецкой жизни...

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

I. ВВЕДЕНИЕ.....	6
В ЕВРОПУ.....	24
БЕРЛИН.....	27
ДРЕЗДЕН.....	33
НЮРНБЕРГ.....	40
МЮНХЕН.....	52
ШТЕЙНАХ.....	54
В ШВЕЙЦАРИЮ.....	57
ИЗВОЗЧИК.....	61
МОЯ ХОЗЯЙКА.....	65
ЗАБЫТЫЕ ЛЮДИ.....	70
В РЕСТОРАНЕ.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	77
ГЕРМАНИЯ ВООБЩЕ.....	78
ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ.....	83
ТИРОЛЬ.....	86
ВЕНЕЦИЯ.....	95
ФЛОРЕНЦИЯ.....	108
НЕАПОЛЬ.....	124
НА ПАРОХОДЕ ИЗ НЕАПОЛЯ В ГЕНУЮ.....	145
ГЕНУЯ.....	151
СТРАШНЫЙ ПУТЬ.....	153
НИЦЦА.....	155
ПАРИЖ.....	156

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ, ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМ»

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.....	170
Предисловие (Тэфи)	170
ВОСТОК.....	172
Египет.....	172
Вавилон	173
Ассирия	173
Персы	174
ГРЕЦИЯ	180
Спарта.....	180
Воспитание детей	181
Упадок Спарты	182
Афины.....	183
Солон	183
Пизистрат и Клисфен	184
Остальная Греция.....	184
Колонии.....	185
Поликрат и рыбы штуки	185
Безумец Герострат.....	186
Борьба с персами. Мильтиад при Марафоне.....	186
Леонид при Фермопилах.....	187
Саламин.....	187
Времена гегемонии.....	187
Перикл.....	188
Алкивиад	188
Сократ	189
Македония	189
РИМ	190
Географический образ Италии.....	190
Начало Рима.....	190
Общественные учреждения	190
Братья Тарквиньевы и К ⁰	191
Римские гуси и беглецы	192
Царь Пирр	192
Пунические войны.....	192

Перемена нравов и Катон	193
Марий и Сулла	193
Лукулл и Цицерон	193
Юлий Цезарь и первый триумvirат	193
Диктатура и смерть Цезаря	194
Октавий и второй триумvirат	195
Август	195
Римский быт и культура	197
Классы населения	197
Сенат	198
Консулы	198
Преторы	198
Военное искусство	198
Учреждения религиозные	198
Философские школы	199
Домашний быт и положение женщины	199
Воспитание	200
Литература	200
Наука права	201
Образы устных вопросов и письменных задач для повторения Древней истории	202
СРЕДНИЕ ВЕКА	203
Введение	203
Переселение народов и падение Римской империи	204
Государства, основанные германцами	207
Византия и арабы	209
Времена Каролингов	211
Борьба императоров с папами. Гвельфы и гибеллины	214
Государства, основанные славянами	219
Крестовые походы	220
Франция и Англия во второй половине средних веков	223
Германия во времена Габсбургов и Люксембургов	228
Италия и Испания. Падение Византии	231
НОВАЯ ИСТОРИЯ	235
Введение	235
Эпоха изобретений, открытий и завоеваний	235
1. Книгопечатание и бумага	235
2. Магнитная стрелка	237

3. Порох	238
4. Открытие Америки	238
5. Завоевание Мексики и Перу	241
6. Торговля неграми	241
Раздоры и драки из-за Италии и проч.	242
Религиозная путаница в Германии	243
Личность Мартина Лютера	245
Иезуитский орден	246
Франция и гугеноты	247
Варфоломеевская ночь	249
Генрих Наваррский	250
Кардиналы	251
Тюдоры, Стюарты и К ⁰	251
Великие люди	253
Дания, Швеция и Норвегия	253
Польша	254
Речь Посполита ищет трезвого, хорошего поведения короля. Без аттестата от последнего места не являться	254
Тридцатилетняя война (1618–1648)	254
Результаты	256
Людовики XIV и XV во Франции	256
Первые банкиры	257
Северо-Американские штаты	258
Германские правители XVIII века	259
Семилетняя война (1756–1763)	259
Результаты Семилетней войны	260
Великая французская революция	260
Король Людовик XVI	260
Террор	262
Наполеон Бонапарте	262
Рецепт успеха	262
Наполеон — император	265
Конец Наполеона	267
Заключение	268
РУССКАЯ ИСТОРИЯ	269
НАЧАЛО РУСИ	269
I Славяне	269
II Происхождение русского государства	270

III Призвание варягов.....	271
IV Олег.....	272
V Игорь.....	273
VI Ольга.....	274
VII Святослав.....	274
VIII Владимир Красное Солнышко.....	275
IX Ярослав Мудрый.....	276
X Владимир Мономах.....	276
XI И прочие.....	278
XII Вече.....	279
МОНГОЛЬСКОЕ ИГО.....	280
I.....	280
II Битва при реке Калке.....	282
III Нашествие Батые.....	283
IV Золотая Орда.....	284
V Дань.....	286
VI Александр.....	286
МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.....	287
I.....	287
II Куликовская битва.....	287
III Свержение ига.....	288
ИОАНН ГРОЗНЫЙ.....	289
I.....	289
II Воспитание Иоанна.....	290
III Совершеннолетие.....	290
IV Забавы Иоанна Грозного.....	291
V После пожара.....	292
VI Взятие Казани.....	293
VII Казни.....	293
VIII Покорение Сибири.....	294
IX Смерть Грозного.....	295
СМУТНОЕ ВРЕМЯ.....	296
I Борис Годунов.....	296
II Лжедмитрий I.....	297
III Лжедмитрий II.....	299
IV Междоусобие.....	299
V Минин и Пожарский.....	300
VI Иван Сусанин.....	301

МАЛОРОССИЯ	301
I Казаки	301
II Богдан Хмельницкий	302
РУСЬ-ИМПЕРИЯ	303
I Петр Великий	303
II Воспитание Петра	304
III Стрельцы и потешные	304
IV Первая победа Петра	305
V Петр-мореплаватель	306
VI Война со шведами	307
VII Полтавская битва	308
VIII Окно в Европу	309
IX Петр-редактор	309
X Науки и искусства	310
XI Сотрудники Петра	311
XII Царь-плотник	312
ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА	312
I	312
II Екатерина Великая	313
III Первые законодатели	314
IV Губернии и сословия	315
V Войны с турками	316
VI Сподвижники Екатерины	316
VII Наука, искусство и литература	317
Павел I	317
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	318
I Нашествие Наполеона	318
II Бородино	318
III Пожар Москвы	319
IV Бегство французов	320
V Россия — великая держава	320
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ	321
I	321
II Внутренняя политика	322
III Внешняя политика	324
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ	326
I Детство Николая II	326

II Отроческие годы	327
III Возмужалость	328
IV Первые шаги	329
V Война с Японией	330
VI Война	330
VII Николай конституционный	331
VIII Григорий Распутин	333
IX Великая война	335
X Без царя	336

ОСИНОВЫЙ КОЛ НА МОГИЛУ ЗЕЛЕННОГО ЗМИЯ

Осиновый кол. Аркадий Аверченко	338
I. Плач на могиле	338
II. Барельеф на могиле	343
Аркадий Бухов	350
Предисловие	350
Всемирная история пьянства. Доисторическое время	350
Всемирная история пьянства. Древний мир	353
Всемирная история пьянства. Средневековье	357
Всемирная история пьянства. Московское княжество	361
Всемирная история пьянства. Новая история	363
Всемирная история пьянства. Недавнее время	365
Всемирная история пьянства. Эпоха запрещения	367
Заключение	370
 Алкоголизм и медицина. Тракта́т Иси́дора Гу́ревича	 371
От автора	371
Мозг и влияние на него алкоголя	371
Нервная система и влияние на нее алкоголя	373
Сердце и желудок	373
Влияние алкоголя на язык	374
Влияние алкоголя на глаза	374
Влияние алкоголя на уши	375
Влияние алкоголя на нос	375
Влияние алкоголя на рот	375
Влияние алкоголя на оконечности	375
Влияние алкоголя на остальные органы	376

Виды пьянства	376
Потомство пьяниц	376
Статистика	377
Трезвая Россия. Исидор Гуревич (Прогноз будущего)	378
Деревня	378
Город	379
Мысли и воспоминания. Тэффи	382

ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ. С КЕМ МЫ ВОЮЕМ

Германия (Введение к познанию оной)	388
Обзор географический	394
Устройство поверхности	394
Климат	394
Реки и каналы	395
Народонаселение	395
Промышленность	397
Свиньи	399
Леса	399
Вода	399
Земля	400
Университеты	400
Профессора	401
Студенты	403
Туристы	404
Кайзер	406
Австрия	408
Население Австрии	410
Армия	410
Австрийская дипломатия	412
Искусство и литература	412
Человек, который плакал	413
Землетрясение	414
Нелюбимые	414
История Австрии	414

Венгрия	416
I. Вступление	416
II. Географический обзор Венгрии	417
III. Быт и характер венгров	419
IV. Промышленность и торговля	420
V. Начало венгерского королевства	422
VI. Венгерская конституция	425
VII. Конец венгерской монархии	426
VIII. Образование	428
IX. Народное творчество	429
X. Сказки	432
1. Справедливость судьбы	433
2. Добрый Яков	434
XI. Литература и искусство	435
XII. Театр	436
XIII. Климат	437
 Турция	 438
Введение	438
Происхождение турок	441
Турецкая история	442
Территория и население	448
Турецкие города	449
Турецкий характер	452
Развлечения турков	456
Семейные торжества	457
Смерть	458
Турецкая женщина	459
Народное образование	460
Науки и искусства	460
Турецкое сельское хозяйство	461
Турецкая торговля	461
Главное занятие турок	461
Заключение	461

Соавторы и друзья Аверченко в «Сатириконе»

Ашкинази В. А. (В. Азов) (1873–1941), журналист, фельетонист, переводчик; изучал историю и право в Париже, Берне, Цюрихе. С 1910 г. постоянно сотрудничал с «Сатириконом». В 1926 г. эмигрировал во Францию.

Бухов А. С. (1889–1937), писатель, сатирик, пародист и фельетонист; стал известен благодаря сотрудничеству с «Сатириконом»; был расстрелян за «шпионскую деятельность» и в 1956 г. реабилитирован.

Гуревич И. Я. (1882–1931), писатель, журналист, драматург; учился на историко-филологическом и юридическом факультетах Санкт-Петербургского университета, стал автором многих пьес.

Ландау Г. А. (1883–1974), драматург, переводчик и писатель, в штате журнала «Сатирикон» с 1911 г.; с 1913 — секретарь редакции и автор журнала «Новый Сатирикон».

Лохвицкая Н. А. (Тэффи) (1872–1952), писательница, поэтесса и переводчица, постоянно сотрудничала в «Сатириконом»; после эмиграции жила в Париже, где и была похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Ошер И. Л. (О. Л. Д'Ор) (1878–1942), писатель, сатирик, пародист и фельетонист; умер во время блокады Ленинграда.

Перельман И. И. (Осип Дымов) (1878–1959), писатель и драматург; его пьесы ставил В. Э. Мейерхольд. С 1913 г. жил в Европе, в середине 1930-х гг. уехал в США.

Радаков А. А. (1877–1942), художник-карикатурист, талантливый плакатист, иллюстратор. Окончил училище Штигица в Санкт-Петербурге; один из основных сотрудников «Сатирикона».

Радлов Н. Э. (1889–1942), помимо учебы в университете учился в Академии художеств. В 1913 г. стал сотрудником журнала «Новый Сатирикон». Преподавал в Академии, много иллюстрировал, в том числе ставшие очень популярными «Рассказы в картинках».

Ремизов Н. В. (Ре-Ми) (1887–1975), живописец и график, художник театра; учился в Академии Художеств, ведущий карикатурист «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Эмигрировал в 1917 г., с 1922 жил в США, став художником-постановщиком в Голливуде.

Рославлев А. С. (1883–1920), поэт, прозаик, журналист, с 1905 г. жил в СПб, сотрудничая в сатирическими и юмористическими журналами, основал в Новороссийске Театр политической сатиры, скончался от тифа.

Яковлев А. Е. (1887–1938), талантливый живописец и график; в 1919 г. приехал в Париж. В 1926 г. за свои работы стал кавалером ордена Почетного легиона.

А. Аверченко • В. Азов • А. Бухов
И. Гуревич • Г. Ландау • И. Оршер
А. Рославлев • ТЭФФИ

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Верстка, обработка иллюстраций, обложка

А. Яскевич

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона №436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую, художественную
и культурную ценность для общества

Сдано в печать 30.12.2021

Объем 29,5 печ. листа

Тираж 3100 экз.

Заказ № 7551/21

Бумага кремовая книжная дизайнерская
Stora Enso Lux Cream

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

Многие рассказы и очерки Аркадий Тимофеевич Аверченко создавал совместно с сотрудниками журнала «Сатирикон» и другими ведущими отечественными юмористами начала XX века. Это была блестящая плеяда прекрасно образованных талантливых людей. Судьба их складывалась по-разному.

Среди них была знаменитая Тэффи. Под таким псевдонимом печатала свои сатирические рассказы и фельетоны писательница Н. А. Лохвицкая. Ее постоянным читателем был Николай II. До эмиграции Тэффи регулярно сотрудничала с «Сатириконом». После революции она жила в Париже, где и была похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Аверченко сотрудничал также с писателем и драматургом И. И. Перельманом, который читающей публике был известен как Осип Дымов. Его пьесы ставил Мейерхольд. Писатель часто жил в Европе и в середине 1930-х гг. уехал в США. Писатель, сатирик, пародист и фельетонист А. С. Бухов стал известен в России именно благодаря сотрудничеству с «Сатириконом» и лично с Аверченко. Во время «большого террора» был расстрелян за «шпионскую деятельность» и в 1956 г. реабилитирован.

Журналист, фельетонист и переводчик В. Азов (псевдоним В. А. Ашкинази) также постоянно сотрудничал с «Сатириконом». В 1926 г. он эмигрировал во Францию, где скончался во время фашистской оккупации. Сотрудником «Сатирикона» был поэт, прозаик и журналист А. С. Рославлев. После революции он основал в Новороссийске Театр политической сатиры, но в 1920 г. скончался от тифа. Другой сатириконец И. А. Ошер (известный как О. Л. Д'Ор) был писателем и сатириком, пародистом и фельетонистом. Он умер во время блокады Ленинграда.

В сотрудничестве с этими и некоторыми другими талантливыми литераторами Аверченко написал целый ряд рассказов и очерков, вошедших в данную книгу. Издание включает в том числе такие знаменитые сборники как «Экспедиция в Западную Европу» и «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“».

Иллюстрируют книгу работы сотрудников журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Главным «заводилой» создававшим неповторимый сатириконский стиль в иллюстрациях был талантливый плакатист Алексей Александрович Радаков. Он окончил училище Штигица и преподавал рисунок в Академии художеств. В советское время он сотрудничал с журналом «Крокодил». Другим блестящим карикатуристом среди сатириконцев был Николай Владимирович Ремизов, известный как Ре-Ми. Он учился в Академии Художеств, сотрудничал и с «Сатириконом», и с «Новым Сатириконом». В отличие от Радакова после революции он стал эмигрантом, и с 1922 г. жил в США, где был художником-постановщиком в Голливуде.

ISBN 978-5-9603-0662-1

